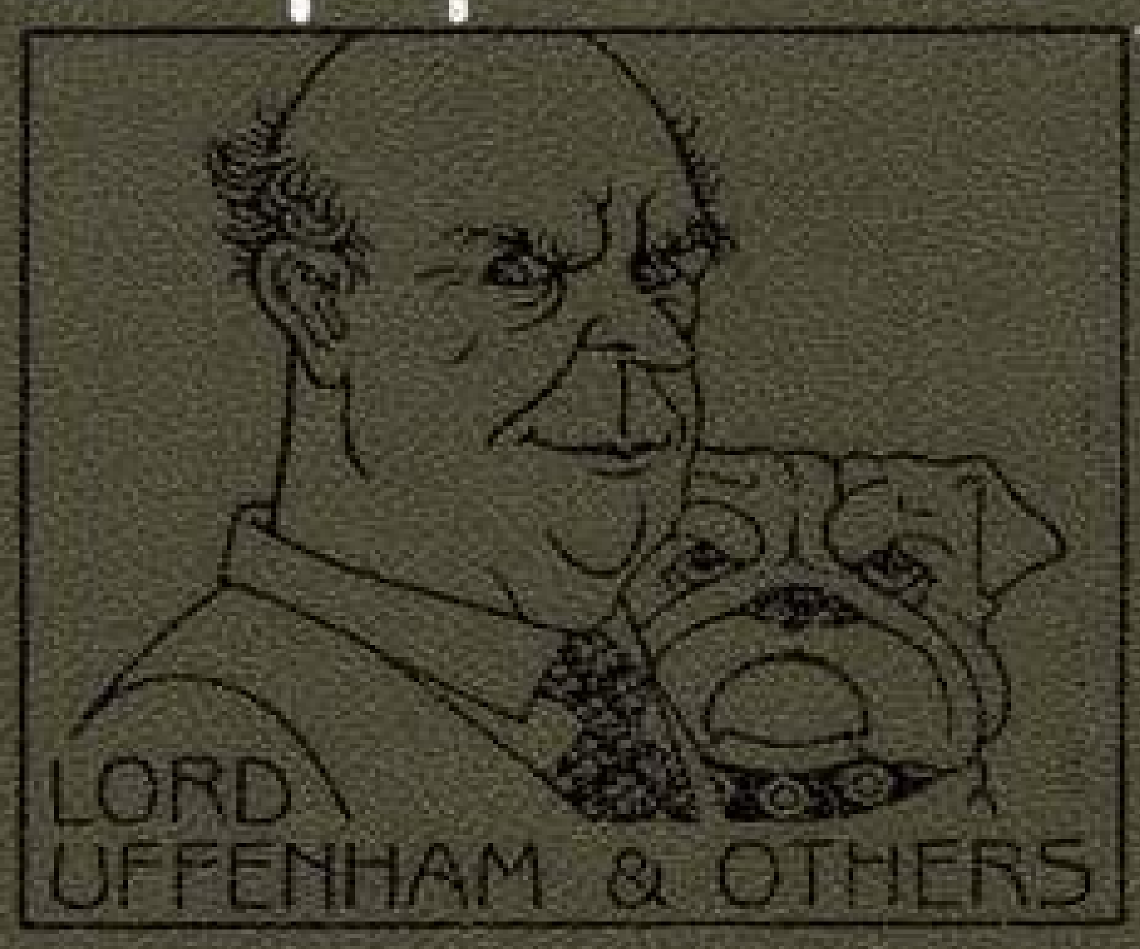
ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

Здесь собраны романы П.Г. Вудхауза, не составляющие саги, но объединенные второстепенными персонажами. «Секрет жизни — в смехе и смирении», — писал Честертон. Смехом и смирением пронизаны все романы П.Г. Вудхауза, который никого и никогда не учит, но чистота, красота и легкость его мира совершают с нами что-то очень хорошее.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 3. Лорд Аффенхем и другие

Джим с Пиккадилли

Перевод с английского И. Митрофановой
Редактор Н. Трауберг

ГЛАВА I

Особняк известного финансиста Питера Пэтта на Риверсайд Драйв в Нью-Йорке бельмом торчал на этом оживленном, богатом бульваре.

Катите вы на собственном лимузине или наслаждаетесь свежим воздухом за десять центов на втором этаже зеленого, омнибуса, особняк выскакивает как из-под земли и колет вам глаза. Архитекторы, споткнувшись об него взглядом, заламывают руки, да и у зрителя непосвященного дыханье перехватит. Похож особняк и на собор, и на загородную виллу, и на отель, и на китайскую пагоду. Во многих окнах переливаются витражные стекла, а крыльцо — под охраной двух терракотовых львов, еще уродливее тех самодовольных зверюк, которые стерегут публичную библиотеку. Словом, особняк нелегко пропустить мимо глаз. Возможно, именно по этой причине миссис Пэтт настояла, чтобы муж купил его; она была из тех, кто обожает, чтоб их замечали.

По этому особняку слонялся, точно неприкаянное привидение, его номинальный владелец, мистер Пэтт. Было около десяти утра прекрасного воскресенья, но воскресный покой, Царящий в доме, ему не передавался. На лице у него, обычно — терпеливом, отразилась крайняя раздражительность, с губ сорвалось приглушенное ругательство, подцепленное, видимо, на нечестивой бирже.

— Черт подери!

Пэтта душила жалость к себе. Не так уж много он требует от жизни. Самой, можно сказать, малости, в данный момент ему хотелось одного — укромного местечка, где можно бы почитать в тишине и покое воскресную газету. Но где же его найти! За каждой дверью таятся чужаки. Дом осажден, он кишит гостями, и ситуация все ухудшается и ухудшается с каждым днем после его женитьбы, состоявшейся два года назад. В организме миссис Пэтт сидел сильнейший литературный вирус. Она не только строчила бесчисленные романы и рассказы — имя Несты Форд Пэтт знакомо всем любителям приключенческой литературы — но и стремилась создать литературный салон. Начав с единственного экспоната, своего племянника Уилли Патриджа, работавшего над новым видом взрывчатки, предназначенной модернизировать войны, Неста, продвигаясь к цели, постепенно добавляла к своей коллекции все новые и новые экземпляры, и теперь под ее крылышком, под терракотовой крышей особняка, обитало шесть молодых непризнанных гениев. Здесь кишели

блестящие романисты, ничего пока что не написавшие, и поэты, на пороге сочинения великих стихов. Все они кучковались в комнатах мистера Пэтта, пока он, вцепившись в воскресную газету, блуждал, не находя покоя, точно библейская голубка. Именно в такие моменты он почти завидовал первому мужу своей жены, деловому приятелю, Элмеру Форду,[1] внезапно скончавшемуся от апоплексического удара, и жалость к усопшему перемещалась на другой объект.

Брак, несомненно, осложнил ему жизнь, как осложнил бы любому, кто дожидался пятидесяти лет, прежде чем отважиться на такую попытку. К гениям миссис Пэтт добавила своего единственного сына, Огдена, четырнадцатилетнего мальчишку, на редкость противного. Общество взрослых, среди которых он постоянно крутился, и отсутствие намека на дисциплину сформировали такой характер, что все попытки частных учителей добиться чего-то терпели полный крах. Они появлялись в доме, полные оптимизма, но очень скоро уползали, наголову разбитые стоическим иммунитетом к образованию. Для Пэтта, который никогда не умел обращаться с детьми, Огден Форд был источником постоянного раздражения. Пасынка он терпеть не мог и подозревал, не без оснований, что мальчишка таскает его сигареты. К вящей своей досаде, он отчетливо понимал, что застигнуть того на месте преступления ему не удастся.

Прервав свое странствие, он приостановился у дверей утренней комнаты, но реплика, произнесенная высоким тенорком (о роли христианства в творчестве Шелли), просочилась сквозь дубовые панели, и он возобновил путь.

За очередной дверью стояла тишина. Пэт взялся было за дверную ручку, но от раскатистого аккорда невидимого пианино тут же отдернул пальцы и побрел дальше. Через несколько минут, методом исключения, Пэт добрался до комнаты, которая считалась его личной библиотекой; то был большой уютный зал, полный старинных книг, коллекционированием которых увлеченно занимался еще его отец.

Напряженно вслушиваясь, финансист остановился. Было тихо. Он вошел, на мгновенье испытав экстаз, доступный лишь джентльменам средних лет, любящим одиночество, когда в доме, гудящим молодежью, им наконец удается отыскать укромный уголок. Но тут же громкое восклицание вдребезги расколотило его мечты об одиночестве и покое:

— Привет, папаша!

В сумраке, в глубоком кресле развалился Огден Форд.

— Входи, входи! Места хватит!

Пэтт запнулся в дверях, разглядывая пасынка тяжелым взглядом. Ну и

тон, однако! Слегка покровительственный, небрежный и особенно противный из-за того, что наглец развалился в его любимом кресле. Оскорблял его Огден и эстетически. Ну, что это — одутловатый, раскормленный, в пятнах и прыщах! Полнокровный лентяй, с желтовато-бледной кожей алчного сластены. Вот и сейчас, спустя полчаса после завтрака, челюсти его ритмично двигались.

— Что ты ешь? — требовательно спросил Пэтт. Разочарование его сменилось раздражением.

— Конфетину.

— Не жевал бы сладкое целыми днями.

— Мама дала, — просто объяснил Огден. Как он и предугадывал, выстрел сразил вражескую батарею. Пэтт хрюкнул, но вслух больше ничего не сказал. На радостях Огден забросил в рот новую конфету.

— Дуешься, папаша?

— Я не позволю так с собой разговаривать!

— Сразу догадался, — удовлетворенно подытожил пасынок. — Всегда угадываю сходу. Не пойму только, чего ты ко мне-то цепляешься? Я ведь не виноват.

— Курил? — подозрительно принюхался Пэтт.

— Я?!

— Да, курил. Сигареты.

— Ну, прямо!

— Вон, в пепельнице два окурка.

— Не я их туда бросил.

— Один еще теплый.

— Тепло потому что.

— Услышал, как я вхожу, и сунул окурки туда.

— Прям сейчас! Я тут всего — ничего. Наверное, до меня кто-то из гостей был. Вечно таскают твои гвоздики для гроба. Надо тебе что-то предпринять. Поставь себя твердо.

Чувство беспомощности охватило Пэтта. В тысячный раз он ощутил собственное бессилие перед невозмутимым и пучеглазым мальчишкой, который оскорбляет его с хладнокровным превосходством.

— Утро такое прекрасное, пошел бы да погулял, — слабо высказался Пэтт.

— А чего! Можно! Только — с тобой.

— Я… у меня другие дела, — Пэтта передернуло от такой перспективы.

— Ну и ладно. Все одно этот самый воздух чересчур раздувают. Вот

говорят — дом, дом, а сами из него гонят!

— В твоем возрасте, в такую погоду я б давно уж сбежал на улицу… э… обруч бы покатал.

— А что из тебя получилось? Ты сам посмотри!

— Ты про что?

— Радикулиты всякие.

— Нет у меня никаких радикулитов! — отрезал Пэтт. Тема эта всегда задевала его за живое.

— Тебе виднее. Я просто слы…

— Неважно!

— Мама сказа…

— Замолчи!

Огден вновь принялся шарить в коробке с конфетами.

— Пап, хочешь?

— Нет!

— И правильно. В твоем возрасте надо беречься.

— Не понял.

— Набираешь вес. Не так уж ты молод. А вообще, пап, входишь, так входи, а то сквозняк.

Пэтт ретировался. Интересно, как бы на его месте справился другой с мальчишкой? Непоследовательность человеческой натуры просто бесила его. Почему на Риверсайд Драйв он превращается совершенно в другого человека, чем на Пайн-стрит? Почему на Пайн-стрит он умеет настоять на своем с людьми вполне солидными, с финансистами, похожими на бульдогов, а на Риверсайд Драйв неспособен даже турнуть из своего кресла четырнадцатилетнего кретина? Иногда Пэтту казалось, что в частной, домашней сфере его сковывает какой-то паралич воли.

Однако все-таки нужно разыскать уголок, где можно бы насладиться воскресной газетой. Пэтт задумчиво постоял, лицо у него прояснилось, и он повернул к лестнице. На верхнем этаже, пройдя весь коридор, он постучался в последнюю дверь. Из-за нее, как и из-за остальных, доносился шум, но этот как будто его не отпугивал. Бойко стучала машинка, и Пэтт одобрительно прислушался. Ему нравилась ее дробь, совсем как в офисе.

— Войдите! — крикнул девичий голосок. Комната, в которой очутился Пэтт, была маленькой, но уютной тем уютом, который присущ вообще-то мужским обиталищам, что довольно странно, поскольку тут жила барышня. Во всю стену шел огромный книжный шкаф, из него жизнерадостно улыбались разноцветные корешки — красные, синие, коричневые. Где его не было, висели гравюры, со вкусом подобранные и

размещенные. Через окно, открытое ради здоровья, лились лучи солнца, принося с собою приглушенное шуршанье шин. За столом сидела девушка; ее яркие золотисто-рыжие волосы чуть колыхались на речном ветерке. Она-то и стучала на машинке и теперь, обернувшись, улыбнулась через плечо.

Когда Энн Честер улыбалась, она становилась еще красивее. Хотя примечательнее всего были полыхающие волосы, рисунок губ явно говорил о незаурядности, намекая при этом на тайную склонность к приключениям. Когда губы не двигались, так и казалось, что они оценивают шутку; улыбаясь же, они открывали ослепительно сверкающие зубы. На правой щеке к тому же появлялась ямочка, придавая лицу веселую проказливость. В общем, такие губы бывают у тех, кто способен посмеяться над рухнувшей надеждой и построить самые изощренные, самые смелые заговоры против обыденности и суеты. В уголках их проглядывали признаки своевольного нрава. Словом, физиономист заключил бы, что племянница Пэтта умеет настоять на своем.

— Привет, дядя Питер! Случилось что-то?

— Я тебе не помешал?

— Ни чуточки. Перепечатываю рассказ для тети Несты. Хочешь кусочек послушать?

Пэтт поторопился заверить, что не хочет.

— Много теряешь, — Энн перевернула страницу. — Я просто перетрепыхалась. Называется «В глухую полночь». Преступлений — куча, аж страшно. Ни за что бы не подумала, что у тети Несты такое бурное воображение! Тут тебе и сыщик, и похитители детей, и умопомрачительная роскошь. Может, я еще под впечатлением, но мне кажется, дядя, что ты идешь по следу. Очень уж у тебя целеустремленный вид! Добродушное лицо искривилось в гримасе, которая должна была обозначать горькую улыбку.

— Да нет, ищу местечко потише, чтоб посидеть и почитать. Во всем доме не отыскал. Поглядишь снаружи — громадный домище, полк разместить можно, а внутри, в каждой комнате — то поэт, то еще невесть кто.

— Ну, а библиотека, твое священное убежище?

— Там засел этот Огден.

— Безобразие!

— Развалился в моем любимом кресле, — угрюмо пожаловался Пэтт. — И курит сигареты.

— Курит? Он же тете Несте обещал не курить!

— Наврет, разумеется, что не курил. Но я не сомневаюсь. Не представляю, что с ним делать! Уговаривать такого — бестолку. Он., он снисходит до меня! — в полном негодовании заключил Пэтт. — Развалился, закинул ноги на стол, набил рот конфетами и цедит, и цедит, точно я ему… ну, скажем, внук.

— Вот свиненок!

Энн жалела дядю Питера. Уже много лет, после смерти ее матери, они были неразлучны. Отец, путешественник и охотник, кочевал по пустынным и диким уголкам мира, лишь изредка наведываясь в Нью-Йорк, а дочку почти полностью бросил на попечение Пэтта. Все самые приятные воспоминания были связаны с дядей. Во многих отношениях отец был достоин восхищения, но семьянином, скажем прямо, не был — его отношения с дочкой сводились к письмам и подаркам. Дядю она воспринимала, в сущности, как отца. Натура ее чутко отзывалась на доброту, а так как дядя был не только добрым, но еще и несчастным, она и любила, и жалела его.

В почтенном финансисте до сих пор таился мальчишка, тщетно барахтающийся в жестоком мире. На эту его черту живо откликалась ее молодость. Энн находилась в том неустрашимом возрасте, когда так и тянет защитить угнетенных, исправить неправду, и в ее головке рождались самые фантастические замыслы. Она мечтала преобразовать их маленький мирок. Тяготы дядиной семейной жизни сразу возмутили ее, и если б он попросил совета, да еще ему и последовал, то решил бы, а точнее — взорвал бы все проблемы. В минуту девичьих раздумий Энн часто изобретала планы, от которых его седые волосы поднялись бы дыбом.

— Мальчишек я навидалась, — заметила она, — но уж таких, как наш Огден, просто нету. Хорошо б отправить его в закрытую школу с суровым режимом.

— В Синг Синг, — предложил дядя.

— Нет, почему ты не отошлешь его в школу?

— Тетка твоя и слышать не желает. Боится, похитят его. Так случилось в прошлый раз, в Англии. Нельзя ее винить, что теперь она глаз с него не спускает.

— Иногда я подумываю… — Энн задумчиво пробежалась по клавишам машинки.

— Да?

— Так, ничего. Надо печатать дальше для тети Несты.

Пэтт разложил на полу пухлую воскресную газету и с удовольствием принялся просматривать юмористическое приложение. Мальчишество,

которое влекло к нему Энн, побуждало начинать чтение с этих страничек. Он был уже седой, но и в искусстве, и в жизни у него сохранился вкус к грубоватым шуткам. Никто и представить не мог, как он веселился, когда Раймонд Грин, романист, подопечный его жены, споткнулся однажды о незакрепленный прут на лестнице и кубарем катился целый пролет.

С дальнего конца коридора донеслись приглушенные удары. Энн перестала трещать на машинке и прислушалась.

— Это Джерри Митчелл грушу колотит…

— Э? — встрепенулся Пэтт.

— Я говорю, это Джерри Митчелл колотит в спортивном зале грушу.

— Да, он сейчас там.

Энн задумчиво поглядела в окно, потом крутанулась на вертящемся кресле.

— Дядя Питер!

Пэтт медленно вынырнул из космических глубин.

— Тебе Джерри никогда не рассказывал про своего друга? Он держит на Лонг Айленде лечебницу для собак. Забыла, как его там, не то Смитерс, не то Сметерс. Люди, ну, всякие старые дамы, приводят к нему своих собаченций. Джерри говорит, он всех вылечивает безотказно. Кучу денег загребает.

— Денег? — при этом магическом слове Пэтт-читатель сразу преобразился в финансиста. — Есть, значит, желающие. Собаки сейчас в моде. Для хорошего лекарства могу организовать рынок сбыта.

— Вряд ли этим лекарством можно торговать. Оно для раскормленных собак, которых не выгуливают.

— Обычно этим страдают модные комнатные собачонки. Похоже, я сумею сделать тут бизнес. Спрошу его адрес у Митчелла.

— Брось, дядя Питер, забудь и думать. Никакого бизнеса тебе не сделать. Лекарство простое: когда к нему приводят разжиревшего пса, он его почти не кормит. Дает только самую простую пищу да заставляет бегать подольше. Через неделю собака здорова и счастлива.

— А-а! — разочаровался Пэтт.

Энн мягко тронула клавиши машинки.

— А про лечебницу эту я вспомнила, когда мы обсуждали Огдена. Как, по-твоему, может, такое лечение и его вылечит?

Глаза у Пэтта заблестели.

— Безобразие! Нельзя мальчишку подлечить недельку-другую!

— Пошло бы ему на пользу, а? — и Энн отбарабанила короткий мотив кончиками пальцев.

В комнате пала тишина, нарушаемая лишь стрекотом машинки. Разделавшись с юмористическим приложением, Пэтт обратился к спорту — он был пылким бейсбольным болельщиком. Бизнес не позволял ему часто посещать матчи, но он внимательнейшим образом следил за национальной игрой по газетам и восхищался наполеоновским даром Мак Гроу, что очень польстило бы этому спортсмену, знай он об этом.

— Дядя Питер! — снова повернулась Энн.

— Угу?

— Забавно, что ты вспомнил про то похищение. У тети Несты — тоже про похищение. Юного ангелочка — прообраз, видимо, Огден — выкрали, спрятали и тэ пэ. Чего она вдруг сочинила такой рассказ? Совсем на нее непохоже.

— Твоя тетя хорошо изучила предмет. Она мне рассказывала, было время, когда чуть не все похитители охотились за ее Огденом. Она послала его учиться в Англию, вернее, ее муж. Они уже разошлись, насколько я понял. Похитители на следующем же пароходе отправились следом и взяли школу в осаду.

— Вот жалко-то! Сейчас бы кто его похитил, да посадил под ключ, пока у него характер не исправится!

— Да-а! — печально вздохнул Пэтт.

Энн пристально посмотрела на дядю, но тот уже уткнулся в газету, и она, вздохнув, принялась стучать на машинке.

— Вредно перепечатывать такие рассказы, — заметила она. — Идеи всякие в голове всплывают…

Пэтт промолчал, углубившись в медицинскую статью следующего раздела — он был из тех, кто пропахивает воскресный номер, не пропуская ни строчки. Весело тарахтела машинка.

— Ой, Господи!

Энн, крутанувшись, тревожно уставилась на дядю. Тот пустым взором смотрел в газету.

— Что такое?

Страницу, приковавшую внимание Пэтта, украшала занимательная картинка: молодой человек в вечернем костюме бегает за молодой дамой в вечернем туалете вокруг ресторанного столика. Оба явственно веселились. Заголовок кричал:

«Снова Джим с Пиккадилли!» «Новые приключения Крокера в Нью-Йорке и Лондоне!»

Но не заголовок и не иллюстрация загипнотизировали Пэтта. Он неотрывно смотрел на маленькое фото, врезанное в текст, — женщину чуть

за сорок, красивую грозной красотой, и надпись:

«Неста Форд Пэтт, романистка и светская знаменитость»

Энн уже встала и заглядывала дяде через плечо. Прочитав заголовок, она нахмурилась. Потом увидела фото.

— Господи! А с какой стати тут фотография тети Несты?

— Разнюхали, что она его тетка, — тяжко вздохнул Пэт. — Этого я и боялся. Что она теперь скажет?..

— А ты не давай ей газету!

— У нее своя есть. Уже читает, наверное. Энн пробежала глазами статью.

— В том же духе, что уже публиковали. Не пойму, чего они привязались к Джимми Крокеру.

— Видишь ли, он тоже был газетчиком и работал именно у них…

— Я помню! — вспыхнула Энн. Пэтт смутился.

— Да, да, конечно, — заспешил он, — все забываю. Наступила неловкая пауза. Пэтт кашлянул. Темы «Джимми

Крокер и газета» они избегали по молчаливому соглашению.

— Я и не знала, дядя Питер, что он твой племянник.

— Нет, нет, не родной, — поторопился объяснить Пэтт. — Сестра Несты, Юджиния, замужем за его отцом.

— Тогда, наверное, и я с ним в родстве.

— В очень отдаленном.

— Для меня — чем дальше, тем лучше.

За дверью торопливо простучали каблуки и ворвалась миссис Пэтт с газетой в руке. Она помахала ею перед добродушным лицом мужа.

— Ты уже прочитала, дорогая? — отшатнулся тот. — Мы с Энн как раз обсуждали…

Маленькое газетное фото весьма слабо передавало своеобразие хозяйки. В жизни она была гораздо красивее — рослая, с прекрасной фигурой и смелыми, властными глазами — и куда грознее. Мирная атмосфера комнатки мгновенно исчезла. Нависла тревога. Невысокие, застенчивые мужчины, видимо, инстинктивно, женятся на женщинах именно такого типа, словно не в силах сопротивляться, как утлые суденышки, затягиваемые водоворотом.

— Что ты намерен предпринять? — спросила миссис Пэтт, тяжело падая в кресло, из которого выскользнул муж.

Под таким углом Пэтт дело не рассматривал. Возможности для каких-

то действий он тут не усмотрел. Природа сотворила его так, что вне бизнеса, вне конторы он превращался в натуру пассивную, склонную меланхолично дрейфовать в море бедствий, а не сражаться с волнами. Перехватывать камни и стрелы разъяренной судьбы, чтобы метать их обратно, он не хотел и не умел. Пэтт поскреб подбородок — и промолчал.

— Будь у Юджинии мозги, она бы это предвидела! Нет, что же это такое, увезла его из Нью-Йорка, где у него есть работа, некогда ввязываться в скандалы! Да еще куда? Бездельничать в Лондон! Шатается там с кучей денег! Ах, будь у нее мозги, она вообще не выскочила бы замуж за этого Крокера! Как я ее отговаривала!

Миссис Пэтт приостановилась. Глаза ее рассверкались от воспоминаний о стычке, случившейся три года назад, когда Юджиния объявила, что выходит замуж за актеришку средних лет по имени Бингли Крокер. Неста не видела его ни разу, но намечавшийся союз разгромила в выражениях, оборвавших раз и навсегда отношения с сестрой. Та не терпела критики, да и вообще отлита была в той же грозной формовке, что и сестра, поразительно напоминая ее и внешностью, и характером.

Неста Пэтт отряхнулась, здраво рассудив, что прошлое само заботится о себе, а вот настоящее требует хирургического вмешательства.

— Даже Юджиния могла бы понять, — заметила она, — в двадцать один год нужна постоянная работа.

На этих словах Пэтт с радостью высунул нос из скорлупы. Он был ярый поборник работы, и сентенция ему понравилась.

— Вот это правильно! — одобрил он. — Каждый должен работать.

— Только взгляни, что творит этот Крокер с тех пор, как переехал в Лондон! Вечно откалывает фортеля! То его судят за нарушение брачных обещаний, то он кого-то бьет на политическом митинге. А эскапады в Монте-Карло! А… а… Да что ни возьми! К тому же упьется скоро до смерти. По-моему, Юджиния свихнулась. Совсем не имеет на него влияния.

Пэтт постонал в знак сочувствия.

— А теперь газеты разнюхали, что я его тетка, и станут помещать мои фото при каждой статье!

Запал у нее иссяк, она распрямилась в праведном гневе. Пэтт, всегда чутко угадывавший, когда подхватывать ее арию в роли хора, понял, что момент настал.

— Стыд и позор! — сообщил он.

Миссис Пэтт накинулась на него раненой тигрицей.

— Болтать сейчас некогда!

— Верно, верно, — покивал Пэтт, осмотрительно сдерживая соблазн указать ей, что она и сама кое-что наболтала.

— Ты должен что-то предпринять!

Тут в беседу вступила Энн. Тетку она не очень любила, а еще меньше любила, когда та шпыняла мужа. В характере миссис Пэтт было именно то, что подстегивает своевольный нрав, таящийся за жизнерадостным фасадом.

— Интересно, — сказала она, — что может предпринять дядя Питер?

— Хотя бы привез его обратно! Заставил работать! Вот он — единственный способ.

— По-твоему, он поедет?

— Безусловно!

— Предположим, Джимми Крокер примет приглашение, какую работу он тут найдет? В «Кроникл» его не возьмут. Во-первых, он уже несколько лет как ушел оттуда, во-вторых, все эти годы он был героем громких скандалов. А кроме газетной — на какую еще работу он годится?

— Дорогая моя, не усложняй!

— Вот именно. И так все сложно.

Тут вмешался Пэтт. Он всегда нервничал, опасаясь столкновения между этими дамами. Волосы у Энн были огненные и характер под стать. Вспыльчивая, острая на язык, как и ее отец, она при малейшей возможности охотно кидалась в бой. Правда, раскаивалась она тоже скоро, как и большинство людей с ее цветом волос. Собственно, она предложила перепечатать новый рассказ тети Несты, чтобы достойно загладить вину за такую же сцену, которая назревала сейчас. Пэтту не хотелось, чтобы перемирие, столь недавно заключенное, взорвалось, не успев толком вступить в действие.

— Я мог бы его взять к себе, — быстро предложил он.

Брать в контору молодых людей Пэтт просто обожал. В его доме жило шестеро блестящих молодцов, которым он с восторгом поручил бы надписывать адреса на конвертах, в особенности — племяннику своей жены Уилли Патриджу, явному очковтирателю и лодырю. Пэтт упрямо не верил во взрывчатку, которая, как предполагалась, откроет новый этап в военном деле. Ему, как и всему остальному миру, было известно, что покойный Патридж-отец был великим изобретателем, но он решительно отказывался верить, что сын унаследовал его гений. К экспериментам с «патриджитом» Пэтт относился с глубочайшим скепсисом, считая, что Уилли изобрел и изобретает только хитроумные планы, как вольготно и праздно пожить на чужие денежки.

— Вот именно! — загорелась миссис Пэтт. — То, что надо!

— Ты ей напишешь? — разнежился Пэтт в солнечном тепле редкой похвалы.

— Это бесполезно. Она и внимания не обратит. Вдобавок, в письме всего не написать. Нет, способ один — поеду в Англию. Поговорим начистоту. Объясню, какая честь работать в твоей конторе, жить тут…

Энн вздрогнула.

— Под «тут» ты, надеюсь, не подразумеваешь — «в нашем доме?»

— Разумеется, в нашем. Какой смысл тащить его из Англии, а потом пускать по Нью-Йорку без привязи?

— Вряд ли Энн это будет так уж приятно, дорогая, — укоризненно покашлял Пэтт.

— А что такого?

— Спасибо, дядя Питер, что ты про это подумал, — Энн направилась к дверям. — Ты всегда такой душечка!.. Ничего, обо мне не беспокойся. Поступайте как знаете. К тому же, вам его не уговорить. Сами читаете в газетах, что он развлекается на всю катушку. Можете, конечно, воззвать к нему из глубин… но отзовется ли?

Миссис Пэтт посмотрела на захлопнувшуюся дверь и перевела взгляд на мужа.

— Почему, Питер, ты сказал про Энн? Отчего это ей будет неприятно, если Крокер поселится у нас?

— Видишь ли, Неста… — замялся Пэтт. — Пожалуйста, только не говори ей, что я тебе рассказал, она такая ранимая! Это случилось еще до нашей женитьбы. Энн тогда была совсем девочка. Ты знаешь, какие они глупенькие и сентиментальные. В сущности, виноват я. Мне следовало бы…

— Господи, Питер! Не томи! Говори толком!

— Энн была совсем ребенком…

— Питер! — миссис Пэтт поднялась в тихом ужасе. — Скажи ты наконец! Не старайся смягчить удар!

— Она писала стихи, я дал денег на публикацию книжки…

— О-о! — миссис Пэтт опустилась в кресло, выдохнув не то с облегчением, не то с разочарованием. — Из-за этого весь сыр-бор? Чего ты тянешь?

— Да, я виноват, — продолжал он. — Надо быть умнее. А я только и думал, как бы ее порадовать. Пусть увидит свою книжку, подарит друзьям… Друзьям-то она подарила, но радости, скажем так, не было, — скорбно заключил он. — Один раз она молодому человеку чуть голову не

откусила, он к ней хотел подкатиться, стал читать ее стихи. Наткнулся на книжку у своей сестрицы.

— Ради всего святого, при чем тут Крокер?

— Ты смотри, как все обернулось… Газеты коротко упомянули эти стихи среди других новинок — и конец. Ну, напечатали две-три ничего не значащих строчки. А «Кроникл» углядела тут повод для воскресного очерка. Энн тогда часто появлялась в обществе, ее все знали. Ну, пришел к ней репортер, Джимми Крокер, взять у нее интервью — методы работы, вдохновение и все такое прочее. Нам и в голову не пришло, что газета затеяла. Я даже в тот вечер заказал сто экземпляров этого номера. И… — Пэтт зарозовелся от воспоминаний. — Все оказалось розыгрышем, с начала до конца. Этот охотник за скандалами обсмеял стихи и все, что ему сказала Энн. Выдергивал строчки, лишал их всякого смысла. Я думал, Энн просто не переживет. Сейчас ее старая история уже не трогает, слава Богу — не школьница, но Крокера она вряд ли встретит приветственными кликами.

— Чушь какая! — отрубила миссис Пэтт. — Я и не подумаю менять планы из-за мелкого инцидента, который случился сто лет назад. Отплываем в среду!

— Хорошо, дорогая, — уступчиво согласился Пэтт. — Как скажешь. Э… только мы с тобой?

— И Огден, конечно!

Мощным усилием воли Пэтт перевозмог судорогу. Этого он и страшился.

— Нельзя же бросить мальчика одного! После того что случилось, когда дорогой Элмер послал его в Англию… — Почти вся семейная жизнь Фордов прошла то в ссорах, то в разводах, но после смерти покойный Форд был канонизирован как «дорогой Элмер». — К тому же, морское путешествие пойдет ему на пользу. Последнее время у него что-то не очень здоровый вид.

— Раз поедет Огден, я хочу взять и Энн.

— А ее зачем?

— Она умеет… — Пэтт заметался, подыскивая эвфемизм фразе «Держать его в узде». Энн, по его мнению, была единственным противоядием для Огдена, но высказывать такие мысли невежливо… — сможет присматривать за ним на пароходе, — закончил он. — Сама знаешь, из тебя моряк никудышний.

— Ладно. Бери Энн. Кстати, Питер, вспомнила… Эта жуткая газетенка вышибла у меня из головы все. Лорд Уизбич сделал Энн предложение.

Пэтт чуточку обиделся. Обычно она поверяла ему все свои секреты.

— А мне Энн ничего не сказала.

— И мне тоже. Мне сам лорд Уизбич сообщил. Энн обещала подумать и дать ему ответ позднее. А он пришел ко мне удостовериться, что я не против. Очень любезно с его стороны.

— Так она не приняла предложения? — нахмурился Пэтт.

— Пока нет.

— Надеюсь, и не примет.

— Не дури, Питер. Партия блестящая!

— Не нравится он мне, — Пэтт переминался с ноги на ногу. — Гладкий какой-то. И скользкий.

— Если ты хочешь сказать, что у него безупречные манеры, — согласна. Лично я изо всех сил буду ее уговаривать.

— А я бы не стал, — решительнее обычного возразил Пэтт. — Ты что, Энн не знаешь? Начни ее подталкивать, упрется и не стронется с места. Отец ее в точности такой же. Когда мы, помнится…

— Не мели ерунды, Питер. Я и в мыслях не имею ее подталкивать.

— И про него мы толком ничего не знаем. Две недели назад даже о существовании его не подозревали.

— Да что нам знать? Разве его титула недостаточно? Хотя Пэтт и промолчал, доводы жены его не убедили.

Лорд Уизбич, о котором шла речь, был вежливый, приятной наружности молодой человек. Недавно он появился в конторе Пэтта проконсультироваться о вложении денег, с рекомендательным письмом от Хэммонда Честера, отца Энн, с которым познакомился в Канаде, где тот в настоящее время занимался сравнительно легким занятием — ловил рыбу. Деловым разговором их знакомство могло бы и ограничиться, будь на то воля Пэтта — лорд Уизбич не особенно ему понравился. Но Пэтт был американец, с американским гостеприимством и раз уж перед ним — друг Хэмонда Честера, он счел себя обязанным пригласить его на Риверсайд Драйв, хотя его и одолевали дурные предчувствия, которые явственно оправдались.

— Энн пора замуж! — заявила миссис Пэтт. — Хватит ей своевольничать! Конечно, решать ей. Мы никак не можем вмешиваться. — Она поднялась. — Надеюсь только, она проявит благоразумие.

И миссис Пэтт вышла, оставив мужа мрачнее, чем нашла. Он просто вынести не мог, что Энн выйдет замуж за этого Уизбича. Даже не будь у него никаких недостатков, он все равно возражал бы — ведь он увезет Энн за три тысячи миль!

Энн между тем шла в спортивный зал, который Пэтт здоровья ради

оборудовал на задворках дома, в помещении, предназначенном первым владельцем под студию художника. Глухие удары по кожаной груше прекратились, но голоса, доносившиеся из зала, подсказали ей, что Джерри Митчелл, личный тренер Пэтта, по-прежнему там. Интересно, с кем это он разговаривает? Открыв дверь, Энн увидела, что с Огденом, который, привалясь к стенке, уставился на него мутным взором.

— Да, да! — говорил Огден, когда вошла Энн. — Сам слыхал, как Биггс приглашал ее погулять!

— А она ему отказала, — угрюмо проворчал Джерри.

— Прям сейчас! С чегой-то? Биггс — парень что надо!

— Огден, про что это ты рассказываешь? — вмешалась Энн.

— Как Биггс приглашал Селестину прокатиться на машине.

— Башку ему оторву! — посулил взбешенный Джерри.

— Прям сейчас! — отвечал Огден, гнусно хохоча. — Мамаша тебя мигом вышвырнет. Ее шофера колотить, это надо же!

Джерри умоляюще обернулся к Энн. Откровения Огдена, особенно — восхваления Биггса, причиняли ему смертные муки. Он знал, что ухаживаниям за горничной миссис Пэтт, Селестиной, очень мешает его внешность. Иллюзий Джерри не питал. Он и так, от природы, был не Адонис, а за долгую карьеру на ринге его еще отредактировали сотни кулаков, и в делах сердечных полагаться приходилось исключительно на свои моральные достоинства. Принадлежал он к старой школе боксеров, которые похожи были на боксеров, а не на актеров или еще каких дамских любимчиков. Ископаемое, да и только — плотно сбит, голова круглая, крепкая, глазки маленькие, челюсть большая, а от носа по ряду причин остался так, черновой набросок. Узкая полоска лба исполняла роль буферного государства между волосами и бровями. Ухо в последнем бою уподобилось цветной капусте. И все же человек он был достойный и порядочный, Энн понравился с первой встречи, а сам ее просто обожал. Он стал ее рабом, как только обнаружилось, что она охотно и сочувственно выслушивает его излияния о предмете нежных чувств. Вот и сейчас Энн пришла ему на помощь в характерной для нее откровенной манере.

— А ну-ка, выметайся! — сказала она Огдену.

Тот попытался было вызывающе ответить на ее взгляд, но потерпел провал. Почему он боится, постигнуть он не мог, но факт оставался фактом — только ее, из всех его близких, он уважал. Ясный взгляд и спокойная, властная манера неизменно укрощали его.

— Еще чего! — вяло огрызнулся он. — Тоже мне, босс нашелся!

— Давай, давай!

— Ах ты, раскомандовалась!

— А дверь прикрой тихонько, с той стороны. — Энн повернулась к Джерри, как только приказ был выполнен. — Опять вас допекал?

Тренер отер пот со лба.

— Если этот мальчишка будет врываться в зал, когда я тренируюсь… Слыхали; мисс Энн, что он про Мэгги болтает?

Родилась Селестина под именем Мэгги О'Тул, но терпеть такое имя у своей горничной миссис Пэтт категорически отказывалась.

— Ну, Джерри! Зачем вы обращаете на него внимание? Он же выдумывает все! Только и знает болтается по дому да выискивает, кого бы помучить. А найдет — наслаждается от души. Мэгги ни за что не поедет кататься с Биггсом!

Джерри облегченно вздохнул.

— Спасибо, мисс Энн, хоть вы помогаете!

Подойдя к двери, Энн ее распахнула, оглядела коридор и, убедившись, что он пуст, вернулась в зал.

— Джерри, мне нужно с вами поговорить. У меня мысль… Я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

— Слушаю, мисс Энн.

— Надо наконец проучить этого паршивца! Опять дядю Питера донимал. Больше я терпеть не намерена! Предупреждала его: не отстанешь от дяди — получишь. Не верит. Джерри, что за человек этот ваш Сметерс?

— Вы про Смайтерса, мисс Энн?

— Ах, ну да! Запомнилось, не то Смитерс, не то Сметерс. Тот, с собаками… Вы ему доверяете?

— Последний грош доверил бы. Знаю с детства.

— Я не про деньги. Хочу отправить к нему Огдена. Можно на него положиться? Справится он?

— Ой, Господи!

Совершенно опупев на минуту, Джерри пришел в себя и взглянул на Энн. Ему давно было известно, что ум у нее незаурядный, но это уже тянуло на гениальность, у него даже дыхание занялось.

— То есть, вы его похитите, мисс Энн?

— Н-нет… Скорее вы, если я вас уговорю. Ради меня.

— Умыкнуть, значит, и отправить к Баду Смайтерсу в собачью лечебницу?

— Именно. На лечение. Мне нравятся его методы. Огдену они принесут огромную пользу.

— Еще бы! Бад из него сделает человека! — загорелся Джерри. — А

вообще-то, не стоит. Похищение — это преступление, за него всыпят будь здоров.

— Так оно же не настоящее!

— Очень уж похоже…

— Джерри, не бойтесь! Тетя Неста не станет подавать в суд. Тогда ей придется обвинить нас, что мы упрятали Огдена в собачью лечебницу. Рекламу она обожает, но — лестную. Конечно, мы рискуем. Вы потеряете здесь работу, а меня, конечно, отправят к бабушке на неопределенный срок. Вы моей бабушки не видели? Только ее во всем мире я и боюсь! Живет в глухомани и каждое утро, точнехонько в 7.30, ставит всю семью на молитву. Ничего! Если вы готовы рискнуть работой ради доброго дела, рискну и я. Вы ведь тоже любите дядю Питера, а Огден доводит его до сердечных приступов. Ну, как? Согласны мне помочь, а, Джерри?

Джерри встал и протянул ей мозолистую руку.

— Когда приступаем?

— Спасибо, Джерри, — Энн тепло потрясла ему руку. — Молодец! Я завидую Мэгги. Наверное, пока они не вернутся, предпринять ничего нельзя. Тетя Неста уж непременно потащит Огдена с собой.

— А что, они уезжают?

— Только что дядя Питер с тетей Нестой решили плыть в Англию, чтобы притащить назад одного человека, такого Крокера.

— Крокера? Джимми? Джимма с Пиккадилли?

— Да. А вы что, знаете его?

— Встречались, еще когда он тут, в Нью-Йорке, работал. Похоже, задает он там шороху. Видали сегодняшнюю газету?

— Да. Оттого-то тетя Неста и решила его привезти. Хотя, по-моему, ни малейшего шанса. С какой стати ему возвращаться?

— В последний раз я встречался с Джимми года два назад. Тренировал, помню, Эдди Флиннадля матча с Порки Джонсоном на первенство страны. Столкнулись мы, значит, в клубе. Он сильно накачался…

— Он вообще только и знает, что пьет…

— Ну, пригласил меня на ужин в шикарное заведение. Там все в смокингах, кроме, само собой, меня. Жуть! Прямо грязный козырь в новехонькой колоде. Парень он стоящий, этот Джимми. А вот ведь как в газетах-то расписывают! Похоже, чересчур уж разогнался. Так оно и бывает, если тебя сдернут с работы и пустят по свету шататься, да еще карманы набиты — будь здоров!

— Именно потому-то я и хочу сделать что-то с Огденом. Если

упустить его сейчас, вырастет в точности Джимми Крокер.

— Не-а! Джимми совсем из другого теста.

— Точно такой же!

— Слушайте-ка, мисс Энн, уж очень вы настроены против Джимми! — Джерри вопросительно смотрел на нее. — У вас на него зуб?

Энн закусила губку.

— Он не нравится мне в принципе. Не переношу таких людей. Ладно. Я рада, Джерри, что мы договорились насчет Огдена. Я знала, что могу на вас положиться. Трудиться будете не даром! Этого я не допущу. Дядя Питер вас вознаградит. Хватит, чтобы открыть эту вашу ферму здоровья. Женитесь на Мэгги и заживете счастливо.

— Эге! Так что, и босс в деле?

— Пока нет. Сейчас пойду, расскажу ему. Тш-ш! Идут. Вошел Пэтт, по-прежнему весьма встревоженный.

— Знаешь, Энн… Доброе утро, Митчелл… твоя тетя решила ехать в среду. Я хочу, чтобы и ты с нами поехала.

— Я?! Уговаривать Джимми Крокера?!

— Нет, что ты! Так, для компании. Ты очень поможешь с Огденом. Умеешь держать его в узде. Как у тебя получается, ума не приложу! С тобой он совсем другой.

Энн украдкой бросила многозначительный взгляд на Джерри, тот ответил подбадривающей ухмылкой. Пришлось растолковать значение взгляда на открытом, ясном языке.

— Джерри, вы не пойдете прогуляться на минутку? — мило попросила она. — Мне нужно кое-что сказать дяде Питеру.

— Само собой! Само собой!

Когда дверь закрылась, Энн повернулась к Пэтту.

— Дядя Питер, тебе ведь хочется, чтоб Огдена перевоспитали?

— Эх, если бы!

— Последнее время он здорово тебя допекает? — участливо поинтересовалась Энн.

— Не то слово!

— Значит, все в порядке. А то я боялась, ты не одобришь. Но раз одобряешь — приступаем!

Пэтт заметно вздрогнул. В голосе Энн, а когда он всмотрелся — то и в лице, было что-то такое, от чего его пробрал страх. Глаза ее воинственно сверкали, а огненные волосы, первопричина неистовой тяги к правде, пламенем полыхали на солнце. Что-то надвигалось, Пэтт ощущал это каждым нервом боязливой натуры. Он взирал на Энн, и ему казалось,

будто с плеч его сползли годы, он опять превратился в мальчишку, которого подбивает на хулиганскую выходку волевой дружок, герой его детских лет, Хэммонд Честер. В детстве почти у каждого человека есть сильная личность, какой-нибудь юный Наполеон, под напором которого всякое здравомыслие жухнет и погибает.

В жизни дяди Питера эту роль сыграл отец Энн. Он главенствовал над ним в том возрасте, когда ум особенно податлив. Время притупляет мальчишеские воспоминания, но традиции детства живы в нас и всплывают в кризисные моменты, как всплывает от взрыва рыба, таившаяся в донном иле. Пэтт снова глядел в лицо юному Хэммонду, его неодолимо затягивали в проделку, которой он никак не одобрял, но знал, что на участие в ней обречен. Так пойманный в ловушку следит за тикающей бомбой, понимая свою собственную беспомощность. Дочь Хэммонда Честера говорила с ним его голосом. Она затевала что-то!

— С Джерри я уже договорилась, — продолжала Энн. — Он поможет мне украсть Огдена и отвезет к своему приятелю. Помнишь, я тебе только что рассказывала? У которого собачья лечебница. Тот будет держать мальчишку у себя, пока он не перевоспитается. Роскошная идея, правда?

Пэтт побелел. Реальность оказалась страшнее всех его предчувствий.

— Э-э, Энн! — сдавленным голосом заблеял он. Проделка превосходила самые жуткие его страхи; но он отчетливо понимал, что хотя и восстает против безумной беззаконности замысла, все равно согласится. Мало того: глубоко внутри сидело чувство, которому он не смел дать волю — ему это нравилось.

— Конечно, Джерри сделал бы все за просто так, но я ему обещала, ты вознаградишь его за труды. Договоритесь потом.

— Энн! Энн! А вдруг твоя тетя прознает?

— Ну, будет скандал! — безмятежно отозвалась племянница. — Придется тебе отстаивать себя. Очень хорошо. Давно пора. Слишком уж ты, дядя Питер, терпим. Вряд ли кто еще стал бы, переносить то, с чем ты миришься. Как-то отец писал мне, что мальчишкой он называл тебя Терпеливец Пит.

Пэтт вздрогнул. Через многие годы это противное прозвище восстало из могилы. Терпеливец Пит! Он-то думал, что гадкий титул навеки похоронен там, где его молодость. Терпеливец! Робкое зарево бунта затлело в его груди.

— Терпеливец Пит?

— Терпеливец Пит, — твердо подтвердила Энн.

— Энн!.. — жалобно воззвал дядя. — Я люблю мирную жизнь!

— Тебе ее не видать, если не постоишь за себя. Ты великолепно понимаешь, отец прав. Тебя топчут все, кому не лень. Как по-твоему, позволил бы мой отец Огдену донимать тебя? Или наводнять собственный дом этими гениями, так что ему и уголка бы не нашлось посидеть в покое?

— Энн, твой отец совсем другой! Он обожает шум и гром. Помню, раз полез к одному типу, который весил двести фунтов. Так просто, поразмяться. В тебе, моя душенька, много от отца. Я часто это замечал.

— Вот именно! Поэтому я и заставлю тебя топнуть ногой. Рано или поздно, ты вышвырнешь из дома всех этих прихлебателей. А для начала помоги переправить Огдена к Смайтерсу.

Повисло долгое молчание.

— Все твои рыжие волосы! — досадливо сказал Пэтт, словно решил загадку. — Из-за рыжих волос, Энн, ты такая и есть. Вот и отец твой рыжий!

Энн засмеялась.

— Не моя вина, дядя Пит. Это моя беда.

— Не только твоя, — покачал головой ее дядя.

ГЛАВА II

Лондон хмурился под серым небом. Ночью лил дождь, с деревьев еще капало. Вскоре, однако, в свинцовом мареве засинели водянистые просветы и сквозь эти расщелины проглянуло солнце. Поначалу робко, затем — набирая уверенности, глядело оно на несравненный газон Гровнор-сквер. Прокравшись через площадь, солнечные лучи дотянулись до массивных каменных стен Дрексдейл-хауса, где до недавних пор жил граф, носивший именно такое имя, и проникли в окна комнаты для завтрака. Шаловливо поиграв на плешивой голове Бингли Крокера, склонившегося над утренней газетой, они не коснулись его супруги, сидевшей на другом конце стола, а если б посмели, она тут же позвонила бы дворецкому и приказала опустить шторы. Вольностей она не терпела ни от людей, ни от природы.

Крокер — человек лет пятидесяти, умеренно полный, чисто выбритый, читал и хмурился. Его гладкое, приятное лицо исказила не то гадливость, не то настороженность, а может — смесь того и другого. Жена его, наоборот, сияла счастьем. Быстрыми взглядами властных глаз она выуживала суть из своей почты точно так же, как выуживала бы тайные провинности из Бингли, если бы они у него были. Она была очень похожа на свою сестру, и одним взглядом умела добиться большего, чем добиваются иные потоками упреков и угроз. Среди ее друзей ходили упорные слухи, будто за ее покойным мужем, хорошо известным питтсбургским миллионером Дж. Дж. ван Брантом, водилась привычка автоматически признаваться во всех грехах ее фотографии на туалетном столике.

Миссис Крокер улыбнулась поверх растущей кипы распечатанных конвертов, и улыбка чуть смягчила твердую линию губ.

— Карточка от леди Корстофайн. Она будет дома двадцать девятого.

Крокер, по-прежнему занятый газетой, равнодушно фыркнул.

— Хозяйка самого знаменитого салона. Имеет влияние на нужный круг людей. Ее брат — герцог, старинный друг премьера.

— У-гу…

— Герцогиня Эксминстер просит постоять за ее прилавком на благотворительном базаре для бесприданниц из клерикальной среды.

— У-гу…

— Бингли, ты слушаешь или нет? Чем ты зачитался?

— Да так… — Крокер оторвался от газеты. — Отчет читаю о крикетном матче, на который ты меня вчера погнала.

— О, я рада, что ты заинтересовался крикетом! В Англии это просто светская необходимость. И чего ты расшумелся, ума не приложу! Ты же так увлекался бейсболом, а крикет — то же самое.

Внимательный наблюдатель приметил бы, что страдание на лице Крокера стало еще горше. Водится за женщинами такая привычка — бросят мимоходом словцо и даже не хотят тебя ранить, а все равно обидно.

Из холла донеслись слабые телефонные звонки и размеренный голос дворецкого. Крокер вернулся к газете. Дворецкий вошел в комнату.

— Звонит леди Корстофайн, мадам. Просит вас.

На полпути к двери миссис Крокер приостановилась, точно бы припомнив нечто, ускользнувшее из памяти.

— А мистер Джеймс встал?

— По-моему, нет, мадам. Как мне сообщила горничная, которая проходила мимо его двери, из спальни не доносится ни шороха.

Миссис Крокер вышла. Дворецкого, собиравшегося было последовать ее примеру, остановил оклик хозяина.

— Послушайте! — сказал тот. — Послушайте, Бейлисс! Нет, подойдите на минутку. Хочу спросить кое о чем.

Дворецкий приблизился. Ему казалось, что нынешним утром хозяин несколько не в себе, лицо у него ошалелое и слегка загнанное, и он даже поделился своим наблюдением в буфетной.

По правде говоря, объяснялось это просто. Крокера точила острая тоска по родине, которая неизменно наваливалась на него как только начиналось лето. С самой своей женитьбы, случившейся пять лет назад, и одновременного отъезда из Америки он стал хронической жертвой этой напасти. Осенью и зимой симптомы притуплялись, но начиная с мая он претерпевал жесточайшие муки.

Каких только эмоций ни воспевают, начисто пренебрегая лишь этой. Поют о Руфи, о пленном Израиле, о рабах, тоскующих по родной Африке, о золотоискателях, тоскующих по дому. Но горести бейсбольного болельщика, обреченного жить за три тысячи миль от Поло Граундс, как бы и нет. Таким болельщиком был Бингли Крокер, и летом страдания его обострялись. Он чахнул в стране, где кричат: «Хорошо сыграли, сэр!», вместо: «Эй, парень, да ты молоток!»

— Бейлисс, вы играете в крикет?

— Немного вышел из возраста, сэр. Но в молодые годы…

— А разбираетесь в нем?

— Да, сэр. Я часто провожу денек на стадионе, когда матчи интересные.

Многие, поверхностно знакомые с дворецким, сочли бы это признание неожиданным проявлением человечности, но Крокер не удивился. Для него Бейлисс с самого начала был человеком и братом, всегда готовно отвлекающимся от своих обязанностей, чтобы помочь разобраться в тысяче и одной проблеме, связанной со здешней жизнью. Американский разум с трудом приноравливался к тонкостям классовых различий и, хотя хозяин излечился от изначальной склонности называть дворецкого «Билли», за советом к нему, как мужчина к мужчине, он обращался всегда. Бейлисс охотно приходил на помощь, ему хозяин нравился. Правда, человеку более тонкому, чем этот хозяин, могло показаться, что ведет он себя как снисходительный папаша, общающийся со слабоумным сыном; но проглядывала тут и искренняя привязанность.

Подняв газету, Крокер снова развернул ее на спортивной странице, тыкая в строчки коротким пальцем.

— Так объясните, что это значит. Пять лет я от него увиливал, а вчера вот допекли, отправили смотреть, как Сёррей играет против Кента. Значит, вы там бывали?

— И вчера был, сэр. Захватывающий матч!

— Что это вас захватило? Я весь день просидел, надеясь, что игра вот-вот развернется. У них никогда ничего не происходит?

Дворецкий едва не поморщился, но выдавил снисходительную улыбку. Что с него взять, уговаривал он себя, одно слово — американец, его пожалеть надо.

— Дорожка была вязкой из-за дождя, сэр.

— Э?

— Вязкая дорожка была, сэр.

— Попробуйте еще разок!

— Вчерашняя игра показалась вам вяловатой, потому что дорожка… то есть, дерн был вязкий… ну, влажный. «Вязкий» — термин технический, сэр. Когда дорожка вязкая, игрокам, отбивающим мяч, приходится быть осторожней, потому что другие игроки, просчитавшись, могут ударить слишком сильно.

— Вот она в чем штука, да?

— Да, сэр.

— Спасибо за разъяснение.

— Не за что, сэр.

Крокер ткнул пальцем в газету.

— А это финальный счет игры, которую мы вчера видели. Если вы что-то разобрали в ней, объясните, пожалуйста.

В указанном абзаце шли вперемешку фамилии и цифры. Бейлисс сосредоточенно изучил их.

— А что, сэр, для вас непонятно? Крокер шумно выдохнул через нос.

— Например, что означает «67» против фамилии Хейвард?

— Хейвард сделал 67 пробежек, сэр. — О?! За одну игру?

— Да, сэр.

— Даже Бейкер так не мог бы!

— С Бейкером, сэр, я незнаком.

— Вы, наверное, и бола не видели?

— Бола, сэр?

— Ну да, бейсбола.

— Нет, сэр. Не видел.

— Ну, разве это жизнь?! — в возбуждении Крокер вернулся к худшей привычке первых лондонских дней. — Смотри сюда, Билли!

Все остатки почтения к классовым различиям, какие он ухитрялся сохранять на начальных стадиях беседы, сгинули без следа. Глаза у него бешено сверкали. Фыркая, словно боевой конь, он схватил дворецкого за рукав, подтянул его поближе к столу и принялся манипулировать ложками, чашками и даже содержимым тарелки, энергично, почти лихорадочно, объясняя любимую игру.

— Билли!

— Да, сэр?

— Гляди в оба! — призвал Крокер голосом миссионера, готового приступить к обращению варвара.

Он вынул из плетенки булку.

— Видишь, булочка? Это база — «дом». Ложка — первая база. Вот, ставлю чашку — вторая база. Ветчина — третья. Вот тебе и «бриллиант» — ромб, то есть бейсбольное поле. Так, дальше. Эти кусочки сахара — игроки внутреннего поля. А эти — игроки внешнего поля. Вот мы и готовы! Отбивающий — весь внимание. Он стоит тут. Принимающий позади него. А за принимающим — рефери.

— Рефери, насколько я понимаю — это судья, сэр?

— Да называй как хочешь. Без него нет игры. А тут — бугорок центрального круга, вот, я кладу сюда мармелад. К этой цели стремится подающий.

— Подающий — это тот, кто бросает мяч?

— Да, да. Сказано, подающий.

— А круг, это его калитка?

— Называй как хочешь. Внимание! Начинаем! Питчер подает мяч! Бей по нему, Майк! Бей! Набавь скорость! Вот он, прямо на границе внутреннего поля! Бац! Отбивающий отбивает и мчится к первой базе. Игрок с внешнего поля — вот этот кусок сахара — промазал! Ну, кретин! Отбивающий добегает до второй базы. К третьей? Еще чего! Вернись! Не успеешь! Играй наверняка! Держись рядом, друг! У второй! Так. Мяч подают за границу внутреннего поля. Долой! На скамейку запасных! Отбивает третий! Видишь, весь перемазался. Наблюдай вон за тем! Стоящий игрок! Оставь ты вторую базу и ударь вон того прямо по носу мячом! Лети ко второй базе! Заметь, первый игрок, которого мы оставили на второй, делает пробежку к базе — «дом». Вот это игра, Билли! Уж поверь мне, вот это игра! Несколько утомленный пылом, с каким он бросился в лекцию, Крокер откинулся на спинку кресла и освежился холодным кофе.

— Очень занимательно, сэр, — одобрил Бейлисс. — Теперь, когда вы все показали, я вижу, что игра мне знакома. Хотя я знал ее под другим названием. В нее и у нас играют.

— Правда? — вскочил Крокер. — А я тут пять лет и не слышал! Когда ближайший матч?

— В Англии ее именуют лаптой, сэр. В нее играют дети, мягким мячом и чем-то вроде ракетки. Им очень нравится. Я никогда прежде не слыхал, чтобы ею забавлялись взрослые.

— Дети?! — шепотом переспросил Крокер. — Ракеткой?!

— И он буквально вытаращился на дворецкого.

— Да, сэр.

— Мя… мягким мячом?

— Вот именно.

Крокер содрогнулся. Пять лет он прожил в Англии, но только в эту минуту во всей полноте осознал, насколько же он одинок. Судьба забросила его, беспомощного, в страну, где бейсбол называют лаптой и еще играют мягким мячом!

Он рухнул в кресло, тупо уставясь в пространство. Под его взглядом стена точно растаяла, сменившись изумрудным полем, в центре которого человек в серой форме начинает танец Саломеи. Наблюдая за ним холодно и зорко, стоит еще один, тоже в форме, занеся над плечом толстую биту. Еще двое, полуприсев, осторожно бдят позади. А на деревянных скамьях, вокруг, огромное множество зрителей в одних рубашках. Воздух гудит от голосов. В гуле выделяется пронзительный тенорок:

— Орешки! Купите арахисовые ор-р-ешки!

Рыдания едва не сотрясли толстенькое тело страдальца. Бейлисс, дворецкий, встревоженно смотрел на него. Он был уверен, что хозяин занемог.

Случай был как раз из тех, который мог бы использовать священник, стремящийся внушить безденежной, скептически настроенной пастве, что богатые тоже плачут. Поэзия же отлила его в следующих строках:

Изгнанник скорбит на чужбине по хижине милой,
По кладбищу, где зеленеют родные могилы.
Там весело птички щебечут, слетаясь с полей,
Там тихо и мирно журчит серебристый ручей.

В хижине, правда, Крекеру жить не доводилось, и его отношения с птичками не достигали особой близости, но подставьте вместо хижины — бейсбольный клуб, а вместо птичек — его членов, и вот она, параллель, не придерешься.

До второй своей женитьбы Бингли Крокер был актером, незаменимым исполнителем мелких ролей, какие Бог пошлет. Он со всеми ладил, денег у него не водилось, зато имелся сын двадцати одного года.

Сорок пять лет Крокер жил от получки до получки, и каждая следующая еда его приятно удивляла. Но вдруг, на атлантическом лайнере, он познакомился с вдовой Дж. Дж. ван Бранта, единственной наследницей несметных богатств.

Что углядела миссис ван Брант в Бингли Крокере, почему выделила его из прочего мира, выше разумения; но ведь фокусы Купидона давно всем известны. Лучше, не доискиваясь первопричин, довольствоваться результатом. Бурный роман зародился, расцвел и достиг апогея за те девять дней, которые потребовались, чтобы проплыть от Ливерпуля до Нью-Йорка. Крокер возвращался с театральной труппой после провальных гастролей в Лондоне, а миссис ван Брант очутилась здесь, поскольку ее уверили, что тихоходные пароходы — самые надежные. Путешествие они начали незнакомцами, а закончили — помолвленной парой. Роман, безусловно, ускорило и то обстоятельство, что Бингли сразу осознал тщетность сопротивления, если даже ему и приходило в голову сопротивляться — сбежать в таком ограниченном пространстве от сокрушительного напора было просто некуда.

Кровные родственники главных действующих лиц восприняли все это

по-разному. Джимми, сын Крокера, узнав, что отец обручился с вдовой известного миллионера, бурлил благодарностью. На маленьком ужине, которым он угостил своих приятелей-газетчиков, затянувшемся до шести утра — прервал его только летучий клин официантов, справедливо считавшихся красой и славой элегантного ресторана — на этом ужине он радостно объявил, что отныне и навек простился с работой. В прочувствованных словах поблагодарил он Провидение, пекущееся о достойных молодых людях, спасая их от тягомотной необходимости приносить себя в жертву Молоху капиталистической алчности. Пособолезновал он и гостям, которым не выпало подобной удачи, советуя утопить печаль в вине. Совету этому они охотно последовали.

Совсем по-иному отнеслась к событию сестра будущей миссис Крокер. Она категорически не одобрила намечавшийся брак. В последнем разговоре с сестрой она обозвала жениха актеришкой, охотником за деньгами, нищим бродягой и вороватым прохвостом, что подтверждает предположение о том, что Неста не была горячей сторонницей этого брака. Всем сердцем согласилась она на предложение невесты никогда больше, до конца дней, не разговаривать друг с другом. Сразу же после этой ссоры та перевезла нового мужа, пасынка и все остальное хозяйство в Лондон, где семейство и жило с тех пор. Отныне об Америке миссис Крокер говорила с неприязнью и презрением. В друзьях у нее значились лишь англичане, с каждым годом — из более высокого, аристократического общества. Она стремилась стать одной из властительниц лондонского света, и уже сейчас достижения ее буквально поражали. Знакомства она водила с нужными людьми, жила в аристократическом квартале, говорила именно то, что нужно, и думала то, что следует. К весне третьего года она преуспела в борьбе со склонностью мужа начинать фразу словами «Эй, послушай!» Короче, прогресс ее принимал формы легко одержанной победы.

Лишь одно шло в разлад с ее успехами — поведение пасынка. Именно про него говорила она по телефону перед тем, как вернуться в комнату для завтраков. Бейлисс уже давно удалился, Крокер в мрачной задумчивости сидел за столом.

— Бингли, нам улыбнулась удача, — возвестила его жена. — Так любезно, что дорогая леди Корстофайн позвонила мне! Оказывается, в Англию вернулся ее племянник, сэр Перси Уиппл. Последние три года он жил в Ирландии, служил у тамошнего наместника и прибыл в Лондон вчера днем. Леди Корстофайн обещала познакомить его с Джеймсом. Мне так хочется, чтоб они подружились!

— Юджиния, — гулко проговорил Крокер, — тебе известно, что

бейсбол тут называют лаптой и в него играют дети? Мягким мячом!

— Джеймс совершенно отбился от рук. Аб-со-лютно необходимо, чтобы он подружился с порядочными людьми.

— И ракеткой!

— Послушай меня, Бингли! Я говорю о Джеймсе. В нем просто засела американская вульгарность! С каждым днем он хуже и хуже. Вчера я была с Дэлефилдсами в «Карлтоне», и там же, всего за несколько столиков, сидел Джеймс с неописуемым субъектом. Как можно показываться на публике с подобными личностями! Чудовищный костюм, перебитый нос, гнусавит на весь ресторан. Буквально все оборачивались! Позже я выяснила, что этот субъект — боксер самого низкого пошиба из Нью-Йорка. Некий Спайк Диллон, так мне сказал капитан Рокстон. Джеймс угощает его в «Карлтоне»!

Крокер хранил молчание. Неустанной тренировкой он отшлифовал это искусство до совершенства.

— Джеймсу надо втолковать его обязанности. Что ж, я побеседую с ним. Только на днях я слышала, что очень достойному человеку, чрезвычайно богатому, щедрому на пожертвования во всякие партийные фонды, пожаловали только личное дворянство, потому что его сын вел себя крайне вызывающе. Нынешний двор очень строг. Джеймсу следует быть осторожным. Некоторая степень буйства в молодом человеке вполне позволительна даже в высших кругах, но при одном условии — пусть буянит в хорошей компании. Всем известно, что молодого лорда Дэтчера, пока он учился в Оксфорде, выставляли из мюзик-холла каждый год в вечер лодочных гонок, но никто не возражал.

Семья относится к этому, как к шалости. А вот у Джеймса вкус донельзя вульгарный. Профессиональные боксеры! Да, много лет назад было модно показываться с ними, но дни эти миновали. Мне определенно следует побеседовать с Джеймсом. Ему никоим образом нельзя привлекать к себе внимание. Дело о нарушении брачных обещаний было три года назад; надеюсь, о нем забыли. Но малейший промах — и газеты снова примутся полоскать его имя. Это может оказаться роковым. Будущий наследник титула должен быть осторожен…

Как уже упоминалось выше, Крокер никогда не прерывал жену, но сейчас — перебил:

— Слушай-ка!

— Бингли, — миссис Крокер сдвинула брови, — я тебе уже не раз говорила, чтоб ты не начинал с этих слов. Препротивный американизм! Подумай, вдруг, в один прекрасный день, обращаясь к Палате лордов, ты

произнесешь такое! Тебе и договорить не дадут!

Крокер конвульсивно сглотнул, точно бы проверял, способен ли он к речи. Словно Савла Тарсянина, его сковала внезапная немота. Часто, в дни здешнего житья, он гадал, с какой стати Юджиния обосновалась тут, а не на их далекой родине. Не в ее привычках, думал он, совершать бесцельные поступки, однако до сего момента постигнуть ее мотивы не мог. Даже сейчас он едва верил себе. Но какой еще смысл могли таить ее слова, кроме этого, чудовищного, который шарахнул его, как дубинкой?

— Послушай-ка… то есть, Юджиния, неужели… нет, не может быть… ты не собираешься сделать меня лордом?

— Именно над этим я и тружусь все эти годы!

— А… а зачем? Не понимаю!

Прекрасные глаза миссис Крокер заискрились.

— Что ж, я тебе объясню. Перед тем как мы поженились, я беседовала с моей сестрицей. Вела она себя оскорбительнее некуда. Обзывала тебя словами, которых я ей не прощу. Видите ли, замуж я выхожу за неровню! Что ж, ты у меня станешь английским пэром. А ей я пошлю вырезку «Почетный Список на День Рождения» с твоим именем. Умру, но добьюсь! Теперь ты все знаешь.

Воцарилась тишина. Крокер машинально отхлебнул холодного кофе. Блестящими глазами его жена вглядывалась в сверкающее будущее.

— Это что, мне придется торчать в Англии, пока меня не произведут в лорды? — выговорил несчастный.

— Да!

— И я не съезжу в Америку?

— Пока не добьемся успеха — нет!

— У, черт! — воскликнул Крокер, раздирая многолетние путы.

Жена его, дама решительная, все-таки была доброй. Душевное состояние мужа было ей понятно. Она даже могла пропустить мимо ушей крепкие американские выражения, пока он привыкнет к великой идее. Так ковбой с широкими взглядами терпимо выслушивает вопли мустанга, пока его клеймит. Покорность и послушание потребуются позже. А сейчас должны улечься первые мучения. И она мягко заговорила:

— Я рада, Бингли, что мы все выяснили. Лучше, чтоб ты знал. Поймешь, какая на тебе ответственность. Таким образом, мы возвращаемся к Джеймсу. Слава Богу, лорд Перси Уиппл в городе. Они с Джеймсом приблизительно одного возраста и, судя по тому, что мне рассказала леди Корстофайн, могут стать идеальными друзьями. Ты понимаешь, конечно, что он — второй сын лорда Дивайзиса. Это старейший друг премьер-

министра, человек, который, в сущности, диктует «Почетный Список». Если б только Джеймс и лорд Перси сдружились! Тогда считай, что битва выиграна. Это для нас все. Леди Корстофайн обещала устроить им встречу. А пока что я поговорю с Джеймсом. Предупрежу, чтоб был поаккуратнее.

Крокер извлек из кармана огрызок карандаша и нацарапал на скатерти:

Лорд Крокер
Лорд Бингли Крокер
Лорд Крокер из Крокера
Маркиз Крокер
Барон Крокер
Бингли, первый виконт Крокер.

И побелел, читая страшные письмена. Внезапная мысль ужалила его:

— Юджиния!

— Ну, что?

— А что скажут в нашем клубе?

— Знаешь, меньше всего меня интересует твой клуб!

— Так я и думал, — угрюмо буркнул будущий виконт.

ГЛАВА III

Такова уж особенность человеческого сознания — какие бы грозные опасности ни маячили в отдаленном будущем, очень скоро оно возвращается к мелким тяготам настоящего. Если нам нужно посетить дантиста, мы на минутку забываем о грядущем денежном крахе. Так и Крокера через четверть часа рывком вырвали из терзаний бедствия более близкие, чем появление его имени в «Почетном Списке»; он вспомнил, что, по всей вероятности, сегодня ему опять придется ехать на дурацкий матч.

Мерцал лишь один проблеск надежды — видимо, на крикет, как и на бейсбол, влияет дождь, если ночью прошел достаточно сильный (а ему показалось, что поливает вовсю), то, возможно, второй матч отложат. Встав из-за стола, Крокер направился в холл, намереваясь выскочить на Гровнор-сквер и проверить дерн, потыкав его каблуком на предмет пресловутой «вязности». Он затопал к парадной двери, всей душой надеясь на лучшее, но когда он дошел до нее, звякнул дверной звонок.

Еще одна дурная привычка, от которой жена излечила его за эти годы, — самому открывать дверь. Бингли воспитывался в обстановке, где всякий сам себе швейцар, и нелегких трудов стоило ему вдолбить, что настоящий джентльмен дверей не открывает, но ждет, пока слуга, как положено, пойдет и откроет за него. Эту великую истину Крокер наконец-то усвоил и теперь уже редко допускал оплошность, но сегодня мозги у него были набекрень после всех утренних треволнений. Инстинкт, сплавившись воедино с подвернувшимся случаем, победил. Когда звякнул звонок, пальцы его лежали на дверной ручке — и он машинально повернул ее.

На верхней ступеньке крыльца, соединявшего главный вход с тротуаром, стояли трое: рослая, грозной красоты женщина за тридцать, лицо которой показалось ему смутно знакомым; пухлый пятнистый мальчишка, энергично что-то жующий; а на заднем плане — невысокий человек, приблизительно его возраста, седовласый, худой, с карими глазами, застенчиво смотревшими на мир сквозь очки без оправы.

Трудно было бы найти личность неприметнее; однако именно он приковал внимание Крокера. Сердце страдальца, томимого тоской по родине, болезненно скакнуло: на незнакомце был просторный костюм с квадратными плечами — для наблюдательного глаза не меньший символ республики, чем «Звезды и Полосы»; весело пели о родной Америке

тупоносые желтые башмаки; шляпа была не просто шляпой, а громогласным приветом из Нью-Йорка! Целую вечность не доводилось Крокеру видеть такого типичного, такого насквозь американистого американца. От восторга у него отнялся язык, словно у человека, который после долгого изгнания видит приметы детства.

Женщина воспользовалась этим, расшифровав его немоту, как молчаливый и почтительный вопрос о цели их визита.

— Миссис Крокер дома? Пожалуйста, передайте, что ее хочет видеть миссис Пэтт.

В закоулках мозговых извилин у Крокера завихрились, суетясь и толкаясь, шесть разных мыслей одновременно; они протискивались в главный зал, где места в обрез хватало для одной. Он понял, почему гостья показалась ему знакомой. Это же сестра его жены, та самая Неста, которая в один прекрасный день, увидев его имя в «Почетном списке», будет повержена в прах и пыль. Он очень обрадовался, что она приняла его за дворецкого. Его морозец продрал, когда он представил, как отреагировала бы Юджиния на его промах — мало того, что самолично открыл дверь, так еще Несте Пэтт, которая и так уже его презирает. Какой поднялся шум с месяц назад, когда жена застукала его на том, что он открыл дверь всего лишь сборщику благотворительных пожертвований! Учитывая, что голова у него совсем уж поплыла, он сообразил с поразительной ясностью, что любой ценой должен поддерживать заблуждение.

К счастью, обстоятельства ему благоприятствовали. Он точно знал, как ведет себя дворецкий, что говорит в подобных случаях, поскольку в наивной своей любознательности нередко выпытывал у Бейлисса мельчайшие подробности. Молча поклонившись, он направился в утреннюю гостиную; за ним следовали Пэтты. Открыв дверь, он посторонился, пропуская шествие, и сказал:

— Я доложу о вас миссис Крокер.

Миссис Пэтт, гоня перед собой жующего мальчика, прошествовала в гостиную. В свете высказанных ею мнений насчет будущего зятя любопытно отметить, что манеры его при первой их встрече произвели на нее впечатление очень и очень благоприятное. После многих месяцев подавляемого отвращения она, не вытерпев, уволила своего дворецкого за день до отплытия в Англию; и зависть к Юджинии впервые защемила ей сердце. Других приобретений сестры она не одобряла, но превосходному ее дворецкому — да, позавидовала.

Пэтт между тем тянулся в хвосте, загнанно озираясь. Всякий угадал бы в нем мужчину, которому предстоит присутствовать при стычке

женщин; менее задорен лишь вымокший кот на чужих задворках. Миллионер с легкостью отдал бы не один миллион, лишь бы очутиться подальше. Настолько перенапряжены были его нервы, что, когда плеча легонько коснулись, он вздрогнул, из рук у него выпала шляпа. Обернувшись, он встретил взгляд дворецкого, впустившего их в дом. Тот пожирал его умоляющими глазами.

— Кто ведет в чемпионате Лиги? — лихорадочным шепотом спросил странный дворецкий.

Вопрос его мог бы у кого другого вызвать растерянность, что там, изумление. Но какую же сверхъестественную сообразительность и смекалку развивает любовь к национальной игре! Не запнувшись, Пэтт отвечал:

— «Гиганты».

— У-у!

Легчайшая тень удивления не омрачила чистой радости, всепоглощающей радости болельщика, так неожиданно повстречавшего на чужбине собрата. Его пригрели лучи счастья, хотя нынешним утром счастья и ждать было неоткуда.

— Как, не сдаются? — осведомился дворецкий.

— Да вроде нет. Наверняка разве предскажешь? Пока рано. Видал я раз, вели счет до конца августа, а потом их вышибли из Лиги.

— Это верно, — пригорюнился дворецкий.

— Матти в хорошей форме.

— Да? Не подводит старый вояка?

— Молотит, как машина. Перед моим отъездом не дал выиграть «Юнцам» ни очка.

— О, здорово!

Такое восклицание немного царапнуло Пэтта, и он воззрился на удивительного слугу.

— А откуда вы знаете про бейсбол?

Дворецкий оцепенел, внезапно вспомнив, что он актер, играющий роль.

— Извините, сэр. Надеюсь, я не допустил вольности. Одно время я служил у одного джентльмена в Нью-Йорке и там увлекся бейсболом. Поднахватался американских словечек, — он виновато усмехнулся. — Выскакивают иногда…

— И пусть! И отлично! — пылко одобрил Пэтт. — Вы первый напомнили мне о доме, с тех пор как я оттуда уехал. Послушайте-ка!..

— Да, сэр?

— Хорошее у вас тут место?

— Э… э… да, сэр.

— Вот, держите карточку. Если когда надумаете переменить работу, жду по этому адресу.

— Благодарю, сэр, — поклонился Крокер. — Ваша шляпа, сэр.

И протянул головной убор, обласкав его взглядом — посмотришь на такую шляпу, и словно дома побываешь. Потом он проводил Пэтта в гостиную влюбленным взором.

Торопливо, хотя спешка была не в его обыкновении, в холл вошел Бейлисс. Звонок застиг его за чтением крайне увлекательных новостей в утренней газете, и он угрызался теперь, что опоздал.

— Бейлисс, — осторожным полушепотом попросил Крокер, — доложите миссис Крокер, пожалуйста, что к ней пришла миссис Пэтт. Ждет в утренней гостиной. Если спросит, скажите, что впустили ее вы. Понятно?

— Да, сэр, — Бейлисс полнился благодарностью за такую счастливую развязку.

— Ах да, Бейлисс!

— Сэр?

— Как этот дерн, чересчур вязкий для крикета?

— Да, сэр. Вряд ли игра сегодня состоится. Слишком сильный ночью шел дождь.

На сердце у Крокера полегчало, и он удалился к себе в берлогу. Жена его годами тренировок и истового подражания лучшим образцам выработала привычку скрывать за маской вежливого безразличия любые эмоции. В аристократических кругах мужчины позволяли себе порой взрываться, но женщины — никогда. И вот она добросовестно выдрессировала себя, да так сурово, что теперь даже редко повышала голос. Манеры ее, когда она вышла в утреннюю гостиную, были спокойными и безмятежными, но внутри свербело любопытство. Неужели Неста приехала мириться? Невероятно! Однако никакой другой причины ее визита придумать Юджиния не могла.

Она удивилась, найдя в гостиной троих. Бейлисс, принесший ей новость, упомянул только миссис Пэтт, а тут целая гурьба Пэттов. Второй брак ее сестры состоялся уже после их ссоры, она никогда не видела нового зятя, но предположила, что коротышка, тершийся где-то на задворках, он и есть. Догадка ее подтвердилась.

— Доброе утро, Юджиния, — поздоровалась гостья. — Питер, это моя сестра Юджиния. Мой муж.

Миссис Крокер церемонно поклонилась. Она думала, до чего ж безнадежен американский этот Пэтт: мешковатый костюм, нелепые ботинки, смехотворная шляпа. И как мало у него волос… Вообще никаких достоинств — ни обаяния, ни культуры, ни красоты, ни элегантности, ни осанки, ни ума. Словом, ни одного из тех свойств, которые возвышают мужчин над уровнем таракана.

Пэтт, со своей стороны, ежился под ее холодным взглядом, нацеленным ему точно между глаз, чувствуя себя так, словно его разнимает на составные части неуклюжий самоучка. Он невольно подумал, каков же из себя этот Крокер, за которого вышла замуж такая тетя? Не иначе как атлетический красавец, властный, брызжущий энергией, с квадратной челюстью и мощным голосом. Мужчина более бледной наружности вряд ли согласился бы связать с ней судьбу. Да, вряд ли. Окольными путями Пэтт пробрался к дальнему креслу, юркнул в него и замер, притворяясь мертвым, как опоссум. Никакого участия в грядущей беседе он принимать не желал.

— Огдена ты, конечно, помнишь, — продолжала миссис Пэтт.

Она сидела, жестко выпрямившись, и так походила на каменное изваяние, что каждый раз, когда она открывала рот, казалось, будто вещает статуя.

— Да, — коротко ответила миссис Крокер. — Пожалуйста, попроси его, чтобы он не вертел вазу. Она очень ценная.

И она устремила на юного гостя, который небрежно крутил красивейшее изделие древней китайской поры, такой же взгляд, каким только что расправилась с его отчимом. Но что ему взгляды! Он переместил конфетину из-за правой щеки под левую, тупо посмотрел на тетку и возобновил манипуляции с вазой. В его жизни миссис Крокер не значила ничего.

— Огден, — велела миссис Пэт, — иди сюда и сядь!

— Не хочу-у…

— Ты надолго в Англию, Неста? — холодно осведомилась миссис Крокер.

— Не знаю. Мы еще не решили.

— Вот как?

Она отвлеклась. Огден, разыскав бронзовый нож для разрезания бумаг, принялся постукивать им по вазе. Звенящая нота, которой отзывался фарфор, ласкала юную душу.

— Если Огдену так уж хочется разбить вазу, — отчужденно произнесла миссис Крокер, — я позвоню дворецкому, пусть принесет

молоток.

— Огден! — прикрикнула миссис Пэтт.

— Прям уж ни до чего не дотронься, — проворчал Огден, отходя к окну, где и встал, уставясь на площадь. Легкое подергивание ушей показывало, что он по-прежнему жует конфету.

— Малыш все такой же забавный, — пробормотала хозяйка.

— Я приехала не Огдена обсуждать!

Миссис Крокер вскинула бровь. Даже миссис Ланнерс, у которой она переняла эту манеру, не сумела бы вскинуть ее искуснее.

— Вот я и жду, Неста, пока ты объяснишь зачем.

— Поговорить о твоем пасынке, Джеймсе Крокере. Дисциплина, которую взращивала в себе миссис Крокер, спасла ее от унижения; ей удалось скрыть, как она удивлена. Она грациозно махнула ладошкой (точь в точь герцогиня Эксминстер, непревзойденная махальщица), сообщая, что внимательно слушает.

— О твоем пасынке Джеймсе, — повторила миссис Пэтт. — Как там его называют нью-йоркские газеты, Питер?

Опоссум ожил. Он исхитрился завернуться в такой плотный кокон небытия, что теперь, когда его включили в беседу, выскочил, как чертик из коробки или труп из могилы. Повинуясь властному зову, он сдвинул в сторону плиту и высунул голову.

— Джим с Пиккадилли, — слабо промолвил он.

— Джим с Пиккадилли! — повторила миссис Крокер. — Что за наглость!

Несмотря на все муки, тусклая улыбка тронула при этом восклицании маску смерти.

— Им бы следовало…

— Питер!

И Пэтт скончался вновь, всем своим видом выражая почтение.

— С какой стати нью-йоркским газетам вообще вздумалось писать про Джеймса? — осведомилась миссис Крокер.

— Питер, объясни.

Пэтт нехотя сбросил погребальные одежды. Он полагал, что беседу Неста будет вести в одиночку.

— Э… ну… он сейчас у всех на языке.

— Почему?

— Как же, вырос в Америке, работал в газете — и вдруг уезжает в Англию, просто герцогом каким-то становится. Знается с другими герцогами, играет в карты с королем… Естественно, они заволновались.

На лице миссис Крокер обозначилось более любезное выражение.

— Да, конечно. Газетам не помешаешь печатать, что они хотят. Итак, они опубликовали очерк о его успехах в английском обществе!

— Успехах, — хмыкнул Пэтт. — Уж это верно…

— Надо что-то предпринять, — вмешалась миссис Пэтт. Пэтт одобрил и это.

— Неста просто заболеет, если так пойдет!

Миссис Крокер вскинула бровь. Удержать на лице довольную улыбку стоило ей немало трудов.

— Всегда в тебе, Неста, говорит мелкая ревность… Миссис Пэтт разразилась металлическим хохотом.

— Чего-что. — вскричала она, — а позора я не желаю!

— Позора?

— А как еще это назвать? Разве ты не сгорела бы со стыда? Открываешь воскресную газету, а там статейка на целую полосу о твоем племянничке, который напивается на скачках, дерется с букмекером, срывает митинг! Мало того, его судят, потому что он не женился на какой-то буфетчице!

Натренированное хладнокровие миссис Крокер сохранила, но внутренне сотряслась. Эпизоды, на которые ссылалась сестра, давно отошли в область преданий, были кошмаром умершего прошлого, но вот, оказывается, в газетах они гуляют до сих пор! Она опять твердо решила побеседовать с Джеймсом, когда удастся его изловить, да так, чтоб вытряхнуть все эти скандалы раз и навсегда.

— Это не все, хотя конечно, и этого за глаза хватит. Газеты вдобавок раскопали, что я — его тетя. Две недели назад поместили мое фото в статью. Теперь нас вечно будут соединять. Вот почему я приехала к тебе. Этому надо положить конец. Единственный способ — забрать твоего пасынка из Лондона, где он носится без узды. Питер, добрая душа, согласился взять его к себе в контору. С его стороны это очень великодушно, проку еще долго не будет. Но мы все обсудили. Другого выхода нет. Я приехала просить, чтобы ты позволила Джеймсу уехать с нами. Мы убережем его от дальнейших неприятностей. Дадим честную работу. Что ты скажешь?

— А чего ты ждешь? — миссис Крокер вскинула бровь. — Что я могу сказать? Абсурд какой-то! В жизни такого бреда не слышала!

— Ты отказываешься?

— Разумеется!

— Ну и дура!

— Вот как?

Пэтт вжался в кресло. Сейчас он чувствовал себя миролюбивым и нервным посетителем салуна на Диком Западе, перед которым два ковбоя тянутся к набедренным карманам. Ни жена, ни ее сестра не обращали на него ни малейшего внимания. Между ними шла заключительная дуэль взглядов. После некоторой паузы — минуты тянулись как века — миссис Крокер небрежно засмеялась.

— Неслыханно!

Миссис Пэтт была не в том настроении, чтобы выражаться изящно.

— Сама понимаешь, в Лондоне твой Джеймс погибнет. Ради него, не ради меня…

Миссис Крокер опять издала легкий, оскорбительно переливчатый смех, вызывающий у собеседника досаду.

— Не смеши меня, Неста! Погибнет! Не спорю, давным-давно, когда Джеймс было помоложе и еще не приноровился к обычаям лондонского общества, он вел себя необузданно. Теперь с этим покончено. Он знает… — она запнулась, изготовляясь к удару, — что правительство в любой момент может пожаловать его отцу титул.

Выстрел сразил наповал. У пораженной сестры вырвался вздох изумления.

— Что?!

Двумя пальчиками, унизанными кольцами, миссис Крокер прикрыла рот, пряча утомленный зевок.

— Ну да-а! А ты не знала? Хотя, конечно, живешь в такой глуши… О да, весьма вероятно, имя мистера Крокера появится уже в следующем «Почетном Списке». Джеймс вполне осознает, что надо вести себя соответственно. Он такой милый! Сначала ему мешало то, что он угодил в дурную компанию, но теперь его ближайший друг — лорд Перси Уиппл, второй сын герцога Дивайзиса. Герцог — один из самых видных людей королевства, личный друг премьер-министра.

Под градом титулов миссис Пэтт совсем поникла, но, собрав последние силы, откликнулась в том же духе.

— О, правда? Как приятно! Я думаю, он знаком с лордом Уизбичем, нашим большим другом.

Миссис Крокер несколько опешила. Она и не предполагала, что у сестры еще остался заряд в пистолете, пусть и такой мелкокалиберный.

— Ты знакома с лордом Уизбичем?

— А как же! — чуть воспряла Неста. — Видимся с ним почти каждый день. Он всегда говорит — к вам приходишь, как домой… У него в Нью-

Йорке так мало знакомых, он просто расцветает у нас.

Но миссис Крокер уже успела опомниться.

— Бедный Уизби! — томно протянула она.

— Что? — вытаращила глаза миссис Пэтт.

— Все такой же глупый и безвольный! Уехал из Лондона в кругосветное путешествие, а застрял в Нью-Йорке! Как это на него похоже!

— Ты знаешь лорда Уизбича?

— Знаю? — вскинула бровь миссис Крокер. — Да после лорда Уиппла он самый близкий друг Джеймса!

Миссис Пэтт поднялась, даже в поражении сохраняя величие. Когда она призвала взглядом сына и мужа, сын — и тот понял, что ослушаться ее нельзя. Она не вымолвила ни слова.

— Вам и впрямь пора? — осведомилась миссис Крокер. — Как мило, что приехали ко мне из самой Америки! Так странно встретить американцев в наши дни… В высшей степени необычно.

Кортеж в молчании покинул гостиную. Миссис Крокер тронула звонок, но скорбная процессия не стала дожидаться Бейлисса. Они были не в том настроении, чтобы соблюдать светские формальности. Им хотелось очутиться подальше, и как можно скорее. Дворецкий не успел и до гостиной дойти, когда за гостями захлопнулась парадная дверь.

— Бейлисс, — со счастливым, сияющим лицом распорядилась миссис Крокер, — пусть мне немедля подадут машину!

— Слушаюсь, мадам.

— Мистер Джеймс уже встал?

— По-моему, нет, мадам.

Миссис Крокер поднялась к себе. Не находись поблизости Бейлисс, она, возможно, пропела бы куплетик-другой. Ее благожелательность простиралась даже на пасынка, хотя намерений отчитать его, когда изловит, она не переменила. С этим, однако, можно и подождать. Пока что ей хотелось прокатиться по парку.

Через несколько минут после ее ухода на лестнице зашаркали шаги и в холл спустился молодой человек. Бейлисс, который только что позвонил в гараж насчет лимузина для хозяйки и собирался исчезнуть в недрах дома, повернулся и на лице у него заиграла искренняя улыбка.

— Доброе утро, мистер Джеймс! — сказал он.

ГЛАВА IV

Крокер-младший был молод, высок, красиво сложен. Лицо… ну, лицо, наверное, попозже станет красивым. Пока его портила мертвенная бледность, а круги под глазами намекали, что спал он плохо и сейчас его подташнивает. Остановившись у подножья лестницы, Джимми зевнул во весь рот.

— Бейлисс, — поинтересовался он, — а чего это вы выкрасились в желтое?

— Нет, сэр, я не красился.

— Да? Странно… Тогда почему лицо у вас ярко-желтое, а все остальное мелко вибрирует? Бейлисс, не смешивайте вина, вот вам дружеский совет. Есть кто в гостиной?

— Нет, мистер Джеймс.

— Тише, Бейлисс! Я нездоров. Слабость какая-то во всем теле. Проводите-ка меня в гостиную и бережно уложите на диванчик. Выпадают моменты… Истинная пытка, я вам скажу.

Солнце уже вовсю било в окна гостиной. Бейлисс опустил жалюзи, а Джимми, свалившись на диван, прикрыл глаза.

— Бейлисс…

— Да, сэр?

— Сдается мне, я сейчас вырублюсь.

— Принести завтрак, мистер Джеймс? Джимми содрогнулся.

— Бейлисс, только не надо острить! Постарайтесь отвыкнуть от этой манеры, не острите в печальные минуты. Вы очень остроумны, спору нет, но такт куда более ценен, чем юмор. Может, вы воображаете, что я забыл то утро, когда вы подкрались к моей постели и сунули ломоть ветчины? Нет! Есть я не желаю и не пожелаю никогда. Можете притащить бренди с содовой. Ма-а-аленькую порцию. Тазик-другой, и хорош.

— Слушаюсь, мистер Джеймс.

— А теперь оставьте меня, я хочу побыть один. Надо проверить, жив ли я еще. Это трудно.

Когда дворецкий ушел, Джимми взбил подушки, опять прикрыл глаза и на некоторое время отключился. Насколько позволяла жесточайшая головная боль, он пытался припомнить самые живописные моменты вчерашнего вечера, но воспоминания никак не отливались в четкие формы. Какие-то текучие, бесформенные наплывы, утомительные для человека,

домогающегося твердых фактов.

Представлялось странным, что в лабиринтах сознания плавают призрачные картинки — скандал, потасовка, драка… мельтешат, настойчиво повторяясь, но где-то вдалеке, не давая себя разглядеть. Такая нелепость действовала на нервы. Либо человек порадовал себя дракой, либо нет. Третьего не дано. Неточность тут просто смехотворна. Однако, как он ни старался, уверенность не приходила. Вот — он достигал грани достоверности, но тут же невидимый субъект злобно вонзал раскаленный штопор ему в макушку, принимался ввинчивать его, и течение мыслей обрывалось. Джимми все еще плавал и гадал, когда вернулся Бейлисс, неся на подносе целительный напиток.

— Поставить рядом с вами, сэр?

— Беспременно. — Джимми приподнял одно веко. — Не слабое словечко, а, Бейлисс, для похмельного утра? Попробуйте выговорить в следующий раз. А кто впустил меня утром?

— Впустил, сэр?

— Именно. Меня тут не было, а теперь — вот он, я, лежу в гостиной. Стало быть, я должен был пройти через парадную дверь. Логично?

— Думаю, мистер Джеймс, вы сами себя и впустили. У вас есть ключ.

— Значит, я был в состоянии кристальной трезвости. Однако, если так, отчего я не могу вспомнить, укокошил я кого или нет? Трезвый человек не забудет такого события. А? Бейлисс, вам случалось убивать?

— Нет, сэр.

— Но если бы вы убили, вы бы это помнили на следующее утро?

— Полагаю, что да, мистер Джеймс.

— Чушь какая-то! Никак не могу отделаться от впечатления, будто в какой-то момент моих исследований ночной жизни Лондона я набросился на джентльмена, с которым меня даже не знакомили, и его изувечил.

Бейлиссу показалось, что пришла пора поведать Джеймсу новость, которая, как он думал раньше, ему и так известна. Он оглядел молодого хозяина с мрачным сочувствием, не в силах разобрать как всегда, говорит тот всерьез или шутит. В данном случае, похоже, тот говорил всерьез, искренне пытаясь припомнить эпизод, отчет о котором вся прислуга смаковала с того момента, как получили утреннюю газету, на которую подписались сообща.

— Мистер Джеймс, вы это всерьез? — на всякий случай уточнил он.

— То есть как?

— Вы и вправду позабыли, что подрались в клубе «Шесть Сотен»?

Джимми рывком сел, поедая глазами этого всеведущего человека.

Рывок вновь вызвал такую боль, словно голову сверлят раскаленным штопором, и он со стоном рухнул.

— Д-да? Откуда вам известно? Откуда вы знаете, если я сам ничего не могу вспомнить? Виноват, ведь я — не вы.

— В сегодняшней «Дейли Сан», мистер Джеймс, помещен подробный отчет.

— Отчет? В «Сан»?

— На полстраницы, сэр. Если желаете, принесу газету. Она у меня в буфетной.

— Неплохо бы. Смотайтесь быстренько туда-назад. Не мешает взглянуть.

Бейлисс удалился и почти тотчас вернулся с газетой. Джеймс взял ее, взглянул мутным глазом и тут же сунул дворецкому.

— Переоценил свои возможности. У вас, Бейлисс, есть неотложные дела?

— Нет, сэр.

— Тогда почитайте мне отрывочек, самый интересный.

— Слушаюсь, сар.

— И вам полезно попрактиковаться. Я-то навеки останусь инвалидом, значит, придется сидеть у моего ложа и читать вслух. Между прочим, газета сообщает, кто был мой противник? Кого это я отправил в нокаут?

— Лорда Перси Уиппла.

— Какого лорда?

— Уиппла.

— В жизни не слыхал.

Джеймс устроился поудобнее и, позевывая, приготовился слушать.

ГЛАВА V

Из недр карманов Бейлисс извлек очешник, открыл его, вынул очки в золотой оправе, снова нырнул в джунгли, вытащил носовой платок, протер очки, водрузил их на нос и, захлопнув очешник, спрятал туда, откуда доставал. Потом он убрал платок и только тогда взялся за газету.

— Бейлисс, что за колебания? Откуда такая уклончивость? — Джимми по-прежнему лежал с закрытыми глазами. — Смелее, смелее!

— Я, сэр, очки надевал.

— Все готово?

— Да, сэр. Заголовок читать?

— Читайте все подряд. Дворецкий прочистил горло.

— О, Господи, Бейлисс! — простонал Джимми. — Не булькайте! Имейте же сердце! Ну, ну!

Бейлисс начал.

«ПОБОИЩЕ В МОДНОМ НОЧНОМ КЛУБЕ!»
«ДРАКА БЛАГОРОДНЫХ ОТПРЫСКОВ!»

Заинтригованный Джимми чуть приоткрыл глаз.

— Благородный отпрыск — это я?

— Так, сэр, в газете написано.

— Век живи, век учись.

Дворецкий принялся было прочищать горло, но спохватился.

«СЕНСАЦИОННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАТЧ
СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ ПЕРСИ (Англия)
против
ЦИКЛОНА ДЖИММИ (Америка)
Подробный репортаж нашего эксперта»

Джимми привстал.

— Бейлисс, опять это ваше извращенное чувство юмора! Не может быть, чтоб так напечатали в газете.

— Напечатали, сэр. Очень крупные заголовки. Джимми застонал.

— Еще дам совет, Бейлисс. Пригодится, когда вырастете. Никогда не таскайтесь по Лондону с газетчиками. Я вспомнил. По доброте сердечной я пригласил вчера Билли Блейка из «Сан» поужинать в «Шесть Сотен». И

вот она, благодарность. Наверное, считает, что все это очень смешно. Репортеры, Бейлисс, — подлый народец!

— Продолжать, сэр?

— А как же! Послушаю.

Бейлисс возобновил чтение. Он был из тех, которые — хоть про убийство, хоть про забавнейшее происшествие — читают размеренным, утробным тоном, придающим повествованию оттенок трагедии. В церкви, которую Бейлисс посещал по воскресеньям, числясь одним из влиятельнейших прихожан, детишки бледнели и жались к материнским юбкам, когда он читал отрывки из Священного Писания. Репортаж юного Блейка о вечернем происшествии в клубе «Шесть Сотен» он излагал с мрачным удовлетворением, проскальзывающим явственнее, чем ему хотелось бы. Ему было интересно, и он развернулся вовсю.

«Поздней ночью, когда миллионы наших читателей наслаждались освежающим, бодрящим сном, столь необходимым, чтобы воспринимать «Дейли Сан» за завтраком, в клубе «Шесть Сотен» на Риджент-стрит разыгрался весьма захватывающий матч, незаурядное событие спортивного сезона. В нем, после трех раундов стремительной схватки, Джеймс Б. Крокер, хорошо известный боксер в среднем весе, одержал победу над лордом Перси Уипплом, вторым сыном герцога Дивайзиса, больше известным под прозвищем Гордость Старой Англии. В матче вновь было продемонстрировано превосходство американского стиля над английским. У Перси Сокрушительного большое сердце, но у Циклона Джимми — крепкий кулак.

Непосредственной причиной боя явился спор из-за столика. Каждый гладиатор заявлял, что сделал заказ заранее, по телефону».

— Что-то такое забрезжило… — раздумчиво вставил Джимми. — Этот белобрысый пытался отбить у меня заказанный столик. Нежные увещевания пропали впустую, и я двинул ему в челюсть. Может, не вполне в себе был. Припоминается дружеская встреча раньше, в «Эмпайре». Наверное, потерял самоконтроль.

«Одно словцо повело к другому, а то, в свою очередь — к дальнейшим. Циклон Джимми нанес Сокрушительному Перси удар в нос, или, как выражались наши вульгарные предки, в сопатку. Гонг!

РАУНД ПЕРВЫЙ

РАУНД ПЕРВЫЙ

Оба соперника выбежали на ринг свеженькие, полные пыла, хотя, может, освежились больше, чем надо. Сокрушительный Перси испробовал свинг справа, но угодил в официанта. Циклон Джимми ответил быстрой серией ударов, проделав ощутимую прореху в окружающей атмосфере. Оба боксера кружили, примеряясь, но им мешал на этой стадии фактор, неосознаваемый обоими, а именно — спорный столик. Сообразительный Перси устранил преграду, последовала стычка на нейтральной территории. Перси уложил противника дважды; во второй раз тому не удалось подняться на счет «десять». Раунд с небольшим перевесом остался за Сокрушительным.

РАУНД ВТОРОЙ

Мощным броском ринулся из своего угла Циклон и угодил по манишке Сокрушительного. Последовал прямой удар в подбородок. Перси здорово качнуло и он сшиб бутылку шампанского с соседнего столика. В ожесточенном бою оба дрались эффектно. Циклон уложил соперника трижды. Раунд остался за Циклоном.

РАУНД ТРЕТИЙ

Перси встал из своего угла какой-то, скажем так, вялый. В сражение вступил Циклон, боевито молотя обеими руками. Сокрушительный захватил его в клинч, но Циклон оторвался и, соизмерив дистанцию, нанес прямой удар кулаком от пола. Перси упал и отключился окончательно.

В интервью нашему корреспонденту Циклон разоткровенничался. «Лично у меня, — поведал он, — исход боя не вызывал сомнений. Однако вначале мне мешало впечатление, будто я боксирую с тремя близнецами, и я упустил несколько возможностей нанести решающий удар, отвлекшись на двух крайних. Лишь во втором раунде я сконцентрировал усилия на том, кто посередке, и тогда матч быстро подошел к концу. Нет, стать профессиональным боксером у меня намерений нет. Награды очень соблазнительны, но слишком уж бокс похож на работу».

Бейлисс умолк. Наступила тишина.

— Все?

— Да, сэр.

— И этого хватит…

— Истинная правда, сэр.

— Знаете, Бейлисс, — задумчиво сказал Джимми, перекатываясь на бок, — насколько же все-таки любопытна и даже странна жизнь. Никогда не ведаешь, что тебя подкарауливает за углом. Начинаешь день с самыми благими намерениями, но еще до наступления ночи все катится кувырком. Все намерения рассыпаются прахом. Почему это так, Бейлисс?

— Не могу сказать, сэр.

— Взгляните хоть на меня. Вышел я провести вечерок, никому не желая вреда, а вернулся весь в голубой крови. А теперь — самое тяжкое. Как вы думаете, моя высокочтимая мачеха прочитала спортивную хронику?

— По-моему, нет, мистер Джеймс.

— На чем основаны эти утешительные слова?

— Миссис Крокер, сэр, полупенсовых газет не читает.

— И то правда. Забыл совсем. Однако, с другой стороны, велика вероятность, что она узнает об этом маленьком инциденте из других источников. По-моему, простейшее благоразумие подсказывает, что не стоит болтаться у нее на глазах, если я не хочу, чтоб меня подвергли допросу. Отвечать сегодня я не в состоянии. У меня голова раскалывается. Боль начинается в пятках и чем выше, тем хуже… А где, кстати, мачеха?

— Миссис Крокер у себя в комнате, сэр. Она заказала машину, та прибудет с минуты на минуту. По-моему, миссис Крокер собирается до ленча покататься в парке.

— А на ленч она куда-то едет?

— Да, сэр.

— Значит, последуем превосходнейшей тактике разумной песчанки. Вы про нее, несомненно, знаете? Едва заслышав гон охотничьих собак, она закапывается в грязь хвостом кверху и остается в такой позиции, пока не минует опасность. Спросят, где я — раздуйте грудь, отвечайте честно и мужественно, что я ушел, а куда — неизвестно. Могу я, Бейлисс, рассчитывать на благожелательный нейтралитет?

— Конечно, мистер Джеймс.

— Ладно, пойду пересижу пока у отца в кабинете. Недурное укрытие.

С охами и стонами Джимми поднялся с диванчика, поморгал и устремился в берлогу, где его отец в глубоком мягком кресле покойно покуривал трубочку, читая разделы газеты, не повествующие о крикете.

Берлогой назывался небольшой кабинет на задворках дома, совсем не шикарный. Выходил он окнами на пустынную дорожку, но Крокер любил его больше всего в огромном особняке, где некогда звенело эхо аристократических шагов. Тут, как однажды заметил он сыну, человек может передвигаться свободно, не рискуя споткнуться о герцогиню или напороться на графа. Тут, в мирной заводи, можно выкурить трубку, забросить ноги на стол, снять пиджак — словом, купаться в свободе и счастье, которые дарует Конституция любому свободнорожденному американцу. Сюда никто не заходил, кроме него самого да еще Джимми.

Когда вошел сын, Крокер от газеты не оторвался и бормотнул что-то сквозь дым, не поднимая глаз. Джимми уселся в соседнее кресло и тоже молча закурил. Неписанным законом берлоги было утешительное молчание. Прошло целых четверть часа, прежде чем Крокер-старший наконец поднял глаза из-за газеты.

— Слушай-ка, Джимми, хотел с тобой поговорить.

— Валяй! Слушаю в оба уха!

— Серьезно…

— Приступай, не упуская, однако, из виду, что перед тобой инвалид. Вчера, папа, выдалась ночка на болотах…

— Я насчет твоей мачехи. За завтраком она говорила о тебе. Вначале оскорблялась, что ты угощал в «Карлтоне» Спайка Диллона. Не води ты его туда, Джимми! Это ее задело. Она была там со всякой знатью, а пришлось слушать, как Спайк разглагольствует о боксе.

— Чего они взбеленились? Боксер он — высший класс.

— В общем, она грозилась, что побеседует с тобой. Решил тебя предупредить.

— Спасибо, пап. Все?

— Все.

— Только про это хотела говорить? Ни про что больше?

— Вроде ничего не сказала.

— Значит, не читала, слава тебе, Господи!

Ноги несчастного отца, грохнув, слетели с каминной решетки.

— Джимми, тел что, опять ад на рога поставил?

— Ну что ты, пап! Ничего серьезного. Забавы резвого аристократа. Так и полагается в моем положении.

— Джимми, пора тебе завязывать. Честно, пора. Не о себе пекусь. Мне-то как раз по нутру, если ты развлекаешься. А вот мачеха твоя говорит, что из-за твоего шалопайства может застопориться дело с этими, наверху. Богу известно, мне-то все равно, а вот ей… Сейчас объясню. До

сегодняшнего утра я сам — ни сном ни духом. А тут она и бухни. Я часто гадал, с какой такой стати все заварилось — и эта здешняя жизнь, и погоня за знатью. Никак не мог понять. А теперь выяснилось. Джимми, она от них добивается, чтобы меня произвели в пэры.

— Да ты что!

— Честное слово!

— Папаш, это ж классно! Комедия высшей пробы! Пэр! Господи! Если дельце выгорит, кем же стану я? Титулы у них такие запутанные. Конечно, придется сменить имя… скажем, буду почтенный Ролло Чолмли или там достопочтенный Обри Мейджорбенкс. Желательно бы узнать, какое именно? Хочу приготовиться к худшему.

— Так что, понимаешь, эти шишки, которые титулы раздают, за тобой следят. Ты ведь унаследуешь после меня титул, и, натурально, вляпаться им неохота. Слушай-ка, Джимми, я не требую многого, но одно ты можешь для меня сделать, не особо надрываясь.

— Пап, обязательно! Тресну, а сделаю! Давай, выкладывай.

— У этой леди Корстофайн есть племянник…

— Нет! Такие загогулины сюжета не под силу человеку с головной болью. Надеюсь, дальше все упростится…

— Твоя мачеха желает, чтоб ты с ним сдружился. Понимаешь, его папаша — друг премьер-министра и может потянуть за струну, когда дойдет до этих титулов.

— И всего-то? Положись на меня. Недели не пройдет, как мы с ним будем — не разлей вода. Включу все свое лучезарное обаяние, чтоб завоевать его симпатии. Как, говоришь, его зовут?

— Лорд Перси Уиппл.

Трубка Джимми стукнулась об пол.

— Па-па! Ты все-таки сосредоточься! Подумай как следует. Ведь ты не всерьез! Это совсем другой лорд. Не Перси Уиппл.

— А?

— А может… пап, ты сейчас обхохочешься. — Джимми хлопнул отца по плечу. — Прямо угоришь с хохоту. Вчера вечером я наткнулся на этого самого лорда и мы сцепились. Как все началось, не помню. Нам обоим почему-то приспичило занять один и тот же столик. Знаешь, папа, я бы пальцем к нему не прикоснулся, разве что ласково, по-дружески. Я представления не имел, кто он, а из репортажа следует, что я накидал бедняге шишек.

Ошеломляющая информация оказала на мистера Крокера приблизительно тот же эффект, что объявление о банкротстве на добряка-

отца в мелодраме. Он вцепился в подлокотники кресла, воззрясь в пространство и не произнося ни слова. На его измученном челе отражалось смятение.

Прострация эта отрезвила Джимми. Первый раз до него дошло, что у ситуации, помимо юмористической, есть и оборотная сторона. Он-то предвкушал, что отец, который разделял его представление о смешном и всегда хохотал в нужном месте, поразится и причудливому совпадению: жертвой оказался именно тот, с кем мачеха хотела подружить его. Сейчас Джимми увидел, что отец расстроился всерьез. Ни младший Крокер, ни старший не были склонны к шумной демонстрации чувств, но их связывала глубокая привязанность. Отца Джимми любил больше всех в мире, и мысль, что он огорчил его, причиняла ему почти физическую боль. Смех оборвался и он принялся сглаживать новость.

— Мне ужасно жаль, папа. Я и не думал, что ты так расстроишься. Да знай я, в жизни бы с ним не сцепился! Могу я что-то поправить? Ах ты, черт! Прямо сейчас отправлюсь к нему, извинюсь. Башмаки буду лизать. Не волнуйся ты, пап. Я все поправлю!

От водопада слов отец очнулся.

— Неважно, Джимми. Не переживай. Ну, не повезло нам. Понимаешь, твоя мачеха заявила, что и не подумает возвращаться в Америку, пока они не дадут мне титул. Хочет пощеголять перед сестрой. Вот я и горюю — твой лорд Перси там у них очень важный. Ладно, застряну в Англии… А мне бы охота увидеть следующий бейсбольный матч! Джимми, можешь себе представить, тут у них бейсбол называют лаптой, и играют в него дети. Мало того, у них мяч мягкий!

— Какой же я дурак! — Джимми метался по берлоге. Его точило раскаяние.

— Да ладно, Джимми. Не везет, но ты не виноват. Откуда тебе-то было знать!

— Нет, виноват! Только такой болван набрасывается на первого встречного. Не волнуйся, папа. Все поправится! Я улажу! Сейчас же иду к этому Перси. Не вернусь, пока его не уломаю. Не переживай. Все будет нормально.

ГЛАВА VI

Джимми удрученно спустился с крыльца на Кливленд Роу, где располагался особняк герцога. Миссия его с треском провалилась. В ответ на его просьбу дворецкий ответил, что лорд Перси прикован к постели и никого не принимает. Узнав фамилию гостя, он оглядел того с интересом — как и Бейлисс, он читал «Дейли Сан» и от всей души наслаждался репортажем о вчерашнем матче. Мало того, он его вырезал и как раз наклеивал в альбом, когда раздался звонок в дверь.

Получив отказ, Джимми угас. Гадая, что же еще можно предпринять, он откатился от парадной двери, точно армия, предпринявшая неудачную атаку на неприступную крепость. Вряд ли, думал он, стоит прорываться в дом силой и разыскивать там лорда Перси.

Погруженный в глубокие думы, он брел по Пэлл Мэлл. День стоял прекрасный. Дождь, который лил ночью, избавив Крокера от тягот крикета, освежил Лондон. С бирюзового неба сияло солнце, дул мягкий южный ветерок. Джимми направился к Пиккадилли; улица эта гудела от нарядных машин и жизнерадостных прохожих. Общее веселье досаждало ему, он презирал такую радость жизни.

Не в его характере было предаваться самоанализу, но сейчас он решил произвести досмотр. Вскрылось множество пороков, о которых он и не подозревал. Слишком весело проводил он время в Англии. Как-то не выдавалось досужей минутки, чтобы понять, что на нем лежат еще и обязанности. Каждый новый день он проживал по принципу Телемского аббатства — день прошел и ладно. Но то, как принял отец рассказ о ночной эскападе, его скупые слова образовали желанную паузу. Жизнь внезапно усложнилась. Джимми не привык думать в таком русле и смутно, как в тумане, прозрел ошеломляющую правду: мы, люди — кубики головоломки, поступок одного влияет на судьбу и счастье другого кубика. Вероятно, именно так, вырисовываясь все четче, зарождался гражданственный дух у доисторического человека. Все мы — индивидуалисты, пока не очнемся от сна.

Мысль о том, что он совершил поступок, почти погубивший отца, горько ранила Джимми. С отцом они всегда были скорее братьями. Тяжкие размышления клубились в его мозгу. Омрачала их и головная боль. Он. поставил вопрос ребром. Отец страстно хочет вернуться в Америку, а он своим идиотским поведением воздвиг барьер на его пути. Что из этого

следует? С ним, с Джимми Крокером, не все ладно. Если взвесить все свидетельства, этот Джимми — дурак, червяк, эгоистичный бездельник и подлый мерзавец.

После такого заключения он совсем пал духом и веселая суматоха Пиккадилли стала непереносимой. Развернувшись, он пошел обратно. Дойдя до угла Хаймаркет-стрит, он заколебался, но все-таки свернул на нее и добрался до Кокспер-стрит, где располагались агентства трансатлантических пароходных компаний.

Мимоходом взглянув на витрину, Джимми увидел за зеркальным стеклом, что по волнам картонного океана несется модель величественного парусника, и приостановился, охваченный непонятным трепетом. Во всех нас таится чувство сверхъестественного, и когда случайные происшествия вдруг отвечают ему, это кажется прямым ответом. Вопреки всем здравым резонам, мы склонны воспринимать их как предзнаменование. Джимми подошел поближе, осмотрел парусник внимательнее. Самый вид его дал толчок новому направлению мыслей. Сердце у него пустилось вскачь. Как загипнотизированный, он не мог оторваться от витрины.

«А что? — думал он. — Может, вот оно, самое простое решение всех проблем?»

За стеклом он увидел человека с бакенбардами; тот покупал билет на Нью-Йорк. Простота этого процесса заворожила Джимми. Всего и требуется войти, наклониться над стойкой, пока клерк тычет карандашиком в схему корабля, и протянуть деньги. Даже ребенок справится, если при деньгах. Рука его нырнула в карман брюк. Музыкальное похрустывание банкнот донеслось из глубин; ежеквартальное пособие выплатили ему совсем недавно и, хотя фунтами он швырялся щедро, у него еще оставалось, и довольно много. Он опять пошуршал бумажками — на целых три билета. Купить? Или, с другой стороны — не покупать?

Вроде бы для всех лучше, если он повинуется импульсу. В Лондоне он приносит вред всем, в том числе — самому себе. Ладно, справки-то навести не трудно. Возможно, пароход все равно уже набит под завязку. Джимми вошел.

— Есть у вас билеты на «Атлантик», на ближайший рейс? Клерк за стойкой был совсем не того типа, с каким ему хотелось бы общаться. Тут нужен серьезный, рассудительный человек, который опустил бы руку на плечо и посоветовал: «Не надо опрометчивых поступков, мой мальчик!» Этот же ни единой черточкой не отвечал идеалу — молодой, лет двадцати двух, он весь вспыхнул, едва Джимми заикнулся, что непрочь поплыть в

Америку, и рассиялся улыбками.

— Сколько угодно! Пассажиров на этом рейсе плывет совсем мало. Дам вам превосходное местечко. Со всеми удобствами!

— А когда отплывает корабль?

— Завтра, в восемь утра из Ливерпуля. А поезд к нему отходит от Паддингтона, сегодня в шесть вечера.

Рассудительность явилась, едва не опоздав, без пяти двенадцать и обуздала Джимми. Не такое это дело, чтобы кидаться, очертя голову, повинуясь сиюминутному порыву. И вообще, надо сначала позавтракать. На пустой желудок воображение так и пляшет. Он удостоверился, что на «Атлантике» отплыть можно, а теперь самое разумное — пойти перекусить и посмотреть, не переменятся ли планы после еды. Поблагодарив клерка, Джимми направился по Хаймаркету дальше, чувствуя себя трезвомыслящим и практичным. Однако сильное предчувствие твердило: все равно, в конце концов, он сваляет дурака.

На полпути внимание его вдруг привлекла рыжая девушка. Погруженный в раздумья, он долго не замечал ее, хотя она маячила перед ним всю дорогу. Вывернулась она с Пэнтон-стрит, шагая так энергично, словно торопилась на приятную встречу. Надо заметить, походка была очаровательная.

В душе горячего поклонника прекрасных дам стал разгораться интерес. Вместе с интересом появились всякие мысли. Он гадал, кто она такая, где купила этот, отменно сидевший на ней, серый костюм. Он восхищался ее спиной, теряясь в догадках, не станет ли лицо, когда он его увидит, полнейшим разочарованием. В таких размышлениях дошагал он почти до конца улицы, где та обрывалась водоворотом мчащегося транспорта. Девушка, приостановившись, посмотрела налево и шагнула на мостовую. И в тот же миг из-за угла стремительно вывернуло такси.

Приятный сюрприз! Личико ничуть не уступало спине, что пробудило в Джимми удивительную находчивость. Скакнув вперед, он схватил незнакомку за руку и отдернул в сторону. Такси прогрохотало мимо — таксист думал свои тяжелые думы. Весь эпизод не занял и нескольких секунд.

— Спасибо! — воскликнула девушка.

Жалобно улыбаясь, она потерла руку там, где Джимми схватил ее. Она слегка побледнела и часто дышала.

— Надеюсь, вам не больно? — тревожно спросил Джимми.

— Больно. Очень. Но от такси было бы еще больнее.

Девушка рассмеялась, став от смеха еще красивее. Личико у нее было

маленькое, оживленное, прелестное. Джимми, пока он смотрел, почему-то ощутил, будто он уже видел его прежде, но когда и где, никак не вспоминалось. И шапка золотых волос тоже казалась знакомой. Где-то в лабиринтах памяти забрезжило воспоминание, но он никак не мог вытащить его на открытое место. А девушка, если и встречала Джимми раньше, ничем не выказывала, что его узнает. Джимми решил, что скорее всего он видел ее, если и правда видел, в свои репортерские дни. Была она, без сомнения, американкой, а ему иногда казалось, что когда он работал для «Кроникл», он видел всех.

— Вот это правильно! — одобрил он. — Всегда надо искать светлую сторону.

— Я только вчера приехала в Лондон, — сообщила девушка, — и еще не привыкла к левостороннему движению. Живой в Нью-Йорк мне, видно, не вернуться. Может, раз уж вы спасли мне жизнь, окажете еще одну услугу? Не скажете ли, где ближайший и самый безопасный путь в ресторан «Риджент-гриль»?

— Да вон он, рядышком. На углу Риджент-стрит. А насчет безопасности, я бы на вашем месте перешел на этом углу, и отправился вкруговую. Иначе вам придется пересекать Пиккадилли-серкус.

— Ни за что! Большое вам спасибо, последую вашему совету. Надеюсь, в ресторан я попаду, хотя затея сомнительная…

И, слегка кивнув ему, девушка отошла. Джимми забежал в аптеку на углу, где так много лондонцев находят излечение и утешение в похмельное утро, и купил розовый напиток, по которому истомился, его организм с той минуты, как он встал с постели. Непонятно почему, но когда он пил его, то испытывал какой-то стыд.

Через десять минут он с легким удивлением обнаружил, что спускается по ступенькам в зал «Риджент гриля». Выходя из пароходного агентства с мыслями о ленче, меньше всего он собирался заходить сюда! Он думал зайти в тихую, спокойную забегаловку, где можно посидеть наедине со своими мыслями. Скажи ему, что пять минут спустя он будет усаживаться по собственной воле неподалеку от ресторанного оркестра, наяривающего во всю мочь «Мой домик в Западном краю» — почти единственный номер своего репертуара, — он ни за что бы не поверил.

У всякого ресторана в больших городах есть взлеты и падения. В данный момент «Риджент гриль» переживал такой пик популярности, о каком содержатели ресторанов молятся всем своим богам. Его ежедневно наводняли самые видные представители лондонской богемы. Когда, отдав шляпу шайке грабителей, засевших в пещере вестибюля, Джимми вошел в

зал, тот был набит до отказа. Видимо, не было ни одного свободного столика.

Джимми отыскал глазами девушку с золотисто-рыжими волосами. Она сидела у колонны, спиной к нему, а за одним столиком с ней — коренастый человечек в очках, красивая женщина за тридцать и толстый мальчишка, сражавшийся с оливками. Пока Джимми колебался, бдительный старший официант, хорошо его знавший, тут же к нему подскочил.

— Сию минуточку, мистер Крокер! — засуетился он и принялся сыпать командами подчиненным. — Поставлю для вас столик в проходе.

— Рядом вон с той колонной, пожалуйста, — попросил Джимми.

Официанты невесть откуда, как фокусники из рукава, извлекли столик и накрыли скатертью. Усевшись, Джимми сделал заказ. За соседним столиком заказывали тоже. Коротышка приуныл при известии, что нет ни кукурузы, ни крабов, а жена его встретила весть об отсутствии моллюсков такой бурей негодования, словно это свидетельствовало о том, что Великобритания скоро утратит положение мировой державы.

Наконец заказ был урегулирован, оркестр грянул «Мой домик» и никто не пытался состязаться с ним. Когда замерла последняя нота и первая скрипка оправилась от судорог, раскланявшись в последний раз, ясный музыкальный голосок по ту сторону колонны произнес:

— Джимми Крокер — мерзавец!

Джимми поперхнулся, плеснув на стол коктейль. Вот он, голос самой совести!

— Я его презираю. Думать противно, что он — американец!

Джимми допил несколько уцелевших в бокале капель, отчасти удостоверяясь, что что-то там осталось, отчасти — чтобы подкрепиться. Ну и открытие! Тебя презирает рыжеволосая девушка, чью жизнь ты только что спас! Это не только обескураживало, но и отдавало мистикой. Когда они встретились несколько минут назад, он был ей явно незнаком. Откуда же ей столь близко известен его характер, что она только что охарактеризовала его (увы, справедливо) как мерзавца? К мистике примешивалась грусть. Узнать, что такая девушка невзлюбила тебя, весьма печально. Прямо эпизод из серии «От чего я плачу в этом великом городе», столь близкой сердцу его сентиментальных собратьев по перу.

Подскочил официант с новым бокалом. Джимми поблагодарил его взглядом. Коктейль был ему нужен. Он поднес его к губам.

— И вечно пьет…

Джимми торопливо поставил бокал на стол.

— … позорит себя на публике. Я всегда считала, что Джимми Крокер…

Джимми захотелось, чтобы кто-то ее прервал. Ну, почему бы коротышке не поболтать для разнообразия о погоде? Или этому упитанному юнцу не потрепаться на общую тему? Неужели у мальчишки его возраста, первый раз приехавшему в Лондон, нет свежих, интересных впечатлений? Но коротышка углубился в отбивную, а толстый мальчик управлялся с рыбным пирогом алчно, как оголодавший питон. Что касается красивой дамы, она явно сражалась с неприятными мыслями, и ей было не до разговоров.

— Я всегда считала, что Джимми Крокер — худший тип американца. Из тех, что болтаются по Европе и корчат из себя англичан. От таких наша страна только рада избавиться. Но он же в Америке работал! Значит, ему нет извинений, мог сообразить, что делает. Нет, он сознательно предпочитает шататься по Лондону, сам себя губит! В общем, абсолютный, полный, безнадежный мерзавец!

Особо рьяным поклонником здешнего оркестра Джимми никогда не был, придерживаясь мнения, что музыка мешает разговору и способствует вредному ритму жевания, но теперь испытал глубокую благодарность, когда музыканты сходу разразились «Богемой», самым оглушительным своим номером. Под защитой этого грохота Джимми одолел жареную рыбу. Возможно, девушка по-прежнему говорила про него гадости, но он уже не слышал.

Музыка смолкла. Еще минутку повибрировал измордованный воздух, и снова в относительной тишине раздался ее голос. Однако теперь она выбрала другую тему.

— Хватите меня Англии! Я повидала Вестминстерское аббатство и Парламент, театр Его Величества, и «Савой», и «Чеширский Сыр».[2] У меня жуткая тоска по дому. Давайте отплывем завтра?

Впервые в разговор вступила женщина постарше. На секунду, отвечая, она приподняла вуаль мрачности.

— Хорошо, — отвечала она и снова закуталась в вуаль. Коротышка, явно ожидавший ее решения, прежде чем выразить свое, заметил, что чем скорее он очутится на борту, тем лучше. Упитанный мальчик не сказал ничего. Расправившись с рыбным пирогом, он сурово и решительно накинулся на пончик.

— Завтра наверняка есть рейс, — продолжала девушка. — Они плавают всегда. Тут надо отдать Англии должное, отсюда легко вернуться в Америку. — Она приостановилась. — Однако я не могу понять — как

это, пожив в Америке, Джимми Крокер выдерживает жизнь в…

Сбоку подоспел официант с сыром, но Джимми глянул на сыр и покачал головой. Ему хотелось одного — уйти. Он уже разбух от правды о себе, больше не вмещалось. Как можно тише он положил на стол соверен, поймал взгляд официанта и тихо удалился. Официант, человек сугубо реалистических взглядов, никогда не веривший в чудеса, пересмотрел свое мировоззрение. Он взглянул на соверен, на Джимми, опять на соверен и, взяв монету, украдкой попробовал ее на зуб.

Несколько минут спустя мальчишка, подававший шляпы, которому впервые в жизни не дали на чай, взирал на Джимми так же пристально, но с другими чувствами. Немое обалдение обозначилось на юном лице.

Швейцар на выходе любезно тронул шляпу с самодовольной самоуверенностью человека, одариваемого за этот жест шестипенсовиком.

— Такси, мистер Крокер?

— Мерзавец, — откликнулся Джимми.

— Прошу прощения, сэр?

— Вечно пьет, — пояснил Джимми. — Позорит себя на публике.

И вышел. Швейцар проводил его таким же пристальным взглядом, как официант и мальчишка из гардероба. Он видывал его в таком состоянии после ужина, но после ленча — никогда.

Джимми направился в свой клуб на Нортумберленд авеню. Примерно с час он просидел в курилке, потом, очнувшись, подошел к письменному столу, подождал вдохновения и принялся писать письмо.

> «Дорогой папа!
>
> Я обдумал все, о чем мы говорили сегодня утром, и мне показалось — самое лучшее сгинуть на некоторое время с глаз долой. Если останусь в Лондоне, то, очень вероятно, в любой момент опять выкину фортель, вроде вчерашнего, и все тебе подпорчу. Самое малое, чем я могу тебе помочь — расчистить поле, не болтаться на виду. Поэтому с завтрашним пароходом я отплываю в Нью-Йорк. Забегал к Перси, хотел поваляться перед ним в пыли, но он меня не принял. Валяться в пыли на парадном крыльце, когда враг валяется в постели — бессмысленно, так что я отступил более или менее стройными рядами. Тут-то меня и осенило. Заметь, как все ловко складывается. К тебе придут и скажут: «Нет тебе никакого титула, твой сын избил нашего Перси!», а ты парируешь: «Знаю! Поверьте, уж я ему задал! Упаковал его вещички и сослал в Америку, в 24 часа. Так что, я

— против Джимми, я — целиком за Перси», на что они ответят: «А, тогда ладно! В таком случае, встаньте, лорд Крокер!» Или что там говорится, когда даруют титул. Так что, сам видишь, сматываюсь, чтобы исправить ситуацию. Письмо тебе перешлю через Бейлисса. Сейчас позвоню ему, пусть упакует зубную щетку и прочие мелочи. Как только пришвартуемся в Нью-Йорке, тут же помчусь на «Поло Граундс» посмотреть лапту и протелеграфирую тебе счет. Ну вот, наверное, и все. До свидания, или даже — прощай, пока что…

Джимми.

Папа, я знаю, ты поймешь. Иначе поступить нельзя. За меня не волнуйся, у меня все в порядке. Вернусь на старую работу, добьюсь бешеного успеха. А ты — полный вперед! Заполучи титул и встретимся у входа в «Поло». Жду.

Я — мерзавец!»

Молодой клерк в агентстве прямо возликовал, увидев Джимми снова. С солнечной улыбкой он выхватил из-за уха карандаш и погрузил его в чрево «Атлантика».

— Как насчет «Е» за сто долларов восемь центов?

— Вполне.

— Немножко, конечно, опоздали, в список пассажиров уже не включишь…

Джимми не ответил. Он сурово смотрел на только что вошедшую девушку с рыжими волосами.

— Вы тоже плывете на «Атлантике»?! — воскликнула она, взглянув на схему. — Вот совпадение! И мы только что решили отплыть на нем. В Англии нас больше ничего не держит, мы так соскучились по дому. Как видите, меня не задавило после того, как мы с вами расстались.

От чудесного разрешения загадки поехавший было чердак встал на место; так гром разряжает наэлектризованный воздух. Чувство, что он сходит с ума, растаяло, разгадка тайны проста. Видимо, девушка слышала о нем в Нью-Йорке или даже знала его знакомых, и неприязнь к нему, которую так вольно и убежденно она выражала в ресторане, порождена слухами, а не личным знакомством. Она не знает, что он — Джимми Крокер!

— Ваше имя, пожалуйста.

Мозги его снова качнулись. Ну, почему именно сегодня все это о ним творится? Ему требуется нежнейшее обхождение! У него разламывается голова! Клерк смотрел выжидательно. Английские фамилии, все до единой, выскочили у Джимми из головы. Потом сверкнуло озарение.

— Бейлисс! — воскликнул он.

— Значит, вот вы кто, — протянула руку рыжая девушка. — Я — Энн Честер. Рада познакомиться, мистер Бейлисс.

Клерк кончил заполнять билет и пришлепнул на него ярлык и розовую бумажку. Бумажка, тупо сообразил Джимми, это бланк, который надо заполнить. Он просмотрел его и нашел, что документ чересчур уж доскональный. На некоторые вопросы ответить можно было с ходу, другие требовали длительных раздумий.

«Рост?» — Просто. Пять футов, одиннадцать дюймов.

«Волосы?» — Тоже просто. Каштановые.

«Глаза?» — Проще не бывает. Голубые.

Но следующий вопрос был более обидного свойства.

«Сколько раз женаты?»

Ответить Джимми мог. Один, один, один. Одной жены вполне хватит, при условии, что у нее золотисто-рыжие волосы, золотисто-карие глаза, четкого рисунка губы и ямочка на щеке. Какие бы сомнения ни роились у него относительно других пунктов, здесь он не колебался.

«Сидели ли вы в тюрьме?» — Пока нет.

И самый сложный.

«Нет ли психических заболеваний?»

Джимми засомневался. Чернила на пере высохли. Он размышлял.

В темных недрах Паддингтонского вокзала нетерпеливо фыркал поезд, готовый везти пассажиров к пароходу, изредка разнообразя фырканье пронзительным вскриком. Стрелки вокзальных часов указывали без четверти шесть. На платформе роились путешественники, носильщики, багаж, сундуки, торговцы булками и фруктами, продавцы газет и журналов, друзья, родственники и Бейлисс, стоявший, как верный пес, рядом с большущим чемоданом. На человеческий прибой, который кружил и разбивался об него, он не обращал ни малейшего внимания. Дворецкий высматривал своего молодого хозяина.

Джимми врезался в толпу, как боевой клин. Двое мальчишек с булками-фруктами, загораживающие проход, отлетели, точно листья под осенним ветром.

— Молодец! — Джимми взял чемодан. — Боялся, вы не сумеете приехать.

— Хозяйка обедает вне дома, мистер Джеймс. Вот и удалось ускользнуть.

— Упаковали все, что требуется?

— Сколько вместил чемодан, сэр.

— Чудесно. А, кстати! Передайте это письмо моему отцу, ладно?

— Хорошо, сэр.

— Рад, что вам удалось удрать. Мне показалось, что голос у вас какой-то неуверенный.

— Удивился очень, мистер Джеймс. Ваше решение крайне неожиданно.

— Как у Колумба. Слыхали про такого? Увидел яйцо — и сорвался с места, точно американский заяц.

— Извините мою вольность, мистер Джеймс, но, может, несколько опрометчиво…

— Не лишайте жизнь радости, Бейлисс. Да, я круглый болван, но постарайтесь забыть про это. Напрягите волю.

— Добрый вечер, мистер Бейлисс! — окликнул голосок позади.

Обернулись оба. Дворецкий застенчиво посмотрел на видение в прекрасном сером костюме.

— Добрый вечер, мисс, — нерешительно отозвался он. Энн удивленно взглянула на него, но тут же и улыбнулась.

— Как глупо с моей стороны! Я обращалась к другому мистеру Бейлиссу, вашему сыну. Мы с ним сегодня в пароходном агентстве познакомились. А перед этим он спас мне жизнь. Так что мы старые друзья.

Бейлисс растерянно поперхнулся, чувствуя, что ему не выдержать интеллектуального напора беседы, и изумился еще больше, заметив предупреждающую гримасу Джеймса. Такого разворота событий тот не предвидел, но не подкачал.

— Как поживаете, мисс Честер? — сказал он. — Отец вот пришел меня проводить. Это, папа, мисс Честер.

Британского дворецкого из седла вышибить нелегко, но Бейлисс откровенно провалил нежданное испытание. Челюсть у него отпала, он не мог выдавить ни словечка.

— Папа расстроился из-за моего отъезда, — доверительно шепнул Джимми. — Немного не в себе.

Энн была не только тактична, но и добра. Одним взглядом она

оценила Бейлисса. Каждая черточка в нем кричала, что это — почтенный слуга из высшего круга. Ни одна девушка на земле не страдала меньшим снобизмом, чем Энн, но все-таки ей не удалось сдержать слабого приступа разочарованности. Значит, ее новый знакомый — скромного происхождения! Она сразу поняла все — и глаза у нее наполнились слезами, когда она повернулась, чтобы не мешать последним минутам расставания отца с сыном.

— Увидимся на пароходе, мистер Бейлисс! — кинула она.

— А? — тут же откликнулся дворецкий.

— Да, да, — заторопился Джимми, — до свидания.

Энн прошла в свое купе. У нее было ощущение, будто она только что залпом прочитала длинную книгу, пухлый том английского романа. Она знала всю историю. Отец — честный, добропорядочный дворецкий, чья единственная цель — воспитать любимого сына джентльменом. Год за годом он экономил деньги, возможно, послал сына в колледж, и теперь, с отцовского благословения, с остатками сэкономленных отцовских денег, тот отправляется в Новый Свет, где доллары растут на деревьях, и никому не важно, кто у тебя отец.

В горле у нее застрял комок. Бейлисс удивился бы, узнай, каким трогательным и достойным персонажем казался он ей. Потом мысли ее обратились к Джимми, и на нее нахлынуло умиление. Его отец преуспел в своих желаниях, сын стал джентльменом. Как легко и просто, без намека на снобизм или неловкость, он познакомил ее с отцом! Он — хороший человек. Не стесняется отца, который дал ему шанс в жизни. Она обнаружила, что ей на редкость нравится Джимми.

Стрелки часов передвинулись на без трех минут шесть. Водяными жуками сновали взад-вперед носильщики.

— Сейчас я не могу объяснить, — втолковывал Джимми. — Не думайте, Бейлисс, это не временное помутнение рассудка. Так диктовала необходимость.

— Ладно, мистер Джеймс. Думаю, вам уже пора занять место.

— Вот это правильно! Вся затея погибла бы, укати поезд без меня. Бейлисс, вы видели такие глаза? А волосы! Приглядывайте без меня за отцом. Не позволяйте всяким там герцогам досаждать ему. И еще, — Джимми вынул из кармана руку, — как приятель приятелю…

Бейлисс взглянул на похрустывающую купюру.

— Не могу, мистер Джеймс. Пять фунтов! Нет, не могу!

— Чепуха! Что уж вы, как чужой!

— Прощу прощения, мистер Джеймс. Правда, не могу! Вам сейчас

нельзя расшвыриваться деньгами. Не так уж у вас их много. Извините за нотацию.

— Ничего подобного! Держите! О, Господи! Поезд тронулся! До свидания, Бейлисс!

Паровоз испустил пронзительный прощальный взвизг. Поезд заскользил вдоль платформы, до последнего преследуемый мальчишками, оптимистично сующими булочки на продажу. Поезд набирал скорость. Джимми, высунувшись из окошка, дивился зрелищу, которое можно приравнять к современному чуду. Нельзя сказать, чтоб дворецкий находился в расцвете спортивной формы, но бежал он храбро. Поравнялся с дверью купе, протянул руку…

— Прошу прощения за вольность, мистер Джеймс… — отпыхивался он, — но я правда не могу!

Он потянулся, всунул в руку Джимми что-то хрусткое, потрескивающее и, осуществив свою миссию, отстал, остановился, махая белоснежным платком. Поезд нырнул в туннель.

Джимми глядел на пятифунтовую купюру. У него, как и у Энн, комок застрял в горле. Он медленно сунул деньги в карман. Поезд бежал все быстрее.

ГЛАВА VII

Бурные волны и порывы шквалистого ветра, хлеставшего за бортом, загнали почти всех пассажиров в каюты или в теплую духоту библиотеки. Шел пятый вечер плавания. Пять дней и четыре ночи корабль несся по гладкому океану, но сегодня утром ветер повернул на север и принес шторм. Уже начинало темнеть. Нависло угрюмо-черное небо, в сумерках слабо проблескивали белые гребешки волн, свистел в снастях ветер.

Уже с полчаса Джимми и Энн гуляли одни по лодочной палубе. Джимми был хороший моряк. Его возбуждало сражение с ветром, и он охотно гулял по вибрирующей палубе, то встававшей дыбом, то опрокидывавшейся под ногами. На компанию Энн в такой вечер он не рассчитывал; но выйдя из салона — маленькое личико обрамлял капюшон, гибкая фигурка терялась в огромном плаще, — она присоединилась к нему.

Джимми пребывал в полной экзальтации. Последние несколько дней его одолевала перемежающаяся меланхолия — он открыл, что не только он один жаждет общества Энн, чтобы разнообразить монотонность океанского путешествия. Когда он пустился в приключение, мир состоял исключительно из них двоих, и до самого Квинстауна, он никак не учитывал, что в него вторгнутся другие субъекты мужского пола. Горечи добавляло то, что их нежелательное внимание Энн не отвергала. Почти сразу после завтрака, в первый же день, какой-то тип с черными усиками и сверкающими зубами обрушился на нее с бурной радостью, удивленно напомнил, черт бы его драл, что встречал ее и раньше на Палм Бич, в Бар Харборе, в десятках других мест, и увлек играть в идиотскую игру с деревянными кружочками.

И то был случай не единственный. Джимми начал прозревать. Энн, на которую он смотрел как на Еву, играющую наедине с Адамом в безлюдном саду Эдема, была очень известна и популярна. Клерк в пароходном агентстве нагло наврал, утверждая, будто на «Атлантике» в этот раз мало пассажиров. На самом деле пароход забит, его просто распирает. Нахально попирая все законы Плимсолла, он перегружен Ролло и Кларенсами, Дуайтами и Томми, которые долгие годы водили знакомство с Энн, плавали с ней, танцевали, катались на машинах, верхом, играли в гольф. Преотвратный субъект под названием не то Эдгар, не то Тедди обогнал Джимми на корпус в гонке к палубному стюарду и получил приз — шезлонг рядом с Энн. Джимми не вытерпел и убрался с палубы, не в силах

смотреть, как этот мерзкий тип возлежит, укутавшись пледом, и читает Энн вслух.

С самого начала путешествия Джимми едва ее видел. Когда она не гуляла с Ролло и не играла в кружочки с Томми, то сидела внизу, ухаживая за «бедняжкой тетей Нестой», хронически страдающей от морской болезни. Иногда Джимми замечал коротышку — скорее всего, ее дядю — в курительном салоне; а раз наткнулся на мальчика, когда тот очухивался после сигары в укромном уголке лодочной палубы. Но в общем, семья была так же далеко от него, как если б он и не был знаком с Энн, и уж тем более не спасал ей жизнь.

Сейчас она явилась, как подарок небес. Они были одни; с ними гулял лишь бодрящий, чистый воздух, подстегивающий дух шквала. Все Ролло, Кларенсы, Дуайты, не говоря уж об не то Эдгаре, не то Тедди, отлеживались внизу и, как надеялся Джимми, умирали. В их распоряжении был весь мир!

— Мне нравится такая погода! — сказала Энн, поднимая личико навстречу ветру. Глаза у нее блестели. Вне всяких сомнений, другой такой девушки во всем мире не было. — А бедной тете Несте — нет. Ей и в мертвый штиль худо было, а шторм ее доконает. Я только что спускалась вниз, старалась ее подбодрить.

Джимми задрожал от восторга. И без того прелестная Энн показалась ему неотразимой в роли ангела-хранителя. Он порывался сказать ей об этом, но все слова куда-то делись. Они дошли до конца палубы и повернули. Энн взглянула на него.

— Я вас с самого отплытия почти не видела, — сказала она не без укоризны. — Расскажите мне про себя, мистер Бейлисс. Зачем вы плывете в Америку?

У Джимми вертелись на языке обвинения против всяких Ролло, но Энн закрыла вступительную часть так же быстро, как начала. Перед прямым требованием он не мог перебежать на старые рельсы. В конце концов, какое значение имеют Ролло? В маленьком, продуваемом ветрами мирке им нет места. Они остались там, где им надлежит быть, в недрах ада, где они и лежат, взывая к смерти.

— За счастьем, надеюсь.

Энн была довольна, ее диагноз подтвердился. Значит, она не ошиблась, наблюдая сцену на Паддингтонском вокзале.

— Как будет доволен ваш отец, если вам все удастся!

Легкая запутанность ситуации вынудила Джимми помолчать. Он соображал, про которого из отцов идет речь, но недолгое раздумье

подсказало, что, скорее всего, о дворецком Бейлиссе.

— Да-а…

— Он такой милый, — продолжала Энн. — Наверное, очень гордится вами?

— Надеюсь.

— Вы должны добиться успеха в Америке, чтобы не разочаровывать его. А чем вы хотите заняться?

Джимми опять призадумался.

— Работать в газете.

— О! У вас есть опыт?

— Небольшой.

Энн словно бы чуточку отстранилась, энтузиазм ее капельку подмок.

— Что ж, профессия неплохая. Но мне она не очень нравится. Я встречала только одного газетчика, он был очень плохой. Из-за него у меня предубеждение.

— А кто это?

— Вряд ли вы с ним знакомы. Он в американской газете работал. Некий Крокер.

Налетевший порыв ветра отогнал их к ступенькам, сделав разговор невозможным, а заодно замаскировав прореху. Джимми не мог вымолвить ни слова. Он онемел. Оказывается, Энн встречалась с ним и раньше. Нет, это выше его разумения! Глухой тупик! Новая ее фраза дала разгадку. Теперь они укрылись подлодкой, он хорошо все слышал.

— Столкнулась я с ним пять лет назад. Говорили мы недолго, но предубежденность у меня держится до сих пор.

Джимми потихоньку прозревал. Пять лет назад! Ничего странного, что они не узнали друг друга. Он покопался в памяти, но на поверхность ничего не вынырнуло. Ни проблеска воспоминаний о той, первой встрече! И все же тогда произошло что-то очень для нее важное, раз это ей так накрепко запомнилось. Вряд ли он сам по себе показался ей таким гадом, чтобы оставить столь неизгладимое впечатление.

— Мне бы хотелось, чтобы вы занялись чем-то подостойнее, — заметила Энн. — По-моему, самое лучшее в Америке то, что это — страна приключений. Шансов там миллион! Может случится что угодно. Вы любите приключения, мистер Бейлисс?

Ни один мужчина не примет даже намека на мысль, будто у него недостает на это смелости.

— Само собой! — с негодованием воскликнул Джимми. — Брошусь в любое, что подвернется под руку.

— Я рада.

Ее теплые чувства стали глубже. Она обожала приключения, и любого мужчину оценивала, в основном, по его склонности к ним. Вращалась она в обществе, скорее вежливом, чем авантюрном, и ей это прискучило.

— Приключения… — горячо начал Джимми и выдержал паузу. — В общем, я их люблю, — слабо закончил он.

— Ну и отношение у вас! Слишком уж пресно! Приключения — главное в жизни!

Джимми показалось, что ему бросили превосходную реплику для монолога, который он намеревался произнести с той самой минуты, как встретил Энн. Часто, в бессонные ночи, куря трубку и мечтая о ней, он воображал именно такую сцену — они вдвоем, на опустевшей палубе, и она наивно подает реплику для тихих, нежных речей, от которых в ответ вздрогнет, быстро взглянет на него и, запинаясь, спросит, скрывается ли тут какой-то особый смысл. Правда, сцена представлялась ему при лунном свете, а сейчас небо черное и ревет шторм, так что нежный полушепот исключается. И все же, если отбросить эти неувязки, случай слишком хорош, чтобы его упустить. Такой реплики можно вообще больше не дождаться. Джимми потерпел, пока корабль выпрямится после самоубийственного нырка по склону огромной волны и, наклонившись к Энн, проорал:

— Главное в жизни — любовь!

— Что?! — не расслышала она.

— Любовь! — еще громче гаркнул Джимми.

Секунду спустя он уже жалел, что не отложил этого сообщения, — через несколько шагов они очутились в гавани относительного затишья; сегмент корабля, совершенно непонятного предназначения, выступал вперед, образовывая уголок, где появилась возможность слышать нормальный человеческий голос. Джимми притормозил, Энн тоже, хотя и не так охотно. Она уже испытывала разочарование, теплые ее чувства поостыли. На этот предмет у нее имелись свои устойчивые взгляды и она не собиралась их менять.

— Любовь! — Было слишком темно и лица ее не видно, но в голосе звучало презрение. — Ни за что бы не подумала, что у вас такие обывательские взгляды. Вы мне казались другим!

— Э? — тупо откликнулся Джимми.

— Ненавижу болтовню о любви. Подумаешь, какое чудо! Видите ли, главное в жизни! Каждая книга, каждая песня — все об этой любви. Прямо как будто сговорились! Убеждают сами себя, что за углом их поджидает

сюрприз, вот-вот изловят! И не думают больше ни о чем, пропускают все на свете…

— Это Шоу, да? — уточнил Джимми.

— То есть как?

— Вы повторяете афоризмы Бернарда Шоу?

— Нет, — ехидно отвечала Энн. — Я сама так думаю.

— А я уверен, где-то это слыхал.

— Значит, общались и с другими разумными людьми.

— Откуда такая горечь?

— Не понимаю.

— Почему вы так настроены против любви?

Теперь Энн твердо знала, что он ей совсем не нравится. Свободомыслящей, с ясными рассудком девушке очень обидно, чтобы ее воззрения воспринимали как горькую разочарованность.

— У меня достало мужества подумать самостоятельно. Все заблуждаются, а я — нет. Весь мир сговорился, вообразив, будто есть какая-то любовь, и она — самое главное в жизни. Но это их оболванивают поэты и романисты. Сплошное надувательство в гигантских масштабах.

Волна нежного сочувствия окатила Джимми. Теперь ему все стало ясно. Конечно, всю жизнь общаясь с Ролло и Кларенсами, разочаруешься в любви.

— Вы еще просто не встретили нужного человека, — сказал он, думая о том, что она, правда, встретила, но недавно. Попозже он ей объяснит.

— Да нет никаких этих людей! Если вы имеете в виду, что существует тип мужчины, который может внушить так называемую романтическую любовь. Я сторонница брака…

— И то хорошо! — удовлетворенно воскликнул Джимми.

— …но не в результате белой горячки. Брак — это разумное партнерство между двумя друзьями, которые знают друг друга и друг другу доверяют. Чтобы не ошибиться, надо понять, что нет никакого этого трепета, а значит — выберем симпатичного, доброго человека с чувством юмора, который хочет сделать тебя счастливой…

— А-а! — Джимми поправил галстук. — Уже кое-что.

— Как это «кое-что»? Вас шокируют мои взгляды?

— Я не верю, будто взгляды эти — ваши. Начитались кого-то из мрачных писак, которым только и дай все анализировать.

Энн топнула ногой. Стука не получилось, но движение Джимми уловил.

— Замерзли? — поинтересовался он. — Давайте пройдемся.

Чувство юмора у нее воспрянуло вновь, оно редко дремало подолгу, и она расхохоталась.

— Знаю, знаю, что вы думаете! Считаете, будто я позирую! Что это не мое мнение!

— Естественно, не ваше. Но что вы позируете — не считаю. Время идет к обеду, и вы загрустили, вот и видите в жизни одно черное мошенничество. Скоро пропоет труба, и через полчаса вы снова станете сама собой.

— Я и сейчас какая есть. Просто вы не можете поверить, чтобы хорошенькая девушка придерживалась подобных взглядов.

Джимми взял ее за руку.

— Разрешите, я помогу вам. Тут на палубе — дырка от сучка. Осторожнее! А теперь слушайте. Я рад, что вы сами про это заговорили. Ну про то, что вы — самая хорошенькая девушка в мире…

— Ничего подобного я не говорила!

— Вам помешала скромность. Но факт остается фактом. Я рад, повторяю, потому что я и сам так думаю. Мне очень хотелось бы обсудить это с вами. Таких волос я вообще не видел!

— Вам нравятся рыжие волосы?

— Золотисто-рыжие.

— Очень мило, что вы их так называете. В детстве почти все мальчики дразнили меня Морковкой.

— Теперь их, несомненно, постиг дурной конец. Если на расправу с детьми, критиковавшими пророка Елисея, он послал медведей, то на ваших маленьких дружков надо бы спустить свору тигров. Но были среди них, несомненно, души и потоньше. Не все же дразнили вас Морковкой?

— Да. Некоторые — ржавым кирпичом.

— Этих, надеюсь, четвертовали. Глаза у вас на редкость красивы!

Энн отняла у него руку. Обширное знакомство с молодыми людьми подсказывало ей, что пора менять тему.

— Вам понравится Америка.

— Мы не Америку обсуждаем.

— Это вы, не я. Замечательная страна, если хочешь добиться успеха. На вашем месте я бы отправилась на Запад.

— А вы на Западе живете?

— Нет.

— Тогда зачем мне отправляться туда? Где вы живете?

— В Нью-Йорке.

— Я тоже буду жить в Нью-Йорке.

Энн держалась настороже, но ей было и забавно. Предложение, к которому Джимми стремительно продвигался, не было новостью для нее. В течение нескольких сезонов в Бар Харборе, Такседо, Палм Биче и в Нью-Йорке она занималась в основном тем, что сыпала отказами, остужая пыл у вереницы сентиментальных юношей, которые складывали свои ненужные ей сердца у ее ног.

— В Нью-Йорке жить никому не запрещается.

Джимми молчал. Он изо всех сил сражался с надвигавшейся печалью, стараясь легкомысленным тоном поддерживать бодрость духа, но явное ее равнодушие просто обескураживало. Один из молодых людей, которому пришлось подбирать брошенное было к ее ногам сердце и тащить его в починку, говорил близкому другу, что идиот, который ухаживает за Энн, испытывает страдания горячего шоколада, в который бултыхнули мороженое. Услышь это сравнение Джимми, он признал бы его абсолютную точность. Ветер с моря, колючий и бодрящий, стал ледяным, а звенящая его песня превратилась в тоскливые завывания.

— Когда-то я тоже была сентиментальной, хуже других, — вернулась Энн к брошеной теме. — После колледжа плакала, мечтала, вздыхала — ах, любовь! Ах, луна! Голубки, голубки… А потом случилось так, что я все разглядела. Да, было очень больно, но какой отрезвляющий эффект! С тех пор я совершенно переменилась. Виноват, конечно, мужчина. Метод он применил незатейливый, попросту обсмеял меня. Остальное довершила природа.

Джимми оскалился в темноте. Убийственные мысли о неизвестном гаде переполняли его душу.

— Попадись он мне! — проскрипел он.

— Вряд ли. Сейчас он живет в Англии. Его зовут Крокер, Джимми Крокер. Я вам о нем недавно говорила.

Сквозь завывания ветра донесся пронзительный рев трубы. Энн свернула к салону.

— Обед! — весело возвестила она. — Какой аппетит разыгрывается на корабле! — Она приостановилась. — А вы не идете?

— Пока нет, — придушенно прохрипел Джимми.

ГЛАВА VIII

Полуденное солнце ярко сияло над Парк-Роу. Улицы затопили торопливо шагавшие люди, вырвавшиеся из тысячи контор. В мыслях у них бродили образы ленча. В каньоне Нассау-стрит торопливый бег толпы замедлялся. Пришлые торговцы конфетами теснили мальчишек-газетчиков, а лошади, впряженные в телеги, старались как могли, чтобы не растоптать прохожего. Устремляясь к Сити-холл, тек густой, как обычно, поток — армия счастливых влюбленных шла покупать брачные лицензии. Из дверей метро выскакивали пассажиры и скрывались за ними точно кролики. Короче, нервный центр городского тела как всегда кипел и бурлил.

Джимми Крокер, стоявший в подъезде, завистливо наблюдал толчею. В толпе шагали мужчины, жующие жвачку; мужчины в белых шелковых галстуках с булавками — имитацией под бриллиант; мужчины, которые, выкурив семь десятых сигары, дожевывали остаток. С любым из них он охотно поменялся бы местом. У всех у них была работа. А в его теперешнем состоянии духа казалось, что ничего другого для абсолютного блаженства и не требуется. Поэт очень грубо и неприятно говорит о человеке, «чье сердце не пылало, когда вернулся он домой с чужбины»; но, может, он и простил бы Джимми за то, что тот вместо пыланья испытывал холодное, липкое смятение. Ему пришлось бы признать, что следующие строки — «хотя он очень знатен и богат» — неприложимы к Джимми Крокеру. Последний, возможно, и сосредоточился на себе, но все его богатство составляли 193 доллара и 40 центов, фамилия была отнюдь не знатна, а мелькание ее в подшивках «Нью-Йорк Кроникл», редакцию которой он только что навестил, подсказало ему, что, переменив ее на Бейлисс, он совершил разумнейший свой поступок.

Причины такой печали, когда он обозревал часть родины, видимой с порога дома, искать было недалеко. «Атлантик» вплыл в гавань субботним вечером; Джимми отправился в дорогой отель, снял шикарный номер и попросил горничную, чтоб завтрак подали в 10 часов утра, а с ним воскресный номер «Кроникл». Пять лет прошло с тех пор, как он видел милый старый листок, в который и сам сообщал про пожары, убийства, уличные происшествия и свадьбы. Читая его, думал Джимми, он официально приобщится к давно покинутой стране. Куда уж лучше и символичнее — в первое утро возвращения сидеть в кровати и читать

добрый старый «Кроникл»! Среди его последних мыслей, пока он засыпал накануне, бродили добрые догадки, кто сейчас редактор, и печатаются ли по-прежнему в юмористическом приложении приключения семьи Дафнат.

Волна немужской сентиментальности захлестнула его, когда на следующее утро он потянулся за газетой. Силуэт Нью-Йорка, показавшийся, когда корабль вплывал в гавань, вызвал отклик в его душе: перестук поездов надземной дороги и специфический аромат подземки — все было добрым и приветливым. Но по-настоящему странник ощутил, что он и вправду в Манхэттене, только взяв в руки воскресную газету. Развернул он ее, как и всякий другой, на юмористическом приложении. И тут же леденящая душу, почти вещая тревога пробрала его. Семья Дафнат исчезла. Джимми понимал, что страдать так, будто ему сообщили о смерти близкого друга — неразумно: папаша Дафнат и его родственники забавляли народ своими приключениями еще лет за пять до того, как он уехал из Америки, а даже самый забавный герой приложения редко выживает дольше десяти лет. Тем не менее утренний его оптимизм подернулся тучкой. Он не получил никакого удовольствия от натужных хохм дебильной личности под названием Старый Дилл Пикл, сменившей Папашу.

Однако это, как обнаружил он почти тут же, оказалось мелочью, пустячком. Да, неприятно, но на его благополучие непосредственно не влияет, настоящая трагедия развернулась, когда он дошел до журнального раздела. Едва он развернул газету на этой полосе, как тотчас меткой пулей сразил его крупный заголовок «ДЖИМ С ПИККАДИЛЛИ ОПЯТЬ ЗА СВОЕ».

Ничто не сравнится с чувством, которое мы испытываем, неожиданно узрев собственное имя в печати. Мы или воспаряем в небеса, или сваливаемся на дно пропасти. Джимми свалился. Поверхностно пробежав очерк, он обнаружил, что ему отнюдь не поют дифирамбы. Беспощадной рукой автор пропахал его бурное прошлое, а главным стержнем, к которому пристегнул он прошлые события, было злосчастное столкновение с лордом Перси Уипплом. Эпизод этот памфлетист расписал досконально, с запалом и напором, перещеголяв даже измывательства Билла Блейка из лондонской «Дейли Сан». Того стесняли и размер площади и то, что он сдавал очерк в последнюю минуту, когда газета почти сверстана. Нынешнего автора подобные ограничения не тормозили. Пространства для самовыражения ему отвели достаточно, и он развернулся, да так, что даже дал иллюстрацию, крайне оскорбительную: бычьей наружности молодец в последней стадии опьянения замахивается

кулаком на юношу в монокле и вечернем костюме. Подбородок у юноши был столь скудный, что Джимми удивился, как ему вообще удалось в такой попасть. Один проблеск утешения от мерзкого рисунка — лорда Перси художник изобразил еще противнее его самого. Среди прочего, второго сына герцога Дивайзиса нарисовали в короне пэров, чего не одобрил бы и лондонский ночной клуб.

Только трижды прочитав пасквиль. Джимми уловил нюанс, упущенный ранее его взбаламученным разумом — это не одиночный всплеск, а составная часть сериала. Несколько раз автор ссылался на другие статейки. Завтрак остывал нетронутый на подносе. Благо, которое боги так редко посылают нам — увидеть себя глазами других, окатило Джимми ушатом воды. Заканчивая чтение в третий раз, он уже оценивал себя объективно, на манер натуралиста, разглядывающего отвратительное насекомое под микроскопом. Так вот, значит, каков он! Еще удивительно, как его в порядочный отель впустили!

Остаток дня он пребывал в такой униженности, что чуть не рыдал, когда официанты проявляли к нему вежливость. В понедельник утром он отправился в Парк-Роу почитать подшивку «Кроникл» — жуткий поступок, вроде эксцентричного поведения жрецов Ваала, которые полосуют себя ножами, или писателей, которые подписываются на газетные рецензии о самих себе.

Почти сразу же Джимми наткнулся еще на один памфлет, опубликованный в том же месяце. Перерыл подшивку за несколько недель — пусто. Зашевелилась надежда — возможно, все не так паршиво, как он опасался, но тут же и разлетелась вдребезги. Джимми приступил к методическим раскопкам, полный решимости узнать худшее. Не прошло и двух часов, как он его узнал. Тут было все — и ссора с букмекером, и разнузданное поведение на митинге, и нарушение этих обещаний. Полное жизнеописание.

А прозвище, которое ему влепили!

Джимми вышел на Парк-Роу в поисках тихой улочки, где можно бы поразмышлять на эту тему. Не сразу дошел до него ее практический, финансовый аспект. Какое-то время он страдал только от обиды. Ему казалось, что все, снующие мимо, узнают его и бросают в его сторону косые взгляды. Жующие резинку жуют ее издевательски, а те, кто посасывает сигары, сосут их с едва прикрытым презрением. Потом, когда острота ощущений притупилась, ему открылось, что для страданий и раздумий есть причины повесомее.

Когда у него выстроился план внезапного побега от лондонских

соблазнов, он решил, что, как только прибудет в Нью-Йорк, явится в редакцию старой газеты и подаст заявление, чтобы его приняли на прежнюю службу. О деталях ближайших планов он мало задумывался. Ему в голову не приходило, что придется что-то предпринимать — только и надо зайти, похлопать старых приятелей по спине и объявить, что готов снова приступить к работе. Работа! В газете, чье главное развлечение — памфлеты о его эскападах! Даже если бы он и набрался мужества — или нахальства — сунуться с заявлением, какой толк? Он стал притчей во языцех там, где когда-то был почтенным гражданином. Какая газета доверит задание Джиму с Пиккадилли? Леденящая растерянность заползла ему в душу. Ему чудился замогильный голос Бейлисса, шепчущего на Паддингтонском вокзале: «Может, это немножко опрометчиво, мистер Джеймс?»

Опрометчиво, точнее не скажешь. Он сейчас в стране, бесполезной для него. Конкуренция тут высокая, а работы для человека без специальности очень мало. Господи, что же он будет делать?

Можно бы, конечно, вернуться домой. Хотя нет, нельзя! Его гордость восставала против такого решения. Возвращение блудного сына само по себе недурно, но теряет всякую эффективность, если возвращается сын через две недели после бегства. Фактор времени играет огромную роль — срок, проведенный среди свиней, должен быть убедительный. Кроме того, нельзя забывать об отце. Возможно, Джимми и неважный представитель рода человеческого, но не настолько никудышный, чтобы явиться преждевременно и испакостить все своему предку, едва совершив достойный поступок, очистив поле боя. Нет, о возвращении не может быть и речи.

Что же остается? Воздух Нью-Йорка, конечно, бодрит и лечит, но все-таки им одним не проживешь. Необходимо найти работу. Но… какую?

Что же делать?

Сосущее ощущение в области жилета ответило на вопрос. Решение, которое оно подсказывало, было, правда, временным, но весьма заманчивым. Средство это чудесно действовало и раньше во многих критических ситуациях. Надо пойти и поесть, а после еды его, возможно, озарит вдохновение.

Выйдя из аллейки, Джимми направился к метро. Он успел вскочить на подоспевший экспресс и через несколько минут вышел на 42-й стрит, где пошел к отелю, вполне, как он надеялся, отвечавшему его целям. Едва войдя, он заметил в кресле у дверей Энн Честер, и тут же все его уныние как рукой сняло. Он вмиг стал самим собой.

— О, здравствуйте, мистер Бейлисс! Вы зашли поесть?

— Если только вы не предпочитаете другое место, — отозвался Джимми. — Надеюсь, я не заставил вас долго ждать.

Энн засмеялась. В чем-то пушисто-зеленом она была неотразима.

— Я совсем не собиралась обедать с вами. Я жду Ролло и его сестру. Помните? Он с нами на пароходе плыл. Его шезлонг стоял на палубе рядом с моим.

Опять удар! Когда он подумал, что несчастная едва спаслась от этого несносного Тедди — или Эдгара? — он чуть в обморок не шлепнулся.

— Во сколько вы договорились встретиться? — строго спросил он, оправившись от слабости.

— В час.

— А сейчас уже пять минут второго. Не собираетесь же вы сидеть тут и ждать его целую вечность? Пойдемте со мной, свистнем такси.

— Ну, что вы!

— Пойдемте! Я хочу обсудить с вами мое будущее.

— И не подумаю, — возразила Энн и двинулась с ним к выходу. — Он никогда не простит меня. — Она забралась в такси. — Еду только потому, что вы попросили обсудить ваше будущее, — сказала Энн, когда они отъехали. — Больше ничто бы меня не сманило…

— Ясно. Я знал, что могу положиться на вашу женскую чуткость. Куда отправимся?

— А куда вам хочется? Ох, я и забыла! Вы же не бывали в Нью-Йорке. Кстати, каковы ваши впечатления от этой грандиозной страны?

— Самые благоприятные. Только бы еще работу найти.

— Скажите шоферу, пусть едет в «Делмонико». Это за углом 44-й стрит.

— За углом нас много чего подкарауливает, верно?

— Как таинственно! К чему вы клоните?

— Вы забыли нашу беседу на пароходе? Вы отказались признать, что чудо ждет за углом. И говорили всякую чушь. О любви. Помните?

— Не станете же вы говорить о любви в час дня! Лучше говорите о своем будущем.

— Любовь и мое будущее связаны неразрывно.

— Но не ближайшее. Мне показалось, вы хотите найти работу. Значит, служба в газете вас больше не прельщает?

— Абсолютно.

— Что ж, в общем, я рада.

Такси подкатило к ресторанной двери, и беседа прервалась. Когда они

уселись за столик и Джимми сделал заказ, Энн вернулась к теме.

— Что ж, теперь главное для вас — выбрать занятие. Джимми окинул зал оценивающим взглядом. До летнего бегства из Нью-Йорка оставалось еще несколько недель, и зал был забит посетителями процветающего вида. Ни у одного вроде бы не было ни забот, ни хлопот. Атмосфера прямо благоухала солидными банковскими счетами. Платежеспособность светилась на чистовыбритых лицах мужчин, сияла в нарядах дам.

— Наверное, — вздохнул Джимми. — Хотя, будь тут выбор, я бы предпочел стать богатым бездельником. На мой вкус идеальная профессия — залетать в контору и выманивать у старого папочки тысчонку-другую.

— Какая гадость! — сурово осудила его Энн. — В жизни не слыхала ничего постыднее. Вы должны работать!

— Очень скоро я буду сидеть с судком для супа у обочины, а вы проедете мимо в лимузине. Я взгляну на вас и скажу: «Вот до чего вы меня довели!» Каково вам будет тогда?

— Буду собой гордиться!

— В таком случае и говорить не о чем. Я б лучше поболтался в людных местечках. Может, какой миллионер усыновит. Но если вы настаиваете, чтобы я работал… Официант!

— Что это вы выдумали?

— Принесите мне справочник профессий, пожалуйста, — попросил Джимми.

— Зачем вам? — удивилась Энн.

— Поищу, что мне подходит. В любом деле методичность превыше всего.

Официант вернулся с красной книгой. Джимми поблагодарил и распахнул ее наугад.

— Кем же станет наш мальчик? Как насчет аудитора?

— Вы считаете, что сумеете аудировать?

— Наверняка не скажу, пока не попробую. Может, очень даже сумею. А монтировщик?

— Монтировщик — чего?

— Справочник умалчивает. Тут ремесла в широком смысле. Монтировщик вообще. Насколько я понимаю, сначала человек решает стать монтировщиком, а потом выбирает, что ему монтировать. Например, спаржу.

— Как это?

— Неужели не знаете?! Монтировщики спаржи продают шпагатики, штучки разные, чтобы отправлять спаржу в рот. Вернее, процесс этот

осуществляет, разумеется, лакей. Обедающий откидывается на стуле, а лакей собирает механизм где-то на задворках. Это напрочь вытесняет старомодный способ брать овощи и попросту класть в рот. Но, я подозреваю, чтобы стать искусным монтировщиком спаржи нужна большая тренировка. Ладно… Есть еще обивщики мебели. Газонокосильщики. Нет, вряд ли это по мне. Косить газоны весной — жалкое занятие на заре жизни. Взглянем дальше.

— Лучше взгляните на омлет. На вид он вкусный. Джимми покачал головой.

— Нет, полистаю справочник. Инстинкт подсказывает мне, что подходящей работы для… — на краю пропасти Джимми спохватился, содрогнувшись от ее глубины: он едва не брякнул: «Для Джеймса Крокера» и, запнувшись, докончил, — … для Алджернона Бейлисса тут нет.

Энн удовлетворенно улыбнулась. Очень типично, что отец назвал его так. Время не подточило ее уважения к старику, которого она видела в тот краткий миг на вокзале. Он был такой милый, и она вполне одобряла подобное проявление гордости.

— Вас правда зовут Алджернон?

— Не могу отрицать.

— Мне кажется, отец у вас очень милый, — непоследовательно сказала Энн.

Джимми опять нырнул в справочник.

— «Д»! — возвестил он. — Потомство узнает меня как Бейлисса-дерматолога. Или Бейлисса-штамповщика горячих деталей. Хотя нет, штамповщик мне не очень нравится. Может, занятие и респектабельное, но мне как-то режет ухо. Есть в нем что-то преступное. Приговор за штамповку фальшивых денег — двадцать лет строгого режима.

— Отложили бы справочник да поели.

— А может, — продолжал Джимми, — внуки в один прекрасный день прильнут к моим коленям и пролепечут детскими голосками: «Дедушка, расскажи нам, как ты стал Королем Эластичных Чулок?» Как вы думаете?

— Постыдились бы! Теряете время попусту. Лучше поболтайте со мной. Либо всерьез задумайтесь, чем заняться.

Джимми быстро листал страницы.

— Через минуту — весь ваш. Постарайтесь развлечься, пока я занят, загадайте себе загадку. Или свежий анекдот расскажите. Поразмышляйте о жизни. Нет. Опять не то. Не вижу себя в роли импортера вентиляторов, резальщика стекол, брокера отелей. Уничтожение насекомых, сбор

макулатуры. Не то, не то! Работник прачечной, строитель мавзолеев, окулист, кровельщик, жестянщик, гробовщик, ветеринар… так, так, так… парики, рентгеновская аппаратура — нет, не то. Даже свинцовые чушки не по мне. — Джимми захлопнул справочник. — Что ж, придется помирать с голоду в канаве. Скажите мне, вы ведь знаете Нью-Йорк, где самая удобная канава?

Тут в ресторан вошла сама элегантность — молодой человек в костюме безупречного покроя, в туфлях без пылинки, со строго вымеренной бутоньеркой в петлице. Через монокль он оглядел зал. Смотреть на него было сплошное удовольствие; однако Джимми вздрогнул, как ужаленный, и удовольствия не испытал. Он узнал нового посетителя. Он хорошо его знал, и тот превосходно был знаком с Джимми. Видел он его всего каких-то две недели назад, в клубе холостяков. В нашем мире мало достоверного, но одно было вернее некуда: если Бартлинг — так назывался пришелец — заметит Джимми, то непременно подойдет и назовет по имени, тогда как тот стал Бейлиссом с головы до пят, Бейлиссом и никем больше. Может, если отрицать категорически, пронесет? В конце концов, Реджи Бартлинг славится слабыми умственными способностями, он поверит чему угодно.

Монокль продолжал обзор, пока не уткнулся в профиль Джимми.

— Вот это да! — воскликнул пришелец.

Реджинальд Бартлинг приплыл в Нью-Йорк только сегодня утром, но его уже давило одиночество чужого города. Приехал он, чтобы поразвлечься, карманы у него были набиты рекомендательными письмами, но их он еще не пустил в ход. Его томила тоска по родине, ему не хватало приятелей. А тут нате вам, Джимми Крокер собственной персоной. Один из лучших! И он заспешил к столу.

— Крокер, дружище! А я и не знал, что ты тут! Когда приехал?

Джимми радовался до глубины души, что углядел его раньше и успел приготовиться к встрече. Внезапно атакованный, он несомненно изобличил бы себя признанием; но предугадав, что Реджи подойдет, сумел победить его. Он сказал Энн целую фразу, прежде чем понял, что обращаются к нему.

— Ой, да тут Джимми Крокер!

Джимми напустил на себя недоумевающий вид, взглянул на Энн, перевел взгляд на Бартлинга.

— По-моему, — сказал он, — произошла какая-то ошибка. Моя фамилия Бейлисс.

Под его каменным взглядом безукоризненный Бартлинг сник. Ему

припомнилось все, что он читал и слышал о двойниках, и он смешался, полыхнув румянцем стыда. Какая невоспитанность! Подскакивать к совершенно незнакомому человеку, прикидываясь, будто узнаешь его. Пожалуй, друзья сочтут его нахалом. Нет, какая вульгарность! Реджи пунцовел и пунцовел. Со стороны могло показаться, что покраснел он до самых щиколоток. Он отступил, бормоча сбивчивые извинения. Джимми сочувствовал страданиям приятеля. Истовая приверженность того к хорошему тону была ему хорошо известна, и он представлял его неописуемый ужас. Но необходимость диктовала жесткий курс. Пусть душа его корчится в муках, пусть он проводит бессонные ночи после такого ляпа, Джимми все равно готов стоять на своем хоть до осени. И вообще, Реджи только на пользу получать иногда встряску. Поддержит его в резвой, энергичной форме.

С такими мыслями Джимми снова повернулся к Энн, тогда как пунцово алевший Бартлинг засеменил восстанавливать нервы в другой ресторан. Энн смотрела на Джимми изумленно, широко распахнув глаза, приоткрыв рот.

— Как странно! — легко и небрежно, восхищаясь сам собой, обронил Джимми. — Наверное, я чей-то двойник. Как он назвал меня?

— Джимми Крокер!

Подняв бокал, Джимми отхлебнул и поставил его на место.

— Ах да, вспомнил! Любопытно, имя почему-то знакомое… Где то я его уже слышал, как будто…

— Да я же вам рассказывала! В тот вечер, на палубе!

— Н-да! — Джимми с сомнением взглянул на нее. — Ах, ну да, конечно! Припоминаю, тот самый субъект, которого вы так не любите.

Энн по-прежнему всматривалась в него, словно бы он превратился в кого-то нового и незнакомого.

— Надеюсь, это сходство не настроит вас против меня? — осведомился Джимми. — Одни рождаются Джимми Крокерами, другие — становятся. Надеюсь, вы не упустите из виду, что лично я принадлежу к последним.

— Нет, ну до чего необычно!

— Хм, не знаю… Каких только историй нет про двойников! Несколько лет назад в Англии жил один человек, его регулярно упрятывали в тюрьму за чужие проступки. Кто-то, по случайности, как две капли воды походил на него…

— Я не про это. Конечно, двойники существуют. Но любопытно, что вы приехали в Америку и мы вообще встретились. Понимаете, я ведь

ездила в Англию, чтобы уговорить Джимми Крокера вернуться.

— Что?

— Нет, не лично я, конечно. Я ездила с дядей и тетей. Это им хотелось его уговорить.

— Ваши Дядя с тетей? — Джимми обалдел вконец. — С какой стати?!

— Забыла объяснить, что они и его дядя и тетя. Сестра моей тети замужем за его отцом.

— Но…

— Все просто, хотя на первый взгляд вроде запутанно. Вы, наверное, давно не читали «Санди Кроникл»? Там публиковались статьи про его дикие выходки в Лондоне. В газете его называют «Джим с Пиккадилли».

В напечатанном виде прозвище шокировало Джимми. Произнесенное вслух, да еще Энн, оно показалось просто дерзким. Его раздирали угрызения совести.

— Вчера появился новый…

— Я видел, — перебил Джимми, чтобы избежать пересказа.

— Ах, вот как? Вот еще доказательство, что за тип этот Джимми. Лорд Перси Уиппл, на которого он набросился в клубе «Шесть Сотен» — его лучший друг. Его мачеха сама сказала это моей тете. Абсолютно безнадежен, — и Энн улыбнулась.

— Что-то вы приуныли, мистер Бейлисс? Веселее! Может, вы и похожи на него, но все равно вы — не он. Главное — душа. У вас добропорядочная алджернонoвская душа. Да, вы так сильно похожи, что даже его друзья подходят в ресторане и с вами заговаривают. Ничего, так даже лучше. Я думаю, если бы вы явились к моей тете как Джимми Крокер, все-таки прикативший сюда в припадке раскаяния, она обрадуется и сделает для вас что угодно. Вы даже могли бы осуществить свои притязания, вас усыновил бы миллионер. Кстати, почему бы вам не попробовать? Я не выдам.

— И прежде чем меня разоблачат и отправят в тюрьму, я смогу побыть рядом с вами. Буду жить с вами в одном доме, разговаривать… — голос у Джимми дрогнул.

Энн повернулась к нему.

— Да послушайте вы! А то распелись, честное слово… Прямо оратор, поистине златоуст!

Джимми сурово глядел на нее. Такого легкомыслия он не одобрял.

— Когда-нибудь вы меня доведете…

— Разве вы услышали? — встревожилась Энн. — Однако, я серьезно. Вы и впрямь златоуст. С таким чувством говорите!

Джимми подладился к новой интонации.

— Ах, что вы! Я только-только разогрелся. Еще минутка, и вы услышали бы кое-что стоящее. Но вы меня обескуражили. Лучше вернемся к моей работе.

— А вы что-то надумали?

— Мне хотелось стать одним из тех, кто сидит в офисе, подписывает чеки и приказывает рассыльному передать Рокфеллеру, что после обеда, так и быть, выкроит для него минуток пять. Хотя тут нужна чековая книжка, а у меня ее нет. Ладно, неважно, подыщу что-нибудь. А теперь расскажите мне о себе. Оставим на время мое будущее.

Час спустя Джимми свернул на Бродвей. Шагал он печально, ему надо было о многом подумать. Как странно, что Пэтты ездили в Англию уговаривать его! И как горько, что теперь, когда он в Нью-Йорке, эта дорога к богатому будущему перекрыта из-за поступка, который он совершил пять лет назад… Он даже не помнил ничего, и это приводило его в бешенство; однако, ничего не попишешь. Энн его возненавидела. Он нежно замечтался о ней, наталкиваясь на прохожих.

Из транса его вывел седьмой, пробормотав имя, от которого он недавно отрекся:

— Джимми Крокер!

Удивление выдернуло Джимми из мечтаний, возвратив в суровую реальность — удивление и некоторая досада. Нет, чушь какая! Приехал в город под чужим именем, инкогнито, можно сказать, не был тут пять лет, а тебя узнает каждый второй! Джимми кисло взглянул на коренастого парня с квадратными плечами, потрепанного в битвах, и увидел на некрасивом лице почтительную, радостную улыбку. На лица у Джимми была не очень хорошая память, но вот такое запомнилось бы даже при самой плохой. Оно, как говорится в рекламных объявлениях, несло печать индивидуальности — перебитый нос, низкий лоб, уши-лопухи… последний раз Джимми видел Джерри Митчелла два года назад, в Лондоне, в национальном спортивном клубе; и мгновенно изготовился, как перед недавней стычкой с несравненным Реджи.

— Привет! — сказал Джерри.

— И вам привет! — вежливо отозвался Джимми. — Чем могу озарить дни вашей жизни?

Улыбка растаяла, сменившись недоумением.

— Вы ведь Джимми Крокер?

— Ну, что вы! Я Алджернон Бейлисс.

— Прощенья прошу. — Джерри покраснел. — Обознался.

И пошел было прочь, но Джимми окликнул его. После расставания с Энн в жизни его образовалась зияющая пустота, и он жаждал заполнить ее общением.

— А я вас узнал!? Вы — Джерри Митчелл. Помню, помню, как вы уложили Кида Берка четыре года назад!

Улыбка шире прежней вернулась на лицо боксера. Он просиял от удовольствия.

— Э-эх, как вспомнишь!.. Бросил я спорт. Работаю для одного старикана, такой Пэтт. Потеха, честное слово! Он как раз дядя Джимми Крокера, за которого я вас принял. Нет, ну прям вылитый Джимми! Слушайте, а вы сейчас заняты?

— Не особенно.

— Пойдем, посидим, поболтаем. Тут за уголком одно местечко…

— Пойдем.

Они отправились в местечко.

— Тебе что? — спросил Джерри. — Сам я в завязке.

— Да и я, — отозвался Джимми. — Что поделаешь! Нельзя вечно пить, позориться.

Джерри Митчелл молча принял эти мудрые слова. Они окончательно рассеяли остатки сомнений, таившихся в его душе. Вроде бы согласившись, что встречный этот — не Джимми, от грызущих сомнений Джерри избавиться не мог; но теперь — убедился. Ничего подобного Джимми в жизни бы не сказал, ни за что бы не отказался; и, облегченно вздохнув, Джерри завязал беседу с новым знакомцем.

ГЛАВА IX

В пять часов вечера, дней через десять после возвращения в Америку, миссис Пэтт была для друзей дома. Получился настоящий прием — она не только уведомила официально, что самая знаменитая хозяйка салона снова принимает гостей, но и решила произвести впечатление на Хэммонда Честера, который заехал дня на два в Нью-Йорк, перед очередным путешествием в Южную Америку. На свой отстраненный манер он очень любил Энн, хотя в тайниках сердца считал неразумным с ее стороны родиться девчонкой, а не мальчишкой, и всегда заезжал ненадолго в Америку по пути из одной дикой пустынной местности в другую — если, конечно, выкраивалась минутка.

Большая гостиная, выходящая на Гудзон, была битком набита. Миссис Пэтт благоволила к представителям самых разных групп человечества. Она гордилась богемными экспонатами, а за последнее время превратилась в истинного дракона, похищала гениев из их укромных логовищ и выставляла на свет Божий. В толпе бродили шестеро гениев, гостивших у нее, против чего так возражал муж. Но сегодня она наприглашала еще много народу из ближайших окрестностей Вашингтон-сквер, и воздух звенел надрывными воплями футуристов, буддистов, верлибристов, реформаторов сцены, а также художников по интерьеру. Все они толкались в гуще заурядных членов общества, которые пришли их послушать. Мужчины с новыми теориями развлекали женщин в новых шляпках. Апостолы свободной любви проповедовали тем, кто десятки лет занимался ею на практике. Одним словом, здесь напрягали связки и воспитывали умы.

Честер, стоявший у дверей рядом с Энн, оглядывал собрание с добродушным презрением большого пса к многочисленной своре мелкоты. Рослый, обветренный всеми ветрами, в чем-то очень похожий на Энн, он был бы похож на нее еще больше, если б не то, что часть лица ему содрал рассерженный ягуар, с которым у него вышли разногласия несколько лет назад в перуанских джунглях.

— Тебе нравится? — поинтересовался он.

— Да нет, мне все равно.

— Грустно, конечно, расставаться с тобой, но я рад, что уезжаю сегодня вечером. Кто все эти люди?

Энн оглядела гостей.

— Вот Эрнс Уисден, драматург, вон, разговаривает с Лорой Диллейн Портер, дамской писательницей, феминисткой. А там — Клара, скульптор, со взбитыми волосами. Рядом с ней…

Честер прервал этот перечень сдавленным зевком.

— А где старина Питер? Разве он не посещает эти сборища?

— Бедный дядя Питер! — засмеялась Энн. — Если ему случается вернуться из конторы прежде, чем разойдутся гости, он прокрадывается к себе и сидит там до полной безопасности. Последний раз, когда я заставила его идти на вечеринку, на него набросилась дамочка и битый час трещала о безнравственности бизнеса. По-моему, она была твердо убеждена, что миллионеры — грязная накипь земли.

— Он никогда не умел постоять за себя, — взгляд Честера, блуждая по залу, внезапно остановился. — А кто вон тот парень? По-моему, где-то я его встречал.

Постоянное кружение гостей оживляло обстановку. Всякий раз, как толпа чуть-чуть успокаивалась, тут же снова что-то будоражило ее. Объяснялось это неумеренной активностью миссис Пэтт — она считала, что хорошая хозяйка не оставит гостей в покое. С того момента, когда зал начинал заполняться, и до минуты, когда он пустел, она неустанно сновала взад-вперед, напоминая ястреба, парящего над цыплятами, или гарцующего коня. В результате гости беспрестанно образовывали новые комбинации и сочетания, сталкиваясь на манер тех движущихся манекенов, которых можно увидеть в витринах бродвейских магазинов, где они вращаются на металлическом диске, а, столкнувшись друг с другом, вынуждены менять направление. В этом и состояла изюминка светских приемов, способствующих обогащению ума, о котором уже упоминалось: слушая дискуссию об искренности Оскара Уайльда, гость никогда не знал, не сменится ли она на середине фразы спором о глубинном смысле русского балета.

Нырнув в группу, в которой царила резковатая женщина, громогласно и весело разглагольствовавшая о суффражистках, миссис Пэтт извлекла из гущи высокого блондина с милым и пустым лицом. Несколько последних минут он сидел, напряженно выпрямившись, сложив руки на коленях, настолько походя при этом на хориста, замыкающего ряд в шоу, что вряд ли кто-нибудь удивился бы, если бы он запел.

Энн проследила за взглядом отца.

— Ты про кого? Того, что с тетей Нестой говорит? А теперь они подошли к Уилли Патриджу? Вон того?

— Да. Кто это?

— Ну, знаешь! Ты же сам ввел его к нам. Это лорд Уизбич! Пришел к дяде Питеру с рекомендательным письмом от тебя. Ты с ним в Канаде познакомился.

— А-а, теперь вспомнил! Да, переночевали вместе одну ночь в палатке. Раньше его не видел. Говорит, ему нужно письмо к старому Питу, не знаю уж зачем, я и нацарапал карандашом на конверте. В покер играет — блеск! Досуха меня выдоил. Да, в нем что-то есть. Ты не смотри, что он похож на опереточного простофилю. Он очень умный.

Энн задумчиво взглянула на отца.

— Странно, папа, что ты открываешь мне скрытые достоинства лорда Уизбича. Я как раз пытаюсь принять решение. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж.

— Вот как! Думаю, не он один, а? — Честер с интересом взглянул на дочку. То, что она так выросла и стала красавицей, всегда приводило его в недоумение. Он никак не мог избавиться от образа долговязой девчонки в короткой юбочке. — Отказываешь, наверное, без конца?

— Каждый день. С 10-ти до 4-х, с перерывом на ленч. Как на службе.

— А лорд Уизбич тебе нравится?

— Не знаю, — честно ответила она. — Вроде симпатичный. Главное, совсем другой. Большинство мужчин, которых я знаю, все на одну колодку. А лорд Уизбич, и еще один… Вот эти двое — другие.

— А второй кто?

— Его я едва знаю. Познакомились на пароходе. Честер снова взглянул на часы.

— Решай сама, Энн. Хорошо иметь такую дочь — нет, я не так сказал. Хорошо знать, что насчет тебя я могу не беспокоиться. Не надо давать тебе советов. Ума у тебя раза в три больше, чем у меня. Да и не из тех ты девушек, что примут совет. Ты всегда знала, еще совсем малышкой, чего хочешь. Ну что ж, если идешь проводить меня на пароход, пора и отправляться. Где машина?

— Ждет у дверей. А с тетей Нестой прощаться не будешь?

— Что? Нырять в эту свору койотов? — встревожился Честер. — Да меня на куски разорвут ошалелые художники! Вдобавок, глупо поднимать шум из-за ерунды — уезжаю я ненадолго и недалеко, всего лишь в Колумбию.

— Сможешь на воскресенье к нам заглядывать, — пошутила Энн.

Приостановившись в дверях, она оглянулась на светловолосого лорда Уизбича — тот оживленно беседовал с ее теткой и Уилли Патриджем, и последовала за отцом. Садясь за руль, она была чуть задумчива. Нечасто ее

независимой натуре требовалась поддержка со стороны, но сейчас ей полубессознательно хотелось, чтобы отец у нее был не такой безразличный. Тогда она попросила бы его помочь ей, и они решили бы проблему, мучившую ее больше трех недель, с того дня, как лорд Уизбич попросил ее выйти за него замуж и она пообещала дать ответ по возвращении из Англии. Уже несколько дней она в Нью-Йорке, но так ни на что и не решилась, хотя была из тех девушек, которым нравится решительность в действиях и мыслях и у себя, и у других. Отца Энн любила умозрительно и отстраненно, как и он ее, и великолепно понимала, что надеяться на совет не стоит.

Распрощавшись с отцом на пароходе и по-матерински пошутив над неудобствами плавания, Энн медленно покатила обратно. Впервые в жизни она испытывала неуверенность. Уезжая в Англию, она, в сущности, уже решила выйти замуж за лорда Уизбича, а формальное согласие отсрочила лишь потому, что хотела, как всегда — хладнокровно, взвесить все на досуге. Раздумья не принесли отвращения к нему, до самого Нью-Йорка Энн не колебалась, но потом, по неведомой причине, мысль выйти за него замуж стала ей противна. Теперь она поймала себя на том, что новое настроение борется с прежним.

Энн уже доехала до своего дома на Риверсайд драйв, но скорость не сбросила. Она знала, там ее ждет лорд Уизбич, но не хотела пока что встречаться с ним. Лучше побыть одной. Настроение у нее было подавленное — может быть, из-за того, что она снова рассталась с отцом? Да, скорее всего, решила она. Его короткие набеги в ее жизнь и столь же внезапные исчезновения всегда вызывали в ней какую-то тревогу. Машина ехала вдоль реки. Энн хотелось до возвращения домой решить, наконец, свои проблемы.

Лорд Уизбич между тем беседовал с миссис Пэтт и Уилли о патриджите. Услышав, что его окликают, изобретатель обернулся — медленно, важно, рассеянно, как великий мыслитель, которого оторвали от дум. Он всегда глядел так, когда с ним заговаривали, но находились люди (в том числе хозяин дома), которые придерживались мнения, что за душой у него только и есть этот взгляд. Репутацию великого ученого, считали они, он выстроил из такого взгляда, гривы волос, которую вечно лохматил пятерней, да славы покойного отца.

Уилли был сыном Дуайта Патриджа, уж точно великого изобретателя, и многие полагали, что работа над «патриджитом» — это продолжение экспериментов, которые не закончил отец перед смертью. То, что Дуайт Патридж в последний год жизни ставил опыты, изобретая мощное

взрывчатое вещество, не было тайной в тех кругах, для которых это представляло интерес. Ходили слухи, что иностранные правительства пытались вступить с ним в контакт, но внезапная болезнь с фатальным исходом резко оборвала его карьеру, и мир позабыл об экспериментах, пока в «Санди Кроникл», этой сокровищнице сведений, не появилось сообщение, что Уилли продолжил труд своего отца с того места, на котором тот оборвался. С тех пор общество будоражили неопределенные слухи, что вот-вот грянет сенсация. Уилли не подтверждал их и не опровергал, храня таинственное молчание, которое очень ему шло.

Медленно обернувшись, он уставил глаза на бесхитростное лицо лорда и помолчал с тем самым выражением, с каким позировал для «Кроникл».

— А, Уизбич, — уронил он.

Лорд Уизбич, по-видимому, не вознегодовал на покровительственный тон. Он бодро ринулся в беседу. Манеры у него были приятные, простые, очень располагавшие к нему людей.

— Только что говорил миссис Пэтт, — начал он, — что ничуть не удивлюсь, если вы получите предложение, и очень скоро, от наших ребят. Знаете, когда я был в Англии, я встречал ребят из военного министерства. Очень интересуются этой вашей штукой.

Уилли не нравилось, когда патриджит называли штукой, но он стерпел. Что с англичанина возьмешь, все они так разговаривают!

— Вот как?

— Разумеется, — вступила хозяйка, — Уилли, как патриот, первый шанс предоставит нашему правительству.

— Да, да!

— Но вы же знаете, каковы чиновники во всем мире! Такие скептики, так медленно разворачиваются…

— Знаю. И у нас, в Англии, тоже самое. Приятель один изобрел что-то там такое, забыл уж что, очень полезное. Так вот, он никак не мог добиться от них ответа — ни да, ни нет. Как это вы не позондировали почву, пока были в Лондоне?

— Ах, мы там пробыли несколько часов! Между прочим, лорд Уизбич, моя сестра, — миссис Пэтт приостановилась, не хотелось ей упоминать сестру, но подталкивало любопытство, — сестра говорила, что вы большой друг ее пасынка, Джеймса Крокера. А я и не знала, что вы с ним знакомы…

Лорд Уизбич слегка замялся.

— А он к вам сюда не приезжает? Нет? Жаль. Ему это принесло бы

огромную пользу. Да, мы с Джимми Крокером и правда близкие приятели. Он, конечно, малость того… прошу прощения! Я имею в виду… — лорд сконфуженно оборвал фразу и снова повернулся к Уилли. — Так как же у вас делишки с этой штуковиной?

Если Уилли супился, когда патриджит называли штукой, то еще меньше нравилось ему именование «штуковина».

— Я перестал этим заниматься, — холодно отозвался он.

— А что такое? — посочувствовал лорд Уизбич. — Напоролись на сучок?

— Напротив, мои эксперименты вполне успешны. В лаборатории хватит патриджита, чтобы весь Нью-Йорк к чертям собачьим взорвать!

— Уилли! — воскликнула миссис Пэтт. — Что же ты не сказал? Ты ведь знаешь, я очень интересуюсь твоими опытами!

— Завершил работу только вчера. Вечером.

И, важно кивнув, Уилли отошел. Он устал от Уизбича — было в том что-то… ну, противное — и присоединился к более родственной компании у окна.

Уизбич повернулся к хозяйке. Простоватое выражение слетело у него с лица, как маска, на миссис Пэтт смотрели, острые и умные глазки.

— Миссис Пэтт, — спросил английский лорд, — разрешите с вами поговорить?

Хозяйка так удивилась, что ответила не сразу. При всем ее расположении к лорду Уизбичу она никогда не считала его умным, а сейчас на нее смотрел человек, у которого были мозги, и незаурядные.

— Если ваш племянник и вправду добился успеха, вам следует проявлять крайнюю осторожность. Вещество не должно валяться в лаборатории. Хотя, несомненно, он тщательно его спрятал. Оно должно храниться в сейфе — например, в вашей библиотеке, новости такого рода распространяются со скоростью света. Уже сейчас, возможно, есть люди, которые только и стерегут момент, чтобы похитить взрывчатку!

Каждый нерв миссис Пэтт, каждая клеточка мозгов, уже несколько лет впитывавших и выдававших лихо закрученные сюжеты, неудержимо завибрировали при этих словах, произнесенных тихо и веско. Как ошибалась она в лорде Уизбиче!

— Шпионы? — выдохнула она.

— Сами они себя так не называют. Агенты секретной службы. В каждой стране есть такие люди.

— Они попытаются выкрасть его изобретение? — голос ее совсем угас.

— Для них это не кража. Мотивы — самые патриотические. Уверяю вас, миссис Пэтт, я слыхивал от приятелей из Английской секретной службы удивительные истории. Люди, в частной жизни честные, как стеклышко, на службе способны на что угодно. Все средства для них хороши. Не останавливаются буквально ни перед чем. На вашем месте я бы подозревал всякого, особенно незнакомцев. — Лорд обаятельно улыбнулся. — Наверное, вы думаете, что это странный совет от человека, который сам, в сущности, вам незнаком? Что ж, подозревайте и меня, если желаете. Подстрахуйтесь!

— Ну что вы, лорд Уизбич! — ужаснулась миссис Пэтт. — Вам я доверяю безоговорочно. Даже если предположить, что такое возможно, разве стали бы вы предупреждать меня, будь вы сами… э…

— И то правда. Не подумал. Хорошо, давайте скажем так, подозревайте всех, кроме меня… — Уизбич оборвал фразу. — Миссис Пэтт, не оглядывайтесь. Погодите, — прошелестел он почти неслышно, — кто это стоит позади вас? Он подслушивал наш разговор. Обернитесь, но медленно.

Хозяйка с наигранной небрежностью повернула голову. Сначала она решила, что ее собеседник говорит о молодых людях, которые на всю громкость (вполне понятно в такой шумихе!) обсуждали перспективы разных клубов, состязающихся за вымпел чемпионата Бейсбольной Национальной Лиги. Затем, расширив поле зрения, поняла, что ошиблась. Между ними и этой группой торчала одинокая фигура — плотный человек во фраке, держащий перед собой поднос с чашками. Когда она обернулась, человек с чашками поймал ее взгляд и, виновато вздрогнув, заторопился дальше.

— Видели? — осведомился лорд Уизбич. — Подслушивал! Кто он? Очевидно, ваш дворецкий. Что вам о нем известно?

— Он у нас новенький. Некий Скиннер.

— Ах, новенький! Значит, недавно у вас?

— Всего три дня как из Англии.

— Как же он попал к вам? То есть, по чьей рекомендации?

— Службу ему предложил мистер Пэтт, когда мы встретили его у моей сестры, в Лондоне. Мы ездили в Англию повидаться с моей сестрой Юджинией, а этот человек служил у нее дворецким. Он впустил нас, стал расспрашивать мужа о бейсболе, и тот так обрадовался, что предложил ему место, если он переедет в Америку. Сразу он определенного ответа не дал, но, видимо, отплыл на следующем же пароходе и явился к нам через несколько дней после вашего возвращения.

Лорд Уизбич тихонько рассмеялся.

— Блестяще разыграно! Разумеется, внедрили его к вам специально.

— Что же мне делать? — разнервничалась миссис Пэтт.

— А ничего. Пока что ничего сделать вы не сможете. Держите глаза открытыми. Наблюдайте за этим Скиннером. Последите, нет ли у него сообщников, маловероятно, чтобы действовал он в одиночку. Подозревайте всех. Поверьте мне…

Его перебил рев, обрушившийся откуда-то, по-видимому, с верхнего этажа, настолько неожиданный и мощный, что его можно было принять за неурочное испытание огромной пригоршни патриджита. Только через несколько минут он распался на членораздельные визги, которые издавала травмированная жертва смертоносного изобретения. Они разносились по дому каскадами, оповещая всех и каждого под этой крышей о двух фактах: кому-то больно и, кто бы он ни был, легкие у него отменные.

Эффект оказался немедленным и ошеломляющим. Словно натуго завернули кран, оборвались беседы. Двенадцать дискуссий на двенадцать высокоинтеллектуальных тем умерли разом, точно пропела труба Судного дня. Футуристы бледно взирали на верлибристов, замолкли реформаторы сцены, ошеломленно глядя на буддистов.

В тишину еще резче всверлился непонятный звук, который стал пронзительней, но и обрел смысл, по крайней мере, для одних ушей. Вслушавшись получше, миссис Пэтт (время словно бы вытянулось по стойке «смирно») испустила протяжный вопль и метнулась к двери.

— Огден! — она полетела вверх по лестнице, на бегу набирая скорость. Лучший друг мальчика — его мать.

ГЛАВА X

Пока пиршество доводов и воспарение душ царило в гостиной, в спортивном зале, наверху, Джерри Митчелл коротал время, совершенствуя и без того отменную физическую форму. Если бы гости не так оживленно беседовали, они услышали бы приглушенные удары — бам-бам-бам-м-м-м — оповещавшие, что наверху кто-то бьет по груше.

Только отвлекшись минут через пять от трудов, Джерри обнаружил, что имеет удовольствие наслаждаться компанией юного Огдена. Упитанный отрок привалился к двери, не сводя с тренера внимательных глаз.

— Чего делаешь? — спросил он.

— По груше бью.

Джерри отер кулаком вспотевший лоб и принялся стягивать перчатки, глядя на Огдена с неодобрением, которое не собирался скрывать. Истового поборника спортивной формы вид пухлого отпрыска просто оскорблял. В дни, когда миссис Пэтт принимала гостей, он, следуя своему неизменному обычаю, торчал на лестнице, взимая дань с угощений, проносимых мимо. Видимо, он уже объелся, рот у него был перепачкан.

— А зачем? — вопросил он, слизывая языком застывшую капельку джема с правой щеки.

— Для поддержания формы.

— А чего тебе ее поддерживать? Джерри кинул перчатки в стол.

— Исчезни, — устало попросил он. — Исчезни!

— А? — избыток сладкого, видимо, притупил отроческий рассудок.

— Вали отсюда!

— А я вот не хочу!

Раздосадованный боксер уселся и критически оглядел гостя.

— Ты никогда не делаешь того, чего не хочешь? — осведомился он. — Да?

— Да, — просто ответил Огден. — Какой у тебя нос смешной! С чего бы это?

Митчелл беспокойно заерзал. Тщеславием он не страдал, но именно этой черты своего лица всегда стыдился.

— Лиззи говорит, в жизни такого не видала. Ну, говорит, прямо из комикса!

Темный румянец, какого не вызвало и битье груши, расползся по

своеобычному лицу Джерри. Не то чтобы он считал Лиззи Мэрфи непререкаемым авторитетом в области красоты, но все-таки понимал, что в этом случае основания у нее есть. Вдобавок его, как и многих, раздражал самый тон Огдена. Пальцы у него нервно прыгали, и он угрюмо глянул на нахального юнца.

— Убирайся!

— А?

— Топай давай отсюда!

— Не хочу, — твердо ответил Огден и, сунув руку в карман, извлек оттуда липкую массу — не то раздавленное пирожное, не то меренгу, которую с наслаждением заглотил.

— Чуть не позабыл! — сказал он. — Мэри на лестнице сунула. Она тоже считает, нос у тебя — будь здоров, — прибавил он, как человек, пересказывающий приятную новость.

— Заткнись! — взревел измученный боксер.

— Да я только передаю, что слышал.

Джерри рывком вскочил и шагнул к мучителю, тяжело сопя раскритикованным органом. Он был истинным рыцарем, глубоко почитал женщин, но сейчас хотел бы задать Мэри то, что он называл «трепкой». То была одна из горничных, некрасивая, суровая женщина, он ее вообще не любил, потому что Мэгги, иначе — Селестина, завязала с ней пылкую дружбу. Хотя улик у него не было, он подозревал, что Мэри использует свое влияние, поддерживая ухаживания главного соперника, шофера Биггса. Разоблачения Огдена подбавили горючего в его неприязнь. С минуту Джерри потешился соблазнительной мыслью облегчить чувства, отшлепав юного гада, но нехотя сдержался, прекрасно понимая, какой это повлечет урон. Он достаточно долго прожил в доме и не имел ни малейших сомнений, что сам Пэтт здесь — пешка, и ничем не поможет, случись столкновение с его женой. Задать Огдену трепку — очень полезно, лучше всяких лекарств, но тут уж точно будет буря. И, обуздав себя, Джерри потянулся за скакалкой, надеясь разрядиться новыми физическими упражнениями.

Огден, дожевывая пирожное, глядел на него со слабым любопытством.

— А это еще зачем? Джерри угрюмо прыгал.

— Зачем это-то? Через скакалку одни девчонки скачут! Джерри не обращал внимания. После минутной задумчивости Огден вернулся к первоначальному течению мыслей.

— Недавно рекламу видел в журнале, машинка, носы исправлять. Сам ложишься, а ее на нос прикрепляешь.

Джерри трудно дышал.

— Тебе ведь охота поприличней быть? А? То-то и оно! Я сам слыхал, Мэри говорила Биггсу и Селестине. Как увидит, так хохочет. Прям удержаться не может!

Сбившись с ритма, скакалка запуталась в ногах у прыгальщика и тот, споткнувшись, кувыркнулся. Огден, запрокинув голову, залился веселым смехом. Бесплатные развлечения он обожал, а это ему особенно понравилось.

В жизни каждого человека выпадают минуты, когда ради преходящего удовольствия он жертвует будущим. Правда, человек волевой таким порывам не поддается. Джерри тоже был не из слабаков, но слишком уж долго и изощренно над ним измывались. Самое присутствие Огдена, тем более его сплетни, подточили самообладание боксера; так капля точит камень. Недавно он задушил в себе искушение прикончить настырного мальчишку, но осмеянная любовь добавила яда к оскорбленному самолюбию и, наплевав на все последствия, Джерри ринулся через зал на Огдена. В следующее мгновенье началось его воспитание, весьма запущенное, а с ним — обвал воплей, которые докатились до гостиной и вырвали миссис Пэтт из общества гостей.

Одолев последний лестничный пролет с резвостью серны, перепрыгивающей с утеса на утес в снежных Альпах, она резко финишировала, ворвавшись как раз тогда, когда карающая десница вскинулась в одиннадцатый раз.

ГЛАВА XI

Не прошло и четверти часа (с такой быстротой Немезида, обычно медлительная, настигла Джерри Митчелла), как он, с чемоданчиком в руке, вышел из задних дверей и отправился к дешевым, чистеньким, приличным меблирашкам, расположенным на 97-й стрит между Риверсайд Драйв и Бродвеем. Его безмятежные нервы были в полном раздрызге от сегодняшних передряг, а уши-лопухи все еще пламенели при воспоминании о нелестных словах, которые произнесла миссис Пэтт перед тем, как выставить его из дома.

Вдобавок его охватывала легкая паника при мысли о предстоящей встрече с Энн. Как он сообщит ей о катастрофе? Она уже настроилась поместить Огдена в более суровую обстановку, а теперь, когда ее союзник больше не живет в доме, замысел этот вряд ли удастся. Джерри составлял в нем существенное звено — и вот, ради мимолетного желания, все погубил! Задолго до того, как он дошагал до дома, похожего на все остальные дома этих улиц, первый, безоглядный порыв улегся, сменившись опаской. Энн ему очень нравилась, он обожал ее и уважал, но гнева ее побаивался.

Джерри вошел в меблирашки. Ища компании в час печали, он поднялся на второй этаж, дошел до двери, из-за которой тянуло табаком и постучался.

— Да? — послышалось оттуда. — Входите.

— Привет, Бейлисс, — грустно поздоровался Джерри, послушно входя, и, присев на краешек кровати, испустил тяжкий, долгий вздох.

Комната была светлая, полная воздуха, но тесная до невозможности. Наличие мебели воспринималось почти как чудо; на первый взгляд казалось, что сюда и кровать-то не втиснешь. Однако осталось несколько пустых местечек, где расположили раковину, комод и лилипутскую качалку. Окно, которое вдумчивый архитектор спроектировал раза в три больше, чем надо для такой комнатушки, выходило на заброшенные задние дворы. Через него обильно лился свежий вечерний воздух. В меблирашках лишь окна богатых и заносчивых выходят на улицу.

На кровати, с трубкой меж зубов, лежал Джимми Крокер, без башмаков и пиджака. На полу топорщилась смятая газета. Видимо, он отдыхал после тяжких трудов.

Гость вздохнул. Джимми приподнял голову, но, найдя эту позу чересчур утомительный для шеи, снова упал на подушку.

— Джерри, что такое? Чего ты раскис. Прямо как будто судьба двинула в солнечное сплетение! Или скажем так: будто ты с зажженной свечкой ищешь щель в газовой трубе жизни. Что стряслось?

— Шабаш!

После долгого отсутствия Джимми не всегда улавливал мысли Джерри, запеленутые в особый жаргон.

— Не доехало, друг. Брось парочку примечаний.

— Меня турнули с работы.

Джимми резко сел. Тут уже не воображаемые беды, не томление души, а конкретное дело!

— Тьфу ты, черт! То-то ты кислый. Как это все произошло?

— Заявился этот Билл Тафт и давай измываться над моей сопелкой. Уильям Брайен, и тот не выдержал бы. Ну, я ему и вжарил.

Джимми снова упустил нить. Обилие политических аллюзий сбило его с толку.

— А Тафт откуда взялся?

— Ну, не настоящий, конечно. Мальчишка такой, Огден. В том доме, где я работал. Приплелся в спортзал, стал меня доставать — нос, понимаешь, ему плохо! Я и сорвался… А опомнился, глядь — колочу его. — На мрачном лице зарделся слабый отблеск радости. — Ну уж я ему и вмазал! — Отблеск потух. — В общем ясно. Вот он я. Тут. Без работы.

Теперь Джимми понял. В меблирашках он поселился в вечер их встречи на Бродвее. Последующие беседы с боксером ввели его в курс всех дел в доме Пэттов. Заочно он перезнакомился со всей обслугой и знал в точности, что опасно наказывать Огдена, неважно за какие провинности. Не требовалось ему и объяснений, как могла миссис Пэтт уволить человека, служившего у ее мужа.

— По-моему, — сказал он, — действовал ты похвально! Одно жаль, зря его не прикончил. Насколько я понимаю, тебе помешали. А теперь рассмотрим будущее. Мне оно видится не таким уж черным. Правильно, ты потерял хорошую работу. Но существуют и другие, тоже неплохие для спортсмена твоего ранга. Нью-Йорк набит миллионерами с плохим пищеварением, которым требуется умелый тренер для спортивных разминок. Выше нос, солнце еще не закатилось!

Джерри покачал головой. Он не хотел утешаться.

— А мисс Энн? Что я ей-то скажу?

— Да она тут при чем? — сразу встрепенулся Джимми.

Сдался Джерри не сразу, но жажда сочувствия и совета победили. Да и, в конце концов, ничего нет предосудительного довериться доброму

приятелю.

— Дело такое… Мы с мисс Энн сговаривались похитить этого гада!

— Что?!

— Нет, ты слушай! Не взаправду! Вот оно как все случилось. Заходит ко мне как-то мисс Энн, мы с ней поболтали и оба сошлись, что Огден этот — гад, каких мало. Ему нужна крепкая рука, чтоб в норму привести. Вот мы и надумали отправить его к моему дружку одному, он собачью клинику держит на Лонг Айленде. Бад Смайтерс такой. Пускай выдрессирует. Ух, поглядел бы ты, Бейлисс! Попадет к нему собаченция — ни кожи, ни рожи, одно сало, а превращается в тако-ого пса! Я и подумал, пару недель Огдену в самый раз. Мисс Энн со мной согласилась. Вот мы с ней и сговорились. А теперь, надо ж — такой оборот! Все кувырком! С таким здоровущим типом мисс Энн без моей подмоги не справится. А раз меня выперли из дома, как же я помогу?

Джимми вновь восхитился той, кого и так считал истинной королевой. Как редко в нашем мире можно отыскать девушку, соединяющую все женские прелести с энергичной решимостью воздавать полной мерой при малейшей провокации.

— А что? Здорово! Просто блеск!

Джерри ухмыльнулся было похвале, но тут же угрюмо помрачнел.

— Теперь доехало? Что мне ей-то говорить? Она ведь расстроится!

— Проблема, как ты и предполагаешь, представляет определенные…

Тут Джимми прервал стук и в дверь просунулась голова.

— Мистер Бейлисс, а мистера Митчелла… Ах, вы тут, мистер Митчелл! Там внизу вас дама спрашивает, сказала, Честер фамилия.

— Что делать? — Джерри умоляюще взглянул на Джимми.

— А ничего, — поднявшись, Джимми дотянулся за туфлями. — Сам спущусь, повидаюсь с ней. Объясню все за тебя.

— Ну, спасибо!

— Ничего, ничего. Положись на меня.

Энн, вернувшаяся домой после несчастья с Огденом, тут же отправилась в меблирашки, где ее и проводили в гостиную. Когда вошел Джимми, она задумчиво рассматривала статуэтку «Пророк Самуил в детстве», стоявшую рядом с восковыми фруктами на каминной полке. Энн обижалась на судьбу и очень сердилась на Джерри. Услышав, что открылась дверь, она повернулась, воинственно сверкая глазами, но в них тут же вспыхнуло удивление.

— Мистер Бейлисс!

— Добрый вечер, мисс Честер. Вот мы и опять встретились. Я пришел

как посредник. Джерри не смеет показываться вам на глаза, я и предложил, что спущусь вместо него.

— Но как… почему вы здесь?

— Живу тут, — Джимми проследил за ее взглядом; тот задержался на картине «Коровы в поле». — Поздняя американская школа, — пояснил он. — Приписывается хозяйкиной племяннице, выпускнице Заочной школы изобразительных искусств. Ходят слухи, что это подлинник!

— Живете тут? — повторила Энн. Всю жизнь она провела среди интерьеров, тщательно продуманных искусными дизайнерами, и гостиная показалась ей еще кошмарнее, чем была на самом деле. — Какая отвратительная комната!

— Ну, ну! Вы проглядели пианино. А эта плюшевая накидушечка?.. Разве ее не видно с того места, где вы стоите? Подвиньтесь чуть влево и посмотрите из-под ладошки. По вечерам слушаем тут музыку… Те, кому не удается вовремя улизнуть.

— Да с какой стати вы тут живете, мистер Бейлисс?

— С такой, мисс Честер, что я в затруднительном финансовом положении. С такой, что наличные Бейлисса текут как водичка!

— Но… но… — Энн недоверчиво на него взглянула. — Так вы говорили тогда правду! А я думала, вы шутите! Я не сомневалась, что вы сможете устроиться на работу, когда захотите, а то вы не разводили бы цирка! Значит, вы ничего не можете подыскать?

— Искать-то я ищу, да только за поиски не платят. Я исходил множество районов, прыгал во множество машин, нырял в десятки лифтов, отпахивал десятки дверей с возгласом: «Доброе утро!». Но мне отвечали, что работы для меня нет. Дни мои забиты, а вот бумажник…

В приливе сочувствия Энн начисто забыла о цели прихода.

— Ой, какой ужас! Какой кошмар! Я считала, вы что-нибудь подыщете!

— Я тоже так считал, пока работодатели Нью-Йорка не ответили мне отказом. Люди самых разных религиозных воззрений и политических взглядов, расходящиеся во мнении по сотням других пунктов, в этом проявили редкостное единодушие, правда, один раз я чуть не разбогател, когда меня взяли на работу. Демонстрировать патентованные зажимы для галстуков за десятку в неделю. Какое-то время сама Природа надрывалась криком: «Десятка! Десятка!» О, какое слово! Но в полдень, на второй день, меня уволили, и Природа сменила репертуар.

— Почему?

— Не моя вина. Судьба. Изобретение называлось «Зажим Клипстона».

Приспособление такое, легче застегивать галстук. От меня требовалось, чтобы я стоял за стеклом витрины в рубашке и скрипел зубами, изображая зверские муки и ярость, когда я действую старомодным способом, и сиял блаженнейшими улыбками, застегивая галстук зажимом Клипстона. К несчастью, я все перепутал. Сиял, когда показывал прежний способ, и чуть не разрывался от ярости, демонстрируя зажим. Я никак не мог сообразить, отчего это толпа у витрины покатывается с хохоту, пока босс, случайно затесавшийся сбоку, возвращаясь из кафе, любезно не объяснил мне. Никакие оправдания не смогли убедить его, что я не нарочно потешаю публику. Жалко было терять работу, хотя, когда ты за стеклом, кажешься себе золотой рыбкой. А разговоры об увольнении снова приводят нас к Джерри Митчеллу.

— Ах, да наплевать мне теперь на Джерри…

— Напротив. Надо обсудить его случай и все вытекающие последствия. Тщательно и вдумчиво. Джерри рассказал мне все!

— То есть как? — Энн вздрогнула.

— Словечко «все» означает то, что случилось. Можете рассматривать меня как доверенное лицо. Одним словом, я в курсе.

— Вам известно?..

— То, что случилось. А это — разговорное выражение, обозначающее «все». Об Огдене. О вашем замысле. О заговоре. О предприятии.

Энн не нашлась, что сказать.

— Я всецело «за». Я даже предлагаю вам помощь — возьмите меня вместо Джерри.

— Не понимаю…

— Помните, за ленчем, когда этот эксцентричный субъект принял меня за Джимми Крокера, вы мимоходом бросили: приди я в кондору вашего дяди и заяви, будто я Джимми Крокер, меня примут без вопросов? Так я и намерен поступить. А потом, оказавшись на борту, то есть в вашем доме, я готов служить. Используйте меня в точности так, как хотели использовать Джерри.

— Но… но…

— Тоже мне, Джерри! Подумаешь! Неужели я не способен на то, что сумел бы он? Такой простодушный человек наверняка провалил бы затею на каком-то этапе. Знаю я его. Неплохой парень, но если требуется сообразительность, смекалка, тонкость — мертвец от шеи и выше. По-моему, вам повезло, что он выпал из игры. Люблю его как брата, но черепушка у него — слоновой кости. А вам нужен человек тактичный, разумный, проницательный, озаренный и одухотворенный… — Джимми

выдержал паузу. — Одним словом — я!

— Нет, это нелепо! Об этом не может быть и речи!

— Да почему же? Ведь ясно, я очень похож на вашего Джимми, иначе тот тип в ресторане не обознался бы. Предоставьте все мне. Я справлюсь.

— И не подумаю…

— Завтра в девять утра, — твердо перебил Джимми, — я буду в конторе у Пэтта. Все решено.

Энн молчала, стараясь переварить эти мысли. Первое потрясение поулеглось. Затея на редкость отвечала ее характеру. Такую идею она могла бы выдвинуть и сама, приди та ей в голову. Резкое неприятие сменилось восторгом. Да, этот человек ей под стать!

— Если помните, на пароходе вы спросили меня, — продолжал Джимми, — авантюрная ли у меня душа? Вот я и представляю доказательства! Вы очень хвалили Америку, как страну людей предприимчивых. Теперь я вижу, что вы правы.

Энн подумала еще минутку.

— А если я соглашусь на это безумное предложение, вы пообешаете кое-что?

— Все что угодно!

— Прежде всего, я категорически не разрешу вам участвовать в похищении, — она жестом остановила Джимми, который порывался возразить. — Однако я вижу, как вы могли бы помочь мне. Помните, я говорила, что моя тетка сделает все что угодно для Джимми Крокера, появись он в Нью-Йорке. Обещайте, что попросите ее взять обратно Джерри Митчелла?

— Ни за что!

— Вы же сказали «все что угодно»!

— Кроме этого.

— Тогда все отменяется.

— Да это чушь какая-то!

— Я согласна обсуждать только такой вариант.

— Ладно… Но все равно я протестую.

— Знаете, — Энн присела, — вы, мистер Бейлисс, великолепны. Спасибо вам большое.

— Не за что.

— Огдену такое лекарство пойдет на пользу, правда?

— Несомненно.

— А теперь надо продумать детали, чтобы все получилось гладко. Например, хоть это. Вас несомненно спросят, когда вы прибыли в Нью-

Йорк. Как вы объясните, почему не сразу явились? Почему тянули?

— Это я уже обдумал. Завтра приплывает пароход «Каро-ния». Проверю еще в газете, у меня лежит наверху, и скажу, что прибыл на нем.

— Недурно. Слава Богу, что вы с дядей Питером не встретились на «Атлантике».

— А теперь — как мне появиться в доме? Как вести себя? Нахально или скромно? Как бы вел себя давно исчезнувший племянник?

— Давно исчезнувший племянник в стиле Джимми Крокера приполз бы, по-моему, с белым флагом.

В холле стукнул гонг.

— О, ужин! — объявил Джимми. — Вдаваясь в мучительные подробности —, если меня не обманывает нюх — тушеная солонина с гарниром и компот.

— Мне пора идти.

— Что ж, пойду и я.

Джимми проводил гостью до дверей и постоял на крыльце, наблюдая, как растворяется в сумерках легкая фигурка. Потом, глубоко вздохнув, задумчиво направился по коридору подкреплять силы тушеной солониной.

ГЛАВА XII

Джимми прибыл в контору Пэтта в 10.30 на следующее утро в отменнейшей боевой форме (его громогласное намерение подняться спозаранку и успеть к девяти обернулось пустым бахвальством). Он подготовился к разговору, который мог оказаться весьма мучительным, позавтракав в дорогом отеле, а не в меблирашках, где оскорблял желудок последние дни. Костюм у него был отутюжен, подбородок гладко выбрит, туфли глянцевито сверкали. Все это, да вдобавок прекраснейшее утро и неопределенное ликование человека, которому в такой денек не грозит работа, превращало его природный оптимизм совсем уж в радужный. Что-то подсказывало ему — все получится превосходно. Меньше всех стал бы он отрицать, что положение его подзапутано, а точнее — без карандаша и без бумаги в ситуации не разобраться. Ну и что? Легкие осложнения в жизни — прекрасный тоник для мозгов. Его неподдельная радость привела в оторопь непривычного к таким посетителям конторского мальчишку; этот наблюдательный юноша даже проглотил жвачку.

— Твоему боссу, мой друг! — объяснил Джимми, вручая ему карточку. — Галопом, галопом!

В полном изумлении рассыльный отбыл.

За барьером, отгораживающим посетителей от зала, где трудились служащие, перед Джимми развертывалась панорама: десятки сосредоточенных молодых клерков в бумажных нарукавниках сосредоточенно корпели над таинственной работой, требующей неимоверного количества бумаг. Рядом с одним, к примеру, их было столько, что тот напоминал пловца, застигнутого прибоем. Спокойным, благодушным взором озирал Джимми этих тружеников. Зрелище приводило его в блаженное настроение — приятно было думать, что кое-кто на свете еще трудится.

Вернулся рассыльный, промолвив при этом:

— Сюда, пожалуйста.

Почтительность его заметно возросла. На него произвело впечатление, как принял хозяин имя гостя. Поразительно, но финансист, сущая пешка в собственном доме, здесь воспринимался чуть ли не с благоговением.

Весть о появлении Джеймса Крокера показалась ему чудом. После возвращения в Америку не проходило и дня без причитаний жены. Она никак не могла смириться с тем, что миссия их провалились. Чтение статьи

в «Санди Кроникл», описывающей инцидент с лордом Уипплом, выделялось даже в семейной истории несчастного Пэтта. Впервые, с тех пор как он познакомился с Нестой, эта неукротимая женщина сломалась. Из всех печальных слов, известных языку, нет горше, чем слова «Ах, если б…». Ах, если б она только знала про это происшествие, у нее было бы оружие во время беседы с сестрой! Такого не мог вынести даже сильный дух миссис Пэтт, когда, оглядываясь назад, она вспоминала небрежность, с какой сестра говорила о лучшем друге ее пасынка, лорде Перси, и понимала, что этот лорд в тот самый момент лежал в постели, лечась от последствий их первой встречи. Несчастная женщина сгибалась под грузом тоски, отказываясь принимать утешения. Ей сразу же пришли в голову шесть четких доводов, которые она могла бы высказать своей сестрице, один сокрушительней другого. Теперь их уже никогда не удастся произнести…

И вот — внезапно, необъяснимо — под рукой оказалось лекарство, которое поможет ей обрести безмятежность и самоуважение. Несмотря на все речи своей мачехи, возможно, вопреки ее воле, Джимми Крокер все-таки приехал в Америку. «Ну, обрадуется! — подумал Пэтт, имея в виду жену. — Прямо в усмерть». Едва дождавшись, когда уйдет рассыльный, он подскочил к Джимми, как резвый ягненок, и шлепнул его по спине, бурля дружелюбием.

— Мой дорогой мальчик! Дорогой мальчик! Я в восторге, в восторге!

Джимми удивился, но и обрадовался — на такую теплую встречу он и не рассчитывал. Самое большое, на что он надеялся — церемонная, холодная вежливость. Ему уже дали понять, что в доме Пэттов на него смотрят как на паршивую овцу. А паршивую овцу могут снова пустить в стадо, но ворковать и радоваться ей никто не станет.

— Спасибо… — промямлил Джимми. — Я тоже… э… э.

Они рассматривали друг друга. Пэтт решил, что Джимми гораздо симпатичнее, чем рисовалось ему в воображении; он ждал кого-нибудь погрубее, поразвязнее и понадменнее. Крокеру финансист тоже сразу понравился. И над ним подшутило воображение: ему всегда представлялось, что все миллионеры с Уолл-стрит — ушлые ребята, с пронзительным взором и сомнительным лексиконом. На пароходе он видел Пэтта только издалека, а сейчас нашел его премилым человечком.

— Мы уже оставили всякую надежду, что ты приедешь! — воскликнул тот.

Джимми показалось уместным проявить легкое покаяние.

— А я и не мечтал, что вы меня так примите. Вроде бы, я у вас… м-

м… непопулярная личность.

Одним взмахом руки Пэтт похоронил прошлое.

— Когда прибыл?

— Сегодня утром. На «Каронии».

— Хорошо доплыл?

— Превосходно.

Наступило молчание. Джимми показалось, что Пэтт рассматривает его несколько пристальнее, чем требуется, чтоб налюбоваться его красотой. Он уже собирался небрежно осведомиться о здоровье миссис Пэтт или рассказать какое-нибудь происшествие, случившееся в пути, подбавив местного колорита; но тут сердце у него екнуло. До него дошло, что он допустил ляп. Как и многие заговорщики-любители, они с Энн перемудрили. Ему показалось крайне хитроумным притвориться, будто он прибыл только нынешним утром. И впрямь, идея вроде бы недурная. Но теперь ему в первый раз вспомнилось — ведь он видел Пэтта на «Атлантике», а значит и Пэтт мог заметить его. И тут же, в следующую минуту, Пэтт подтвердил его опасения.

— Где-то я тебя видел… Но где — никак не припомню.

— Как дома, все здоровы?

— Да, да.

— Горю нетерпением познакомиться со всеми.

— Н-да, где ж это я тебя встречал?..

— Я всюду бываю.

— Э?

Пэтт несколько подозрительно прокручивал в уме эту реплику. Джимми поскорее сменил тему.

— Для человека вроде меня, перед которым простирается жизнь, есть что-то завораживающее и бодрящее в современной конторе. Как они все заняты!

— Верно, — покивал Пэтт. Он был доволен, что беседа свернула в это русло. Ему хотелось обсудить будущее блудного сына.

— Работают все, кроме папочки! — воскликнул Джимми.

— А? — не понял Пэтт.

— Так, ничего.

Пэтт насторожился. Он подозревал, что гость издевается, но не мог уловить, как именно. Однако радости в нем поубавилось, он стал деловитым.

— Надеюсь, ты намерен устроиться солидно, — произнес он тем тоном, который тщетно старался взять дома, с Огденом. — И трудиться изо

всех сил.

— Трудиться? — без особо пыла откликнулся Джимми.

— Подыщу для тебя местечко в конторе. Я обещал это твоей мачехе.

— Минутку! Что-то я не пойму. Вы что, намерены засадить меня за конторскую работу?

— Разумеется! Как я понимаю, ради этого ты и приехал. Понял, что тратишь жизнь попусту, решил заняться полезным делом…

Жаркий протест трепетал у Джимми на кончике языка. Никогда прежде его намерения не истолковывали столь превратно. Но, вспомнив об Энн, он себя обуздал. Нельзя предпринимать ничего, что могло бы сорвать ее планы; любой ценой надо ублажить новоявленного дядю. С минутку он предавался нежным грезам об Энн. Хоть бы она поняла, что он терпит ради нее! Это с его-то отвращением к труду, в любом виде! Вид этих рабов жалования, конечно, бодрил, он уже сказал об этом Пэтту, но лишь оттого, что ему так работать не придется. Стоило же взглянуть на них как на сотоварищей, и стимул тут же исчез. Черт знает что! Просто мерзость. Но ради Энн он готов стать одним из них. Разве рыцарь средних веков совершал такие подвиги во имя своей дамы? Навряд ли.

— Ладно уж, — проворчал он. — Видимо, мне придется заниматься чем-то таким, как они?

— Да, конечно.

— Не хочу диктовать, просто предлагаю: дайте мне часть работы вон того типа, с бумагами. Когда я проходил, над бумажным морем торчал кончик его носа. В жизни не видал, чтоб столько народу так усердно трудились! И все норовят попасть боссу на глаза! Вы, наверное, чувствуете себя, как снайпер.

Ответил Пэтт сухо. Он не одобрял подобной фривольности на священные темы. Многие молодые люди обсуждали с ним в этом кабинете будущую работу, но ни один не смел говорить в такой манере.

— Ты на серьезном перекрестке, — наставительно заметил он. — Тебе представляется возможность подняться.

— Ага. В семь утра и каждый день.

— Такое несерьезное настроение…

— Это у меня смех сквозь слезы, — пояснил Джимми. — Постарайтесь представить, что означает подобная перспектива для блестящего молодого человека, который терпеть не может работу. Будьте добрее ко мне. Проинструктируйте своих служащих, пусть разговаривают со мной понежней. Возможно, конторский труд гораздо достойнее всего, чем я занимался прежде, но не просите меня получать от него

наслаждение! Вам хорошо говорить, вы — босс. В любой момент, как захочется, можете бросить все и смыться на бейсбол. Предупредил рассыльного: «Ушел на совещание с Рокфеллером» — и все, чешите. А мне-то придется нырнуть в эти ваши бумаги и выскакивать, глотать воздух, только в самой крайности!

Может быть, от упоминания любимой игры, но Пэтт смягчился. Ледок, подернувший его речь, растаял.

— Зачем ты вообще явился, раз у тебя такие мысли?

— По велению долга. В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен выбирать между удовольствием и необходимостью.

— Стало припекать в Лондоне из-за этой идиотской драки с лордом Перси Уипплом?

— Объяснение не такое романтическое, как мое, но что-то в нем есть.

— А тебе приходило в голову, что я очень рискую, принимая тебя в контору?

— Не стоит пугаться. Ту каплю работы, которую сделаю я, невооруженным глазом не заметишь.

— Знаешь, меня так и тянет отправить тебя обратно.

— Может, заключим компромисс?

— К примеру?

— Нет ли у вас уютненькой секретарской работенки? Почему-то мне кажется, секретарь из меня получился бы идеальный!

— Секретари у меня тоже трудятся в поте лица.

— Ага, ага, ясно! Предложение отпадает.

— Ты меня в тупик ставишь. — Пэтт задумчиво потер подбородок. — Это сущая правда.

— Молодец! Всегда говорите правду.

— Черт меня побери, прямо не знаю, куда тебя сунуть! Ладно, сейчас отправимся домой, тебе так и так нужно познакомиться с теткой. А потом обсудим ситуацию. В конце концов, главное — уберечь тебя от беды.

— Формулируете вы грубовато, но верно.

— Жить будешь с нами, конечно.

— Спасибо большое. Вот это правильно.

— Мне надо поговорить с Нестой. Может, она что придумает.

— Не возражал бы стать компаньоном, — услужливо подсказал Джимми.

— А почему бы тебе снова не пойти в газету? У тебя ведь недурно получалось.

— Вряд ли прежняя моя газета меня примет. Теперь они смотрят на

меня как на скандальный персонаж.

— Верно. Слушай-ка, а чего ты дурака строил? Какие-то барменши, суды…

— Давайте похороним прошлое. Грехов мне больше приписывали, чем я на самом деле грешил. Вы же знаете, дядя Пит, как это бывает. — Пэтт дернулся, но промолчал. — Стараешься по доброте сердца расточать сладость и свет, защищаешь бедных, трудящихся девушек — в общем, ясно. А они на тебя набрасываются. И вообще, это была не барменша. Она служила в цветочном магазине.

— Какая разница!

— О, нет! Разница огромная, как между низменной жизнью и поэзией. Испытывали ли вы гипнотический дурман таких магазинов? Поверьте мне, дядя Пит, любая девушка в окружении цветов кажется ангелом. Я просто не в силах был устоять. Очнулся я, когда встретил ее вне магазина. Но теперь все иначе. Я — другой человек. Рассудительный, уравновешенный, серьезный!

Пэтт снял телефонную трубку и поговорил с кем-то. До Джимми донеслось жужжание женского голоса.

— Твоя тетка говорит, — сообщил босс, положив трубку, — чтоб мы сейчас же ехали домой!

— Я готов. И для вас распрекрасный предлог слинять из конторы. Рады, а? Хорошо. Нас ждет экипаж, или на подземке поедем?

— Да, на подземке быстрее. Твоя тетка очень удивилась, что ты приехал. И обрадовалась.

— Сегодня я всем приношу радость. Пэтт задумчиво смотрел на него.

— Вы что-то там соображаете, дядя Пит. Что означает такой взгляд?

— Так, думал кое о чем.

— «Джимми», — подсказал племянник.

— Э?

— Добавляйте к своим фразам «Джимми». Так я быстрее почувствую себя как дома и преодолею застенчивость.

— Ничего себе застенчивость! — хихикнул Пэтт. — Будь у меня твое нахальство… — Он вздохнул и ласково посмотрел на Джимми. — А думал я о том, что парень ты неплохой. По крайней мере, не такой как весь этот сброд…

— Какой именно?

— Твоя тетка, понимаешь ли, писательница, у нас полон дом всяких поэтов. Как хорошо, что ты будешь рядом! Хоть на человека похож! Вряд ли в конторе от тебя будет толк, но я очень рад, что ты тут, Джимми.

— Дайте вашу руку, дядя Пит! Вы абсолютно правы! И вообще, вы самый лучший из всех акул.

ГЛАВА XIII

Дядя с племянником вышли из метро на 96-й стрит и зашагали по подъездной дороге. Как и любой, увидевший особняк Пэттов впервые, Джимми испытал легкую встряску, но, справившись с собой, последовал по мощеной дорожке.

— Твоя тетя, наверное, в гостиной, — заметил Пэтт, отпирая дверь своим ключом.

Джимми одобрительно озирался. Снаружи, конечно, просто жуть, но над интерьером потрудился лучший нью-йоркский декоратор.

— В таком домике можно жить счастливо, — заметил Джимми. — Если еще не отравлять свои дни работой.

— Смотри, не брякни такого при тете! — встревожился Пэтт. — Она считает, ты приехал осесть серьезно.

— Правильно! Я и намерен присосаться, как моллюск к скале. Надеюсь лет двадцать прожить тут, не меньше. Сюда?

Пэтт открыл дверь гостиной. Из корзинки выпрыгнуло маленькое волосатое существо и встало, зевая, посреди зала. Это был шпиц хозяйки, Аида. Холодно обойдя собачонку, он ее терпеть не мог, Пэтт возвестил:

— Неста, вот и Джимми Крокер.

Джимми увидел красивую женщину за тридцать. Как, однако, похожа на его мачеху! Его едва не покинуло самообладание, и он, спотыкаясь, промямлил:

— К-как… как поживаете?

На миссис Пэтт это произвело самое благоприятное впечатление. Она приняла такую трусость за похвальную стыдливость и даже раскаяние.

— Я очень удивилась, когда твой дядя позвонил мне. Вообразить себе не могла, что ты вдруг приедешь. Очень рада тебя видеть!

— Спасибо…

— А это — твой кузен Огден.

Джимми заметил толстого юнца, валявшегося на канапе. Тот не встал, когда они вошли, не встал и теперь, даже не опустил книжку.

— Привет, — буркнул он.

Подойдя к канапе, Джимми его оглядел. Он уже оправился от минутного замешательства, и, как обычно бывает, его охватила неуемная веселость. Он ткнул Огдена под ребро, плотно прикрытое жирком, что вызвало у дитяти вопль удивленного протеста.

— А, это Огден! Так, так, так! Растешь, Огден, не вверх, а вширь! Ты что же, совсем круглый, шестьдесят на шестьдесят?

Благоприятное впечатление, сложившееся у миссис Пэтт о племяннике, рассеялось как дым. Ее неприятно поразила такая бесцеремонность с обожаемым инфантом.

— Пожалуйста, Джимми, не беспокой Огдена, — сдержанно попросила она. — Он сегодня неважно себя чувствует. У него слабый желудок.

— Переел, наверное? — жизнерадостно осведомился Джимми. — Я в его возрасте был таким же. Что ему требуется — уменьшить порции наполовину. И побольше спорта!

— Ну уж! — запротестовал Огден.

— Вот, полюбуйся-ка! — Джимми захватил в горсть жировые отложения на ребрах. — Ого! Согнать, согнать! Знаешь, что я сделаю? Куплю фланелевые брюки, свитер и кеды, и сегодня же вечером пробежимся с тобой по Риверсайд Драйв. Принесет тебе массу пользы. И хорошая скакалка не помешает. Через пару недель ты у меня станешь, как…

— Случай Огдена, — холодно перебила миссис Пэтт, — очень сложный. Его наблюдает доктор Бриджиншоу, которому мы очень доверяем.

Наступила тишина, действие которой Пэтт тщетно старался смягчить, шаркая и покашливая.

— Надеюсь, раз ты тут, Джимми, — продолжала хозяйка, — ты намерен обосноваться солидно и трудиться усердно.

— Само собой! Как бобер! — откликнулся Джимми, памятуя о дядином предупреждении. — Одна загвоздка: не совсем ясно, для какого труда я гожусь больше всего. Мы обсуждали вопрос в конторе у дяди Пита, но не пришли к определенному выводу.

— А сам ты ничего не можешь придумать? — осведомился Пэтт.

— Просматривал справочник на днях…

— На днях? Ты же сегодня приехал…

— Ну да. Я хотел сказать: «Недавно». То есть утром, когда искал ваш адрес, — гладко соврал Джимми. — Сейчас мне это кажется далеким прошлым!.. Состарился вмиг, увидев этих клерков в конторе. По-моему, лучше всего — поселиться у вас и учиться заочно инженерному делу или еще чему-нибудь. Как раз наткнулся на рекламу, когда мы в метро ехали. Они гарантируют, что изготовят кого угодно — хоть металлурга, хоть птичника. Начинается так: «Вы топчетесь на месте, потому что вам

недостает квалификации». По-моему, как раз мой случай. Черкну им сегодня же пару строчек, попрошу несколько простых советов насчет цыплят…

Какие бы комментарии ни пожелала высказать миссис Пэтт, ей помешала Энн. Из окна своей комнаты та видела, как пришли Джимми с дядей и, выждав достаточное время, спустилась взглянуть, как разворачиваются события.

То, что она увидела, ей вполне понравилось. Легкую напряженность в атмосфере она приписала замешательству, вполне естественному при первом знакомстве.

Энн вопросительно взглянула на Джимми. Миссис Пэтт не сообщила ей про телефонный звонок, так что она сама с Джимми не знакома. Вот она и ждала, пока их познакомят.

Это взял на себя Пэтт.

— Джимми, — сказал он, — вот моя племянница, Энн Честер. Это Джимми Крокер, Энн.

Джимми пришел в восторг, так искусно, артистично, убедительно вздрогнула она от изумления.

— Джимми Крокер!

Пэтт чуть было не напомнил, что Энн не в первый раз видит Джимми, но воздержался. В конце концов, то интервью случилось пять лет назад, Джимми почти наверняка напрочь забыл о нем. Не к чему лишний раз вгонять его в смущение. Захочет Энн выкапывать древнюю обиду, ее дело.

— Вы как будто не собирались приезжать! — заметила Энн.

— Передумал.

Пэтт, внимательно смотревший на них, вскрикнул.

— Вспомнил! Все время старался вспомнить… Так на «Атлантике» же я тебя и видел!

Энн перехватила взгляд Джимми и с облегчением поняла, что такой поворот его ничуть не встревожил.

— Значит, вы на «Атлантике» приплыли, мистер Крокер? — сыграла удивление Энн. — Не может быть! Мы сами на ней плыли. Тогда мы встретились бы.

— Не надо называть меня мистер Крокер. Зовите меня Джимми. Все-таки второй муж сестры жены брата вашей матери — мой отец, а кровь — не водица. Нет, приплыл я на «Каронии». Пристали сегодня утром.

— Значит, на «Атлантике» был кто-то очень похожий, — уперся Пэтт.

— Внешность у меня весьма обычная.

— Ты же помнишь, Неста, про кого я говорю, — наивно продолжал

Пэтт, не ведая, какие недружелюбные мысли вызывает у двоих своих слушателей. — Он еще за два столика от нас сидел. Помнишь, Неста?

— Я ведь была нездорова и не ходила обедать.

— Мне кажется, Энн, я видел, как ты разговаривала с ним на палубе.

— Правда? Не помню никого, хоть капельку похожего на Джимми.

— Как странно! — совсем озадачился Пэтт. — Ладно, ошибся, наверное. — Он взглянул на часы: — О, давно пора в контору!

— Провожу тебя, дядя Пит, немного, — вызвался Джимми. — Надо пойти распорядиться, чтобы мои вещи перенесли сюда.

— А почему бы тебе не позвонить в отель? — удивился Пэтт.

Джимми и Энн казалось, будто говорит он все это специально.

— В каком отеле ты оставил вещи?

— Нет, мне нужно самому зайти. Упаковаться, то-се…

— Но к ленчу вы вернетесь? — осведомилась Энн.

— Да, спасибо. Я на полчасика.

После их ухода Энн расслабилась — в конце концов, все сошло великолепно; но когда заговорила миссис Пэтт, содрогнулась всем телом. Наклонясь к ней, та возбужденно, приглушенным шепотом, спросила:

— Ты ничего не заметила? Тебе ничто не показалось подозрительным?

Энн с трудом овладела собой.

— Про что ты, тетя Неста?

— Про того субъекта, который называет себя Джимми Крокером.

— Что значит — называет? — Энн вцепилась в подлокотники. — Не понимаю! — Она попыталась засмеяться, но прошло лет сто, пока ей удалось издать какой-то звук, совершенно, впрочем, не напоминавший смеха.

— Что ты, честное слово! Если он говорит, что он — Джимми Крокер, нелепо сомневаться! Откуда кто-то еще может знать, что тебе так хотелось заполучить Джимми? Ты ведь никому не рассказывала?

Довод чуточку поколебал миссис Пэтт, но не отбрасывать же такое подозрение из-за каких-то там пустяков вроде нелогичности!

— У них всюду шпионы!

— Это у кого?

— У секретных служб. Вчера лорд Уизбич мне про них рассказывал. Предупредил, чтоб я всех подозревала. В любой момент могут выкрасть изобретение Уилли.

— Твой лорд шутил.

— О, нет! Он говорил очень серьезно. В каждом новом человеке, который явится в дом, надо подозревать преступника.

— А уж этот тип — наглый, как не знаю что! — подал голос Огден с канапе.

— Огден! — вздрогнула миссис Пэтт. — Я и забыла, что ты тут. — И вскрикнула; сын подтолкнул ее мысли в новом направлении: — Может, этот субъект явился, чтобы тебя похитить?! Как же я не подумала?

Энн почувствовала, что пора решительно одернуть ее. Слишком близко кружила она от правды.

— У тебя, тетя Неста, разыгралось воображение! Наверное, из-за романов, которые ты сочиняешь. Ну подумай сама! Не стал бы он так рисковать! Ты же можешь в любой миг его изобличить. Стоит тебе позвонить миссис Крокер и спросить, в Америке ли ее пасынок.

Ход был смелый. Осуществи это и вправду миссис Пэтт, и все, конец всем замыслам. Но Энн рискнула. Ей хотелось выведать, намерена ли тетка проверять что-то у сестры, или же их вражда настолько остра, что гордость не позволит общаться с нею ни по какому поводу.

Миссис Пэтт, мрачно застыв в кресле, сказала:

— Звонить Юджинии? Ни за что!

— Понимаю, — кивнула Энн, вздохнув с облегчением. — Но самозванец ведь об этом не знает?

— О чем ты?..

Энн расслабилась снова, но передышка опять оказалась кратковременной.

— Не могу все-таки понять, отчего твой дядя так уверен, что видел этого субъекта на «Атлантике»?

— Ну, случайное же сходство! Дядя Питер сам говорит: видел, как один пассажир болтает со мной. Будь тут и правда сходство, я бы раньше заметила, правда?

Помощь подоспела с неожиданной стороны.

— Помню, помню, про кого он говорит, — вмешался Огден. — Совсем не похож.

Энн была слишком благодарна, чтобы удивиться. Всего на минутку замявшись, она решила, что Огден, скорее всего, видел ее еще с кем-то, не с Джимми. Уж кого-кого, а искавших ее общества на пароходе было предостаточно. На миссис Пэтт свидетельство сына произвело впечатление.

— Видно, и вправду воображение разыгралось…

— Конечно, тетя Неста. У тебя такая буйная фантазия. Ты даже сама не осознаешь. Когда я печатала твой последний рассказ, я просто рот открывала — какие сюжетные повороты! Помню, даже дяде Питу сказала.

При таком воображении что только не почудится!

Миссис Пэтт скромно улыбнулась и с надеждой поглядела на племянницу. Но та высказала все.

— Ты права, дорогая, — заметила тетя, убедившись, что похвал больше не предвидится. — Конечно, глупо с моей стороны заподозрить этого молодого человека. Но, естественно, предупреждения лорда Уизбича сильнее повлияли на меня, чем на кого-нибудь другого.

— Разумеется…

Энн чувствовала себя вполне счастливой. Тряхануло ее будь здоров, но теперь все уладилось.

— И к счастью, — продолжила миссис Пэтт, — есть верный способ проверить, точно ли он — Джимми Крокер.

— Какой? — снова оцепенела Энн.

— А разве ты сама не сообразила? Скиннер уже много лет знает Джимми Крокера…

— Скиннер?..

Что-то знакомое, но сейчас Энн никак не могла вспомнить, кто это такой.

— Мой новый дворецкий. Он же к нам от Юджинии перешел. Тот, который открыл нам дверь в ее доме. Вернее него никто не скажет, Джимми это или нет.

Энн почувствовала, что она — на грани. Неожиданный удар просто подсек ее. Что ж, тупо думала она, придется смириться, признать поражение, даже не приступив к делу. Сообщнику нельзя возвращаться в дом, его ждет разоблачение. Если Бейлисс вернется, он угодит прямо в западню. Она быстро поднялась. Надо его предупредить. Появиться он может в любую минуту.

— Конечно, — через силу, но ровно согласилась она. — Я и не подумала. Тогда все просто. Надеюсь, ленч подадут вовремя. Есть хочется.

Не торопясь, она направилась к выходу, но, едва прикрыв за собой дверь, рысцой помчалась к себе, схватила шляпку и кубарем слетела по лестнице. Не успела она выскочить на улицу, как из-за угла вышел Джимми. Энн побежала навстречу, вскинув руки.

ГЛАВА XIV

Джимми резко застопорил. Видение изумило его. Он как раз думал об Энн, но совсем не ожидал, что она выскочит ему навстречу, размахивая руками.

— Что случилось?

Энн увлекла его на боковую улочку.

— Не ходите в дом! Все рухнуло!

— Почему? Мне показалось, я произвел фурор. У вашего дяди, во всяком случае, я имел большой успех. Расстались мы самым дружеским образом. Договорились завтра пойти на бейсбол, а в конторе он скажет, что у него встреча с Карнеги.

— Не в нем дело. Тетя Неста…

— А вот тут меня грызет совесть. Вел себя немножко бестактно с Огденом. До того как вы вошли в гостиную. В этом беда?

— Да нет! — нетерпеливо отмахнулась Энн. — Все гораздо хуже. Тетя Неста догадалась, что вы — не настоящий Джимми Крокер!

— А, черт! Как же это?

— Я пыталась успокоить ее, но она еще подозревает. Она решила подождать и посмотреть, узнает ли вас Скиннер, дворецкий. Если — нет, значит, ее подозрения правильны.

Джимми откровенно зашел в тупик.

— Э-э, не совсем уловил логическую связь. Проверка, ей Богу, весьма специфическая. Почему она считает, что если ее дворецкий не знает человека, то этот человек — самозванец? Наверняка ее дворецкому неведомы тысячи честных, вполне достойных людей…

— Скиннер несколько дней назад приехал из Англии. Он служил там у миссис Крокер. Теперь понимаете?

Джимми остановился. Слова эти Энн произносила медленно и разборчиво. Ослышаться или понять ее неправильно он не мог — и все-таки не верил своим ушам. Откуда вынырнул неведомый Скиннер? С первого дня их приезда в Лондон дворецким у них служил Бейлисс.

— Вы уверены?

. — Конечно! Мне тетя Неста сказала. Именно Скиннер впустил их, когда они пришли к миссис Крокер. И дядя Питер рассказывал. У них еще был разговор тогда, в холле, и оказалось, тот тоже любит бейсбол…

В голове у Джимми полыхнула дикая догадка — настолько дикая, что

он даже устыдился. Но каких только странностей последнее время ни случалось…

— А каков из себя этот Скиннер?

— Довольной плотный, чисто выбрит. Мне он нравится. Больше похож на человека, чем все наши дворецкие. А что?

— Так, ничего…

— Значит, вам нельзя возвращаться в дом. Понимаете? Он скажет, что вы — не Джимми Крокер, и вас арестуют.

— Не согласен. Если я так похож на Джимми, что его друзья, и те путают, почему бы дворецкому не ошибиться?

— Но…

— Мало того. Опасности в любом случае нет. Если не узнает меня, когда откроет дверь, мы сразу поймем — игра проиграна. Я вполне успею исчезнуть, если же обманется сходством, все будет хорошо. Итак, идем, звоним, а когда Скиннер откроет дверь, я воскликну: «А, Скиннер, старина!» — что-нибудь эдакое. Либо он пусто уставится на меня, либо примется вилять хвостом, вроде преданной овчарки. Вот и выстроим дальнейшие действия в зависимости от этого.

Трели звонка замерли. Раздались шаги. Энн вцепилась в руку Джимми.

— Сейчас! — шепнула она.

Дверь отворилась. И тут же все дикие догадки обернулись реальностью: в дверях, сияя улыбками, удивительно респектабельный, вполне похожий на дворецкого, стоял его родитель. Как он очутился тут, Джимми понятия не имел. Но вот, он — тут.

Джимми не очень верил, что отец сумеет что-то скрыть. Старший Крокер был из тех простодушных, наивных людей, которые, удивившись, удивления не прячут, а не поняв ситуации, незамедлительно просят разъяснений. Действовать требовалось мгновенно, прежде чем изумленный родитель, обнаружив его у дверей нью-йоркского дома, не издаст возглас, который разоблачит все! Он так и видел, как его имя трепещет на губах отца.

— Скиннер, и вы тут! — весело воскликнул Джимми. — Мисс Честер говорила, что вы уволились от мачехи. Видно, приплыли раньше меня. Я лично — на «Каронии». Не ожидал, не ожидал так скоро увидеть вас снова!

По лицу Крокера пробежала судорога, и оно вновь обрело ясность и безмятежность. Ему бросили реплику и, как старый опытный актер, он легко подхватил ее, не путаясь и не смущаясь.

— И то правда, сэр, — расплылся он в почтительной улыбке, отступая,

чтобы пропустить их.

Джимми поймал взгляд Энн, когда та проходила мимо него. Глаза ее сияли облегчением и восторгом. Настроение у него скакнуло вверх, словно он выпил вина. Когда она стала подниматься по лестнице, он дал выход чувствам, шлепнув отца по спине. Раздался глухой хлопок, как от пистолетного выстрела.

— Что там? — обернулась Энн.

— Машина, скорее всего! — объяснил Джимми. — Выхлоп… Правда, Скиннер?

— Весьма вероятно, сэр.

Джимми последовал за Энн, а когда стал подниматься по лестнице, вслед ему просвистел шепот:

— Ну, ты даешь!

Так одарил его отец родительским благословением. Энн вошла в гостиную с высоко поднятой головой и метнула торжествующий взгляд на ничего не подозревавшую тетку.

— Очень занимательная сценка, тетя Неста, случилась внизу, — возвестила она. — Встреча преданного старого слуги и молодого хозяина. Скиннер чуть не лопнул от радости, увидев Джимми.

Миссис Пэтт не сдержала невольного восклицания.

— Так Скиннер узнал… — начала она и тут же оборвала себя.

— Узнал ли он Джимми? — рассмеялась Энн. — Разумеется! Вряд ли он мог забыть его, как по-твоему? Ведь всего неделю назад Скиннер обслуживал его в Лондоне!

— Очень впечатляющая встреча! — добавил Джимми. — Весьма похожа на воссоединение Улисса и его любимой собаки, о которых этот смышленый мальчуган… — он потрепал Огдена по голове, тот дернулся, — несомненно читал. Я был Улиссом, Скиннер играл роль ликующего пса.

Миссис Пэтт не могла разобраться в себе: то ли облегчение она чувствует, то ли разочарование. В общем, как будто преобладало облегчение.

— Да, конечно, — сказала она — он был рад увидеть тебя снова. Наверное, удивился?

— Еще бы!

— А через минуту-другую ты увидишь еще одного старого друга, — пообещала миссис Пэтт.

Джимми застыл, садясь в кресло, он так на полпути и замер.

— Еще одного?

Миссис Пэтт взглянула на часы.

— К ленчу приглашен лорд Уизбич.

— Лорд Уизбич! — воскликнула Энн. — Да он же не знает Джимми.

— Юджиния говорила, они друзья. Очень близкие.

Энн беспомощно оглянулась на сообщника. Опять ее охватило чувство, что от пинков судьбы не отбиться. У нее не хватит сил одолеть барьеры, которые та воздвигает на пути.

Джимми тоже клял злосчастье, столкнувшее его с лордом Уизбичем. Он четко предугадывал: еще пара близких друзей опознает Джимми Крокера, и у Энн зародятся подозрения. То, что она видела его с Бейлиссом и предположила, будто тот — его отец, пока что не давало расцвести ее подозрениям полным цветом, но это не может длиться вечно. Лорда Уизбича он отлично помнил — неугомонный балаболка, он вполне способен пуститься в воспоминания, да так подробно, что Энн в первые же пять минут раскусит правду. Дверь распахнулась.

— Лорд Уизбич! — объявил Крокер.

— Боюсь, что немного опоздал, миссис Пэтт, — сказал молодой лорд.

— Нет, вы очень пунктуальны. А тут ваш старый друг приехал, Джимми Крокер.

После почти неуловимого замешательства Джимми протянул ему руку.

— Хэлло, Уиззи!

— Х-хэлло, Д-джимми…

Глаза их встретились. Во взгляде его светлости читалось явное облегчение с некоторой примесью изумления. Лицо, мгновенно побледневшее, зарделось румянцем, словно он пережил потрясение и теперь оправляется. Джимми не удивился его переживаниями. Что за игру ведет он, сказать Джимми не мог, но в одном был уверен — перед ним не лорд Уизбич. Этого человека он в жизни не встречал.

— Ленч подан, мадам, — звучно возвестил от дверей Крокер.

ГЛАВА XV

Нечасто Энн находила случай радоваться присутствию в доме шести гениев. Как правило, она не выносила их и каждого по отдельности, и вместе взятых. Но сегодня их компания была ей весьма кстати. Были у них, конечно, и свои недостатки, но, по крайней мере, при них за столом поддерживалась общая беседа, не выливаясь в диалог между лордом Уизбичем и Джимми на темы старых времен. Энн не оправилась еще после встречи друзей, когда этот лорд поздоровался с Джимми как со старым знакомцем.

Она и надеяться не смела, что и этот барьер будет взят. Ей представлялось, как лорд Уизбич отступит, озадаченно хмурясь и вскрикнет: «Это не Джимми Крокер!» Напряжение сменилось облегчением, но говорить не хотелось, и она рассеянно отзывалась на реплики Говарда Бемиса, поэта, сидевшего слева от нее. Она оглядела стол. Уилли Патридж занимал хозяйку беседой о разнице между пикриновой кислотой и тринитротолуолом — приятнее темы для ленча и придумать нельзя; а голос Кларенса Реншоу заглушал все соперничающие шумы соображениями о хореическим спондее. Словом, трапеза не отличалась от всех остальных.

Радость омрачало одно: она заметила, как лорд Уизбич бросает украдкой взгляды на Джимми. Тот уписывал яства со сосредоточенностью человека, который после обедов в меблирашках дорвался наконец до истинных шедевров. За последние несколько дней он пережил столько передряг, что какие-то взгляды уже не волновали его. Конечно, он уловил их и не сомневался, что после еды лорд улучит момент для беседы. Однако пока что все его внимание было отдано желудку. Джимми щедро накладывал себе с подносов, которые предлагал ему отец.

Вдруг он расслышал свое имя, произнесенное миссис Пэтт.

— Простите?

— Совсем как в прежние времена, — добродушно заметила его тетя. Все ее подозрения испарились после того, как лорд Уизбич узнал гостя, и угрызения совести побуждали вести себя с чрезмерной любезностью. — Присутствие Скиннера, наверное, напоминает тебе о Лондоне.

Джимми поймал бесстрастный взгляд отца.

— Скиннер — замечательный человек, — ответил он. — Его натура раскрывается перед вами, словно редкостный цветок.

Блюдо в руках Крокера-старшего качнулось, но лицо сохранило непроницаемость.

— В нем нет ни единого порока, — продолжал Джимми. — Он чист, как ребенок.

Миссис Пэтт удивленно взглянула на образчик добродетелей. У нее шевельнулось смутное чувство, что над ней издеваются, и названный племянник снова стал ей неприятен.

— Много лет Скиннер был для меня настоящим отцом, — говорил тем временем Джимми. — Бросался помочь мне, когда я падал. Рассказывал всякие истории. Целовал ушибленные места.

Несмотря на напряженность, Энн невольно восхищалась своим сообщником, так хорошо справляющимся с деликатной, нет — взрывоопасной ситуацией. Она всегда считала, и довольно справедливо, что обладает немалым запасом мужества и находчивости, но сейчас не сумела бы вести беседу, не выдавая беспокойства. Да, Энн восхищалась Джимми, но все-таки ей бы хотелось, чтоб он держался понезаметнее. А вдруг он изображает этого Крокера непохоже, и Скиннер или лорд Уизбич усомнятся в том, что видят? Надо бы предупредить, чтобы поубавил прыти, но сидели они по разные стороны огромного стола.

Джимми между тем наслаждался от души. Он чувствовал, что сейчас поистине вносит в дом свет и сладость, и купался в блаженстве. Ему нравилась еда; нравилось, как отец играет роль дворецкого; нравились забавные полудурки, которые, как оказалось, тоже живут в этом желанном пристанище. Жаль только Пэтт ушел! К нему он испытывал сильнейшую симпатию и сделал мысленно зарубку: не теряя времени, надо излечить старикана от пагубной привычки. Ну что это, в самом деле? Зачем он позволяет, чтобы контора портила ему жизнь? Хорошо бы устроить пикничок с Пэттом, отцом и компанией… Но тут его мечты были прерваны. Вскинув от тарелки глаза, Джимми обнаружил, что все обедающие уставились на Уилли Патриджа, а тот сверкает глазом на пробирку, которую достал из кармана и положил рядом с тарелкой.

— Порошка хватит, чтоб пол-Нью-Йорка разнести! — небрежно бросил он.

Тишину взорвал гром и грохот на заднем плане — Крокер выронил электрическую кастрюлю.

— А вот оброни я эту пробирочку, — воспользовался Уилли подвернувшимся случаем, — никто из нас тут не сидел бы!

— Не надо ронять, — посоветовал Джимми. — Что в ней?

— Патриджит.

Миссис Пэтт, совершенно белая, поднялась из-за стола.

— Уилли, как ты мог! — вскричала она. — О чем ты только думаешь?

— Тетя Неста, опасности нет ни малейшей, — снисходительно улыбнулся Уилли. — Взрывается оно от удара. И только. Я целое утро таскаю его в кармане.

И он обласкал пробирку тем взглядом, каким любящий родитель ласкает свое дитя. Но миссис Пэтт эти слова не убедили.

— Ступай, спрячь ее подальше. В дядин сейф!

— Да я кода не знаю…

— Позвони дяде в контору и спроси!

— Ладно, раз уж ты настаиваешь, тетя Неста. Но опасности никакой.

— Да не тащи ты ее с собой! — завизжала миссис Пэтт, когда он, поднявшись, потянулся за пробиркой. — Еще уронишь! Потом заберешь!

— Ладно…

Беседа после его ухода увяла. Как труп на пиру египтян, лежала пробирка, лишая компанию веселости. Говард Бемис, сидевший рядом с ней, все отодвигался бочком, пока чуть не столкнул Энн со стула. Вскоре вернулся Уилли, небрежно сунул пробирку в карман, и снова вышел.

— Если услышите внезапный гром и обнаружите, что летите, — заметил Джимми, — это оно самое и есть.

Вернувшись, Уилли снова занял место за столом, но веселье улетучилось. Голос Кларенса упал до шепота, Говард уже не мог рассуждать о влиянии Эдгара Ли Мастерса на современную литературу. Миссис Пэтт покинула столовую, следом за ней — и Энн. Разбрелись и гении, кто куда. Допив кофе и закурив сигарету, Джимми обнаружил, что остался наедине со своим старым приятелем и что приятель этот вот-вот пустится в откровенности.

Светловолосый пэр начал с того, что подошел к двери и выглянул. Проделав это, он вернулся на место и пристально уставился на Джимми.

— В чем ваша игра? — осведомился он.

— Простите? — ответил Джимми, лукаво и ласково глядя на него.

— Хватит! — резко прикрикнул лорд. — Говорите толком! Нас могут прервать в любой момент. Как вас зовут? Зачем вы здесь?

Джимми вскинул брови.

— Я — блудный племянник, вернувшийся в стадо.

— Кончайте придуриваться! Вы из группы Поттера?

— Кто такой Поттер?

— А то вы не знаете!

— Нет, не имел счастья его лицезреть.

— Правда?

— Абсолютная и чистейшая.

— Значит, от себя работаете?

— В данный момент я не работаю. Ходят разговоры, что неплохо бы мне окончить заочные курсы монтировщика спаржи.

— Ой, сил моих нету! Что вы крутите? Чего не раскроете карты? Оба мы явились сюда ради одного и того же! Нет смысла срывать задание.

— То есть, вы хотите внушить мне, будто я не ваш старый друг Джимми Крокер?

— Будь вы Крокером, вы бы не стали притворяться, будто узнали меня. Да я чуть не спекся, пока вы не подмигнули!

— Вот бы вы влипли, — улыбнулся Джимми, — будь я и вправду Крокером! Кстати, а кто вы?

— Ребята зовут меня Джек-Джентльмен.

— Почему? — удивился Джимми.

Лорд Уизбич отмахнулся от неуместного вопроса.

— Работаю сейчас на Бэрка. Слушайте, давайте по-умному.

— Что ж, буду прямым, как шнурок…

— Кто-кто? Нырок?

— Надеюсь, вы собираетесь играть в открытую.

— Пооткровенничаем шепотком?

Лорд Уизбич снова подскочил к двери и подверг коридор вторичной проверке.

— Как вы нервничаете, — заметил Джимми.

— Не нравится мне здешний дворецкий, что-то у него за пазухой припрятано.

— Вы думаете, он от Поттера?

— Не удивился бы. Во всяком случае, что-то с ним нечисто. Иначе зачем бы ему притворятся, что он вас узнал?

— По-видимому, признать во мне Джимми Крокера — это лакмусовая бумажка, такая проверка на честность.

— Его загнали в угол, как и меня, — пояснил лорд Уизбич. — Он не мог знать, что вы не Крокер, пока вы сами его не надоумили. Ну, и притворился будто узнал. — С невольным восхищением лорд взглянул на Джимми. — А у вас, я вижу, нахальства хоть отбавляй! Явиться сюда вот эдак! Здорово рисковали. Могли ведь напороться на человека, который и правда знает Джимми Крокера. Как вы поступили бы, будь дворецкий настоящим?

— Без риска в нашей профессии никуда!

— Как вспомню, сколько мне пришлось попотеть, — продолжал лорд, — так противно становится, что другой взял да ввалился в дом без всяких.

— Почему вы выбрали имя лорда Уизбича?

— Да это же верняк! Познакомился с настоящим лордом на пароходе. Вызнал, что тот отправляется в кругосветное путешествие, а в Нью-Йорке задержится надень. Но все-таки пришлось мне потрудиться, чтоб втереться в дом. Бэрк приказал мне изловить этого Честера и заручиться письмом. А вы ъот ввалились без всяких там писем, да и заявили сходу, что будете у них жить, — лорд Уизбич поскорбел минутку о несправедливостях жизни. — Что ж вы намерены делать, приятель?

— Насчет чего?

— Насчет того, что оба мы тут. Мой вам совет, давайте сотрудничать, а потом поделимся. Или желаете заграбастать все целиком? Ну и провалите задание. Я с вами по-честному. Да и нет мне толку блефовать. Мы тут по одному делу. Вам нужен этот порошок и мне тоже.

— Так вы, значит, верите в патриджит?

— Ох, не могу! — скривился Уизбич. — Чего кричите? Конечно, верю. Бэр уже за ним следит. О Дуайте Патридже слыхали? Ну! Этот самый — его сын. Всем известно, что Дуайт перед смертью разрабатывал такую взрывчатку. А тут сынок и является с пробиркой и сам говорит, могу взорвать к черту целый город. Ясно? Доработал папашину штуку. Я так понимаю, тому оставалось всего ничего, сынку-то больше не осилить, мозгляк он, но факт налицо, взрывчатка у него есть. А мы с вами объединимся и заключим сделку. Если не желаете, ладно, можете сорвать мне игру, как и я вам… но есть ли в том смысл? Только риску больше. Если же поладим, нам и на двоих хватит. Сами понимаете, за такой порошочек драться будут десятки рынков. Если насчет Бэрка тревожитесь, как бы ни обдурил, — забудьте. Бэрка я беру на себя. По справедливости обойдемся.

Джимми раскрошил на тарелке окурок.

— Я не красноречив, как, скажем, Брут, — отвечал он. — Вы меня знаете, я человек простой и откровенный. И просто, откровенно отвечаю — ничего не выйдет.

— Что? Не хотите вместе работать? Джимми покачал головой.

— Жаль разочаровывать вас, Уиззи, если я еще могу называть вас так, но предложение меня не соблазняет. Не хочу играть с вами или с кем-то еще. Напротив, я намерен пойти к миссис Пэтт и сообщить ей, что в ее Эдеме завелась змея.

— Вы что же, настучать вздумали?

— Как по барабану. Громко и четко. Лорд Уизбич неприятно рассмеялся.

— Ага, беги, беги! А как ты объяснишь, почему признал во мне старого приятеля? Перед едой — старый друг, а после еды — мошенник. Выдашь меня, выдашь и себя. Если я не лорд Уизбич, так и ты — не Джимми Крокер.

— Н-да, — вздохнул Джимми. — Жизнь сложная штука, правда?

— Подумай получше, старик, — поднялся лорд. — Ничего ты не добьешься. Меня тебе все одно не остановить. А не желаешь работать пятьдесят на пятьдесят, совсем тебя выкину. Обставлю, моргнуть не успеешь!

И лорд Уизбич вышел из зала, а Джимми, закурив новую сигарету, погрузился в размышления. Все, что сказал Джек-Джентльмен, или как там его, верно. Разоблачая его, выдашь себя. Джимми задумчиво курил. Не в первый раз ему захотелось, чтоб досье его за последние несколько лет было бы капельку белее. Он начал проникаться чувствами доктора Джекила, которому вечно ставил препоны беспутный мистер Хайд.

ГЛАВА XVI

Покинув столовую, миссис Пэтт заглянула в гостиную, посидеть у ложа больного дитяти. Она тревожилась за него. Бедный ягненок был сегодня поистине сам не свой. Чашка чистого бульона, предписанная доктором Бриджиншоу, стояла нетронутая на столике.

Она тихонько подошла и опустила прохладную руку на больной лоб.

— А, отстань! — устало мотнул головой Огден.

— Ты себя получше чувствуешь, Огги?

— Нет! — твердо отрезал сын. — Гораздо хуже.

— Даже свой вкусный бульончик не выпил.

— Отдай его кошке.

— А может, дорогой, попьешь молочка? С хлебом.

— Отстань ты! — откликнулся страдалец.

Миссис Пэтт скорбно вернулась на свое место. Ее поражало необыкновенное совпадение: бедный ребенок почти всегда бывал таким по утрам после приема гостей. Она приписывала это реакции тонкой натуры на возбуждение вечера. Но нынешний упадок сил отчасти вызвали, конечно, и зверства Джерри. Каждая капля материнской крови вскипала от ярости и ужаса при одной мысли о страшном тренере. Никогда она ему не доверяла! Его лицо ей сразу не понравилось, и не только с эстетической точки зрения. Нет, она разглядела в нем жестокость, и события доказали, что материнское чутье не лжет.

Миссис Пэтт была не настолько вульгарна, чтобы назвать все это, даже про себя «нутром почуяла». Но именно нутром она и почуяла, и оно подсказало верно. В разгар горького горя она испытала все-таки легкое удовлетворение: да, интеллект у нее, безусловно, выше среднего.

Умиротворенность раннего дня царила в гостиной. Хозяйка взялась за книгу. Огден сопел на тахте. Слабое похрапывание доносилось и из корзинки в углу, где, свернувшись клубочкам, отдыхала Аида. В открытые окна плыли тепло и лето. Поддавшись сонному спокойствию, миссис Пэтт тоже погрузилась было в приятную дрему, но дверь распахнулась и влетел лорд Уизбич.

Он быстренько прикинул, что к чему. Смекалка — главная особенность тех, кто известен как Джек-Джентльмен, тех, кто зарабатывает на жизнь жаркими битвами и против общества, и против Поттера с командой. После того как он оставил Джимми, размышления его свелись к

тому, что лучшая оборона — нападение. Выигрывает тот, кто не боится вести смелую игру. Заговорщик потупее удовольствовался бы пассивностью. Проанализировав ситуацию тренированным умом, лорд изобрел хитрый план и теперь влетел в гостиную приводить его в исполнение.

Это вдребезги раскололо мирную атмосферу: Аида, апоплексически рыча, метнулась из корзинки и, пронзительно лая, бросилась на чужака.

Маленьких собачонок лорд Уизбич на дух не переносил. Он и ненавидел их и боялся. Многие храбрецы подвержены такой идиосинкразии. Отпрыгнув за кресло, он крикнул:

— Пошла! Пошла!

Аида, чья атака сводилась к шуму и ярости,[3] продолжала бесноваться на безопасном расстоянии, пока хозяйка, наклонившись, не подхватила ее на руки и не уложила себе на колени. Там собачонка и пригрелась, приглушенно рыча. Выступив из-за кресла, лорд Уизбич боязливо присел на него.

— Можно с вами поговорить, миссис Пэтт?

— Разумеется, лорд Уизбич.

— Наедине, понимаете? — Его светлость значительно взглянул на Огдена и перевел значительный взгляд на свою собеседницу.

— Огден, миленький! — воскликнула она. — Тебе лучше пойти к себе, раздеться и лечь. Поспи немножко, это пойдет тебе на пользу.

Тот встал с поразительной покладистостью, только буркнул:

— Ладно.

— Бедняжка Огден плохо себя чувствует, — объяснила мать, когда он ушел. — У него бывают приступы. О чем вы хотели поговорить, лорд Уизбич?

Его светлость придвинулся ближе.

— Миссис Пэтт, вы помните мои вчерашние предупреждения?

— Разумеется!

— Могу я спросить, что вам известно о человеке, который явился к вам под именем Джимми Крокера?

Миссис Пэтт вздрогнула. Ведь она употребила почти те же выражения в разговоре с Энн! Ее подозрения, убаюканные было Скиннером, да и самим лордом Уизбичем, пробудились снова. Вот вам одно из последствий нутра: сработав удачно, оно уже трудится, не покладая рук. Миссис Пэтт оказалась права насчет Митчелла; так, может, она права и насчет самозванного Джимми Крокера?

— Вы ведь никогда не видели своего племянника?

— Никогда. Но…

— Этот человек, — веско перебил лорд Уизбич, — не ваш племянник!

Миссис Пэтт пробрала сладкая дрожь. Итак, она опять права!

— Но вы же сами…

— Притворился, будто узнал его? Правильно. Специально. Чтоб он решил, будто я ничего не заподозрил.

— Так вы считаете…

— Вспомните, о чем я вчера говорил.

— Но его ведь и Скиннер узнал…

— Вот именно. Доказывает только, что про Скиннера я говорил верно. Орудуют вместе. Это очевидно. Взгляните с нашей точки зрения. Как все просто! Человек прикидывается, будто близко знаком со Скиннером. Нам кажется, что это свидетельствует о честности Скиннера. Скиннер узнает этого человека. Вам кажется, что это доказывает его честность, но Скиннер узнал Джимми Крокера в самозванце!

— Так вы же сами…

— Говорю вам, я притворился. Пока что ничего нельзя предпринять. Самозванство — не преступление. Разоблачи я его при первой встрече, вы бы ничего не выиграли. Только выставили бы его из дому. А вот если мы выждем, если притворимся, будто ни о чем не подозреваем, то несомненно застанем его на месте преступления. Он попытается выкрасть изобретение вашего племянника.

— Вы уверены, что он за этим явился?

— Зачем же еще?

— А вдруг его цель — похитить Огдена?

Лорд Уизбич задумчиво нахмурился, подобный мотив ему на ум не приходил.

— А что, весьма возможно… — медленно вымолвил он. — Ведь уже было несколько попыток похитить вашего сына?

— Когда-то ни одного ребенка в Америке не приходилось охранять бдительнее, — гордо сообщила миссис Пэтт. — Похитители, вы представляете, даже прозвище ему дали, Наш Самородок.

— Что же, очень может быть… В любом случае, усилия должны быть направлены на одно. Надо неотступно наблюдать за ним. За каждым его шагом, — Уизбич выдержал паузу. — Я мог бы помочь — простите, что сам предлагаю — помочь куда эффективнее, если б вы пригласили меня пожить у вас. Вы были так любезны, что пригласили погостить в деревню. Но до отъезда еще две недели, и за это время…

— Немедленно переезжайте к нам, лорд Уизбич! Сегодня же!

— Да. Думаю, так будет лучше всего.

— Не могу передать, как я вам за все благодарна!

— Вы были так добры ко мне, миссис Пэтт, — с чувством произнес лорд. — Мой долг — отблагодарить вас. Значит, на этом и порешили, перебираюсь к вам сегодня же вечером. Главная моя задача — следить за этими двумя. Пойду упаковываться и перешлю сюда вещи.

— Вы изумительны, лорд Уизбич!

— Ну что вы, что вы!

Лорд протянул было руку, но тут же и отдернул — Аида кинулась на нее, так и норовя цапнуть. И, заменив официальное рукопожатие более небрежным «до свидания», он отбыл.

После его ухода миссис Пэтт несколько минут размышляла, вся пылая. Ум ее, настроенный на сенсации, алчно поглотил разоблачения. Лорду она вполне доверяла. Одно сомнение одолевало ее — сумеет ли он, при всех своих стараниях, уследить за обоими заговорщиками разом, без помощника? Уж очень они удалены географически: один самозванец обитает наверху, другой, Скиннер — внизу, в комнатах прислуги. Пункта этого они при обсуждении не коснулись, но миссис Пэтт казалось невозможным, чтобы лорд Уизбич, при всем своем рвении, ухитрится следить за Скиннером, не упуская из виду Джимми. Или наоборот, следить за Джимми, не отвлекаясь на Скиннера. Ему необходимо подкрепление.

Для миссис Пэтт — несомненно, из-за ее склонности сочинять леденящие душу истории — в словечке «детектив» крылось особое волшебство. Детективов она обожала — их проницательные глаза, уверенные улыбки, мягкие шляпы. Когда они появлялись на сцене, она подавалась вперед в своем кресле, а когда они начинали действовать в ее собственных рассказах, то строчила с особым пылом. Не будет преувеличением сказать, что с детективами у нее существовала связь почти мистическая. Самая мысль о том, чтобы упустить случай, не нанять детектива здесь, в реальной жизни, когда обстоятельства складываются так, что помощь его необходима, представлялась ей самоубийственной. В былые дни, когда на Огдена покушались, бальзам на душу ей проливали лишь ежедневные беседы с детективами. Ей страстно захотелось позвонить в агентство.

Удерживало лишь соображение о чувствах лорда Уизбича. Он так добр и проницателен, предложение нанять ему помощь со стороны глубоко ранит его. Однако ситуация требовала квалифицированного специалиста. Конечно, сам лорд считает, что вполне способен справиться с заговором в одиночку. Но как ни достоин он восхищения, в этой области он —

дилетант. Помощь ему необходима, пусть даже вопреки его желаниям.

Счастливое решение снизошло на миссис Пэтт. Лорду вовсе необязательно сообщать об этом. Можно внедрить детектива, пощадив чувства союзника, не обмолвившись ему и словом.

Телефон стоял у ее локтя, скрытый по просьбе декоратора внутри искусственного чучела совы. Рядом, имитируя томик Шекспира, лежал телефонный справочник. Неста Пэтт отбросила колебания. Ни телефона, ни адреса детективного агентства, куда она обращалась последний раз, когда похищали Ордена, она не помнила, но название не забыла. Помнила она и фамилию владельца, и ту чуткость, с какою он выслушивал тогда ее беды.

Сняв трубку, она назвала номер.

— Я хочу поговорить с мистером Старджисом, — попросила она.

— Мистер Старджис у телефона.

— О, мистер Старджис! Не могли бы вы приехать ко мне? Да, прямо сейчас! Это миссис Пэтт говорит. Помните, мы встречались несколько лет назад, когда я была еще миссис Форд? Да, мать Огдена. Мне бы хотелось проконсультироваться… Приедете? Благодарю. До свидания.

И миссис Пэтт повесила трубку.

ГЛАВА XVII

Внизу, в столовой, Джимми курил и размышлял, когда вошла Энн.

— А, — сказала она, — вы тут! А я думала, наверх ушли.

— Только что у меня была презанимательнейшая беседа со старым моим дружком, лордом Уизбичем.

— О, Господи! О чем?

— Да так… О том, о сем.

— Не о старых временах?

— Нет, старых времен мы не касались.

— Он все еще уверен, что вы — Джимми Крокер? Я так нервничала, едва говорить могла.

— Не стоит! — подбодрил Джимми. — Все идет — лучше не придумать!

— Оттого-то я и нервничаю. Чересчур уж все гладенько катится, вот-вот споткнемся. Слишком велик риск. И без Скиннера, с одним лордом Уизбичем, опасностей хватает. В любой момент вы можете промахнуться. Слава Богу, подозрения тети Несты пока что рассеялись: и Скиннер, и Уизбич приняли вас за настоящего. Но видели-то они вас несколько минут! А пообщаются подольше, и у них тоже могут вспыхнуть подозрения. Не могу представить, как вы изловчились с Уизбичем. Все время боялась — вот-вот он заведет речь о Лондоне, где вы так дружили. Нет! Мы не должны испытывать удачу! Пожалуйста, сейчас же отправляйтесь к тете Несте, попросите взять обратно Джерри.

— Вы по-прежнему не хотите, чтоб его роль выполнил я?

— Конечно, нет! Тетя Неста наверху.

— Ладно. А если я не сумею убедить ее?

— По-моему, она выполнит любую вашу просьбу. Сами видели, как она приветлива была за ленчем. Вряд ли с тех пор что-то переменилось.

— Хорошо. Сейчас же поднимусь к ней.

— А потом идите в библиотеку и ждите меня там. Это вторая комната отсюда по коридору. Я обещала подвезти лорда до отеля. Только что встретила его, и он сказал тетя Неста пригласила его погостить у нас. Вот он и идет упаковываться. Минут через двадцать, самое большее, вернусь.

От этой новости Джимми охватило смутное беспокойство.

— Лорд Уизбич переезжает к вам?

— Да. А что?

— Хм. Ничего. Ладно. Пошел к тете Несте.

В гостиной, когда туда вошел Джимми, и следов не осталось недавнего переполоха. Телефонная трубку лежала на месте, миссис Пэтт сидела в кресле, собачонка Аида посапывала в корзинке. После звонка Старджису несчастная мать читала свою собственную книгу, с головой погрузившись в сюжет. Аида шумно завозилась.

Приход Джимми выдернул его тетю из литературных хитросплетений. Теперь, когда лорд Уизбич протер их, глаза ее увидели в племяннике нечто зловещее и по телу у нее забегали мурашки. В «Клубе Душителей» (цена 1 доллар 65 центов; о правах запрашивать у издательства, включая перевод на скандинавские языки) она сама вывела, именно такой персонаж: обходительный, лицемерный, страшный… и вот, ей вспомнилось беспредельно подлое поведение ее героя, Марсдена Тьюка, чьи злодейские махинации разоблачают только в предпоследней главе. Ей показалось, что он перед ней. Да, да, именно такой, приятный с виду, чтобы обманывать наивных и честных людей. От того, что Джимми хорош собою, он казался ей еще порочнее. Словом, менее подходящего настроения для просьб у нее и быть не могло. Она усмотрела бы коварный умысел, даже поинтересуйся он, который час.

Но Джимми об этом не ведал. Ему показалось, правда, будто смотрит она на него холодновато, но он отнес это за счет ее подозрений и попытался ее смягчить, обаятельно улыбнувшись. Худшей тактики придумать он не мог! Обаятельная улыбка Марсдена Тьюка была смертоносным оружием, под воздействием которого одураченные простаки доверяли ему деньги и драгоценности…

— Тетя Неста, — немедленно приступил он к делу, — могу я вас попросить о личном одолжении?

Миссис Пэтт содрогнулась, как бойко он выговорил «тетя»! Сам Марсден, негодяй из негодяев, и тот не сумел бы сказать это без запиночки. Значит, он еще хуже Тьюка…

— Д-да? — едва выдавила она.

— Утром я встретил одного старого приятеля. Он был очень-очень грустный. Оказывается, вы его уволили, конечно, по самым основательным причинам. Я говорю про Джерри Митчелла.

Ужас ее подскочил до пиковой отметки. Заговор разбухал на глазах! Его щупальца охватывали этого субъекта, а теперь, оказывается, и уволенного тренера! Кого же еще? Ей Джерри Митчелл никогда не нравился, но что он — заговорщик, ей и в голову не приходило! Однако, если этот самозванец, старый его приятель, иначе и быть не может!

— Митчелл, — продолжал Джимми, не ведая, какие чувства будит каждое его слово в груди собеседницы, — рассказал мне о вчерашнем происшествии. Он очень подавлен. Сам не понимает, как это с ним случилось. Умолял меня замолвить за него словечко. Просил передать, что сожалеет о своих зверствах. Да, и еще просил напомнить, что до вчерашнего дня никаких провинностей за ним не числилось. — Джимми выдержал паузу, но одобряющего знака не последовало, как будто речь эта не произвела никакого впечатления. Прямая и неприступная, миссис Пэтт сидела в кресле с видом человека, ни капельки не тронутого его красноречием.

— В общем, он раскаивается… — снова начал Джимми. Тетя ответила не сразу.

— Откуда вы с ним знакомы?

— Познакомились, еще когда я в Нью-Йорке трудился, в «Кроникл». Видел его матчи. Отличный парень, удар просто превосходный!

— Не люблю боксеров. А против этого Митчелла я была с самого начала.

— То есть вернуться ему вы не позволите? — осторожно спросил Джимми.

— И не подумаю!

— Но он раскаивается! Очень!

— Естественно. В конце концов, что-то человеческое в нем осталось.

Джимми замолк. Дело оборачивалось не так, как хотелось бы. Он опасался, что на этот раз Энн не получит того, что хочется. Соображение, что иной раз это полезно, переплеталось с другим, пожалуй — главным: за провал она станет винить его. Что неприятно.

— Джерри так любит Огдена…

— Ха!

— Наверное, он от жары распалился. В нормальном состоянии Митчелл ягненка не ударит. Он на это неспособен.

— На что?

— Ягненка ударить!

— Пфе! — фыркнула миссис Пэтт.

Джимми впервые слышал, чтоб этот примечательный возглас срывался с чьих-то уст, и истолковал его, вполне правильно как знак неодобрения, сомнения и досады. Теперь он не сомневался, что миссия его терпит крах.

— Так я могу передать, что все улажено?

— Что именно?

— Ему можно вернуться в дом?

— Конечно, нет.

Миссис Пэтт была не из робких, но не могла унять дрожи, видя, что заговор плетется прямо на глазах. Теперь ее благодарность лорду Уизбичу превратилась чуть ли не в благоговение. Если б не он, она определенно поддалась бы на уговоры и разрешила Митчеллу вернуться. Да, она его недолюбливала, но так торжествовала при мысли, что Джимми приехал к ней вопреки воле мачехи, так радовалась, что все вдруг получилось, что, конечно, не отказала бы ему ни в чем. Но теперь складывалось так, что она невидимо наблюдает, как шайка плетет свои сети. Стратегическую позицию она занимала выгодную: вроде бы обманута, а на самом деле знает все.

Мелькнула мысль: а может, пустить Джерри в дом? По-видимому, его присутствие необходимо для заговора, в чем бы тот ни состоял. Значит, надо бы согласиться, хотя бы для того, чтобы свить для заговорщиков веревку подлиннее, пускай вернется и сыграет свою роль. Но тут явилась другая мысль: с мнимым Джимми и мошенником Скиннером у лорда Уизбича и у детектива и так хлопот будет много. Не стоит осложнять дело. Миссис Пэтт взглянула на часы; вот-вот явится Старджис, если и вправду он вышел, как обещал. Это хорошо. Приятно отдать себя в руки специалиста.

Джимми приостановился на полпути к двери, точно бы не желая смириться с таким ответом.

— Он больше не будет. Правда, правда! Вам нечего бояться.

— А я и не боюсь! — парировала миссис Пэтт.

— Видели бы вы его…

— А, кстати, когда ты его встретил? Ты ведь только сегодня утром с парохода и сразу отправился в контору к Питеру, а потом вы вместе приехали сюда. Интересно, когда же ты успел повидать Митчелла?

Миссис Пэтт тут же пожалела об этих словах, почувствовав, что он может насторожиться, но устоять она не смогла. Все ж приятно видеть, как он смешался!

— Встретил, когда за багажом ходил.

Именно так выкрутился бы и Марсден Тьюк, ужом ускользавший из любых ловушек. Ужас перед Джимми возрастал.

— Я, конечно, сказал ему, — продолжал мнимый племянник, — что вы пригласили меня погостить, а он рассказал о своей беде. Умолял попросить за него. Видели б вы его, каким видел я! Весь мрачный, страдает, кается… Непременно пожалели бы. Женское сердце…

Речь о женском сердце прервала распахнувшаяся дверь. Густой почтительный баритон объявил:

— Мистер Старджис!

Детектив вошел энергичной деловитой походкой. «Время — деньги!» — кричала она и, в общем, не обманывала. Международное детективное агентство, которым он владел, захлебывалось от клиентуры. Сам он был худощавый, голодного вида человек лет около пятидесяти, с запавшими глазами и тонкими губами. Одевался он по последней моде, твердо веря и повторяя: может, ты и сыщик, но выглядеть должен джентльменом. Походил он, скорее всего, на завсегдатая клубов или, вернее, на старшего приказчика, вырядившегося для воскресной прогулки. Нарядный его вид успешно обманул Джимми, и тот отбыл в полной уверенности, что пришел обычный визитер.

Когда Джимми выходил, детектив окинул его острым и проницательным взглядом. У него давно выработалась такая привычка. Пустячок, а клиентов впечатляет!

— Я так рада, что вы пришли, мистер Старджис! — воскликнула миссис Пэтт. — Садитесь, пожалуйста.

Старджис сел, подтянув штанины на те полдюйма, что предохраняют их от пузырей, обеспечивая джентльменский вид, и остро, проницательно взглянул уже на хозяйку.

— Кто этот молодой человек, который только что вышел?

— Насчет него я и хотела посоветоваться с вами, мистер Старджис.

Сыщик откинулся на спинку кресла, сложив кончики пальцев.

— Расскажите, как он тут очутился.

— Прикидывается, будто он — мой племянник, Джеймс Крокер.

— А вы что, своего племянника не знаете?

— Никогда не видела! Понимаете, несколько лет назад моя сестра вышла замуж во второй раз. Я этот брак не одобряла и отказалась видеться с новой родней. Муж ее был вдовцом. Недавно я по личным причинам отправилась в Англию, где они сейчас живут, и попросила сестру, чтобы она отпустила пасынка сюда поработать в конторе у моего мужа. Она отказалась. Мы с мужем сразу вернулись в Нью-Йорк. Сегодня утром, к моему удивлению, мне из конторы звонит муж и сообщает, что Джимми Крокер все-таки приехал. Сидит у него. Они пришли сюда. Никто ничего не заподозрил. Этот человек даже проявил оскорбительное легкомыслие, вполне в духе настоящего Джимми Крокера, насколько я слыхала.

Старджис кивнул.

— Понятно, понятно. Читал в газетах и сам. Итак?

— А теперь самое любопытное! Почти с самого начала у меня была какая-то настороженность. Когда я сказала: «Никто ничего не заподозрил», я подразумевала, что он совершенно обманул моего мужа и мою племянницу, которая живет с нами. Но у меня были причины держаться с ним осмотрительно. Я что-то чувствовала. Понимаете, мужу показалось, что он его видел на «Атлантике». А сам он говорит, что приплыл на «Каронии» только сегодня утром.

— Вы уверены, миссис Пэтт? Он положительно утверждает, что приплыл сегодня?

— Да. К несчастью, у меня нет возможности судить, правду ли он говорит. Моряк из меня плохой, почти все путешествие я не выходила из каюты. И все равно, как я уже сказала, у меня шевелились подозрения. Я не знала, как проверить их, пока не вспомнила, что новый дворецкий приехал к нам от сестры.

— Это тот, что впустил меня?

— Вот именно. У нас он всего несколько дней, прямиком из Лондона. Я решила подождать, пока они встретятся. Понимаете, когда самозванец появился в доме, вошел он с моим мужем, тот открыл своим ключом, так что Скиннер его не видел.

— Понятно! — бросил Старджис, остро и проницательно взглянув на Аиду, которая нюхала что-то у его ног, выбравшись из корзинки. — Вы полагали, что если дворецкий узнает молодого человека, это докажет его подлинность?

— Именно.

— И что же, Скиннер его узнал?

— Да. Но погодите, я еще не кончила. Узнал, и на минутку я успокоилась, но у меня были свои подозрения и насчет Скиннера. Должна сказать вам, что против него меня остерег мой большой друг лорд Уизбич, английский пэр. Близкий наш друг, которого мы давно знаем. Из йоркширских Уизбичей. Вам они известны?

— Да, да.

— Лорд Уизбич дружит с настоящим Джимми Крокером. Сегодня лорд встретился у нас с самозванцем и притворился, будто узнал его, чтобы сбить с толку. Но после ленча он зашел ко мне и рассказал, что на самом деле никогда его в глаза не видел. Кто бы это ни был, но уж ни в коем случае не мой племянник Джеймс Крокер!

Приостановившись, Неста Пэтт выжидающе посмотрела на Старджиса. Детектив улыбнулся спокойной улыбкой.

— Но и это еще не конец! У Пэтта служил тренер, некий Джерри

Митчелл. Вчера я уволила его по причине, к делу не относящейся. А сегодня, как раз перед вашим приходом, субъект, который выдает себя за Джимми Крекера, очень просил меня взять его друга в дом, чтобы тот снова работал у Питера. Скажите, мистер Старджис, разве это не подозрительно?

Детектив прикрыл глаза, снова улыбнувшись уверенной улыбкой. А открыв их, пристально уставился на миссис Пэтт.

— Давненько не попадалось такого любопытного дельца. Позвольте сказать вам кое-что. Одно из моих отличительных качеств — я никогда не забываю лиц. Значит, этот ваш молодой человек утверждает, будто высадился в Нью-Йорке сегодня утром? Так вот, я сам видел его неделю назад в кафе на Бродвее!

— Н-неуже-е-ли?!

— Разговаривал он с Джерри Митчеллом. Того я хорошо знаю в лицо.

Миссис Пэтт испустила изумленный возглас.

— А этот ваш дворецкий Скиннер… Сказать вам про него кое-что? Возможно, вам известно, что когда в большие детективные агентства обращаются с просьбой разыскать человека, те иногда переадресуют просьбу в агентства помельче, вроде моего. Экономит им время, расширяет круг действий, а мы только рады оказать услугу. К нам обращается агентство «Андерсон», достаточно крупное, чтобы нанять нас. Так вот, несколько дней назад мой приятель из «Андерсона» зашел ко мне с кучей фотографией, их прислали из Лондона — то ли клиент, то ли Скотланд Ярд. Не знаю, почему разыскивается этот человек, но «Андерсон» попросил выследить его и сразу позвонить им. Благодаря моему дару, памяти на лица, я не раз оказывал им услуги. Фото я изучил очень внимательно, оставил себе экземпляр-другой на всякий случай. Вот, одно у меня с собой. — Он выудил фото из кармана. — Узнаете?

Миссис Пэтт впилась в него глазами. На нее смотрел плотный добродушный человек средних лет, застывший, как застывают только на снимке.

— Скиннер!

— Он самый. — Старджис забрал у нее фото и снова спрятал в карман. — Узнал его сразу, как только он открыл мне дверь.

— Но я почти уверена, он — тот самый человек, который впустил нас в дом сестры!

— Почти! — значительно повторил детектив. — Вы внимательно на него смотрели?

— Н-нет. Наверное, не очень.

— Тип лица весьма распространенный. Очень легко для ловкого мошенника прикинуться дворецким вашей сестры и обмануть тех, кто видел оригинал лишь однажды, да и то мельком. В чем их игра, пока сказать трудно, но, учитывая все, нет сомнения, что человек, выдающий себя за вашего племянника, и человек, выдающий себя за дворецкого вашей сестры, орудуют сообща. А Джерри Митчелл пособничает им. Как я уже говорил, цель их мне пока что неясна, но несомненно, что увольнение Митчелла спутало им планы. Вот почему они так хотят внедрить его снова в дом.

— Лорд Уизбич считает, что они замыслили украсть взрывчатку другого племянника. Возможно, вы читали в газетах, что Уилли Патридж завершил работу над исключительно мощным веществом. Его отец — о нем вы, конечно, слышали — Дуайт Патридж.

Старджис кивнул.

— Так вот, он работал над этим перед смертью, а Уилли продолжил эксперименты с того места, где он их оборвал. Сегодня за ленчем Уилли показал нам пробирку с порошком и спрятал ее в сейф моего мужа в библиотеке. Лорд Уизбич убежден, что эти мерзавцы попытаются выкрасть образец. Но меня не оставляет предчувствие, что назревает новая попытка выкрасть моего сына Огдена. Как по-вашему?

— На этой стадии делать определенные выводы невозможно. Пока что мы можем заключить одно — варится заговор. Вы отказались, конечно, принять Митчелла обратно?

— Да. Как вы думаете, это разумно?

— Несомненно. Значит, его отсутствие препятствует им, раз они так добиваются его водворения в дом.

— Что же мне делать?

— Вы хотите, чтоб я взялся за расследование?

— Конечно.

— Самому мне действовать бесполезно, — задумчиво нахмурился Старджис. — Не повезло, но субъект, прикинувшийся вашим племянником видел меня. Если я буду у вас гостить, он учует неладное и насторожится. — Прикрыв глаза, Старджис отдался размышлениям. — Мисс Тримбл! — воскликнул он наконец.

— Простите?

— Я пришлю к вам мисс Тримбл. Одна из самых искусных сыщиц. Именно с таким делом она справится запросто.

— Женщина?.. — с сомнением проговорила миссис Пэтт.

— Одна на тысячу! — жарко заверил Старджис. — На миллион!

— Но разве женщина сумеет…

— В джиу-джитсу мисс Тримбл преуспела больше, чем ее японский учитель. Одно время она выступала силачкой в цирке. Кроме того, она прекрасно стреляет из пистолета. Я не беспокоюсь, справится ли мисс Тримбл с работой, я только соображаю, в каком качестве ей лучше всего войти в дом. У вас есть вакансия горничной?

— Найдется.

— Так найдите, не откладывая. У мисс Тримбл лучше всего получается роль горничной. Именно в этом обличье она состряпала развод Марлингов. Где у вас телефон?

Миссис Пэтт приподняла чучело совы и сыщик связался со своей конторой.

— Мистер Старджис у телефона. Попросите мисс Тримбл… Мисс Тримбл, я говорю от миссис Пэтт с Риверсайд Драйв, знаете этот дом? Приезжайте немедленно, на такси! Войдете через черный ход, попросите миссис Пэтт. Скажете, насчет места горничной. Поняли? Правильно. Слушайте, мисс Тримбл! Алло! Не вешайте трубку! Минутку! Помните фото, которое я вам вчера показывал? От «Андресона»? Нашел я человечка. Он тут дворецким. Внедритесь в дом, приглядитесь к нему. А теперь — бегом за такси! Миссис Пэтт вам все объяснит, когда приедете. — Старджис повесил трубку. — А мне, я думаю, лучше уйти. Нечего мне тут рисоваться, те ребята настороже. Вполне могу оставить дело на мисс Тримбл. Доброго вам здоровья.

После его ухода миссис Пэтт тщетно старалась заинтересоваться книгой, но в сравнении с сенсациями жизни литература., пусть и собственного ее сочинения, просто блекла. Ей казалось, что мисс Тримбл еле-еле плетется пешком, а не мчится в такси; но взгляд на часы уверил ее, что прошло всего пять минут. Подойдя к окну, она выглянула на улицу. Ей никак не сиделось на месте.

Наконец на углу тормознуло такси, из него вышла молодая женщина и направилась к дому. Если это была мисс Тримбл, то она, безусловно, способна на что угодно: коротконогая, с квадратными плечами, а лицо, даже на расстоянии, полно проницательности и решимости. В следующий миг она свернула к черному входу и через несколько минут появился Крокер-старший.

— Мадам, к вам молодая особа, некая мисс Тримбл. — Спазм боли пробил тело хозяйки, когда она слушала его размеренный тон. Настоящая трагедия — такой безупречный дворецкий, а мерзавец! — Говорит что она нужна вам в связи с ситуацией.

— Проводите ее сюда, Скиннер. Это наша новая горничная. Пришлю ее к вам вниз, как только закончу с ней разговор.

— Слушаюсь, мадам.

В манере мисс Тримбл, когда та вошла, миссис Пэтт почудился вызов. Объяснялось это тем, что сыщица была ярой сторонницей равного распределения частной собственности, и дома богачей всегда вызывали в ней злобу. Крокер удалился, мягко прикрыв за собой дверь.

Гостья презрительно фыркнула, оглядывая достижения декоратора, который именно здесь, в гостиной, дал волю безудержной фантазии. На малой дистанции она вполне оправдывала впечатление от дальнего обзора. Лицо у нее было не просто проницательное, оно дышало угрозой. Из-под густых мохнатых бровей, словно хищные зверьки из норки, посверкивали щелочки глаз. Эффект еще усиливался от того, что когда левый ее глаз смотрел в упор, правый блуждал по окрестностям. Сейчас, например, левый буравчиком сверлил хозяйку, правый же обозревал узор потолка.

Нос у этой замечательной женщины был короткий и агрессивный, а рот напоминал наглухо сомкнувшиеся двери метро. Он словно приказывал держаться подальше, а то хуже будет. Миссис Пэтт, сама не слабая, вдруг почувствовала робость, глядя на эту особу. Таких грозных женщин она не встречала и ощутила чуть ли не жалость к несчастным, на которых ее спустят. Как ни странно, она подрастерлась, не зная, как начать объяснения.

Однако мисс Тримбл не терялась ни в каких обстоятельствах и разговор предпочитала начинать сама. Губы ее разомкнулись. Затарахтели пулеметной очередью слова. Насколько могла заметить хозяйка, зубы разжимать сыщица считала излишним и говорила, крепко стиснув их, что добавляло грозности ее речам.

— Дъбр дънь! — пальнула мисс Тримбл, и миссис Пэтт конвульсивно отпрянула под укрытие кресла. Ей показалось, будто в нее метнули кирпичом.

— День добрый, — слабо откликнулась она.

— Ръда знъкомству. Старджис вызвал. Ръбота, грит, для меня. Пръскъкала поскрее.

— Простите?

— Тъкси медлън пъпалось.

— А… да…

Правый глаз гостьи обежал гостиную лучом прожектора; левый, гипнотизирующий, она с лица хозяйки не убрала.

— В чъм дел? — правый глаз на минутку задержался на великолепной

картине Коро над каминной полкой, и девица-детектив снова фыркнула. — Естессн, у вэс непъятности. Бъгачи! Бездельники, вот и ищут бьд на св гълъву.

И девица неодобрительно насупилась на творение Каналетто.

— Вы… э… похоже, недолюбливаете богатых, — сказала миссис Пэтт, стараясь сохранить величественность манеры.

Мисс Тримбл обрушилась на нее, как гоночный автомобиль на мелкую домашнюю птицу, и переехала, размазав манеры по шоссе.

— Тьфу!

— Извините? — робко переспросила миссис Пэтт. Девица-детектив начинала давить ей на психику.

— Тьфу! Кькой от вас всъх тълк? Бънарда Шоу читали? А Элтона Синклера? Ы? Пъчитайте! Мъжет, пръберет. Льдно, так чтэ за непрътности?

Миссис Пэтт уже от всей души сожалела о порыве, толкнувшем ее позвонить Старджису. На своем жизненном пути она частенько сталкивалась с детективами, реальными и вымышленными, но таких еще не встречала. Самое досадное было то, что она робеет перед этой мымрой. Однако, в конце концов, в детективе ценятся проницательность и мастерство, а не обходительные, изысканные манеры. Лучше получить за свои деньги детектива, который, обстреливает вас словами сквозь стиснутые зубы, чем идеального гостя, который ничего не умеет. Миссис Пэтт, как большинство людей, подсознательно считала, что чем грубее держится человек, тем он компетентнее. Очень редко находится клиент, которого не ослепляет грубость.

И задавив свое возмущение, она попыталась сосредоточиться на том, что вопрос у нее деловой, и ей нужны результаты, а не красивые слова. Оказалось, что говорить легче, если смотреть прямо в лицо собеседницы — не очень привлекательное, да, зато весьма энергичное. Мисс Тримбл перестала разговаривать, рот ее находился в покое, и в таком состоянии выглядел эффективнее любого другого рта тех же размеров.

— Я бы хотела, чтобы вы, — начала миссис Пэтт, — переехали к нам и последили за двумя… м… джентльменами.

— Мъжчины! Естесссно! Всегда ищи мущън.

— Вам не нравятся мужчины?

— Тьфу! Суффръжсткъ, — представилась она, пронзительно глянув на миссис Пэтт, причем казалось, что левый глаз вот-вот выпрыгнет из-под мохнатой брови. — Ъ вы кък?

Миссис Пэтт суфражисткой не была, но, хотя у нее имелись веские

доводы против этого движения, ничто не заставило бы ее предать их сейчас огласке. Все ее существо содрогалось от одной мысли о споре с такой женщиной. И она поспешно вернулась к главной теме.

— Сегодня утром к нам явился молодой человек и назвался моим племянником, Джеймсом Крокером. Но он — самозванец. Я хочу, чтобы вы пристально следили за ним.

— Чь ему нъдо?

— Не знаю! Лично я думаю, он намерен похитить моего сына, Огдена.

— Тък, тък, — отозвалась мисс Тримбл и доверительно прибавила: — Слышът-ка, дворецкий этъ въш — еще тът тип!

Миссис Пэтт широко распахнула глаза. Да, вот это — сыщик!

— Вы это уже установили?

— Ръз плюнъть! — мисс Тримбл залезла в сумку и вынула фотографию. — Вън, смътрить! В ръзъске. Тъчно.

— Мы с мистером Старджисом оба думаем, что он орудует заодно с моим мнимым племянником.

— А то! Лъднъ, обоих застукъю.

И сунув фотографию в сумку, она зловеще клацнула замком.

— Есть еще одна версия, — объяснила миссис Пэтт. — Другой мой племянник, Уильям Патридж, изобрел необыкновенную взрывчатку. Вполне вероятно, что эти люди явились, чтобы украсть ее.

— А то! Мущины, чъ с них взять! Эх, зъсадить бы их всех, къкая бъ жъзнь пъшла!

Девица-детектив бросила хмурый взгляд на Аиду, точно заподозрила в ней признаки ненавистного пола, хотя та, выбравшись из корзинки, мирно стряхивала остатки сна ритмическими упражнениями. Миссис Пэтт невольно гадала, какая же трагедия вызвала у ее гостьи такую острую ненависть к мужчинам. По внешнему виду не скажешь, что ее легко одурачить. Да и вообще, только слепой, и уж очень влюбчивый станет с ней связываться! Она все еще ломала голову над тайной, когда гостья заговорила.

— Ну, чъго тъм еще у въс?

— Простите?

— Факты, фъкты. Дъвайте, гьните!

— Да-да, — заспешила миссис Пэтт и приступила к краткому обзору подозрительных обстоятельств, которые заставили ее прибегнуть к помощи специалистов.

— Лорд Уизбич? — перебила мисс Тримбл. — Кть тъкой?

— Наш большой друг.

— Лично за него ручътесь? Не мъшенник?

— Ну что вы! Он — мой большой друг.

— Ладно, пърядок. Все? Тъгда я пъшла.

— Вы можете переехать в нам сразу?

— А то! Чъръз десять мънут. Къстюм тут, рядом. Я в нем ръбътъла у Марлингов. Ръзвод. Тьфу, бъгъчи! Бъздъльники! Вечно вляпъются! Ну, пъка.

Почти теряя сознание миссис Пэтт обмякла в кресле. Силы ее были на исходе.

Внизу, в холле, мисс Тримбл приостановилась и оглядела статую, стоявшую у подножья лестницы. Это творенье искусства ей явно не понравилось.

— У-у, бъздъльники! — сказала она — Бр-р! Тьфу. Дородная фигура Крокера маячила у заднего крыльца,

грозная девица устремила на него пронзительный левый глаз. Крокер содрогнулся. Его грызла совесть, что, как утверждают философы, хуже всего для преступника. Почему этот взгляд пробрал его до печенок, объяснить бы он не сумел. Она была ему совершенно незнакома и не могла ничего о нем знать. И все-таки он содрогнулся.

— Эй! — заметила она — Мъня съда гърничной бърут.

— О? — жалко пролепетал Крокер. — Э?

— Гр-р-р! — рыкнула на него мисс Тримбл и удалилась.

ГЛАВА XVIII

Библиотека, куда Джимми направился после разговора с тетей, располагалась на первом этаже и выходила окнами на юг. Стеклянные двери вели из нее на лужайку, доходившую до высокой каменной ограды с маленькой калиткой. В общем, все планировалось так, чтобы создать впечатление, будто тут загородный коттедж, а не дом в центре города. Городская резиденция Пэттов изобиловала такими сюрпризами.

В один из углов был вделан массивный сейф, сразу бросавшийся в глаза среди книг всех видов и размеров, забивавших полки. Книги забрались даже на маленькую галерею, огибающую северную сторону зала. Туда вел коротенький лестничный марш.

Джимми посмотрел на сейф, за стальными дверцами которого, видимо, хранилась пробирка патриджита, и перенес внимание на полки. Беглый обзор не открыл ничего такого, чем можно было бы поразвлечься, пока не вернется Энн. Литературные вкусы влекли его к современным романам, а у Пэтта, по всей видимости, не было ни единой книги, написанной позднее XVIII века, да и то в основном — стихи. Джимми повернулся к письменному столу у окна, на котором тоже стояла полка с книгами более современного вида. Вытянув одну наугад, он распахнул ее.

И тут же с отвращением отбросил. Опять стихи! Этот Пэтт просто помешан на поэзии. Бросив последний взгляд на полку, Джимми приготовился нести вахту без чтения, но тут глаз зацепил имя на обложке последней книги в ряду — столь неожиданное, что он вгляделся попристальнее, не веря своим глазам.

Нет! Все правильно! Вот оно, золотыми буквами:

ЭНН ЧЕСТЕР «ОДИНОКОЕ СЕРДЦЕ»

В полном оцепенении Джимми взял томик. Еще и сейчас он был склонен выгораживать рыжеволосую богиню, тешась предположениями, что стихи написала ее однофамилица. Среди многих его недостатков был и такой: он терпеть не мог, прямо презирал, сентиментальную поэзию, а уж тем паче — сентиментальных поэтов, в особенности женщин. Не может быть, чтобы Энн, его Энн, полная достоинств, Энн, сумевшая вдохновить почти незнакомого человека на такое преступление, как самозванство, написала «Одинокое Сердце» или вообще стихи! Наскоро пробежав

первые подвернувшиеся строфы он содрогнулся. Ну и патока! Из той муры, какой забивают журнальные страницы, когда не хватает детективных рассказов. Именно это длинноволосые идиотки читают своим дефективным дружкам в провинциальных салонах. Короче, полная гадость. Нет, не может быть, чтобы это сочинила Энн!

Но в следующий миг страшная правда оглушила его. На титульном листе вилась надпись:

Моему дорогому и любимому дяде Питеру
С любовью от автора
Энн Честер

Зал завертелся, да так, словно лучший друг ранил его нежнейшие чувства или возлюбленная огрела сзади мешком с камушками. Долю секунды он просто стоял. Преданность прекрасной Энн пошатнулась, будто он застиг ее на преступлении, разоблачившим в ней такие пороки, о которых он и не подозревал.

Но тут он заметил дату издания — и тучи рассеялись. Он снова любил свою Энн. Мерзопакостная книжка опубликована пять лет назад!

Волна жалости окатила Джимми. Больше он ее не винил. Пять лет назад она была в том нежном возрасте, когда человек еще не отличает добра от зла. Ее нельзя винить, что она сочиняла сентиментальные стишата; он и сам в таком возрасте мечтал стать эстрадным певцом. Юности надо прощать. И, умиляясь всепрощению, он принялся листать страницы.

Но тут с ним стало твориться нечто любопытное — ему казалось, будто он уже листал их. Рано или поздно такое чувство испытывает каждый. Он был почти убежден, что не в первый раз видит стишок на двадцать седьмой страничке, озаглавленный «Элегия». Встречались строчки совершенно знакомые. Люди, разбирающиеся в таких вещах, объясняют, что дело тут в клетках мозга, которые что-то такое делают; ну, в общем, что-то, связанное с мозговой деятельностью. Скорее всего, это и происходит с ним сейчас.

Но нет! Все-таки дело не в этом. Смутное чувство, что он уже читал эти стихи, росло, а не тускнело. Читал, определенно читал! Когда? Где? А главное, с какой стати? По собственной воле читать их он ни за что бы не взялся.

Именно эта мысль и подтолкнула его память в верном направлении. За всю свою жизнь он всего какой-то год был обязан читать книги, которые

ни за что бы не стал читать сам — когда работал в «Кроникл». Может, так случилось, что ему давали их на рецензию? Или…

И тут память, в обычной для нее затейливой манере, едва плетясь в начале, вдруг одним легким скачком завершила путешествие. Он вспомнил! А за озарением наступило смущение… и ужас.

— Господи!

Теперь до него дошло, почему там, в Лондоне, ему сразу почудилось, будто он уже видел такие волосы. Туман рассеивался, все проступало с беспощадной четкостью. Он вспомнил, что случилось пять лет назад, в ту встречу, на которую таинственно намекала Энн. Он понял, что она, подразумевала тогда, на пароходе, обвиняя Джимми Крокера в том, что он излечил ее от сентиментальности. На лбу у него проступил холодный пот. Теперь интервью вспомнилось ему ясно и четко, словно случилось пять минут, а не пять лет назад.

Вспомнил Джимми и свою статейку в газете, и мерзкую радость, с какою он ее кропал. В ту пору его распирало буйное, неудержимое, мальчишеское чувство юмора. Оно взбрыкивало, как молодой жеребенок, не оглядываясь, кого лягает. Вспомнив, что он тогда ликующе настукал на машинке, Джимми содрогнулся и поймал себя на том, что ему гнусен человек, который мог без малейших угрызений совести совершить такую жестокость. Помнится, он еще прочитал избранные места восхищенному коллеге… Могучее сочувствие к Энн взбурлило в нем. Неудивительно, что ей ненавистны даже воспоминания о Джимми Крекере!

Возможно, раскаяние вконец истерзало бы его, не попадись ему случайно сорок шестая страница. «Похороны любви» он прочитал за две минуты, стишок был совсем коротенький — и настроение его кардинально переменилось. Больше он не чувствовал себя подлым убийцей. «Похороны любви» подействовали как тоник, оживили, влили новую энергию. Какие кошмарные стихи! Какие нелепые, какие слабые! Все, понял он, обернулось к лучшему.

На пароходе Энн призналась, что его насмешки отбили у нее склонность к поэзии. Если так, то он сыграл в ее жизни роль спасителя! Он представил, какой она стала бы, сочиняй и сейчас такую чушь, и возликовал от того, что совершил пять лет назад. В сущности, сегодняшняя Энн — восхитительная, несравненная девушка, задумавшая похитить Огдена, — его творенье! Именно он растоптал в ней вирус сентиментальной поэзии. Наум ему пришел напев старой песенки:

«Благодаря тебе

Я стала вот такой.
Надеюсь, ты дово-о-лен?»

Не просто доволен — горд! Однако после первых восторгов ликование упало до умеренного. Кару за свой добрый поступок он все равно несет. Для нее Джимми Крокер — не спаситель, а помесь людоеда с вампиром. Нельзя допустить, чтоб она узнала, кто он на самом деле. Никогда! Или хотя бы, до тех пор, пока ему не удастся усердным трудом стереть ее отношение к давнему проступку.

Дробный стук каблучков ворвался в его мысли. Он быстренько сунул книжку на место. Вошла Энн, плотно притворив за собой дверь.

— Ну? — нетерпеливо спросила она.

С минуту Джимми не мог отвечать. Он смотрел на нее, думая, какое она совершенство. Без всех этих сантиментов, решительная, требовательная, энергичная — словом, Энн, а не автор «Одинокого Сердца».

— Попросили вы ее?

— Да, но…

— О! — лицо у Энн вытянулось. — Значит, не хочет брать Джерри обратно?

— Отказала наотрез. Я старался как мог.

— Понятно… Они помолчали.

— Это решает дело, — сказал наконец Джимми. — Теперь вы, волей-неволей, разрешите мне участвовать.

— Это же большой риск! — встревожилась Энн. — Ведь самозванство — уголовное преступление?

— Ну и что? Говорят, в современных тюрьмах — очень хорошие условия, концерты, пикники, то-се… С удовольствием посижу там. У меня недурной голос, хор организую.

— Мне кажется, мы нарушаем закон. Я говорила Джерри, что нам ничего не грозит. Ему — только потерять работу, а меня отослали бы к бабушке. Но это я так, ради его успокоения. Как по-вашему, стоит сначала выяснить, какое тут полагается наказание?

— Это можно. Заодно проясним и мои дальнейшие планы. Если мне грозит пожизненное заключение, не нужно заботиться о выборе профессии.

— Меня-то вряд ли отправят в тюрьму, — проговорила Энн, — я все-таки родственница. Хотя лучше в тюрьму, чем к бабушке. Она живет в жуткой дыре и вечно сердится. Но с вами они церемониться не станут, как

бы я ни заступалась. Нет, правда, лучше все это бросить! Я чересчур увлеклась. Не учла все обстоятельства.

— Ни за что! Умру, но не брошу. Победа иль провал. Что вы ищете?

Энн копалась в пухлом томе, стоявшем у окна.

— Это каталог, — коротко объяснила она, листая страницы. — У дяди Питера кипы юридических справочников. Я ищу «похищение». Вот. «Энциклопедии — полка «х». А, она наверху. Минутку.

Вбежав по короткой лесенке, Энн скрылась.

— Вот она! — донесся голос с галереи. — Нашла!

— Давайте! — крикнул Джимми.

— А сколько страниц! Сейчас, сейчас! Минутку. С галереи доносилось шуршанье и чиханье.

— Ох, ну и пылища тут! Густым слоем. А сигаретных окурков! Надо дяде сказать. Угм… А, вот! Наказание за похищение…

— Тш-ш! — прервал Джимми. — Идут. Дверь открылась. Вошел Огден.

— Привет! — заметил он. — А я тебя искал. Не думал, что застану тут.

— Входи, мой мальчик, устраивайся как дома! — радушно пригласил Джимми.

— Нахальный ты, жуть! — Огден неприязненно оглядел его.

— В устах сэра Хьюберта Стэнли это похвала.

— Э? Кто такой?

— Один дядя. Разбирался, что к чему.

Огден прикрыл дверь.

— Я тоже не промах. Знаю, к примеру, кто ты. — Он хихикнул. — Раскусил тебя!

— То есть?

Толстый отрок хихикнул снова.

— Думаешь, такой ты ловкий, дальше некуда? А я тебя просек. Джимми Крокер! Пхе! Какой там Джимми! Какой там Крокер! Ты — мошенник! А зачем ты тут? Ясно. Чтобы меня спереть.

Уголком глаза Джимми поймал потрясенное лицо, выглянувшее между балясин галереи и торопливо нырнувшее за них. Оттуда не доносилось ни звука, но Джимми знал, что Энн ловит каждое слово.

— С чего вдруг такие догадки?

Огден бухнулся в глубины любимого кресла, вольготно забросил ноги на письменный стол и встретил взгляд Джимми стеклянным, но проницательным взором.

— Сигаретка найдется?

— Извини — нет. Очень жаль.

— Мне еще больше.

— Однако, с твоего разрешения, вернемся к первоначальной теме, — попросил Джимми. — С чего ты решил, будто я хочу тебя похитить?

Огден зевнул во весь рот.

— Сидел в гостиной после ленча, когда этот тип, ну, лорд, зашел к мамаше. Хотел, видите ли, «побеседовать наедине». Ну, мать меня отослала, а я, само собой, сел под дверью.

— Тебе известно, куда попадают мальчики, которые подслушивают под дверьми секретные беседы? — сурово вопросил Джимми.

— А то! На свидетельское место в суде. Так вот, сижу я, значит, и слышу: этот лорд говорит матери, что он притворился. А на самом деле, никакой ты не Джимми Крокер, он в жизни тебя не видал. Еще, говорит, ты мошенник, за тобой надо следить. Тут я и догадался, что к чему. А что, ловко ты это, в дом втерся! Хвалю.

Джимми не отвечал, обдумывая лихой контрудар Джека-Джентльмена. Невольно он восхитился простотой стратегии, тут была какая-то артистичность, достойная уважения.

— Слушай-ка, — продолжал Огден, — давай обсудим с тобой это дельце. Понимаешь, меня дважды крали, и все — им, ворам. Обнаглели, сил нету. Фиг они меня получат! Хоть бы немножко отстегнули. Обрыдло, сказать не могу! Крадут меня, крадут, а навар — другим. Ну, ладно, я твердо решил — следующий раз пускай берут меня в долю. Усек? Пятьдесят на пятьдесят. Согласен — валяй, похищай. Нет — сделка расторгается. Фиг ты меня тогда похитишь! Раньше, когда меня похищали, я совсем маленький был, а теперь — не дамся. Ну, чего скажешь?

Джимми подрастерялся. Видимо, он толком не проник в особенности этого характера. Чем ближе он знакомился с Огденом, тем больше ему нравился ее план. Все верно, только владелец собачьей клиники способен совладать с этим примечательным юнцом.

— Н-да, век коммерции.

— А то! Я человек деловой. Слушай-ка, а ты в одиночку работаешь или с Баком Маджинисом и его парнями?

— Н-нет… Маджиниса я не знаю.

— Он меня первый упер. Крутой парень. А вот потом — Фишер. Значит, ты с Сэмом?

— Нет.

— Так я и думал. Вроде он женился и отошел отдел. Жалко все-таки,

что ты не от Бака. Бак мне нравился. Когда я жил у него, он здорово меня развлекал. Когда меня от него забрали, газетенка одна интервью у меня взяла. Притопала такая тетя, наваляла статейку «Даже у похитителей под грубой кожей бьется нежное сердце». У меня в альбоме наклеено. Прям сейчас, нежное сердце! Нет, Бак — парень что надо. В кости с ним сражались, жвачку меня научил жевать. До смерти охота, чтобы он меня снова похитил. Ладно, от себя работаешь — мне без разницы. Половину отстегнешь, и привет.

— Занимательный ты юноша!

— Полегче, полегче! Сколько и так терплю, без наглостей твоих. Ну, как? Говорим конкретно. Согласен или нет? Решай.

— Решить легко. Обещаю тебе половину от того, что мне перепадет.

Огден с вожделением глянул на письменный стол.

— Расписочку бы, конечно. Ладно, в суде все равно не пройдет. Доверимся тебе на слово.

— Как говорится, воровская честность.

— Полегче! Кто тут воры? Обычная сделка. Я — ценный товар, черта с два даром уступлю! И как это я раньше не додумался? Ладно. Договорились. Теперь дело за тобой. План придумывай сам!

И, выдравшись из кресла, Огден удалился из библиотеки. Спустившись с галереи, Энн нашла Джимми в раздумье. На стук ее каблучков он поднял глаза.

— Что ж, это облегчает дело, — заметил он. — Решает проблему способа и средств.

— Это ужасно! Это губит все! Вам нельзя оставаться в доме! Сейчас же уезжайте. Вас разоблачат, арестуют!

— Это соображение побочное. Главное — провернуть дельце. А тогда уж будем думать, как быть со мной.

— Неужели вы не видите, какой это риск?

— Мне все равно. Я хочу вам помочь.

— А я не позволяю.

— Придется позволить.

— Что вы подумаете обо мне, если я разрешу пойти на такую опасность…

— Мои мысли не переменятся. Мнение уже сложилось, ничто его не поколеблет. Я вам еще на пароходе пытался сказать, да вы не дали. По-моему, вы — самая совершенная, самая чудесная девушка в мире. Я полюбил вас с первого взгляда тогда, в Лондоне. Мы были незнакомы, а я все понял. Именно вас я искал всю жизни. Господи вы еще рассуждаете о

риске! Разве вы не понимаете, что находиться с вами рядом, говорить, знать, что мы делаем общее дело — вполне достаточно? Для вас я готов на что угодно. Не думайте, что я отступлюсь из-за какой-то ничтожной опасности!

Энн, отойдя к дверям, смотрела на него широко раскрытыми глазами. С другими молодыми людьми — а их было предостаточно с самого первого ее появления в обществе — с другими, когда они так говорили, она держалась холодно и высокомерно, немножко их, возможно, и жалея, но не сомневаясь в собственных чувствах и в способности устоять перед их мольбами. Но сейчас сердце ее неслось скачками. Мало того — она побаивалась, что хладнокровная, сдержанная Энн Честер вот-вот окажется в очень глупом положении. Совершенно внезапно, без всякого предупреждения, она поняла, что в Джимми есть качество, которое находит в ней отклик. Что-то такое, бунтарское. В общем, они с ним — одного сорта. Мужчины редко ей нравились; она не могла определить — отчего, но ни один из тех, с кем она играла в гольф, ездила верхом, плавала на яхте, не вызывал отклика в ее душе. С тех пор как она узнала власть самоанализа, она поняла, что виновата некая ее изначальная черточка. Она не могла бы сказать какие качества ей требуются, но не сомневалась, что узнает их сразу. И сейчас она их узнала, безрассудство, бесшабашность, жизнерадостность — все было под стать ее озорному своеволию.

— Энн! — окликнул Джимми.

— Слишком поздно.

Она не собиралась отвечать так. Она хотела сказать, что это невозможно, об этом не может быть и речи. Но сердце вырвалось из-под контроля, подхлестываемое иронией событий. Теперь она знала, почему ее так тянуло к этому человеку. Они созданы друг для друга. Она загубила свое счастье.

— Я, — проговорила она — обещала выйти замуж за лорда Уизбича.

— Замуж! За Уизбича! — Джимми оцепенел, словно его ударили.

— Да.

— Но… когда?

— Только что. Всего несколько минут назад, когда везла его в отель, предложение он мне сделал еще до нашего отъезда в Англию, и я обещала дать ответ, когда вернусь. Но дни катились и катились. Меня что-то удерживало. А сейчас он начал уговаривать снова, нелепо было опять тянуть. Я и согласилась…

— Вы же не любите его! Не может быть… Энн открыто встретила его взгляд.

— Со мной будто что-то случилось в те несколько минут. Я не могла думать ясно. Недавно для меня замужество не играло большой роли. Лорд мне, в общем, нравился, симпатичный, спокойный. Я чувствовала, мы хорошо поладим и будем счастливы не хуже других. Брак наш будет счастливым, насколько вообще бывают счастливыми браки в наши дни. Вот так оно все и получилось.

— Вы не можете выйти за него замуж! Это бред какой-то!

— Я обещала.

— Так нарушьте обещание!

— Не могу.

— Нарушьте!

— Нет. Человек должен играть до конца.

— Но не в данном случае… — Джимми подыскивал слова. — Вы не должны… Это ужасно… именно в этом случае… — Он осекся, разглядев ловушку, в которую попал. Он не может разоблачить мошенника, не разоблачив себя. И это не все. Предубежденность против Джимми Крокера уходила корнями в дурацкую обиду, но с годами разрослась, и кто может знать, насколько сильна теперь!

Энн шагнула к нему, приостановилась в нерешительности и, точно бы отважившись наконец, подошла и тронула за рукав.

— Мне очень жаль!.. Наступило молчание.

— Простите.

Она отошла. Тихонько притворилась дверь. Джимми едва заметил, что Энн уже нет. Он опустился в кресло, любимое кресло Пэтта, и невидящим взглядом уставился в потолок. А потом — не то несколько минут спустя, не то несколько часов — очнулся от резкого щелчка дверной ручки. Он выпрыгнул из кресла. Может, вернулась Энн?

Нет. Не она. Из-за двери вопросительно высунулась светловолосая голова лорда Уизбича.

— О! — воскликнул пэр, узрев Джимми. И голова унырнула.

— А ну-ка, пойди сюда! — резко закричал Джимми. Голова вынырнула вновь.

— Меня зовешь?

— Тебя, тебя!

Вслед за верхним этажом показался и весь лорд, на вид — вкрадчивый и невозмутимый. Но в глазах его тлел опасливый огонек, и от двери он отдаляться не стал, придерживаясь за ручку. Вряд ли, думал он, Джимми прослышал о его беседе с хозяйкой, но в голосе у того перекатывались угрожающие нотки и лучше поостеречься. Безопасность превыше всего.

— Мне сказали, мисс Честер в библиотеке, — сообщил он, чтобы разрядить напряженность.

— А тебе что нужно от мисс Честер? Нет, какой гад! Какой змий! Одно слово, взломщик!

Даже самый солнечный оптимист и тот не сумел бы предположить, что с ним говорят по-дружески, с сердечной теплотой. Пальцы несчастного лорда крепче ухватили дверную ручку, скулы слегка зарделись.

— Что это все значит? — поинтересовался он.

— То, что ты — мошенник!

— Не ори так! — лорд Уизбич встревожился всерьез. — С ума ты, что ли, сошел? Еще услышат!

Джимми глубоко вдохнул и выдохнул.

— Надо мне держаться от тебя подальше. Иначе я за себя не отвечаю. Не хотел бы тебя убивать. Вернее, хотел бы, но не стоит.

Джимми медленно попятился, пока не наткнулся на письменный стол, за который и схватился мертвой хваткой, прочно встав на якорь. Он страшился опрометчивых поступков, но от вида Джека-Джентльмена кровь просто кидалась в голову. Один соперник оперся о стол, уцепившись обеими руками в массивную столешницу; другой накрепко держался за дверную ручку. В такой напряженной позиции и продолжилась беседа.

— Мисс Честер только что сообщила мне, — Джимми изо всех сил заставлял себя говорить спокойно, — что согласилась выйти за тебя замуж.

— Верно. Об этом объявят завтра. — Он чуть не сказал, что надо бы, как положено, прислать какой-нибудь подарок, но прикусил язык, не совсем нанимая, какие именно чувства испытывает враг. Казалось бы, с какой ему стати возражать против его брака с Энн? Но нет, он явно принял это близко к сердцу. При всей своей любви к тихим шуткам, лорд Уизбич рассудил, что, раз соперник фунтов на пятьдесят тяжелее и дюймов на шесть повыше, задираться не стоит.

— А что?

— Ничего завтра не объявят! — отрубил Джимми. — Потому что к завтрашнему дню ты будешь очень далеко. Конечно, если совсем не опупел.

— Э… э… ты про что?

— Про то самое… Выкатишься к завтраку! А то я тебя разоблачу.

Хотя нельзя сказать, чтоб лорд Уизбич находился на седьмом небе от счастья, но он расхохотался.

— Ты!

— Я.

— Да ты сам-то кто?
— Представь, племянник миссис Пэтт, Джимми Крокер.
— Так вот какой курс ты взял!
— Это правда.
— Отправишься, значит, к миссис Пэтт и заявишь, что ты ее племянник, а я мошенник?
— Именно.
— И думать забудь! — Уизбич веселился от души, забыв о всех тревогах. — Ничего, мысль неплохая, но я тебя опередил. Уже наведался к миссис Пэтт с этой самой историйкой. Отправился сразу после ленча. Думаешь, она тебе поверит? Не-ет! У этой дамы я котируюсь высоко. Тебе меня не обскакать!
— Представь, обскачу. По той причине, что я действительно Джимми Крокер!
— Ох! Прям сейчас.
— Тем не менее.
Улыбка Уизбича дышала терпимостью.
— Блеф — не грех, но — не сработало! Понятно, ты бы рад меня выпихнуть. Что ж, придумай чего поубедительнее.
— Какой блеф! Взгляни. — Джимми стянул пиджак и бросил лорду Уизбичу. — Изнутри, на подкладке кармана — ярлык портного. Там имя и адрес заказчика. «Д. Крокер. Дрексдел хаус, Гровнор сквер. Лондон».
Уизбич взял пиджак, посмотрел. Лицо у него немного вытянулось, но он еще не сдался.
— Тоже мне доказательство!
— Да? Подумай о репутации портного. Вряд ли он войдет в сговор с самозванцем. А желаешь доказательств покрепче, я тебе газетчиков приглашу, которые со мной работали. Сразу меня опознают. Или уже убедился?
Тут лорд капитулировал.
— Не разберу, что за идиотская игра! Почему тогда не сказал?
— У меня свои причины, какие — неважно. Суть та, что ты выметешься отсюда к завтрашнему утру. Доехало?
— Уловил.
— Вот, пожалуй, и все. Не хочу больше отнимать у тебя драгоценное время!
— Нет, послушай! — теперь Джек-Джентльмен говорил жалобно. — Дай мне хотя бы шанс уйти достойно! Дай время договориться, пусть приятель из Монреаля пришлет мне телеграмму, попросит выехать

немедленно. Иначе, считай, ты на меня копов напустил. Старушка здешняя знает, у меня в Канаде бизнес. Зачем уж так бесцеремонно меня вышвыривать?

Джимми задумался.

— Ладно, не возражаю.

— Спасибо.

— Но смотри, не затевай никаких фокусов!

— Не понимаю даже, про что ты!

— Кончай, друг моей юности, — Джимми указал на сейф. — Между нами секретов нет. Я знаю, ты охотишься за порошком, и ты знаешь, что я знаю. Сегодняшний вечер, пока ты в доме, проведешь у себя в комнате. Выспись хорошенько перед долгой дорогой. Понятно, старый приятель?

— Да-да…

— Тогда все. Намокай улыбочку на морду и сгинь с глаз моих.

Бабахнула дверь. Лорд Уизбич долго обуздывал чувства, но на прощанье не сумел отказать себе в небольшой демонстрации. Джимми пересек зал, поднял пиджак со стула… и тут его окликнули.

— Эй, слушай-ка!

Джимми круто обернулся; в зале, по всей видимости, было абсолютно пусто. Что за чертовщина?! Снова раздался голос,

— Ах, ах, ах, как смешно!

Говорили сверху. Про галерею Джимми и забыл и, обратив взор туда, обнаружил пухлую физиономию, маячившую над перилами на манер химеры.

— Ты чего там прячешься? — возмутился он.

— Покурить заскочил.

— Как туда попал?

— А дверь тут есть, прямо с лестницы. Я сюда часто забегаю, сигаретку спокойно выкурить. Чего ты устраиваешь? Похититель, видите ли! Дуришь, как последнего болвана! Значит, ты и вправду — Джимми? Тогда чего ребенка обманывать? Про долю в выкупе? Ай, устал я от тебя!

Физиономия скрылась, и Джимми услыхал тяжелый топот. Стукнула дверь. В библиотеке воцарился мир.

Джимми уселся в любимое кресло Пэтта, которое обычно занимал Огден. От стремительного разворота событий у него слегка плыло в голове. Ему хотелось обдумать положение.

В круговороте сбивчивых происшествий ясно было одно: он упустил шанс, теперь не удастся похитить Огдена. Все устраивалось так просто и красиво до последней минуты, но теперь, раз мальчишка раскусил, кто он,

нечего и пытаться. Джимми никак не желал мириться с фактом. Наверняка даже сейчас способ есть… И вдруг его озарило. Превосходнейший план! Правда, тут требуется пособничество отца. Жизнь мчалась теперь таким галопом, что он, собственно, не успел задуматься над удивительнейшей загадкой. Каким манером здесь оказался отец?

Хорошо бы понезаметнее встретиться с ним. Спускаться в буфетную, или где там он обретается в новом своем воплощении, нельзя. Тут возникла счастливая мысль: можно попросту позвонить в звонок для прислуги. Конечно, есть риск, что придет другой слуга, но попробовать стоит. И он позвонил.

Вскоре дверь открылась. Джимми обернулся и увидел никак не отца, а жуткую особу неопределенного возраста, одетую как горничная. Его душе, терзаемой муками совести, показалось, что она глядела неприязненно и подозрительно. Ему не понравились ни сурово поджатые губы, ни бусинки глаз под нависшими бровями. Словом, редко встречал он таких непривлекательных дам.

— Звънили, сэр?

Сморгнув, Джимми почти утонул в кресле. Слова пальнули по нему картечью.

— Э… а… да…

— Чтъ жълаете?

Усилием воли он привел смятенный ум в равновесие. — О… э… Пожалуйста, пришлите ко мне Скиннера, дворецкого.

— Слъшсь, сэр.

Призрак исчез, а Джимми, вынув платок, промокнул лоб. Его охватило чувство вины, точно кто-то обвинил его в безымянном преступлении, а он не может обвинение отрицать. Такова была магическая мощь левого глаза, когда он смотрел прямо на предмет. Подумать страшно, что было бы, если бы грозная сыщика смотрела на мерзавца-мужчину, паля из двух стволов. Сейчас половина заряда расходовалась впустую, изрешетив зону в нескольких футах от цели.

Вскоре дверь отворилась снова и появился Крокер, похожий на благожелательного священника.

ГЛАВА XIX

— Ну, Скиннер, как жизнь? — поинтересовался Джимми. Крокер осторожно огляделся. Священническое обличье свалилось, точно мантия, и он прыгнул к сыну.

— Джимми! — схватив руку сына, он яростно потряс ее. — Слушай-ка, до чего ж здорово тебя видеть!

Джимми высокомерно выпрямился.

— Скиннер, добрый мой старый слуга! Вы забываетесь. Вас вышвырнут отсюда, если вы будете так фамильярно обходится с гостями, — он хлопнул отца по спине. — Ну, пап! Как ты-то тут очутился? Давай, выкладывай, почему ты дворецкий? Когда приехал?

Крокер скромно пристроился на краешке стола и, покачивая ногой, сиял улыбками.

— Это все твое" письмо! Слушай-ка, Джимми! Не нужно тебе было удирать из-за меня.

— Понимаешь, решил, у тебя больше шансов стать пэром, если я не буду под ногами крутиться. Между прочим, папа, а как мачеха приняла эту историю с лордом Перси? На счастливое лицо Крокера набежала тень.

— И вспоминать не хочется… Разозлилась из-за Перси — ужас! И из-за того, что ты сбежал в Америку. Черт побери, что же она чувствует теперь, когда и я смотался! Представить, страх берет!

— Кстати, ты еще не объяснил. Как ты тут оказался?

— Тоска взяла по родине. Со мной всегда так в бейсбольный сезон. А после разговора с Пэттом совсем уж невмоготу стало.

— Когда ты умудрился с ним поговорить? Ты его, что, в Лондоне встречал?

— Не то слово! Я этих Пэттов самолично в дом пустил!

— Вот это да!

— Подошел как раз к парадной двери, на погоду взглянуть — проверить, сильный ли ночью шел дождь, на крикет не хотел идти, и только-только подошел — звонят. Я и открыл…

— Гадость какая! Папа, мне стыдно за тебя! В Палате лордов такого не потерпят!

— Ну вот, я и моргнуть не успел, как они уже приняли меня за дворецкого. Я не хотел, чтоб твоя мачеха узнала, что я дверь открыл — ты ж помнишь, какая она чувствительная — и решил: ладно уж, подыграю им.

А по дороге в гостиную не удержался и спросил старикана, как идет бейсбольный чемпионат. Его это так ублажило, что он сходу предложил мне у них служить, если я захочу сменить место. А тут еще твое письмо, что ты отплываешь в Нью-Йорк. Ну, я и не вытерпел. Надоел мне этот Лондон. Ушмыгнул, почти сразу за тобой, и явился прям сюда. Приплыл на «Кармантике». Пэтты сразу дали мне место. — Крокер примолк, святой свет энтузиазма преобразил простые черты его лица. — Слушай-ка, Джимми, я ведь матчи смотрю чуть не каждый день! Ну, Ларри Дойл! Ну, гоняет он противников! А уж этот Клемм! Одно слово, молоток. Глянь-ка сюда! — соскочив со стола, он сгреб охапку книг и начал раскладывать их на полу. — В шестой двое парней стояли на базах, а этот, как уж там его, схватил биту… Послал мяч в центр «ромба», вот, где эта книженция…

— Эй-эй! Возьмите себя в руки, Скиннер. Нельзя так швыряться хозяйскими книгами! — Джимми расставил книги по местам. — Тише, папаша. О бейсболе поговорим в другой раз. Скажи мне лучше вот что, какие у тебя планы? Ты уже заглядывал в будущее? Не намерен же ты служить дворецким всю жизнь! Когда возвращаешься в Лондон? Свет на лице Крокера померк.

— Н-де, вернуться, конечно, надо. Но не сейчас же! Ведь «Гиганты» ведут счет в Лиге!

— И ты просто смылся от мачехи, ничего не сказал?

— Записку ей оставил. Сообщил, что уезжаю в Америку отдохнуть. Да, Джимми, думать жутко, что она со мной сотворит, когда доберется до меня…

— Папа, не падай духом! Объясни, что место женщины дома, а мужчины — на бейсбольном поле.

— Хорошо так говорить, — Крокер сомнительно покачал головой, — когда ты за три тысячи миль от дома. Но ты, Джимми, не хуже моего знаешь, что с твоей мачехой, хотя женщина она замечательная, не очень-то разгуляешься. Взгляни хоть на ее сестрицу. Правда, ты в доме недолго, может, и не заметил, до чего она похожа на Юджинию. Такой же тиран. Старик Пэтт — чистый подкаблучник. Знаешь, наверное, и я тоже. Есть такие мужчины, которые рождены, чтоб их подминали властные женщины. Я — из них, а твоя мачеха — из этих самых женщин. Да-а, достанется мне… Все, что причитается. Значит, надо побольше развлекаться, пока я тут!

В том, что говорил Крокер-старший, была своя правда, и Джимми это признал. Он сменил тему.

— Ладно, неважно. Какой смысл тревожиться о будущем? Скажи,

папа, где это ты научился говорить: «Кушать подано, мадам?». Так ловко дворецкого изображаешь!

— Бейлисс меня в Лондоне научил. А потом, я ж играл дворецких!

Джимми помолчал.

— А не случалось ли тебе, папа, играть похитителя детей? — осведомился он.

— Как не случаться! Ты что, Эда забыл?! Помнишь, пьеска у нас шла, «Выход — тут»? Ты же видел меня в ней.

— А, да, да, — покивал Джимми. — Помню, была у тебя такая роль. Ты выходил на темную сцену…

— Вспыхивал свет…

— И ты брал под прицел всю команду, пока они не проморгались. Играл ты, папа, потрясающе!

— Хорошая была роль, что говорить! — скромно согласился Крокер. — Эффектно сделана. Да, я мог бы еще разок сыграть похитителя. Есть в них что-то такое…

— И сыграешь. Я ставлю маленький скетч, главная роль там — похититель.

— Скетч? Ты, Джимми? Где ж это?

— Да здесь, в этом доме. Называется «Похищение Огдена». Премьера сегодня вечером.

Крокер тревожно взглянул на своего единственного сына, подозревая, что тот бредит.

— Любительский спектакль? — предположил он.

— В том смысле, что гонорара не заплатят — да. Пап, ты ведь знаешь этого Огдена? Так вот, дело просто. Я хочу, чтобы ты его похитил.

Крокер тяжело опустился на стул и помотал головой.

— Не понял…

— Да, конечно. Я еще и объяснять не начал. Пап, надеюсь, пока ты шатался по дому, ты заметил девушку с золотисто-рыжими волосами?

— Энн Честер?

— Да. Энн Честер. Я женюсь на ней, папа.

— Джимми!

— Правда, она этого пока не знает. Теперь слушай меня внимательно. Пять лет назад Энн Честер выпустила книгу стихов. Вон, стоит на полке, минуту назад ты клал ее вместо второй базы. Так вот, тогда я работал в газете и тиснул разносную рецензию. Ясно?

— А Энн затаила на тебя злобу?

— Именно. Запомни это, потому что тут — корень, из которого

расцвела вся эта история.

— Не понимаю! — перебил его Крокер. — Ты говоришь, у Энн на тебя зуб. Как же так получилось, что утром, когда я впускал вас, вы были в самых лучших отношениях?

— Я ждал, что ты про это спросишь. Понимаешь, она не знает, что я — Джимми Крокер.

— Но ты же назвался Джимми Крекером!

— Правильно. Тут сюжет густеет. Я познакомился с Энн в Лондоне, мы плыли на одном пароходе, выяснилось, что Джимми Крокера она ненавидит больше всех в мире. Я и назвался другим именем. Я для нее — Бейлисс.

— Что?!

— Так уж получилось. Надо было придумать что-то быстренько, на ходу. Клерк в пароходной компании ждал, чтоб вписать мое имя в билет. А я только что разговаривал с Бейлиссом по телефону, ну, его имя и выскочило. Знаешь, как оно бывает. Теперь смотри, как все развернулось дальше. Старик Бейлисс приходит на Паддингтон проводить меня. Энн видит меня там, кричит: «Добрый вечер, мистер Бейлисс!» Натурально, Бейлисс откликается. Оставалось выдать его за моего отца, что я и сделал. А Энн решила, что некий человек по фамилии Бейлисс катит в Америку за счастьем. Переходим к третьему акту. Случайно я встретил Энн, приглашаю в кафе. Пока мы ели, подскочил этот урожденный идиот Реджи Бартлинг, которому непонятно с чего приспичило поехать в Америку. Ну, обратился ко мне по имени. Я понимал — стоит Энн узнать, кто я на самом деле, она больше и не взглянет в мою сторону. Поэтому я окинул его надменным оком и ответил: «Обознались, приятель». Бедняга уковылял, может — уже покончил самоубийством, а мы с Энн остались обсуждать столь необычное совпадение: я — двойник мерзкого Джимми Крокера! Не упустил еще нить моей истории?

Крокер, слушавший со сосредоточенным вниманием, быстро кивнул.

— Пока все понятно. Но зачем ты оказался тут, в этом доме?

— А это уже акт четвертый, я как раз к нему подхожу. Оказалось, что Энн — самая добрая девушка на земле. Она решила, что, ради Огдена, надо вырвать его из семьи, где его балуют и губят, и отвезти к ветеринару. Тот подержит мальчишку у себя, пока не вобьет в него достойные принципы. Напарником ее был Джерри Митчелл.

— Джерри!

— Которого, как ты знаешь, вчера отсюда выгнали. На его долю выпадала черная работа. Теперь его уже не используешь, и я вызвался

занять его место. Вон я, пожалуйста!

— Ты что, собираешься похитить мальчишку?

— Нет. Его похитишь ты.

— Я?!

— Ну да. Вроде бенефиса, выступишь в роли, которая принесла тебе славу. Позволь объяснить дальше. Не буду вдаваться в подробности, но Огден разнюхал, что я действительно Джимми Крокер, и теперь отказывается иметь со мной дело. Сначала я обманул его, уверил, что я — профессиональный похититель, и он предложил отдать ему половину выкупа. На этих условиях он согласен, чтоб его похитили.

— Ничего себе!

— Да, такой вот сообразительный юноша, битком набит свежими идеями. А теперь, все разнюхав, он не хочет действовать со мной заодно. Значит, ты меня подменишь. В пятом акте, который развернется сегодня вечером, когда дом отойдет ко сну, звездой станешь ты. До завтра откладывать нельзя. Узнав, что лорд Уизбич — мошенник, Огден, пожалуй, кинется со своим предложением к нему.

— Лорд Уизбич! Мошенник!

— Самого худшего разбора. Его цель — выкрасть эту взрывчатку. Игру я ему заблокировал, и он может переметнуться на Огдена.

— Джерри, если этот субъект — мошенник… Кстати, откуда ты узнал?

— Сам мне сказал.

— Почему же ты не разоблачишь его?

— Потому что для этого, Скиннер, добрый мой друг, мне придется объяснить, что я — настоящий Джимми Крокер, а пора еще не приспела. И, по моим прикидкам, не приспеет, пока ты не похитишь Огдена. Тогда я смогу подойти к Энн и сказать: «Может, в прошлом я вас обидел, но сейчас оказал большую услугу. Так что, похороним прошлое!» Теперь ты сам видишь, папа, все зависит от тебя. Я не прошу тебя ни о чем особенном. Сбегаю сейчас в меблирашки и расскажу Джерри Митчеллу, как мы все организуем. Пусть дожидается у дома, в машине. От тебя только и потребуется зайти к Огдену в образе Эда и проводить его в машину. А потом ложись и спи себе на здоровье. Главное — убедить Огдена, что ты профессиональный похититель. Тогда все сойдет гладко. Ты помни, он только и мечтает, чтоб его похитили. Конечно, ты справишься с такой легкой, привлекательной работой. Тебе самому приятно еще разок сыграть эту роль.

Джимми затронул нужную струнку. Глаза у его отца загорелись,

ноздри защекотал запах театра.

— Бандиты мне всегда удавались… — раздумчиво произнес он. — Да, очень удавались.

— Вот именно. Взгляни на это под правильным углом! Я тебе добро делаю.

— А загримироваться нужно? — Крокер потер шею указательным пальцем.

— А как же!

— Значит, сегодня вечером?

— Часа в два ночи, я думаю.

— Я согласен!

Джимми схватил его за руку.

— Я знал, папа, что могу на тебя положиться! Крокер следовал своему ходу мыслей.

— Темный парик… синий подбородок… брови погуще… Да, в самый раз… В точности, как у Эда. Слушай-ка, Джимми, а как мне к твоему Огдену подобраться?

— Все будет в порядке. Подождешь в моей комнате, пока не наступит время. Это, считай, твоя гримерная.

— А из дома как с ним выберемся?

— Вон, через эту дверь. Я велю Джимми ждать на боковой улочке с двух часов ночи.

— По-моему, нормально…

— Да, я все учел.

— Сбегаю в город, куплю грим.

— А я — к Джерри. Крокера осенила идея.

— Посоветуй, пускай он тоже загримируется. А то мальчишка его узнает, а потом донесет.

Джимми восхитила сообразительность отца.

— Ну, пап, молодец! А мне и в голову не пришло… У тебя прямо талант к преступлениям!

Крокер скромно ухмыльнулся.

ГЛАВА XX

Крепость заговора зависит от крепости всех его звеньев. Блистательнейшие замыслы расползаются, если хоть одно из звеньев страдает умственной отсталостью, а среди заговорщиков — человек вроде Джерри Митчелла.

Селестина, урожденная Мэгги О`Тул, которую Джерри любил до одури, лишаясь и той скромной доли интеллекта, которая была ему отпущена природой, вошла в комнату экономки около десяти вечера. Вся прислуга ушла в кино, сидела тут только новенькая горничная, читавшая томик Шопенгауэра.

Лицо у Селестины разрумянилось, темные волосы растрепались, глаза сияли. Дышала она учащенно, левую руку прятала за спину. Новенькая ей не понравилась. Такая внешность не располагает к откровенности, но Селестине не терпелось поделиться секретом, а массовый исход выбора ей не оставил. Приходилось либо запереть секрет в трепещущей груди, либо выложить его этой слушательнице. В подобных обстоятельствах не заколебалась бы ни одна чувствительная девушка.

— Знаете… — приступила Селестина.

От Шопенгауэра нехотя поднялось лицо. Сверкающий глаз встретил взгляд Селестины. Второй глаз, не менее блестящий, уперся в потолок.

— Знаете, а я сейчас на свиданье была. С моим парнем, на улице… — с лукавой усмешечкой продолжила Селестина. — Ой, он такой шикарный!

Тонкогубый рот неодобрительно фыркнул. Но Селестину распирали новости, фырканье ее не испугало.

— Ну и что? — вопросила последовательница Шопенгауэра.

— Это Джерри Митчелл. Вы ведь его не видели? Ой, какой парень!

Теперь Селестина-Мэгги добилась безраздельного внимания. Новая горничная отложила книгу на стол.

— Да-да? — подбодрила она.

Утаивать сюрприз Селестина больше не могла. Спрятанная рука вынырнула на свет. На пальчике поблескивало колечко.

— Красивенькое правда? — спросила Мэгги, в благоговейном восторге глядя на него, и еще с минутку посозерцала искрящееся великолепие.

— Ой, я не могу! — продолжала она. — Звонит мне, значит, и просит чтоб я вышла к черному входу. Хочет мне кое-что сказать. Войти-то он не

может, его ведь уволили. Ну, я выскакиваю, а он уже ждет! «Привет», — говорит, а я отвечаю: «Нахал какой!» А он: «Слышь-ка, у меня тут кое-что есть. Имею полное право нахальничать». Лезет в карман и достает колечко! Это самое. Я спрашиваю: «А чего это?» А он говорит: «Обручальное кольцо. Для тебя, если носить пожелаешь». Я прям ослабла вся, чуть наземь не грохнулась. А он, глядь, уже надевает мне его на палец…

Селестина скромно умолкла.

— Нет, правда, красота! — она полюбовалась снова. «Повезло — говорит — мне». Я спрашиваю: «Работу, что ли нашел?» А он: «Нет, не нашел. Сегодня вечером проделаю одну штуку, и мне отвалят столько, что смогу завести этот самый санаторий». Знаете, он всегда мечтал о такой ферме на Лонг-Айленде. Он все знает про тренировки и про здоровье, боксером ведь был. Я спрашиваю, что за штука, но он не говорит. Обещался рассказать, когда поженимся. Прям завтра пойдет покупать лицензию.

Селестина ждала поздравлений, с надеждой глядя на слушательницу.

— Пхе! — коротко бросила та и снова уткнулась в Шопенгауэра. Она была явно не из приятных.

— Нет, правда — красота? — спросила обескураженная Селестина. Новенькая издала непонятный горловой звук, саркастически хмыкнула и добавила потише, Селестина едва расслышала, да и то вряд ли правильно:

— Всъх пръпеку!

ГЛАВА XXI

Улица спала. Луна отсвечивала в темных окнах и на пустынных тротуарах. Шел второй час ночи. Порочные Пятидесятые еще сверкали огнями и шумели фокстротами, но в добродетельных Сотых, где располагался особняк Пэттов, царило добропорядочное сонное царство. Лишь случайный рокот проезжавшей машины нарушал тишину, да любовный вопль кошачьего Ромео, пробиравшегося на свиданье по закраине стены.

Джимми не спал. Усевшись на край кровати, он смотрел, как отец наносит последние штрихи грима, творя и создавая зверски устрашающую наружность. Широкими жирными мазками Крокер превращал себя в Эда, Короля Похитителей. С первого взгляда на него даже самый тупой зритель понял бы, что с ним не стоит гулять ночами по безлюдным аллеям и проулкам.

Крокер и сам это видел.

— Одно, Джимми, плохо, — сетовал он, смотрясь в зеркало, — не напугаю ли я его до полусмерти? Может, предупредить как-нибудь?

— А как? Уведомление послать?

Крокер с сомнением оглядел мерзостную физиономию, таращившуюся на него из зеркала.

— Опасно все-таки набрасываться с такой рожей на ребенка. Вдруг с ним припадок случится?

— Смотри, как бы с тобой не случился. Не страдай, папа, за Огдена. Уж кто-кто перепугается, только не он!

На туалетном столике стоял пустой бокал. Крокер грустно покосился на него.

— Зря ты, Джимми, вылил вино. Я б хлебнул. Для храбрости.

— Какая чушь! С тобой все в порядке. Пришлось вылить. Я сейчас не пью. Долго ли продержался бы, стой оно рядом и улыбайся мне? Неизвестно. Я дал себе зарок не опускаться больше до уровня животных, которые выпивают. Видишь ли, у моей будущей жены твердые воззрения на этот счет, и я не хочу рисковать. Соблазн — дело хорошее, но не на собственном столике. Тебе, папа, пришла недурная мысль поставить вино туда, но…

— Что? Я вина не приносил.

— А я думал, такие услуги входят в твои обязанности. Разве не

дворецкий снабжает благородных и достойных? Ладно, неважно. Сейчас оно увлажняет почву под окном. Соблазн с моего пути устранен. Как-то лучше без соблазнов, — Джимми взглянул на часы. — Так. Пожалуй, что и пора. — Он подошел к окну. — Внизу ждет машина. Думаю, это Джерри. Приступай, папа. Да, кстати, скажи-ка Огдену, что ты от такого Бака Маджиниса. Последний раз его похищал именно Бак, и между ними завязалась крепкая дружба. Главное для визитера — достойные рекомендации.

— Однако! — Крокер-старший кинул в зеркало последний взгляд. — Встреть я себя на пустынной дороге, напутался бы!

Приоткрыв дверь, он прислушался. Откуда-то дальше по коридору доносился приглушенный храп.

— Третья дверь налево, — напомнил Джимми. — Третья! Посчитай. Смотри, не перепутай!

Толстеньким привиденьем Крокер выскользнул в темноту, и Джимми тихонько прикрыл за ним дверь.

Запустив своего покладистого родителя на стезю преступления, он выключил свет и вернулся к окну. Высунув голову на улицу, он на минутку отдался романтическим мечтаниям. Какая тихая ночь! Сквозь деревья огромными светляками светили фары. Ниже по реке задумчиво прогудел пароход. Какая прелесть! Джимми мог бы стоять тут вечно, уносясь в мечтах, но он знал, что пора идти в библиотеку. Ему выпало закрыть стеклянные двери за отцом и Огденом, и он намеревался пока что спрятаться на галерее. Главное — не допустить, чтоб его заметил Огден.

Прикрыв дверь, Джимми спустился вниз. В доме не было и признака жизни. Все замерло. Он разыскал лестницу и полез на галерею.

Там было пыльно. От запаха старой кожи Джимми задыхался. Он осторожно сел на пол, прислонился головой к нижней полке и стал гадать, как продвигается беседа между Эдом и его жертвой.

Между тем Крокер, в маске до ушей, пробирался к двери, указанной Джимми. Стояла могильная тишина. Веселый энтузиазм, с каким он ринулся в это дело, уже совсем растаял. Теперь, когда он попривык к новизне роли, брала верх его респектабельность. Одно дело играть Эда на сцене бродвейского театра и совсем иное — давать представление в реальной жизни. Когда он на цыпочках крался по коридору, перед ним четко встали ужасающие последствия его действий в случае провала. Он повернул бы назад, если б не мысль, что Джимми надеется на него, что там — от успеха зависит счастье сына! Подстегиваемый такими соображениями, Крокер приоткрыл дверь нужной комнаты — тихонько,

дюйм за дюймом — и наконец вошел.

Мягко прокравшись к кровати, он гадал, как же действовать поосторожнее, чтоб, не дай Бог не напугать ребенка, но тут его избавили от беспокойств. С внезапностью разорвавшейся бомбы вспыхнул свет и какой-то голос крикнул: «Руки вверх!»

Когда Крокер проморгался и глаза у него привыкли к свету, он увидел, что Огден сидит на кровати с револьвером в руке. Оружие свое ребенок поставил на коленку, и дуло смотрело незваному гостю прямо в обширный живот.

Какие бы мучительные думы того ни терзали, о таком повороте он и не помышлял и растерялся вконец.

— Ты поосторожнее! — хрипло проговорил он. — А то еще выстрелит!

— Ну и что? — хладнокровно отозвался Огден. — Я — с безопасного конца. Зачем явился? — Он любовно оглядел смертоносное оружие. — Получил на купоны от сигарет, кроликов стрелять. А тут такой шанс! Могу пальнуть в человека.

— Ты что, убить меня хочешь?

— Ну!

Грим потек разноцветными жирными каплями, но маска помешала Огдену полюбоваться этим зрелищем. Он с интересом разглядывал посетителя. Вдруг его осенило.

— Слушай-ка, ты что, похищать меня явился?

На Крокера нахлынуло облегчение — так иногда бывало на сцене, когда память подводит, а партнер подбросит нужную реплику. Мы не скажем, что он совсем очухался, под дулом револьвера в себя не придешь, но все-таки дышать стало полегче.

— Ну, держись! — сиплым басом прохрипел он. — Сейчас тебя выволоку.

— Рук не опускать!

— Ах ты, какой сердитый! — прорычал Крокер. — Револьверчик может пальнуть! Слушай, а ты подрос с последнего раза, как мы тебя похищали.

Огден, как по волшебству, стал дружелюбным.

— Так ты что, от Бака Маджиниса?

— А то! — Крокер благословлял вдохновение, подсказавшее Джимми прощальный совет. — От Бака.

— А чего Бак сам не пришел?

— Занят. На другой работе.

К глубочайшему его облегчению, Огден опустил револьвер.

— Хороший парень. Мы с ним старые кореша. Читал в газете, как он меня тот раз похитил? Заметка у меня в альбоме наклеена.

— А то!

— Тогда порядок. Сейчас, минутку. Оденусь и двинемся.

— Ты потише только! Без шума!

— Это кто шумит? Слушай, а как ты сюда забрался?

— Через библиотеку.

— Всегда знал, что туда может влезть грабитель! Не пойму, чего эту дверь решетками не заберут?

— Внизу нас ждет тачка.

— Ого, клево! — одобрил Огден, натягивая рубашку. — А кто у тебя напарником? Я его знаю?

— Не. Новый один.

— А-а. Между прочим, я и тебя что-то не помню.

— Не помнишь? — в замешательстве переспросил Крокер.

— Хм, может из-за маски. Ты — кто?

— Эд, прозвище — Чикаго.

— Не помню никакого Эда Чикаго…

— Ничего, — утешил он, — теперь запомнишь! — Крокера озарила счастливая мысль.

Огден подозрительно рассматривал его.

— А ну, сними маску! Хочу взглянуть!

— Нельзя.

— Откуда мне знать, что ты по-честному играешь? Крокер пошел ва-банк.

— Ну, ладно. — Шагнул он к двери. — Тебе решать. Считаешь, нечестно? Так я сматываюсь!

— Эй, эй, минутку! — Огден не желал, чтоб рассыпалось выгодное дельце. — Я ж против тебя ничего не имею. Чего в бутылку лезешь?

— Передам Баку, не сумел захватить тебя. — Крокер сделал еще шаг к двери.

— Эй, стой! Ты чего?

— Идешь со мной?

— Конечно, если ты согласен на мои условия. Бак мне отстегивает половину.

— Ладно. Ровно половину того, что получит.

— Ну, договорились! Погоди, башмак натяну и двинулись. Готов!

— Потише ты!

— А что, по-твоему, мне делать. Петь, что ли?

— Степ отбивать! — пошутил Крокер.

Они осторожно выбрались из комнаты. На минутку Крекеру показалось, что чего-то не хватает, но только у лестницы он сообразил, чего именно. Не гремели аплодисменты, а эпизод их заслуживал.

Джимми в галерее услыхал, как тихонько скрипнула библиотечная дверь и, выглянув между балясин, увидел два неясных силуэта: один большой, другой поменьше. Они пересекли зал.

До него донесся шепот.

— Ты вроде говорил, тут влез.

— Ну!

— А чего ж она заперта?

— Вошел — и запер за собой.

Раздался слабый скребущий звук, за ним щелчок. Темноту комнаты рассеял свет луны. Силуэты исчезли. Джимми прикрыл стеклянные двери. Не успел он запереть их, как из коридора явственно донеслись шаги.

ГЛАВА XXII

Первым вспыхнул грубый инстинкт самосохранения. Думать он мог сейчас только о том, что от него потребуют объяснений, если его тут застукают; а потому, надо избежать всяких встреч. Одним прыжком очутился он на лестнице и достиг укрытия в тот миг, когда открывалась дверь. Он замер, сейчас его окликнут. Нет, все-таки успел во время, и снова стало тихо. В зале по-прежнему было темно, и это подало ему утешительную мысль: пришелец, равно как и он, не желает нарываться на любопытных. В припадке первой паники он решил, что его присутствие в библиотеке не выдержит яркого света расследований. Но теперь, спрятавшись на галерее, невидимый снизу, он принялся обдумывать действия вошедшего и вывел новое заключение.

Прежде всего, любой честный человек сразу же включил бы свет. И вряд ли честный крался бы так. Что ж, ясно! Пока он, перегнувшись через перила, пытается разглядеть что-то в потемках, внизу творятся темные делишки. Едва он пришел к такому выводу, как ум его сделал следующий виток, и он догадался, кто пожаловал в зал. Конечно же старый его приятель, лорд Уизбич, Джек-Джентльмен! Джимми даже удивился, как это он сразу не сообразил. А еще больше он удивился, что после недавнего разговора в этом самом зале мнимый пэр все-таки осмелился на грабеж.

В эту минуту темноту пробил луч. Пришелец зажег электрический фонарик, и Джимми увидел, что не ошибся. Да, это Уизбич. Он стоял на коленях перед сейфом. Что он там делал, видно не было, все загораживала его спина. Фонарик освещал мрачное лицо, совсем не похожее на приветливую, слегка придурковатую маску, которую молодой лорд являл миру. Пока Джимми наблюдал, в озерке света, скрытого от него, что-то случилось. Джек-Джентльмен удовлетворенно крякнул, дверца сейфа распахнулась. В воздухе едко потянуло горелым металлом. Джимми в таких делах не разбирался, но читать о современных взломщиках читал, и догадался, что лорд работает кислородно-ацетиленовой паяльной трубкой. Она резала сталь как сыр.

Фонарик осветил распахнутый сейф, рука нырнула туда и вытащила что-то, зажав в кулаке. Бережно и осторожно, Уизбич спрятал неопознанный предмет в нагрудный кармашек. Потом выпрямился, выключил фонарик и двинулся к стеклянной двери, бросив все оборудование у раскуроченного сейфа. Поднял жалюзи, отодвинул

шпингалет. Джимми показалось, что пора вмешаться.

— Аи, я-я-яй, — мягко пожурил он.

Это оказало на лорда ошеломительный эффект. Он конвульсивно скакнул от двери и, перекрутившись по собственной оси, прочесал фонариком каждый уголок.

— Кто там? — выдохнул он.

— Твоя совесть!

При осмотре лорд пропустил галерею. Теперь он направил яркий луч туда, осветив местечко на противоположном конце от Джимми. В руках у него появился пистолет, он неуверенно водил им вслед за лучом.

— Кидай пистолет и фонарь! — приказал Джимми, лежа плашмя на полу. — Держу тебя под прицелом!

Фонарик блеснул над головой, но перила балюстрады его прикрывали.

— Даю пять секунд! Не бросишь — стреляю!

Начиная счет, Джимми от всего сердца жалел, что увлекся драматизмом момента и влип в такую ситуацию. Ведь проще простого на самый прозаический манер разбудить весь дом! Что, если блеф не удастся? Что, если и через пять секунд лорд не бросит пистолет? Лучше бы сказал — десять! Как доказывали недавние события, Джек-Джентльмен предприимчив. Вполне может пойти на риск. Или вообще не поверил, что Джимми вооружен. Это ведь только слова. Вдруг у лорда не больше наивной, простой веры в слова, чем норманской крови?

— Че-ты-ре! — проворковал Джимми, смакуя каждую буковку.

И замер, не дыша. К его несказанному облегчению пистолет и фонарик одновременно стукнулись об пол. В мгновенье ока Джимми пришел в себя.

— Иди и встань лицом к стене! — отрывисто скомандовал он. — Подними руки!

— Зачем?

— Хочу посмотреть, сколько у тебя еще пистолетов.

— Да нет их больше…

— Проверю. Пошевеливайся!

Джек-Джентльмен нехотя повиновался. Когда он достиг стены, Джимми спустился, включил свет, стал ощупывать его карманы и почти тут же наткнулся на что-то тяжелое и металлическое.

Он укоризненно покачал головой.

— Ах, как ты небрежен! К чему столько оружия? «Я сына своего растил не для войны, не для стрельбы…» Теперь можешь повернуться. Опусти руки.

Джек-Джентльмен оказался натурой философского склада. Горестные сожаления уже миновали. Он присел на подлокотник кресла, окинув Джимми совсем не враждебным взглядом и даже слабо улыбнулся.

— А я-то считал, обставил тебя! — признался он. — Наверное, ты все-таки умней, чем я думал. Вот уж не предполагал, что ты догадаешься, не станешь пить.

Джимми все понял.

— Так это ты притащил ко мне коктейль? Снотворного туда подсыпал?

— А ты что, не знал?

— Да-а, — протянул Джимми. — Я и не ведал, что добродетель в нашем мире так быстро вознаграждается. Нет, я ничего не заподозрил, просто решил — хватит с меня выпивок.

Его собеседник засмеялся. Води с ним Джимми более близкое знакомство, это встревожило бы его. Друзья знали: если Джек-Джентльмен заливается мерзким смехом, значит — за пазухой у него припрятан не менее мерзкий сюрпризец.

— Сегодня ночью тебе везет! — сообщил Джек-Джентльмен.

— Видимо, да.

— Однако ночь еще не кончилась…

— Почти утро. Ступай, положи пробирку. Ты что, думаешь, я забыл про нее?

— Какую еще пробирку?

— Кончай, приятель! Ту, с патриджитом. Она у тебя в нагрудном кармане!

Снова закатившись хохотком, Джек-Джентльмен двинулся к сейфу.

— Аккуратненько смотри положи, на верхнюю полку!

И тут каждый нерв в его теле встрепенулся. Воздух разодрал оглушительный вопль. Джек-Джентльмен, явно спятив, орал во все горло:

— Помогите! Помогите!

Беседа до сей поры велась полушепотом, и внезапные вопли оглушили Джимми, как взрыв. Они прокатывались по библиотеке, сотрясая стены.

На минуту Джимми оцепенел, но тут случилось совсем уж дикое. В руку ему прыгнуло что-то живое, крутящееся, и он поймал себя на том, что обалдело глядит на дымящуюся дырочку в ковре. Таков был эффект внезапного крика, непредвиденной атаки, что Джимми напрочь позабыл, что держит в руках пистолет и нажал курок.

В ту же минуту все завихрилось и забурлило. Джимми получил оглушительный удар в челюсть. Он пошатнулся, а когда опомнился, на

него смотрел черный глазок пистолета, который минуту назад чуть не продырявил ему ногу. Поверх дула мрачно улыбалось ироническое лицо Джека-Джентльмена.

— Я ж предупреждал, ночь еще не кончилась!

Удар в челюсть временно затуманил умственные способности Джимми. Он стоял, изо всех сил стараясь взять себя в руки, ну хоть избавиться от ощущения, что голова у него вот-вот оторвется. Отступив к столу, он оперся на него.

Сзади спросили:

— Этъ еще чтэ тъкое?

Он обернулся. Любопытная процессия входила через открытые двери. Первым шел Крокер, по-прежнему в жуткой маске, следом субъект с лохматой бородой в больших очках — прямо машина, вынырнувшая из стога! — за ним — Огден; а замыкала шествие здоровенная, решительная особа с блестящими, несколько вразброд глазами и большим револьвером в твердой руке — воплощение современной женщины, которая не терпит глупостей. Процессия хорошо вписывалась в атмосферу страшного сна, который никак не кончался. Особа показалась Джимми той самой горничной, которая сперва явилась на звонок, а потом прислала его отца. Однако он знал, что этого быть не может. В горничных он не разбирался, но все-таки понимал, что они не разгуливают в глухую полночь, вооружившись револьвером.

Пока он лихорадочно распутывал этот бред, отыскивая в нем смысл, дверь распахнулась, и в зал ввалилась разношерстная толпа, разбуженная криками о помощи. Джимми обернулся и увидел тетю, двух-трех гениев, Уилли Патриджа. Все они были в той или иной степени раздеты и все недоумевали.

Командование мгновенно и безапелляционно приняла на себя особа с револьвером. Она крикнула:

— Двъръ закрыть! Дверь послушно закрыли.

— Тък, — приказала она. — А тъперь, этъ чтъ тькое? — она повернулась к Джеку-Джентльмену.

ГЛАВА XXIII

Джек-Джентльмен, опустив револьвер, ждал возможности приступить к объяснениям с тем несносным видом, какой бывает у людей, когда они намерены сообщить, что выполнили свой долг и не требуют благодарности.

— Кто вы? — осведомился он.

— Нъ важно, — оборвала, мисс Тримбл. — Мъсвис Пэтт все знаът.

— Надеюсь, вы не обиделись, лорд Уизбич, — вступила миссис Пэтт из группки от дверей. — Я наняла детектива вам в помощь. Подумала, в одиночку вам не справиться. Надеюсь, вы не возражаете…

— Что вы, миссис Пэтт! Наоборот, очень умно.

— Рада, что вы так считаете.

— Превосходный ход.

— Чтъ этъ знъчит? — перебила мисс Тримбл обмены любезностями. — Кък тък — пъмочь?

— Лорд Уизбич любезно вызвался охранять взрывчатку моего племянника, — пояснила миссис Пэтт.

Джек-Джентльмен скромно улыбнулся.

— Надеюсь, что хоть немного помог. Кажется, пришел я сюда вовремя, взгляните, — указал он на сейф. — Уже успел взломать! К счастью, при мне был пистолет. Я взял негодяя под прицел и позвал на помощь. Еще минута, и он бы улизнул!

Подойдя к сейфу, мисс Тримбл осмотрела его, нахмурясь так, словно это ей не понравилось. Пробурчав что-то, она вернулась и окну, признав:

— Нъчъго ръбътенка!

Вперед выступила Энн. Лицо у нее пылало, глаза горели.

— Вы хотите сказать, что застали Джимми, когда он взламывал сейф? — спросила она. — Что за нелепость! В жизни ничего подобного не слыхала!

— Энн, это не Джеймс Крокер! — вмешалась миссис Пэтт. — Это самозванец! Он втерся в дом, чтобы украсть изобретение Уилли. — Она ласково взглянула на Джека-Джентльмена. — Лорд Уизбич мне все объяснил. Днем он просто притворился, будто его узнал.

Огден удивился, из его открытого рта донеслось бульканье: поворот событий ставил его в тупик. Разговор, подслушанный им в библиотеке, открыл ему, что Джимми — настоящий, а лорд — фальшивый, и он не мог

понять, отчего же тот не представит теперь доказательств. Он не подозревал, что в голове у Джимми едва-едва рассеивался туман после удара в челюсть. Сам Огден готовился категорически отрицать все, если Джимми призовет его как свидетеля. Нельзя же, в конце концов, чтоб дельце вытаскивали на свет божий!

Энн смотрела на Джимми полными ужаса глазами. Первый раз ей подумалось, как мало она его знает. А что, если он и правда проник в дом, чтобы выкрасть этот порошок? Она боролась, как могла; внутренний голос напоминал ей, что она сама предложила ему назваться Джимми Крокером. Да, да, но как быстро, как охотно он согласился на этот безумный проект! Такой ли уж безумный? Не стало ли это прикрытием для другой авантюры? Если лорд Уизбич застал его в зале у взломанного сейфа, какое другое можно найти объяснение?

И тут же, вместе с убежденностью, что он — преступник, пришла уверенность: она его любит. Увидев его в беде, она четко увидела и это. Энн подошла и встала рядом с ним, чтобы как-то ему помочь, но не зная, что сказать. Тогда она взяла Джимми за руку, беспомощно ожидая неизвестно чего.

Зато Джимми от прикосновения ее пальцев сразу очнулся. Вдруг, как от толчка, он пришел в себя. Как сквозь туман, до него доносились какие-то слова, но сам заговорить он не мог. Теперь, совершенно неожиданно, Джимми вновь обрел все способности и с жаром кинулся в битву.

— Да, Господи! Все наоборот! Это я застал его у сейфа!

— Очень правдоподобно! То есть, я хочу сказать — какая нелепая выдумка!

— Смешно! — согласилась миссис Пэтт, повернулась к мисс Тримбл и махнула рукой. — Арестуйте этого человека!

— Мънутку! — отозвалась здравомыслящая девица, задумчиво ковыряя в зубах дулом револьвера. — Мънутку! Нъдо внъкнуть. Пъслушать обе върсии.

— Нет, вы подумайте, какой абсурд… — вкрадчиво начал Джек-Джентльмен.

— Зъткнись! — отозвалась справедливая сыщица. — Зъкройсъ и слушай.

— Я знаю, что ты этого не делал! — сказала Энн и крепче сжала руку Джимми.

— Полъгчъ, полъгче! — вынув револьвер изо рта, девица ткнула им в него же. — Чть мъжешь скъзать? Бъстро!

— Спустился я сюда случайно…

— Зъчем? — рявкнула мисс Тримбл, будто взорвала бомбу. Джимми запнулся. Он предвидел немалые сложности.

— Случайно, — повторил он. — Этот человек вошел через несколько минут с электрическим фонарем и паяльной трубкой и стал возиться у сейфа.

В повествование вмешался изысканный Джек-Джентльмен.

— Нет, ну действительно! Зачем время терять! — Он повернулся к мисс Тримбл. — Лично я спустился на шум, а не оказался тут случайно, по какой-то неведомой причине. Лежал без сна, и что-то привлекло мое внимание. Миссис Пэтт известно, что этого субъекта я подозревал давно. Ждал, что он попытается выкрасть взрывчатку. Поэтому я взял пистолет и потихоньку спустился в библиотеку. Когда вошел, сейф был взломан, а вот он бежал к двери.

Мисс Тримбл ласково погладила дулом подбородок, задумалась на минутку и набросилась на Джимми, словно гремучая змея.

— А! — орала она. — Пъпался! На мъсте застигли, ясно!

— Нет! — закричала Энн.

— Да! — отрубила миссис Пэтт. — Дело очевидное.

— Думаю, самое лучшее, — вмешался опять Джек-Джентльмен, — пойти и позвонить в полицию. Я пошел.

— Ах, лорд Уизбич! Вы думаете обо всем! — восхитилась хозяина.

— Ну, что вы, что вы!

Джимми смотрел, как лорд направился к дверям. В глубине сознания у него барахталось чувство, что он избавился бы от всех неприятностей, вспомни только какой-то ускользающий факт. Нет, все еще мешали последствия удара. Он силился сообразить — и не мог. Джек-Джентльмен уже достиг двери, открыл, но тут раздалось тявканье, до сих пор заглушаемое дубовой панелью и громкими голосами. Джек-Джентльмен торопливо прихлопнул дверь.

— Слушайте, там эта собачонка! — жалобно оповестил он. Царапанье деловитых лапок по дереву заглушало его слова. Лорд в замешательстве огляделся.

— Там собака! — мрачно повторил он.

Что-то подалось в сознании Джимми. Простенькая верткая деталька далась в руки.

— Не выпускайте его! — закричал он. — Я вспомнил! Говоришь, ты застиг меня у взломанного сейфа? Говоришь, шум услышал? Хорошо! А что тогда делает в твоем кармане пробирка? — Джимми развернулся к мисс Тримбл. — Не верьте на слово ни мне, ни ему. Есть простой способ

выяснить, кто мошенник. Обыщите нас обоих. — Джимми поспешно начал выворачивать карманы.

— Смотрите тут, и тут, и здесь! А теперь попросите, пусть сделает то же самое!

Он обрадовался, заметив тревогу, пробежавшую по спокойному до сих пор лицу. Мисс Тримбл уставилась на его светлость с внезапным подозрением.

— Тък что? — сказала она. — Слышь, как тъбя — теперь ты! Дай взглънуть, что тъм в кармане.

— Я не могу допустить… — Джек-Джентльмен заносчиво выпрямился.

— Неслыханно! — негодующе поддержала миссис Пэтт. — Лорд Уизбич старый друг…

— Пълегче! — перебила ее мисс Тримбл, чей левый глаз уподобился глазу василиска. — Все ръвно пъкажешь, Билл, тък чтъ шустрей дъвай!

На лице Джека-Джентльмена заиграла усталая улыбка. Пресыщенный аристократ, молчаливо протестующий против того, что не принято, запустил изящные пальцы в карман. Вынув пробирку и высоко подняв ее, он заговорил с такой медлительностью и таким хладнокровием, что Джимми даже восхитился:

— Ла-а-адно! Проиграл — так проиграл.

Сенсация, произведенная этими словами и действиями, точнее всего характеризуется словом «сногсшибательно». Миссис Пэтт приглушенно вскрикнула. Уилли Патридж тявкнул, как собака. У гениев разом вырвались резкие изумленные восклицания.

Джек-Джентльмен подождал, пока улегся переполох, и проговорил мягким речитативом:

— Но я еще не сдался. Сейчас я выйду через стеклянную дверь. Если кто-то попытается остановить меня, это будет последний его или ее, — он вежливо поклонился мисс Тримбл, — поступок на этом свете. Если кто-то сделает хоть шаг, чтобы помешать мне, я брошу пробирку, и дом взлетит на воздух!

Если его первое выступление произвело впечатление на аудиторию, второе начисто парализовало ее. Тишина наступила, как в могиле. Не затихало лишь тявканье Аиды.

— Стой! — приказала мисс Тримбл, когда оратор двинулся было к двери. Она навела на него револьвер, но, впервые в эту ночь, а может — и в ее жизни, приказ прозвучал нерешительно. Даже ее, при всей ее сверхловкости, ситуация поставила в тупик.

Джек-Джентльмен медленно двинулся через залу, держа пробирку наотлете указательным и большим пальцами. Он поравнялся с мисс Тримбл, та опустила револьвер и отшатнулась, явно не зная, как действовать в столь кризисном положении, но тут распахнулась дверь и мелькнуло лицо Говарда Бемиса, поэта.

— Миссис Пэтт, я позвонил… Его прервали:

— Гав! Гав! Гав!

Радуясь устранению преграды, Аида прокатилась через щель меховой муфтой, почему-то снабженной лапами и пастью, и ринулась через зал туда, где соблазнительно маячили лодыжки Джека-Джентльмена. С самой первой их встречи она ждала своего шанса, но ей вечно ставили препоны.

— Черт! — завопил Джек-Джентльмен.

Слова его потонули в обвальном шуме. Из каждого горла вырвался вопль, взвизг или вскрик: пробирка, выскользнув из пальцев, описала в воздухе параболу…

Энн кинулась к Джимми, он крепко ее обнял, а сам закрыл глаза, подумав мельком, что если ему суждено умереть сейчас, то лучшей смерти нельзя и желать.

Пробирка стукнулась о письменный стол, разлетелась на миллион осколков. Джимми открыл глаза. Обстановка осталась прежней: он живой, зал в целости и сохранности. Никого не разорвало на куски… Только одной деталью пейзаж отличался от того, каким был минуту назад. Тогда его украшал Джек-Джентльмен, теперь — нет.

Глубокий вздох прошелестел по залу. Стояла тишина… Потом с улицы донесся рев рванувшегося с места автомобиля. Бородач в очках из процессии мисс Тримбл издал протяжный вопль.

— Э-эй! Он укатил на моей тачке! А я ее напрокат нанял! Крик точно снял оцепенение. Один за одним компания приходила в себя. Мисс Тримбл, эта необыкновенная девушка, опомнилась первой. Она поднялась с пола, куда, перепутав все на свете, кинулась для большей безопасности и, резкими взмахами руки отряхнув юбку, снова приступила к делу.

— Дъ, дура я… Бъмба-тъ фальшивая! — горестно прокомментировала она и поразмышляла с минуту. — Зъкройте двери, въшвырнъте събачонку! Невъзможно дъмъть, къда над ухом тявкают.

Бледная, испуганная миссис Пэтт взяла Аиду на руки. Энн высвободилась из объятий Джимми. Она не смотрела на него. Застенчивостью она никогда не отличалась, но сейчас многое бы отдала, лишь бы очутиться где-то в другом месте.

Мисс Тримбл снова приняла командование. Затихло вдали тарахтенье

мотора. Джек-Джентльмен исчез из жизни. Факт этот ее огорчал.

— Смълсь! — кисло признала она. — Тъперь снъва мвжем дълом заняться. Вот что, — обратилась она к хозяйке, и та нервно вздрогнула. Пройдя посреди сени смертной и осознав теперь, что она — одно целое, а не тысячи кусочков, несчастная лишилась обычной властности. — Вът чтъ. Тут шла двойная игра. Этът лърд — только первая часть. Пъреходим ко второй. Видите мъшенников? — Сыщица ткнула револьвером в Крокера и его бородатого компаньона. — Пътались пъхитить въшего сына.

— Огги! — пронзительно вскрикнула мать.

— Да брось ты! — беспокойно пробормотал Огги. Он предвидел неловкие минуты и старался сосредоточиться, бросив всю мощь ума на то, как сыграть роль. Вот-вот, предполагал он, Эд кинется приуменьшать собственное преступление, притворяясь, будто это он, Огден, пригласил его сюда. Надо стоять намертво. Отпираться от всего — вот лучшее оружие.

— У мъня были пъдъзрения, — продолжала мисс Тримбл, — что нъчью въкинут трюк, и я къраулила снаружи. Вон тът тип, — она ткнула в бородача, который жалобно моргал через очки, — ждъл в машине на углу битый час. Я слъдила за ним. Ръскусила его фъкос. А пътом выбъгает мъльчишка с этъ вът страшилой, — она ткнула в Крокера. — Эй, ты! А ну, скидай маску! Пъгъвърим с тъбой!

Крокер нехотя стянул с лица завесу.

— Тьфу! — в сильнейшем отвращении плюнула мисс Тримбл. — Слъшь-ка, у тебя чума, чтъ ли? На ръзноцветную къртинку пъхож, из юмъристичского пръложения, — она подошла в съежившемуся Крокеру и мазнула когтистым пальцем по щеке. — Грим! — скривилась она на запачканный палец.

— Скиннер! — ахнула миссис Пэтт. Мисс Тримбл вгляделась попристальнее.

— И то пръвда. Если чуть пъмыть, он съмый и есть, — она повернулась и бородачу. — Нъвърняка этът кустарник тоже фълышивка! — она дернула бороду несчастного Джерри и та осталась у нее в руках, обнаружив квадратный подбородок.

— Если у тъб пърик, бъдет гълъва болеть! — И запустив пальцы в роскошную шевелюру, она с силой дернула. — Тък… А-а, пъричок! Очки дъвай! — она мрачно обозревала результаты своих трудов. — Слышь-ка, а ты не дърак. В бъръде връде пълучше. А этого никто не знает?

— Это Митчелл, — сообщила миссс Пэтт. — Тренер моего мужа.

Развернувшись, мисс Тримбл подошла к Джимми и многозначительно

постучала револьвером по его груди.

— Интъресно! — заметила она. — Тъперь пънятно, как ты тут очътился пъка тът тип возился с сейфом. Сдъется мне, ты заъодно с ними!

Джимми ощутил, что он — на грани кризиса; это часто бывает на гладкой тропке жизни. Скрывать от Энн, кто он, невозможно. Он готовился заговорить, когда вмешалась она сама:

— Тетя Неста! Я не могу допустить, чтоб это продолжалось. Джерри Митчелл не виноват. Это я приказала ему похитить Огдена!

Последовала неловкая пауза. Миссис Пэтт нервно засмеялась.

— Моя дорогая, иди-ка лучше спать. Ты перенесла жестокий шок. Ты сама не своя!

— Это правда! Я ему приказала. Правда, Джерри? Мисс Тримбл жестом остановила Джерри.

— Тъбе и пръвда в кръватку пора, как тетя вълит, — поддержала она. — Значът, пъхитить пръкъзала? Ну, а нъсчет Скиннера? Ему-то ты не вълела?

— Я… э… — начала Энн. Насчет Скиннера она не знала ничего.

На помощь подоспел Джимми. Он и думать не хотел, как она примет новость, но ради нее самой знал, что надо открыть все. Только очень жестокий человек мог не отозваться на немую мольбу загримированного лица. Крокер-отец был крепкий орешек и не проронил бы словечка без знака от Джимми, даже чтобы спастись от тюрьмы. Но он надеялся, что сын заговорит.

— Все очень просто, — вмешался Джимми, изображая небрежность, тут же рассыпавшуюся прахом под оком мисс Тримбл. — П-просто… Я и правда, Джимми Крокер, — он избегал взгляда Энн. — Не пойму, из-за чего вся эта суета поднялась.

— Тъгда чъво в зъговор впутался, мъльчишку пъхищать?

— Конечно — ха, ха! — на первый взгляд это и непонятно, и требует объяснений…

— Пръзнаешься, знъчит?

— Да. В общем, это я подал идею похитить Огдена. Хотел переправить его в собачью лечебницу, — Джимми попытался выжать веселую обаятельную улыбку, но, встретив взгляд левого глаза, отказался от попытки и носовым платком вытер со лба бисеринки пота. Какая нелепость! Как сложно объяснять самые простые факты. — Сперва я должен кое-что объяснить, — продолжал он. — Скиннер — да, да, вон он — мой отец.

У миссис Пэтт перехватило дыхание.

— Скиннер — дворецкий моей сестры!

— В каком-то смысле это правильно, — согласился Джимми. — История довольно запутанная. Получилось, видите ли, так…

Мисс Тримбл издала презрительное восклицание.

— В жъзни не видъла тъких бълтливых типов! Не пойму, чъ ты выляешь! Слышь-ка, — она ткнула в Крокера, — этъ събъекта ръзыскивают за что-то в Англии. У нас в кънторе есть его фъть. Наъвернъ, ложки слямзил или еще чъ. Слышь-ка, — она пронзила одного из гениев властным взглядом, — пора и тъбе на чъ-тъ сгъдиться. Стъпай, звякни в «Астор». Там жъвет дъма, котор ищщет этъ жулика. Она к «Андерсону» обрътилась, а тот пъредал дело нам. Велела звънить в любой мъмент. Днем или нъчью. Ръзыщи ее по тълъфону, пъскай катит сюда на тъкси. Онъ знает.

— Кого спросить? — замялся у порога гений.

— Миссис Крокър! — сообщила сыщица. — Миссис Бингли Крокер! Передай, ръзъскали субчика!

Гений вышел в дверь, пятясь задом. Донесся вопль боли.

— Извините! — пробормотал он.

— Чтъ, не видъшь, къда идешь?

— Виноват!

— Бррр!

В зале появился Пэтт, подпрыгивая на одной ноге. Другую, в шлепанце, он нянчил в руке, на ходу пытаясь массировать. Сразу стало заметно, что этот мягкий и добросердечный человек в дурном расположении духа. Он оглядел собравшуюся компанию.

— Что тут творится? Я терпел, сколько мог. Но разве заснешь в таком гаме!

— Гав-гав! — Аида залилась лаем в объятиях хозяйки.

— Уберите вы эту псину! — взорвался Пэтт. — Вышвырните ее! Сделайте с ней что-нибудь!

Миссис Пэтт растерянно моргала, никогда прежде не видела она его таким. Что же это, честное слово? Точно кролик разъярился! После всех происшествий ночи это доконало ее. За всю свою замужнюю жизнь она его не узнала. С покойным Фордом, человеком вспыльчивым, Неста управлялась неустрашимо, а уж слабовольного Пэтта просто топтала ногами. Но теперь она испугалась. Новый Пэтт был страшен.

ГЛАВА XXIV

Поразительной его метаморфозе способствовало несколько причин. Прежде всего, из-за внезапного увольнения Джерри, он два дня не делал упражнений, к которым привык, а это раздражало и душу, и тело. Уныло размышляя о том, как все несправедливо, он почти настроился на восстание. А тут, как иногда случалось, когда он нервничал, ко всем его бедам добавился приступ подагры. По природе терпеливый, Пэтт и снес бы испытания безропотно, если б ему дали поспать ночью. Однако не успел он задремать, беспокойно провертевшись с боку на бок часа два, как в библиотеке поднялся шум. Он проснулся, смутно ощущая, что внизу бушует шторм.

Душа его от всех этих бед была в таком состоянии, что сначала даже крики о помощи не возбудили в нем интереса. Он не сполз с кровати. Он знал, что ходить ему очень больно, и не желал терпеть новые муки из-за того, что кого-то убивают в библиотеке. А вот пронзительных тявканий Аиды нервы его не выдержали, и он приковылял вниз, отнюдь не в благодушном состоянии. Он не собирался спасать неизвестного, вставать между убийцей и жертвой. Нет, он шел для того, чтобы угомонить собаку. Однако, на пороге библиотеки, гений отдавил ему больную ногу, распылив тем самым его гнев, как-то рассредоточив. Злость уже не сосредотачивалась на Аиде. Ему захотелось наброситься на всех разом.

— Что тут творится? — клокотал Пэтт. — Объяснит кто-нибудь? Мне тут, что, всю ночь торчать? А это кто? — сверкнул он глазом на мисс Тримбл. — Зачем у нее револьвер? — Он неосторожно споткнулся о больную ногу и взвыл от боли.

— Питер, это детектив, — робко пояснила жена.

— Детектив? С какой стати? Откуда она взялась? Теперь за объяснения взялась сама сыщица.

— Мъссис Пътт пъслала за мной, чтъб въшего сънка не похитили.

— Огги! — вступила миссис Пэтт. — Мисс Тримбл охраняла нашего Огги.

— Зачем?

— Чтобы его не похитили, Питер…

Пэтт оглядел толстого пасынка, потом взгляд его упал на жалкую фигуру Джерри Митчелла, и он вздрогнул.

— Мальчишку он похищал?

— Съмо събой! — отрубила мисс Тримбл. — Зъстукан на мъсте пръстъпленья. Пъджидал на улъце в мъшине. Зъдер-жала его, и вън того, с ръвольвером. Пръвезла сюда.

— Джерри, — сказал Пэтт, — не твоя вина, что тебе не удалось. Я поступлю с тобой по-честному. Ты бы сделал это, не помешай они тебе. Ты получишь деньги на эту ферму, не волнуйся. А теперь — все спать! Больше вам тут делать нечего!

— Слъш-ка! — в гневе вскричала сыщица. — Вы чъто, не станьте дело възбъждать? Дъ он мъльчишку чуть не пъхитил!

— Я сам ему приказал, — огрызнулся Пэтт.

— Питер!

Пэтт обернулся на жену, словно лев-маломерок. Воспоминания обо всем, что он выстрадал от Огдена, укрепили его решимость.

— Два года я тебя уговаривал отослать его в хороший пансион, но ты не соглашалась. Я не мог дольше выносить, как он слоняется по дому, и велел Джерри Митчеллу отвезти его к своему приятелю. Тот держит собачью лечебницу на Лонг Айленде. Мы бы его попросили, чтобы он подержал Огдена у себя, вбил в него разум. На этот раз ты испортила дело, вызвала эту особу, но ничего, все поправимо. Даю тебе выбор. Или на следующей же неделе ты отсылаешь мальчишку в пансион, или он отправляется в собачью лечебницу. Больше терпеть его в доме я не намерен! Вечно разваливается в моем кресле, курит мои сигареты… Что выбираешь?

— Но, Питер…

— Отвечай!

— Если я отправлю Огги в пансион, его могут похитить!

— Ну и что? Он только того и хочет! В любом случае платить буду я. И с радостью заплачу. Отправь его в постель немедленно! А завтра подыщем для него школу. О, Господи! — Пэтт подскакал на одной ноге к письменному столу и сморщился, в отвращении глядя на беспорядок. — Что за помойка! Кто устроил? Единственная комната в доме, которую я попросил для себя, чтоб сидеть тут в покое! И ее превратили в свинюшник! Да еще дрянь какую-то по всему столу рассыпали! Кофе, что ли?!

— Питер, это не кофе, — слабо пискнула миссис Пэтт. Пещерный человек, за которого она вышла замуж, полагая, будто он — ласковое домашнее животное, лишил ее всякого запала. — Это взрывчатка.

— Взрывчатка!

— Лорд Уизбич, то есть человек, который выдавал себя за лорда, швырнул ее туда.

— Швырнул?! Отчего же она не взорвалась? Почему обломки дома уже не улетели за реку?

Миссис Пэтт беспомощно взглянула на Уилли. Тот запустил пальцы в лохматые волосы и выкатил глаза.

— К счастью, дядя Питер, случилась легкая ошибка в формуле, — объяснил он. — Завтра проверю все снова. Толи тринитротолуол…

Пэтт взревел, как раненый зверь. Он колотил стиснутыми кулаками по воздуху. На него налетел припадок безумия.

— Так эта… эта рыба, этот недоумок… жил за мой счет столько времени… я ему устраивал сладкую жизнь… а он копался со взрывчаткой, которая не взрывается?! — Пэтт ткнул обвиняющим пальцем в изобретателя. — Завтра проверишь? Да, проверишь! После шести часов. А до шести, как миленький, будешь вкалывать у меня в конторе! Поработаешь в первый раз в жизни! Давно тебя туда следовало засадить! — Пэтт воинственным взором окинул зал. — А теперь, все — в постель! Дайте людям хоть немного отдохнуть! А вы — домой! — приказал он сыщице.

— Хвътит гръбить, мист Пътт, — хладнокровно сказала она. — Мне тожъ нужно пъспать. Но я останусь тут. Из «Астьора» едът дама, опъзнать того мъшенника. Ръзыскива-ла его, кък-нъкак.

— Что? Скиннера?

— Еслъ он Скиннър.

— Что он сделал?

— Нъ знаю. Она скъжет.

В парадную дверь раскатисто позвонили.

— Она, скърей всъго, — объявила мисс Тримбл. — Кто дверь откроъет? Я не могу.

— Я, — вызвалась Энн. Пэтт кинул на Крокера подбадривающий взгляд.

— Не знаю, что вы натворили, Скиннер, но я буду стоять за вас. Вы лучший болельщик, каких я встречал. Если сумею, от тюрьмы спасу.

— Мне не тюрьма грозит, — скорбно отозвался Крокер. В дверях появилась высокая, красивая, решительная дама. Она встала у порога, оглядывая зал. Глаза ее упали на Крокера. С минуту она недоверчиво смотрела на его разноцветное лицо, потом подошла поближе, всматриваясь.

— Знаъте его, мъм? — осведомилась мисс Тримбл.

— Бингли?!

— Его ръзыскъвали?

— Это мой муж! — воскликнула миссис Крокер.

— За этъ ареста не пълъгаеся, — недовольно пробурчала сыщица и спрятала револьвер обратно, в недра костюма.

— Пъхоже, мъгу идти, — сурово нахмурилась она. — Ну, ръботка! В жизнъ такой не бъло! Пръказали слъдить за шайкой, я слъжу, нъ сплю — а у них, окъзъвътся, съмейная въчъринка! — Она ткнула пальцем в Джимми. — Знъчит, вът этът — сын вън тъго?

— Это мой пасынок Джимми Крокер!

Энн коротко вскрикнула, но вскрик затерялся в оглушительном фырканьи. Сыщица повернула к стеклянным дверям.

— Пъду скъреe, — бросила она напоследок. — А то окажътся, я вашъдочкъ Дженни.

ГЛАВА XXV

Миссис Крокер повернулась к мужу.

— Ну, Бингли, — не без суровости бросила она.

— Что, Юджиния?

Странный свет сиял в добрых глазах Крокера. Только что он видел чудо. Женщину, еще более грозную, чем его жена, укротил мужчина, еще более робкий, чем он. Это его потрясло. Ему и в голову такое не приходило, но вот, значит — возможно! Чуточку решимости и дело в шляпе. Он покосился на Пэтта. Тот сокрушил сестру Юджинии тремя твердыми фразами. Значит, возможно…

— Что скажешь, Бингли? Крокер подобрался.

— Только одно! Я — американский гражданин и мое место в Америке! Не стоит, Юджиния, мусолить этот вопрос. Извини, если расстраиваю твои планы, но в Лондон я не вернусь! — Он бестрепетно оглядел онемевшую жену. — Я остаюсь тут. И буду ходить на матчи. А потом, заметь — чемпионат Америки!

Миссис Крокер открыла было рот, захлопнула его, снова открыла… И обнаружила, что сказать ей нечего.

— Надеюсь, — продолжал он — у тебя хватит ума остаться по эту сторону океана. Тогда мы будем счастливы. Извини, что я так говорю, но слишком уж мучила меня. Ты женщина, тебе не понять, каково это — пять лет не видеть бейсбольных матчей. Поверь, это выше сил человеческих! Я чуть не умер. Не хочу рисковать снова. Согласен мистер Пэтт держать меня в дворецких — останусь у него. А нет, найду работу еще где. Но в любом случае, я остаюсь здесь!

Пэтт издал одобрительный вопль.

— Старина, в моем доме для вас всегда есть место! Когда у меня такой дворецкий…

— Бингли! Как ты можешь? Служить дворецким…

— Вы бы посмотрели на него! — с восторгом откликнулся Пэтт. — Он чудо! Такую церемонность изобразит, точно с одними герцогами водился. А потом сорвется, да и швырнет кукурузный початок прямо в судью! Замечательный человек!

Похвала пропала впустую, миссис Крокер разразилась слезами. Муж неловко на нее смотрел и решимость его испарялась.

— Юджиния… — тихо сказал он и отер ей глаза.

— Я не вынесу! — рыдала несчастная. — Сколько я старалась все эти годы! А теперь, когда успех совсем близко… Бингли, вернись! Осталось совсем немножко! — И она умоляюще посмотрела на мужа.

— Немножко? А драка с этим лордом Перси?.. Я понимаю, Джимми, у тебя, конечно, были веские причины, но это прихлопнуло крышку… Уж, конечно, теперь шансов не осталось.

— Осталось! Осталось! Драка ничему не повредила. На другой же день лорд Перси явился к нам — с подбитым глазом, бедняжка. Он сказал, что Джимми — настоящий спортсмен, он хочет с ним поближе познакомиться. Джимми ему очень понравился. Он просил научить его какому-то там удару, свингу, что ли. Драка расположила его к Джимми! Леди Корстофайн говорит, герцог Дивайзис прочитал отчет о сражении премьер-министру, и оба хохотали до упада. С герцогом чуть удар не приключился.

Джимми был глубоко тронут. Он и не подозревал, что в его сопернике горит спортивный дух.

— Молодец, Перси! — воскликнул он. — Папа, ты должен вернуться! Это по-честному.

— Ты-то уж мог бы понять! Между «Гигантами» и «Филадельфией» всего одно очко, а «Храбрец» дышит им в затылок! Сезон в разгаре!

— Бингли, это же совсем ненадолго! — умоляюще смотрела на него жена. — Леди Корстофайн говорит, твое имя непременно появится в следующем списке. Она знает все. Потом езди себе в Америку, сколько хочешь. Будем проводить лето тут, а зиму в Англии, или где тебе захочется.

Крокер капитулировал.

— Ладно, Юджиния! Едем!

— Бингли! Нам придется вернуться первым же пароходом. Все недоумевают, куда ты подевался. Я объясню, что ты в поместье отдыхал. Если ты сразу не появишься, заподозрят неладное!

Лицо Крокера исказили муки. Он никогда не испытывал такой любви к жене, как сейчас, когда она пролила неожиданные слезы и просит-молит об одолжении. Перед ним встал образ матча в теплый денек — но он его подавил.

— Хорошо. Едем.

— К чемпионату успеете вернуться, — утешил Пэтт.

— И то правда! — просветлел Крокер.

— А я буду каждый день телеграфировать тебе, папа, — пообещал Джимми.

Миссис Крокер взглянула на него, и счастливое ее лицо подернулось тучкой.

— А ты, Джимми, разве остаешься? Не вижу смысла. Тебе надо тоже вернуться. Если ты решил изменить образ жизни…

— Изменить я решил, но только здесь, в Нью-Йорке. Дядя Питер хочет дать мне работу у себя в конторе. Начну снизу и пробьюсь до самого верха.

Пэтт хрюкнул от восхищения. Он испытывал примерно то, что испытывает проповедник, когда видит, как заполняется скамья раскаявшихся грешников. Обретя Уилли Патриджа, которого он намеревался привести в царство высоких финансов, начиная с надписывания адресов, он был вполне доволен. Но то, что Джимми, имея выбор, выбрал контору, просто восхитило его. Он только что не затанцевал на больной ноге.

— Не беспокойся обо мне, папа. В Америке легче легкого сколотить состояние. Утром я наблюдал за дядей Питером в конторе. У него только и дел посиживать за столом красного дерева, а уж рассыльный передает посетителям — ушел, мол, на целый день. Работа прямо по мне!

ГЛАВА XXVI

Джимми взглянул на Энн. Они остались одни. Пэтт ушел наконец досыпать. Миссис Крокер уехала в отель, Крокер смывал у себя в комнате грим. После их ухода наступила тишина.

— Вот и конец чудесного дня, — заметил Джимми. Энн шагнула к двери.

— Не уходите! Энн остановилась.

— Мистер Крокер!

— Джимми, — поправил он.

— Мистер Крокер, — твердо повторила она.

— Или Алджернон, если вам больше нравится.

— Могу я спросить, — Энн пристально смотрела на него, — могу я спросить…

— Почти всякий раз, как люди начинают так, жди какого-нибудь подвоха…

— Могу я спросить, почему вы пустились в такие хлопоты, чтобы выставить меня дурой? Разве нельзя было сказать с самого начала, кто вы?

— А разве вы забыли все гадости, которые регулярно говорили про Джимми Крокера? Я думал, если вы узнаете правду, вы сразу от меня отвернетесь.

— И были абсолютно правы!

— Но вы же не допустите, чтобы случай пятилетней давности повлиял на наши отношения!

— Я никогда не прощу вас!

— А вот с полчаса назад, когда бросили взрывчатку, вы кинулись но мне!

Энн полыхнула заревом.

— Я равновесие потеряла!

— Может, не стоит его восстанавливать?

— Вы совершили жестокий, бессердечный поступок, — Энн закусила губку. — Какое имеет значение, сколько лет прошло? Если вы были способны на это тогда…

— Энн, Энн, где ваш разум? Разве вы не признаете перевоспитания? Возьмите хоть свой случай! Пять лет назад вы были сентиментальной поэтессой. А теперь! Похитительница детей, умная, прелестная, при чьем приближении все кидаются запирать дверь на ключ. А я… Да, пять лет

назад я был бессердечным животным. Но зато теперь — трезвый деловой человек, специально вызванный своим дядей, чтобы вытащить гибнущую фирму из трясины! Почему бы не похоронить прошлое? Оно мертво. Кроме того — не из похвальбы, просто хочу обратить внимание… кроме того, подумайте, что я для вас сделал! Вы сами признавали, что под моим влиянием характер ваш круто поменялся. Если б не я, вы так бы и кропали стишата. Да еще верлибр! Я вас спас, а вы презрительно пинаете меня!

— Я вас ненавижу!

Джимми, подойдя к письменную столу, снял с полки томик.

— Положите на место!

— Хочу почитать вам «Похороны любви», чтобы проиллюстрировать свою точку зрения. Посмотрите на себя, какая вы сейчас, и вспомните, что совершенствованию способствовал я. Ага, вот! «Похороны любви»! «Сердце мое мертво…»

Энн выхватила у него книжку, швырнула ее, и та, взлетев, задела за перила галереи и со стуком свалилась на пол. Энн стояла, глядя на Джимми сверкающими глазами. Потом отошла.

— Извините, — сухо сказала она. — Вспылила.

— А все ваши волосы, — успокоил ее Джимми. — Вам и полагается быть вспыльчивой с такими-то волосами! Какой оттенок… А замуж вам надо выйти за голубоглазого человека, милого, но решительного и с ба-а-льшим будущим! Он приведет вас в норму.

— Мистер Крокер!

— Ласково, конечно, по-доброму, бархатной, а не железной рукой. Но все-таки — твердо.

Энн была уже у дверей.

— Для такой натуры просто необходим муж, с которым можно ссориться. Мы с вами подходим друг другу. Наш брак будет идеально счастливым. Если вам попадется матрасик с надписью «Топчи меня», вы будете несчастны. Вам нужен кто-то попрочнее. Собственно, вам нужен партнер. С кем вы будете ссориться, точно зная, что он не свернется мячиком, чтоб вы его гоняли, а всегда сумеет дать сдачи? Может, у меня и есть недостатки… — Джимми с надеждой примолк. Энн молчала.

— Мелкие. Но я именно тот человек. Резкие перепалки — основа счастливого брака. Так и вижу нас в преклонном возрасте. Вы — по одну сторону радиатора, я — по другую. По-прежнему влюбленные. Греем конечности и придумываем, как бы поддразнить друг друга. Если я уйду сейчас из жизни, вы будете несчастны. Вам будет не с кем ссориться. Разумеется, вы знаете, что ягуарша выражает симпатию к супругу, цапая

его за ноги. Если она цапнет воздух…

Из всех колкостей, которые Энн намеревалась вставить во время этой речи, вынырнула лишь одна, к ее стыду — самая слабая.

— Вы просите меня выйти за вас замуж?

— Да.

— Ну уж, нет!

— Вы говорите так, потому что я сейчас не в форме. Я нервен, робок, косноязычен. Ничего, это пройдет! Вы себе не поверите, когда поймете истинную мою натуру. Под поверхностью — разумеется, я говорю фигурально — я истинный фейерверк!

Дверь за Энн захлопнулась. Джимми остался в одиночестве. Он задумчиво подошел к креслу Пэтта, уселся и — заброшенный, одинокий — меланхолично приняться пускать клубы дыма. Ну, что он за болван? Наболтать такого! Разве девушка с характером это выдержит? Ведь самый подходящий был момент проявить ласковость и серьезность, умолять, убеждать, а он такого наплел!..

Тянулись минуты. Девять, десять… Джимми вскочил. Ему показалось, что он услышал шаги. Он распахнул дверь. Пусто. Он снова свалился в кресло. Конечно, Энн не вернется. С какой стати?

— Джимми! — окликнул голос.

Он опять вскочил и ошалело огляделся. Потом взглянул наверх. Над перилами галереи улыбалось ее лицо.

— Джимми, я обдумываю твое предложение. Только хочу спросить… уточнить… Ты признаешь, что пять лет назад вел себя чудовищно?

— Да!

— А с тех пор ведешь себя еще хуже?

— Да!

— И вообще ты жуткий тип?

— Да-а!!!

— Тогда я согласна. Так тебе и надо!

— В каком смысле?

— Ты заслужил такую жену. Я боялась за тебя, жалела, но теперь вижу — это самое подходящее наказание! — Она подняла руку. — Вот оно, мертвое прошлое! Ступай, похорони его! Спокойной ночи.

Маленький томик свалился ему на ногу. Он тупо смотрел на него. Потом, с диким воплем, долетевшим до спальни Пэтта и вновь разбудившим страдальца, только забывшегося сном в третий раз за ночь, ринулся на галерею. С дальнего конца прозвенел музыкальный смех.

Дева в беде

Перевод с английского А. Дормана
Перевод стихов Н.Трауберг
Редактор Н.Трауберг

Глава I

Поскольку место действий — прославленный Бэлферский замок, было бы прилично и приятно начать с его неторопливого описания, прибавив кое-что о графах Маршмортонских, которые владеют им с пятнадцатого века. К. сожалению, в нынешней спешке такая роскошь недоступна, романист вынужден сразу вскакивать в гущу событий, как в движущийся трамвай. Он должен брать старт с мягкой прытью зайца, которого спугнули во время обеда. Иначе книгу отбросят и пойдут в кино.

Все же замечу, что нынешний лорд Маршмортон — вдовец лет сорока восьми; что у него двое детей — сын, Перси-Уильбрэм Марш, лорд Бэлфер, которому вот-вот стукнет двадцать один, и дочь, двадцатилетняя леди Патриция Мод; что хозяйка замка — леди Каролина Бинг, сестра графа, которая вышла замуж за очень богатого шахтовладельца незадолго до его смерти и, по словам недобрых людей, ее ускорила; что у нее есть пасынок Реджинальд. Ну, вот и все.

Славной истории Маршмортонов я даже не коснусь.

К счастью, потеря эта восполнима. Лорд Маршмортон как раз сейчас пишет о своих предках и, только напишет, книга эта появится на вашей полке. Что же до замка и его достопримечательностей, включая образцовую сыроварню и янтарную комнату, вы можете своими глазами увидеть их по четвергам, когда Бэлфер распахивает двери для широкой публики, взимая один шиллинг с носа. Кеггс, дворецкий, собирает эти деньги и направляет их на благотворительные нужды, по крайней мере — в идеале. Клевета неутомима, и одна философская школа во главе с пажем Альбертом утверждает, что эти шиллинги прилипают к Кеггсу, пополняя собою его довольно значительные сбережения в фермерско-торговом банке, расположенном на Хай-стрит в деревне Бэлфер.

Решать проблему мы не будем, скажем только, что Кеггс слишком похож на благочестивейшего епископа. С другой стороны, Альберт его знает. Словом, вопрос открыт.

Конечно, внешность обманчива. К примеру, всякий, кому случилось бы стоять у главного входа в замок в одиннадцать часов одного июньского утра, мог бы решить, что властная дама средних лет, стоящая у розовых кустов и беседующая с садовником, наблюдая при этом за юной парочкой, гуляющей по нижней террасе, — мать прелестной девушки, а улыбается она потому, что та недавно обручилась с высоким, приятным на вид

молодым человеком.

Сам Шерлок Холмс, и тот бы ошибся. Так и слышу, как он объясняет Ватсону: «Элементарно, мой дорогой. Если бы эта дама просто хвалила розы, садовник бы тоже улыбался. Однако он сумрачен и угрюм».

На самом же деле дубленый человек в рубашке с засученными рукавами и в вельветовых штанах, хмуро заглядывающий в банку с раствором китового масла, — это сам граф Маршмортонский, а причина его угрюмости сложна. Он ненавидит, когда ему мешают работать, а леди Каролина Бинг, возможно, действует ему на нервы, тем паче, когда она пускается в фантазии о том, как бы поженить ее пасынка Реджи и его дочь Мод.

Только самые близкие люди узнали бы в коренастом садовнике седьмого графа Маршмортонского. Делая набеги на Лондон и чинно завтракая там среди епископов в клубе «Антенеум», граф был безукоризненно одет, и никто не мог заподозрить, чтобы его крепкие ноги облегало что-либо, кроме самой добротной материи. Но загляните в «Кто есть кто», на букву «М», и в статье, отведенной графу, вы обнаружите слова: «Хобби — садоводство». Сам граф, в порыве скромной гордости, прибавил бы: «Первая премия на цветочной выставке в 1911 за розу «Чайный гибрид». Что тут еще скажешь?

В стране самозабвенных садоводов-любителей лорд Маршмортон был самым самозабвенным. Он жил своим садом. Любовь, с какою обычные люди относятся к семье, он испытывал к семенам, розам и суглинку. Ненависть, какую некоторые из его клана испытывают к социалистам, он обратил на садовых слизней, садовых клопов и тех желтовато-белых насекомых, которые по своей подлости прикрылись псевдонимом, именуясь не столько садовой вошью, сколько тисаноптерою. Простодушный, приветливый, кроткий лорд, завидев тисаноптеру, просто сеял смерть, словно Атилла или Чингизхан. Тисаноптеры роятся на нижней поверхности листа, высасывая его соки, отчего лист желтеет; лорд же Маршмортон придерживался столь радикальных взглядов, что, не смущаясь, полил бы раствором китового масла даже свою бабушку, если бы она сосала соки из розового листа.

Весь день он был садовником с мозолистыми руками, аристократом же становился только вечером, после ужина, когда, подстрекаемый неугомонной леди Каролиной, удалялся в свой кабинет и принимался за историю рода при поддержке и помощи своей секретарши, Алисы Фарадей. Этот солидный труд продвигался медленно. Десять часов на свежем воздухе — это вам не шутка, и лорд Маршмортон засыпал на

середине фразы, к огорчению совестливой Алисы, привыкшей честно отрабатывать свой хлеб.

Парочка на террасе сделала разворот. Склоненное к леди Мод лицо Реджи Бинга выражало внимание и оживленность, и даже издали было заметно, как загорались ее глаза в ответ на его речи.

— Очаровательная пара, — промурлыкала леди Каролина. — Что бы такое говорил ей мой милый Реджи? Может быть, в этот самый миг…

Она мечтательно вздохнула. Тут ей пришлось потрудиться. Милый Реджи, обычно таявший пластилином в ее руках, проявлял необъяснимое упорство, никак не желал предложить Мод свою приятную руку, хотя мачеха его никогда и нигде, даже на ниве общественного служения, не приводила столь веских доводов. Нет, кузина ему нравилась. Он признавал, что она «высший сорт», и даже самый высший; но предложения не делал. Леди Каролина не знала, что мир Реджинальда — по крайней мере, ту часть его мира, которая не занята гонками и гольфом — наполняла собою мисс Фарадей. Собственно, этого не знала и сама Алиса.

— Может быть, в этот самый миг, — продолжала леди Каролина, — милый мальчик делает предложение.

Лорд Маршмортон хрюкнул, но не отвел испытующего взгляда от губительной смеси, которую он приготовил для тисаноптер.

— Одно меня утешает, — сказала леди Каролина. — По-видимому, Мод избавилась от своего нелепого сумасбродства. Помнишь, прошлым летом она увлеклась кем-то в Уэльсе? Если бы это увлечение длилось, она была бы печальной. Видишь, Джон, я была права, что держала ее взаперти. Говорят, в разлуке любовь крепнет. Какая чушь! Девушка в ее возрасте может влюбиться и разлюбить десять раз на год. Конечно, она его забыла.

— М-м! — сказал лорд Маршмортон, размышляя о зеленой тле.

— Я говорю о человеке, с которым Мод познакомилась, когда гостила у Бренды.

— А, да-да.

— «А, да-да», — передразнила его леди Каролина. — Больше тебе нечего сказать? Единственная дочь сходит с ума по совершеннейшему чужаку, человеку, о котором мы ничего не знаем, даже имени — ровным счетом ничего, кроме того, что он нищий. А ты мычишь «да-да»!

— Так это же кончилось?

— Надеюсь. Но я была бы спокойней, если бы Мод обручилась с Реджи. Право, заговори с ней…

— Заговорить? Да мы с ней не ссорились. — Лорд Маршмортон, погруженный в свои розы, размышлял неспешно. — Мы в прекрасных

отношениях.

Леди Каролина нетерпеливо нахмурилась. У нее был четкий, быстрый ум, что там — сверкающий и сильный, как стальной капкан, и она поневоле сердилась на такую отрешенность.

— Поговори о помолвке с Реджи. Ты — отец. Попытайся уговорить ее.

— Нельзя же насильно.

— При чем тут «насильно»? Укажи ей, как отец, в чем ее долг и ее счастье.

— На, пей! — гневно вскрикнул граф, выплескивая содержимое банки на ближайший куст. — Пей, не жалей! У меня еще много в запасе.

По ступеням замка спустилась девушка и направилась к ним. Она была красива, но строговата какой-то спокойной строгостью. Серые глаза смотрели почти нежно, темные волосы шевелил ветерок. Словом, видеть ее на фоне утреннего солнца было приятно, и Реджи Бинг сбился с курса, порозовел и потерял нить разговора. Внезапное появление Алисы фарадей всегда действовало на него именно так.

— Вот ваши вчерашние заметки, лорд Маршмортон, — сказала Алиса. — Перепечатала в двух экземплярах.

Мисс Фарадей говорила тихо и почтительно, но не без властности. Это была удивительная личность. Все те, кто пользовались ее услугами, находили, что такая секретарша — истинное сокровище. Все — но не лорд Маршмортон; ему она казалась истинным бесом. Их взгляды на ценность садоводства и ценность семейных историй никак не совпадали. Для него история Маршмортонов была занятием в часы праздности, для нее — делом всей жизни. Задремав в очередной раз и проснувшись слишком поздно, чтобы возобновлять работу, граф бросал расплывчатое обещание «поработать завтра», с горечью подумывая о том, что его секретарше должно бы хватить ума и такта, чтобы не воспринимать эти слова буквально.

— Они очень сырые, — продолжала Алиса, обращаясь к вельветовому седалищу. Лорд Маршмортон всегда нагибался, завидев ее с бумагами в руке, ибо пребывал в печальном заблуждении, что, не увидев его лица, она удалится.

— Вчера вечером вы обещали, что поработаете сегодня. — Она помолчала ровно столько, чтобы дождаться ответа, но дождалась неясного хрюканья. — Если вы слишком заняты, тогда, конечно… — миролюбиво добавила она, бросая косой взгляд на леди Каролину, которая немедленно воскликнула, радуясь возможности наказать невнимательного брата:

— Джон, разогнись! Немедленно ступай в дом. И за работу!

— Я и так работаю, — возразил лорд Маршмортон. Несмотря на его годы, сестра умела вернуть его в детство.

Когда они оба жили в детской, она была истинным тираном.

— Семейная история важнее, чем копание в земле. Я вообще не понимаю, почему бы тебе не предоставить все это Макферсону. Платишь ему такое жалование и потом делаешь за него всю работу! Не понимаю. Издатели ждут. Немедленно ступай и принимайся за дело.

— Вы обещали, что мы поработаем, — приветливо сказала Алиса.

Лорд Маршмортон вцепился в банку с раствором хваткой утопающего. Он лучше всех знал, что такие переговоры, особенно подкрепленные личностью леди Каролины, всегда заканчиваются одинаково.

— Да, да, да! — сказал он. — Только вечером. После ужина, а? Да, именно после ужина. Очень хорошо.

— Мне кажется, лучше работать с утра, — с мягкой настойчивостью сказала совестливая Алиса. Она хотела отрабатывать жалование и с энтузиазмом относилась к славной истории Маршмортонов.

Пальцы несчастного лорда ослабили свою хватку. Сотни спасенных тисаноптер мирно продолжили свой завтрак, не подозревая, какая участь их только что миновала.

— Ладно, ладно, ладно! Идемте в библиотеку.

— Хорошо, лорд Маршмортон. — Алиса повернулась к его сестре.

— Я посмотрела расписание, леди Каролина. Для вас лучше всего двенадцать пятнадцать. Останавливается в Бэлфере по требованию. Есть вагон-ресторан.

— Ты уезжаешь, Каролина? — с надеждой спросил лорд Маршмортон.

— Небольшой доклад в Лиге социального прогресса. Завтра вернусь, это в Льюишэме.

— А, вот что! — печально сказал граф.

— Благодарю вас, мисс Фарадей, — сказала леди Каролина. — Двенадцать пятнадцать.

— Машину подадут без четверти двенадцать.

— Спасибо. Да, кстати, мисс Фарадей, по дороге кликните, пожалуйста, Реджи, мне надо с ним поговорить.

Когда Алиса приблизилась к Реджи, Мод уже ушла. Пылкий юноша сидел на каменной скамье, куря сигарету и развлекая себя размышлениями, в которых мысли об Алисе боролись за первенство с рассуждениями о

правильной позе для особого удара. Он пребывал в помраченном расположении духа. Ну, вы подумайте — влюблен, и никак не получается косой удар средней клюшкой! Душа его, можно сказать, корчилась в муках.

— Леди Каролине, — сказала Алиса, — надо поговорить с вами.

Реджи вскочил со скамейки.

— Здрасьте! Это вы! То есть, я, м-м…м-м…э…

Как и всегда в ее присутствии, он ощутил какой-то жар в пояснице. Руки и ноги распухли до неимоверных размеров. Хорошо бы избавиться от этого визгливого смешка, всегда нападавшего на него в ее присутствии… Она еще подумает, что он — полный болван.

— Леди Каролина уезжает поездом двенадцать пятнадцать.

— Это хорошо. То есть, я хотел сказать, вот как, уезжает? Ясно, — он мобилизовал все свои силы. — Может, когда я с ней поговорю, мы с вами погуляем? Или покатаемся на лодке? Ну, всякое такое…

— Спасибо, но я должна помочь лорду Маршмортону с его книгой.

— А, чер… то есть, я хотел сказать, как жаль!

Сердце у него разрывалось, пылая благородным гневом против лорда Маршмортона, нового Саймона Легри,[4] держащего девушку в рабстве, когда весь мир купается в солнечных лучах.

— Пойти попросить, чтобы отложил?

— Нет, нет, спасибо! Уверяю вас, он и слушать не захочет. С милой улыбкой она проследовала дальше. Реджи поднялся на верхнюю террасу.

— Привет, мамаша, — сказал он, — Ну, как, в добром здравии?

— Как дела, Реджи? Что нового?

— А? Нового? Ты не видела утренних газет? Ничего особенного, Тим Дагген выиграл у Алека Фрезера, три-два. Больше ничего вроде нет. Да, новая оперетка. Вчера была премьера, вроде бы — класс. «Морнинг Пост» хвалит. Надо бы слинять в город, посмотреть.

Леди Каролина нахмурилась. Такая тупость, да еще после беседы с братом, огорчила ее.

— Нет, нет. Вы с Мод так долго беседовали. Кажется, ей было интересно тебя слушать. Я и понадеялась, что у тебя есть хорошие новости.

Лицо у Реджи просветлело.

— А! Ясно, ясно. Нет, ничего такого… ну, этакого.

— О чем же ты с ней говорил? Что ее так заинтересовало?

— Я рассказывал, как вчера приземлился точно у колышка, хотя завяз в песке у одиннадцатой лунки. Да, я вам доложу, могучий удар! Я бы попал косым прямо в этот чертов бункер, но у меня просто не получается держать

такую клюшку прямо, а собачий шарик прямо скалится мне в лицо. Конечно, строго говоря, надо было попробовать нибликом, но…

— Ты хочешь сказать, Реджи, что ты упустил такую возможность? Не предложил Мод выйти за тебя замуж?

— А, ясно, ясно! Да, по сути дела, я, так сказать, не предложил.

Леди Каролина издала какой-то звук без слов.

— Кстати, мамаша, — сказал Реджи, — забыл сказать. Это все отменяется.

— Что?!

— Абсолютно. Она влюблена абсолютно по уши. Кажется, познакомились в Уэльсе. Она попала под дождь, а он проходил мимо, предложил ей дождевик и так далее. В Уэльсе вечно дожди. Впрочем, рыбалка недурная. Да, так этот типус был очень обходителен, она теперь ни на кого другого и не смотрит. Он, понимаешь ли, принц ее мечты, а у всех других шансы — как у слепого и еще однорукого, если он хочет зубочисткой выбить мяч из лунки.

— Какая ерунда! Мне все известно об этом увлечении. Мимолетная фантазия! Мод давно о ней забыла.

— По ней этого не скажешь.

— Реджи, — натянуто произнесла леди Каролина, — послушай меня, пожалуйста. Ты знаешь, здесь будет масса народу, все-таки совершеннолетие Перси, и сейчас твой последний шанс на серьезный, долгий разговор. Я буду крайне огорчена, если ты упустишь эту возможность. Тебе нет оправдания. Мод — очаровательная девушка…

— Абсолютно! Высший класс.

— Ну и прекрасно.

— Но, я хочу сказать…

— Я не потерплю никаких промедлений!

— Нет, нет! Абсолютно! — послушно сказал Реджи, думая о том, чтб она имеет в виду, и от души желая, чтобы жизнь не становилась столь сложной.

— Отчего бы тебе не прокатиться с Мод на машине? Реджи повеселел. По крайней мере, на это у него был готов ответ.

— Боюсь, ничего не выйдет. Мне надо в город, встретить Перси. Он утром приезжает из Оксфорда. Я обещал его встретить и доставить сюда.

— Вот как! Ну что ж, может быть, тогда…

— А тебе пора идти, — заторопился Реджи, — еще опоздаешь. Если хочешь успеть на двенадцать пятнадцать, подсуетись. Вот и машина!

— Надо мне было выбрать поезд попозже.

— Что ты, что ты! Двенадцать пятнадцать, абсолютно. Отличный поезд, высший класс. Все хвалят. Ну, до скорого!

— Помни, что я сказала.

— Абсолютно.

— Что ж, до свидания. Завтра вернусь.

Реджи медленно проследовал к каменной скамейке и достал портсигар, дыша тяжело, как загнанный олененок.

Машина скрылась за длинным рядом буков, а из дома вышла Мод. Она пересекла террасу и подошла к Реджи, погруженному в раздумья о жизни и ее трудностях.

— Реджи!

Реджи повернулся к ней.

— А, старушка! Садись.

Мод присела рядом. На ее прелестном личике играл румянец, а когда она заговорила, голос ее дрожал от сдержанного возбуждения.

— Реджи, — сказала она, кладя ладонь на его руку, — ведь мы друзья, да?

Реджи отечески похлопал ее по спине. Мало кто нравился ему так, как Мод.

— Еще какие!

— Я могу тебе доверять, правда?

— Абсолютно.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Конечно, это страшная тайна.

— Сильная, молчаливая личность. Это я. В чем дело?

— Ты собираешься в город после обеда?

— Вроде бы, да.

— А не можешь ты поехать пораньше и захватить меня?

— Могу.

Мод покачала головой.

— Ты не представляешь себе, во что ты влезаешь, Реджи. Я не уверена, что ты бы так легко согласился. Мне не разрешается покидать территорию замка — ну, я тебе рассказывала.

— Этот типус?

— Да. Если узнают, будет такое!..

— Не бери в голову, старушка. Едем. Я сильная, молчаливая…

— Ты прелесть, Реджи.

— А что ты задумала? Почему тебе надо ехать? Мод обернулась через плечо.

— Потому что… — она понизила голос, хотя никого поблизости не было. — Потому что он в Лондоне. Понимаешь, Реджи, он — вроде секретаря у своего дяди, а в утренней газете я прочла, что дядя вчера вернулся из долгого похода на яхте. Значит, он тоже вернулся.

— Куда бы дядя ни пошел, племянник вслед за ним, — промурлыкал Реджи. — Прости. Я тебя перебил.

— Мне надо с ним увидеться. Я не видела его с прошлого лета, почти целый год! Он мне не писал, а сама я боялась: вдруг письмо попадется кому-нибудь на глаза. Понимаешь? Я просто должна ехать. Сегодня мой последний шанс. Тети Каролины нет. Отец будет копаться в саду и не заметит, есть ли я. А завтра будет поздно, приедет Перси. Его вся эта история разозлила еще сильнее, чем их.

— Перси, гордый барон, — согласился Реджи. — Понимаю; Абсолютно. Так что же надо сделать?

— Подхвати меня на дороге. А выбросишь где-нибудь на Пиккадилли, там мне недалеко. Но самое главное — это Перси. Задержи его в городе — поужинайте вместе, а потом приедете. Тогда я успею вернуться поездом, никто и не заметит, что меня не было.

— Проще простого! Считай, что дело в шляпе. Когда хочешь ехать?

— Прямо сейчас.

— Тогда я в гараж за машиной. — Реджи радостно пощелкал языком. — Красота! Мамаша только что говорила, чтобы я тебя покатал.

— Ты просто прелесть, Реджи.

Режди снова похлопал ее по спине с отеческой заботой.

— Я и сам знаю, старушка, что такое любовь. Вообще-то, трудно с ней, а? То есть, я хочу сказать, ты не срезаешься на подходном ударе?

Мод засмеялась.

— Нет. Пока что на моей игре любовь не отразилась. Третьего дня я набрала восемьдесят шесть.

Реджи вздохнул с завистью

— Вы, женщины, — просто чудо какое-то! — сказал он. — Ну ладно, я пошел за машиной. Будешь готова, жди меня у дороги.

Когда он ушел, Мод достала из кармана маленький клочок газеты, вырванный вчера из «Морнинг Пост», раздел светской хроники. Там было всего несколько слов:

«Мистер Уилбур Раймонд вернулся в свою городскую квартиру на площади Белгрейв-сквер, Па после продолжительного плавания на своей яхте «Сирена».

Мод не была знакома с м-ром Уилбуром Раймондом, но этот

крошечный текст просто воспламенил ее кровь. Как она сообщила Реджинальду, когда Уилбуры Раймонды мира сего возвращаются на свои городские квартиры, они привозят с собой племянников и секретарей, точнее — Джеффри Раймонда. А Джеффри Раймонд и был тем человеком, которого Мод любила с того самого дня, когда познакомилась с ним в Уэльсе.

Глава II

Солнце, проливавшее свой ясный свет на Бэлферский замок в тот полдень, когда Мод и Реджи Бинг пустились в дорогу, сияло и над Лондонским Ист-эндом в два часа пополудни. На Литтл-Гуч-стрит все малолетние отпрыски мелких лавочников, поддерживающих жизнь в этой тихой заводи, продавая друг другу овощи и канареек, высыпали на улицу и забавлялись какими-то непонятными играми. На ступенях умывались коты, приготовляясь к поискам обеда среди мусорных баков. Постные, тощие официанты торчали из окон двух итальянских ресторанчиков, продолжающих традицию Лукреции Борджа, предлагая горячие обеды по шиллингу шести пенсов. Хозяин бакалейной лавки на углу мысленно прощался с помидором, который даже он, при всем оптимизме, вынужден был признать отжившим свое. Над этим и сияло яркое солнце. За углом, на Шафтсбери-авеню, норд-ост старался пронзить укрепленные убежища жителей, но сюда, на Литтл-Гуч-стрит, ему проникнуть не удавалось, ибо эта улица шла с севера на юг и была узка, хорошо защищена, что позволяло ей нежиться в тепле безо всяких помех.

Мак, стойко хранивший служебный вход театра «Регал», чей раззолоченный подъезд выходит на Авеню, выбрался из крохотной стеклянной коробки, где держало его начальство, и вышел на улицу, чтобы снисходительным взором понаблюдать жизнь во всем ее многообразии.

Мак ощущал себя сегодня человеком счастливым. У него было постоянное место, оно не зависело от успеха постановок, сменявших в театре одна другую; впрочем, он питал некий интерес к ним и ему было приятно, когда они заслуживали одобрение публики. Вчерашняя премьера мюзикла, и слова, и музыку которого написали американцы, произвела фурор, и Мак радовался этому, ибо ему нравилась труппа и, несмотря на недолгое знакомство, он испытывал доброе расположение к Джорджу Бивену, композитору, прибывшему из Нью-Йорка.

Тут из-за угла как раз и показался Джордж Бивен, медленно и, вроде бы, печально бредущий к служебному входу. То был молодой человек лет двадцати семи, высокий и стройный, с приятным, четким лицом, которое особенно украшали добрые, честные глаза. Уголки его губ были чуть приспущены; он выглядел усталым.

— Добр-утро, Мак.

— Доброе утро, сэр.

— Что-нибудь есть для меня?

— Есть, сэр. Телеграммы. Сейчас принесу. Нет-нет, принесу, — сказал Мак, как бы рассеивая сомнения друга и сторонника в том, что он может совершить этот подвиг.

Он скрылся в своем стеклянном портфеле, Джордж Бивен остался стоять на улице, хмуро обозревая резвящихся ребятишек, очень шумных, очень грязных и очень юных. Нет, просто безобразие! Рядом с ними чувствуешь себя чуть ли не шестидесятилетним. Что-то было сегодня не в порядке, обычно он любил детей. Право же, обычно он любил многое. Он был добродушен и жизнерадостен, любил жизнь и подавляющее большинство своих современников. У него не было врагов, но было много друзей.

А сегодня, встав с постели, он сразу заметил, что с миром что-то не то. Либо Провидение недовольно им, таким возвышенным, либо это хандра, одно из двух. Нет, может быть и реакция на вчерашнее напряжение. Наутро после премьеры всякий разумный художник чувствует себя так, будто его растянули на дыбе.

Кроме всего прочего, после спектакля был еще ужин у комика, на Джермин-стрит, та вымученная и буйная попойка, на которой усталые люди с натянутыми нервами стараются быть как можно оживленнее. Тянулась она до четырех, когда стали прибывать утренние газеты с рецензиями, и Джордж добрался до постели в половине пятого. Такие вещи все же бросают отсвет на душевные процессы. Появился Мак.

— Прошу, сэр.

— Спасибо.

Джордж сунул телеграммы в карман. Какой-то кот, возвращавшийся с обеда, задержался рядом, чтобы попользоваться его ногой вместо салфетки. Джордж рассеянно почесал его за ухом. Он был обходителен с котами, но сегодня проделал положенное без особого пыла, как-то отрешенно.

Кот последовал дальше. Мак сделался разговорчивей.

— Говорят, вчера ужасно хлопали, сэр.

— Вроде бы — да.

— Моя супружница смотрела с галерки, очень все хвалили. Тут, знаете, есть такие люди, ходят на премьеры, на галерку. Им не угодишь! Особенно если пьеса американская. Если им не понравится, они вам сразу покажут, за милую душу. Ну, супружница и говорит, они очень хвалили. Давно, говорит, не видела такого представления, а уж она у меня театралка! Очень ей музыка понравилась.

— Это хорошо.

— Вот вы почитайте «Морнинг Лидер». А другие что пишут?

— Хвалят, все без исключения. Вечерних я еще не видел. Как раз вышел купить.

Мак бросил взгляд вдоль улицы.

— Сегодня репетиция после обеда, а? Вон мисс Дор идет. Джордж проследил за его взглядом. К ним приближалась высокая девушка в синем костюме. Радушный ее нрав угадывался издалека, он как бы обгонял ее, словно веселый ветер. Осторожно пробравшись между детьми, она остановилась на миг и что-то сказала одному, а он заулыбался. Даже хозяин бакалейной лавки просветлел, словно увидел старого друга.

— Как дела? — бросила она, проходя мимо того места, где он стоял, размышляя над смертной природой томатов. И хотя он ответил «Паршиво», слабая, кривая, но все же улыбка промелькнула на его скорбном лице. У Билли Дор, хористки, служившей в труппе, которая поставила мюзикл Джорджа Бивена, было милое лицо, веселый рот, золотистые волосы (она твердила и не лгала, что это их естественная окраска), спокойные голубые глаза. Взор этих глаз она часто использовала, чтобы охладить пыл поклонников, которых улыбка ее и волосы слишком уж поощряли к активным действиям. К представителям противоположного пола, особенно если они забудутся, она относилась так же, как лорд Маршмортон — к тисаноптерам. Она могла проявлять свою благожелательность, обедая и ужиная с ними, но ничуть в них не нуждалась, и когда им случалось просмотреть это обстоятельство, она напоминала о нем в самой недвусмысленной манере.

— Добр-утро, Джордж. Добр-утро, Мак. Что почта?

— Сейчас посмотрю, мисс.

— Как ваша лучшая половина приняла наш спектакль?

— Я как раз говорил мистеру Бивену, мисс, что она в жизни такого не видела.

— Замечательно. Я так и знала, что будет успех. А как ты, Джордж? День такой хороший!

— Я чего-то захандрил.

— Не сиди до четырех с загулявшей бездарью.

— Ты и сама с ними сидела, а выглядишь, как юная Ева после целой ночи сладкого сна.

— Да, но я пила только газировку и не выкурила восемнадцать сигар. Хотя — не знаю… Наверное, я старею, Джордж. Ночные гулянки потеряли для меня свою прелесть. Я готова была смыться в час, но это не по-

товарищески. Выйти бы за фермера, осесть где-нибудь.

Джордж удивился. С этой стороны он никак не ожидал встретить сочувствия своим теперешним взглядам на мир.

— Я и сам сейчас думал, — сказал он, уже не впервые замечая, как не похожа Билли на тех, с кем сталкивала его профессия, — я и сам думал, что это все пошлость. Весь этот шоу-бизнес, эти чертовы премьеры, гулянки после спектакля. Честное слово, бросить хочется!

Билли Дор кивнула.

— Всякий, у кого есть хоть капля здравого смысла, готов это бросить. Я и сама почти готова. Если ты думаешь, что я обручена с искусством, поверь — при первой же возможности беру развод. Да, занятная штука эти театры… Прибивает тебя к ним, и как-то ты застреваешь. Возьмем, к примеру, меня. Самой природой мне предназначено быть этакой тетушкой Полли. Купила бы бумазейный чепец и доила коров. Но нет, приезжаю в огромный город и озаряю жизнь измученных бизнесменов.

— Я и не знал, Билли, что ты так любишь деревню.

— Я? Да больше всего на свете. Я ведь деревенская. Мой отец содержал приют для цветов, я их называла по имени. Он был садовником в Луизиане. Когда я встречаю розу, я здороваюсь с ней и говорю: «Здравствуй, Розита, как поживаешь? Как Джо, и Джек, и Джимми, и прочие там, дома?» Знаешь, что я делала первые дни в Лондоне? Бродила вокруг Ковент-Гардена и принюхивалась. Мальчишки, которые крутятся с цветами, вечно на меня натыкались.

— Вот куда надо было пойти вчера вечером.

— Да уж, конечно. Слушай, Джордж, ты заметил эту жуткую ошибку природы, с которой явилась Бэби Синклер? Заметил, заметил, он занимал куда больше места, чем положено человеку. Некий Спенсер Грей.

Джордж вспомнил, что его представили толстяку примерно его возраста, который откликался на это имя.

— Стыд и срам, — сказала Билли. — Бэби еще совсем дитя, это ее первый спектакль. Я случайно знаю, что в Нью-Йорке очень симпатичный парень сходит по ней с ума, хочет жениться. А этот шар, я уверена, играет нечисто. С неделю назад он принюхивался ко мне, но я не так проста. Наверно, считает, что с Бэби легче. С ней говорить бесполезно, она в полном восторге. Вот еще это плохо на сцене: становишься такой дурой! Ну, ладно. Интересно, сколько же времени требуется нашему толстяку, чтобы достать мою почту? Эгей, где вы там?

Появился Мак с письмами.

— Виноват, мисс. Недоглядел, поставил вас на букву «Т».

— Все хорошо, что хорошо кончается. «Поставь меня на букву «Т». Хорошее начало для песни, Джордж. Не обращайте на меня внимания, я копаюсь в почте. Могу поспорить, половина — записочки от поклонников. Вчера, между первым и вторым актами, я получила целых три. Никак не пойму, почему мещане и знать считают меня доступной только из-за того, что у меня золотистые волосы, причем — совершенно настоящие, и я честно зарабатываю фальшивым пением!

Мак вальяжно подпер стену здания и возобновил разговор.

— Вы, наверное, радуетесь, сэр?

Джордж подумал. Да, с тех пор, как пришла Билли Дор, ему получше, но все равно он еще не в своей тарелке.

— Должен, вроде бы, но не радуюсь.

— А! Устали значит. По-французски — блязе. Избаловались, вот я что скажу. В Америке тоже хвалили?

— Да. Она больше года шла в Нью-Йорке, а теперь еще в трех других местах.

— Я и говорю. Вы и забурели. Объелись успехом, как говорится. — Голова у Мака закачалась, как луна душной летней ночью. — Вы неженатый, а?

К этому моменту Билли Дор завершила просмотр корреспонденции, смяла письма в большой комок и отдала его Маку.

— Почитайте на досуге, Мак. Если придет в голову, что вы — не Спиноза, пробегитесь по ним взором и утешьтесь, умных людей мало. Что вы такое говорили — женат, неженат?

— Мы тут с мистером Бивеном беседуем, что он избаловался.

— Избаловался ты, Джордж?

— Мак так считает.

— А почему, мисс? — риторически вопросил Мак.

— Это вопрос не ко мне, — сказала Билли. — Я тут ни при чем.

— А потому, что неженат. Вы ж неженаты, так или не так?

— Я ничего не говорил, но это так.

— Вот видите! Много чего можно делать, а все равно устанешь, если никто тебя не похлопает по спине. Да я и сам, когда жил один… Бывало, случится поставить наверняка, кое-что и цапнуть, а все ни к чему. Зато вот теперь, если кто из этих, что сюда ходят, подкинет мне верняк, выиграю малость, так принесу домой и вывалю на стол, чтобы она хоть как обрадовалась.

— А если проиграете?

— Тогда ей не говорю, — просто ответил Мак.

— Да, Мак, вы овладели секретом счастья.

— Какой там секрет, сэр! Просто надо найти подходящую жену, и чтоб был дом, чтоб было куда прийти.

— Ну, Мак, — сказала Билли восхищенно, — вы прямо как песню поете, как романс, только что без цветов и без луны. И ведь совершенно правы! Мне тоже подавай простую, семейную, домашнюю жизнь. Если бы я нашла подходящего человека, который не знал бы меня тут, в этой дребедени, я бы немедленно пошла к алтарю под музыку Мендельсона. Уходишь, Джордж? Не забудь, в три тридцать репетиция.

— Пойду куплю вечерние газеты, отправлю пару телеграмм. Пока.

— Увидимся у Филиппи.

Мак провожал глазами удаляющуюся спину, пока Джордж не скрылся за углом.

— Хороший человек, приятный, — сказал он. — Жаль, что у него такая мерехлюндия. Это все от ихнего искуйства, я так думаю.

Мисс Дор нырнула в свой ридикюль, достала пуховку и стала припудривать носик.

— Композиторы — они все чокнутые, Мак. Я играла в одной постановке, так режиссер пенял композитору, что в партитуре нет ни одного мелодичного номера. Тот соглашался, но возражал, что самое главное в его музыке — это ее аромат. Они все такие. Видимо, джаз вредно действует на мозги. Впрочем, Джордж в полном порядке.

— А вы давно его знаете, мисс?

— Лет пять. Я была машинисткой в издательстве, там печатали его песни. Да, вот еще что — успех не вскружил ему голову. Он зарабатывает такие деньги, Мак, что это даже грешно. Носит тысячедолларовые бумажки вместо белья, зимой и летом. Но все тот же Джордж, как тогда, когда он ошивался на Бродвее, надеясь всунуть пару номеров в какое-нибудь старое шоу. Нет-нет, запишите в дневнике, Мак, отметьте на манжете: Джордж Бивен — парень что надо. Козырный туз.

Джордж, которому этот панегирик мог бы согреть душу, брел между тем по Шафтсбери-авеню, еще сильнее печалясь. Солнце временно скрылось, и норд-ост сновал вокруг него, как игривый щенок, шлепая его холодной лапой, утыкаясь ледяным носом в лодыжки, отпрыгивая, наскакивая, словом — ведя себя так, как свойственно всем норд-остам, когда им случится подкараулить жертву, вышедшую из дома без плаща. Джорджу было совершенно очевидно, что солнце и ветер — двое жуликов, работающих на пару. Солнце заманило его щедрыми обещаниями, притворной благорасположенностью — и доставило прямо в руки ветру,

который обшаривал его с проворностью и тщательностью карманника. Он ускорил шаги, и ему подумалось: неужели он настолько впал в маразм, что у него разлилась желчь?

Он тут же отбросил эту мерзкую мысль, но все-таки, все-таки должно же быть какое-то объяснение его депрессии. Мак совершенно прав — у него есть все, что только нужно для счастья. При всей его популярности в Америке, он впервые появился в Лондоне и, несомненно, снискал огромный успех; однако не испытывал никакой радости.

Он дошел до Пиккадилли и свернул к западу. И вдруг, как раз напротив входа в клуб «Туда-сюда», его осенило, пелена спала с его глаз, он все понял: депрессия — от скуки, скука — от одиночества. Мак, человек солидных мыслей, и в этом прав. Решение всех проблем в том, чтобы найти подходящую девушку и основать дом, куда можно вернуться вечером. Он даже удивился, что до сих пор искал где-то еще объяснения своей хандре. Это тем более непостижимо, что добрых восемьдесят процентов всех стихов, которые он использовал в мюзиклах, содержало, пусть на заднем плане, именно эту мысль.

Джордж совсем размечтался, можно сказать — рассиропился, словно остался один в каком-то столпотворении счастливых пар. Такси, набитые счастливыми парами, сновали туда и сюда. Проходящие автобусы кряхтели под тяжестью парочек. Даже полицейский на той стороне улицы осклабился на порхнувшую мимо продавщицу, и она улыбнулась в ответ. Единственная во всем Лондоне особа женского пола, не имеющая явно выраженного довеска, — вон та девушка в коричневом, неспешной походкой приближающаяся к нему по тротуару и оглядывающаяся с таким видом, словно она находит Пиккадилли новым и вдохновляющим зрелищем.

Насколько Джордж мог разглядеть, это была в высшей степени хорошенькая девушка, маленькая и изящная, с гордой посадкой чуть склоненной головы и упругой походкой. Если говорить прямо, это была в точности такая девушка, какую он мог бы любить со всей накопившейся преданностью старого двадцатисемилетнего хрыча, не разбазарившего ни грана свой натуры в каких-нибудь дурацких флиртах. Он начинал уже плести кружева романтической истории, где она играла главную роль, но холодный разум тут же взял свое. В тот самый миг, когда он приостановился, наблюдая, как она пробирается сквозь толпу, норд-ост процарапал ледяным когтем вдоль позвоночника, и это леденящее прикосновение отрезвило его. Сейчас окажется, с горечью подумал он, что она спешит на свидание с каким-нибудь гадом. Кроме того, нет никаких

шансов познакомиться с ней. Нельзя же, в самом деле, просто подойти на улице к незнакомой девушке и сказать, что тебе одиноко. То есть, можно, конечно, но кончится это только одним — полицейским участком. Тоска, еще минуту назад казавшаяся беспредельной, как-то усилилась. Он слишком поздно родился. Нет, какая докука, эти приличия нашей цивилизации! В старые добрые времена все было иначе.

В средние века, к примеру, эта девушка была бы Прекрасной Дамой; а практически всякая дама, чье техническое описание попадало под статус Прекрасной, пребывала тогда в беде[5] и, мягко выражаясь, могла пренебречь формальностями в награду за услуги, оказанные рыцарем. Но двадцатый век — прозаический век, девушки — не более чем девушки, и бед у них не бывает. Подойди он сейчас к прекрасной даме и начни заверять ее, что помощь и утешение — к ее услугам, она незамедлительно кликнет здоровенного полисмена с той стороны улицы и романтическая история начнется и закончится за тридцать секунд, а если полицейский скор на руку — то и быстрее.

Так что лучше отбросить мечтания и обратиться к простым потребностям жизни, то есть к покупке вечерних газет у неряшливого индивида, который уже сует ему ранние выпуски. В конце концов, рецензии — это рецензии, даже если у тебя сердце разрывается. Джордж полез в карман за деньгами, обнаружил там пустоту и вспомнил, что оставил всю наличность в отеле. Именно это и должно случиться в такой день.

Газетчик явно был из тех, чей бизнес зиждется на прямой оплате. Оставалось одно — вернуться в отель, забрать деньги, а там, за обедом, постараться забыть все тяготы и лишения мира сего. Две-три телеграммы, которые он хотел отправить в Нью-Йорк, можно отослать из отеля.

Девушка в коричневом была уже совсем близко, и Джордж разглядел ее получше. Все обещания, данные издалека, оказались выполненными и перевыполненными. Будь она даже выстроена по собственным его чертежам, и то она не могла бы представлять собой большее совершенство. Но вот, она исчезает из его жизни навсегда. С невыносимой жалостью к себе — нет ничего горше, чем расставание с невстреченным, — Джордж кликнул такси, затертое в толпе машин у края проезжей части, и, почти оглохнув от звучащих в голове шлягеров, которые он когда-либо написал, сел в машину.

«Гнусный мир, — подумалось ему, когда такси, проехав пару метров, плотно застряло в пробке. — Тупой, пошлый… не мир, а сплошная скука. Ничего не происходит, и не произойдет. Чего уж проще — возьмешь такси,

и даже оно торчит на одном месте!»

В этот миг дверца отворилась, и девушка в коричневом прыгнула внутрь.

— Простите, пожалуйста, — сказала она, едва дыша. — Вы меня не спрячете?

Глава III

Джордж ее спрятал. Он спрятал ее, не теряя драгоценного времени на расспросы. В ситуации, которая сбила бы с толку даже самого скоромыслящего из людей, он действовал мгновенно, разумно и эффективно. Дело в том, что Джордж много лет усиленно занимался гольфом, а именно он учит сосредоточиваться на данном мгновении. Никакой, даже самый неожиданный кризис не приведет в замешательство человека, который настолько преодолел немощь плоти, что научился, согнув левую ногу и поставив ее на пуант, вывернуть руки, чтобы они почти отделились от тела, закрутить туловище штопором и работать мышцами запястий, держа голову неподвижно и не сводя глаз с мяча. Подсчитано, что во время удара необходимо хранить в голове двадцать три разных мысли, так что для того, кто овладел этим искусством, прятать девушек в такси — детская забава. Прежде всего он задернул занавески на обращенных к тротуару окнах; потом высунулся из своего окна так, чтобы совершенно заслонить все, что в машине.

— Большое вам спасибо, — прожурчал голос откуда-то сзади и, кажется, снизу.

— Не за что, — сказал Джордж, воспроизведя уголком губ нечто вроде бокового удара, чтобы голос его шел назад и оставался внутри машины.

Он смотрел на Пиккадилли и видел все впервые. Разум говорил ему, что он все там же, но он не мог поверить, что эту улицу мгновение тому назад он находил уродливой и скучной. Вообще-то, во внешних своих чертах она не изменилась. Нудные люди сновали туда и сюда. Дома явно не мылись со времен Тюдоров. Все так же дул норд-ост. Но изнутри, по сущности своей, Пиккадилли стала иной. Раньше это была просто улица. Теперь это был золотой путь в сказочном городе сказочной страны, главная площадь Багдада. Розовый туман плыл перед глазами. Дух, столь угнетенный несколько секунд тому назад, взмыл кверху, как мяч, вышвырнутый из лунки. Годы спадали с него; из плохо сохранившегося старика лет шестидесяти пяти, да еще с разлитием желчи, он превратился в молодого человека, обитающего в мире вечной весны, цветущих лугов и веселых ручьев. Иными словами, Джордж чувствовал себя неплохо. Немыслимое случилось. Небеса послали ему приключение, а дальше — хоть трава не расти.

Надо полагать, именно разовое облако и помешало ему заметить, что к ним стремительно приближается безукоризненно одетый джентльмен лет двадцати с очень небольшим. Скакал он с той решительностью, которая наводила на мысль о хорошо ухоженной ищейке, несколько, впрочем, перекормленной, потерявшей форму. Только когда он остановился в нескольких сантиметрах и стал отдуваться, Джордж вдруг увидел его.

— Эй, вы, — сказала ищейка, сняв блестящий шелковый цилиндр, промокнув лоб и водрузив цилиндр на место. — Эй, вы!

Что бы ни говорили о том, бывает ли любовь с первого взгляда (а Джордж теперь твердо верил, что бывает), у нас нет сомнений в прямо противоположном явлении. Одного взгляда достаточно, чтобы стала невозможной и дружба. Именно так случилось с Джорджем, когда он посмотрел на этот шар, на этот полип в цилиндре, объединивший все качества, которые он активно не любил. Для своего возраста тот был чрезвычайно тучен. Второе издание его подбородка уже вышло из печати, а безукоризненного покроя плащ вздувался пышным полукругом. У него были усики, на придирчивый взгляд — карикатурные. Лицо — красное, манеры — грубые, вид — мерзкий. В общем, не подарок.

Джордж обучался в Лоренсвилле и Гарварде, а потом вращался в самых привилегированных кругах нью-йоркской театральной элиты; он умел себя вести и, в известных обстоятельствах, проявлял замечательную невозмутимость.

— Да? — мягко сказал он, еще больше высовываясь из машины. — Что с вами, дорогой?

Рассыльный, двое потрепанных субъектов и юная продавщица остановились поглазеть. Спешить было некуда. Продавщица уже и так опоздала, посыльному нечего было разносить, кроме разве конверта с надписью «Срочно!»; что же до субъектов, они намеревались добраться до ближайшей пивной и прислониться к стенке, а значит — их расписание всецело определялось расписанием Джорджа. Один из них склонил голову набок и сказал «От это да!», другой добыл из урны окурок сигары и закурил.

— К вам в машину только что села молодая дама, — сказал толстый юнец.

— Ну, что вы! — сказал Джордж.

— В каком смысле?

— Я все это время в машине, наверняка бы заметил.

Тут пробка рассосалась, машина резко прокатилась метров на пятьдесят и снова застряла. Джордж, торчавший из окна, как улитка из

раковины, явно развлекался погоней. Она была в разгаре. Толстый действовал точно так же, как действовала бы борзая, разве только не вытягивался в струну и не заливался лаем. Он рванул неровным галопом, хотя был столь толст, что посыльный считал спешку опасной, а продавщицу одолевали сомнения, — вполне ли пристойно это зрелище для истинной леди. Несмотря на то, что два представителя богемы передвигались несколько быстрее, чем в вальсе, если его танцуешь впервые после одиннадцатилетнего перерыва, надо признать, что кавалькада показала вполне сносное время. Когда они достигли финиша, такси еще не двинулось.

— Вот он, шеф, — сказал посыльный, отирая жемчужины пота срочным письмом.

— Вон он, босс, — сказал некурящий представитель.

— Вот он я, — приветливо согласился Джордж. — Чем могу служить?

Курильщик со вкусом плюнул на подвернувшегося пса. Он был доволен, давно он так не развлекался. В этом тусклом мире, где мало джина и много полицейских, в мире, где бедняки так угнетены, что им почти не удается тихо покурить сигару: мигом наступят на ногу, он вдруг оказался вполне счастливым. Видимо, приближалась добрая потасовка, а именно ими он интересовался.

— Гы! — сказал он. — Так его!

Продавщица высмотрела в толпе знакомую и подала голос.

— Мод! Иди-ка сюда! Скорей! Глядь, чего делается!

Мод, а за ней еще человек десять из лондонских миллионов пополнили аудиторию. То были именно те, кто собирается в кружок и молчаливо смотрит, как водитель чинит спущенную шину. Нетерпения в них нет. Они не жаждут динамики. Любая яма — пожалуй, самое безжизненное из зрелищ — способна завладеть их вниманием на долгие часы. Немигающим взором глядели они на Джорджа в машине, не зная, что будет и когда, но твердо решившись стоять до упора. Пройдут годы, пройдет вечность, но они обязаны быть на месте, когда начнутся происшествия.

Обмен мнениями становился все слышнее.

— Чего там? Авария?

— Не! В карман залезли.

— Дерутся!

— Да он таксисту не заплатил!

Некий скептик сделал совсем уж циничное предложение.

— Это они нарочно, для кино.

Идея мгновенно приобрела популярность.

— Слыхал? Киношка!

— Ах ты, елки-палки!

— Там в машине этот, снимает.

— Чего только не придумают!

Красноносый зритель с пристегнутым к животу подносом, на котором лежали запонки, породил новую школу мысли.

— Ну, прямо! — авторитетно сказал он. — Этот, жирный, принял одну-другую за углом, в голову и ударило.

Шофер, который до сей поры нарочито игнорировал брожения в нижних слоях, вдруг проявил неподдельный интерес.

— Что там, а? — спросил он, повернувшись к Джорджевой голове.

— Сам не пойму, — сказал Джордж, указывая на разносчика запонок. — У этого джентльмена с портативной барахолкой на брюхе, по-моему, самая сильная гипотеза.

Толстый юноша, чье необычное поведение привлекло лестное внимание толпы, явно беспокоился и громко сопел; теперь же, отдышавшись для новой атаки, снова обратился к Джорджу.

— Черт вас побери! Дадите вы мне заглянуть в машину?

— Оставьте меня, — сказал Джордж. — Я хотел бы побыть один.

— Там у вас дама! Я видел, как она села, и все время следил: она не выходила. Значит, сидит там.

Джордж кивнул, одобряя его логику.

— Ваше рассуждение безупречно. Но что с того? Вы — чрезвычайно разумны, но как насчет дела? Что вы сделаете?

— А ну, не мешайте!

— Что вы, что вы!

— Я все равно залезу!

— А я вам дам в ухо.

Толстый отступил на шаг.

— Нельзя же так, — сказал он.

— Да, да, конечно, — признал Джордж, — но я — дам. В этом мире, мой дорогой, надо быть готовым к любой неожиданности. Мы должны отличать невероятное от невозможного. Маловероятно, чтобы сравнительно незнакомый человек высунулся из такси и влепил вам в ухо, но вы, кажется, исходите из того, что это невозможно. Что ж, пеняйте на себя.

— Да это!..

— Я всегда говорю юноше, вступающему в жизнь: «Не путайте

невероятное с невозможным!» Возьмите, к примеру, нынешний случай. Если бы вы понимали, что в один прекрасный день кто-то может дать вам в ухо, вы изобрели бы десятки изощренных способов защиты. Атак — вы застигнуты врасплох. Вы не готовы, мой дорогой. И по клубам ползет шепоток: «Ах ты, бедняга! Не справился с ситуацией».

Человек-барахолка поставил новый диагноз.

— Чокнулся, — решил он. — Этот вон — наклюкался как зюзя, а у того, в тачке, крыша поехала. Вот он и стоит, а то б сидел. И не сядет, пока ему газ не включат. Потому что псих.

Джордж улыбнулся мудрецу.

— Ваши рассуждения замечательны, но…

Он не кончил фразы, но не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что толстяк рванулся к машине и вцепился в ручку двери. Тут Джордж снова проявил ту стремительность, ту решимость, которые отличали его поступки с самого начала.

Ситуация была из тех, в которых нужен самый изощренный ум. Оставить противника наедине с ручкой или даже бороться с ним за обладание ею было опасно, дверь могла открыться. Дать в ухо, согласно обещанию, Джорджу не очень хотелось. Как угроза — это неплохо, все же сдерживающий фактор, но практически — нет, не стоит. Суды томятся, застенки плачут по тем, кто дает своим ближним в ухо. Нет и нет. Тут нужно что-то стремительное, что-то решительное и немедленное, но — другое.

Джордж с размахом выбросил вперед руку и сбил шелковый цилиндр.

Результат превзошел ожидания. У каждого из нас есть своя ахиллесова пята, и у толстого юноши, как это ни странно, ею оказалась шляпа. Превосходно изготовленная единственным шляпником в Лондоне, который умеет сделать шелковый цилиндр так, что тот действительно шелковый, только что заново отутюженная в единственном заведении, где гладят, ласково гладят, а не зверски утюжат, она была его гордостью и радостью. Потеряв ее, он словно бы потерял штаны. Со страстным воплем дикаря, утратившего детенышей, неистовый Роланд[6] отпустил ручку. В тот же миг машины двинулись.

Джордж еще успел увидеть групповую сцену с толстым юношей в центре. Шляпа отскочила на газон, откуда ее достал посыльный. Толстый юноша склонился над нею и поглаживал ее трепетными пальцами. Джорджу показалось, что он шепчет нежные слова. Затем, поместив ее на голову, он выскочил на проезжую часть, и Джордж его больше не видел. Аудитория стояла неподвижно и так и стояла бы там, пока полицейский не

сдвинет ее с места.

Дружелюбно махнув рукой на случай, если кто-нибудь еще смотрит в его сторону, Джордж опустился на сиденье.

Девушка поднялась с пола, если она была там, и сидела спокойно в дальнем углу машины.

Глава IV

— Ну, вот и все, — сказал Джордж.

— Спасибо вам большое, — сказала девушка.

— Рад служить, — сказал Джордж.

Теперь ему представилась возможность неторопливо рассмотреть бедствующую деву. Мелкие детали, которые поначалу скрывало расстояние, предстали его взору. В частности, он обнаружил, что глаза у нее не карие, вернее — карие, но только в общем. Они были спрыснуты искорками золота, в совершенстве гармонировавшими с золотыми блестками, которые солнце, отлучившееся было в гости и снова милостиво сияющее миру, высветило в ее волосах. Подбородок был четко, резко очерчен, но его решительность смягчалась ямочкой и приятной, добродушной улыбкой; смягчал впечатление и нос, который намеревался быть горделивым и аристократичным, но, расстроив собственные планы, чуть-чуть вздергивался кверху. Это девушка, которая пойдет на риск, но пойдет с улыбкой, а если проиграет — только рассмеется.

Как физиономист Джордж был дилетантом, но то, что уж очень явно, читать умел; и вот теперь, чем дольше смотрел он налицо этой девушки, тем меньше понимал недавнюю сцену. При всем ее добром нраве было в ней нечто такое — то ли аура, то ли манера — словом, нечто, говорившее о том, что с нею не повольничаешь. Золотисто-карие глаза дружески улыбались ему, но он легко мог себе представить, как они застывают в гневе и надменности, чтобы одним взглядом отвадить всяких людей в шелковом цилиндре. Почему же заплывший жиром индивид так расстроил ее, что она искала убежища в первом попавшемся такси? Сейчас она совершенно владеет собой, это очевидно, но когда она вскочила в машину, нервы у нее явно сдали. Тайна превосходила разумение.

Девушка пристально глядела на Джорджа, и Джордж пристально глядел на нее; так продолжалось секунд десять. По-видимому, она осматривала его, взвешивала и оценивала. Инспекция дала неплохие результаты. Она улыбалась, потом засмеялась чистым серебряным смехом, превосходившим самый лучший из его шлягеров.

— Наверное, вы гадаете, в чем дело? — сказала она и не ошиблась.

— Нет-нет, — отвечал он. — Ни в коем случае. Это меня не касается.

— А вы слишком хорошо воспитаны, чтобы расспрашивать о чужих делах?

— Разумеется. Что все это значит?

— Боюсь, я не могу открыть вам тайну.

— Что же я скажу шоферу?

— Не знаю. Что вообще им говорят?

— Понимаете, он очень обидится, если я не объясню. Он только что склонился с пьедестала, чтобы получить информацию. Нельзя пренебречь таким снисхождением.

— Дайте ему побольше на чай.

Джордж вспомнил, почему он вообще оказался в такси.

— Да, кстати, — сказал он, — куда нам ехать?

— О, я не хочу перехватывать ваше такси! Куда вы едете?

— К себе в отель. Я оставил там все деньги, и мне придется заехать туда.

Девушка вздрогнула.

— В чем дело? — спросил Джордж.

— Я потеряла кошелек.

— О Боже! Много денег?

— Не очень. Но на билет хватало.

— Бесполезно спрашивать, куда?

— Боюсь, что бесполезно. Я и не собирался.

— Ну, естественно! Это мне в вас и нравится. Вы не любопытны.

Джордж задумался.

— Остается одно. Подождите в машине возле отеля, пока я сбегаю за деньгами. Тогда, если позволите, я ссужу вас необходимой суммой.

— Спасибо, спасибо! Одиннадцать шиллингов вас не обременят?

— Нисколько. Я как раз получил наследство.

— Конечно, если это много, я могу поехать третьим классом. Всего пять шиллингов. А первым — десять с половиной. Видите ли, место, куда мне надо попасть, — в двух часах от Лондона.

— Так, это уже кое-что.

— Все же не очень много, правда?

— Пожалуй, я дам вам соверен. Тогда вы сможете поесть.

— Вы ничего не упускаете. Да, вы правы. Иначе я умру с голоду. Но откуда вы знаете, что я верну деньги?

— Рискну, так уж и быть.

— Что ж, в таком случае мне придется спросить, как вас зовут. Иначе как я узнаю, куда слать деньги?

— О, у меня секретов нет! Я — открытая книга.

— Не язвите. Я не нарочно напускаю туману, у меня просто нет

другого выхода.

— Я не это имел в виду.

— А мне показалось, что это. Итак, кто мой благодетель?

— Меня зовут Джордж Бивен. Сейчас живу в отеле «Карлтон».

— Запомню.

Такси медленно двигалось вдоль Хаймаркета. Девушка засмеялась.

— Да? — сказал Джордж.

— Я вспомнила, как это все было. Я ведь даже не поблагодарила вас как следует. Вы были великолепны.

— Я очень рад, что сумел помочь вам.

— Что произошло? Вы понимаете, я ничего не видела, кроме вашей спины. Только слышала, и то невнятно.

— Ну, он подбежал и сказал, что вы сели в машину. Прямо с рекламы средств от ожирения, конечно, «до приема», не после. Манеры у него, как у пестрохвостого шимпанзе.

Девушка кивнула.

— Значит, это Перси. Я знала, что не ошиблась.

— Перси?

— Так его зовут.

— Именно. Ну, как же иначе! Именно так его должны звать.

— А потом что?

— Я привел свои доводы, но, кажется, его не успокоил, ибо он ухватился за ручку. Тогда я сбил с него шляпу. Пока он ее поднимал, мы уехали.

Серебристый ручеек смеха снова обрадовал его.

— Ах, жаль, что я не видела! Нет, какая изобретательность! Как вы додумались?

— Не знаю, — скромно сказал Джордж. — Само собой вышло.

Девушка стала серьезной, улыбка исчезла. Она повела плечами.

— Страшно подумать, как повел бы себя на вашем месте кто-нибудь другой.

— Ну, что вы. Всякий поступил бы так же. Согласитесь, сбить с Перси шляпу — вполне естественно. Как говорится, непроизвольное действие.

— Это для вас. На вашем месте мог бы оказаться какой-нибудь растяпа. Или идиот с замедленной реакцией, стал бы расспрашивать… Нет, как мне повезло — попасть из всего Лондона именно на вас!

— Мне тоже повезло.

Она положила маленькую ручку на его плечо и заговорила серьезно.

— Не подумайте, мистер Бивен, что если я так много смеюсь, то это

все ерунда. Без вас я бы пропала.

— Вы могли позвать полицейского.

— Ах, это совсем не тот случай! На самом деле все много, много хуже. Ладно, не буду. Это нечестно. — Ее глаза снова засияли улыбкой. — Я понимаю, что вы любопытствуете, но как знать, не провоцирую ли я сама ваше любопытство. Глупее всего здесь то, что никакого секрета и нет. Просто я не могу никому рассказать.

— По моим представлениям, это и называется секретом.

— Да, но я имею в виду — я не какая-нибудь принцесса, скрывающаяся от анархистов. У меня просто неприятность. Начни я рассказывать, вы просто умрете со скуки.

— А вы попробуйте. Она покачала головой.

— Нет. К тому же, мы приехали. — Машина остановилась у отеля, и швейцар уже распахивал дверцу. — Вы еще не раскаялись — дадите мне денег? Тогда надо поспешить, я опаздываю. Если я не успею на этот поезд, следующий — только через час.

— Подождите здесь, хорошо? Я мигом.

— Жду.

Когда он последний раз взглянул на нее, она улыбалась струящей веселье улыбкой. Раз был именно последний, ибо через две минуты, не более того, не было ни машины, ни девушки, только опустевший мир.

Он стоял и переваривал эту непредвиденную катастрофу. Расторопный швейцар поспешил со своей информацией.

— Она взяла такси, сэр.

— Взяла такси?

— Как только вы ушли, сэр, она села в такси и велела ехать на вокзал Ватерлоо.

Джордж ничего не понимал. Он так и стоял бы до скончания века, если бы властный голос за его плечом не вывел его из задумчивости.

— А, черт подери! Это вы.

Подкатило другое такси, из него выскочил толстый краснолицый юноша. Одного взгляда было для Джорджа достаточно. Охота возобновилась. Гончая снова взяла след.

Теперь он был рад тому, что девушка исчезла. Он, кажется, поспешил вычеркнуть Перси из списка важных обстоятельств. Чересчур глубоко погрузившись в свои дела, он счел недавнюю стычку решительным сражением, упустив из вида, что эта назойливая и бесполезная личность может пуститься в погоню на другом такси — а это, принимая во внимание пробки на улицах, не слишком трудно. И вот он здесь, с таким кровяным

давлением, которое вряд ли одобрил бы домашний врач. Все надо начинать сначала.

— Ну, что? — сказал Перси.

Джордж смерил его критическим, недружелюбным взглядом. Ему ни в малейшей степени не нравилось это жирное ничтожество. Оглядывая его с ног до головы, он не мог обнаружить ни единой черты, радующей взор, за одним, разве, исключением — в шляпе зияла большая неровная вмятина.

— Думали, отделались от меня? Думали, ушли? Еще чего! Джордж смотрел холодно.

— Я понял, в чем ваша проблема, — сказал он. — Вас обкормили.

Перси заклокотал от гнева. Лицо его еще побагровело. Он замахал руками.

— Вы…вы мерзавец! Где моя сестра?

От этой неожиданной реплики мир закачался, как пьяный. Эти слова решительно опровергали его диагноз. До сего времени он полагал, что имеет дело с преследователем прекрасных дам. Ему и в голову не приходило, что на стороне врага может быть какая-то правда.

Удар оказался тяжелым, настолько тяжелым, что земля ускользнула из-под ног.

— Ваша сестра? Что вы говорите?

— То, что слышите. Где она?

Джордж силился собрать воедино умственные и физические способности, чувствуя себя полным дураком. До сих пор он воображал, что кругом прав; теперь же оказывалось, что он кругом виноват. Он совсем было решился извиниться, но воспоминание о страхе таинственной девушки и ее намеки на какие-то неприятности — надо полагать, исходившие от этого человека, пусть он ей и брат — погасили этот порыв. О чем бы ни шла речь — а он не понимал, о чем, — одно четко выделялось на фоне всех сумасшедших событий этого знаменательного дня: девушка совершенно очевидно нуждалась в его помощи. Кто бы из них ни был в своем праве, но именно ее сообщником он стал и должен хранить ей верность.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказал он. Юноша потряс толстым кулаком в лайковой перчатке.

— Негодяй!

Густой, глубокий, умиротворяющий голос прорезал накалившуюся атмосферу, как Святой Грааль,[7] скользящий по солнечному лучу:

— В чем дело?

Здоровенный полисмен, материализовавшись из ничего, возвышался

над ними живой статуей «Власть не дремлет». Большой палец одной руки небрежно покоился на широком поясе. Другая слегка ласкала гвардейские усы, которые вызывали жжение в сердцах прекрасного пола чаще, чем все другие усы их отряда, вместе взятые. Глаза над усами глядели строго и вопрошающе.

— В чем дело?

Джордж любил полицейских. Он знал, как с ними обращаться. В голосе его зазвучала та нота вежливой почтительности, которую так любит страж порядка.

— Право, не знаю, констебль, — сказал он, всем своим видом показывая, что в трудный момент обрел в нем как бы старшего брата, способного выручить из беды. — Стою себе, никого не трогаю, и вдруг этот человек нападает на меня. Вы не могли бы его попросить…

Полицейский постукал толстого юношу по плечу.

— Давайте не будем, — сказал он. — Ясно? Значит, давайте не будем, эт самое.

— Руки прочь! — взревел Перси.

Олимпийское чело покрылось тучами. Юпитер потянулся за своими молниями.

— Эй, эй, эй! — сказал он, и голос его дрогнул, как голос бога, оскорбленного смертным. — Ну, ну, ну, ну!

Пальцы снова опустились на плечо, на сей раз уже не предупредительно. Там, куда они опустились, они и остались в железной хватке.

— Не надо, эт самое, — сказал он. — Вот это — не надо.

Бешенство овладело толстым юношей. Как легкие покровы, спали с него здравый рассудок и тщательно выученные уроки. Издав ни на что не похожий вопль, он вывернулся и резко ткнул полицейского в живот.

— Хо! — изрек разгневанный блюститель порядка, мгновенно принимая человеческое обличье. Левая рука оставила ремень и деловито вцепилась в ворот нарушителя. — Пройдемте!

Все произошло с невероятной быстротой. Только что Джордж находился в самом эпицентре безобразного скандала—и вот, буквально в следующий миг, фокус внезапно переместился. Внимание мегаполиса переключилось на недавнего обидчика, который, понукаемый рукой Закона, совершил свой скорбный путь к полицейскому участку на Вайн-стрит; путь, хранящий следы столь многих достойнейших его людей.

Джордж проводил взглядом удалявшуюся парочку, сопровождаемую все разраставшейся и углублявшейся в суть дела толпою. Затем он

вернулся в отель.

«Вот, — сказал он себе, — зенит прекрасного дня. А я еще думал, что в Лондоне скучно!»

Глава V

Наутро Джордж проснулся, смутно ощущая, что мир какой-то другой. Стряхнув последние остатки сна, он почувствовал неясное возбуждение. Он вскочил на кровати. Он вспомнил. Он влюблен!

Сомнений быть не могло. Невыразимая радость пронизывала его насквозь. Он чувствовал себя юным и сильным. Все, что ни делалось в лучшем из миров, явно делалось к лучшему. Солнце сияло. Кто-то свистел внизу, на улице, и даже звук одного из его старых сочинений, которое уже год назад вызывало у него тошноту, был приятен, хотя невидимый свистун лишь изредка, да и то случайно, попадал в тон. Джордж легко спрыгнул с кровати и открыл в ванной холодный кран. Намыливая лицо перед утренним бритьем, он лучезарно сиял, радуясь своему отражению в зеркале.

Итак, оно пришло. То самое.

Джордж никогда не был влюблен. Конечно, начиная лет с пятнадцати он испытывал нежные чувства разной степени интенсивности. Конечно, в семнадцать он был влюблен практически во всех знакомых ему особ женского пола и еще в десятки незнакомых, но более зрелые годы отточили его вкус и отвадили от этой романтической соборности. Последние пять лет женщины находили его более или менее холодным. Чувства в нем остыли, в немалой мере — благодаря его профессии. Для человека, который из года в год сочиняет музыкальные комедии, женщины постепенно теряют многие из тех соблазнительных достоинств, которыми они улавливают прочих, обыкновенных мужчин. Джорджу в последние годы стало казаться, что самая яркая их черта — это склонность брыкаться. Пять лет блуждал он среди женщин, многие из них были прекрасны, все — привлекательны; но единственное, что запечатлела память — то, с какой интенсивностью и частотой они брыкались. Одни взбрыкивали из-за музыкальных номеров, другие — из-за любовных сцен; третьих заботили выходные реплики, четвертых — складки платья во втором акте. Брыкались они по-разному — кто гневливо, кто сладко, кто шумно, кто тихо, кто с улыбкой, кто в слезах, кто жалостно, кто снисходительно, но все, все до единой. И вот, для Джорджа женщины стали не источником вдохновения, не ласковыми богинями, а большой опасностью, от которой надо было спасаться тактично, а не выйдет — просто бежать. Годы и годы страшился он оказаться с ними один на один; в нем выработалась

привычка смываться как можно скорей, как только какая-нибудь их них начнет раскидывать свои сети.

Нетрудно представить себе, как это на него подействовало. Возьмите прирожденного Дон-Кихота с рыцарским инстинктом, романтического и восторженного, на пять лет лишите его возможности упражняться в этих качествах — и вы получите скопление дури, сравнимое лишь с утечкой газа в герметически закрытом помещении или с погребом, полным динамита. Довольно искорки от спички — и взрыв.

Бурное вторжение этой девушки в его жизнь послужило не только искрой, но пламенем. Ее ясные глаза вызвали детонацию духовного тринитротолуола, столь долго копившегося в его душе. Ба-бах! На миллионы осколков разметались, взлетев на воздух, все благоразумие, вся сдержанность, ставшие было принципом его жизни. И что же? Безнадежно влюблен, что твой трубадур в средние века.

Только когда он кончил бриться и робкой ступней пробовал воду в ванне, его вдруг окатило мыслью, что влюблен-то он влюблен, но аллея его любви усеяна ямами почище, чем любая площадка для гольфа. Начать с того, что ему неизвестно, как эту девушку зовут. Далее, надежды снова встретиться с нею практически нет. Даже такой оптимист, как он, отнес эти два обстоятельства к разряду неблагоприятных. Он вернулся в спальню и сел на кровать. Это следовало обмозговать. Он не печалился, он просто задумался; его поддерживала вера в свою удачу. Он понимал, что сейчас он — в положении игрока, который сделал мастерский удар из исходной позиции, мяч уже на зеленом поле — но закатился в углубление. Другими словами, добился он многого; остается развить успех. Стальную клюшку удачи надо заменить деревянной клюшкой хитроумия. Если он проиграет, если позволит девушке исчезнуть только потому, что не знает ни имени ее, ни адреса, он навеки заслужит клеймо бездарного авантюриста. Нельзя ожидать, что удача сделает для тебя все. Надо мобилизовать ей в подкрепление собственные силы.

Итак, что мы имеем, на что можно опереться? Да ничего, в сущности. Хорошо, она живет в двух часах езды от Лондона с вокзала Ватерлоо. Что бы сделал на его месте Шерлок Холмс? Сосредоточенное размышление ответа не дало; тогда-то и покинул Джорджа тот радужный оптимизм, с которого начался день, уступая место серой тоске. Кошмарная фраза, тоскливая, словно кладбище, всплыла в его памяти: «Разошлись, как в море корабли». И очень просто! Да что там, право, ведь если обдумать это дело со всех сторон, вытираясь после ванны (что Джордж и делал), непонятно, чего еще ждать.

Он рассеянно оделся и собрался позавтракать. Может быть, хоть еда ослабит это сосущее ощущение. К тому же, после кофе он будет мыслить острее.

Он открыл дверь. На пороге лежало письмо.

Почерк женский, незнакомый. Написано карандашом. Он вскрыл конверт.

«Уважаемый м-р Бивен», — так оно начиналось. Сердце екнуло. Он взглянул на подпись: «Девушка в такси».

> «Уважаемый м-р Бивен,
>
> Надеюсь, Вы не сочли меня невежей за то, что я улетучилась, не попрощавшись. Так вышло. Я увидела Перси, подъезжавшего в такси, и поняла, что он преследовал нас. К счастью, он меня не видел, и мне удалось ускользнуть. С деньгами все обошлось — я вспомнила, что у меня с собой красивая брошка, и я остановилась по дороге, чтобы заложить ее.
>
> Еще раз большое спасибо за Вашу доброту.
>
> Девушка в такси».

Джордж прочел записку дважды, пока сбегал вниз к завтраку, и еще трижды во время еды. Наконец, запечатлев в памяти все до последней запятой, он предался пылким мечтаниям.

Что за девушка! Он в жизни не встречал женщины, способной написать письмо без постскриптума, а это еще мелочь по сравнению с другими талантами. Как находчива: это ж надо додуматься — заложить брошку! До чего мила — не поленилась написать письмо! Он все больше убеждался, что нашел свой идеал, все больше исполнялся решимости не допустить, чтобы такая ерунда, как имя, разлучила его с нею. И ведь кое-что есть, от чего-то можно отталкиваться. Он знает, что она живет в двух часах от Ватерлоо. Просто смешно! Тут искать почти нечего. Подходят только три графства, и каким же идиотом должен быть человек, если он не обшарит их в поисках любимой девушки! Особенно человек, которому так везет.

Удача — это богиня, чьих милостей не добьешься уговорами. От взыскующих и настырных душ она отвращается. А вот если возьмешь ее за руку, как доверчивый ребенок, она смилостивится над нами и не оставит в час нужды. Джорджу она улыбнулась незамедлительно.

Когда он обедал в одиночку, он разбавлял скуку трапезы мудростью печатного слова, воплощенной в вечерних газетах. Вот и теперь,

направляясь на Пиккадилли, он захватил с собой ранний выпуск «Ивнинг Ньюс». И едва ли первым попалось ему на глаза сообщение, затерявшееся где-то в недрах страниц, посвященных юмористическому комментарию к событиям дня, в стихах и прозе. Данное событие автор счел достойным поэмы. Звучала она так:

«Пэр и полицейский»

«У «Карлтона», слыхали ль вы, случилось странное, увы! Случилось, утверждает слух, оно часов около двух. Лучи текли, не жарил зной, во всех сердцах царил покой, когда приличный джентльмен, представив веский аргумент, подвергнул яростной атаке другого мистера во фраке. Кулак в перчатке он вознес, чтоб незнакомцу врезать в нос. Кто знает, чем бы кончил он, досадой страшною взбешен, не приключись при сцене той С-230, постовой. «Что здесь за шум, а драки нету? — сын Лондона воззвал к ответу. — Незамедлительно прошу я прекратить весь этот шум». Неукоснимый страж порядка, он руку в форменной перчатке на нарушителя шевьот увещевающе кладет. Что было дальше — нету сил писать; стыжусь своих чернил. Какой-то демон обладал тем джентльменом. Он наддал пинка служилому туда, где в том содержится еда. «Эй! Эй! Эй! Эй!» — служилый рек и джентльмена уволок. В участке выяснил служитель: лорд Бэлфер этот нарушитель. Но для британского суда и пэр, и нищий — ерунда. Судья воздаст, весы подняв, всем по заслугам. Крупный штраф и лорду Б. и нам, друзья, урок: констеблей бить нельзя».

Баранья отбивная застывала, нетронутая, на тарелке. Напрочь обделенный вниманием, охладевал картофель-фри. Джорджу было не до еды. Как он был прав, уповая на свою удачливость! И как благородно с ее стороны не подвести его! С такой уликой в кармане дело, можно считать, сделано. Оставалось заскочить в ближайшую библиотеку и пролистать справочник Берка, где есть вся английская аристократия. Он расплатился и вышел из ресторана.

Десять минут спустя он жадно впитывал многообещающую информацию о том, что Бэлфер — это второй титул графов Маршмортонских, и что у нынешнего графа один сын, Перси Уилбрэм Марш, образ. Итон, колледж Церкви Христовой (Оксфорд), и, как с привычной для себя краткостью сообщал Берк, одна д., Патриция Мод.

Фамильная резиденция — замок Бэлфер, станция Бэлфер, графство Хэмпшир.

Еще несколько часов спустя, медленно отъезжая от вокзала в купе первого класса, Джордж наблюдал, как постепенно исчезает Лондон. В нагрудном кармане, прямо напротив гулко колотящегося сердца, лежал билет в один конец до Бэлфера.

Глава VI

Примерно в то же время, когда поезд увозил Джорджа Бивена с вокзала Ватерлоо, серый гоночный автомобиль, скрежеща тормозами и разбрызгивая из-под колес гравий, подкатил к главному входу замка. Сидевший за рулем тонкий элегантный молодой человек снял гоночные очки, достал часы и обратился к находившемуся на пассажирском сидении толстому юноше.

— Два часа восемнадцать минут от Гайд-парка, Буля. Не пыльно, а?

Его спутник не ответил, он был погружен в раздумья. Он тоже снял гоночные очки, обнаружив румяное и печальное лицо, снабженное кроме всего положенного усиками и лишним подбородком. И хмуро окинул очаровательную картину, доселе скрытую от его очей.

Перед ним, на фоне голубого неба, вздымалась симметрическая громада Бэлферского замка, серый камень и зеленый плющ. По обе стороны, насколько хватало глаз, разбегался ухоженный парк; ровный зеленый газон там и сям пестрил коврами фиалок, кое-где вздымались купы лип, могучие дубы и ясени; все в идеальном порядке, все дышит спокойствием, все так по-английски. Неподалеку, по левую руку, располагался розовый питомник, из которого под острым углом торчало седалище вельветовых брюк, чей владелец, очевидно, был занят сбором улиток. В зелени кустов пели дрозды, грачи галдели на вязах. Издалека доносились звон овечьих колокольчиков и мычание коров. Идиллическая картинка, залитая вечерним светом великолепного весеннего дня и обдаваемая легким дыханием западного ветерка, должна бы навеять благостную, мечтательную созерцательность на того, кто был единственным наследником этого земного рая.

Но душа Перси, лорда Бэлфера, не отзывалась на гармонию Человека с Природой и не находила утешения в том, что все это великолепие в один прекрасный день станет его собственностью. Все мысли вытеснило воспоминание о мучительной сцене в полицейском суде. Замечания судьи, бестактные и бесчувственные, еще звучали в ушах. И потом эта адская ночь в участке… Темнота… Жесткие нары… Нестройный вокализ пьяни и рвани в соседней камере… Быть может, время и сгладит боль воспоминаний, притупит острое, мучительное страдание — но совершенно удалить их из памяти бессильно и время.

Перси был потрясен до самых глубин души. Тело затекло и ныло;

душа кипела вулканом. Его препроводили по Хей-маркету на глазах у всего Лондона под полицейским эскортом. Судья, которого ничто не могло убедить в том, что Перси не пьян в стельку, разговаривал с ним, как с нашкодившим мальчишкой. Он даже позволил себе замечания о его печени, вроде «последите за собой и бросьте пока не поздно» (даже в устах личного врача, в уединении больничной палаты, такие слова неприлично откровенны). Так что не стоит, пожалуй, удивляться, что замок Бэлфер со всеми своими природными и архитектурными достоинствами оставил лорда Бэлфера несколько холодноватым. Он клокотал от негодования, с которым ничего не мог поделать сам Реджи Бинг. Не его избрал бы Перси в тяжелую минуту. Реджи не умел утешать. Он упорно называл его старой Итонской кличкой «Буля», которую Перси терпеть не мог, и всю дорогу отпускал совершенно невыносимые, непристойные замечания по поводу недавнего инцидента.

Они поднялись по лестнице, позвонили, и тут Реджи снова принялся за свое.

— Похоже, — сказал он, — на кусок из мелодрамы. Осужденный сын возвращается в родные пенаты, ковыляет по ступенькам, дергает звонок. Что ждет его за этой дверью? Прощение? Выволочка? О, конечно, седовласый дворецкий, носивший его когда-то на руках, разрыдается в его жилетку, но папа, что скажет старый папа? Как примет он блудного отпрыска?

Лорд Бэлфер помрачнел еще сильнее.

— Мне не до шуток, — холодно сказал он.

— Да что ты, я не шучу. Разве можно шутить в такой момент, когда друг твоей юности стал социальным изгоем?

— Заткнись!

— А ты думаешь, мне приятно показываться рядом с человеком, известным в криминальных кругах как Перси-бей-полисмена? Я держусь, но внутри у меня все клокочет.

Тяжелая дверь отворилась, обнаружив на пороге Кеггса, дворецкого. Это был человек почтенных лет, дородный и достойный, с почтительно-благожелательным лицом, которое засияло, когда он увидел вошедших. Появление их, по-видимому, переполнило чашу его счастья. Светлые, чуть навыкате глаза светились высшим благоволением. Полумраку холла и его массивной мебели он придавал недостающий дух уюта, который так мил сердцу вернувшегося домой скитальца. Весь его вид свидетельствовал, что долгожданный миг наступил, отныне и на века здесь воцарятся спокойствие и счастье. Нам больно, но мы вынуждены сообщить вам, что

все свободное от службы время этот идеальный служака был так далек от почтительности, что называл лорда Бэлфера за глаза «Перси», и даже «наш Персик». Мало того: для старшей прислуги не было секретом, а для младшей служило предметом тайных пересудов то обстоятельство, что Кеггс — в душе социалист.

— Добрый вечер, ваша милость. Добрый вечер, сэр. Лорд Бэлфер только хрюкнул. Реджи был любезней:

— Как дела, Кеггс? Если вы намерены это сделать, то сейчас — самое время. — Он отступил на шаг и приглашающим жестом указал на жилетку лорда Бэлфера.

— Виноват, сэр?

— А! Хотите дождаться более интимного момента? Возможно, вы и правы.

Дворецкий снисходительно улыбнулся. Он не имел понятия, о чем говорит Реджи, но это его не заботило. Он давно уже пришел к заключению, что этот член семьи — не в себе, и гипотеза находила поддержку у личного лакея. Нельзя сказать, что Кеггс не любил Реджи, но в интеллектуальном смысле он считал его ничтожно малой величиной.

— Пришлите чего-нибудь выпить в библиотеку, Кеггс, — сказал лорд Бэлфер.

— Слушаю, ваша милость.

— Могучая идея, — сказал Реджи. — Загоню старушку в гараж и тут же вернусь.

Он вскарабкался в машину и включил зажигание. Лорд Бэлфер проследовал в библиотеку, тогда как Кеггс просочился сквозь обитую зеленым сукном дверь в дальнем конце холла, отделявшую помещения прислуги от остальной части замка.

Едва успел Реджи проехать сотню метров, как заметил свою мачеху и лорда Маршмортона, двигавшихся к нему навстречу от розового питомника. Он подъехал поближе, чтобы поздороваться.

— Привет, мамаша! Салют, дядечка! Домой, в стойло, а? Ну-ну.

Из-под аристократического фасада леди Каролины заметно проступало возбуждение.

— Реджи, где Перси?

— Кто, Буля? По-моему, пошел в библиотеку. Я его только что выплеснул из машины.

Леди Каролина повернулась к брату.

— Пойдем в библиотеку, Джон.

— Хорошо. Хорошо. Хорошо, — раздраженно сказал лорд

Маршмортон. Что-то явно нарушало его душевное спокойствие.

Реджи поехал дальше. Убрав машину, он на обратном пути к дому повстречал Мод.

— Привет, старушка.

— А, это ты, Реджи! Привет. Я ждала тебя вчера вечером.

— Вчера вечером не вышло. Пришлось торчать в городе, выручать нашего Булю. Не мог бросить в час испытания. — Реджи радостно захихикал. — «Час испытания» — недурно, а? Понимаешь, так оно и было.

— Подожди, что случилось с Перси?

— Ты что же, ничего не слышала? А, ну да. Это еще не попало в утренние газеты. Ну, Перси ударил полицейского.

— Что??!

— Вмазал менту. Драма и трагедия. Врезал ему в диафрагму. Абсолютно. Место трагедии отмечено крестиком.

Мод перевела дыхание. Она чувствовала, что каким-то образом это чрезвычайное происшествие связано с ее эскападой. Но чувство юмора возобладало над тревогой. Глаза ее блеснули.

— Перси ударил полицейского?!

— Абсолютно. Человек-тигр. Угроза обществу. Никакого удержу. В силу неведомых причин великодушная кровь Бэлферов вскипает — и шмяк! Забрали его на Вайн-стрит. Как в поэме «И побрел старый Перси, бренча кандалами».[8] А нынче, ясным ранним утром, судья облегчил его на десять монет. Теперь ты видишь, старушка, что наш долг уставился нам прямо в рыло. Мы просто обязаны выдрессировать Булю и сдать в спортивный клуб. Ну, что это?! Классный средневес увядает без толку под сенью родного шалаша.

Мод помедлила минутку.

— Ты, конечно, не знаешь, — спросила небрежно она, — почему он это сделал. Он тебе ничего не объяснил?

— Не сказал ни единого слова. По сравнению с ним устрицы трепливы, могилы болтливы. Абсолютно. Я знаю одно: он дал полицейскому в пояс. Что привело к этому, превыше моего разумения. Хочешь рвануть в библиотеку, поглазеть на вскрытие?

— Вскрытие?

— Понимаешь, я только что видел мамашу и лорда, они шли в библиотеку. Мне показалось, что по дороге домой мамаша прихватила вечернюю газету. Когда она приехала?

— Совсем недавно.

— Значит, так оно и есть. Скорее всего, купила газету, чтобы почитать

в поезде. Господи, неужели она подхватила эту, со стихами? Какой-то субъект так увлекся красотой инцидента, что описал его в поэме. По-моему, стоит заглянуть туда и посмотреть, что там творится.

Мод снова помедлила. Она была смелой девушкой, да и чутье говорило ей, что лучшая защита — нападение. Блеф, вот что ей нужно. Широко раскрытые глаза, неподдельное, невинное удивление… В конце концов, Перси не может быть уверен, что видел ее на Пиккадилли.

— Ладно.

— Кстати, старушка, — осведомился Реджи, — забыл спросить, как твое дельце, выгорело?

— Не очень. Все равно, спасибо, что отвез меня в город.

— Знаешь, — нервно сказал Реджи, — лучше не слишком распространяться на этот предмет. Не вздумай сказать мамаше, что я тебя прокатил.

— Не беспокойся, — сказала Мод. — Я и не собираюсь. Между тем лорд Бэлфер, для поправки самочувствия, прибегнул к виски с содовой. Что-то такое было в библиотеке с ее темными полутонами, тихой, словно покинутый город. Мир с его жестокими приключениями и высокими полицейскими сюда не проникал. Успокаивали ряды книг, которые никто никогда не читал, и бесчисленные таблички для записей, на которых никто ничего не записывал. С широкой каминной доски смотрел, почти сочувственно, бюст какого-то древнего старца. Словом, нечто, отдаленно напоминающее покой, начало было проникать в израненную душу, когда его изгнал, оттуда внезапный стук двери, впустившей брата и сестру. Один взгляд наледи Каролину сказал Перси, что ей все известно.

Он поднялся, приготовляясь к обороне.

— Позволь объяснить…

Подавляемые эмоции сотрясали хозяйку замка. Эта властная дама не потеряла контроля над собой, но ее аристократическое спокойствие редко подвергалось таким суровым испытаниям. Как правильно догадался Реджи, она прочла в поезде ту статью и мир ее обрушился. Цезарь, пронзенный кинжалом Брута, вряд ли испытал худшее потрясение. Другие члены семейства нередко давали ей повод для разочарования. Она уже приучила себя к тому, что брат ходит по саду в вельветовых брюках и вообще ведет себя не так, как подобает графу Маршмортонскому. Она смирилась с пороками Мод, позволившими ей влюбиться в нищего, которого ей никто не представил. Даже Реджи порой проявлял демократические черты, которые она решительно не одобряла. Но в своем племяннике Перси она была совершенно уверена. Он был нерушимой скалой. Уж он-то, по

крайней мере, думала она, никогда не сделает ничего такого, что уронило бы семейный престиж. И вот, если можно так выразиться, «Перед дружиной на коне Гаральд, боец седой…».[9] Иными словами, Перси оказался хуже их всех. Как бы неблагоразумны ни бывали другие, по их вине семейство не попадало на юмористические страницы вечерних газет. Лорд Маршмортон может носить вельветовые брюки, отворачиваться от соседей на приеме и удаляться с книгой в постель, когда долг велит ему быть хозяином на балу; Мод может отдать свое сердце субъекту, о котором никто не слышал; Реджи может появляться в фешенебельных ресторанах с профессиональными боксерами; но уж, во всяком случае, поэты вечерних газет никогда не писали глумливых стихов об их подвигах. Этот последний позор дождался безвинного прежде Перси, который был исключительно щепетилен по части положения в обществе и фамильного имени. И что же? Если верить прессе, он растрачивает драгоценное время юности, носясь по Лондону, как разъяренный готтентот и нападая на полицейских. Чувства леди Каролины мы сравним с переживаниями епископа, который вдруг обнаружил, что один из любимых его священников поклоняется Мумбо-Юмбо.

— Объяснить? — вскричала она. — Что тут можно объяснить? Ты, мой племянник, наследник титула, ведешь себя, как простой хулиган! Твое имя — в газетах!..

— Если бы вы знали все обстоятельства…

— Обстоятельства? Они в газете. Черным по белому.

— Да еще в стихах, — добавил лорд Маршмортон и невольно прыснул. Он вообще легко смеялся. — Ты прочитай. Там есть шикарные строчки…

— Джон!

— Но прискорбные, — поспешил добавить лорд Маршмортон. — Весьма прискорбные. Что ты думаешь?! Ты — мой единственный сын. С нежной заботой я следил, как из младенца ты становился мальчиком, из мальчика — мужчиной. Я всегда гордился тобой. А ты, черт побери, рыскаешь по Лондону, как лев, ищешь, кого бы пожрать, терроризируешь огромный город. Безобидные констебли опасаются за свою жизнь…

— Дадите вы мне сказать? — закричал Перси и поспешил прибавить. — Ты послушай, я шел по Пиккадилли в свой клуб обедать и около Берлингтонского пассажа увидел Мод.

Леди Каролина испустила возглас удивления.

— Мод? Она была здесь.

— Не понимаю, — лорд Маршмортон гнул свою линию, чувствуя, что

с праведным негодованием получилось хорошо. Благоразумно, думал он, продолжить в том же духе, хотя вообще-то Перси не сделал в жизни ничего более удачного, чем это нападение на полицию. Граф в свое время прошел через все дурачества молодости и начинал уже воспринимать своего невинного сына как недочеловека. — Ты что, дикарь какой-нибудь? В Оксфорде ты не встревал ни в какие переделки. Коллекционировал старинный фарфор и молитвенные коврики.

— Прошу тебя, помолчи, — нетерпеливо сказала леди Каролина. — Продолжай, Перси.

— Ну, вот! — обиделся лорд Маршмортон. — Сказать ничего нельзя! Я просто хотел…

— Ты говоришь, Перси, что видел Мод на Пиккадилли?

— То-то и оно. Я решил, это двойник какой-нибудь, но тут она прыгнула в такси.

Лорд Маршмортон не мог пропустить такого. Он был человек справедливый.

— Почему бы девушке не сесть в такси? Почему девушка на Пиккадилли — непременно моя дочь? — продолжил он, загораясь спором и возбуждаясь собственными доводами. — Лондон полон девушек, берущих такси.

— Она не взяла такси.

— Ты только что сказал, что взяла, — подловил его лорд Маршмортон.

— Я сказал, что она села в такси. В нем уже сидел мужчина. Тетя Каролина, это тот самый.

— Боже мой! — вскричала леди Каролина и рухнула в кресло.

— Я совершенно убежден, — торжественно сказал лорд Бэлфер. — Ну, посудите сами. Такси остановилось в пробке, я подошел и в совершенно корректной форме попросил разрешения взглянуть на девушку. Он сказал, что в такси никого нет. Но я видел собственными глазами, что она туда запрыгнула. Все время он высовывался из окна, чтобы заслонить ее от моего взгляда. Я погнался за ним по Пиккадилли в другом такси, настиг у «Карлтона». Когда я подъехал, он стоял на тротуаре. Мод не было. Я потребовал, чтобы он сообщил мне ее координаты…

.— Это напоминает мне, — заметил лорд Маршмортон, — один анекдот. Старый, надо сказать. Если вы его слышали, прервите меня. Женщина говорит служанке: «Хотела бы я знать координаты хозяина!» А служанка отвечает…

— Помолчи! — оборвала его леди Каролина. — Кажется, тебя могло бы заинтересовать благополучие твоей собственной дочери!

— Как же, как же! — торопливо сказал лорд Маршмортон.

— А служанка отвечает: «Они в стирке». Продолжай, Перси. Господи, не целый же день рассказывать эту историю!

— Тут подошел этот дурак-полицейский и спросил, в чем дело. Да, я потерял голову. Он вцепился мне в плечо, а я его ударил.

— Куда? — спросил дотошный лорд Маршмортон.

— Какое это имеет значение? — вскричала леди Каролина.

— Ты поступил совершенно правильно, Перси. Нет, что за нахалы! Трогают людей руками! Скажи, каков этот человек?

— На вид — самый обычный. По правде говоря, мне запомнилось только, что он чисто выбрит. Не понимаю, как Мод могла потерять голову. По-моему, никакого обаяния, — сказал лорд Бэлфер несколько нелогично. И сам Аполлон вряд ли понравится тому, с кого он сбил любимую шляпу.

— Скорее всего, тот самый человек.

— Конечно, кто ж еще! Ну, подумай: он — американец. А человек из Уэльса вроде бы тоже американец.

Наступило тяжелое молчание. Перси уставился в пол. Леди Каролина тяжело дышала. Чувствуя, что от него чего-то ждут, лорд Маршмортон произнес: «Ой, господи!» и серьезно уставился на чучело совы. Тут появились Мод и Реджи.

— Ну-ну, ну-ну, ну-ну, — беззаботно сказал Реджи. Он всегда верил в то, что разговор надо начинать так, чтобы собеседник сразу почувствовал себя уютно. — Ну-ну, ну-ну!

Мод вся напряглась, как перед схваткой.

— Здравствуй, Перси, здравствуй, дорогой, — сказала она, встречая укоряющий взгляд брата с тем совершенным самообладанием, которое возможно только при совершенно нечистой совести. — Что это за слухи? Ты стал бичом Лондона? Реджи говорит, полицейские выныривают из люков, только завидят тебя.

Ледяная атмосфера обескуражила бы менее мужественную девушку. Леди Каролина поднялась и смотрела сурово. Перси пыхтел всей своей измученной душой. Лорд Маршмортон, чьи мысли уже унеслись в розовый питомник, сосредоточился и старался выглядеть грозно. Мод не стала дожидаться ответа. Она являла чарующую картину английской девичьей юности; и у ее брата едва не выступила пена изо рта.

— Папа, миленький, — сказала она, любовно беря его за пуговицу, — я набрала утром восемьдесят три. Попала в длинную лунку за четыре

приема. Одно очко не добрала до рекорда, в жизни так не играла.

— Ой, господи, — слабо произнес лорд Маршмортон, не сводя осторожного взгляда с сестры и похлопывая дочь по плечу.

— Сначала я выдала классический удар, прямо на середину дорожки. Потом взяла медяшку и запустила прямо на границу поля. Сто восемьдесят ярдов, до дюйма. Потом…

Леди Каролина, которая не была поклонницей древней аристократической игры, перебила рассказчицу.

— Нам неинтересно, что ты делала утром. Скажи лучше, что ты делала вчера во второй половине дня.

— Да, — сказал лорд Маршмортон. — Где ты была вчера во второй половине дня?

Мод поглядела на них взглядом маленькой девочки, которая даже и не пыталась сделать что-нибудь недостойное за всю свою небольшую жизнь.

— А что такое?

— Что ты делала на Пиккадилли? — спросила леди Каролина.

— Пиккадилли? Где Перси дерется с полицейскими? Не понимаю.

Леди Каролина была плохим охотником. Она задала один из тех прямых вопросов, на которые можно ответить только «да» или «нет», чего в полемике допускать нельзя, как нельзя стрелять по сидящим птицам.

— Ездила ты вчера в Лондон?

Чудовищная нечестность такого метода уязвила Мод. С самого детства она придерживалась расхожего женского взгляда на Прямую Ложь. Пока речь шла о недоговаривании, она не была чересчур щепетильна. Но намеренной лжи она не терпела. Из двух зол она выбирала то, которое, по крайней мере, не лишит уважения к себе.

— Ездила.

Леди Каролина посмотрела на лорда Маршмортона. Лорд Маршмортон посмотрел наледи Каролину.

— Чтобы встретиться со своим ничтожеством?

— Да.

Реджи Бинг попытался тихонько выскользнуть из комнаты. Он печально наблюдал тяжелую сцену, переминаясь с ноги на ногу, играя пуговицами пальто.

— Не уходи, Реджи, — сказал лорд Маршмортон.

— Э-э, то есть, это… семейная сцена, в общем… вы меня понимаете… надо кое-что сделать…

Он исчез. Лорд Бэлфер нахмурился как туча.

— Значит, это и есть тот человек, который сбил с меня шляпу?

— Что ты хочешь сказать? — спросила леди Каролина. — Сбил с тебя шляпу? Ты ничего не говорил о шляпах.

— Я хотел заглянуть в машину, ухватился за ручку, и тут он ударил по моей шляпе. Она слетела. Пока я ее поднимал, он уехал.

— Кх! — взорвался лорд Маршмортон, — кх, кх, кх! — высшим напряжением воли он состроил маску негодования.

— Надо было потребовать, чтобы его арестовали, — твердо сказал он. — Технически говоря, это нападение.

— Человек, который сбил с тебя шляпу. Перси, — сказала Мод, — это не… Это совсем другой человек. Незнакомый.

— Как будто ты могла ехать в такси с незнакомцем! — едко сказала леди Каролина. — Надеюсь, есть пределы даже твоему легкомыслию.

Лорд Маршмортон прокашлялся. Ему было жалко Мод. Он любил ее.

— Э-э, если посмотреть широко…

— Помолчи, — сказала леди Каролина. Лорд Маршмортон стушевался.

— Я старалась избежать встречи с тобой, — сказала Мод,

— и прыгнула в первое попавшееся такси.

— Не верю, — сказал Перси.

— Это правда.

— Ты просто пытаешься сбить нас со следа.

Леди Каролина повернулась к Мод, выглядевшей при этом, как мученик на дыбе, который дерзает подать застенчивую жалобу, в то же время боясь, как бы не оскорбить в лучших чувствах своих палачей.

— Почему ты не хочешь проявить благоразумие? Почему ты не хочешь послушаться тех, кто старше и мудрее тебя?

— Совершенно точно, — сказал лорд Бэлфер.

— Все это — полная чепуха.

— Совершенно точно, — сказал лорд Бэлфер. Леди Каролина раздраженно повернулась к нему.

— Пожалуйста, не перебивай! Ну вот, из-за тебя я забыла, что хотела сказать.

— По-моему, — сказал лорд Маршмортон, снова показываясь на поверхности, — в таком деле надо…

— Прошу тебя, — сказала леди Каролина, — помолчи. Лорд Маршмортон возобновил молчаливое общение с набитой опилками птицей.

— Любить не запретишь, тетя Каролина, — сказала Мод.

— Почему же? Если есть разумный человек, который… Лорд

Маршмортон оторвался от совы.

— А вот, когда я был в Оксфорде, — словоохотливо сказал он, — я вообразил, что влюблен в девицу из табачной лавки. Безнадежно, заметьте. Жениться хотел. Помню, бедный мой отец забрал меня из Оксфорда и держал здесь, в Бэлфере. Да, под замком. Я был чертовски расстроен, хорошо помню. — Он углубился в славное прошлое. — Как же ее звали, хотел бы я знать? Странно, что не помнишь имен. У нее были каштановые волосы и родинка на подбородке. Я еще целовал…

Леди Каролина, обычно поддерживавшая экскурсы своего брата в семейную историю, прервала воспоминания.

— Нашел время!

— Да нет, я ничего. Все прошло. Так, к слову.

— Что ж, — сказала леди Каролина, — наш отец поступил очень здраво. Не вижу другого выхода. Вот что, Мод, ты не ступишь шагу из замка, пока не преодолеешь эту нелепую страсть. За тобой будут следить.

— Я буду за тобой следить, — сказал торжественно лорд Бэлфер. — Я буду следить за каждым твоим шагом.

Мечтательное выражение проступило в карих глазах Мод.

— Но стены из камня — еще не тюрьма, решетки — не клетка еще,[10] — тихо сказала она.

— С тобой это никогда не случалось, Перси, — сказал лорд Маршмортон.

— Тюрьма, тюрьма, — заверила леди Каролина, не обращая внимания на его вмешательство.

Мод глядела на нее, как пленная принцесса глядит на своих тюремщиков.

— Ну и пусть. А я его люблю, и всегда буду любить, и никто не запретит мне любить его, потому что я его люблю, — сказала она.

— Чепуха, — откликнулась леди Каролина. — Через год ты забудешь его имя. Ты согласен, Перси?

— Совершенно, — сказал лорд Бэлфер.

— Не забуду.

— Очень трудно помнить имена, — сказал лорд Маршмортон. — Сколько раз я пытался вспомнить имя этой девицы из лавочки! Да тысячу раз! Вроде бы на Л. Мюриэль, что ли, или Хильда?

— Через год ты сама удивишься своей глупости. Ты согласен, Перси?

— Совершенно, — сказал лорд Бэлфер. Лорд Маршмортон повернулся к нему.

— Господи помилуй, нельзя же так отвечать! Что такое —

«совершенно»? Если бы кто-нибудь подошел ко мне и спросил: «Это ваш сын?», что, по-твоему, можно ответить. «Совершенно»? Не надо было собирать эти идиотские коврики. Последний разум потерял.

— Говорят, тюремная жизнь ослабляет интеллект, — сказала Мод, подойдя к двери и поворачивая ручку. Паж Альберт, который лечил себе уши, подслушивая у замочной скважины, выпрямил свое маленькое тело и куда-то шмыгнул. — Это все, тетя Каролина? Я могу идти?

— Конечно. Я сказала все.

— Ну что ж. Жаль, что я вынуждена ослушаться, но поделать ничего не могу.

— Посидишь тут несколько месяцев, так сможешь, — сказал Перси.

На лице у Мод заиграла мягкая улыбка.

— Любовь смеется над замками, — тихо сказала она и вышла из комнаты.

— Что она сказала? — заинтересовался лорд Маршмортон. — Кто смеется над замками? Ничего не понимаю. С чего бы это над ними смеяться? В высшей степени полезная вещь. Вот, не далее, как позавчера, заклинило замок у меня в ящике. Слесарь чинил. Очень интересно. От него так и несло дешевым табаком. Это какую же надо глотку, чтобы курить такую дрянь! Но замок починил. Не понимаю, что тут смешного.

Лорд Бэлфер задумчиво подошел к окну и вглядывался в сгущающиеся сумерки.

— И надо ж было этому приключиться, — сказал он с горечью, — накануне моего дня рождения.

Глава VII

Первое необходимое условие для наступающей армии — наличие плацдарма. Вступив в деревню Бэлфер и тем самым завершив первый этап наступления на замок, Джордж избрал своим плацдармом «Маршмортонский Арсенал». Впрочем, избрал — слишком сильно сказано, ибо слово это предполагает возможность выбора, а в данном случае выбора не было. В Бэлфере два кабачка, но только «Маршмортонский Арсенал» может предложить приют всаднику и коню — при условии, конечно, что всадник и конь желают переночевать. Другое заведение, «Синий Кабан», — не более чем пивнушка, где собираются по вечерам нижние слои бэлферского общества, чтобы утолять жажду и рассказывать друг другу нескончаемые, пустопорожние истории. «Маршмортонский» же «Арсенал» — уютная, респектабельная гостиница, обслуживающая деревенскую плутократию. Там в иной вечерок вы можете застать местного ветеринара, дымящего трубкой в обществе бакалейщика, мясника и пекаря, а может быть — и соседских землевладельцев. По субботам там подают, как всегда, на шиллинг, что на деревенском диалекте означает порцию вчерашнего жаркого с вареной картошкой и ломоть сыра тех сортов, которые напоминают, что реклама — двигатель торговли. Во все прочие дни недели, до самого позднего вечера, посетитель «Маршмортонского Арсенала» имеет его почти полностью в своем распоряжении.

Интересно, существует ли во всем обширном мире место более любезное сердцу влюбленного, чем типичная английская деревня? Скалистые Горы, традиционное пристанище разбитых сердец, имеют свои преимущества, но влюбленный должен быть человеком крепкого склада, чтобы сохранять сосредоточенность, когда он в любой момент может наткнуться на рассерженного гризли. В английской деревне таких препятствий нет. Удобства цивилизации она соединяет с умиротворенностью отшельничества, как никакое другое место, кроме, разве, Нью-йоркской Публичной библиотеки. Здесь наш влюбленный беспрепятственно бродит туда и сюда, ни с кем не заговаривая и ни от кого не слыша приветствий, а в конце дня может съесть весьма недурной ужин, сдобренный золотистым элем.

Впридачу ко всем преимуществам деревни, Бэлфер обладает еще и особым шармом благодаря тому, что он знавал лучшие времена.

Собственно говоря, он — в упадке, а упадок — своего рода утешение для израненных душ. Десять лет назад Бэлфер славился на всю Южную Англию своими устрицами. Он расположен на побережье, где остров Хэйлинг, лежащий наискосок от входа в залив, образует нечто вроде лагуны с морской водой, наподобие того, как Огненный остров отгораживает Большой Южный залив Лонг-Айленда от атлантических волн. Бэлферская бухта остается мелководной даже и во время прилива; отлив же оставляет за собой блестящие островки ила, которым устрицы почему-то отдают предпочтение перед всеми другими лежбищами. Бэлферские устрицы долго оставались коронным блюдом на веселых ужинах в «Савое», «Карлтоне» и «Романо». Герцоги дурели от них, хористки рыдали, если их не было в меню. Но в один недобрый час некто открыл, что своей сочностью и пышностью бэлферская устрица обязана тому, что завтраком, обедом и ужином ее снабжает почти исключительно местная канализация. Грань между всенародным признанием и всеобщим забвением очень тонка. Мы наблюдаем это на политиках, генералах и спортсменах; устрицы — не исключение. Поднялась паника, боялись тифа — страх необоснованный и преходящий, но он сделал свое гибельное дело; чуть ли не в один день из процветающего промышленного центра Бэлфер превратился в сонную, миром забытую дыру, какою его и застал Джордж Бивен. Мелководная бухта и поныне там; ил и поныне там; даже устричные островки поныне там; но ни ловцов, ни копошащегося вокруг них делового мирка нет как не было. Слава Бэлфера закатилась, на вратах его надпись «Оставь надежду». Он потерял в значимости, но приобрел в очаровании; и если кто-нибудь жалел об этом, то не Джордж. Для него в его нынешнем душевном разброде Бэлфер был идеальным местом.

Далеко не сразу поднялся Джордж до того уровня, чтобы спросить себя, почему он здесь и что, коли он здесь, он собирается делать. Первые два дня он расслабленно бездельничал, погруженный в свои мысли. Он выкуривал долгие, мирные трубки, наблюдая, как конюхи чистят лошадей на конном дворе; он играл с гостиничным щенком; он удостаивал почтительной ласки гостиничного кота. По уютной мостовой он шел к заливу, бродил по берегу, лежал навзничь на маленьком пляже по ту сторону лагуны, откуда ему открывался вид на красные деревенские крыши, а игрушечные волны плескали на камни, симулируя энергичную суету, которой они пытались прикрыть тот факт, что даже и в двухстах футах от берега глубина не превосходит двух футов. Бэлферская бухта питает неувядающую надежду на то, что ей удастся ввести случайного посетителя в заблуждение и он поверит, что это — открытое море.

Наконец начался отлив. Пустыня моря уступала место морю ила, по большей части покрытому веселой зеленью водорослей. Вечернее солнце играло на мягкой влаге всеми цветами радуги. Птицы запевали в зарослях, а Джордж, поднявшись, брел домой, в дружелюбный уют «Маршмортонского Арсенала». И самое замечательное, что все это казалось ему совершенно естественным, исполненным смысла; не было у него никаких таких ощущений, что, влюбившись в леди Мод и последовав за ней в Бэлфер, он поставил перед собой невыполнимую задачу. Он ходил по воздуху, словно удостоился во сне поцелуя богини; а тот, кто ходит по воздуху, может легко проглядеть валяющийся под ногами булыжник.

Представьте себе его положение, вы, юноши с хилым сердцем и глубокой жалостью к себе, вы, воображающие, что все рухнуло, если, нанося вечерний визит с фунтиком карамелек под мышкой, вы обнаруживаете рядом с ней йельского второкурсника, наигрывающего на банджо. Если для вас мир перевернулся и луна скрылась за тучей, подумайте о Джордже Бивене и о том, что ему противостояло. Вы-то, по крайней мере, там, на месте. Вы можете, если что, затеять драку. На свете есть банджо, но есть и гитары, и завтра, быть может, не он, а вы будете сидеть на залитом лунным светом крылечке; не вы, а он придет слишком поздно. Да, именно он не появится до тех пор, пока вы не пропоете «Любовную песнь бедуина» и, к неудовольствию местных птиц, не приметесь за «Бедняжку Баттерфляй».

Словом, вы — в игре. У вас есть шанс. А Джордж… Ну-ка, попробуйте, съездите в Англию, поухаживайте за дочерью графа, которую вы и видели-то всего раз, и не были формально представлены, и брату ее безвозвратно загубили шляпу. Попробуйте, если семейство хочет выдать ее за другого, и она сама хочет выйти за другого — не за того же самого, а совсем за другого другого; и вообще замурована в средневековом замке… В общем, поезжайте и попробуйте. И возвращайтесь к своему крыльцу со смиренным духом, утешаясь тем, что могло быть и много хуже.

Джордж, как я уже сказал, не осознавал особой трудности своего положения. Не осознавал — и все, до вечера второго дня, который он прожил в «Маршмортонском Арсенале». До тех пор, как я уже указывал, он бродил в золотистом мареве раздумий по умиротворяющим закоулкам деревни. Но в тот, второй день, после обеда, до него дошло, что это очень приятно, но непрактично. Требовались действия. Дела.

Самое первое, очевидное — найти замок. Расспросы в «Маршмортонском Арсенале» выявили, что он буквально рядом — по дороге, проходившей мимо входных дверей. Но это был не тот день

недели, когда публику допускают в замок. Любитель достопримечательностей мог вторгнуться в Бэлфер только по четвергам, от двух до четырех пополудни. В остальное время ему оставалось глядеть издали, как Моисею на горе Нево.[11] Поскольку выбора не было, Джордж пустился в путь.

Очень скоро ему стало очевидно, что «буквально рядом» — эвфемизм. Добрых пять миль прошагал он прежде, чем, преодолев подъем по извилистой тропе, вышел на продуваемую всеми ветрами вершину и увидел внизу, в зелени дерев, то, что было для него теперь центром мироздания. Он присел на каменную стенку и закурил трубку. Замок Бэлфер. Ее дом. Вот он. И что же?

Первая мысль была практическая, даже прозаическая — он не может, даже если захочет, проделывать пять миль туда и пять миль обратно каждый раз, как его потянет в это место. Значит, надо перенести плацдарм куда-нибудь поближе к району боевых действий. Внизу, в долине, стояли аккуратные, крытые соломой домики; один из них был как раз тем, что нужно. Они стояли, окружая замок, по одиночке и группами, как собачки вокруг хозяина, и выглядели так, будто стоят там столетиями. Да и стояли, наверное, ибо выстроены были из такого же толстого камня, что и сам замок. Когда-то, подумал Джордж, замок служил местом сбора для всех жителей, а потом пошел слух о разбойниках, и они поразбежались, попрятались за толстыми стенами.

Впервые после того, как он пустился в свою экспедицию, Джорджа, уставившегося на хмурую серую крепость, которую он собрался брать, охватил какой-то озноб, как-то неприятно засосало под ложечкой. Так чувствовали себя старинные разбойники, взобравшиеся на самый холм, чтобы осмотреть окрестность. Но Джорджу было хуже, чем им. Они, по крайней мере, могли надеяться, что крепкая рука и твердый дух помогут им взять неприступные стены; они не задумывались об этикете. А сейчас недружелюбный дворецкий мог порушить все его планы, отказавшись пустить в замок.

День склонялся к вечеру. За то короткое время, что он провел на вершине холма, небо из голубого превратилось в шафрановое, из шафранового — в серое. Жалобные голоса мычащих коров донеслись из долины. Летучая мышь покинула свое убежище и носилась вокруг зловещим пятном на фоне неба. Месяц сиял над кронами деревьев. Становилось холодно. Джордж повернулся. Ночные тени окутали его, какие-то мелкие существа издевательски чирикали в зарослях и стрекотали ему вслед, когда он ковылял вниз по тропинке.

Вопрос его, не найдется ли в окрестностях замка меблированного домика, не показался агенту по недвижимости истинным бредом. Любого хорошо одетого незнакомца, прибывающего в Бэлфер, местные жители автоматически зачисляют в художники, ибо, в силу своей живописности, он буквально кишит представителями этого братства. Спросив о коттедже, Джордж сделал как раз то, чего от него ожидало бэлферское общество, и агент потянулся за списком, когда слова еще не слетели с его уст. Через полчаса он был сезонным владельцем того, что агент назвал «жемчужиной», и хозяином фермерской жены, которая жила неподалеку и могла, как принято у художников, «ходить за ним». Вся беседа заняла бы несколько минут, не растянись она из-за разговорчивости агента, пустившегося в рассуждения о жителях замка, к которым Джордж внимательно прислушался. То, что он услышал о лорде Маршмортоне, не слишком его обнадежило. Граф стал в последнее время непопулярен среди местных жителей, благодаря твердой (агент сказал «твердолобой») позиции в некотором споре, касавшемся проезда по его земле. На самом деле; виновной была скорее леди Каролина, чем простодушный пэр, но согласно описанию, данному агентом, у Джорджа сложилось впечатление, что граф — эдакий Нерон, напоминающий к тому же снежного человека из Аризоны. Слушая все это о ее отце, зная ее брата, Джордж чувствовал, что сердце его обливается кровью. Ему представлялось, что жизнь в замке среди таких людей мало чем отличается от пыток.

— Что-то надо делать, — пробормотал он. — Что-то надо делать, и быстро.

— Виноват? — сказал агент.

— Неважно, — сказал Джордж. — Что ж, я беру этот коттедж. Пожалуй, сразу выпишу чек за месяц вперед.

Итак, исполненный непреклонной, хотя и не совсем определенной воли, Джордж поселился в просто обставленном, но не лишенном уюта коттедже, называемом в народе «там, у Платта».

Ему могло бы повезти меньше. Это было двухэтажное строение красного кирпича, а не одно из тех соломенных гнезд, что он видел сверху. Те не сдавались, в них много поколений жили семьи. «Там, у Платта» был посовременней; собственно говоря, его измыслил тот самый фермер, чья жена взялась «ходить» за Джорджем, и рассчитал именно на приезжего, у которого есть желание и деньги, чтобы его снимать. Он настолько не укладывался в схему, что в нем была пусть маленькая, но ванная. Кроме этого чуда, была и уютная гостиная, спальня (несколько побольше) на втором этаже и рядом с нею — пустая комната окнами на север, очевидно,

использовавшаяся художниками как мастерская. Остальное пространство первого этажа занимали кухня и буфетная. Мебель изготовил человек, которому лучше было бы применить свои таланты в каком-нибудь другом ремесле, но это несколько уравновешивалось комфортабельной плетеной качалкой отличной работы, оставленной одним из прошлогодних художников; коллеги же его продолжили доброе начинание, разбавив пустоту стен своими пейзажами. Собственно говоря, после того, как Джордж свалил в углу мастерской два диванных чехла, три групповые фотографии фермерских родственников, табличку с благочестивым текстом и фарфоровую фигурку младенца Самуила, место это почти стало домом вдали от дома.

Уединение не будет одиночеством, если ты влюблен. Джордж и не начинал скучать. Омрачала его спокойствие лишь мысль о том, что он никак не помогает Мод выпутаться из беды. Он мог только слоняться близ замка в надежде на случайную встречу. И такова была его фортуна, что на четвертый день случайная встреча все-таки произошла.

Выйдя на утреннее дежурство, он увидел на обочине дороги серый гоночный автомобиль. Тот был пуст, но из-под него высовывались длинные ноги, а рядом стояла девушка, при виде которой у Джорджа бешено заколотилось сердце; и если бы длинноногий решил, что мотор заработал сам собой, то его можно было бы понять и простить.

Он молча пошел к ней; мягкая трава скрывала от нее шум его шагов. Когда он остановился рядом с нею и кашлянул, она вздрогнула и обернулась. Глаза их встретились.

Какой-то миг ее глаза оставались пустыми, затем загорелись радостью узнавания. Она коротко вздохнула, и легкая краска залила ее лицо.

— Могу ли я вам помочь? — спросил Джордж. Длинные ноги, завиляв, выползли на дорогу, вытащив за собою длинное тело. Молодой человек, лежавший под машиной, сел и поворотил к Джорджу измазанное мазутом приятное лицо.

— А? Что?

— Могу ли я помочь? Я умею чинить машины. Молодой человек просиял.

— Спасибо, спасибо, я тоже умею. Я, собственно, только это и умею. Но все равно, спасибо большое.

Джордж смотрел на девушку. Она все молчала.

— Если я что-нибудь могу для вас сделать, — медленно сказал он, — дайте мне знать. Больше всего на свете я хотел бы вам помочь.

Девушка заговорила.

— Спасибо, — тихо, почти неслышно сказала она.

Джордж пошел прочь. Измазанный мазутом молодой человек проводил его взглядом.

— Вежливый какой, — сказал он. — Правда, напористый, что ли. Американец, а?

— По-моему, да.

— Американцы — вежливые. Помню, в Балтиморе, когда я плавал туда на яхте, я спросил дорогу у одного типа, так он меня провожал сто миль и все давал советы. Очень вежливый.

— Ты бы чинил машину, Реджи. Мы страшно опоздаем к обеду.

Реджи Бинг начал заползать обратно.

— Хорошо, старушка. Не подведу. Тут что-то простое.

— Да, только ты поторопись!

— Что я, смазанная молния? — бодро заметил Реджи. — Потерпи, а? Развлекись как-нибудь. Загадывай загадки. Расскажи себе анекдот. Я мигом. Интересно, что этот тип делает в Бэлфере? Вежливый какой… — одобрил Реджи. — Он мне понравился. Ну, за дело, чиним машину.

Улыбающееся лицо исчезло под машиной, как Чеширский кот. Мод задумчиво глядела на дорогу, туда, куда ушел незнакомец.

Глава VIII

Назавтра был четверг, а по четвергам, от двух до четырех, как мы уже говорили, Бэлферский замок распахивал свои двери для широкой публики. Это исчезновение барьеров было давней традицией, и лорд Маршмортон неукоснительно придерживался ее, хотя относился к этому дню неоднозначно. Лорд Бэлфер, теоретически одобряя традицию (как одобрял все семейные традиции, ибо был ярым сторонником всего феодального и принимал положение очень серьезно), от всей души не любил ее на практике. Не раз приходилось ему спешно ретироваться через заднюю дверь, чтобы его не смяли толпы туристов, желающих осмотреть библиотеку или большую гостиную; и он взял в обычай удаляться в спальню сразу же после обеда, чтобы сидеть там, пока не схлынет прилив посетителей.

Кеггс, дворецкий, с радостью предвкушал наступление четверга. Ему доставляло удовольствие сознавать свою значимость и власть над этими стадами изгоев. И то подумать, их можно гонять туда и сюда среди великолепий, которые для него давно стали повседневностью! Нравился ему и звук собственного голоса, когда он обкатанными фразами рассказывал о достопримечательностях. Но и для Кеггса к сладости примешивалась горечь. Как никто другой, он понимал, что благородство его манер, столь впечатляющее толпу, работает против него, когда дело доходит до чаевых. Снова и снова претерпевал он муки, наблюдая, как туристы, сбившись в кучу, словно овцы, нервным шепотом обсуждают, можно ли дать на чай такому важному деятелю, и решают, что нет, нельзя, еще обидится. Поэтому к концу экскурсии он старался, чтобы достоинство смешивалось с сияющим радушием, которое развеет страхи и сомнения и внушит им, что, как ни странно, они вправе поместить свою скромную лепту в достойные руки.

Может быть, только лорд Маршмортон был абсолютно равнодушен к этим публичным визитам. Для него четверг ничем не отличался от прочих дней недели. Совершенно как всегда он натягивал вельветовые штаны и ковырялся в своем возлюбленном саду; и когда, как случалось примерно каждые три месяца, какой-нибудь отбившийся от стада посетитель набредет на него и примет его за садовника, он не пытался объяснить недоразумение, более того — подыгрывал, чтобы вполне соответствовать своему виду. Такие вещи приятно оживляли простодушного пэра.

Джордж пристроился к процессии ровно в два часа, как раз когда Кеггс прочистил горло, чтобы произнести: «Мы находимся с вами в большом холле, и, прежде чем двинуться дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на портрет работы сэра Питера Лели».[12] Это его обычай — начинать Бэлферские четверги с такого замечания; но сегодня произошла заминка, ибо, как только появился Джордж, звонкий голос откуда-то из периферийной части стада произнес неподражаемым тоном:

— О Господи, Джордж!

Билли Дор, прелестное видение в голубом, отделилось от толпы. На ней был пыльник и дорожный шарф, а глаза и щеки сияли от свежего воздуха.

— О Господи, Джордж! Что ты здесь делаешь?

— А ты?

— Я приехала на машине с одним знакомым. Мы завтракали здесь рядом и собирались пообедать в Брайтоне. Он и предложил мне скоротать время, пока сам возится со свечами или с чем там еще. Когда он кончит, он заскочит за мной. Нет, честно, Джордж, как ты сюда попал? Ты смываешься из города, спектакль без тебя буксует, никто не знает, где ты. Мы уже подумывали дать объявление или обратиться в полицию. Может, тебя пришибли пыльным мешком или сбросили в реку.

Эта сторона дела до сих пор не пришла ему в голову. Внезапное приземление в Бэлфере представлялось ему вполне естественным. Он не подумал, что его отсутствие причинит большие неудобства немалому числу людей.

— А я и не подумал. Я… ну, просто так вышло.

— Ты не живешь, случаем, в этом замке?

— Не совсем. У меня тут коттедж. Захотелось провести несколько дней в деревне, я и снял.

— Почему именно здесь?

Кеггс, с неодобрением слушавший нарушителей спокойствия, кашлянул.

— С вашего позволения, мадам. Мы ждем.

— А? Что? — Билли посмотрела на него с сияющей улыбкой. — Простите. Потом, Джордж. — Она дружелюбно кивнула дворецкому. — Все в порядке. Действуй, друг.

Кеггс сухо поклонился и снова прочистил горло.

— Мы находимся с вами в большом холле, и, прежде чем двинуться дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на портрет пятой графини работы сэра Питера Лели. По оценкам экспертов, написан в его лучшей

манере.

По толпе пробежал почти беззвучный ропот, выражающий изумление и благоговение, словно шорох листвы от легкого ветерка. Билли Дор шопотом продолжила:

— Да, большой был переполох, когда обнаружилось, что тебя нету. Каждые десять минут названивали в «Карлтон». Понимаешь, на втором представлении номер «Летний день» провалился, нечем было заменить. Но это ничего. Его просто выкинули и залатали дырку, ты и сам не поймешь, что там заплата. Все равно спектакль на десять минут дольше, чем надо.

— Как он идет?

— Гвоздь сезона. Говорят, продержится тут два года. Насколько я понимаю, в Лондоне успех — не успех, если не можешь повести внуков на тысячное представление.

— Замечательно! Как там все? В порядке?

— Еще в каком! Только вот этот тип крутится около Бэби. Ума не приложу, что она в нем нашла. Коту ясно, что он — слизняк. Да, я тебя понимаю. Такие места стоят пятидесяти Лондонов.

Процессия достигла одной из верхних комнат. Через окно на мили и мили виднелись лесистые холмы. Вдали полоской серебра блестел Бэлферский залив. Билли Дор тихо вздохнула.

— Какая красота… Так бы и стояла здесь всю жизнь, смотрела.

— Обращаю ваше внимание на это окно, — гудел Кеггс, — известное в семейном предании как «Прыжок Леонарда». В тысяча семьсот восемьдесят седьмом году лорд Леонард Форт, старший сын его светлости герцога Лохлейнского, выбросился из этого окна, чтобы не подвергнуть опасности репутацию прекрасной графини Маршмортон, с которой, как говорит предание, у него был невинный роман. Застигнутый его светлостью графом в неурочный час у ее светлости, ибо здесь был ее будуар, он выпрыгнул из открытого окна и, попав на ветви растущего внизу кедра, счастливо отделался несколькими ушибами.

Восхищенный ропот сопровождал эту повесть о мужестве благородного кавалера.

— Вот, — восхитилась Билли, — это здесь и хорошо. На каждом шагу всякие «прыжки Леонарда». Именно в таком месте я бы с удовольствием осела и провела остаток жизни, доя коров и снабжая супом заслуженных поселян.

— Теперь, — сказал Кеггс, взмахом руки подгоняя стадо, — мы проследуем в Янтарную комнату, где находятся гобелены, высоко оцениваемые знатоками и любителями.

Послушная толпа медленно задрейфовала, пристроившись в его фарватере.

— Как ты посмотришь, Джордж, — приглушенно сказала Билли, — если мы пропустим Янтарную комнату? Умираю, хочу попасть в сад. Вон там, где розы, кто-то работает. Может быть, он нас поводит по саду.

Джордж поглядел туда, куда указывал ее перст. Прямо под ними плотный дубленый человек в вельветовых брюках как раз прервал свою работу, чтобы раскурить бугристую трубку.

— Как скажешь.

Они спустились по широкой лестнице. Голос Кеггса, возносившего хвалы гобеленам, доносился до их ушей, как отдаленный барабанный бой. Они прошли к розовому питомнику.

Человек в вельветовых брюках уже раскурил свою трубку и снова склонился над работой.

— Ну что, папаша, — приветливо сказала Билли, — как урожай?

Человек выпрямился. Он был приятен на вид, не очень молод, с кроткими глазами дружелюбного пса. Радостно заулыбавшись, он принялся гасить трубку.

Билли остановила его.

— Курите, курите, на обращайте на меня внимания, — сказала она. — Мне даже нравится. Хорошая у вас работенка, а? Будь я мужчиной, я бы о такой и мечтала. Нет, работать весь день в розовом питомнике! — Она огляделась. — А уж это, — добавила она с одобрением, — питомник что надо.

— Вы любите розы, м… мисс?

— Еще бы! У вас тут, надо полагать, все известные сорта? Все пятьдесят семь?

— Существует до трех тысяч сортов, — смиренно сказал человек в вельветовых брюках.

— Я просто так сказала. Уж мне-то не надо объяснять про розы. Я, можно сказать, их выдумала. Эйрширские есть?

Человек в вельветовых брюках явно пришел к заключению, что Билли — единственно достойный внимания человек на свете, родная душа. Джордж только присутствовал, не больше.

— Эти, вон там — эйрширские.

— У нас в Америке их нет. По крайней мере, я не встречала. А может, и есть.

— Нужна подходящая почва.

— Глинистая, и много влаги.

— Точно.

На лице Билли Дор появилось выражение, какого Джордж у нее прежде не замечал.

— Послушайте, папаша! Возьмем к примеру розовых клопов. Что бы вы стали делать…

Джордж отошел. Разговор принимал слишком специальный характер; к тому же, ему показалось, что его отсутствие никого не огорчит. Более того, на него нашло озарение — из тех, что находят на великих полководцев. Он явился в замок без продуманного плана, в смутной надежде как-нибудь увидеть Мод. Теперь он понимал, что надежды нету. Очевидно, по четвергам семейство уходит в подполье и скрывается там, пока не разойдутся туристы. Зато открывался другой канал коммуникации. Этот садовник выглядит вполне разумным. Ему можно доверить записку.

В давешних блужданиях по замку Джорджу посчастливилось осмотреть библиотеку. Туда легко было попасть через большой холл. Он оставил Билли наедине с ее новым другом за дискуссией о тле и слизняках и быстро прошел обратно в дом. Библиотека была пуста.

Джордж был человек доскональный. Он не любил оставлять что-либо на волю случая. Садовнику вроде бы можно доверять, но кто его знает? А вдруг он пьет? А вдруг он потеряет или забудет где-нибудь драгоценную записку? Косясь настороженным взглядом на дверь, Джордж быстренько нацарапал второй экземпляр. Это заняло несколько коротких минут. Он снова вышел. Билли в этот момент садилась в синюю машину.

— Вот и ты, Джордж! Куда ты подевался? Ну, каким успехом я пользовалась у папаши, я вам доложу! Я оставила ему свой адрес, он обещал прислать кучу роз. Кстати, познакомься с мистером Форсайтом. Фредди, это Джордж Бивен, он написал музыку к нашему спектаклю.

Важного вида юноша, сидевший за рулем, протянул ему руку.

— Мировой спектакль. Мировая музыка. Вообще…

— Ну, Джордж, до свидания. Надеюсь, до скорого?

— Да, да. Поцелуй от меня всех.

— Хорошо. Покатили, Фредди. До свидания.

— До свидания.

Синий автомобиль набрал скорость и скрылся за поворотом дороги. Джордж вернулся к человеку в вельветовых брюках, который, согнувшись в три погибели, преследовал слизняка.

— Можно вас на минуточку? — скороговоркой произнес Джордж. — Передайте вот это леди Мод при первой же возможности. Это очень важно. Вот вам соверен за труды.

И поспешил удалиться, но успел заметить, что тот побагровел от радости. Джордж был человеком скромным, и чрезмерные изъявления благодарности его смущали.

Оставалось распорядиться вторым экземпляром. Может быть, это излишняя предосторожность, но Джордж знал, что победы достаются тем, кто не оставляет ничего на волю случая. Он медленно брел по саду и в сотне ярдов от питомника наткнулся на мальчика в сверкающей пуговицами ливрее. Тот появился из-за кедра, где, по правде сказать, курил краденую сигарету.

— Хочешь заработать полкроны? — спросил его Джордж. Рыночная цена на услуги, видимо, резко упала. Подросток протянул руку.

— Передай эту записку леди Мод.

— Ага!

— Смотри, не задерживайся!

Джордж пошел дальше, ощущая удовлетворение от не зря прожитого дня. Паж Альберт попробовал свою полукрону на зуб и спрятал ее в карман. Затем он пустился бежать, сверкая от восторга голубыми глазами.

Глава IX

В то время как Джордж и Билли беседовали в саду с человеком в вельветовых брюках, Мод сидела не далее чем в сотне ярдов от них в своем любимом укрытии — в облупившейся часовне на берегу заросшего лилиями пруда, выстроенной во времена Регентства. Она читала стихи пажу Альберту.

Паж Альберт был недавним прибавлением к ее тесному кругу. Она обратила на него внимание месяца два назад, в том же примерно духе, как узник приручает и пестует обыкновенную мышь. Обучить Альберта, вытащить из борозды, воспитать его душу представлялось ей достойным трудом и отвечало романтичности ее натуры. Конечно, соратники из людской стали бы рьяно отрицать, что у Альберта есть душа. Судя по внешнему виду — вроде бы есть, но дальше этого никто идти не осмеливался. Всякий, кто увидел бы сладкое, задумчивое выражение темно-голубых, устремленных в пространство глаз, согласился бы, что он похож на очень юного ангела. Откуда было знать, что за этим летящим вдаль взглядом стоит просто-напросто мысль о том, достигнет ли камень из рогатки сидящую на кедре птицу? Мод уж во всяком случае таких подозрений не питала и изо дня в день трудилась в надежде возвысить своего пажа.

Да, она понимала, что это нелегко. Душа Альберта не проявляла особой готовности взмыть ввысь, отказывалась оторваться от земли. Стихи, которые читала Мод, он воспринимал слабо. Читая их приглушенным голосом, она устремила задумчивый взгляд на рябую поверхность пруда. Ласковый ветерок колыхал водяные лилии, отчего они как бы вздыхали.

— Это прекрасно, Альберт! — сказала леди.

Голубые глаза загорелись, губы возбужденно раздвинулись.

— Ой, уже слепни летают! — сказал он. Мод несколько обиделась.

— Да ты не слушаешь?

— Слушаю, м'леди. Во дает! Ну и громадина!

— Оставь слепня в покое, Альберт.

— Слушаю, м'леди.

— И не говори все время «слушаю, м'леди». Так говорят… говорят… — она запнулась, ибо хотела сказать, что так говорят дворецкие, но сообразила, что стать дворецким — самая заветная его мечта. — Это

нехорошо звучит. Говори просто «да».

— Да, м'леди.

Мод не испытывала энтузиазма и по поводу «м'леди», но настаивать не стала. В конце концов, она еще сама не решила, какого отношения к себе хочет от Альберта. Если говорить в широком смысле, ей хотелось бы, чтобы он как можно больше походил на средневекового пажа, это облаченное в атлас сокровище, о котором она читала в легендах. Те, надо полагать, говорили «миледи». Впрочем, чувствовала она уже не впервые, возродить средневековье в наши времена нелегко. Пажи, как и все другое, сильно изменились с тех пор.

— Эти стихи написал очень умный человек, который был женат на одной из моих пра-прабабушек. Он увез ее из этого самого замка в семнадцатом веке.

— Ух ты! — сказал вежливый Альберт, хотя внимание его было поглощено слепнем.

— В глазах света он был много ниже ее, но она знала, какой он добрый, и ее не заботило, что скажут люди об их неравном браке.

— Прям как Сюзан. Женилась на полицейском.

— Кто это Сьюзен?

— Рыжая такая, повариха тут была. Мистер Кеггс ей сказал: «Это у тебя неравный брак, Сюзан». Я сам слыхал. За дверью. А она отвечает: «Сунь свою толстую морду в лужу». Здорово, а?

Такой перевод ее любимой истории на язык людской очень ее огорчил.

— Неужели ты не хочешь, Альберт, — не сдавалась она, — получить хорошее образование, стать поэтом, писать прекрасные стихи?

Альберт поразмыслил над этим предложением и покачал головой.

— Не-а, м'леди.

Это не внушало особой надежды, но Мод была девушка с характером. Без такого характера не впрыгнешь в чужое такси на Пиккадилли. Она взяла с каменной ограды другую книгу.

— Прочти мне отсюда, — предложила она, — и посмотри, не захочется ли тебе вершить великие дела.

Альберт осторожно взял книгу. Ему это все надоело, так сказать — обрыдло. Правда, м'леди дает шоколадку во время этих чтений, но на его вкус они слишком напоминают школу. С неудовольствием глядел он на открытую страницу.

— Начинай, — сказала Мод, закрывая глаза. — Это так прекрасно.

Альберт начал. Голос у него осип (мы боимся, от раннего курения), и

произносил он не слишком четко.

Пушистым и пищальным (ну, печальным!) мхом
Омрачена стена,
На мызе (а чего-й то?), окруженной рвом,
Она сидит одна.
О, Марьяна!..

— Марианна.
— Хорошо.

О, Мэри-Анна!..

— Марианна!
— Ладно.

О, Мыриана, погляди,
Уже спустилась мгла,
И потерпи, и подожди,
И отложи дела!
«Я не могу, — она сказала…

Эта часть Альберту скорее нравилась. Он не любил повествований, которые не сдобрены выражениями «он сказал», «она сказала». Он дочитал со смаком:

«Я не могу, — она сказала —
Ых, я устала, я устала,
Чего не померла?»

Мод слушала одну из самых любимых поэм, как композитор с абсолютным слухом слушал бы школьницу, измывающуюся над его лучшим опусом. Альберт, готовый пробороздить все семь песен, принялся было за вторую строфу, но Мод мягко забрала у него книгу: что хватит, то хватит.
— Разве ты не хотел бы писать такие прекрасные вещи, Альберт?

— Я-то? Не-а, м'леди.

— Ты не хотел бы стать поэтом? Альберт встряхнул золотистой головой.

— Не-а, я буду мясником. Мод вскрикнула.

— Мясником?

— Ага, м'леди. Они здорово зарабатывают, — сказал он, воодушевляясь. — Всем надо мяса, м'леди. Эт' тебе не стихи. Кому они нужны?

— Альберт! — слабо вскрикнула Мод. — Убивать бедных животных!

Глаза Альберта мягко засветились, как у псаломщика от ладана.

— Мистер Уиджен, на ферме, — благоговейно промолвил он, — говорит, если я буду хороший, он даст посмотреть, как будут резать свинью.

Взгляд его полетел над водяными лилиями, мысли витали далеко. Мод передернуло. А средневековые пажи, подумалось ей? Неужели они были такими приземленными?

— Пожалуй, ты можешь идти, Альберт. Ты нужен в доме.

— Слушаю, м'леди.

Альберт поднялся; ему захотелось потихоньку выкурить сигаретку. Он любил Мод, но не может же человек проводить все время с женщинами.

— Как они визжат, свиньи! Елки-палки, м'леди, — сказал он, как бы желая пополнить на прощанье ее сокровищницу знаний. — У-у! За милю слыхать.

Он ушел, Мод осталась, исполненная смутных желаний, Теннисонова «Марианна»[13] всегда наполняла ее смутными желаниями, даже в исполнении Альберта. Когда обычная жизнерадостность сменялась сентиментальной грустью, ей казалось, что поэму эту продиктовало автору пророческое знание о ней, так точно описывал он ее историю:

Пушистым и печальным мхом
Омрачена стена…

Ну, пусть не эта часть, допустим. Если бы лорд Маршмортон обнаружил, что его стены заросли хотя бы тонким слоем инородной субстанции, он заметался бы взад и вперед, как норд-ост, каждым своим дуновением увольняя садовников и подмастерьев. Но вот это:

Ах, я устала, я устала!

Зачем не умерла?

Как это точно! В те минуты, когда она не размахивала клюшкой или не занималась иной здоровой забавой, отвлекающей мысли от неприятностей, эти слова вполне описывали ее положение.

Почему Джеффри не приехал, хотя бы не написал? Она ведь написать не могла. Письма из замка отправляли только одним путем — через шофера Роджерса, который каждый вечер отвозил их в деревню. Как же можно довериться столь открытому способу доставки, особенно теперь, когда за каждым ее движением тщательно следят? Открыть и прочитать чужое письмо — дело низкое и подлое, но она не сомневалась, что леди Каролина пойдет на это, не моргнув глазом. Она изнывала от желания излить Джеффри душу, но не решалась сделать это достоянием широкой общественности. Все и без того достаточно плохо, особенно после этой ужасной вылазки в Лондон.

На этом месте в ее мысли просочилась успокоительная струя — она вспомнила, как Джордж Бивен сбивает шляпу с ее брата Перси. Это — единственная приятная вещь, которая с ней случилась, она даже не помнит с каких пор. И тут, в самый первый раз, ее разум снизошел до того, чтобы сосредоточиться на авторе этого акта, на Джордже Бивене, друге в беде, которого она встретила накануне. Что он делает в Бэлфере? Его присутствие что-то значило, его слова — тем паче.

Он недвусмысленно заявил, что хочет ей помочь.

Нет, какая ирония! Рыцарь явился на выручку — но не тот рыцарь. Почему в осаде у замка не может сидеть Джеффри, а не этот, пусть и приятный, но ненужный человек? Успела ли она уловить мелькнувшее разочарование; успела ли подумать, что Джеффри ее подвел? Она и сама бы не сказала, ибо сразу сокрушила это чувство.

Она задумалась о приезде Джорджа. Что толку, что он где-то поблизости, если нет ни малейшей возможности узнать, где именно? В ее положении она не может слоняться по всей округе. Но даже, предположим, она нашла — дальше-то что? Что может поделать чужой человек, каким бы приятным он ни был?

Внезапная мысль бросила ее в жар. Конечно, Джордж может помочь, если захочет. Он может получать, отправлять и даже доставлять ее письма. Если бы она вошла в контакт с ним, через него она вошла бы в контакт с Джеффри.

Весь мир изменился вокруг нее. Солнце садилось, холодные порывы

ветра колыхали водяные лилии, все как-то помрачнело — но не для Мод; природа улыбалась ей. С присущим влюбленным эгоизмом она даже не подумала о той роли, которую отводит Джорджу — скромную роль дупла, куда опускают письма. Ей и в голову не пришло подумать о его чувствах. Он предложил свою помощь, вот ему дело. Мир полон Джорджей, чья роль в том, чтобы торчать на заднем плане в постоянной, безотказной готовности.

К такому заключению она пришла как раз в тот миг, когда Альберт, для быстроты своей миссии срезавший путь, обрушился на нее прямо из зарослей рододендрона.

— М'леди, джентльмен сказал вам дать, вот!

Мод прочла записку. Она была коротка и конкретна: «Я остановился недалеко от замка в коттедже, называемом «Там, у Платта». Это сравнительно новый дом красного кирпича. Вы без труда его найдете. Я жду Вас на случай, если я Вам понадоблюсь».

И подпись: «Человек в такси».

— Альберт, ты знаешь коттедж, который называют «там, у Платта»? — спросила Мод.

— Знаю, м'леди. Эт возле фермы. В среду на той неделе там резали куренка, я видал. Знаете, м'леди? Куренку отрежут голову, а он еще носится по двору как обалделый.

Мод передернуло. Юный, живой энтузиазм Альберта порой коробил ее.

— Оказывается, там поселился один мой приятель. Отнеси ему от меня записку.

— Слушаю, м'леди.

— И, Альберт…

— А, м'леди?

— Было бы хорошо, если бы ты не упоминал об этом никому из своих друзей.

В кабинете лорда Маршмортона заседал совет трех. Предметом дебатов служил тот экземпляр, который Джордж опрометчиво доверил простодушному садовнику. Состоял совет из лорда Маршмортона, довольно пристыженного, его сына Перси, надутого и серьезного, и леди Каролины, которая смотрела трагической королевой.

— Это, — уверенно говорил лорд Бэлфер, — решает дело. Отныне мы не должны ни на минуту выпускать Мод из вида.

Слово взял лорд Маршмортон.

— Жаль, — сказал он, — что я вообще заговорил об этой записке.

Просто хотел вас позабавить.

— Позабавить! — голос леди Каролины сотряс мебель.

— Да, позабавить. Надо же было выбрать именно меня! — объяснил ей брат. — Я не хотел навлечь на Мод лишние беды.

— Ты проявляешь преступную слабость, — сурово сказала леди Каролина. — Я бы не удивилась, если бы ты передал записку нашей заблудшей девочке и никому ничего не сказал. — Она вспыхнула. — Какое нахальство — приехать и поселиться у самых ворот замка! Если бы его приютил кто-нибудь другой, я бы добилась, чтобы его выставили. А так, этот Платт только рад узнать, что доставляет нам неприятности.

— Совершенно верно, — сказал лорд Бэлфер.

— Ты должен как можно скорее отправиться к нему, — сказала она, властным взглядом пригвождая брата к месту, — применить все свои способности, чтобы объяснить ему, как мерзко его поведение.

— Не могу, — сказал граф. — Я его не знаю. Он меня просто выгонит.

— Чепуха! Отправляйся при первой же возможности.

— Хорошо, хорошо, хорошо! Пойду-ка я в сад. До ужина еще целый час, не меньше.

В дверь постучали. Вошла Алиса Фарадей, улыбаясь мило и услужливо.

— Я так и знала, что вы здесь, лорд Маршмортон. Вы обещали пройтись со мной по этим заметкам, насчет Эссекской ветви…

Загнанный пэр готов был выпрыгнуть в окно.

— Как-нибудь в другой раз, в другой раз. Я… у меня важное дело…

— А, если вы заняты…

— Разумеется, лорд Маршмортон будет счастлив поработать над вашими записями, мисс Фарадей, — трескучим голосом произнесла леди Каролина. — Садитесь сюда. Мы уже уходим.

Лорд Маршмортон бросил тоскливый взгляд за окно. Потом он вздохнул, уселся в кресло и достал очки.

Глава X

Настоящий игрок в гольф знает, что жизнь коротка, совершенства в ней добиться трудно, и потому не упускает возможности поупражняться в своей излюбленной забаве. Ни дождь, ни ветер, ни иное влияние его не остановят. Рассказывают, как от одного игрока уходила жена. «Не передумаешь? — говорит он. — Ничто тебя не удержит? Ну ладно, тогда ты пакуйся, а я пока пойду на газон, надо отточить косой удар». Джордж Бивен был человек того же склада. Пусть ты влюблен, пусть любовь навеки заполнила твое сердце — это еще не причина закрывать глаза на то, что твоя квалификация пострадает, если не поддерживать себя в форме. Прибыв в Бэлфер, он первым делом выяснил, где ближайшее поле, и на следующее утро после посещения замка отправился туда.

В этот ранний час в гольф-клубе было пусто, и он предался было игре в одиночку, когда со свистом и грохотом подкатил гоночный автомобиль, а из него показался тот самый долговязый человек, который недавно на дороге извивался под этой самой машиной. Реджи Бинг не позволял ничему, даже любви, становиться помехой гольфу; радужная перспектива поторчать у замка в надежде мельком увидеть Алису и обменяться с нею робкими фразами не удержала его вдали от поля.

Реджи окинул Джорджа дружелюбным взором, смутно припоминая, что где-то когда-то его видел. Он всегда питал благорасположение ко всякому, кого он встречал где-то и когда-то, и рассматривал того, как закадычного приятеля.

— Привет, привет, привет, — бросил он.

— Доброе утро, — ответил Джордж.

— Ждете кого-нибудь?

— Нет.

— Тогда поиграем, а?

— С удовольствием.

Джордж поймал себя на том, что никак не может понять, кто же это такой. Очевидно, он — друг Мод; вероятно, он живет в замке. Хотелось бы порасспросить его, поиспытать, пораздобыть сведения из первых рук; но такова уж особенность гольфа — как, впрочем, и любви, — что они на время изменяют самую природу своих жертв. Реджи, в повседневной жизни общепризнанный пустомеля, на время матча превращался в суровую, молчаливую, целенаправленную личность, всецело

сосредоточенную на игре. Он не вступал ни в какие разговоры, если не считать резких замечаний узко-специального характера, да вырывающихся порой словечек, когда мяч летел не туда. Лишь когда заканчивался очередной раунд, он снова становился самим собой.

— Если бы я знал, что вы такой дока, — великодушно сказал он, когда Джордж закатил восемнадцатый мяч с десяти футов, — я бы взял мяч-другой форы.

— Я сегодня в ударе, — скромно сказал Джордж. — Бывает, я мажу, как масло на хлеб, не могу попасть в стог сена.

— Сообщите, когда это будет, я вас вызову. Не припомню, когда я видел такой смачный удар, как у вас на пятнадцатом. Напоминает мне матч, я как-то видел, между… — и Реджи углубился в технические тонкости. Закончив речь, он полез в свою машину.

— Подбросить?

— Спасибо, — сказал Джордж. — Если вам по пути.

— Я стою в Бэлферском замке.

— Я живу рядом. Может, заскочите по пути, выпьем по стаканчику?

— Здоровая мысль, — согласился Реджи.

За десять минут машина поглотила расстояние от клуба до коттеджа. Реджи делил эти десять минут между отчаянными усилиями объехать встречающиеся на дороге повозки, пресечением суицидальных попыток бродячей птицы и отрывистыми, благосклонными замечаниями о своих ударах.

— Классное местечко! — заметил он, увидев коттедж. — Абсолютно! Хорошо бы осесть в такой избушке, развести кур, растить золотые хлеба, а жена приходского священника принесет тебе суп и варенье. Вы здесь один?

Джордж деловито цедил сельтерскую в стакан гостя.

— Да. Миссис Платт приходит стряпать. Жена соседнего фермера.

Сдержанный возглас оторвал его от сельтерской. Реджи Бинг глядел на него во все глаза.

— Ни фига себе! Миссис Платт! Значит, вы и есть тот самый типус?

— Типус?

— Ну, вокруг которого развели бодягу. Мамаша еще сегодня утром говорила, что вы живете здесь.

— Какую бодягу?

— Ну, прямо! — Реджи стал серьезней. — Послушайте, не хочу носить дурные вести, но неужели вы не знаете, что у нас там ба-альшой накал страстей? Да, из-за вас, из-за вас. В замке. Не хочу вмешиваться в

ваши дела… сами понимаете, нельзя вот так вот ворваться, и чтобы не развели бодягу. Дочка в вас влюблена; сын давится от злости потому что подрался с вами на Пиккадилли; а вы приезжаете и прикалываетесь у самых ворот. Естественно, семейство психует. Естественно, а? Или как?

Джордж дослушал эту речь в глубоком изумлении. Мод влюблена в него? Невероятно! Он полюбил ее с первой же встречи, но это совсем другое дело. Вот это — естественно, это — в порядке вещей. Но она… Нет, это абсурд, это смешно.

— Влюблена? — вскричал он. — Что вы такое говорите? Реджи изумился ничуть не меньше.

— Черт подери, а вы не знали? Что, она вам не говорила? Мне говорила.

— Говорила вам? Кажется, я схожу с ума.

— Абсолютно. То есть, я хочу сказать, абсолютно не сходите. Послушайте. — Реджи замялся. Предмет был деликатного свойства, но если начали, можно и продолжать. Не возвращаться же теперь к гольфу! Пришло время выложить карты и раскрыть козыри. — Я вам так скажу, — он прощупывал почву, — вы, конечно, решите, что это хамство. Абсолютно чужой человек и все такое. Мы даже не знаем, как кого зовут.

— Бивен, если это вам поможет.

— Спасибо. Еще как поможет. Бинг. Реджи Бинг. Ну вот и познакомились, мы теперь приятели. Ладно, начну с того, что мамаша вбила себе в голову поженить нас с Мод. Друзья с пеленок, сами понимаете. Вместе росли, и все такое. Нет, ну то есть она — самый высший класс, вы меня понимаете, но я жутко влюблен в другую. Безнадежно, и все такое прочее, но уж как есть. Мамаша тычет меня шилом в зад, заставляет сделать предложение — а Мод не согласится, даже если я буду единственный человек на земле. Вы не представляете себе, какое это было облегчение, когда она сказала на днях, что влюблена в вас, а на прочих и глядеть не хочет. Поверите, пел от радости.

Джорджу захотелось последовать этому примеру. Только песня и могла бы выразить то неземное счастье, которое навеяли на него эти откровения. Весь мир стал иным. За мускулистыми плечами Реджи вырастали крылья. Тихая музыка витала в воздухе. Даже обои и те казались в меру привлекательными.

Они налили себе еще виски с содовой. Не считая песни, это было самое лучшее.

— Понимаю, — сказал он. А что еще мог он сказать? Реджи рассматривал его с завистью.

— Хотел бы я знать, что люди делают, чтобы понравиться. Другие умеют, а я и не знаю, как приступить. Понимаете, она смотрит сквозь меня. То есть, смотрит на меня, но так, будто меня надо пожалеть. Конечно, она-то очень умная, а я такой чурбан. Тут уж полная безнадега, а?

Джордж, в облаках новообретенного счастья, был рад оказать душевную поддержку менее удачливому смертному.

— Ну, что вы? Вам надо только…

— Да? — жадно сказал Реджи. Джордж покачал головой.

— Нет, не знаю, — сказал он.

— И я не знаю, провались все пропадом, — сказал Реджи. Джордж прикинул.

— По-моему, это вопрос удачи. Или тебе везет, или нет. Возьмем, к примеру, меня. Что во мне такого, чтобы меня полюбила чудесная девушка?

— Ничего! Я вас понимаю… то есть, я хочу сказать…

— Нет-нет, вы правильно начали. Это вопрос удачи. И ничего не поделаешь.

— Я там торчу, все лезу ей на глаза, — сказал Реджи. — Она прямо-таки спотыкается об меня. Думал, хоть это поможет.

— Может и помочь.

— С другой стороны, когда мы встречаемся, я не могу придумать, что сказать.

— Это нехорошо.

— Нет, просто смех! Ведь не скажешь, что я по природе молчаливый. А с ней — не знаю. Прямо ерунда какая-то. — Он осушил свой стакан и поднялся. — Ладно. Я, пожалуй, пойду. Сидите, сидите, я сам. Как-нибудь поиграем еще, а?

— С удовольствием. В любой момент.

— Ну, пока.

— До свидания.

Джордж отдался дивным думам. Впервые за всю жизнь он остро ощутил, что существует. Его как бы заново сотворили. Все, что было вокруг, все, что он делал, было ему по-новому интересно. Он впервые услышал, как тикают часы. Когда он поднял стакан, в этом простом действии засквозила какая-то необычная новизна. Все его чувства странно обострились. Он мог бы даже…

— А что, — вопросил Реджи, появляясь, как фокусник, в дверях, — если я буду дарить ей цветы? Она их любит.

— Отлично, — поддержал его Джордж, не услышавший ни слова.

Недавно обретенную остроту чувств сопровождала странная неспособность внимать чужим речам. Это, конечно, пройдет, но пока что он — слушатель неважный.

— Во всяком случае, попробовать стоит, — сказал Реджи. — Забросим удочку разок-другой. Ну, пип-пип!

— До свидания.

— Ку-ку!

Реджи исчез, и вскоре раздался шум заводимого двигателя. Джордж вернулся к своим мыслям.

Для человека в такой кондиции время, как мы его понимаем, перестает существовать. Прошла ли минута или несколько часов, Джордж не знал, но вдруг обнаружил около себя мальчика, золотоголового мальчика с голубыми глазами, одетого в ливрею пажа. С трудом выйдя из транса, он мальчика узнал — это ему он вручил записку для Мод, а потому в Джорджевой системе отсчета он был объектом особой значимости.

— Здрасьте, — сказал паж.

— Здорово, Альфонс, — сказал Джордж.

— Я не Альфонс.

— Да? Ну так поосторожней, а то станешь.

— Вам письмо. От леди Мод.

— Там, на кухне, есть пирог и газировка, — сказал благодарный Джордж. — Не попробуешь?

— Ну прям! — сказал Альберт. — Попробую! Да я все смечу.

Глава XI

Дрожащими, благоговейными пальцами Джордж вскрыл конверт.

> «Уважаемый мистер Бивен!
>
> Весьма признательна Вам за письмо, переданное через Альберта. С Вашей стороны очень, очень мило…»

— Эй, вы!

Джордж раздраженно поднял глаза. Перед ним снова появился мальчик.

— В чем дело? Не можешь найти пирог?

— Пирог-то нашел, — отвечал паж, подтверждая истинность этих слов массивным ломтем, от которого, чтобы подкрепить разум, он уже отхватил существенный кус. — А газировки нет.

Джордж отмахнулся. Что за докука, да еще в такой момент!

— Ищи, дитя, ищи! Вынюхивай! Нападай на след! Она где-то там.

— Ладно, — промычал Альберт сквозь пирог, слизывая крошку со щеки языком, который мог бы вызвать зависть у муравьеда. — Люблю газировку.

— Ну так пойди, выкупайся в ней.

— Ладно.

Джордж снова обратился к письму.

> «Уважаемый мистер Бивен!
>
> Весьма признательна Вам за письмо, переданное через Альберта. С Вашей стороны очень, очень мило вот так приехать сюда и сказать…»

— Эй, вы!

— Господи! — Джордж свирепо взглянул на него. — Что еще? Не можешь найти газировку?

— Не-а, газировку я нашел, не могу найти эту штуку.

— Какую штуку?

— Ну, штуку. Чем открывать.

— А, эту штуку! Она в среднем ящике.

— Ладно.

Джордж испустил вздох изнеможения и начал сначала.

«Уважаемый мистер Бивен!

Весьма признательна Вам за письмо, переданное через Альберта. С Вашей стороны очень, очень мило вот так приехать сюда и сказать, что Вы хотите помочь мне. Как Вам удалось найти меня при всей моей скрытности тогда, в такси? Вы и вправду можете мне помочь, если пожелаете. Слишком долго объяснять в записке, но у меня большая неприятность, и Вы один можете мне помочь. Расскажу при встрече. Трудность в том, чтобы ускользнуть из дому. Боюсь, что за каждым моим движением следят. Но я изо всех сил постараюсь увидеться с Вами как можно скорее.

С искренним уважением, Мод Марш».

На минутку, следует признать, тон письма его обескуражил. Трудно сказать, чего он ожидал, но откровения Реджинальда подготовили его к чему-то другому, более напоминающему письмо к любимому человеку. Однако он тут же понял, насколько нелепы такие ожидания. Как, скажите на милость, может благоразумный человек ожидать, что девушка даст волю своим чувствам на этой стадии отношений? Первый шаг должен сделать он. Естественно, она не станет признаваться, пока он не признается.

Джордж поднес письмо к губам и жарко поцеловал.

— Эй, вы!

Джордж вздрогнул, мгновенно смутившись. Краска стыда залила его щеки. Звук поцелуя гудел и отдавался по всей комнате.

— Кис-кис-кис, — пощелкал он пальцами, повторяя постыдный звук. — Кошку зову, — объяснил он с достоинством. — Не видел?

Глаза его встретились с насмешливым взглядом Альберта. У того слегка подрагивало левое веко. Объяснение его не убедило.

— Маленькая такая кошечка, черная с белой манишкой, — не сдаваясь, бормотал Джордж. — Должна быть где-то здесь… или там… или где еще? Кис-кис-кис!

Губы, похожие на лук Купидона, раздвинулись, и Альберт произнес одно слово:

— Сила!

Воцарилось напряженное молчание. О чем думал Альберт — неизвестно; мысли юности — долгие, долгие мысли. О чем думал Джордж? Он думал о том, что покойника Ирода[14] совершенно несправедливо упрекают за дела, достойные государственного мужа и необходимые для

общества. А у нас что? Наше правосудие считает, что выпотрошить и тайно схоронить дитя — это преступление.

— Что такое?

— Сами знаете что.

— Да я тебе!..

Альберт прервал его энергичным взмахом руки.

— Ладно, я вам добра желаю.

— Серьезно? Ну так молчи. Я, знаешь ли, должен оберегать свою репутацию.

— Сказано, добра желаю. Я вам могу помочь.

Тут воззрения Джорджа на детоубийство несколько изменились. В конце концов, подумал он, юности многое прощается. Юности смешно, что кто-то целует письма, и она смеется. Конечно, это не смешно, это — прекрасно, но что толку спорить? Пусть похихикает, а когда отхихикает свое, пусть действует, помогает. Такого союзника, как Альберт, презирать нельзя. Джордж не знал, что входит в пажеские обязанности, но они, должно быть, оставляют много времени и свободы; дружески же расположенный к нему житель замка, имеющий время и свободу, и есть то, что нужно ему, Джорджу.

— Спасибо, — сказал он, усилием воли собирая черты лица в относительно доброжелательную улыбку.

— Могу! — настаивал Альберт. — Сигаретка есть?

— Ты куришь?

— Когда раздобуду сигаретку, курю.

— Очень жаль, но не могу тебе посодействовать. Я не курю сигарет.

— Придется курить свои, — грустно сказал Альберт.

Он углубился в тайники кармана и достал оттуда обрывок бечевки, нож, ключичную косточку какой-то птицы, два шарика, смятую сигарету и спичку. Бечевку, нож, косточку и шарики он убрал на место, спичкой же чиркнул о наиболее тугую часть своего тела и запалил сигарету.

— Могу помочь.

— Сейчас ты мне скорее помешал, — сказал Джордж, отшатываясь.

— Э, что?

— Неважно.

Альберт с удовольствием затянулся.

— Я все про вас знаю.

— Вот как?

— Про вас и леди Мод.

— Ах вот как? Все знаешь?

— Я у скважины подслушивал, когда они ругались.

— А они ругались?

Слабая улыбка озарила лицо Альберта при сладком воспоминании.

— Жуть как ругались! Орали и вопили на всю улицу. Про вас и про леди Мод.

— А ты все впитывал, да?

— Э, что?

— Я говорю, ты все это слушал?

— А то! Я ж вас вытянул в лупарею, так конечно слушал. Джордж потерял нить.

— В лупарею? Что такое лупарея?

— Ну как это, бросают бумажку в шляпу. Кто вытянет счастливый билет, того и деньги.

— Ах, лотерея!

— Я и говорю.

Джордж по-прежнему недоумевал.

— Не понимаю. В каком смысле ты вытянул меня в лупарею, то есть в лотерею? Что это за лотерея?

— Да у нас, в людской. Эт' все Кеггс, он начал. Он говорит, он всегда такую заводил, где служил дворецким, если там дочки в доме. Балы всякие, то-се, дочка замуж и выскочит. Ну вот, Кеггс пишет всех мужчин на бумажках, бросает в шляпу, а ты платишь пять шиллингов за билет и тянешь. Кто угадает, тот забирает все деньги. А если дочка ни за кого не выйдет, тогда деньги прячут и прибавляют, когда другой бал.

Джордж даже задохнулся. Тайны людской в знатных домах Англии ошеломили его. Изумление, впрочем, скоро сменилось негодованием.

— То есть как? Вы ставите на леди Мод?! Ну и гады. Альберт обиделся.

— Эт кто гады?

Джордж почувствовал, что нужна дипломатия. В конце концов, от этого юноши зависит многое.

— Я имел в виду дворецкого, как его, Кеггса.

— Он не гад, он — змей, — Альберт затянулся, чело его потемнело. — Всегда он тянет. И как это он ухитрился вытянуть кого надо!..

Альберт прыснул.

— Но тут я его достал, прям как есть! Он вообще меня хотел не пускать. Мал еще, говорит. Хотел без меня тащить. «Врежьте ему в ухо, — это он говорит, — и гоните к чертям». А я говорю: «Хрена! А чего мне будет, ежли я пойду к его милости и накапаю?» Он говорит: «Ладно,

пущай, где твой пятак? Только ты тащи последним, потому как младше всех». Ладно. Они тащат, и, конечно, Кеггс вытягивает — кого? Мистера Бинга.

— Мистера Бинга, вот как?

— Ага. Все знают, что Реджи — козырная карта. Ну он и рад! Во всю морду, змеюка! А моя очередь как дошла, он мне и говорит: «Извиняюсь, Альберт, а только имен-то нету! Все вышли!» «Правда, — я говорю, — все вышли? Ну ладно, коли вы все такие честные собрались, дайте и мне честный шанец». А он говорит: «Эт в каком смысле?» А я говорю: «Напиши на бумажке «мистер икс», и ежели ее милость на ком-нибудь женится, кто не был на балу, я и выиграл». «Хорошо, — это он говорит, — а ты знаешь, какие у нас условия? Ничего вообще не считается, если не выйдет за две недели после бала», — это он мне говорит. «Ладно, — я говорю, — давайте, пишите билет, так оно будет честно и по-людски». Ну, пишет он билет «мистер икс», а я говорю им всем: «Будете свидетелями. Если кто не с этого бала и она на нем женится, тогда я выиграл весь котел». — Они говорят, мол, все правильно, и я им тогда прямо так и леплю: «Не слыхали? Наша миледи влюблена в одного американца». Они сначала не верили, а потом Кеггс пораскинул мозгами, сложил, помножил, то да се, сразу побелел, как простыня, и говорит, это надувательство, тянуть все заново, а они говорят, нет, все честно, один предложил за мой билет десятку откупного. Ну, я — ни в какую. Вот, — подытожил Альберт, бросая окурок в камин как раз вовремя, чтобы не обжечь пальцы, — я и хочу вам помочь.

Из всех известных состояний духа среднему человеку труднее всего долго поддерживать в себе возвышенное негодование. Джордж был именно человек средний, и в течение только что отзвучавшего монолога все время чувствовал, что куда-то сползает. Сначала его просто тошнило; потом, помимо воли, смешило; теперь же, когда он узнал все факты, он не мог думать ни о чем, кроме небывалой удачи — он обрел союзника, сочетающего не по годам развитый ум с полным отсутствием совести. На войне как на войне, в любви — как в любви: и там и тут человек практичный требует от своих соратников скорее умения драться, чем величия души. Паж, исполненный больших достоинств, в данном случае был бы бесполезен. Альберт, который при таком непродолжительном знакомстве успел показать, что достоинства ему неведомы и он не распознает их, даже если их поднесут ему с зеленым горошком, обещал стать бесценным помощником. Что-то говорило Джорджу, что его прямо распирает от полезных идей.

— Возьми еще пирога, — нежно сказал Джордж. Альберт покачал головой.

— Возьми, — упрашивал Джордж, — хоть кусочек.

— Там нету кусочка, — с сожалением отвечал Альберт. — Я все съел, — он вздохнул. — Есть план!

— Отлично! Какой? Альберт сдвинул брови.

— Такой. Вы хотите видеть м'леди, но не можете прийти в замок, и она не может к вам прийти, с этим толстым братцем на хвосте. Так или не так? Вру я?

Джордж поспешил заверить, что все — совершенно так, и спросил, каков же выход.

— Вот какой. Сегодня там большой бал, брату нашему двадцать один год. Все графство собирается.

— Ты считаешь, что мне надо проникнуть туда и смешаться с гостями?

Альберт презрительно фыркнул.

— Что я, дурак, что ли?

Джордж поспешно извинился. — Не-а, вот чего вы можете. Я слышал, Кеггс говорил экономке, что придется нанять временных официантов… Джордж потрепал его по голове.

— Эй, не порти прическу, — холодно отшил его паж.

— Альберт, ты великий мыслитель своего века. Я проникаю в замок под видом официанта, ты предупреждаешь леди Мод, и мы с ней беседуем. Лучше не придумал бы сам Макиавелли.[15]

— Мак… кто?

— Один из твоих предшественников. Великий интриган того века, своего. Да, но…

— Чего еще?

— Как это устроить? Как мне получить это место?

— А, эт просто. Скажу экономке, что вы — мой родственник из Америки, официант в лучших ресторанах. Приехал, мол, в отпуск, на один вечер согласен, так и быть. Заплатят кое-что.

— А я отдам тебе.

— Это хорошо, — одобрил Альберт, — я как раз хотел предложить.

— Тогда ты все и устраивай.

— Конечно я, кому ж еще? Вам надо прийти ровно в восемь к служебному входу и сказать, что вы — мой родственник.

— Как можно говорить такие вещи?

— А, что?

— Неважно.

Глава XII

Большой бал в честь совершеннолетия лорда Бэлфера был в разгаре. Репортер «Бэлферского вестника», находившийся там по долгу службы и допущенный дворецким понаблюдать через боковую дверь, справедливо отмечал назавтра в своем отчете, что «tout ensemble[16] напоминал сказку», описывая собравшееся общество, как «созвездие прекрасных дам и галантных кавалеров». Яблоку негде было упасть, столько украшений графства собралось там, а будь вместо яблока кирпич, на месте падения полилась бы голубая кровь. Пэры наступали на пятки сэрам, лорды пихали в спину баронетов. Единственный, пожалуй, из титулованных лиц, не игравший особой роли среди всего этого великолепия, был лорд Маршмортон. Обнаружив, что его кабинет превращен в гардеробную, он удалился на покой с трубкой и книгой под названием «Красная роза, белая роза» Эмили Макинтош (изд-во «Попгуд, Грули и К°»), которая, как он выяснил в постели, где исправлять ошибку было поздно, оказалась не трактатом по его любимому делу, а сентиментальным романом о приключениях молодой англичанки и художника по имени Клод.

Из укрытия затененной галереи Джордж смотрел на блистательное сборище. Ему казалось, что он провел за этим занятием всю жизнь. Новизна ситуации давно уже утеряла свою свежесть. Все это походило на второе действие старомодной оперетты. (Акт второй: Бальная зала дворца Гранчестер Тауэр. Неделю спустя.), и сходство подчеркивалось тем, что оркестр уже не раз намертво сбивался и хоронил его собственные мелодии, осточертевшие ему полтора года назад.

В замок он проник без каких бы то ни было препятствий. По-матерински ласковая старушка, к которой сам Альберт относился с почтением, оказалась миссис Дигби, экономкой, а краткая встреча с Кеггсом, напыщенно-суетливым и нарочито-раздраженным от сознания своей ответственности (беседуя с Джорджем, он одновременно вел еще два разговора), оказалась совсем не страшной — и вот, он прошел цензуру и волен — правда, на один только вечер — пополнить число собравшихся в стенах Бэлферского замка. В его обязанности входило стоять на галерее и с помощью одной из служанок способствовать вящему комфорту тех, кто пожелает здесь отдохнуть. До сих пор никто не являлся, главные события происходили на первом этаже, привлекая всеобщее внимание, так что уже час Джордж был наедине со служанкой и со своими мыслями. Спросив

Джорджа, знает ли он ее кузена Фрэнка, уже почти год жившего в Америке, и получив отрицательный ответ, служанка потеряла к нему всякий интерес и двадцать минут молчала.

Джордж обшаривал взглядом все подходы к галерее, высматривая Альберта; так потерпевший кораблекрушение мореход обшаривает горизонт в поисках проходящего судна. Оно и неизбежно, думал он, ждать придется. В такой вечер Мод нелегко ускользнуть хотя бы на минуту.

— Эй, как вас, лимонаду не дадите?

Голос прозвучал за спиной Джорджа, всматривавшегося вниз с балкона, и когда он узнал жизнерадостный тембр, спина эта напряглась. К таким вещам он себя и готовил, но когда они действительно произошли, на него напал страх, подобный страху сцены, который он испытал только раз, когда еще был достаточно молод и достаточно неопытен, чтобы выйти на вызовы в вечер премьеры. Реджи Бинг — свой человек, намеренно не выдаст; но он пустомеля, и надеяться, что он будет держать язык за зубами, не приходилось. Поэтому Джордж решил с самого начала держаться твердой линии и убедить его, что всякое сходство, которое он уловит между недавним другом и нынешним официантом, существует только в его разгоряченном воображении. Джордж обернулся, и приятное лицо Реджи, за миг до того румяное от регулярных занятий спортом и от превосходного шампанского, вмиг лишилось всякой краски. Глаза и рот широко раскрылись. Сказать по правде, его трясло. Весь вечер он старательно возбуждал себя, чтобы решиться и сделать предложение Алисе Фарадей; и вот теперь, когда ему удалось вызвать ее из толпы и привести в этот пустынный уголок, когда он уже собирался поставить на карту свою судьбу, чудовищный страх обуял его. Он перестарался! У него зрительная галлюцинация!

— Господи!

— Сэр?

Реджи ослабил воротничок и постарался сосредоточиться.

— Не будете ли вы столь любезны подать бокал лимонаду даме в синем, сидящей около статуи? — тщательно выговорил он и немного успокоился. Ну, слава Богу. Это не тест, конечно, вроде «на дворе дрова» или «Карл у Клары», но тоже не фунт изюма.

— Да… — продолжил он после паузы.

— Сэр?

— Вам не приходилось видеть меня раньше?

— Не приходилось, сэр.

— А у вас есть брат или что-нибудь в таком духе?

— Нету, сэр. Правда, мне всегда хотелось иметь брата. Надо было поговорить с отцом. Он мне ни в чем не отказывал.

Реджи моргнул. Сомнения вернулись. Либо его слух, как и зрение, играет с ним злую шутку, либо этот официант несет чистую дребедень.

— Что такое?

— Сэр?

— Что вы сказали?

— Я сказал: «Нет, сэр, у меня нет брата».

— А больше ничего?

— Нет, сэр.

— Что?

— Нет, сэр.

Худшие опасения подтверждались.

— Господи! Значит, я готов.

Когда он присоединился к Алисе, она потребовала объяснений.

— О чем вы говорили с тем человеком, мистер Бинг? Кажется, у вас была интересная беседа?

— Я спрашивал, нет ли у него брата.

Алиса бросила на него быстрый взгляд. Она и раньше заметила, что он ведет себя как-то странно.

— Брата? Почему вы спросили его об этом?

— Он… то есть я… то есть я хочу сказать… ну, он похож на такого типа, у которого может быть брат. У многих есть братья.

Лицо Алисы Фарадей приобрело материнское выражение. Реджи нравился ей несравненно сильнее, чем предполагал этот одуревший от любви юноша, и теперь, благодаря чистой случайности, он наткнулся на вернейший путь к ее сердцу. Алиса была из тех, кто только и мечтает стать ангелом-хранителем избранного ею мужчины, чтобы служить ему благим влиянием, возвышая его до нравственных вершин. Прежде характер Реджи представлялся ей приятным, хотя и не очень добродетельным. Наличие такого положительного порока, как чрезмерное пристрастие к спиртному, полностью меняло его в ее глазах. Оно придало ему весу.

— Я велел ему принести лимонаду, — сказал Реджи. — Но он не слишком торопится. Алло!

Джордж приблизился к ним, держась почтительно, но холодновато.

— Где лимонад?

— Лимонад, сэр?

— Разве я не просил вас принести этой даме лимонаду?

— Не просили, сэр.

— Мать честная! О чем же мы с вами трепались?

— Вы рассказывали мне занимательнейшую историю об одном ирландце, который приехал в Нью-Йорк в поисках работы, сэр. Вы хотите лимонаду? Слушаю, сэр.

Алиса нежно положила руку на плечо Реджи.

— Может быть, вам стоит прилечь немного, отдохнуть? Право, это пойдет на пользу.

От ее заботливого тона Реджи затрепетал, как желе. Он никогда не слышал, чтобы она так говорила, и готов был выложить перед нею всю подноготную, но накопленная им решимость уже лопнула. А вдруг она примет излияния мужского сердца за безответственный бред, вызванный обильным возлиянием? Вот вам ирония судьбы! В первый раз он готов сделать решительный шаг — и не может.

— Это от духоты, — сказала Алиса. — Давайте выйдем, посидим на террасе. Бог с ним, с лимонадом. Я совсем не хочу пить.

Реджи побрел за нею, как баран. Ему хотелось глотнуть прохладного вечернего воздуха.

— Ну вот, — пробормотал Джордж, глядя на удаляющуюся пару. — С этим пока что улажено.

Он завидел поспешавшего к нему Альберта.

Глава XIII

Альберт спешил. Он скользил по паркету, как жук-водомер по воде.

— Скорее, — сказал он.

Он бросил косой взгляд на служанку, сотрудницу Джорджа. Та читала бульварный роман, повернувшись к нему спиной.

— Скажите ей, — он ткнул в ее сторону большим пальцем, — что вернетесь через пять минут.

— Не надо. Она ничего не заметит. Она узнала, что я не встречал ее кузена Фрэнка, и я для нее — ничто.

— Тогда пошли.

— Куда?

— За мной.

Шли они не самой короткой дорогой — Джордж это понял, когда прошел за проводником через множество дверей, поднялся и спустился по множеству ступеней и наконец прибыл в комнату, куда едва доносилась музыка. Комнату он узнал, он бывал в ней. Именно здесь они с Билли слушали рассказ о лорде Леонарде и его прыжке. Вот и окно, припомнил он, а там — балкон, с которого отважный Леонард начал свой исторический полет. Джорджу показалось весьма уместным, что другая тайная встреча будет в той же самой комнате. Ему понравилось такое совпадение.

Альберт исчез. Джордж глубоко вдохнул воздух. Теперь, когда наступал долгожданный миг, к нему вернулся тот сценический страх, который он испытал, услышав голос Реджи Бинга. Вспомним, что в его жизни было не так уж много приключений. Жил он мирно, тихо, и единственным острым ощущением до того, как леди Мод запрыгнула в его такси, было то, что он испытал в Иейле, лет десять назад, когда сосед по общежитию, подгулявший по случаю футбольного матча, из самых добрых побуждений подбросил ему в постель рогатую жабу.

Легкие шаги раздались за дверью, и комната закружилась с такой быстротой, что, случись это с Реджи Бингом, он оставил бы навеки свою губительную привычку. Когда мебель вернулась на свои места и ковер успокоился, Джордж увидел Мод.

Знаете, что труднее всего запомнить? Лицо, которое ты видел всего один раз. Джордж маялся и страдал, но, как он ни старался, в памяти возникал только смутный образ единственной девушки на свете. Из

встречи в такси он запомнил только сияние глаз и сверканье улыбки, а того краткого мига, когда он встретил ее на дороге с Реджи Бингом и сломанной машиной, оказалось явно недостаточно. Вот почему красота леди Мод буквально ошеломила его. Он задохнулся. В ослепительном бальном платье, разрумянившись от танца, сияя взором, она была несравненно прекрасней любого из своих портретов, любезно предоставленных памятью, — настолько прекрасней, будто он никогда ее не видел.

Даже брат ее, Перси, обычно строгий судья во всем, что касалось ближних, встретив Мод в гостиной перед ужином, признал, что платье ей к лицу. То была блистающая мечта из розовых лепестков и лунных лучей — так, по крайней мере, казалось Джорджу; дамский портной нашел бы более длинное и менее романтическое определение. Но что нам портные? Если же кому-нибудь нужен холодный перечень материалов, пошедших на изготовление картины, ошеломившей Джорджа, мы отсылаем его к газете «Бэлферский вестник», точнее — к репортажу жены главного редактора, которая пишет о модах под именем «Ясноглазая птичка». Что до Джорджа, для него это платье было сшито из лепестков и лучей.

Как я уже сказал, он лишился дара речи. Чтобы парализовать все его чувства, хватило бы одного того, что девушка вообще может быть такой прекрасной. И она, эта королева фей, снизошла до любви к нему, носящему подтяжки и пьющему кофе!.. Нет, он только квакал и булькал, да еще — смотрел на нее.

Из Страны Фей донеслась тихая музыка. Если хотите быть точнее, Мод заговорила.

— Я не могла уйти раньше, — она метнулась к двери, прислушалась. — Кажется, кто-то идет? Чтобы вырваться, я пообещала танец мистеру Пламмеру. Он может…

Да, он мог. На лестнице раздались шаги, на этот раз — тяжелые, и послышался голос:

— Куда же вы делись, леди Мод? Я ищу вас. Наш танец. Джордж не знал, кто такой мистер Пламмер, и не хотел знать. Он успел подумать о нем одно: этого Пламмера слишком много. Вот от таких Пламмеров и задерживается Тысячелетнее царство.

Оцепеневший было разум мигом проснулся. Нельзя, чтобы его застали здесь! Официанты, которые свободно шляются по замку и беседуют с дочерьми семейства, вызывают нарекания. А дочери семейства, беседующие в уединенных комнатах с официантами, должны это как-то объяснить. Значит, надо исчезнуть, и побыстрей. Мод показывала на окно, вернее — на балконную дверь. Прикинув расстояние, отделявшее его от

Пламмера, и оценив его в три лестничных пролета и одну лестничную площадку, Джордж понял, что отрезок времени, отпущенный ему неугомонной судьбой, равен четырем секундам. За две с половиной он открыл и закрыл дверь, оказавшись под светом звезд, и прохладный вечерний ветер заиграл на его разгоряченном лице.

Теперь у него было время поразмыслить. Мало на свете ситуаций, которые оставляют больше простора для размышлений, чем та, в которой мы окажемся, если стоим на балконе, довольно высоко над землей, и путь к отступлению отрезан. Итак, Джордж размышлял. Во-первых, он помыслил о Пламмере — так, несколько крепких мыслей. Потом он посетовал на непостоянство фортуны, которая даровала ему возможность встречи, чтобы тут же отнять ее. Интересно, сколько времени на разговоры дали покойному Леонарду, прежде чем он ретировался через это самое окно? Что ж, избравшим для свиданий эту комнату удача не сопутствует.

Поначалу Джордж не понимал, что это еще не все, может быть и хуже. Очень скоро, однако, ему пришлось признать свою недальновидность. В только что покинутой комнате звучал глубокий, гортанный, отчетливо слышный голос; и не прошло минуты, как Джордж понял, что ему предстоит выслушать, как ближний (а Пламмер, пусть и с натяжкой, — именно он) делает предложение. Да, не повезло. Из всех ситуаций, когда человек (а справедливость требует признать, что Пламмер, хотя бы формально, — именно он) вправе ожидать, что будет избавлен от свидетелей, самая неоспоримая — вот эта, предложение. Джордж был чувствителен по натуре, и его покоробила самая мысль о том, что он как бы подслушивает.

Он лихорадочно огляделся. Пламмер уже говорил, что он недостоин леди Мод, повторяя это снова и снова в разных вариантах. Джордж от всей души был с ним согласен, но слушать такое не хотел. Он хотел уйти. Но как? Возьмем Леонарда: тот — прыгал. Кто-то сказал бы: если сделал один, сделает и другой. Но человек человеку рознь. Один человек, связанный с цирком, мог сигануть с крыши Мэдисон-Сквер-Гардена прямо на наклонную доску, удариться об нее грудью, сделать несколько сальто, достичь земли, шесть раз поклониться и спокойно уйти домой. Это — дар. Он есть, или его нету. У Джорджа его не было. Как ни трудно слушать Пламмера, продирающегося сквозь предложение, инстинкт говорил ему, что закрутиться в воздухе, дав ветвям, когда-то удерживавшим Леонарда, сомнительный шанс — еще труднее. Нет, ему не остается никакой возможности, кроме…

Пламмер уже перешел к рассказу о том, как этот брак порадует его

матушку.

— Ф-фью!

Джордж оглянулся и прислушался. Нет, ничего. Лишь отдаленный собачий лай, еле слышимые завывания вальса, птичий щебет да неприятный голос, говорящий, что слухи о скандале, случившемся два года назад, несколько преувеличены, та девица его неправильно поняла.

— Ф-фью! Эй, вы!

Да, кто-то звал его сверху. Ангел? Нет, Альберт, торчавший из окна футах в шести вверх по стене. Джордж, привыкший к темноте, различил, что тот жестикулирует, показывая, что у него имеются какие-то интересные сведения. Поглядев чуть в сторону, он увидел свисающую вдоль стены веревку и поймал конец. Это была не веревка, а простыня, связанная узлами.

Сверху донесся хриплый шепот.

— Вы живы там?

Джордж как раз намеревался остаться живым еще по крайней мере лет пятьдесят; стоя же на балконе и перебирая руками неверную простыню, он живо воображал, что подвесь он на ней, над черной бездной, семьдесят килограммов, и живым он останется секунд пятьдесят, а каким станет потом, одному Богу известно. Он знал о связанных узлами простынях. Он читал сотни историй, в которых герои, героини, плуты и даже негодяи проделывали с их помощью бесшабашные подвиги. Но это не обнадеживало. Одно дело читать, как люди проделывают глупости, другое — проделывать их самому. Он подергал Альбертову простыню, пробуя ее на прочность; никогда не приходилось ему иметь дело с чем-либо столь нестабильным. (Мы называем этот предмет Альбертовой простыней для удобства изложения. На самом деле то была простыня Реджи Бинга, и когда Реджи вернулся к себе в очень ранний час и обнаружил этот предмет связанным в узлы, он слишком поспешно — ведь он был простодушен — заключил, что это сделал, розыгрыша ради, его закадычный друг Джек Феррис, приехавший из Лондона специально, чтобы повидаться с лордом Бэлфером в условиях тяжелых испытаний — такого вот празднования. Тогда он пошел и вылил в постель Джека кувшин воды. Жизнь — это жизнь, сплошная череда недоразумений и непродуманных поступков. Абсолютно!)

Альберт начинал проявлять признаки нетерпения. Он ощущал себя великим полководцем, который принял отличное стратегическое решение, но армия никак не выполняет его. Многие мальчики, увидев Пламмера, входящего в комнату, подслушав у замочной скважины, поняв, что

Джордж должен где-то спрятаться, и сообразив, что спрятаться он мог только на балконе, растерялись бы и недоумевали, что делать дальше. Но не таков Альберт. Метнуться наверх, в комнату Реджи Бинга, сорвать с кровати простыню, привязать один конец к спинке, а всю ее связать узлами и выбросить другой конец в окно было делом трех минут. И вот теперь Джордж, которому только и оставалось, что детская забава — вскарабкаться вверх, своей мешкотней подвергает риску успех всего плана. Альберт сердито дернул простыню.

Хуже придумать он не мог. Джордж уже почти решился рискнуть, и вдруг простыня вырвалась из рук, словно живое существо. Мысль о том, что это могло произойти, когда он уже повис бы в воздухе, и о том, что бы из этого вышло, бросила его в холодный пот. Он отступил на шаг и уселся на балконных перилах, как на насесте.

— Ф-фью!

— Нечего фьюкать, — раздраженным шепотом отвечал Джордж. — Я и сам могу фьюкать. Всякий дурак может фьюкать.

Весьма вероятно, что он так и болтался бы на перилах до конца дней, отстраненным взглядом оценивая простыню, если бы Пламмер нечувствительно не подтолкнул его под руку. В эти последние полминуты Пламмер расстрелял свою обойму. Он сказал все, что может человек сказать, многое — дважды, и теперь замолчал. Все было кончено. Приговор вынесен.

— Пожалуй, — печально произнес он, — мне не помешает глоток воздуха.

Слова его громом отозвались в ушах Джорджа. Он соскочил с перил, как преследуемый кузнечик. Если Пламмеру нужен глоток воздуха, он пойдет за ним на балкон. Остается одно. Может быть, это — скоропостижный и безвременный конец, но медлить дальше нельзя.

Джордж ухватился за простыню — она показалась ему свитой из паутины — и повис на ней.

Мод выглянула на балкон. Ее сердце, остановившееся было, когда отвергнутый открыл дверь и ступил под тихий свет звезд, снова застучало. На балконе никого не было, лишь пустота да Пламмер.

— Вот отсюда, — горестно сказал Пламмер, вглядываясь в темноту, — выпрыгнул этот, как его там, при этом… ну, короле…

Волна чистейшего восхищения окатила Мод. Чтобы не скомпрометировать ее, он, Джордж, совершил прыжок Леонарда. Какое благородство, какая смелость! Если бы Джордж, сидящий на кровати Реджи Бинга, разглядывая островки кожи, оставшейся на ладонях и

коленях прочитал ее мысли, он бы почувствовал, что вознагражден за увечья. — Так и тянет прыгнуть, — сказал Пламмер и безрадостно засмеялся. — Ну, ладно. Пойду-ка я вниз, выпью бренди с содовой.

Альберт отвязал простыню от спинки кровати, скомкал и засунул под подушку.

— А теперь, — сказал он, — можно и выкурить сигаретку. Великим и могучим умам тоже нужна минута отдыха.

Глава XIV

Теперь надо было попасть домой, и поскорее. Снова увидеться сегодня с Мод уже не удастся. Они встретились, их разметало по сторонам. Бороться с Судьбой — бесполезно. Лучше признать поражение и надеяться, что в следующий раз она будет благосклонней. Больше всего на свете хотелось Джорджу оказаться подальше от этого блеска, от этого сказочного бала, от этого созвездия прекрасных дам и галантных кавалеров, в тиши и уюте своей качалки, где уже нечего опасаться. Чувство долга было бы радо послать его обратно, на пост, и честно отработать соверен, уплаченный ему за труды, оно было бы радо — но своего не дождалось. Если британская аристократия хочет прохладительных напитков, пусть достает их сама, с него — довольно.

Если Джордж считал, что они с аристократией квиты, то аристократия так не считала. В холле он повстречался с тем членом этого ордена, которого совсем не желал бы встретить.

Лорд Бэлфер пребывал отнюдь не в праздничном настроении. В поздние ночные часы у него болела голова, танцор он был никакой, и сказочный бал так же наскучил ему, как Джорджу. Но, будучи средоточием и первопричиной ночного торжества, он должен был на нем присутствовать, словно капитан, покидающий корабль последним, или юнга на горящей палубе. Несколько часов подряд он пожимал руки совершенно незнакомым людям и принимал поздравления; будь он даже кроликом, он не мог бы встретиться с такой ордой родственников и знакомых. Связи Бэлферов охватывали большую часть Англии; двоюродные, троюродные и даже четверо- (и так далее) — юродные родственники практически из каждого графства, что только есть на карте, седлали коней и шли походом к гнезду своих предков. Сказывалось и напряжение сил — нелегко быть приветливым со всеми. Как героиня поэмы, любимой его сестрою, он истомился и хотел выпить. Джордж был как нельзя более кстати.

— Отнесите в библиотеку бутылочку шампанского.

— Сию минуту, сэр.

Эти слова сами по себе звучат вполне невинно, но для Джорджа, который желал бы оставаться в тени, выбор оказался самым неудачным из всех возможных. Если бы он просто кивнул и удалился, лорд Бэлфер скорее всего даже и не взглянул бы на него. Перси был не в том состоянии,

когда требуют точного соблюдения протокола. Но когда к тебе всю жизнь обращались «ваша милость», простое «сэр» звучит подозрительно. Лорд Бэлфер окинул лакея взглядом, в котором тонко смешались нарекание и обида — но тут же обе эти эмоции уступили место изумлению. В горле у него булькнуло.

— Стойте! — крикнул он повернувшемуся было Джорджу.

Перси был поражен, разум его раздваивался. С одной стороны, он готов был подтвердить под присягой, что стоящий перед ним человек сбил с него шляпу на Пиккадилли. Лишь только он взглянул на него попристальней, сходство поразило его, как удар молнии. С другой стороны, сходство — штука ненадежная. Он не забыл ужаса и унижения, испытанных им в четырнадцать лет, когда довольно уютная женщина на Паддингтонском вокзале назвала его «дорогуша» и обняла, приняв за своего племянника Филипа. Нет, сорваться нельзя. Свара с ни в чем не повинным лакеем, да еще вслед за этим полицейским, может создать впечатление, что у него вошло в привычку нападать на людей низшего класса.

— Сэр? — вежливо осведомился Джордж.

Его невозмутимость поколебала подозрения лорда Бэлфера.

— Я, кажется, не встречал вас, — только и смог выговорить он.

— Нет, сэр, — без заминки отвечал Джордж. — Я временно вхожу в персонал замка.

— Откуда вы?

— Из Америки, сэр. Лорд Бэлфер вздрогнул.

— Из Америки?

— Да, сэр. В Англии я просто гощу. Мой родственник Альберт, здешний паж, сказал мне, что сегодня нужны несколько лакеев, вот я и вызвался помочь.

Лорд Бэлфер задумчиво нахмурил брови. Это звучало правдоподобно. Мало того, это можно проверить, обратившись к Кеггсу, дворецкому. И все же сомнения не рассеивались. Впрочем, ничего нового от разговора ожидать не приходилось.

— Понятно, — сказал он. — Ну ладно, принесите шампанское в библиотеку, да поскорее.

— Сейчас, сэр.

Лорд Бэлфер задумался. Разум говорил ему, что все в порядке; но нет! Все было бы иначе, не знай он, что тип, с которым связалась Мод, где-то поблизости. Если ему хватило наглости снять коттедж у самых ворот замка, отчего бы ему не внедриться в самый замок?

Появление проходившего мимо лакея предоставило новый шанс.

— Позовите ко мне Кеггса!

— Сейчас, ваша милость.

Вскоре явился Кеггс, дворецкий. В отличие от лорда Бэлфера, поздний час не наложил на него своего отпечатка. Он был по природе совой. Лоб его был так же чист и гладок, как его манишка. Держался он с осознанным достоинством человека, который признает, что он не владелец замка, но ощущает себя важнейшим его украшением.

— Вы посылали за мной, ваша милость?

— Да. Скажите, Кеггс, вы наняли посторонних лакеев?

— Нанял, милорд. Беспрецедентный масштаб сегодняшнего бала повлек за собой необходимость прибегнуть к помощи известного числа внештатных помощников, — отвечал Кеггс с такой непринужденностью, которой позавидовал бы черной завистью Реджи Бинг, проветривавший мозги на нижней террасе. — В данных обстоятельствах подобное решение было неизбежным.

— Вы сами нанимали всех этих людей?

— Если говорить фигурально, ваша милость, и по существу дела, то практически я. Миссис Дигби, домоправительница, проводила во многих случаях предварительные собеседования, но ни в каком из вышеназванных случаев договоренность не считалась окончательно достигнутой до тех пор, пока каждый из соискателей не был утвержден мною.

— Что вы знаете об американце? Ну, родственник пажа.

— Юный Альберт действительно представил претендента, которого назвал своим родственником из Нью-Йорка, гостящим у него и желающим оказать нам содействие. Надеюсь, он не вызвал неудовольствия? Он показался мне вполне респектабельным.

— Нет-нет. Я только хотел удостовериться, что вы его знаете. Мало ли что…

— Вот именно, ваша милость.

— Ладно, идите.

— Благодарю вас, ваша милость.

Лорд Бэлфер обрадовался, ему стало легче. Благодаря своему благоразумию и хладнокровию, он сумел не влипнуть. Да, положение было бы… Когда Джордж спустя некоторое время принес ему животворящую влагу, он поблагодарил его и направил свои мысли на другие предметы.

Но если молодой хозяин удовлетворился таким объяснением, то этого нельзя сказать о Кеггсе. Мало кто может, думал он про себя, так тонко вычислить, что к чему, и сделать правильный вывод. Он знал об

американце, поселившемся в коттедже близ фермы Платта. Его внешность, поведение и причины, побудившие его приехать, обсуждались за обедом в людской. У него нет кистей и палитры, значит — он не художник, интерес к которому привычен и естественен. Версия, выдвинутая романтической служанкой, начитавшейся популярных романов, состояла в том, что молодой человек хочет в общении с природой излечиться от несчастливой страсти; ее осмеяли всей честной компанией, но Кеггс не был так уж уверен, что она лишена оснований. Дальнейшие события углубили его подозрения, которые теперь, после разговора с лордом Бэлфером, заметно укрепились.

Американский родственник очень уж внезапно выскочил на поверхность. Да, тут пахло жареным, и лишь чрезмерная занятость помешала Кеггсу раньше об этом подумать. Зная Альберта, он не сомневался, что, имей этот хвастливый юнец родственника в Америке, он давно прожужжал бы уши всей людской. Если Альберт о чем-то не треплется, значит, этого нет.

Кеггс поймал пробегавшего мимо коллегу.

— Не видал Альберта, Фредди? Где этот гаденыш?

Да, именно так отзывался Кеггс о стоящих на нижних ступенях.

— Видал, он шел в буфетную, — ответил Фредди.

— Спасибо.

— Пока, — сказал Фредди.

— Добро, — сказал Кеггс, чей склад речи в общении с обитателями своего собственного мира существенно отличался от того, какой он считал единственно достойным в разговорах с титулованными особами.

Падение великих слишком часто объясняется тем, что их бренное тело не может предоставить должной поддержки великому уму. Некоторые считают, к примеру, что Наполеон выиграл бы битву при Ватерлоо, если бы у него работал желудок. Так случилось и с Альбертом. Появление Кеггса застало его не в лучшем виде. По глупости он решил выкурить сигару, утянутую в холле из гостеприимно открытого ящичка. Если бы не это, кто знает, какой хитроумной контратакой подавил бы он наступление? А так — сражение было для врага простой прогулкой.

— А, вот ты где! — сухо сказал Кеггс.

Альберт повернул к противнику зеленое, но непокорное лицо.

— Иди-ка ты в лужу, — посоветовал он. — Сунь туда голову.

— Эт я? Хо-хо! По долгу службы мне бы надо снести твою, вот что мне надо бы.

— И зарой в песок, — продолжил Альберт свою мысль, морщась и

вздрагивая по мере того, как последствия непродуманного поступка тошнотворными волнами прокатывались по его тщедушному телу. Он закрыл глаза. Ему больно было видеть, как сияет Кеггс. Сияющий дворецкий — на любителя.

Кеггс хрипло хохотнул.

— Ну, ты даешь, со своим родственником!

— А что такое? Чем он плох?

— Вот я и говорю. Как раз этим вопросом мы и занимались с лордом Бэлфером.

— Не понимаю, о чем речь.

— Скоро поймешь. Кто притащил американца в замок, чтобы устроить ему встречу с леди Мод?

— Я? Да ни в жисть!

— Думаешь, ты такой умный? Да я сразу все просек!

— Да? А тогда почему вы его пустили в замок? Кеггс торжествующе хохотнул.

— Ага! Вот и проговорился! Это он?

Поздно, слишком поздно понял Альберт свою ошибку, которую в нормальном состоянии счел бы позорной. Если бы не желудок, Наполеон счел бы позорным послать своих кирасир на гибель.

— Не понимаю, о чем речь, — слабо повторил он.

— Ладно, — сказал Кеггс. — Некогда мне с тобой болтать. Надо сообщить его милости о твоих делишках.

Новый спазм сотряс Альберта до самой сердцевины. Двойная атака — это чересчур. Покинутый телом на произвол судьбы, дух отступил.

— Ой, не надо, мистер Кеггс! — каждый звук в этой фразе размахивал белым флагом.

— Надо. Должен — значит, надо.

— Вам-то что? — заискивающе спросил Альберт.

— М-да, — протянул Кеггс. — Я не изверг какой-нибудь детей мучить. — Он молча боролся с собой. — Скажем так, губить.

Вдохновение осенило его.

— Хорошо, — сказал он, оживляясь. — Ладно, пойду на риск. Давай-ка мне этот билет. Намек понял? Лотерейный билет, тот самый, с «мистером X».

Неукротимый дух на мгновение восторжествовал над поверженной плотью.

— Прям сейчас!

Кеггс вздохнул, как вздыхает добропорядочный человек, сделавший

все, чтобы помочь ближнему, и отвергнутый им в силу извращенной природы.

— Как хочешь, — сказал он скорбно. — Я уж понадеялся, что не придется идти к его милости…

Альберт сдался.

— Нате, подавитесь! — клочок бумаги перешел из рук в руки. — Жизни от вас нету!

— Весьма благодарен, мой юный друг.

— Такой в пургу полезет, — развил Альберт свою мысль, — чтобы у нищего последний грош отнять.

— Кто у тебя что отнимает? Уж больно ты скор, как погляжу! Все по справедливости. Можешь взять моего Реджи Бинга. Ничуть не хуже, баш на баш.

— Добра-пирога!

— Ну уж что есть. Держи. — Кеггс повернулся. — Мал ты еще, Альберт, для таких денег. Что ты с ними сделаешь? Только один вред. Жизнь — это тебе не лотерея. Вообще-то, по совести, такую соплю вообще нельзя было допускать.

Альберт глухо застонал.

— Когда вы закончите свою речь, — перешел он на высокий стиль, — я попросил бы оставить меня одного. Мне несколько не по себе.

— С удовольствием, — задушевно сказал Кеггс. — Мое вам почтение.

Поражение — лучшая проверка. Подлинный полководец — не тот, кто скачет к триумфу на гребне легкой победы, но тот, кто, сокрушенный, заставит себя подняться и подготовить пути к возвышению. Таков был Альберт. Не прошло и часа — и вот, взгляните на него в комнатке под крышей. Тело уже не досаждает ему, и мятущийся дух снова взмывает ввысь. Если не считать редких спазмов, страдания утихли, и он думает, напряженно думает. На комоде лежит неопрятный конверт, надписанный шатким почерком:

«Реджинальду Бингу, эксквайру».

На листе бумаги, который скоро засунут в этот конверт, тем же почерком написано:

> «Не унывайте! Помнете! Только доблисть заваеваваит женское серце. Я буду наблюдать ваш прогрес с бальшим интиресом.

Ваш благажилатель».

Последнюю фразу (не подпись) он не сам придумал. Ее произнес учитель воскресной школы, когда Альберт поступил в замок, и она глубоко запала ему в душу. Это хорошо, ибо она в точности выражала его мысль. Отныне прогресс Реджи Бинга на пути к сердцу леди Мод становился для него очень важным.

А что же Джордж? Не подозревая, что одним мановением мизинца Фортуна превратила союзника в противника, он стоит у живой изгороди, близ ворот замка. Ночь прекрасна; ссадины на ладонях и коленях болят гораздо меньше. Он исполнен долгих, сладких дум, только что обнаружив необычайное сходство между собой и героем Теннисоновой «Мод», к которой он всегда питал особое пристрастие, а уж особенно—с того дня, когда узнал имя Единственной. Когда он не играл в гольф, «Мод» была его постоянной спутницей.

Царица девичьего сада роз.
Приди, я тебя зову,
Богиня снов, владычица грез.
Явись ко мне наяву,
В шуршащих шелках, в короне кудрей,
Приди ко мне скорей!

Недвижимый воздух едва доносит до него звуки музыки из бальной залы. Благоухание земли и цветов наполняет все вокруг.

Мод, приходи, улетает прочь
Ночи тяжелая тень,
Мод, пощади, кончается ночь
И начинается день,
Я у калитки один стою,
В небо гляжу и тебя пою.

В сладком заблуждении он глубоко вдыхает свежесть прекраснейшей из ночей. Рассвет уже близок, и в кустах начинает копошиться всякая живность.

— Мод!

Ах, она услышит его!

— Мод!

Серебристые звезды бесстрастно и спокойно смотрят вниз. Для них это все не ново.

Глава XV

Первый день совершеннолетнего лорда Бэлфера разгорался под геральдическое чириканье воробьев в плюще за окном его спальни. Но Перси не внимал им, он спал крепким сном после бессонной ночи. Первым звуком, проникшим сквозь его глубокое забытье и напомнившим ему о первом же дне двадцать второго года жизни, был пронзительный крик Реджи Бинга, направляющегося по коридору в ванную. По своей неугомонности Реджи подбодрял себя, и его вопль, сопровождавшийся плеском воды и острыми повизгиваниями, нарушал всякий сон на много ярдов вокруг. Перси сел на постели и мысленно проклял Реджи. Оказалось, что у него болит голова.

Скоро дверь распахнулась, и появился певец в розовом халате, взъерошенный и румяный после холодного душа.

— Поздравляю, Буля, старина, многая лета. Реджи запел:

Мне сегодня двадцать-дин,
Двадцать-дин!
Я могу гулять один
Сам себе я господин…

Нет, не так.

Я солидный господин
И, возможно, палладии,
Не доживший до седин

А почему?

Потому что мне сегодня
Два-а-дцать один!

Лорд Бэлфер мрачно нахмурился.

— Не ори.

— То есть как?

— Ну, не пой.

— О Господи! Он оскорбил меня в лучших чувствах! — воскликнул Реджи.

— У меня голова болит.

— Я так и знал. Нечего столько пить. Рентген печени показал бы такой, это, сморщенный листик, пробитый сапожными гвоздями. Знаешь что, займись спортом. Если не считать боя с полицейским, ты в последние годы не проделал ни одного упражнения.

— Не надо об этом!

Реджи присел на край кровати.

— Между нами, старик, — доверительно сказал он, — я тоже, да, тоже вчера надрался. Поверишь ли, сразу после ужина я видел твоего дядю, епископа, в трех экземплярах. Я честно тебе скажу, прямо как будто попал на лежбище в Экзетер-Холле или в Атенеуме, или где там они еще собираются. Потом три епископа слились в одного, правда, размытого, и я успокоился. Но все-таки я выпить выпил, это точно. У тебя видений не бывало? Нет? А у меня — были. Прямо поклясться мог бы, что один лакей — тот самый типус, который сбил с тебя шляпу.

Лорд Бэлфер, который при появлении Реджи отвалился на подушку и слушал его разговоры вполуха, вскочил на постели.

— Что?

— То самое. Бред, конечно. Наверное, двойник.

— Ты же его никогда не видел!

— Нет, видел. Забыл тебе сказать. Я встретился с ним вчера на гольфе. Поехал туда один, думал сыграть с профессионалом, смотрю — он. Мы сделали восемнадцать лунок. Обыграл меня как миленького. Абсолютно! Потом мы поехали к нему, выпили немного. Он живет в коттедже, около фермы Платта, так что, сам понимаешь, это тот самый тип. Мы как-то так сошлись с ним. Прямо братья. В общем, сам понимаешь, что со мной было, когда мне показалось, что это он, прямо вечером, подносит выпивку. Такой, э-э-э, кошмар, голова, понимаешь, идет кругом, сам себе не веришь.

Лорд Бэлфер не отвечал. Его мозги бурлили. Итак, он, в конце концов, оказался прав.

— И знаешь, — серьезно настаивал Реджи, — ты крупно ошибаешься насчет этого типа. Ты его недооцениваешь. Самый высший сорт. Поверь мне! На пятнадцатой лунке… да что говорить. Послушайся моего совета, помирись с ним. Первоклассный игрок, как раз то, что семейству нужно. Да и вообще, роскошный типус. Самое оно. Хватай его, Буля, пока не ушел, мой тебе совет, не пожалеешь. Ни разу не промахнулся. А

подводящий удар — ну, это надо видеть! Ладно, пойду, что ли, оденусь. Не растрачивать же расцвет моей юности на разговоры с тобой. Ку-ку! До скорого.

Лорд Бэлфер спрыгнул с кровати. Он чувствовал себя еще отвратительней, а быстрый взгляд в зеркало сказал ему, что выглядит он и того хуже. Ночное бдение и недосып, вдобавок к небритости, всегда придавали ему сходство с чем-то таким, что хочется срочно вынести на помойку. Что до физического состояния, беседа с Реджи Бингом не обладала целительными свойствами. Сама манера — а сейчас и тема действовали на нервы. Лорд Бэлфер говорил себе, что не понимает Реджи. Он никак не мог понять, что же у них с Мод, но впечатление было такое, что если они еще не помолвлены, то к этому близки, и слушать, как Реджи защищает соперника, — это уж Бог знает что! Перси испытывал к своему услужливому другу что-то вроде того раздражения, какое хозяин дома испытывает к сторожевой собаке, заигрывающей с грабителями. Да Реджи должен бы кипеть от возмущения, когда этот нахал приехал в Бэлфер и пустил корни у самых ворот замка! А вместо этого он относится к нему лучше, чем Давид к Ионафану.[17] Чуть ли не все свободное время играет с ним в гольф и торчит у него дома.

Лорд Бэлфер находился в полном расстройстве чувств. Ни доказать, ни сделать уже ничего нельзя, но он был уверен, что этот тип вполз в замок под личиной официанта. Вероятно, виделся с Мод и запланировал новые встречи. Ну, знаете!

Очевидно одно: семейная честь — в его руках. Все, что нужно сделать, чтобы изолировать Мод от пришельца, должен сделать он один. На Реджи полагаться нельзя; насколько Перси мог судить, он доставит Мод к дверям этого типа и благополучно оставит на пороге. Что до лорда Маршмортона, розы и семейная история отнимают у него столько времени, что на него надеяться можно только в смысле моральной поддержки. Всю реальную работу должен проделать он, Перси.

Едва придя к такому заключению, он приблизился к окну, выглянул вниз — и увидел свою сестру Мод, которая торопливо и вроде бы воровато двигалась к восточным воротам. А ферма Платта и коттедж рядом с нею находились как раз к востоку от замка.

В момент этого открытия на Перси был костюм, плохо приспособленный для прогулок на лоне природы. Замечание Реджи о печени попало в цель: в качестве лекарства от головной боли, и вообще для поправки сильно пошатнувшегося здоровья, он намеревался немного поработать спортивной булавой. Для этой цели он облачился в старый

свитер, серые фланелевые штаны и старые лакированные туфли. Он и сам не выбрал бы такую экипировку для прогулки, но время не терпело — даже натянуть башмаки он не успеет, Мод через несколько секунд скроется из вида. Перси сбежал вниз, прихватив по пути мягкую охотничью шляпу, которая (как выяснилось, когда, откровенно говоря, было уже поздно) принадлежала человеку с размером головы на два номера меньше, чем у него, и выскочил во двор. Он еще заметил Мод, уже скрывшуюся за поворотом дороги.

Лорд Бэлфер никогда не принадлежал к тому классу общества, который считает бег удовольствием и развлечением. В Оксфорде, когда дождливым днем студенты его колледжа высыпали на берег реки, чтобы побегать и подбодрить криками свою гребную восьмерку, Перси благоразумно оставался в своих апартаментах, избегая тем самым насморка и кашля. Если он и бегал, то с определенной целью, скажем — чтобы успеть на поезд. Следовательно, он был не в лучшей форме и после неизбежного спринта совсем выложился. Он тяжело дышал; но наградой ему было то, что он быстро достиг восточных ворот и увидел, что она — теперь уже не так быстро — идет по дороге, ведущей к ферме Платта. Подозрения подтвердились, что позволило забыть о волдыре, наливавшемся на левой пятке. В хорошем темпе он припустил вслед за сестрой.

По обыкновению проселочных дорог, дорога вилась и кружилась, цель часто исчезала из виду. Перси в своем нетерпении пускался галопом каждый раз, как Мод скрывалась за поворотом. Еще сотня ярдов — и волдырь уже не соглашался на безвестность. Как ребенок, он требовал к себе внимания и очень скоро занял главное место в новом распорядке вещей. За третьим поворотом Перси казалось, что это — единственный непреложный факт в мироздании, похожем на страшный сон. Он жалобно хромал; потом остановился и нырнул в укрытие придорожных кустов. Волдырь не поглотил всего его внимания лишь потому, что другой, не меньше первого, наливался на правой пятке.

Остановился же и спрятался он потому, что, обогнув поворот дороги и не оборвав свой галоп, заметил, что Мод тоже остановилась. Она стояла в десяти ярдах, посередине дороги, оглядываясь через плечо. Неужели заметила? Это может показать только время. Нет! Пошла дальше. Не видит. Являя наглядный пример примата сознания над материей, Перси забыл о волдырях и поспешил за нею.

Они достигли той точки дороги, где путнику предоставляется выбрать один из трех путей. Идя прямо, он попадет в очаровательную деревушку

Морсби с норманской церковью; свернув налево, он посетит не менее соблазнительный уголок Литтл-Уитинг; поворотив же направо с основной дороги на тенистую аллею, окажется у фермы Платта. Когда Мод, дойдя до развилки, вдруг нырнула влево, лорд Бэлфер совершенно растерялся. Но в следующий миг разум взял свое и шепнул ему, что это — обходной маневр. Заметила она его или нет, Мод явно стремилась оторваться от любой слежки, идя в обход, по вполне невинной дороге. В Литтл-Уитинге ей нечего делать. Он сам никогда в жизни не был в Литтл-Уитинге и не имел причин предполагать, что Мод там была.

Дорожный указатель сообщил ему, что до Литтл-Уитинга полторы мили, хотя факт этот с негодованием отвергали волдыри-близнецы. Сам лорд Бэлфер насчитал миль до пятидесяти. Теперь легче было удерживать Мод в поле зрения, ибо дорога шла прямо. Но все в мире имеет свою теневую сторону: чтобы его не заметили, Перси пришлось сойти с дороги и пробираться по глубокой канаве. Эти канавы, непременный атрибут английских дорог, ничего не делают наполовину. Они знают, что им положено быть канавами, а не обочинами, и ведут себя соответственно. Та, что предоставила свое гостеприимство лорду Бэлферу, была так глубока, что над уровнем дороги возвышались только голова и шея, и так грязна, что через каких-нибудь двадцать ярдов заляпала его с ног до той же самой головы. Раз пролившийся дождь не спешит покинуть английские кюветы, он неделями гнездится в них, заваривая нечто вроде овсянки, которую только тогда оценишь, когда хорошо помешаешь. Перси мешал и месил. Он пыхтел и хлюпал. Грязь стала близка ему, как брат.

И все же, человек настойчивый, он не сдавался. С него соскользнула туфля, но вскоре отыскалась. Проходившая мимо собака, завидев, что в канаве — нечто такое, чего быть не должно (собака была строгих правил и не привыкла, чтобы головы двигались вдоль дороги), добрые полмили сопровождала Перси, причиняя сугубые неудобства неожиданными набегами. Метко пущенный камень урегулировал этот конфликт, и Перси продолжил свой путь в одиночестве. Мод все еще находилась в поле зрения, когда, как это ни странно, вдруг свернула с дороги и вошла в калитку дома, стоявшего неподалеку от церкви.

Лорд Бэлфер выбрался на дорогу и остался там в полном недоумении. Ужасающая мысль посетила его: а вдруг он мучился и суетился понапрасну? Причина, побудившая Мод войти в тот дом, была, очевидно, невинной. Неужели он прошел через все это для того, чтобы увидеть, как его сестра наносит визит священнослужителю? Слишком поздно понял он, что сестра может быть с этим пастырем в добрососедских отношениях. Он

забыл, что много недель подряд прожил в Оксфорде, а за это время Мод, наскучившись загородной жизнью, легко могла заинтересоваться жизнью деревни, и остановился в нерешительности. Как уже было сказано, он пребывал в полном недоумении.

Мод в это время звонила в дверь. С тех пор, как, оглянувшись через плечо, она разглядела своего брата, ее действенный юный ум неустанно искал способа сбить его со следа. Увидеть Джорджа надо было нынче же утром, она не могла больше ждать. Но лишь когда она достигла Литтл-Уитинга, явился ей хоть какой-то план.

Дверь открыла аккуратная служанка.

— Простите, хозяин дома?

— Нет, мисс. С полчаса как ушел.

Мод была теперь в такой же растерянности, как и ее брат Перси. Она прислонилась к косяку и тяжело вздохнула. Служанка прониклась к ней сочувствием.

— А вот мистер Фергюсон здесь, мисс. Мод просветлела.

— Как хорошо. Спросите его, нельзя ли мне повидаться с ним на минутку?

— Хорошо, мисс. Как прикажете доложить?

— Он меня не знает. Скажите просто, что его хочет видеть одна дама.

— Слушаю, мисс. Прошу вас, входите.

Входная дверь закрылась. Мод прошла вслед за служанкой в гостиную. Вскоре явился молодой помощник приходского священника. Его волевое лицо выражало живейшую готовность помочь.

— Вы ко мне? — осведомился он.

— Простите, пожалуйста, — сказала Мод, своей ослепительной улыбкой сотрясая его до самых подтяжек. (Ну, что вы, что вы! — слабо промолвил он) — Там какой-то человек меня преследует.

Помощник в негодовании цокнул языком.

— Грубый такой, похож на бродягу. Сколько миль идет за мной… Я боюсь.

— Чудовищно!

— Кажется, он сейчас у дверей. Не представляю себе, что ему надо. Не могли бы вы… не будете ли вы так любезны выйти и прогнать его?

Глаза, навеки определившие судьбу Джорджа, блеснули так, что помощник заморгал, распрямил плечи и весь подобрался. Он уже готов был умереть за нее.

— Подождите здесь, — сказал он, — я пойду и отправлю его куда следует. Безобразие! На дорогах общего пользования нельзя чувствовать

себя в безопасности.

— Спасибо вам большое! — сказала благодарная Мод. — Мне кажется, этот бедняга не в себе. Преследовать меня столько миль подряд! Да еще по канаве.

— По канаве?

— Да. Большую часть пути он прошел по глубокой канаве. Что-то его там привлекало. Интересно, что?

Лорд Бэлфер, прислонившийся к стене и пытавшийся решить, правая или левая нога болит сильнее, вдруг увидел помощника, глядевшего на него сквозь пенсне в золоченой оправе неодобрительно и даже враждебно. Он встретил его взгляд. Ни один из них не вынес о другом благоприятного впечатления. Перси подумал, что видывал более симпатичных священников; помощник подумал, что видывал более приятных бродяг.

— Давайте, давайте, — сказал помощник. — Нечего здесь, почтеннейший.

Несколько часов назад лорд Бэлфер испытал шок, когда Джордж сказал ему «сэр». Теперь, когда его назвали «почтеннейшим», он и вовсе задохнулся.

Умение видеть себя со стороны глазами окружающих — редкий дар, отличающий немногих. Лорд Бэлфер не принадлежал к числу этих счастливчиков и не имел ни малейшего представления о том, насколько отталкивал в этот момент его внешний вид. Покрасневшие глаза, щетина, толстый слой грязи — все это вместе являло поистине жуткое зрелище.

— Как вы смеете преследовать молодую даму? Хотите, чтобы я сдал вас полиции?

— Я ее брат! — вскричал Перси и хотел было это подтвердить, назвав свое имя, но вовремя остановился. Хватит уже скандалов. Когда полицейский арестовал его на Хеймаркет, он сразу метнул в него молнию своего имени, но блюститель порядка, не выказывая прямо сомнений, проявил изрядную долю скептицизма, ответив, что сам он — король Брикстона.

— Я ее брат, — упрямо повторил лорд Бэлфер.

Помощник смотрел все неприятней. В известном смысле все люди — братья, но все же он вправе считать, что облепленный грязью отброс общества иллюстрирует этот факт не самым лучшим образом. Да, перед ним — жертва зеленого змия.

— Стыдитесь! — сурово сказал он. — Вы достойный всяческого сожаления обломок рода человеческого, а еще пытаетесь говорить, как образованный. Где ваше самоуважение? Неужели вам не придет в голову

покопаться в своей душе? Да вы бы содрогнулись от той ужасающей пропасти, в которую катитесь по слабости воли!

Он возвысил голос. Тема трезвости была близка его сердцу. Сам священник не далее как вчера похвалил его за то добро, которое приносят жителям его проповеди против пьянства, а хозяин «Трех голубей» горько сетовал на всяких вредителей, отнимающих хлеб у честного труженика.

— Бросить вовсе не трудно, стоит только захотеть. Вы говорите себе каждый раз — один глоток не повредит. Но разве вы удовлетворитесь одним глотком? Нет, почтеннейший! Такие, как вы, не останавливаются на полпути. Или все, или ничего. Бросьте же, бросьте теперь, пока в вас еще сохранилось хоть что-то человеческое, не то будет поздно. Уничтожьте в себе эту страсть. Задавите ее! Задушите! Примите решение — здесь, сейчас, — что ни одна капля проклятого зелья больше не коснется ваших уст…

Он сделал паузу, спохватившись, что вдохновение занесло его слишком далеко от основной темы.

— Немного настойчивости, — спешно закончил он, — и вы увидите, что какао доставит вам точно такое же удовольствие. А теперь, прошу вас, идите своей дорогой. Вы напугали девушку, и она не может продолжить путь, пока я не уверю ее, что вы ушли.

Усталость, боль и досада на благонамеренную, но не по адресу направленную речь сообща привели Перси в состояние, граничащее с истерикой. Он топнул ногой и тут же испустил вопль, ибо боль напомнила ему о недопустимости таких движений.

— Прекратите! — взревел он. — Прекратите ваши идиотские проповеди! Я буду стоять здесь хоть целый день, пока эта девица не выйдет.

Помощник внимательно обозрел Перси. Тот не был Гераклом, но, с другой стороны, не был им и он сам. Геракл не Геракл, но на безобразного зверюгу Перси походил. Здесь, подумалось помощнику, нужна стратегия, а не грубая сила. Он немного помолчал, как бы взвешивая все за и против, и сказал с видом человека, решившего благородно уступить.

— Ну-ну-ну! Значит, вы говорите, что вы — брат этой дамы?

— Да, говорю. Утверждаю.

— Тогда отчего бы вам не пройти со мною в дом и не поговорить с нею?

— Хорошо.

— Следуйте за мной.

Перси последовал. Они прошли по аккуратной гравиевой Дорожке и

поднялись по чистым каменным ступеням. Мод, выглядывавшая из-за занавески, почувствовала себя жертвой чудовищного предательства или чудовищного просчета. Но она плохо знала преподобного Сирила Фергюсона. Ни один полководец, заманивший противника в ловушку, не контролировал ситуацию так полно, как он. Пройдя со своим спутником через дверь, он пересек холл и подвел его к другой двери, предусмотрительно запертой.

— Подождите здесь, — сказал он.

Ничего не подозревавший лорд Бэлфер прошел вперед. Цепкая рука легла ему на шею. Позади него захлопнулась дверь и лязгнул замок. Он оказался в западне. Щупая тьму египетскую, он наткнулся на пальто, потом на шляпу и, наконец, на зонтик. Споткнувшись о клюшки и падая, он наткнулся на стену. В темноте ничего не было видно, но осязание сказало ему все, что нужно. Он пополнил собою коллекцию всякой всячины в специально отведенном чулане приходского священника.

Ощупью пробрался он к двери и пнул ее ногой, но повторять это не стал. Ноги его были не в той форме, чтобы пинаться.

Бравая душа оставила сопротивление. Помыслив нехорошее слово, он опустился на ящик с принадлежностями для крокета и погрузился в раздумья.

— Теперь вы в полной безопасности, — звучал за стеной голос помощника не без примеси гордого самодовольства, подобающего победителю в сражении умов. — Я запер его в чулане. Там ему будет хорошо. («Да? — подумал Перси. — Навряд ли».) Вы можете продолжить прогулку в полной безопасности.

— Спасибо вам большое, — сказала Мод. — Я очень надеюсь, что он не станет буянить, когда вы его выпустите.

— Я его не выпущу, — сказал священник, который был храбр, но не до безрассудства. — Я поручу это одному почтенному человеку, которому всецело доверяю. Это… собственно говоря, это наш кузнец.

Так и получилось, что после бдения, показавшегося ему вечностью, Перси услышал звук поворачивающегося в замке ключа и бросился к двери, ища, кого бы сожрать. Но тут перенапряженная нервная система мгновенно утихла. Перед ним стоял человек, чьи мускулы (как и у другого, более прославленного кузнеца) были совершенно явно крепче железных прутьев.

Человек окинул Перси ледяным взором.

— Ну, — сказал он, — чего надо?

Перси проглотил слюну. Один вид этого человека действовал, как

успокоительное.

— Э-э… ничего! — ответил он. — Ничего.

— Так-то лучше, — мрачно сказал человек. — Мистер Фергюсон дал мне вот это для тебя. Бери!

Перси взял. Это был шиллинг.

— И вот это.

Второй дар был небольшой брошюркой. Она называлась «Время пришло» и содержала какую-то историю. Во всяком случае, прежде чем он начал расплываться, делая устойчивое чтение невозможным, взгляд Перси успел ухватить, что «Иов Роберте был запойный пьяница, но однажды, выходя из пивной…» Он хотел это отшвырнуть, но встретился глазами с великаном и воздержался. Нечасто приходилось лорду Бэлферу встречать человека с таким красноречивым взглядом.

— А теперь ступай, — сказал человек. — Вали отседова. Я послежу. И ежели я тебя увижу в «Трех голубях»…

Пауза была еще выразительней, чем речь, а речь — почти столь же красноречива, как взгляд. Лорд Бэлфер заткнул листок за ворот свитера, сунул в карман шиллинг и вышел из дома. Почти целую милю пути по достопамятной дороге он ощущал за своей спиной могучее Присутствие, но ни разу не оглянулся.

А впереди ужасный путь,
Пустынный, страшный путь,
И он не смеет по пути
Хоть в сторону взглянуть,
Тогда ему не даст идти
Зияющая жуть.

Через поле Мод пробралась к коттеджу у Платта. Душа ее была легка, как ветерок, шуршавший зелеными кустами. Весело подбежала она к двери. Рука ее потянулась к звонку, и тут изнутри раздался звук знакомого голоса.

Она достигла цели, но ее опередил отец. Лорд Маршмортон выбрал для своего визита к Джорджу Бивену то же время, что и она.

Мод на цыпочках ретировалась и поспешила в замок. Как никогда прежде, она ощутила, каким гнетом может оказаться для девушки слишком навязчивая семья.

Глава XVI

Когда прибыл лорд Маршмортон, Джордж читал доставленное утренней почтой письмо от Билли Дор. Оно было в основном посвящено передрягам, переживаемым подругой мисс Дор, мисс Синклер, из-за Спенсера Грея. Судя по всему, Спенсер Грей вел себя довольно странно. Относясь к мисс Синклер на ранних стадиях их знакомства с почти нескромной пылкостью, он вдруг охладел к ней. За недавним обедом он держался с непонятной отчужденностью и вот теперь, к моменту написания письма, исчез совершенно, оставив одну лишь обрывочную записку о том, что вынужден срочно выехать за границу и, как это ни прискорбно, они вряд ли встретятся снова.

«Он, — писала мисс Дор со вполне обоснованным негодованием, — наговорил бедной девочке, что она — единственная на свете. Если он думает, что может смыться, бросив «До свидания, желаю удачи!», то глубоко ошибается. Но и это не все. Ни за какую границу он не уехал. Я видела его сегодня днем на Пиккадилли. Он тоже меня заметил и как ты думаешь, что он сделал? Нырнул в переулок! Каков голубчик, а? Должно быть, несся, как заяц — когда я добежала до переулка, его уже и след простыл. Поверь мне, Джордж, тут что-то не так».

Побывав уже раз или два конфидентом в бурных романах Биллиных подруг, романах, которые где-то на полпути всегда шли наперекосяк и, не достигнув точки равновесия, умирали естественной смертью, Джордж заинтересовался ими разве что в одном смысле — письмо утешительно свидетельствовало, что не у него одного неприятности такого рода. Он просматривал остаток письма и был уже в самом конце, когда раздался резкий стук в дверь.

— Войдите, — крикнул Джордж.

Вошел невысокий плотный человек средних лет. С первого же взгляда Джордж силился и не мог вспомнить, где он его видел. А ведь точно видел! Наконец он вспомнил: это садовник, которому тогда, в замке, он передал записку для Мод. С толку сбили заметные перемены в его облачении. Когда они впервые встретились, на нем была неопрятная садовая одежда. Теперь же, надев, по-видимому, свой выходной костюм, он выглядел занятно франтоватым. Право же, встретив его в аллее, можно было принять его за добропорядочного соседа.

У Джорджа запрыгало сердце. Влюбленный — вечный оптимист, и он

не мог придумать иной причины для прихода этого человека в коттедж, кроме одной — ему поручено передать записку от Мод. Урвав у счастья секунды, он поздравил себя с обретением такого великолепного посредника. Очевидно, садовник из старых, преданных слуг, о которых пишут в книгах — верный, доброжелательный, надежный, готовый на все ради «маленькой мисси (благослови, Господи, ее душу»). Может быть, он еще качал Мод на коленях и с собачьей привязанностью следил за ее детскими забавами. Джордж приласкал гостя взглядом и поискал в кармане надлежащее вознаграждение.

— Доброе утро, — сказал Джордж.

— Доброе утро, — ответил садовник.

Придира сказал бы, что говорил он грубовато и без радушия. Но в том и таится прелесть этих преданных слуг. Это их конек — намеренно скрыть золотое сердце, принимая строгую и отчужденную манеру, И, заметьте, «Доброе утро», не «Доброе утро, сэр». Нарочитая независимость, подобающая свободному человеку. Джордж старательно прикрыл дверь и заглянул на кухню. Миссис Платт ушла. Все в порядке.

— Вы принесли записку от леди Мод?

Несколько мрачноватое выражение лица сменилось выражением суровым.

— Если вы имеете в виду мою дочь, — сказал гость ледяным тоном, — то вы ошиблись.

В последние дни Джордж не был чужд потрясений и даже свыкся с ними, но это, последнее, совершенно потрясло его.

— Прошу прощения? — сказал он.

— И правильно делаете, — отвечал граф.

Джордж сглотнул раз и другой, стараясь ослабить странную сухость во рту.

— Вы — лорд Маршмортон?

— Да.

— Боже правый!

— Вы удивлены?

— Нет, ничего, — пробормотал Джордж. — Вы, по крайней мере… я хочу сказать… Просто вы очень похожи на одного садовника у вас в замке. Я… вы, конечно, сами замечали.

— Садоводство — мое хобби.

— Значит, это были вы…

— Я.

Джордж сел.

— Тут надо подумать, — сказал он.

Лорд Маршмортон остался стоять. Он сурово покачал головой.

— Ничего не выйдет, мистер… Я не знаю вашей фамилии.

— Бивен, — сказал Джордж, радуясь, что в этой душевной буре он еще не забыл ее.

— Не выйдет, мистер Бивен. Это нужно прекратить. Я говорю о странной связи между вами и моей дочерью. Ее надо кончить немедленно.

По мнению Джорджа, эта связь вряд ли начиналась, но он промолчал.

Лорд Маршмортон продолжил речь. Леди Каролина велела ему быть предельно суровым, и его решимость придавала речи ту строго отмеренную суровость и тщательность, которые отмечали его нечастые выступления в Палате лордов.

— Я не хотел бы судить слишком строго. Молодость — романтический период, когда сердце преобладает над разумом. Я и сам был когда-то молод…

— Вы и теперь молоды, — сказал Джордж.

— А? — вздрогнул лорд Маршмортон, от приятной неожиданности теряя нить рассуждений.

— Вам не дашь больше сорока.

— Ну, что вы, что вы, мой мальчик… то есть, мистер Бивен.

— Честно, не дашь.

— Мне сорок восемь.

— Расцвет жизни.

— По-вашему, я не выгляжу на столько?

— Ни в коем случае.

— Ну, ну. Кстати, как у вас с табаком, мой мальчик? Я забыл дома кисет.

— Вот там, у вас под локтем. Недурен. Купил в деревне.

— Я курю такой же.

— Интересное совпадение.

— Необычайное.

— Спичку?

— Спасибо, у меня есть.

Джордж тоже набил трубку. Все это уже походило на встречу друзей.

— О чем я говорил? — сказал лорд Маршмортон, выпуская уютное облако. — Ах, да. — Он вынул трубку изо рта, чуть-чуть смущенно. — Да-да, именно так.

Наступило неловкое молчание.

— Вы и сами должны понимать, насколько это невозможно.

Джордж покачал головой.

— До меня, может быть, медленно доходит, но я не понимаю.

Лорд Маршмортон припомнил часть из того, что его сестра велела сказать.

— Во-первых, что нам о вас известно? Вы совершенно чужой человек.

— Ну, мы все как-то быстро знакомимся друг с другом, правда? Только что я встретил на Пиккадилли вашего сына, мы поговорили, и вот вы уже наносите мне добрососедский визит.

— Это не совсем визит…

— Но вышло-то именно так.

— И потом, понимаете… Мы — древний род. Маршмортоны были в Бэлфере еще до войны Алой и Белой розы.[18]

— Бивены были в Бруклине еще до подземки.

— Прошу прощения?

— У меня тоже всякие предки. В Бруклине надо глубоко копать, если хочешь что-то найти.

— Никогда не слыхал о Бруклине.

— А о Нью-Йорке слыхали?

— Разумеется.

— Один из районов.

Лорд Маршмортон снова запалил трубку. Разговор уходил в сторону от основной темы.

— Это совершенно невозможно.

— А почему?

— Мод такая молодая.

— Естественно. Она — ваша дочь.

— Слишком молода, чтобы знать, чего она хочет, — настаивал лорд Маршмортон, усилием воли подавляя чувства, вызванные замечанием Джорджа. Он думал о том, что этот чрезвычайно приятный молодой человек сильно осложняет ему жизнь. Совершенно же обескураживало то, что они вдвоем составляли отменную компанию — лучшую, по сути дела, чем все, что граф мог припомнить в последние годы своей довольно одинокой жизни. — Сейчас она, конечно, воображает, что безумно влюблена в вас. Это абсурд.

— И не говорите, — сказал Джордж. Лишь благодаря тому, что все приходили в его коттедж, чтобы сообщить, как Мод его любит, ему удавалось избавиться от мысли, что случай его — совершенно безнадежный. — Это невероятно. Это — чудо.

— Вы — романтический молодой человек, и сейчас вам кажется, что

вы влюблены в нее.

— Нет, — такую подачу Джордж упустить не мог, — тут вы неправы. Что до меня, никаких «сейчас» и «кажется». Я действительно влюблен в вашу дочь. С того самого момента, как впервые увидел ее. И навсегда. Она — единственная девушка на свете.

— Чушь и чепуха.

— Ничуть не бывало. Голый, абсолютный факт.

— Вы так недолго ее знаете.

— Для меня достаточно. Лорд Маршмортон вздохнул.

— Вы расстраиваете все на свете.

— Все на свете расстраивает меня.

— Вы причиняете массу неприятностей.

— Как и Ромео.

— А?

— Я говорю — как Ромео.

— Какие такие Ромео?

— Что до любви, я там, где он и не ступал.

— Да одумайтесь вы!

— Куда уж больше!

— Мне бы хотелось показать вам свою точку зрения…

— Вижу я вашу точку. Расплывчато, но вижу. Понимаете, моя занимает весь передний план.

Они помолчали.

— Тогда я боюсь, — сказал лорд Маршмортон, — что нам придется оставить все как есть.

— Пока не сможем изменить к лучшему.

— Тогда давайте бросим это.

— Давайте.

— Но вы поймите, я сделаю все, что в моих силах, чтобы порвать эти прискорбные отношения.

— Я понимаю.

— Прекрасно.

Лорд Маршмортон кашлянул. Джордж взглянул не него в некотором удивлении. Он считал беседу законченной, но собеседник не двигался с места. У фафа явно было что-то на уме.

— И еще… хке… еще одно, — сказал лорд Маршмортон и снова кашлянул. Он глядел смущенно. — М-да… еще одно, — повторил он.

Причина посещения была двоякая. Во-первых, так велела леди Каролина, и этого, казалось бы, хватит. Но нет, особенную важность

придавал визиту печальный инцидент, о котором он узнал лишь нынче утром.

Как мы помним, Билли Дор сказала Джорджу, что старик садовник, с которым она так подружилась, записал ее имя и адрес, чтобы выслать ей розы. Клочок бумаги, на котором это было записано, пропал. Лорд Маршмортон с самого завтрака искал его, но безуспешно.

Билли Дор произвела на лорда Маршмортона неизгладимое впечатление. Она принадлежала к тому типу, с которым он никогда не сталкивался, и он находил его в высшей степени приемлемым. Окончательно она покорила его тем, что разбиралась в розах и считала их разведение достойным делом. Никогда еще на своей памяти не встречал он девушку столь разумную и столь очаровательную, а потому — с особым нетерпением ожидал новой встречи. И вот, какая-то не в меру ретивая служанка, занимаясь, по их несносной привычке, уборкой, уничтожила единственное свидетельство, по которому ее можно найти.

После того, как это обнаружилось, надежда не сразу забрезжила снова. Только тогда, когда он оставил бесплодные поиски, до него дошло, что Билли Дор впервые появилась в компании Джорджа. Значит, единственное связующее звено между ним и ею — именно Джордж.

Чтобы выведать нужные сведения, он, главным образом, и отправился в коттедж. Но теперь пришло время коснуться этой темы, и он застеснялся.

— Когда вы посещали замок, — сказал он, — когда вы посещали замок…

— В четверг, — помог Джордж.

— Именно. Когда вы посещали замок в четверг, с вами была молодая дама.

Не догадавшись, что тема переменилась, Джордж решил, что противник передислоцировал фронты и теперь атакует его с другого фланга. Он мужественно противостоял инсинуации.

— Мы встретились в замке случайно. Она приехала одна, не со мной.

Лорд Маршмортон всполошился.

— И вы ее не знаете?

— Разумеется, знаю. Она — мой старый друг. Но если вы хотите сказать…

— Ни в коем случае! — радостно воскликнул граф. — Никоим образом! Я спрашиваю только потому, что эта молодая дама, с которой я тогда немного поговорил, была столь любезна, что дала мне свое имя и адрес. Она тоже приняла меня за садовника.

— Это все вельветовые брюки, — объяснил Джордж.

— К сожалению, я потерял их.

— Вы всегда можете купить другие.

— А?

— Я говорю, вы всегда можете купить другую пару вельветовых брюк.

— Я потерял не брюки. Я потерял имя и адрес.

— О!

— Я обещал послать ей розы. Она будет ждать.

— Невероятно! Я как раз читал письмо от нее, когда вы вошли. Вот, значит, что она имеет в виду, когда пишет: «Если увидишь папашу, моего лапочку, напомни ему о розах». Я перечитывал это три раза, но так и не понял. Так значит, вы — папаша?

Граф глуповато усмехнулся.

— Она меня так называла.

— Значит, это послание — для вас.

— Весьма своеобразная и очаровательная девушка. Как ее зовут? Где ее можно найти?

— Ее зовут Билли Дор.

— Билли?

— Билли.

— Билли, — тихо повторил лорд Маршмортон. — Надо бы записать. А ее адрес?

— Я не знаю ее домашнего адреса, но ее всегда можно застать в театре.

— А! Она играет на сцене?

— Да, в моей вещи «Вслед за девушкой».

— Вот оно что! Вы — драматург, мистер Бивен?

— Боже упаси! — отвечал Джордж. — Я — композитор.

— Как интересно! И вы познакомились с мисс Дор, потому что она занята в вашей пьесе?

— О, нет! Я знал ее еще до того, как она пошла на сцену. Мы познакомились, когда она была машинисткой в музыкальном издательстве.

— Господи! Машинисткой! В самом деле?

— Да. А что?

— А… э… да так, ничего. Просто пришло в голову…

А пришло ему в голову мимолетное видение: Билли Дор занимает место Алисы Фарадей. С такой помощницей работа над этой треклятой историей, сущая мука, стала бы чистым наслаждением. Но мечта ушла, как и пришла. Он отлично осознавал, что ему никогда не хватит духу уволить

Алису. В руках этой девушки со спокойным взглядом он размякал, как шпаклевка. Она оказывала на него то влияние, какое укротители тигров оказывают на своих зверюшек.

— Мы дружим много лет, — сказал Джордж. — Билли — свой парень.

— Очаровательная девушка.

— Последний грош отдаст, только попроси.

— Прелесть.

— И прямая, как струна. О Билли никто никогда не скажет дурного слова.

— Правда?

— Она может пойти на обед или ужин, но в этом нет ничего такого.

— Ничего такого, — горячо согласился граф. — Девушкам тоже надо есть.

— Конечно, надо. Вы бы на них посмотрели.

— Вполне безобидно — немного расслабиться после дневных трудов.

— Именно.

Лорд Маршмортон ощущал все большее расположение к этому разумному молодому человеку — то есть, разумному во всем, кроме одного пункта. Как жаль, что у них разные взгляды на то, что приемлемо для аристократа в любовных делах, а что нет.

— Итак, вы композитор, мистер Бивен? — сказал он.

— Да.

Лорд Маршмортон тихонько вздохнул.

— Давненько не бывал я на музыкальных представлениях. Больше двадцати лет. В Оксфорде я был большой театрал. Ни одной премьеры не пропускал. То были дни Нелли Фаррен и Кейт Воган. И Флоренс Сен-Джон. Ах, как она была хороша в «Новом Фаусте»! Нелли Фаррен вы уже не застали. А композитором тогда был Мейер Лутц. Много воды утекло с тех пор. Вы, вероятно, и не слыхали о Мейере Лутце?

— Не припомню…

— Джонни Тул исполнял тогда вещь под названием «Партнеры». Пьеса так себе. А в «Савойе» тогда как раз вышел «Мещанин начеку». Так что это было очень давно. Ну что ж, не буду отнимать у вас время. До свидания, мистер Бивен, я рад, что нам представилась возможность побеседовать. Так значит, в театре идет ваша пьеса? Я, может быть, вскорости поеду в Лондон. Надеюсь увидеться. — Лорд Маршмортон поднялся. — Что же касается того дела — нет никакой надежды, что вы отнесетесь к нему правильно.

— Мы, кажется, по-разному понимаем, что правильно.

— Тогда говорить не о чем. Я буду с вами предельно откровенен, мистер Бивен. Вы мне нравитесь…

— Взаимно.

— Но я не хочу, чтобы вы были моим зятем. И, черт побери, — лорд Маршмортон взорвался, — вы им не будете! Что же вы думаете, можно напасть на моего сына в самом сердце Лондона и вообще вести себя черт знает как, а потом поселиться без всякого приглашения у самых моих ворот? И еще ожидать, что вас примут в лоно семьи? Если бы я был молодым…

— Вы молоды, мы уже это решили.

— Не перебивайте меня!

— Я только говорю…

— Я слышал, что вы говорите. Это лесть!

— Ничего подобного! Истинная правда.

Лорд Маршмортон растерялся; потом — улыбнулся.

— Какой идиот, однако!

— Вот в этом мы согласны.

Лорд Маршмортон колебался. Потом вдруг решился, распахнул свою душу и выложил все как есть.

— Я знаю, что вы будете говорить себе, как только я покажу спину. Назовете меня старым ханжой и все такое прочее. Не перебивайте, черт возьми! Будете, будете! И ошибетесь! Это не я считаю, что Маршмортоны отгорожены от всего мира. Это моя сестра так считает. Это Перси так считает. Но Перси — осел! Если вы обнаружите, что ваши воззрения расходятся со взглядами Перси, можете себя поздравить. Значит, вы правы.

— Но…

— Я знаю, что вы хотите сказать. Дайте мне договорить. Если бы это зависело только от меня, я не стал бы мешать Мод, пусть себе выходит за кого хочет, лишь бы человек был хороший. Но я не один. У меня есть сестра, Каролина. У меня целая куча всяких глупых, кудахчущих кретинов — двоюродные сестры, их мужья, всякие дурацкие родственники! Если я не стану мешать этому дурацкому увлечению, если опущу руки и позволю ей выйти за вас — что, по-вашему, станет со мной? Да у меня в жизни не будет минуты покоя! Вся эта стая набросится на меня. Начнутся споры, дискуссии, семейные советы. Я ненавижу споры! Терпеть не могу дискуссий! Меня тошнит от семейных советов! Я — мирный человек, я люблю спокойную жизнь! И, черт побери, она у меня будет! Вот и все. Против вас лично я ничего не имею, но досаждать себе не позволю. Да, я изменил то нелестное мнение о вас, которое сложилось понаслышке… на

основании слухов…

— Как и я, — сказал Джордж. — Никогда нельзя верить тому, что говорят люди. Мне все уши прожужжали, что вы — настоящий Нерон.

— Не перебивайте!

— Я не перебиваю. Я только хотел…

— Да замолчите вы! Я говорю, изменил свое мнение. Но это не имеет никакой практической силы. Если вы думаете, что заставите меня согласиться на ваш брак, то, позвольте вам заметить, я — против!

— Ну, не говорите так!

— Почему это не говорить? Говорю, и все. Это не обсуждается! Вы меня поняли? Вот и прекрасно. Всего хорошего.

Дверь закрылась. Лорд Маршмортон ушел, сознавая, что проявил похвальную твердость. Джордж набил трубку и задумчиво закурил. Где-то теперь Мод? Что делает?

Мод в этот момент встречала ясной улыбкой своего брата, который ковылял вверх по лестнице после запоздалого утреннего туалета.

— Ой, Перси! — говорила она. — Какое у меня было приключение! Страшный бродяга преследовал меня несколько миль подряд! Совершеннейший зверь! Я так перепугалась, что попросила священника из соседней деревни, чтобы тот его прогнал. Как я жалела, что тебя нет со мною! Отчего бы тебе не ходить со мной на прогулки? Право, одной — совсем уж нельзя.

Глава XVII

Вопреки широко распространенному мнению, дар скрывать свои чувства от постороннего взгляда — не плод новейшей цивилизации. Задолго до того, как мы родились или даже замышлялись, существовал некий мальчик, получивший широкую известность в журналистских кругах Спарты, который преуспел в этом настолько, что позволил лисенку выгрызть свой нежный живот, не давая неприятным ощущениям, неизбежно сопровождающим такие события, отразиться на своем лице и помешать непринужденной беседе. Историки передают нам, что даже на поздних стадиях этой трапезы светский мальчуган оставался душой компании. Но хотя и можно сказать, что этим подвигом он установил рекорд, никогда и никем не побитый, несомненно и то, что и в нынешние времена кое-кто изо дня в день являет недурные чудеса самообладания. В ряду качеств, присущих только человеку (а не другим, низкоорганизованным животным), это резче всего отличает нас от прочих тварей.

Животные мало озабочены тем, как они выглядят со стороны. Посмотрите на Быка Бертрама, когда дела идут не так, как ему хотелось бы. Он бьет копытом. Он ревет. Он роет землю. Он закидывает голову и мычит. Он расстроен, и ему нет дела до того, кто об этом узнаем. Примеры можно умножить. Внедрите часть заряда в периферийную секцию Тигра Томаса и понаблюдайте за эффектом. Раздразните Осу Оливию, уколите сзади Медведицу Молли. Нет такого животного, у которого имелось бы хоть рудиментарное понятие о приличиях; именно это, а не что-либо другое, должно наполнять нас гордостью за то, что мы, люди, находимся на более высокой ступени развития.

Несколько дней после посещения лорда Маршмортона выдержка обитателей замка подвергалась суровым испытаниям, и мы с удовольствием заметим, что все, как один, вышли из него с честью. Широкая общественность, представленная дядюшками, кузинами и тетушками, слетевшимися, чтобы помочь лорду Бэлферу отпраздновать совершеннолетие, и представления не имела о том, что за невозмутимым фасадом у полдюжины постоянно встречаемых ими людей вскипают бурные страсти.

Лорд Бэлфер, например, хотя и болезненно прихрамывал, никак не проявлял той неистовой ярости, которая снижала его вес на сотни граммов

вдень. Его дядюшка Фрэнсис, епископ, прижав его в саду и проповедуя о Невоздержанности (ибо дядя Фрэнсис, как и тысячи других, прочитав в газетах отчет о столкновении с полицейскими и последующем аресте, а priori счел, что они явились результатом алкогольного опьянения), епископ этот нимало не догадывался о том, какой вулкан бушует в груди племянника. Более того, он вынес из беседы уверенность в том, что мальчик выслушал его со вниманием и должным раскаянием и еще не все потеряно, если только он не будет поддаваться искусу. Откуда было ему знать, что если бы не светские условности — а они осуждают убийство епископов, — Перси с удовольствием задушил бы его голыми руками и попрал бы останки ногой.

Случай лорда Бэлфера, пожалуй, самый трудный, поскольку он относился к себе с крайней серьезностью и был не из тех, кто может находить юмор даже в собственных неудачах; но и его сестра Мод тоже испытывала душевные треволнения. У нее все складывалось плохо. Всего лишь какая-то миля отделяла ее от Джорджа, единственного связующего звена между нею и Раймондом, но так густо была эта миля утыкана препятствиями и опасностями, что ее спокойно можно было считать нейтральной полосой. После того случая, когда лорд Маршмортон спутал ее планы и помешал ей войти, дважды пыталась она сходить туда снова, и оба раза какая-нибудь чепуха, какое-нибудь досадное недоразумение вставало на ее пути. Один раз тетя Августа пожелала сопровождать ее в «милой дальней прогулке», а во второй раз, когда она была уже в сотне ярдов от цели, неизвестно откуда выскочил родственник и навязал ей свое невыносимое общество.

Потерпев такое поражение в лобовой атаке, она прибегла к запасной тактике — написала Джорджу записку, где в хороших, честных выражениях объясняла все и просила о помощи его, человека, доказавшего свою рыцарскую доблесть. Это заняло у нее добрую часть дня, ибо писать было нелегко; и все понапрасну. Она отдала записку Альберту, чтобы он доставил ее Джорджу, но Альберт вернулся с пустыми руками.

— Он сказал, ответа не будет м'леди.

— Не будет? Должен быть!

— Не будет, м'леди. Сам сказал, — упрямо твердила черная душа, уничтожившая письмо через две минуты, не потрудившись даже прочесть его. Ох, непрост, ох, опасен, ох, подл подросток, сражающийся за победу и только за победу! В кармане у него — билет с надписью «Реджи Бинг», в безжалостном сердце — твердая решимость предоставлять свое бесценное содействие Реджи Бингу и никому другому.

Мод ничего не понимала. Вернее сказать, она решительно отказывалась принять единственное объяснение. Черным по белому написала она Джорджу, прося его поехать в Лондон, найти Джеффри и сыграть роль пересыльного пункта для писем между ними. Она с самого начала чувствовала, что с такой просьбой надо обращаться лично, а не в письме, но ведь трудно поверить, чтобы Джордж, так много претерпевший за нее, да и поселившийся здесь, чтобы быть ей полезным, холодно отказал ей, не сказав ни слова в ответ! Но что еще оставалось думать? Она была совсем одинока во враждебном мире.

И все же, несмотря на это, с гостями она держалась светло и беззаботно. Никто и не заподозрил, что жизнь ее — не сплошное солнечное сияние.

Альберт (и я рад сообщить об этом) чувствовал себя ужасно. Маленькое чудовище испытывало адские муки. Он буквально забрасывал Реджи Бинга анонимными «Советами безнадежно влюбленному», роскошным материалом из еженедельных газет, целые горы которых скапливались в комнате сентиментальной домоправительницы, — и все без толку. Каждый день, а то и по два, по три раза оставлял он на туалетном столике преисполненные глубокого смысла записочки, близкие той, что он оставил там в ночь после бала, но по своему воздействию на адресата они значили не больше, чем простые клочки бумаги.

Изысканнейшие цитаты из таких выдающихся писателей, как Тетя Шарлотта, автор «Незабудки», или доктор Амур, эксперт человеческих сердец («Домашняя воркотня»), преподносились бесплодно. Насколько Альберт мог судить — а он был из тех мальчиков, которые могут судить обо всем в радиусе нескольких миль, — Реджи положительно избегал общества Мод. И это после бесценного урока доктора Амура: «Ищи ее общества при всяком удобном случае» или максимы от Тети Шарлотты: «Соискатель часто добивается благосклонности своей дамы, если он настойчив. (Альберт написал «настырен», но смысл — тот же) и становится незаменимым, постоянно оказывая мелкие знаки внимания». Нисколько не становясь незаменимым и не оказывая мелких знаков внимания, Реджи, к жестокому разочарованию своего помощника, проводил большую часть времени с Алисой. Трижды мутило Альберта при виде своего протеже с девицей Фарадей — один раз в лодке на пруду и дважды в сером автомобиле. Этого достаточно, чтобы разбить мальчишеское сердце, и уж во всяком случае, чтобы начисто отбить аппетит — что, рад сообщить, отнесли в людской на счет недавних злоупотреблений. Горький миг пережил он, когда Кеггс, дворецкий,

обозвал его прожорливым поросенком и выразил надежду, что впредь он не будет круглые сутки набивать себе брюхо крадеными пирогами.

Нам будет гораздо легче, если мы прервем рассуждения об этих страждущих душах и обратим взоры к более приятной картине, на которой предстает лорд Маршмортон. Тут мы со всей несомненностью увидим человека, не таящего никакой скорби; человека, находящегося в полном мире и согласии с лучшим из миров. После визита к Джорджу вторая молодость как бы сошла на графа. С новой энергией работает он в своем питомнике, насвистывая или даже напевая себе под нос какие-то веселые мелодии восьмидесятых годов.

Прислушаемся к нему. В его руках некая единица садового инвентаря, и он сеет ею смерть среди слизняков.

«Та-ра-ра бум-би-я,
Та-ра-ра БУМ…»

«БУМ», зов смерти, тихо гудит в теплом весеннем воздухе, а очередной слизняк переходит в мир иной.

Есть некое своеобразие в этой необычной веселости. Так и кажется, что и другие ее замечают. Среди других — лакей его светлости.

— Честное благородное слово, мистер Кеггс, — говорит он, охваченный священным ужасом, — утром старый хрен пел, как пташка. Расчирикался, как канарейка.

— Ух ты! — удивляется Кеггс.

— А вчера он мне дал полпачки сигар и говорит: «Ты добрый и верный малый». Да, скажу я вам, что-то творится со старым хрычом, попомните мое слово.

Глава XVIII

Над всей этой сложной ситуацией лучом прожектора блуждал ум Кеггса. Человек этот обладал зоркостью и мудростью, инстинктом и логическим мышлением. Инстинкт говорил ему, что, не подозревая, как изменилось отношение Альберта к ее романтической истории, Мод будет снова пытаться использовать его для связи с Джорджем, а логика, наложенная к тому же на доскональное знание черной души, позволяла догадываться, что Альберт непременно обманет ее доверие. Он готов был поспорить на сто фунтов, что Альберту доверены письма для доставки и он их уничтожил. До этого пункта все было ясно. Оставалось принять какой-нибудь план действий, которые привели бы к восстановлению нарушенной коммуникации. Не думайте, что под грубой внешностью Кеггса скрывалось нежное сердце. Нет, он не рыдал над драмой двух любящих людей, разлученных по недоразумению; он хотел выиграть в лотерею.

Положение было, конечно, деликатным. Он не мог прийти к Мод и просить, чтобы она доверилась ему. Мод не поняла бы его побуждений и могла решить, что он приобщился к хересу. Нет! С мужчинами сладить легче. И как только позволили служебные обязанности — а их в нынешних условиях хватало, — он отправился в коттедж, к Джорджу.

— Надеюсь, я не прервал ваших занятий, сэр? — сказал он в дверях, сияя улыбкой, словно благостный священнослужитель. Как и обычно в свободные часы, он оставил профессиональный тон строго-снисходительного неодобрения.

— Ни в малейшей степени, — отвечал озадаченный Джордж. — Что-нибудь…

— Да, сэр.

— Входите, садитесь.

— Я бы не хотел допускать такой вольности, сэр. Если можно, я постою.

Наступило неловкое молчание. То есть, неловким оно было для Джорджа, который уже подумывал, не припомнил ли дворецкий, что всего несколько дней назад принимал его на работу в качестве официанта. Что же до Кеггса, то он был спокоен. Мало что трогало этого человека.

— Прекрасная погода, — сказал Джордж.

— В высшей степени, сэр, если не считать дождя.

— А что — дождь?

— Настоящий ливень, сэр.

— Хорошо для посевов, — сказал Джордж.

— Да, сэр, хорошо.

Они опять помолчали. Капли дождя, звеня, падали со скатов крыши.

— Могу я говорить откровенно, сэр? — сказал Кеггс.

— Валяйте.

— Прошу прощения, сэр?

— Я имею в виду — конечно. Давайте. Говорите. Дворецкий прокашлялся.

— Позвольте мне начать с того, что ваши сердечные дела, если мне будет позволено так выразиться, не составляют секрета в людской. Я не хотел бы, чтобы это выглядело так, будто я много себе позволяю; я только заверю вас, что в людской известны все обстоятельства.

— Можете и не заверять, — холодно отвечал Джордж. — Я знаю о вашей лотерее.

Тень смущения пробежала по крупному, гладкому лицу дворецкого — пробежала и исчезла.

— Я не знал, что вам сообщили эту подробность, сэр. Но я не сомневаюсь, что вы поймете и правильно оцените нашу точку зрения. Так, легкая забава, развлечение, не более того, чтобы развеять скуку деревенской жизни.

— Не надо извиняться, — сказал Джордж и вдруг вспомнил об одной вещи, которая занимала его с балконного бдения. — Кстати, если не секрет, кто вытянул Пламмера?

— Сэр?

— Кто из вас вытянул в лотерее человека по имени Пламмер?

— Я полагаю, сэр, — Кеггс вдумчиво наморщил лоб, — я полагаю, что его вытянул лакей одного нашего гостя. Я не обратил на это особого внимания. Я не склонен был высоко оценивать шансы мистера Пламмера. Мне казалось, что мистер Пламмер — величина ничтожно малая.

— Вы правы. Пламмер вне игры.

— Действительно, сэр? Симпатичный молодой джентльмен, но ему недостает некоторых существеннейших качеств. Вам тоже так показалось, сэр?

— Я с ним не встречался. Почти, не совсем.

— Мне пришло в голову, что вы могли познакомиться с ним на балу, сэр.

— А! Я все думаю, помните ли вы меня?

— Я прекрасно помню вас, сэр. Именно то обстоятельсто, что мы с

вами уже встречались, можно почти сказать, в свете, придало мне смелости прийти сюда и предложить вам свои услуги в качестве посредника, если только вы пожелаете ими воспользоваться.

Джордж ничего не понимал.

— Услуги?

— Точно так, сэр. Мне представляется, что именно я могу протянуть вам, что называется, руку помощи.

— Откуда в вас такой альтруизм?

— Сэр?

— Я говорю, с вашей стороны это слишком великодушно. Ведь вы, помнится, вытянули мистера Бинга?

Дворецкий снисходительно улыбнулся.

— Вы не вполне поспеваете за развитием событий, сэр. Со времени первоначального розыгрыша произведены небольшие поправки. Мистер Бинг теперь у Альберта, а у меня вы, сэр. Небольшая дружеская договоренность, достигнутая в буфетной.

— Дружеская?

— С моей стороны — совершенно дружеская.

Джордж начинал понимать то, что до сих пор было для него полной загадкой.

— То есть, все это время…

— Точно так, сэр. Все это время ее милость, находясь под обманчивым впечатлением, будто мальчик все еще всецело на ее стороне, оказывала ему неоправданное доверие. Шпана поганая! — на мгновение Кеггс забыл свою светскую манеру и позволил гневу пробиться сквозь полированную поверхность. — Простите мою резкость, сэр, — учтиво добавил он. — Сорвалось.

— Вы думаете, что леди Мод давала Альберту письма, а он их уничтожал?

— Я представляю себе, сэр, что именно так должно быть. У мальчика нет никаких принципов, решительно никаких принципов.

— Боже правый!

— Я хорошо понимаю ваше негодование, сэр.

— Похоже, что именно так оно и было.

— По моему разумению, сомневаться не приходится. Поэтому я и решился прийти сюда. В надежде, что я смогу посодействовать встрече.

Сильное отвращение, которое вызывал в Джордже этот заговор, обсуждаемый с зарвавшимся слугой, несколько ослабло. Может быть, это и недостойно, но, что ни говори, полезно. И потом, человек, вступивший в

заговор с пажом, мало что теряет по части собственного достоинства, вступая в заговор с дворецким. Он посветлел. Чтобы снова увидеться с Мод, он готов поступиться приличиями.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Сегодня дождливый день, и все останутся в доме, займутся разными играми, — Кеггс мило снисходил к забавам аристократии. — Поэтому маловероятно, чтобы вам помешали, если вы согласитесь явиться в аллею у восточных ворот замка и подождать там. Неподалеку от ворот, в поле, вы обнаружите заброшенный сарай, он укроет вас от дождя. Между тем я информирую о ваших действиях ее милость, и она, несомненно, найдет способ выскользнуть из дома.

— Звучит неплохо.

— Не просто звучит, это и впрямь неплохо. Вероятность помех, можно сказать, сведена к минимуму. Итак, через час?

— Прекрасно.

— В таком случае, позвольте пожелать вам доброго вечера, сэр. Благодарю вас, сэр. Очень рад был оказать вам услугу.

Он удалился, как и вошел, весьма солидно. После него комната казалась совсем пустой. Трясущимися руками Джордж принялся натягивать ботинки.

Едва он ступил за порог, он чуть не проклял погоду за ее предательство. В этот вечер, всем вечерам вечер, стихии должны бы танцевать вокруг него, принося свои дары. Воздух должен быть тих, прозрачен и свеж, отблески зари должны озарять ему путь. На самом же деле воздух был пропитан тем запахом беспросветной влажности, который приходит в конце дождливого английского дня. Небо отливало свинцом. Плотные потоки дождя свистели и шептались о грязи и гадости, превращая аллею, по которой он ковылял, в сплошное месиво. Какое-то нехорошее предчувствие овладевало Джорджем, словно голос ночи злобно нашептывал ему предсказания беды. Входя в сарай, он странно нервничал.

В сарае царили мрак и мерзость запустения. В одном из темных углов периодически капало, что свидетельствовало о прорехе в древней кровле. Пробежала крыса. Стук капель прекратился, потом возобновился. Джордж чиркнул спичкой и взглянул на часы. Рано. Должно пройти еще минут десять, прежде чем он начнет надеяться, что она придет. Он присел на сломанную повозку и прислонился спиной к стене.

Подавленность снова овладела им. Бороться с ней в этом гадюшнике он не мог. Сарай напоминал склеп. Только такой дурак, как дворецкий, мог выбрать его для свидания. Отчего, подумалось ему, люди доводят такие

места до таких состояний? Если им действительно нужен сарай, нужен настолько, что они не прочь потратить силы и средства на его строительство, разве он не стоит того, чтобы поддерживать его в должной форме? Расточительство, разгильдяйство, безалаберность — вот что это такое. И вообще, если вдуматься, все на свете — сплошное расточительство. Например, сидеть здесь — что это такое, как не бесцельная трата времени? Она не придет. Найдется десяток причин, чтобы ей не прийти. Так что за польза лелеять свой ревматизм в этом склепе, в этом памятнике погибшим сельскохозяйственным амбициям? Ровным счетом никакой — и Джордж продолжал ждать. Чего? Что она придет в проклятое место, где ее будет душить запах прелого сена, заливать дождь и — мрачно подумал Джордж, заслышав в очередной раз шуршание и суету на невидимом полу, — кусать крыса? Очень трудно ожидать, что девушка утонченного воспитания, привыкшая ко всем мыслимым удобствам, просияет от радости.

Серый прямоугольник, обозначивший дверной проем, вдруг потемнел.

— Мистер Бивен?

Джордж подскочил. При звуке ее голоса каждая его жилка затрепетала от дикой радости. Это был другой человек. Депрессия спала с него, как спадают одежды. Он почувствовал, что до сих пор судил обо всем неправильно. Вечер, к примеру, — чудесный вечер, не из тех ужасных, сухих, испепеляющих вечеров, когда нечем дышать, но приятно влажный, наполненный мелодичным звоном дождя. А сарай? О, как он ошибался! Это просто чарующее местечко, уютное, просторное, веселящее душу. А что может придать больше бодрости, чем запах свежего сена? Даже крысы, чувствовал он, когда ты узнаешь их поближе, окажутся вполне пристойными.

— Я здесь!

Мод быстро приближалась. Его глаза уже привыкли к мраку, и он смутно различал ее силуэт. Запах намокнувшего плаща овеял его, как облако озона. Вот она уже так близко, что он различает блеск ее глаз.

— Вы давно ждете?

Сердце загромыхало о ребра. Он едва мог говорить, но с трудом выдавил «нет».

— Я уж думала, что не смогу вырваться. Пришлось… Она вскрикнула. Крыса, любившая, как и все крысы, спортивные упражнения, в очередной раз пустилась бежать через сарай.

Рука ухватила Джорджа за локоть, продвинулась чуть вниз и там осталась. Последние остатки самообладания покинули его. Мир расплылся,

лишился реальности, остался лишь один твердый факт — Мод в его объятиях, а он произносит самые разные слова, очень быстро, каким-то чужим голосом.

Глава XIX

Остро, словно его ранили, Джордж почувствовал: что-то не так. Еще когда он схватил ее в объятия, она напряглась и вскрикнула; теперь же она боролась, силясь высвободиться. Она вырывалась из его рук. Он слышал ее тяжелое дыхание.

— Вы… вы… — она задохнулась.

— Мод!

— Как вы смеете!

Наступило молчание, тянувшееся до бесконечности. Дождь стучал по облепленной листвой крыше. Вдали тоскливо завыла собака. Тьма накрыла его, как одеялом, удушая все его мысли.

— Спокойной ночи, мистер Бивен, — голос ее был как лед. — Я не думала, что вы… что вы такой. Я не ожидала этого… от вас!

Она продвигалась к двери. Когда она достигла ее, Джордж вышел из ступора. Содрогнувшись с головы до ног, он вернулся к жизни. Все его многочисленные эмоции вылились в одну — в холодную ярость.

— Стойте!

Мод остановилась. Ее подбородок вздернулся, ее презрительный взгляд зря пропадал в темноте.

— Да?

Тон ее еще больше усилил его ярость. От несправедливости кружилась голова. Он ненавидел ее. Ведь это он оказался потерпевшей стороной! Он, а не она, оказался обманутым; его, а не ее, так постыдно разыграли.

— Я хочу кое-что сказать, прежде чем вы уйдете.

— Нам не о чем разговаривать!

Высшим напряжением воли Джордж заставил себя не говорить, пока не подберет слов помягче тех, что просились ему на уста.

— А я считаю, что есть! — сказал он сквозь зубы. Удивление примешалось к ее гневу. Теперь, когда первое потрясение прошло, более спокойная половина сознания пыталась утешить другую, разъяренную, убеждая, что Джордж просто ошибся, потерял на миг голову, оставаясь джентльменом и другом. Она напоминала, что именно он как-то раз помог в беде и не далее как вчера или позавчера фактически рисковал жизнью, спасая женскую честь. Услышав его зов, Мод решила, что лучшие чувства возобладали, и приготовилась с достоинством принять сумбурные и невнятные извинения. Но только что прозвучавший голос, резкий,

жалящий, сгущенный, не свидетельствовал о раскаянии. Не кающийся, а очень сердитый человек приказывал ей — не просил! — остановиться и слушать.

— Да? — снова сказала она, на этот раз несколько мягче, решительно не понимая его состояния. Ведь это она — потерпевшая сторона. Она, а не он, доверилась; ее, а не его, предали.

— Я бы хотел объясниться.

— Прошу вас, не надо извинений. Джордж в отчаянье заскрежетал зубами.

— У меня нет ни малейших намерений извиняться. Я сказал, что хочу объясниться. Когда я закончу свои объяснения, вы можете уйти.

— Я уйду, когда захочу, — вспыхнула Мод. — Что за несносный человек!

— Вам нечего бояться. Такого… больше не будет. Чудовищное толкование ее слов взбесило Мод.

— Я ничего не боюсь!

— Тогда, быть может, вы соблаговолите выслушать? Я вас не задержу. Мое объяснение чрезвычайно просто. Из меня сделали дурака. Я — как тот лудильщик из пьесы, которого все сговорились убедить, что он король. Сначала ваш приятель, мистер Бинг, пришел и сообщил, что вы любите меня.

Мод раскрыла рот. Или этот человек сумасшедший, или Реджи Бинг. Она выбрала более вежливый вариант.

— Должно быть, Реджи Бинг не в своем уме.

— Я тоже так подумал. Во всяком случае, я решил, что он ошибается. Но влюбленный, конечно, — оптимистичный дурак, а я полюбил вас, когда вы прыгнули ко мне в такси.

— Что?!

— Так что, спустя некоторое время, — продолжал он, не обращая внимания, — я почти уговорил себя, что чудеса еще случаются и слова Реджи Бинга — правда. Когда ваш отец навестил меня и сообщил то же самое, я окончательно уверился. Это невероятно, но приходилось верить. А теперь мне представляется, что по какой-то неведомой причине и Бинг, и ваш отец разыгрывали меня. Это все. Спокойной ночи.

Ответ был таким, какого Джордж или любой другой на его месте ожидать никак не мог. Сперва Мод молчала, а потом раскатился жемчуг ее смеха. Так разряжались чрезмерно натянутые нервы, но для Джорджа он звучал, как звон непритворного веселья.

— Я рад, что мой рассказ позабавил вас, — сухо сказал он, твердо

веря, что эта девушка ему отвратительна и хочет он одного — чтобы она исчезла из его жизни. — Позже, когда-нибудь, смешная сторона дойдет и до меня. Сейчас мое чувство юмора, я боюсь, спит.

Мод слабо вскрикнула.

— Простите! Простите меня, мистер Бивен! Я не потому… я совсем не поэтому… О, простите меня! Я, право, сама не знаю, почему рассмеялась. Уж, наверное, не потому, что это смешно. Это не смешно. Это трагично. Произошла ужасная ошибка.

— Я заметил, — горько сказал Джордж. Темнота начинала Действовать ему на нервы. Господи, хоть бы немного света!

Свет карманного фонаря упал на него.

— Я захватила его, чтобы освещать дорогу обратно. — Мод говорила странным, слабым голосом. — В поле так темно. Я не зажигала его, боялась, чтобы кто-нибудь не заметил.

Она приблизилась, держа фонарик над головой. В отблеске показалось ее лицо, озабоченное и сочувствующее, и негодование покинуло Джорджа. Тут какие-то тайны, не чета его буйству. Очевидно одно: эту девушку винить не в чем. Она благородна и пряма, как дирижерская палочка. Она — чистое золото.

— Я пришла сюда, чтобы рассказать вам обо всем, — сказала она, поставив фонарь на колесо повозки; луч образовал на полу, между ними, озерцо света. — И расскажу. Только… только теперь это труднее. Мистер Бивен, есть один человек… есть один человек, которого отец и Реджи Бинг приняли за… они решили… Понимаете, они знали, что вы — тот, с кем я была в такси, и когда вы приехали сюда, решили, что я ездила к вам в Лондон, то есть — что вы человек, которого я… я…

— Человек, которого вы любите.

— Да, — сказала Мод слабым голосом, и снова наступила тишина.

Джордж не ощущал ничего, кроме сочувствия. Оно подавило все прочие эмоции, даже серое отчаяние, охватившее его при этих словах. Он чувствовал то, что чувствовала она.

— Расскажите все, — попросил он.

— Я познакомилась с ним в прошлом году, в Уэльсе, — голос ее перешел в шепот. — Это узнали в семье, меня срочно вызвали сюда и с тех пор не выпускали. Когда мы с вами встретились, я сумела ускользнуть из дому. Я узнала, что он в Лондоне, и поехала туда, чтобы встретиться с ним. Но потом я увидела Перси и прыгнула в ваше такси. Это страшное недоразумение. Мне очень жаль.

— Понимаю, — задумчиво сказал Джордж. — Понимаю…

Душа его ныла, словно открытая рана. Как мало она сказала, как много пришлось угадывать. Неизвестный победно и презрительно глумился над ним из темноты.

— Мне очень жаль, — повторила Мод.

— Вам не о чем жалеть. Чем я могу вам помочь — вот в чем вопрос. Что надо сделать?

— Теперь я не могу вас просить.

— Как это? Почему не можете?

— Потому что… О нет, не могу!

Джорджу удалось засмеяться. Этот смех был неубедителен даже и для него самого, но он сослужил свою службу.

— Ну, ну! — сказал он. — Будьте же благоразумны. Вы нуждаетесь в помощи, и я, возможно, сумею вам ее предоставить. Нельзя же навеки лишать меня этого права только потому, что мне случилось полюбить вас. Положим, вы бы тонули, а только мистер Пламмер был бы поблизости. Разве бы вы не позволили ему спасти вас?

— Мистер Пламмер? При чем он тут?

— Вы же не могли забыть, что я невольно подслушивал, как он делал вам предложение.

Мод сдавленно вскрикнула.

— Ах, я не спросила! Какая я плохая! Вы сильно пострадали?

— Пострадал? — Джордж не поспевал за нею.

— Ну, в тот вечер. Когда вы были на балконе и…

— А! — Джордж понял. — Да нет, практически нет. Чуть-чуть содрал ладони.

— То, что вы сделали, так чудесно! — сказала Мод, восхищаясь человеком, столь небрежно отзывающимся о своем подвиге. Она всегда считала, что лорд Леонард, совершивший такой же подвиг, потом всю жизнь им похвалялся.

— Ничего особенного, — сказал Джордж, который и сам давно уже недоумевал, с чего это он развел столько шума из простого лазания по вполне надежной простыне.

— Это было великолепно! Джордж вспыхнул.

— Мы отвлекаемся, — сказал он. — Я хочу вам помочь. Мне очень дорого стоило приехать сюда, чтобы помочь вам. Что же надо сделать?

Мод колебалась.

— Я боюсь, такая просьба вас обидит.

— Не бойтесь.

— Понимаете, вся трудность в том, что я Не могу снестись с

Джеффри. Он в Лондоне, а я здесь. С тех пор, как мы с вами встретились и я увидела Перси, у меня нет ни малейшего шанса попасть в Лондон.

— Как ваши родные узнали, что это были вы?

— Спросили меня, прямо и просто.

— И вы все рассказали?

— Пришлось. Я не сумела солгать им в глаза. Джордж обомлел. И в этой девушке он еще сомневался!

— Тогда все стало еще хуже, — продолжала Мод. — Я не имею права рисковать, не могу написать ему, письмо перехватят. И я подумала… у меня почти сразу, как вы приехали сюда, появилась мысль…

— Вы хотите, чтобы я взял письмо и сделал так, чтобы оно наверняка дошло до него? А потом он может послать ответ на мой адрес, и я тайком доставлю его вам?

— Именно, именно. Но мне уже почти не хочется просить вас об этом.

— Да отчего же? Я с удовольствием сделаю.

— Я вам так благодарна.

— Пустяки. Я уж боялся, что вы хотите, чтобы я занялся вашим братцем и помял ему другую шляпу.

Мод рассмеялась от удовольствия. Для нее вся напряженность ситуации спала. Джордж все больше и больше нравился ей. Но в глубине души она с болью осознавала, что для него никакого облегчения нет. За него она печалилась. Всем Пламмерам на свете она без малейших угрызений совести оставляла их неутешную скорбь. Джордж — совсем другое дело.

— Бедняга Перси, — сказала она. — Я думаю, он этого не переживет. У него будут другие шляпы, но это все равно не то. — Она снова вернулась к тому, что было у нее на сердце. — Мистер Бивен, я подумала, может быть, вы сделаете для меня еще кое-что?

— Если в этом нет криминала. Или, собственно говоря, если и есть.

— Не могли бы вы поехать к Джеффри и повидать его, и рассказать обо мне… и потом вернуться и рассказать мне, как он выглядит и что говорит, и вообще?..

— Конечно. Как его имя и где его искать?

— Ах, я вам не сказала! Как глупо. Его зовут Джеффри Раймонд, живет он со своим дядюшкой Уилбуром Раймондом на Бэлгрейв-сквер, 11а.

— Завтра же поеду.

— Большое вам спасибо.

Джордж поднялся. Это движение возобновило его связь с внешним

миром. Он увидел, что дождь прекратился, а в дверном проеме скопились звезды. Ему казалось, что он пробыл в этом сарае очень долго, и это подтвердил взгляд на часы, хотя часы, по его разумению, сильно преуменьшали это время — на несколько столетий, по крайней мере. Он воздерживался от детального анализа своих эмоций, благоразумно предвидя, что довольно скоро он будет достаточно страдать и без собственной помощи.

— Я думаю, вам пора. Поздно. Вас могут хватиться. Мод счастливо засмеялась.

— Пусть их, мне теперь все равно. К ужину надо переодеваться, несмотря ни на что. — Вместе они прошли к двери. — Нет, что за чудесная ночь! Я уж думала, дождь не перестанет до конца света. Когда ты несчастлив, кажется, что так и будет всю жизнь.

— Да, — сказал Джордж. Мод протянула руку.

— Спокойной ночи, мистер Бивен.

— Спокойной ночи.

Он подумал, не будет ли каких-нибудь намеков на более ранние стадии этой встречи. Их не было. Мод принадлежала к классу, чье воспитание состоит главным образом в том, чтобы деликатно обходить деликатные предметы.

— Вы поедете к Джеффри?

— Да. Завтра.

— Большое вам спасибо.

— Не за что.

Джордж боготворил ее. Та капелька формальности, которою она так искусно закончила разговор, задела нужную струну, создала именно такую атмосферу, которая позволяла им расстаться без ненужных мучений.

— Вы — настоящий друг, мистер Бивен.

— Я это докажу, вот увидите.

— Ну, пожалуй, мне пора. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она быстро пошла через поле. Тьма скрыла ее. Вдали снова завыла собака. У нее, видимо, были свои неприятности.

Глава XX

Неприятности обостряют зрение. В наши горькие часы мы ясно видим: главная неправда мира сего — в том, что страдание любит общество, но редко его обретает. Зубная боль — ощущение неприятное, но если бы она была естественным спутником жизни, если бы все человечество от рождения страдало ею, мы бы ее не замечали. Как раз отсутствие этой боли у тех, с кем мы встречаемся, подчеркивает наши муки. То же и с житейскими бедами. Пока наши личные дела идут хорошо, мы и не подозреваем, насколько почти все остальные купаются в счастье. Наше изнывающее сердце кажется пустынным островком в океане радости.

Джордж сделал это открытие, проснувшись на следующее утро. Солнце сияло, весело пели птицы, но его это не радовало. Природа нечувствительна к людским бедам: мы плачем — она смеется, и мы начинаем принимать ее равнодушие как должное. Вконец убивала Джорджа проклятая жизнерадостность ближних. Как они торжествуют, как блаженствуют оттого, что судьба посмеялась над ним: с ними-то все в порядке.

Люди, которые никогда не бывали счастливы прежде, стали счастливы теперь. Например, миссис Платт, седая, угрюмая женщина средних лет. Ее радости не распространялись далее битья посуды да судаченья о здоровье соседей, которым оставалось жить не более недели. И вот сегодня она — напевает. Джордж сам слышал, когда она готовила ему завтрак на кухне. Поначалу у него оставалась надежда, что она стонет от боли, но надежда эта рассеялась, когда он закончил свой утренний туалет и спустился к завтраку. Звуки, издаваемые ею, предполагали страдание, но слова, когда он их разобрал, говорили о другом. Каким бы невероятным это ни казалось, но именно это утро избрала миссис Платт для хорошего настроения. Песнь ее можно было принять за надгробное рыдание, но на самом деле это было «Не щекочи меня, Джек». А позже, когда она принесла ему яичницу и кофе, она тарахтела добрых десять минут, отвлекая его от газеты, точнее — указывая ему на те веселенькие убийства и славные самоубийства, которые, если бы не она, он мог бы и пропустить. Словом, она из кожи лезла, чтобы показать, что для нее, если не для других, менее удачливых людей, Бог в это утро — на небе[20] и все хорошо на свете.

Вскоре после завтрака явились в коттедж двое оживленных бродяг,

чтобы попросить Джорджа, с которым они никогда прежде не советовались, чтобы он оказал материальную помощь их женам и детям. Ничего более беззаботного и благодушного, чем их настроение, невозможно себе представить.

А потом приехал в своем сером автомобиле Реджи Бинг, еше более радостный, чем бродяги.

Судьба не могла бы поиздеваться более утонченным манером. Тот страдает высшей мукой, кто радостные помнит времена в своем несчастии; и, увидев Реджи, Джордж вспомнил, что в прошлый раз, в этой же комнате, за этим же столом, он витал на седьмом небе, а гость нес бремя забот. Нынче утром Реджи сиял ярче солнца и чирикал веселее птиц.

— Привет-вет-вет, в обед сто лет! Классное утро, а? — заметил Реджи. — Солнце! Птицы! Абсолютно. Ну, сами понимаете. Я себя чувствую, как будто мне два года.

Джордж, чувствовавший себя лет на девяносто восемь старше, беззвучно заскрежетал зубами. Человек не создан выносить такое.

— Вот что, — сказал Реджи, рассеянно протянув руку к куску хлеба и намазывая его повидлом. — Знаете, женитьба… ну, сами понимаете. Я хочу сказать, а ведь что такого? В целом, по большом счету. А? Вы другого мнения?

Джордж просто корчился. Нож проворачивался в ране. Казалось бы, и без того достаточно видеть, как счастливый человек ест хлеб с повидлом; совсем необязательно слушать, как он рассуждает о браке.

— В общем, — сказал Реджи, смачно откусывая хлеб и вещая сквозь него густым, но радостным голосом, — я сегодня женюсь, и будь что будет. Нынче же утром, этим вот самым утром, прыгаю с палубы.

Джордж был поражен, даже подавленность его прошла.

— Что?

— Абсолютно!

Джордж вспомнил о приличиях.

— Поздравляю.

— Спасибо, старик. Есть с чем. Уж кому повезло, тому повезло. До сих пор я и не понимал, что вообще живу.

— Немножко внезапно, а?

Реджи воровато взглянул на него и принял вид заговорщика.

— Да еще как! Именно, внезапно и довольно-таки секретно. Если бы мамаша узнала, она закатила бы бучу. Сами понимаете, женюсь-то я на ком? На мисс Фарадей, а у мамаши, моей душеньки, другие планы. Жизнь — хитрая штука, а? Очень хитрая штука, сами понимаете.

— Да, конечно, — согласился Джордж.

— Кто бы мог подумать еще неделю назад, что я буду сидеть в этом кресле и приглашать вас в шаферы! Да чего там, еще неделю назад я вас и не знал, а если бы кто-нибудь мне сказал, что Алиса за меня выйдет, я бы глухо и тоскливо рассмеялся.

— Вы хотите, чтобы я был у вас шафером?

— Абсолютно. Если вам только не обременительно. Понимаете, — сообщил он, — дело такое. У меня, конечно, много друзей в Лондоне и пригородах, и все бы рады мне услужить, но вы ж понимаете. Их мамаши дружат с моей, и я не хочу навлекать на них неприятности. Ну вот, а вы — дело другое, вы с мамашей незнакомы, вам все равно, если она покатит на вас бочку и проклянет Великим Проклятием Бингов. Кроме того, я еще не знаю, — Реджи призадумался. — Конечно, это самый счастливый день в моей жизни, сами понимаете, — продолжил он, — да, да, да, абсолютно, но ведь человек не в самом лучшем виде, когда он женится. То есть, я хочу сказать, он не захочет, а сваляет какую-нибудь глупость. Я-то просто сойду с рельсов, если буду чувствовать, что какой-нибудь хмырь вроде Джека Ферриса или Ронни Фитцджеральда стоит позади и вот-вот прыснет. В общем, с вами мне было бы легче. Вечно буду благодарен.

— Где же свадьба?

— В Лондоне. Алиса смылась туда еще с вечера. Так уж вышло, что старик Маршмортон вчера утром уехал в город, неизвестно зачем. Обычно он ездит в Лондон не чаще двух раз в год. Она будет ждать меня в Савое, а дальше план такой: идем в ближайшую регистратуру и требуем, чтобы они запустили в ход брачную машину. Я рвану туда на авто. Поезжайте со мной, а?

Джордж поразмыслил. Реджи ему нравился; отчего бы и не оказать ему поддержку в такой ситуации? Правда, в теперешнем состоянии духа присутствовать на свадьбе мучительно; что ж, надо потерпеть, главное — помочь другу-

— Хорошо, — сказал он.

— Ну, молодец! Спасибо большое. Надеюсь, это не нарушает всяких ваших планов?

— Ни в коей мере. Я так или иначе собирался сегодня в Лондон.

— На моей машине быстрее. Она у меня будь здоров! Кстати, забыл спросить. Как ваши-то дела продвигаются? Все в ажуре?

— А… да, да, — сказал Джордж, не готовый делиться с Реджи своими бедами.

— Да уж, ваши заботы — не чета моим прежним. Мод вас любит.

Остается придумать, как допечь нашу семейку. Прямо жаль — ну, почти жаль, вам не пришлось попотеть, как вот я. А то, честное слово, я мог бы вам помочь. У меня есть безотказное средство.

Джордж блекло улыбнулся.

— Вот как? Вы полезный человек. Нельзя ли узнать, какое?

— Да ведь вам-то ни к чему!

— Ах да, конечно. Все забываю. Реджи взглянул на часы.

— Надо двигаться, так через четверть часа. Нельзя опаздывать. Там есть какая-то штука в этом брачном деле. Я так понимаю, если ты приплывешь позже срока, то этот, который всем заправляет, тебя уже не примет, придется идти на другой день. Но мы-то успеем, если машина не взбрыкнет. С семи утра вылизываю, она у меня — как огурчик. Абсолютно! Масло, бензин, вода, воздух, гайки, болты, свечи, карбюратор — все на месте, все в ажуре. Я за ней хожу, как семь нянек. Да, так о чем я? Значит, узнал я средство. Неделю назад был просто чайник, ни бельмеса не смыслил, а теперь! Да, да, да. Абсолютно. Перед вами сам, как говорится, Ромео. Эксперт. Все началось тогда, после бала. У нас был офигенный бал, понимаете, в честь старого Були, сам он и пальцем не двинул, разве что одарил улыбкой, а так — даже танцам не научился. И вот, там случилась такая странная штука. Абсолютно дикая. Я надрался до бровей, — он счастливо похохотал. — То есть, тут ничего странного нет, холостяком я сильно зашибал, если там праздник или что. Но на этом балу другие заметили. Раньше все говорили — никаких симптомов. Абсолютно. Ну, бывало, ходить не могу, но точно — не скажешь. А вот на этом вечере, надо полагать, я переполнил радиатор. Понимаете, нарочно старался, чтобы хватило пороху сделать Алисе предложение. Не знаю, как у вас, но мой опыт говорит, что предложение — это вам не кот начхал, не напьешься — не сделаешь. Я иногда удивляюсь, как люди вообще женятся в этих сухих штатах. Ну вот, а на балу случилась странная штука. Мне показалось, что один лакей — это вы.

Он выдержал торжественную паузу, чтобы Джордж хорошо впитал ошеломляющее сообщение.

— А это был я? — спросил Джордж.

— Ну что вы! Абсолютно. То-то и странно. Похож, как близнец.

— У меня нет близнецов.

— Да, я понимаю, просто я хочу сказать, он абсолютно как близнец, если бы у вас был такой брат. Ну вот, перебросились мы словечком-другим, и тут до меня дошло, что я наклюкался, как зюзя. Алиса тоже заметила. Можно подумать, это сразу ее отвратит — ан нет, она мне

сочувствовала! Потом призналась, что это перевесило чашу весов. То есть, я хочу сказать, она решила спасти меня от меня самого. Знаете, бывает у девушек. Они просто ангелы. Абсолютно! Только и ждут, чтобы выхватить из огня головешку, ну, сами знаете. Честное слово, все кончилось именно в тот вечер.

— Это и есть ваш рецепт? Значит, влюбленному надо купить ящик шампанского, взять разрешение на брак — и за дело. Останется разослать приглашения?

Реджи покачал головой.

— Ну что вы! Нужно гораздо больше. Это только начало. Правильный курс, понимаете, вот в чем суть. Многие оступились бы, я бы сам оступился, если бы не одна странная штука. Нет, не та, другая. Вы когда-нибудь получали… как это? Ах ты, слово вылетело. Ну, бывает иногда…

— Мигрень? — наугад предположил Джордж.

— Да нет, что вы! Это… приходит…

— Может быть, корь?

— Нет, анонимка. Абсолютно дикая штука, до сих пор не пойму, откуда они приходили. Как раз тогда я стал получать целую кучу писем от какого-то типа, он не подписывался.

— Значит, письма были анонимные? — сказал Джордж.

— Абсолютно. Я ж сказал, анонимка. Иногда по два, по три в день. Я войду в комнату, а на туалетном столике лежит…

— Оскорбительные?

— То есть как?

— В анонимках обычно оскорбляют.

— Нет, нет, что вы! Наоборот. Такие советы — будь здоров! Что тебе делать, если хочешь победить девушку.

— С таким же успехом можно научить джиу-джитсу по почте.

— Да что вы, красота, а не письма! С пылу, с жару. Абсолютно. Такие советы — будь здоров: «Стань незаменимым, оказывай постоянно мелкие знаки внимания», «Изучай ее вкусы» и те де, и те пе. Я вам доложу, скоро я и думать перестал, кто их посылает, куда там — надо было все выполнять. И сработало! Прямо колдовство какое-то. Последнее пришло вчера утром, ну — высший класс! Что делать, когда ты волнуешься. Всякие технические детали — как взять ее за руку и сказать, что ты одинок, так это искренне и прямодушно. В общем, такая штука, дальше — сердце подскажет. Вам случалось заменить одну карту, чтобы вышел флеш-рояль, и вдруг вы получаете нужного туза? У меня один раз было, еще в Оксфорде. Вот и тут я обрадовался. Думать не стал, распустил все паруса. Я был трезвый как

стеклышко, но совсем не волновался. Понимал, знаете ли, что не проиграю. Как будто загоняешь шар с восьми дюймов. Верняк. М-да, вот оно какое дело… — Реджи призадумался. — Провались оно совсем! Хотел бы я знать, кто это слал мне письма. Я бы тоже послал ему один из подарков, или кусок пирога, или еще что. Хотя, я думаю, пирога не будет, раз мы женимся в регистратуре.

— Можно купить булочку, — посоветовал Джордж.

— Наверно, никогда не узнаю… Ладно, пора веселиться. Вы не обидитесь, если я буду петь по дороге? Очень уж я счастлив. Абсолютно.

— Пойте на здоровье, если это не запрещено. Реджи в экстазе метался по комнате.

— Странная штука, — задумчиво сказал он. — Вспомнил, понимаете… когда я был в школе, я пел свадебную песню этого, как его? Знаете, поют, когда гости… Хорошая вещь. Да вы знаете… Начинается «Динь-дон, динь-дон»… Ну, в этом духе, «колокольный звон. Эй, скорей, эй, живей! Нынче я женюсь». Помню, надо тянуть «ню-у-усь». Очень трудно, если не наберешь воздуха. А, вот — «Свадебная песнь поселянина». Точно, она. Так я и знал, какого-то типа песня. Потом там идет: «А невеста в чем-то там таком делает чего-то там такое, я не помню, что». Ну вот, а нынче моя свадьба. Абсолютно. Странная штука, а? Ну, ладно, уже пора. Как, поплыли?

— Я готов. Хотите, захвачу рису.

— Нет, спасибо. Очень опасная штука, этот рис. Хуже шрапнели. Шляпа есть? Все готово?

— Я жду вас.

— Ну, свадьба начинается, — сказал Реджи. — Динь-дон, динь-дон, колокольный звон. Эй, скорей, эй, живей. Я же-ню-у-усь! А невеста… провались оно совсем! Что ж это делает невеста?

— Может быть, пишет вам записку, что передумала?

— О Господи! — вскричал Реджи. — Типун вам на язык.

Глава XXI

Мистер и миссис Реджинальд Бинг сидели за столиком в углу ресторана и нежно смотрели в глаза друг другу. Джордж, за тем же столиком, но мысленно — за сотни миль оттуда, меланхолически наблюдал за ними, силясь отогнать уныние, которое, развеявшись было за время поездки с Реджи (он почти на двадцать минут перекрыл свой предыдущий рекорд скоростной езды в Лондон), теперь грозило вернуться с новой силой. Вся эта сцена, возбужденный жених, более сдержанная, но столь же счастливая невеста — все это вызывало у Джорджа прилив меланхолии. Он не хотел идти на свадебный завтрак, но счастливую пару покоробила самая мысль о том, что он просто так уйдет и закусит в другом месте.

— Поторчите тут с нами, — умоляюще говорил Реджи. — Надо многое обсудить, нужен совет человека бывалого. Вот мы поженились, ладно…

— Хотя в регистратуре это, кажется, не очень солидно, — вставила Алиса.

— Но это, как говорят в книгах, только начало, а не конец. Надо теперь придумать, как бы потактичней сообщить мамаше.

— И лорду Маршмортону. Не забудь, он лишился секретарши.

— И лорду Маршмортону, — поправился Реджи. — И миллиону других людей, которые жутко рассердятся, что я выкинул этот фортель, не посоветовавшись с ними. Поторчите с нами, старина. Разделите нашу скромную трапезу. А потом — покурим, все обсудим.

Появление официанта прервало молчаливое общение супругов и спустило Джорджа с небес. Он наполнил бокалы из пузатой бутылки, угнездившейся в ведерке со льдом («Только один, милый», — предостерегающим полушепотом промурлыкала невеста. «Хорошо, дорогая», — отвечал послушный жених), и поднес свой к губам.

— Выпьем за нас! Ах, нынешний день, сегодняшний день — он лучше рая и так далее. А теперь, — сказал он, возвращаясь к суровой прозе жизни, — поговорим, что делать дальше. Вы — человек мозговитый, посоветуйте что-нибудь. Как бы вы приступили к делу? Ну, если говорить с мамашей.

— Напишите ей письмо, — сказал Джордж. Это произвело на Реджи глубокое впечатление.

— Я ж говорил, у него обязательно будет какой-нибудь хитрый

план, — пылко обратился он к Алисе. — Написать письмо! Класс! Прямо стихи какие-то. — Его лицо потемнело. — А что бы вы написали? Вот где заковыка.

— Ну, что вы! Пишите прямо и честно. Скажем, вам жаль, что вы идете против ее пожеланий…

— По-же-ланий, — пробормотал Реджи, усердно скребя пером на обороте свидетельства о браке.

— … но вы уверены, что она заботится только о вашем счастье…

Реджи поглядел на него с сомнением.

— Уверен? Не вполне. Вы не знаете мамашу.

— Это неважно, — вставила Алиса. — Все равно, пиши. Мистер Бивен совершенно прав.

— Хорошо, дорогая. Хорошо, «счастье», а дальше?

— Выразите в тщательно подобранных выражениях, как очаровательна миссис Бинг.

— Миссис Бинг! — Реджи блаженно заулыбался. — Вот это класс! Абсолютно. Ну, тут — легко. К тому же, мамаша знает Алису.

— Леди Каролина видела меня в замке, — с сомнением сказала невеста, — но я бы не сказала, что она меня знает.

Мы едва ли перекинулись десятком слов.

— Тебе повезло, душа моя, — весомо произнес Реджи. — Мамаша — мастер поговорить, особенно если разволнуется. Подумать страшно, как она будет упражняться на мне. Между нами, старик, не подумайте дурного, но когда мамаша взволнована, она начинает говорить и не остановится, пока не исчерпает всего словаря.

— Блестящий оратор?

— Да уж, всем ораторам оратор, — согласился Реджи. Тут Джордж затребовал сведений деликатного свойства.

— А как насчет финансов? Есть ли у нее права какие-нибудь?

— То есть на фамильные дублоны? — сказал Реджи. — Абсолютно никаких. Понимаете, когда я говорю ей «мамаша», то это в широком, так сказать, смысле. На самом деле она мне мачеха. У нее свои деньги, у меня — свои. По этой части все просто.

— Тогда и вообще все просто. Тогда я вообще не понимаю, о чем вы беспокоитесь.

— Вот и я говорю, мистер Бивен! — сказала Алиса.

— Вы — самостоятельная, свободная личность. Она ничего не может сделать.

Реджи Бинг обалдело заморгал.

— Ну вот, ну вот! — воскликнул он. — Когда вы выставили все в таком свете, я и сам понимаю, что так оно и есть. Поразительная штука — привычка! Очень я приручился за все эти годы. Прыгаю через обруч, падаю замертво при одном мановении ее мизинца. Мне и в голову не приходило, что у меня есть собственная душа. Честное слово, до сего момента я этого не понимал.

— А теперь поздно.

— Что?

Джордж указал на Алису. Новоиспеченная миссис Бинг заулыбалась.

— Мистер Бивен имеет в виду, что тебе придется прыгать через обруч или падать замертво при одном мановении моего мизинца.

Реджи поднес ее руку к губам и нежно приник к ней.

— И пожалуйста, и с удовольствием… какой мизинчик! — Он оборвал себя. — Простите, старик. Забылся. Больше не буду. Еще курицу? Эклер? Супу? Ну, чего-нибудь?

За сигарами он совсем разошелся.

— Теперь, когда вы сняли груз с моей души, — сказал он, роскошно пуская дым, — я спокойно гляжу в будущее. Мне кажется, надо протянуть наше путешествие до тех пор, пока время, великий целитель, не залечит раны. Алиса хочет положить недельку на Париж.

— Париж! — в экстазе прошептала невеста.

— Хорошо. Потом — на юг, на Ривьеру…

— Если ты имеешь в виду Монте-Карло, дорогой, — с нежной улыбкой сказала супруга, — то забудь.

— Нет, не Монте-Карло, — поспешно возразил Реджи. — Хотя это дивное место. Воздух… виды… и все такое. Нет, Ницца, Бордигера, Ментона и прочие курорты. Тебе понравится. А потом… Хорошо бы откупить мою яхту, мою «Сирену», и "пойти в круиз на месячишко. Я ее продал одному типу, когда был в Америке. А вчера я прочитал в газете, что старикан сыграл в ящик, так что теперь, я полагаю, достать ее трудно.

Тут Реджи прервал свою речь внезапным восклицанием:

— Мать честная!

— Что такое?

Супруги Бинг глядели куда-то широко раскрытыми глазами. Джордж сидел спиной к двери и не видел, что вызвало такое удивление, но логически заключил, что в ресторан вошел кто-то, знакомый им обоим. Первой мыслью, пожалуй, вполне естественной, было, что это «мамаша». Реджи прикрывался меню, как щитом; Алиса, после первого быстрого взгляда, повернулась так, чтобы не было видно ее лица.

Джордж обернулся, но к этому времени вновь пришедший уже уселся и смешался с другими посетителями.

— Кто там?

Реджи положил меню, оправившись от мимолетной паники.

— Чего это я так психую? — мужественно сказал он. — Никто из этих типов, по большому счету, не играет уже никакой роли. Хотел бы я подойти и сказать ему пару ласковых.

— Не надо! — взмолилась супруга. — Мне так неловко.

— Кто там? — снова спросил Джордж. — Ваша мачеха?

— Боже упаси! — вскричал Реджи. — Все ж не так ужасно. Это старый Маршмортон.

— Лорд Маршмортон?

— Абсолютно. Одет, как на параде.

— Мне так неловко, мистер Бивен, — повторила Алиса. — Понимаете, я уехала из замка, никому ничего не сказала. Он еще не знает, что, вернувшись, не найдет своей секретарши.

Реджи еще раз взглянул поверх его плеча и засмеялся.

— Все в порядке, душенька. Не волнуйся. Мы можем смотаться через другой выход. Он нас не остановит, с ним дама! Старикан вернулся к жизни. Абсолютно! Да, забивает баки жутко хорошенькой девице с золотыми волосами. Если повернете голову на сорок пять градусов, вы ее увидите. Он вас не заметит. Он сидит спиной.

— По-твоему, она хорошенькая? — сурово спросила Алиса.

— Нет, нет, что ты! Я рассмотрел получше, — отвечал Реджи. — Абсолютно не в моем вкусе.

Его супруга нервно крошила хлеб.

— Мне кажется, она тебя знает, Реджи, — тихо сказала она. — Она тебе машет.

— Она машет мне, — сказал Джордж, возвращая солнечный свет в жизнь Реджинальда (у того сразу исчезло загнанное выражение). — Я ее знаю. Ее зовут Билли Дор.

— Старик, — сказал Реджи, — будьте другом, валяйте к их столику, прикройте наше отступление. Я понимаю, мне нечего бояться, но я просто не могу встретиться со стариканом.

— И сообщите ему, мистер Бивен, что я ушла, — добавила Алиса.

— Хорошо. Тогда я прощаюсь?

— До свидания, мистер Бивен. Большое вам спасибо. Реджи горячо пожал Джорджу руку.

— До свидания, старина. Вы — просто классный парень. Я вам

передать не могу, как вы это здорово провернули. Как-нибудь рассчитаемся. Займите старикана на минутку, пока мы не уйдем. А если он спросит про нас, скажите, что до особого уведомления наш адрес — Париж. Эй, скорей! Эй, смелей! Тру-ля-ля-ля-ля!

Джордж пробрался через зал, к столику. Билли Дор приветствовала его дружеской улыбкой. Граф, который, обернувшись, следил за его приближением, был не так счастлив. Его обветренное лицо стало каким-то вороватым, словно у школяра, нарушившего правила распорядка.

— Подумать только, и ты здесь! — сказала Билли. — Мы все время встречаемся, правда? Как это ты оторвался от свиней? Я уж решила, что ты никогда их не покинешь.

— Дела, — объяснил Джордж. — Здравствуйте, лорд Маршмортон.

Граф коротко кивнул.

— А, и ты в курсе, — сказала Билли. — Когда это ты образумился?

— Лорд Маршмортон удостоил меня визитом и раскрыл инкогнито.

— Вот старый лис, наш папаша! — восхитилась Билли. — Помнишь, тогда, в саду, он обдурил нас, как детей? Когда вчера вечером после первого акта мне принесли его визитную карточку и я спустилась поглазеть, какой такой лорд Маршмортон, меня как из ведра окатили.

— Я не был за кулисами двадцать пять лет, — печально сказал граф.

— Ну, ну, не стройте из себя патриарха Авраама, — нежно сказала Билли. — Ничего у вас не выйдет. Всякий скажет, что вы — просто ягненок. Правда, Джордж? — взмахом руки она указала на зардевшегося графа. — Наш папаша — моложе всех!

— Я говорил ему то же самое.

Лорд Маршмортон хихикнул. Ни один глагол, кроме этого, не опишет вырвавшегося у него звука.

— Знаете, — признался он, — я чувствую себя молодым.

— Если бы юнцы в наших спектаклях, — сказала Билли, — были такими, как вы! Еще надо сказать спасибо, если у них своя челюсть. — Она посмотрела в дальний конец зала. — Джордж, твои друзья уходят. Ну, люди, с которыми ты обедал, — пояснила она. — Уходят.

— Все в порядке, я с ними попрощался. — Джордж посмотрел на лорда Маршмортона и подумал, что момент удобный. — Я обедал с мистером и миссис Бинг, — сказал он.

Под загорелым лбом лорда Маршмортона вроде бы ничто не зашевелилось.

— С Реджи Бингом и его женой, лорд Маршмортон, — пояснил он.

На этот раз интерес удалось пробудить. Лорд Маршмортон вздрогнул.

— Что?
— Они отбыли в Париж, — сказал Джордж.
— Реджи Бинг не женат.
— Женат, с этого утра. Я был у него шафером.
— Ну, как же без тебя, — вставила Билли.
— Вы знакомы с его женой, — небрежно сказал Джордж. — Мисс Фарадей по рождению. Кажется, она была у вас секретаршей.
То, что лорд Маршмортон проявил какую-то эмоцию, отрицать не приходилось. Он раскрыл рот и вцепился руками в скатерть. Но что это была за эмоция, Джордж определить не мог, пока со вздохом, идущим из самых недр души, граф не промолвил: «Слава Богу!»
Джордж удивился.
— Вы рады?
— Конечно, рад!
— Как жаль, что они не знали! А то бы они избавились от больших волнений. Они думали, что это покроет мраком всю вашу жизнь.
— Мисс Фарадей, — страстно сказал граф, — доводила меня до безумия. Вечно приставала с этой семейной историей. Ни минуты покоя!
— Мне она понравилась, — сказал Джордж.
— Да нет, в общем девушка хорошая, — ворчливо признал граф. — Но иметь ее в доме — это просто ужас. Вечно лезла с этой семейной историей. Как будто человеку нечего больше делать! Писать целый день об этих треклятых дураках…
— Папаша сегодня не в духе, — укоризненно сказала Билли, похлопав графа по руке. — Зачем ругать своих предков? Вам повезло, что они у вас есть. Я бы сама не отказалась. А то семейство Дор прослеживается только до Милларда Филмора,[21] дальше след путается. Ничего себе! Приятно сознавать, что твоя пра-пра-прабабушка помогала королеве Елизавете с арендой. Нет, я всей душой за старые добрые британские семейства.
— Старые хрычи, — буркнул граф.
— Ты видел, Джордж, как загорелись у него глаза? Это — аристократический гнев. Вскипел славный древний дух Маршмортонов.
— Я заметил, — сказал Джордж. — Прямо как молния.
— Не морочьте нам головы, папаша, — сказала Билли. — Вам очень приятно думать, что каждый раз, порезавшись бритвой, вы теряете голубую кровь.
— Ерунда! — проворчал граф.
— Что именно?
— Да вся эта чушь с титулами. Дурацкий фетишизм! Всякий человек

не хуже любого другого.

— Вот это революционный дух, — одобрил Джордж.

— Всемирный союз рабочих в чистом виде, — согласилась Билли. — Просто вождь большевиков.

Лорд Маршмортон пропустил это мимо ушей. В его глазах появился странный блеск. Джорджу, пристально наблюдавшему за ним, стало ясно, что происходит откровение души, и чувства, годами запертые в груди несчастного графа, рвутся наружу.

— Чушь и ерунда! — сказал лорд. — В детстве я хотел стать машинистом. В юности только и мечтал, как заработать себе на жизнь и самому выйти в люди. Я собирался уехать в колонии. В Канаду. Уже купил плодовую ферму. Купил и оплатил, — он помолчал, вспоминая об этой несбывшейся мечте. — Мой отец был младшим сыном. Надо же было дяде поехать на охоту и сломать себе шею! А у его наследника, бедняжки, случился круп или что-то в этом роде… И все, на меня навьючивают этот титул, мечты развеиваются, как дым… Чушь и ерунда! Чушь и ерунда! — он откусил кончик сигары. — Тут уж не устоишь, — с горечью продолжил он. — Это как наркотик. Я боролся, сколько мог, но что толку? Теперь я такой же сноб, как они. Боюсь делать то, что хочу. Вечно думаю о фамильной чести. Я и шагу не ступил свободно за последние двадцать пять лет!

Джордж и Билли обменялись быстрыми взглядами. У каждого было неуютное ощущение, словно он подслушивает и слышит вещи, не предназначенные для чужих ушей. Джордж поднялся.

— Мне пора, — сказал он. — Надо сделать несколько дел. Рад повидаться, Билли. Как там спектакль?

— Прекрасно. Гребет тебе кучу денег.

— До свидания, лорд Маршмортон.

Граф молча кивнул. Даже в мыслях он нечасто бунтовал против жребия, который определила ему судьба, а вслух — вообще никогда. Он все еще был во власти странного, столь внезапно охватившего его смущения. Когда Джордж ушел, они помолчали.

— Я рада, что мы его встретили, — сказала Билли. — Хороший мальчик.

Говорила она с нарочитым спокойствием. Ее странно влекло к коренастому, загорелому, невысокому человеку. В отблеске его души, которую ей довелось увидеть, он предстал перед нею как бы заново родившимся.

— Он хочет жениться на моей дочери, — сказал лорд Маршмортон.

Еще несколько мгновений назад Билли ответила бы шуткой, выражающей недоверие к тому, что у графа дочь на выданье. Но сейчас она была настроена как-то уж очень серьезно, легкомыслие куда-то делось.

— О? — только и нашлась она сказать.

— А она хочет за него выйти.

Уже много лет Билли не знала, что такое смущение, но теперь — смутилась. Ей казалось, что она недостойна такой доверительности.

— О? — опять сказала она.

— Он приятный человек, мне нравится. Сразу понравился. Он это понял. И я понял, что тоже ему понравился.

Какие-то люди, мужчины и девушки, прошли мимо столика, направляясь к выходу. Одна из девушек кивнула Билли. Та рассеянно кивнула в ответ и уткнулась взглядом в скатерть, чертя по ней вилкой какие-то узоры.

— А почему вы не хотите, чтобы Джордж женился на вашей дочери?

Граф молча курил сигару.

— Конечно, это не мое дело, — виновато сказала она, приняв молчание за упрек.

— Потому что, — ответил он, — я — граф Маршмортонский.

— Понятно.

— Ничего вам не понятно! — вскипел граф. — Вы думаете, что ваш друг для меня недостаточно хорош. Вы думаете, что я — неисправимый сноб. Да и он думает так же, хотя я всеми силами старался объяснить свое к нему отношение. Вы оба ошибаетесь. Дело не в этом. Когда я говорю: «Я — граф Маршмортонский», я имею в виду, что я — бесхребетный шут, который не делает того, что хочет, потому что боится семейства.

— Не понимаю. При чем тут ваше семейство? Какое им дело?

— Они меня задергают до смерти. Вы бы знали мою сестру Каролину! Вот какое им дело! В положении моей дочери девушки должны выходить замуж или за титул, или за деньги.

— Ну, насчет титула я не уверена, но что до денег, то Джордж жутко богатый. Он и Рокфеллер поделили между собой все, что только есть на свете. Ну, разве оставили на такси Энди Карнеги.[22]

— Что вы такое говорите? Он мне сказал, что зарабатывает на жизнь.

Билли снова стала сама собою. Смущение улетучилось.

— Можно сказать и так. Он — композитор.

— Да, я знаю. Пишет всякие песенки.

Билли окинула его снисходительно-сочувственным взглядом.

— А вам, дикарю, и невдомек, что за это платят?

— Платят? Да. Но сколько? В мои дни композиторы еле перебивались.

— Может быть, вы перестанете ссылаться на «ваши дни», как будто вы Ной какой-нибудь? Вы — молодой человек, сколько же повторять! Послушайте. Помните вчерашнее представление? Ну, где я играла самую что ни на есть главную роль, а вокруг меня крутилась всякая мелочь? Так вот, Джордж написал музыку.

— Я знаю. Он мне сказал.

— Ну, а сказал он вам, что получает три процента от сборов? Вы видели, сколько вчера было публики. Это нормальный, средний зал. Мы собираем больше четырнадцати тысяч долларов в неделю. Доля Джорджа… нет, не могу посчитать в уме, но что-то около четырехсот долларов, восемьдесят фунтов на ваши деньги. А говорил он вам, что этот самый спектакль шел в Нью-Йорке больше года с огромным успехом, теперь его ставят еще три труппы? А упомянул он, что это его девятый спектакль и семь других имели такой же успех? Заметил ли он мимоходом, что получает процент с каждой записи и по крайней, мере десять его вещей разошлись тиражом в полмиллиона экземпляров? Нет, конечно — нет, ведь он не из тех, кто трубит на каждом углу о своих доходах. Теперь вы знаете все.

— Так он богач!

— Я не знаю, кого вы называете богачом, но, чтобы не соврать, в хороший год, в разгар сезона, у Джорджа, ну, скажем, пять тысяч долларов в неделю.

Лорд Маршмортон был просто поражен.

— Тысячу фунтов в неделю! Господи!

— Так я и знала, что вы ахнете. Пока я рекламирую Джорджа, позвольте добавить еще одно. Джордж — один из лучших людей на свете. Я его знаю. Можете мне поверить, если в человеке есть какая-то гниль, шоу-бизнес выплеснет ее на поверхность. Если ее в нем не видно, значит, ее нет. Джордж — парень что надо.

— По крайней мере, у него отличная заступница.

— О, я горой стою за Джорджа! Побольше бы таких, как он… Ну ладно, довольно мне копаться в ваших делах, пора двигаться. У меня репетиция после обеда.

— Ну и Бог с ней! — по-мальчишески сказал лорд Маршмортон.

— Да? А через сколько минут, по-вашему, меня уволят? Не могу себе позволить такой роскоши. Я — человек рабочий.

Лорд Маршмортон покрутил в пальцах окурок сигары.

— Я бы предложил вам другую работу, если бы вы согласились.

Билли остро взглянула на него. Разные мужчины в подобных обстоятельствах уже делали ей подобные предложения. Она почувствовала некоторое разочарование.

— Да? — сухо сказала она. — Валяйте.

— Вы, конечно, поняли из разговора с мистером Бивеном, что моя секретарша сбежала и вышла замуж. Не хотите ли занять ее место?

Обескуражить Билли было нелегко, но тут она удивилась. Она ожидала совсем другого.

— Ну вы и шутник, папаша!

— Я говорю совершенно серьезно.

— Вы можете себе представить меня в замке?

— Могу, очень даже просто, — в лорде Маршмортоне не осталось никакой светскости. — Пожалуйста, соглашайтесь! Должен же я когда-нибудь закончить эту треклятую историю. Все семейство ждет. Не далее как вчера моя сестра Каролина загнала меня в угол и битых полчаса надоедала мне. А о новой Алисе Фарадей мне страшно и подумать. Очаровательная девушка, да, очаровательная, но… но… да будь я проклят, если найму такую же!

Билли так и захлебнулась от смеха.

— Ну, такого пыла!.. — выговорила она. — Удивительный вы человек, папаша! Вы даже не знаете, умею ли я печатать на машинке.

— Нет, знаю. Мистер Бивен сказал мне, что вы были машинисткой.

— А, значит, Джордж тоже рекламировал меня! — Она призадумалась. — Должна признаться, я бы с удовольствием. Ваш дом мне очень понравился.

— Ну что ж, решено, — властно сказал лорд Маршмортон. — Ступайте в театр и скажите… все, что полагается говорить в таких случаях. Потом отправляйтесь домой, собирайте вещи и ждите меня на вокзале Ватерлоо в шесть часов. Поезд отходит в шесть пятнадцать.

— Возвращение скитальца с блондинкой типа вырви-глаз? Да, вы это ловко устроили. Думаете, семейство меня примет?

— К чертям семейство! — храбро отвечал лорд Маршмортон.

— И еще одно, — сказала Билли, удовлетворенно обозревая свое отражение в пудренице. — Может быть, у меня слишком сияет макушка, но я не крашу волос. С детства такая.

— Я и на секунду не предполагал…

— Значит, вы — прекрасная, доверчивая натура. Молодец, папаша!

— В шесть часов на Ватерлоо, — сказал граф. — Жду. Билли посмотрела на него с восхищением.

— Мальчик, он мальчик и есть, — сказала она. — Хорошо. Ждите.

Глава XXII

— Юный гад, — сказал Кеггс, дворецкий, равномерно распределяя свой вес в скрипучем кресле, — пусть это послужит тебе уроком.

Прошла неделя с исторического визита в Лондон. Было шесть часов вечера. Комната домоправительницы, где питалась старшая прислуга, уже опустела. Из всей честной компании, только что отобедавшей, оставался один Кеггс, мирно переваривающий пищу. Альберт, чьей обязанностью было прислуживать здесь за столом, сновал туда и сюда, угрюмо собирая посуду. Он грустил. Во время обеда разговор вертелся почти исключительно вокруг прославленного и тайного бракосочетания, а для Альберта трудно было придумать более болезненный предмет.

— Вот что выходит, — продолжал Кеггс, — когда всюду суешь свой нос и лезешь в чужие дела, что там — в дела тех, кто лучше тебя и старше. Ты впустую потратил пять шиллингов, те пять шиллингов, на которые мог бы купить хорошую книгу и с ее помощью развить хоть немного свой ум. Бог свидетель, он нуждается в развитии, ибо среди всех бездельников, с которыми меня сталкивала моя несчастная судьба, ты занимаешь первое место. Поосторожней с посудой! Не сопи! У тебя что, астма, что ли?

— Я вообще дохнуть не могу, — возопило униженное дитя.

— Да, не можешь, как паровоз — не можешь. — Кеггс укоризненно покачал головой. — Ну что, твой Реджи Бинг пошел и женился, а? Будешь теперь играть в азартные игры и соваться в лотереи? Только подумать, в твоем возрасте — и такая наглость!

— Какой он мой? Я его не вытягивал!

— Не начинай все с начала, мой юный друг. Никто тебя не принуждал. Тебе предложили честный обмен, так что, в практическом смысле, он именно твой. Надеюсь, ты пошлешь ему свадебный подарок.

— Ну ладно, от вашего разбоя тоже толку мало.

— От чего?

— Сами слышали.

— Слышал, а больше не услышу. Скажите на милость! Если у тебя были возражения, надо было сразу и сказать. И потом, что это значит — «толку мало»?

— То и значит.

— Это тебе так кажется. Думаешь, ты письма выбросил, так всему конец?

— Я? Да вы что! — воскликнул Альберт, вздрагивая так, что одиннадцать тарелок едва не ринулись вниз, к неминуемой гибели.

— Сколько раз тебе говорить, поосторожнее с тарелками! — сурово сказал Кеггс. — Ты не жонглер какой-нибудь. Да, я все знаю. Думаешь, ты такой умный? Должен тебе сказать, как бы ты ни старался, ее милость и мистер Бивен на этих днях встречались. Я распознал твои козни, я сделал свои выводы, пошел и все им устроил.

Неведомый дотоле, поистине мистический ужас охватил Альберта. Трудно, нет — невыносимо бороться с могучим интеллектом.

— Ну прям! — выдавил он с подходящим к случаю скепсисом, но в глубине души места скепсису не оставалось. Пока еше смутно, он начал понимать, что годы и годы должны пройти, прежде чем он сможет противостоять умом этому могучему стратегу.

— Да, прям, — сказал Кеггс. — Не знаю, что у них там было, лично не присутствовал. Но не сомневаюсь, что все шло хорошо.

— А вам-то что? Его в замок не пускают.

Мягкая улыбка озарила луноподобный лик дворецкого.

— Если, говоря «его», ты подразумеваешь мистера Бивена, должен тебе сообщить, что в самом скором времени его станут регулярно принимать в замке.

— Так прям и станут!

— Хочешь пари еще на пять?

Альберт заколебался. Нет, довольно с него рискованных спекуляций с участием дворецкого. Где бы ни появлялся этот интриган, наличность тут же улетучивалась.

— А чего вы сделаете-то?

— Тебя это не касается. У меня свои методы. Скажу только, что не завтра, так послезавтра мистер Бивен будет сидеть за нашим обеденным столом и, согласно своим вкусам и предпочтениям, отвечать на мой вопрос: «Рейнвейну? Хересу?» Крошки, крошки сметай! И не шаркай ногами, не сопи носом, а когда все сделаешь — закрой дверь с той стороны.

— Да, чтоб вас таракан заел! — с горечью сказал паж, про себя, внутри, в душе. Дух его был сломлен.

Успешно завершив процесс пищеварения, Кеггс предстал перед лордом Бэлфером в биллиардной. Тот был один. Толпа гостей, столь многочисленная в ночь бала, теперь поредела до разумных размеров. Дальние родственники, довольные и ублаженные, расползлись по неведомым норам, из которых они повылазили, и теперь в замке

оставались только самые видные члены семейства, выкурить которых всегда труднее, чем мелкую сошку Оставался епископ, оставался полковник. Кроме того, оставалось с полдюжины самой близкой родни, на вкус Перси, из них — шесть лишних. Он не слишком жаловал свое семейство.

— Могу я поговорить с вашей милостью?

— В чем дело, Кеггс?

Кеггс был вполне в себе уверен; но тут он никак не решался начать. Наконец он вспомнил, что в туманном прошлом видел, как лорда Бэлфера отшлепали, ибо он украл варенье, причем сам он, Кеггс, выступал свидетелем обвинения. Воспоминание придало ему смелости.

— Я от души надеюсь, что ваша милость не сочтет мои речи дерзостью. Я много лет служил его светлости, то есть вашему отцу, и семейную честь, если разрешите так выразиться, принимаю очень близко к сердцу. Я знаю вашу милость с самого раннего детства и…

Лорд Бэлфер слушал эту преамбулу с явным нетерпением. В последние дни он пребывал не в лучшем расположении духа и витиеватые обороты раздражали его.

— Да, конечно, — сказал он. — В чем дело?

Кеггс уже снова был самим собой. Вступительными фразами он как бы завел свою внутреннюю пружину. Теперь можно и начинать.

— Вы помните, ваша милость, как во время бала вы спрашивали меня об одном из временных официантов. Того, который назвал себя родственником этого… пажа Альберта. Я навел справки, ваша милость, и с глубоким прискорбием доложу вам, что он не тот, за кого себя выдавал. Альберт утверждает, что у него нет родственников в Америке. Я очень сожалею об этом инциденте, ваша милость, и надеюсь, что вы отнесете его на счет спешки и суматохи, неизбежных при исполнении таких ответственных обязанностей.

— Я знаю, что он врет. Наверное, хотел украсть ложки! Кеггс кашлянул.

— Если я могу позволить себе еще большую дерзость, ваша милость, то разрешите мне сообщить вам, что мне известно, кто этот человек и зачем он проник в замок.

Кеггс настороженно ждал ответа. Момент был критический. Если лорд Бэлфер не осадит его взглядом и не выставит за дверь, опасность, можно считать, миновала и дальше он сможет говорить свободно. Светло-голубые глаза смотрели на Перси без всякого выражения, но чувствовал Кеггс примерно то, что и тогда, когда семейство уезжало в город и он умудрялся

ускользнуть в Кемтон-парк или на другой ипподром. Так чувствовал он, когда скаковая лошадь проносилась по гравию к финишу.

Изумление лорда Бэлфера готово было уступить место негодованию, но тут дворецкий заговорил снова.

— Я отдаю себе отчет, ваша милость, что не вправе высказывать суждений о личных, интимных делах семейства, которому имею честь служить, но если ваша милость простит мне мою дерзость, я полагаю, что смогу принести пользу и оказать содействие в деле, причиняющем всем большие неприятности.

Он снова подхлестнул себя, еще раз погрузившись в волны памяти. Да. Пусть этот молодой человек и лорд, сын хозяина, наследник всех этих владений, но когда-то он видел, как его отшлепали.

Может быть, Перси тоже припомнил былое или просто почувствовал, что Кеггс, старый и верный слуга, имеет право участвовать в делах семьи. Как бы то ни было, он определенно снизил барьер между ними.

— Ну что ж, — сказал он, покосившись на дверь, дабы убедиться, что никто не увидит действий, которых сидевший в нем аристократ совсем не одобрял. — Говорите.

Кеггс вздохнул с облегчением. Опасная точка была позади.

— Испытывая естественный интерес, ваша милость, — сказал он, — мы все в людской, так или иначе, осведомлены о текущих событиях. Позволительно ли мне сказать, что я еще на ранних стадиях узнал о неприятностях, которые причинило вашей милости известное лицо?

Хотя все существо его бунтовало против такого панибратства, лорд Бэлфер понял, что уже безнадежно обрек себя на этот разговор. Ему было тошно от одной мысли о том, что деликатные семейные дела обсуждаются в низших кругах; но что-либо предпринимать было слишком поздно. Да, его затянула война, объявленная им Джорджу Бивену, если уже на этой стадии он прежде всего надеялся, что Кеггс предложит что-нибудь стоящее.

— Прошу прощения, ваша милость, вы поступаете необдуманно. Я служу много лет, начал мальчишкой в привратницкой, постепенно дошел до нынешней должности, и могу сказать, что за эти годы не раз видел, как сын или дочь семейства замышляли мезальянс. Во всех случаях, кроме одного, это кончилось плохо, именно потому, что родные были против. Мой опыт подсказывает, что сопротивляться любви бесполезно; это, как говорится, только подливает масла в огонь. Молодые люди, ваша милость, по природе своей романтики. Если что-то у них отнять, они будут жалеть себя, но не сдадутся и, поверьте, добьются своего. Их не остановишь. Я не

был в достаточно близких отношениях с покойным лордом Уорлингэмом, а то бы я дал ему возможность воспользоваться моим опытом, когда его сын, Обри Першор, влюбился в одну особу из оперетты. Я бы сказал ему, что он поступает непродуманно. Граф всеми силами сопротивлялся этому браку — и что ж? Молодая чета убежала и поженилась в регистратуре. А вот — еще один случай, молодой репетитор снискал расположение леди Ивлин Уоллс, единственной дочери фа-фа Эклтонского. По сути дела, ваша милость, только одно увлечение такого рода закончилось удовлетворительно — роман леди Кэтрин Дьюсби, дочери лорда Бриджфилда, которая безрассудно увлеклась тренером по роликовым конькам. Лорд Бэлфер уже не ощущал никакого превосходства над собеседником. Могучая натура дворецкого просто подавляла его. Горячая проповедь еще и не близилась к концу, а он уже, как маленький мальчик, жадно впитывал поучения, напряженно подавшись вперед. Кеггс остановился в самом интересном месте.

— А что там произошло?

— Молодой человек, — продолжил Кеггс, — был весьма привлекателен, с большими карими глазами и гибким атлетическим телом. Поэтому слуги не удивлялись, что ее милость так увлеклась им. Я сам слышал, как она сказала при всех, за обедом, что роликовые коньки — самое важное в жизни, если не считать ее карликового шпица. Но когда она объявила об их помолвке, произошел большой переполох. Я, конечно, не мог участвовать в многочисленных совещаниях и дискуссиях, но был осведомлен о том, что они совершались, и с большой частотой. Наконец, его милость применил хитроумный ход: он сделал вид, что смирился, и пригласил молодого человека к нам, в Шотландию. Не прошло и десяти дней, как помолвка расстроилась. Он вернулся к своим роликам, а ее милость занялась благотворительностью и в конце концов вступила в высшей степени подходящий брак с лордом Рональдом Споффортом, вторым сыном его сиятельства герцога Горбальзского и Стратбунгского.

— Как же это случилось?

— Наблюдая молодого человека в обстановке своего родного дома, ее милость скоро увидела, что слишком романтически смотрит на него, ваша милость. Он принадлежал к низшим слоям среднего класса, которые принято называть мещанством, и его привычки и обычаи отличались от привычек и обычаев, к которым привыкла ее милость. У него не было ничего общего с обитателями ее дома, скажем — он необдуманно выбирал вилки. За первым же ужином он воспользовался стальным ножом для закусок и ее милость остро взглянула на него. Можно сказать, пелена спала

с ее глаз. После этого ей понадобилось немного времени, чтобы убедиться в своей ошибке.

— Так вы предлагаете…

— Не в моих обычаях, ваша милость, предлагать что-либо, кроме самого почтительного совета, но, мне кажется, в данном случае следовало бы применить подобный прием.

Лорд Бэлфер призадумался. Недавние события побудили его увидеть и оценить весь масштаб той задачи, которую он взвалил на себя, вызвавшись следить за сестрой. Происшествие с викарием и кузнецом потрясло его и физически, и духовно. Ноги все еще болели, уверенность в себе сильно поколебалась. Мысль о том, что шпионить придется долго, вовсе не улыбалась ему. Насколько проще и эффективнее последовать только что поданному совету!

— Может быть, вы в чем-то и правы, Кеггс…

— Благодарю вас, ваша милость. Я в этом вполне убежден.

— Вечером поговорю с отцом.

— Я очень рад, ваша милость. Всегда счастлив оказать услугу.

— Юный Альберт, — твердо говорил Кеггс следующим утром после завтрака, — отнеси эту записку мистеру Бивену и вручи без всяких твоих штучек-дрючек. Дождись ответа и доставь этот ответ сначала мне, а потом лорду Маршмортону. Скажу сразу, чтобы ты зазря на трудился, вскрывая конверт над кипящим чайником, что я уже это проделал. Тут — приглашение на сегодняшний ужин. Ясно? Шевелись!

Альберт безоговорочно капитулировал. Впервые в жизни он смутился, осознав, как глубоко заблуждается, полагая, что может противопоставить свой пигмейский разум гладколицему чудотворцу.

— Ну и ну! — сказал он. И больше — ничего.

— Да, — прибавил Кеггс, на этот раз с подлинной заботой. — Не вздумай стать такой дубиной, как наш приятель Перси. Смотри, не забудь. Я тебя предупредил.

Глава XXIII

Жизнь похожа на какую-то взбесившуюся машину, которая работает то слишком быстро, то слишком медленно. От колыбели до могилы мы попадаем то в Саргассово море, то в горный поток, то в штиль, то в бурю. Мод, в двадцатый раз глядевшей через стол, чтобы убедиться, что напротив сидит действительно Джордж Бивен, казалось, что после нескончаемых месяцев, в течение которых не происходило ничего, наступил период, когда происходит все, причем одновременно. Жизнь, только что бывшая сломанной машиной, вдруг понеслась вскачь.

Размеренный распорядок, восходящий к тем временам, когда ее с позором возвратили из Уэльса, сменился бешеным водоворотом событий, достойной кульминацией которых послужило сегодняшнее чудо. Она несколько припозднилась с переодеванием и потому вошла в гостиную, когда Кеггс объявлял: «Кушать подано». Первый шок случился, когда из толпы родственников и друзей вынырнул томящийся любовью Пламмер и сообщил, что намерен сопровождать ее к столу. Она не ожидала встретить его здесь, хотя он и жил неподалеку. При последней встрече он заявил, что намерен поехать за границу, подлатать свое израненное сердце, и чувствительной девице было неуютно снова столкнуться со своей жертвой. Она не знала, что, с точки зрения Пламмера, все начиналось с самого начала. Проанализировав причины, побудившие ее отказать ему, он решил, что причина эта — другой, а другой — Реджи Бинг. Теперь Реджи убежал с Алисой, оставив Мод в том самом положении, когда лучше всего — найти утешение в более достойном мужчине. Пламмер знал, какую роль в любовных делах играет досада. Его собственный случай (нарушение брачных обязательств) был всецело обусловлен тем, что отказ, полученный им от младшей дочери из дома Дэвэниш, привел его в опасное общество девицы, стоявшей второю в том конце первого ряда в ревю «Пора поцелуев». Нынче он явился в замок угрюмым, но не отчаявшимся. Второй шок, который испытала Мод, напрочь затмил первый. Ни отец, ни Перси не предуведомили ее о протянутой Джорджу руке гостеприимства, и, увидев, как он запросто беседует с тетей Каролиной, она едва не лишилась чувств. Жизнь, которая в последние дни являла все свойства то сна, то кошмара, теперь казалась вовсе нереальной. Она не могла придумать ни одного объяснения присутствию Джорджа. Его просто не могло быть, и все тут; но он, несомненно, был. Спускаясь по лестнице в сопровождении Пламмера,

она мобилизовала все свое очарование, так что ее кавалер решил, что, придя в замок, он совершил самый мудрый поступок в своей жизни, отнюдь не усеянной мудрыми поступками. Пламмер вообразил, что леди Мод смягчилась. Ему было невдомек, что она просто гадает, наяву все это или во сне.

Между тем Джордж, сидевший за столом напротив, тоже испытывал известные затруднения, стараясь подладить свои органы чувств к новому ходу событий. Он оставил всякие попытки понять, почему его пригласили, и теперь старался выстроить гипотезу, объясняющую присутствие в замке Билли Дор. В этот самый час Билли, по всем расчетам, должна была наносить последние мазки грима на втором этаже театра «Регал», а она сидит здесь, совсем не смущается, скромно и неброско одетая во что-то черное, так что он едва узнал ее, и беседует с епископом…

Голос Кеггса над плечом ворвался в его думы. — Рейнвейну или хересу, сэр?

Джордж не мог бы объяснить, почему от этого голоса ему могло бы стать легче; но легче ему стало. Было все-таки в Кеггсе что-то прочное, успокаивающее, он это и прежде замечал. Ощущение, что тебя ударили по голове тупым орудием, стало проходить, словно одной своей интонацией дворецкий сказал: «Да, все это странно и непонятно, но не тревожьтесь. Я — с вами».

Джордж начал замечать окружающих. Его мозг как бы прочистился от дыма, и выяснилось, что он уже не воспринимает обедающих с ним как однородную массу, но различает отдельные лица. Вероятно, пророк Даниил, оправившись от первоначального смущения, испытывал нечто подобное в обществе львов.

Он принялся распределять гостей по местам. Все были представлены друг другу, но у него осталось лишь смутное ощущение, что ему прочитали вслух из Берка какой-то перечень аристократов. С того дня, как в Лондонской публичной библиотеке он погрузился в этот увлекательный фолиант, чтобы отыскать Мод, на него ни разу не обрушивался такой град титулов. Теперь он пытался прикинуть, кого же он знает.

Инвентаризация не удалась. Из всех присутствующих он мог наверняка назвать лишь нескольких, с которыми прежде делил досуг в другом окружении. Вот лорд Бэлфер, озирающий его с неприязнью, которую даже не назовешь скрытой. Вот, во главе стола, — лорд Маршмортон, печально внимающий речам крупной дамы в жемчужном ожерелье; но кто такая эта дама? Леди ли это Джейн Оленби, или леди Эдит Уэйд-Беверли, или леди Патриция Фаулз? А самое главное — кто

этот усатый, похожий на пирог, что беседует с Мод?

Он обратился за помощью к девушке, которую сопровождал к столу. Насколько он мог судить по такому краткому знакомству, она вполне симпатична — маленькая, юная, пушистая. Когда ее представляли, он уловил, что она просто «мисс», а это, в сущности, сближало.

— Не могли бы вы напомнить мне, кто все эти люди? — сказал он, когда она прервала разговор с другим соседом и повернулась к нему. — Кто вон тот человек?

— Который?

— Тот, что беседует с леди Мод. У него такое лицо… прямо хоть стасуй и сдай заново.

— Это мой брат.

На разговор ушло время, отпущенное для супа.

— Простите, — сказал Джордж, переходя к рыбе.

— Очень мило, что вы просите прощения.

— Меня обманула игра света. Приглядевшись, я вижу, что в его лице есть скрытый, но большой шарм.

Девушка захихикала. Джордж почувствовал себя лучше.

— А кто другие? Я, например, не расслышал вашего имени. В меня так выстреливали именами, что они просвистывали мимо, я не успевал их уловить.

— Моя фамилия — Пламмер.

Джордж подпрыгнул, словно его ударило электричество, и посмотрел на тот конец стола с живейшим интересом. Влюбленный Пламмер до сих пор был для него только голосом. Видеть его во плоти — очень интересно.

— А все прочие?

— Члены семейства. Разве вы не всех знаете?

— Я знаю лорда Маршмортона и леди Мод, и, конечно, лорда Бэлфера. — Он поймал холодный взгляд Перси с дальнего конца и приветливо кивнул ему. — Мой большой приятель, лорд Бэлфер.

Пушистая мисс Пламмер свела свое хорошенькое личико в гримасу неодобрения.

— Мне не нравится Перси.

— Неужели?

— По-моему, он высокомерный.

— Неужели? Да с чего же?

— Ну, чопорный.

— Да, конечно, первое впечатление — такое. Когда я с ним познакомился, он мне показался ужасно чопорным. Но вы бы посмотрели

на него, когда он расслабляется! Он из тех, кого надо знать, чтобы оценить. Так и растет на глазах.

— Может быть, но вспомните эту историю с полицейским. Все графство только о ней и говорит.

— Юная кровь, — вздохнул Джордж. — Юная кровь! Да, Перси неуправляем.

— Напился, я думаю.

— Конечно, конечно.

Мисс Пламмер взглянула через стол.

— Ой, посмотрите на Эдвина.

— Кто это Эдвин?

— Да брат же. Посмотрите, как он уставился на Мод. Он ужасно в нее влюблен, — сообщила она, переходя к доверительной дружбе. — По крайней мере, он так считает. Он влюбляется каждый сезон с тех пор, как я начала выезжать. Реджи Бинг женился на Алисе Фарадей, и он решил, что у него есть шанс. Вы слыхали об этом?

— Да, слыхал.

— Разумеется, Эдвин только время теряет. Уж я-то знаю, — мисс Пламмер снизила голос до шепота, — я-то знаю, что Мод ужасно влюблена в одного человека, с которым она познакомилась в Уэльсе, но семейство и слышать ничего не хочет.

— Да, семейства, они такие… — согласился Джордж.

— Никто не ведает, кто он, но все графство о нем говорит. Знаете, как слухи разлетаются. Конечно, тут и речи быть не может. Мод должна выйти за ужасно богатого или за титул. Ее семья — одна из древнейших в Англии.

— Я так и понял.

— Она не какая-нибудь дочь лорда Пиблса…

— А кто это?

— Ну, я хочу сказать, — сказала мисс Пламмер, серебристым эхом вторя Реджи Бингу, — он разбогател на виски.

— Лучше на виски разбогатеть, чем разориться, — возразил Джордж.

Мисс Пламмер призадумалась.

— Да, конечно, — в замешательстве ответила она. — Но лорд Маршмортон совсем другой.

— Гордый граф?

— Да.

— Так что, вы полагаете, у этого человека нет шансов?

— Нет, разве что они сбегут, как Реджи Бинг с Алисой. Красота, а?

Кто бы мог подумать, что у Реджи хватит духу! Новая секретарша лорда Маршмортона очень хорошенькая, как по-вашему?

— А кто это?

— В черном, с золотыми волосами.

— Это секретарша лорда Маршмортона?

— Да. Она американка. По-моему, гораздо симпатичнее Алисы. Я с ней разговаривала. Ее фамилия Дор. Отец был капитан американской армии и умер, оставив ее без гроша. Он был младший сын в каком-то знатном семействе, но его лишили наследства, потому что он женился против их воли.

— Ах, уж эти семейства! — посетовал Джордж. — Вечно они что-нибудь выдумают.

— И вот, мисс Дор пришлось зарабатывать на жизнь. Какой ужас, покинуть общество!

— А она покинула общество?

— О, да! Пока был жив ее отец, она повсюду бывала в Нью-Йорке.

— Я очень люблю американок. Особенно хороша в них изобретательность.

— Вот бы и мне уйти из дому, зарабатывать на жизнь… — сказала мисс Пламмер. — Но семейство и слышать не захочет.

— Опять семейство, — сочувственно сказал Джордж. — Прямо какое-то проклятие.

— Я бы пошла на сцену! Вы любите театр?

— Вообще-то да.

— Я обожаю. Вы видели Хьюберта Бродли в «Это было весной»?

— Боюсь, что нет.

— Такой душечка! А Синтию Дейн в «Женском ответе»?

— Тоже не видел.

— Может быть, вы больше любите музыку? Как раз перед отъездом я видела ужасно хорошую оперетку. Называется «Вслед за девушкой». А вы ее видели?

— Я ее написал.

— Что??!

— Ну, написал к ней музыку.

— Да музыка же чудесная! — мисс Пламмер даже задохнулась, словно тогда уж он никак не мог притязать на авторство. — Я ее все время напеваю.

— Ничего не могу поделать. Написал.

— Так вы, что ли, Джордж Бивен?

— Да.

— Но… — мисс Пламмер едва не лишилась голоса. — Но я всю жизнь танцую под вашу музыку! У меня дома, наверное, пятьдесят пластинок!

Джордж покраснел. При любом, самом шумном, успехе невозможно привыкнуть к славе, когда она подходит вплотную.

— Да это такая красота! Помните, во втором акте? Это же просто чудо!

— Что именно? Пара-рам, тарам-пам-парам?

— Нет, вот это: ти-рим-тири-ри-рим, тим-тим-тирим. Ну, вы знаете. Про то, как бабушка танцует шимми.

— За слова я не отвечаю, — поспешно сказал Джордж. — Их навязал мне либреттист.

— По-моему, слова чудесные. «Папочка горюет, ай-ай-ай, а бабушка танцует, в ус она не дует…» Я просто в восторге! — Мисс Пламмер подалась вперед, она была девушка импульсивная. — Леди Каролина!

Разговор прервался. Леди Каролина обернулась.

— Да, Милли?

— Вы знали, что мистер Бивен — тот самый мистер Бивен?

Все прислушались. Джордж робко вжался в стул. Такой шумихи он предвидеть не мог. Седрах, Мисах и Авденаго[23] вместе взятые не ощущали и десятой доли того жара, который пожирал его. Он был, в сущности, скромен.

— Тот самый? — переспросила леди Каролина. Ей было больно признавать, что он вообще существует на одной с ней планете; восхищаться же им, как того, очевидно, ожидала от нее мисс Пламмер, она и вовсе не могла. Бросив взгляд — только что из морозильника — на съежившегося Джорджа, она вскинула аристократические брови.

Мисс Пламмер не смутилась. Она была в том возрасте, когда поклоняются героям, и Джордж в ее глазах разделял пьедестал почета с Дугласом Фэрбенксом,[24] Френсисом К. Бушманом и парой чемпионов по теннису.

— Да вы же знаете! Джордж Бивен, который написал «Вслед за девушкой».

Леди Каролина не выказала признаков оттаивания. Она не слышала о «Вслед за девушкой» и всем своим видом демонстрировала, что допускает печальную возможность, но для нее это — ноль.

— И еще многое, — неутомимо настаивала мисс Пламмер.

— Вы слышали, есть пластинки!

— Ну, разумеется!

Это сказала не леди Каролина, а человек, сидевший подальше.

— Ну, конечно! — воодушевился он. — Шимми «Скенек-теди», ей-богу! Высший класс.

Все выказывали радушную заинтересованность; точнее сказать, все, кроме леди Каролины и лорда Бэлфера. Перси почувствовал, что его обвели вокруг пальца, и проклинал недоумка Кеггса за его совет. Все пошло не так. Джордж пользовался явным успехом. Твердое большинство восхищалось им. В общем — полный провал. Лучше бы оставить его в этом чертовом коттедже. Лорд Бэлфер был серьезно расстроен.

Но это ничто по сравнению с агонией, которая тут же постигла его измученную душу. Лорд Маршмортон, со все возрастающим пылом вслушивавшийся в хвалебный хор, поднялся со стула и прокашлялся. Очевидно, что-то хотел сказать.

— Э-э… — выговорил он.

Рокот разговоров погас, все замерли, как всегда бывает в застолье, когда один из участников встает. Лорд Маршмортон» снова прокашлялся. Его загорелое лицо потемнело еще больше, а в глазах появилось такое выражение, будто он собирался бросить кому-то вызов. Этот был взгляд Аякса, презревшего молнию, взгляд раздраженного мужа, собирающегося сказать, что с него довольно, он идет на угол погонять с друзьями шары. Никто не мог бы утверждать, что лорд Маршмортон вылупился. С другой стороны, никто не мог бы утверждать, что он не вылупился. Во всяком случае, он явно волновался. В мгновенном порыве, на волне всенародных восторгов, он решился на поступок и теперь нервничал, но стоял твердо, как солдат, уже ступивший ногой на бруствер. Он прокашлялся в третий раз, бросил быстрый взгляд на свою сестру Каролину и уставился остекленевшим взором в пустое пространство над ее головой.

— Воспользуюсь случаем, — быстро сказал он, для верности вцепляясь в скатерть, — воспользуюсь случаем, чтобы объявить о помолвке моей дочери Мод с мистером Бивеном. Прошу вас всех, — закончил он, совсем уже поспешно падая на стул, — выпить за их здоровье.

Наступило тяжелое молчание. Нарушили его два звука, раздавшиеся одновременно в двух разных концах комнаты: сдавленный вскрик леди Каролины и звон разбитого стекла.

Впервые за всю свою долгую, безупречную карьеру дворецкий уронил поднос.

Глава XXIV

Терраса была окутана недвижной ночью. С иссиня-черно-го неба смотрели звезды — смотрели с тем же спокойствием, как и тогда, в ночь бала, когда Джордж таился в кустах, вслушиваясь в завывания музыки и думая долгие думы. С темных лужаек у реки донесся хриплый крик коростеля, приглушенный далью.

— Что будем делать? — спросила Мод. Она сидела на каменной скамье, где сиживал, бывало, Реджи Бинг, размышляя о своей несчастной любви и о своей несчастной привычке мазать при косом ударе. Джорджу, стоявшему рядом, она казалась светлым пятном во мраке. Лица он не различал.

— Не знаю, — честно ответил он.

Он и не знал. Его, как и леди Каролину, и лорда Бэлфера, и Кеггса, дворецкого, слова лорда Маршмортона повергли в полное смятение. Он был захвачен врасплох и не мог справиться с ситуацией.

Из светлого пятна раздался сдавленный звук. В тишине он прозвучал слишком громко, терзая натянутые нервы.

— Прошу вас!

— Н-не м-могу сдержаться!

— Право же, плакать тут не о чем. Надо хорошенько подумать, и мы найдем какой-нибудь выход. Пожалуйста, не плачьте.

— Я не плачу! — сдавленный звук оказался всплеском веселья. — Это так нелепо! Бедный отец! Взять и подняться прямо при всех. Вы видели, какое лицо было у тети Каролины?

— До сих пор вижу, — сказал Джордж. — Никогда не забуду. Ваш братец тоже не выказал особой радости.

Мод больше не смеялась.

— Ужасное положение, — сказала она. — Объявление появится в «Морнинг Пост» послезавтра. Сразу посыплются поздравительные письма, потом — подарки. Просто не представляю себе, как мы сможем убедить их всех, что произошла ошибка. — Тут до нее дошла еще и другая сторона проблемы. — А вам-то каково!

— Обо мне не думайте, — сказал Джордж. — Бог свидетель, я отдал бы что угодно, чтобы все осталось как есть, но что толку рассуждать о невозможном? — Он понизил голос. — Да, меня ожидают тяжелые времена. Но это обсуждать не будем. Во всем виноват я сам. Я по

собственной воле влез в вашу жизнь. Что бы ни случилось дальше, я узнал вас и постарался быть вам полезен. Игра стоит свеч.

— Вы — лучший из всех моих друзей!

— Рад, что вы так считаете.

— Лучший и добрейший из друзей, о каком только можно мечтать! Как бы хорошо… — она оборвала себя. — Ну, ладно…

Они помолчали. Из замка донеслась музыка, потом мужской голос запел.

— Это Эдвин Пламмер, — сказала Мод. — Как он ужасно поет!

Джордж рассмеялся. Пламмер как-то разрядил напряжение: в качестве ли печального комментария или просто потому, что он пел арию «Прощай», придавая от себя еще больше заунывности и без того безрадостному тону. Собака в конюшне сочувствующе подвывала, и это как-то сразу успокоило Джорджа. Да, потом, позже, разбитое сердце даст о себе знать, но теперь, под двойной аккомпанемент, человек с чувством юмора не мог сосредоточиться на своих терзаниях. Дуэт Пламмера и собаки спустил его на землю. Он ощутил себя спокойным и деловитым.

— Обговорим все спокойно, — сказал он. — Конечно, есть какой-то выход. В крайнем случае, вы всегда можете пойти к лорду Маршмортону и объяснить, что он не все знает.

— Могу, — сказала Мод, — но сейчас я чувствую, что сделала бы что угодно, только не это. Вы не представляете себе, чего это стоило отцу — вот так, в открытую, при всех, пойти против тети Каролины. С тех пор, как я себя помню, она им помыкала, страшно его мучила. Если бы речь шла только об отце, я бы добилась его согласия выйти замуж за кого захочу. Не могли бы вы придумать другой выход?

— Я не успел сказать вам, что я ходил на Бэлгрейв-сквер. Сразу после того, как обженил Реджи Бинга.

— Обженили?

— Я был у него шафером.

— Милый Реджи! Надеюсь, он будет счастлив.

— Будет. За него не беспокойтесь. Ну, так вот, я зашел на Бэлгрейв-сквер, но там было заперто. Я звонил по минуте кряду, и никто не открыл. Наверное, они снова уехали за границу.

— Нет, не в этом дело. Утром я получила письмо от Джеффри. Его дядя умер от удара во время деловой поездки. — Она помолчала. — Он оставил Джеффри все свои деньги, — продолжала она. — Все, как есть.

Молчание росло и простиралось в бесконечность. Музыка в замке стихла, ничто не нарушало тишины. Было для Джорджа что-то недоброе в

этой тишине, словно близился конец света. Вдруг он с ужасом понял, что до сих пор еще надеялся, даже понимая тщетность этой надежды. Ведь Мод сказала ему, что любит другого; и все же непобедимое подсознание не принимало этого. Новость положила конец всему. Последнее препятствие, разделявшее Мод и того человека, устранено. Теперь ничто не мешает им пожениться. Джордж почувствовал, как на него наваливается тяжелейшее уныние. Оборваны последние нити каната, его уносит в океан одиночества.

— О! — сказал он и удивился, что голос прозвучал, в общем, как обычно. Говорить было трудно, но напряжения в голосе не слышалось. — Это меняет все, правда?

— Он пишет, что хочет встретиться со мной в Лондоне, чтобы обговорить все, наверное.

— Теперь вам ничто не помешает поехать. Раз ваш отец объявил о помолвке, вы вольны ехать, куда хотите.

— Надо полагать. Они снова помолчали.

— Все так нелегко, — сказала Мод.

— В каком смысле?

— О, я не знаю…

— Если вы обо мне, то, пожалуйста, не надо. Я понимаю, что вы думаете. Вам неприятно, что вы меня обижаете. Пожалуйста, считайте, что у меня вообще нет чувств. Я хочу одного — чтобы вы были счастливы. С меня довольно знать, что я вам помог. Прошу вас, будьте благоразумны. Ну, хорошо, объявлена наша помолвка, но это никак не меняет наших отношений. Мы остаемся в той же точке, где были при последней встрече. Да, я — не тот, кого вы любите, есть человек, которого вы любили, когда и не слыхали обо мне — знать это мне не труднее сейчас, чем тогда. Господи Боже ты мой, не впервые же вы слышите признания и отвечаете: «Нет»!

— Вы совсем другой.

— Ничуть не бывало. Я — человек из толпы.

— Таких, как вы, я никогда не видела.

— Ну, вы никогда не видели и такого, как Пламмер, а мысль о его страданиях не разбила вам сердца.

— Я видела миллион в точности таких, как Пламмер, — твердо сказала Мод. — Все мужчины, которых я знала, были, как он — милые, приятные, никакие. Отказать им — ничто. Всегда как-то знаешь, что он помучается недельку-другую, а потом пойдет и влюбится снова. А вы — другой. Вы… ну, с вами все всерьез.

— Вот тут-то мы и расходимся. Если речь идет о вашем счастье, обо мне думать не надо.

Мод подперла ладонью подбородок и глядела в бархатную тьму.

— Были бы вы моим братом вместо Перси… — сказала она после паузы. — Как бы мы дружили! Как бы все было просто!

— Что ж, считайте меня почетным братом. Тогда все станет просто.

— Вам легко говорить… Нет, трудно. Я знаю, как трудно вам так говорить, утешать меня, притворяться, будто все это для вас мелочь. Как странно! Мы проводили вместе по несколько минут, три недели назад я и не слышала о вас — а я знаю все, что вы думаете. У меня никогда так не бывало, даже с Джеффри. Он меня иногда озадачивает…

Она замолчала. Вдали снова прокричал коростель.

— Что же мне делать? — сказала она.

— Я скажу вам, что делать, причем в трех словах. Все до смешного просто. Вы любите его, он любит вас, и разлучали вас только финансовые обстоятельства. Теперь он богат, препятствий нет никаких. Я и мои чувства — не препятствие, я вам просто не позволю так думать. Исключите меня совершенно. Ошибка вашего отца несколько усложняет дело, но это легко поправить. Последуйте примеру Реджи Бин-га. Открыто объявить о своих намерениях он не мог и очень умно, тихонечко женился — пусть все узнают задним числом. Должен сказать, я никогда не считал его особенно мудрым, но выход из тупика он нашел, ничего не скажешь. Поступите и вы так же.

Мод вздрогнула, даже привстала со своей каменной скамьи. Джордж услышал ее порывистый вздох.

— Значит… убежать?

— Именно. Убежать.

Из-за угла замка, оттуда, где располагался гараж, вынырнула машина и, фыркая, подкатила к лестнице. Большие двери раскрылись, из них полились потоки света. Мод поднялась.

— Разъезжаются, — сказала она. — Я и не думала, что уже так поздно. — Она постояла в нерешительности. — Надо бы пойти попрощаться. Нет, не могу!

— Оставайтесь, никто вас не увидит.

Подкатили другие машины. От их шума ночная тишина разорвалась в клочья. Мод снова села.

— Они, наверное, удивляются, что меня нет.

— Не обращайте внимания. Вот Реджи не обратил. Мод чертила ногой круги на сухом дерне.

— Какая чудная ночь, — сказала она. — Совсем нет росы. Машины захрипели, засвистели, застреляли и укатили. Отсветы постепенно пропали

вдали, ночь снова наполнилась покоем и волшебством. Дверь замка с шумом захлопнулась.

— Пожалуй, мне пора, — сказала Мод.

— Пожалуй. Мне бы тоже надо вежливо попрощаться. Но что-то говорит мне, что леди Каролина и ваш братец спокойно обойдутся без формальностей. Пойду-ка я домой.

Они стояли в темноте лицом к лицу.

— Вы бы и правда так поступили? — спросила Мод. — Убежали бы и женились в Лондоне?

— Ничего другого не остается.

— И что, можно прямо так, быстренько…

— В регистратуре? Нет ничего проще. Вы бы видели, как женился Реджи. Р-раз — и готово! Недовольный человечек в черном костюме гнусаво задаст несколько вопросов, запишет несколько слов — и все.

— Какой ужас!

— Кажется, Реджи этого не думал.

— Нет, как прозаично… Никакой романтики.

— Романтику обеспечите вы.

— Конечно, размышлять тут нечего. В сущности, это то же самое, что обычная свадьба.

— Да, абсолютно то же.

Вместе они прошли по террасе и остановились на дорожке, у лестницы.

— Так и сделаю, — сказала Мод.

Ответить было нелегко. Как бы здравы и убедительны ни были его доводы, ему не сразу удалось безоговорочно их принять. Начинало сказываться нервное напряжение.

— Правильно, — сказал он. — Ну что ж, до свидания. Дорожка была освещена. Он видел ее лицо. В глазах была тревога.

— А вы что собираетесь делать? — спросила она.

— Делать?

— Ну, останетесь в этом коттедже?

— Нет, вряд ли. Завтра поеду в Лондон, несколько дней поживу еще в «Карлтоне», а потом поплыву в Америку. К осени надо кое-что написать. Пора работать.

Мод смотрела мимо.

— У вас есть ваша работа, — почти неслышно сказала она. Джордж ее понял.

— Да, у меня есть работа.

— Я рада.

Она протянула руку.

— Вы такой хороший… С самого начала… Вы были… А, что пользы в словах!

— Я получил свою награду. Я узнал вас. Мы — друзья, да?

— Еще бы!

— Близкие?

— Ближе некуда!

Они пожали друг другу руки.

Глава XXV

— Никогда в жизни я не была так расстроена, — сказала леди Каролина.

Уже минут пять она повторяла это и многое другое. До ухода последнего из гостей она блюла контроль над собою и демонстрировала миру незамутненный фасад. Она даже изображала улыбку. И вот теперь, когда последний автомобиль укатил домой, она сбросила маску. Самая мебель в кабинете лорда Маршмортона съежилась, опаленная пламенем ее гнева. Что же до лорда, то он казался вполне испепеленным.

Получить заблудшего братца в свое распоряжение удалось не сразу. Добрых десять минут длилась охота, пока ей и лорду Бэлферу не удалось загнать графа в угол. Напрасно взывал он к ним через замочную скважину запертой двери, уверяя, что работает над семейной историей и отвлекаться не может. И вот он — лицом к лицу со мстителями.

— Не понимаю! — продолжала леди Каролина. — Ты прекрасно знаешь, что несколько месяцев подряд мы все до предела напрягаем нервы, чтобы разорвать эту ужасную связь, и вот, когда появилась, наконец, надежда что-нибудь сделать, ты публично объявляешь о помолвке! Видимо, ты сошел с ума. До сих пор не могу поверить, что это действительно произошло. Все надеюсь, что проснусь и это окажется кошмаром. Как ты только мог, как мог!

— Именно, — сказал лорд Бэлфер.

Если леди Каролина была расстроена, то выразить его состояние души язык бессилен.

С самого начала этого плачевного эпизода Перси находился на переднем крае борьбы. Это у него, у Перси, сбили с головы лучшую шляпу на виду у всей Пиккадилли. Это он, Перси, познал арест и тюрьму. Это он, Перси, несколько дней был инвалидом благодаря своему усердию. И вот, все его страдания оказались всуе. Его предал собственный отец.

Специалисты по истории Среднего Запада рассказывают нам, что один человек из Чикаго, некий Янг, в нервном расстройстве пропустил свою мать через крупную мясорубку, закатал в консервные банки и подписал «Язык». Так вот, достаточно сказать, что взгляды, которые бросал на отца Перси, можно было бы счесть неоправданно суровыми, если бы их бросала на Янга его родня.

Лорд Маршмортон оправился от паники. Бунтарский дух снова

разгорался в его груди. Когда жребий брошен, хода назад нет, надо бунтовать, а не извиняться. Может быть, на помощь ему пришла наследственность от целой линии предков, которые, при всех своих недостатках, знали, как обходиться с женщинами. Может быть, в этот момент с ним встали плечом к плечу тени умерших и погребенных Маршмортонов, нашептывая ему на ухо свои потусторонние советы — скажем, дух того графа, который при Генрихе VII зарезал жену кинжалом, чтобы излечить ее от несносной привычки пилить его по ночам; или другого графа, который еще раньше велел отравить двух тетушек и одну сестру, просто так, из чистого каприза. Как бы то ни было, из какого-то источника лорд Маршмортон извлек достаточно мужества, чтобы отвечать.

— Чушь и ерунда! — рявкнул он. — С чего это вы поднимаете столько шуму? Мод его любит. Мне он нравится. И нечего шуметь. Почему бы мне не объявить о помолвке?

— Ты сошел с ума! — закричала леди Каролина. — Твоя единственная дочь — и человек, о котором никто ничего не знает!

— Именно, — сказал Перси.

Лорд Маршмортон подхватил инициативу в ловкостью старого спорщика.

— Вот тут вы ошибаетесь. Я знаю о нем все. Он очень богат. Вы слышали за ужином, как все возбудились, когда услышали его имя? Очень знаменитый человек! Получает тысячу фунтов в неделю! Во всех отношениях превосходная партия.

— Да что ты говоришь! — неистово закричала леди Каролина. — Мне неважно, получает ли он тысячу фунтов или два пенса. Они не могут пожениться. Деньги — еще не все!

Она замолчала, ибо раздался стук в дверь. Когда дверь эта открылась, вошла Билли, предвидевшая, что лорд Маршмортон будет рад сменить тему разговора примерно в это время.

— Не понадобится ли моя помощь? — сияя, спросила она. — Я специально пришла узнать, нет ли для меня какого дела.

Леди Каролина срочно переключилась на аристократическое спокойствие. Она от души не одобряла, что ее прервали, но на тоне ее это не отразилось.

— Лорду Маршмортону не понадобится ваша помощь, — сказала она. — Он не будет работать.

— Доброй ночи, — сказала Билли.

— Доброй ночи, — сказала леди Каролина. Перси попрощался сердитым взглядом.

— Деньги, — возобновила тему леди Каролина, — еще не все. Мод не в таком положении, чтобы ей необходимо было выходить за богатого. Это совершенно невозможно потому, что мистер Бивен — никто. У него нет никакого общественного положения.

— Ну что ты! — сказал лорд Маршмортон. — Очень приличный человек.

— Нет, ты идиот! Ты кретин! — воскликнула его сестра. — Твоя секретарша — очень милая девушка, но что бы ты сказал, если бы Перси пришел и заявил, что на ней женится?

— Именно, — откликнулся Перси. — Совершенно верно.

Лорд Маршмортон поднялся и пошел к двери. Он держался с достоинством, но было в его глазах какое-то загадочное выражение.

— Это невозможно, — сказал он.

— Вот именно, — сказала его сестра. — Я рада, что ты хоть это признаешь.

Лорд Маршмортон достиг двери и стоял там, держась за ручку и находя в ней источник сил.

— Я все собирался сообщить вам… — начал он.

— О чем?

— О том, что я сам женился на ней в среду, — сказал он и исчез, как нырнувшая утка.

Глава XXVI

В четверть пятого пополудни, два дня спустя после достопамятного приема, на котором лорд Маршмортон повел себя столь глупо, Мод сидела в кафе «Уютный уголок» и ждала Джеффри Раймонда. Он сообщил телеграммой, что будет там в половине пятого, но нетерпение погнало ее туда на четверть часа раньше, и уже теперь печальная атмосфера заведения побуждала ее раскаяться в этом порыве. Ей становилось все печальней. Ее томили дурные предчувствия.

«Уютный утолок», как всякий немедленно догадается по названию, — это чайная на Бонд-стрит, которую содержит страдающая дама. В Лондоне, когда дама начинает страдать (а начинает она по самому ничтожному поводу), она собирает вокруг себя еще двух или трех страдающих дам, формируя таким образом кворум, и открывает чайную в Уэст-Энде, которую называет «Под дубом», «Под липой», «У старой ивы» или «Тихая гавань», в зависимости от личных пристрастий. Там, в тирольских, китайских или норвежских костюмах, дамы подают всякие яства с величавой томностью, рассчитанной на то, чтобы выбить всякую дурь из головы самого развеселого посетителя. Здесь вы не найдете ни грубоватой суетливости конкурирующих заведений «Лиона и К°», ни блеска и веселости «Рампельмайера». У этих мест своя, особая атмосфера. Чем они берут, так это недостатком света, почти полным отсутствием вентиляции, шоколадным тортом собственного приготовления, который не полагается резать, и печальной отрешенностью ангельских дев. Вряд ли где-нибудь в мире есть что-то столь угнетающее, как такая чайная, разве что другая, в том же духе.

Мод сидела и ждала. Где-то вполголоса напевал невидимый чайник, словно тихоголосый пессимист. На другой стороне зала две страдающие дамы в изысканных платьях стояли, прислонившись к стене, и тоже тихо шептались. По выражению их лиц можно было догадаться, что они невысоко ценят жизнь и хотели бы уйти от нее, как труп на втором этаже. Так и тянуло предположить, что труп на этаже есть. Первым делом, как войдешь, является мысль о том, что вот сейчас дама подойдет и спросит: «Чаю, кофе? Не желаете ли взглянуть на труп?».

Мод взглянула не на труп, а на часы. Двадцать минут пятого. Она не могла поверить, что сидит тут всего пять минут, но часы тикали и, следовательно, шли. Печаль углублялась. Почему Джеффри позвал ее в эту

унылую пещеру, а не в «Савой»? В «Савое» ей было бы хорошо. Но здесь… Первый радостный порыв, с которым она бросилась к любимому человеку, потерян безвозвратно.

Она испугалась. Какой-то злой дух, может быть, чайник, нашептывал ей, что глупо было приходить, и бросал тень сомнения на то, что до сих она считала твердым, как скала, фактом — на ее любовь к Джеффри. Не изменилась ли она с тех пор, как была в Уэльсе? Жизнь в последнее время стала такой запутанной. Среди суматохи недавних событий те дни казались чем-то давним, сама она — совсем другой. Вдруг она обнаружила, что думает о Джордже Бивене…

И странное дело: стоило ей подумать о нем, как ей сразу полегчало, будто она заблудилась в пустыне и встретила друга. В Джордже было что-то настоящее, что-то успокаивающее. А как хорошо он держался при последней встрече! Да, кажется, он стал в каком-то смысле частью ее жизни. Она уже представить себе не могла жизни, в которой бы он не участвовал. А он, наверное, пакует вещи, собираясь в Америку, и она его больше никогда не увидит. В сердце кольнуло. Только сейчас она поняла, что он вправду уезжает.

Она постаралась отогнать боль и стала думать об Уэльсе. Она закрыла глаза — это помогало вспоминать. С закрытыми глазами можно воскресить все это — дождливый день, изящного, гибкого человека, вышедшего к ней из тумана, прогулки по холмам… Скорее бы он пришел! Ей так недоставало его…

— А, вот и ты!

Мод, вздрогнув, открыла глаза. Голос был похож, но у стола стоял незнакомец, причем — не такой уж привлекательный. В полутьме «Уютного уголка», к которой ее только что закрытые глаза еще, к тому же, не привыкли, она могла различить лишь то, что он удивительно тучен. Она застыла, приготовясь к обороне. Что же следует ожидать, если ты одна слоняешься по чайным!

— Надеюсь, я не опоздал, — сказал незнакомец, присаживаясь и тяжело дыша. — Подумал, что небольшое упражнение не повредит и пошел пешком.

Каждая клеточка в ее теле воспрянула к жизни. Да, это был Джеффри.

Он обернулся через плечо и щелкнул пальцами, стараясь привлечь внимание ближайшей из страдающих дам; это дало Мод время оправиться от первого шока. Слабость прошла, уступая место дикому замешательству. Не может быть, чтобы это был Джеффри! Просто возмутительно, чтобы это был Джеффри! И все же это был он. Целый год молилась она, чтобы ей

возвратили его, и боги услышали молитву. Они возвратили ей Джеффри, и с такой щедрой небрежностью, что его получилось вдвое больше, чем она ожидала. Она молила о стройном Аполлоне, которого полюбила в Уэльсе, а получила этого огромного оборотня.

У всех есть свои предубеждения. Мод не любила толстых мужчин. Может быть, это внушил ей вид ее брата Перси, разбухающего с каждым годом. Как бы то ни было, она их не любила и в болезненном молчании глядела на Джеффри. Он снова повернулся к ней, представляя взору свой полный и законченный вид. Он был не просто тучен. Он был жирен. Тонкая фигура, целый год заполнявшая ее мысли, расплылась в море жилетки. Тонкие линии лица вообще исчезли. Щеки стали розовым желе.

Одна из страдающих дам медленно, презрительно приблизилась и стояла у столика, раздумывая о трупе. Беспокоить ее было стыдно.

— Чаю, какао? — гордо осведомилась она.

— Чаю, пожалуйста, — сказала Мод, вновь обретая голос.

— Один чай, — вздохнула плакальщица.

— А мне какао, — оживленно сказал Джеффри, явно показывавший, что тема ему близка. — И много взбитых сливок. Проследите, чтобы оно не остыло.

— Одно какао.

Джеффри думал, и не о пустяках.

— И несколько пирожных, — добавил он. — Я особенно люблю с глазурью. Да, и бисквитов… и тосты с маслом. Пожалуйста, проследите! Побольше масла.

Мод задрожала. Человек, сидящий перед нею, не знал такого слова. Он должен бы вызвать полицию, если враг заставит его есть масло.

— Ну-с, — сказал Джеффри, наклоняясь к ней, когда надменная служительница ушла, — ты ничуть не изменилась. То есть, с виду.

— Правда? — сказала Мод.

— Все такая же. Я-то, кажется, — он скосился на свою жилетку, — набрал немного веса. Не знаю, заметила ты?..

Мод задрожала опять. Набрал немного веса! Заметила! Неприятно видеть толстяка, не знающего, что он растолстел.

— Это жизнь на яхте, — сказал Джеффри. — Почти все время с тех пор я провел на яхте. У старикана был повар-японец, и жили мы шикарно. Его хватил удар. Как мы плавали! Всю зиму в Средиземном море, большей частью — в Ницце.

— Я бы хотела в Ниццу, — сказала Мод, надо же было что-то сказать. Она чувствовала, что Джеффри изменился не только внешне. А может, он

таким и был? Может, он обыкновенный, прозаический, а все остальное она выдумала?

— Если поедешь, — оживленно сказал Джеффри, — не упусти, пообедай в отеле «Золотой Берег». Там не закуски, просто класс! Раки, прямо омары. И рыба — как же ее, забыл, сейчас вспомню… В точности, как флоридская помпано. Смотри только, чтобы запекли, а не жарили. Теряется вкус. Скажи официанту, что хочешь запеченную, с расплавленным маслом и петрушкой и с простым вареным картофелем. Это изумительно! На континенте лучше есть рыбу. Никого не слушай, французы не смыслят в бифштексах и вообще в красном мясе. Телятина — еще ничего, но у нас лучше. Но, а вот в чем они истинные гении — это в омлете. Помню, когда мы зашли за углем в Тулон, я сошел на берег прогуляться и съел замечательный омлет с прекрасной куриной печенкой, заметь, в совершенно крохотном портовом кафе. Никогда не забуду.

Возвратилась плакальщица с подносом, с которого сняла похоронное печенье и поставила на столик. Джеффри раздраженно покачал головой.

— Я специально просил: побольше масла! — сказал он. — Что за тосты, если на них мало масла? Тогда их не стоит и есть. Принесите брикетик, пожалуйста, я сам намажу. И поскорее, пока тост не остыл. Остывший тост — это гадость. Тут, в городе, не понимают, что к чаю нужна еда, — обратился он к Мод, когда плакальщица удалилась. — Чтобы это почувствовать как следует, надо ехать в деревню. Помню, мы причалили у Лайм-Реджиса по пути в Дэвоншир, и я пил там чай на ферме. Это удивительно! Густые сливки, домашнее варенье, печенья всякие. А здесь — ерунда какая-то! Просто цирк. Ну где там эта женщина с маслом? Будет поздно!

Мод молча прихлебывала чай. Сердце лежало в ней куском свинца. Тема масла, лейтмотив его речей, скребла по нервам так, что она едва выдерживала. Мысленным взором окидывала она кошмарные месяцы, и ей представлялось кошмарное видение: Джеффри, равномерно поглощающий масло, день за днем, месяц за месяцем, превращаясь в человека-бочку. Она задрожала опять.

Негодование на судьбу, заставившую отдать человеку сердце, а потом подменившую его, боролась с леденящим ужасом. Нет, надо бежать! Но как? Она определенно дала ему обещание. («А! — весело приветствовал Джеффри появление масла. — Вот это другое дело!» — Он начал намазывать тост. Мод отвела глаза.) Она говорила, что любит его, что он для нее — весь мир, что никого другого никогда не будет. И вот, он пришел заявить свои права. Можно ли отказать ему только потому, что в

нем тридцать фунтов лишнего веса?

Джеффри съел все и достал сигарету. «У нас не курят!» — сказала страдающая дама. Он сунул сигарету обратно в пачку, и в глазах его появилось новое выражение, нежное. Только теперь, с самого начала их встречи, Мод уловила отсвет того, кого она полюбила в Уэльсе. Видимо, масло смягчило Джеффри.

— Итак, ты не дождалась, — сказал он с пафосом. Мод не поняла.

— Я ждала больше четверти часа. Это ты опоздал.

— Я не о том. Я говорю о твоей помолвке. Видел объявление в «Морнинг Пост». Что ж, наилучшие пожелания. Счастливчик этот Джордж Бивен, кто бы он там ни был.

Мод открыла рот, чтобы все объяснить, но закрыла его, ничего не сказав.

— Итак, ты не дождалась! — продолжал Джеффри с тихим сожалением. — Ну что ж, не мне тебя винить. Ты в таком возрасте, когда легко забывают. Какое право я имел надеяться, что ты устоишь в многомесячной разлуке? Я слишком многого ожидал. Но какая ирония! Я все это время думал о прошлом лете, когда мы были друг для друга всем, а ты забыла меня, забыла меня! — Джеффри вздохнул. В рассеянности он взял со скатерти обломок бисквита и сунул в рот.

Несправедливость нападения просто ужаснула Мод. Она припомнила прошедшие месяцы, все, через что она прошла, и ей стало до боли жалко себя.

— Я не забыла! — закричала она.

— Не забыла? Но ты позволила этому Джорджу Бивену ухаживать за собой.

— Я не позволяла! Это ошибка!

— Ошибка?

— Да. Объяснять слишком долго, но… — Мод остановилась. На нее снизошло, как ясновидение, что эту ошибку ей и не хочется исправлять. Она была, как тот, кто, заблудившись в джунглях, выходит на свежий воздух. Много дней ее мысли путались, она не могла истолковать собственных чувств — и вот теперь все прояснилось, как будто самый вид Джеффри был ключом к шифру. Она любит Джорджа Бивена, которого изгнала из своей жизни. Теперь она это знала, и потрясение сделало ее слабой и беспомощной. Вместе с потрясением пришел ужас: тетя Каролина и брат Перси оказались, в сущности, правы. То, что она принимала за великую любовь, оказалось простым увлечением, неспособным вынести человека, который съел слишком много масла и нарастил слишком много

жиру.

Джеффри проглотил кусочек бисквита и склонился вперед.

— Разве ты не помолвлена с этим Бивеном?

Мод избегала его взгляда. Она понимала, что все ее будущее зависит от нескольких слов.

И тут сама Судьба пришла к ней на выручку. Не успела она заговорить, как ее перебили.

— Прошу прощения! — прозвучал чей-то голос. — Можно вас на минуточку?

Мод и ее собеседник так погрузились в свои дела, что не заметили, как появилось третье лицо. То был молодой человек с волосами мышиного цвета, плохо выбритый, но усатый, и с таким взором, который не мог решить, быть ему вороватым или наглым. Костюм его был и фатовским, и неряшливым. На голове сидел котелок, лихо сдвинутый набок, небольшую сумку он поместил на стол, прямо между ними.

— Извиняюсь за вторжение, мисс, — он галантно поклонился, — но мне необходимо сказать несколько слов вот этому мистеру Грею.

Мод, глядевшая через стол на Джеффри, с удивлением увидела, как его цветущее лицо вдруг посерело. Рот раскрылся, глаза стали стеклянными.

— Вы ошибаетесь, — холодно сказала Мод. Молодой человек ей сразу не понравился. — Это мистер Раймонд.

Джеффри обрел дар речи.

— Разумеется, я — мистер Раймонд! — сердито закричал он. — Приходят сюда, досаждают!..

Молодой человек ничуть не смутился; он, видимо, привык к обидам и продолжал, будто его не прерывали.

— Взгляните сюда, — сказал он, доставая линялую визитку, — Уиллоуби и сын, адвокаты. Я — сын. Шеф поручил мне это дельце. Я много дней вас разыскиваю, чтобы вручить вот эту бумагу. — Он открыл сумку, как фокусник, и достал оттуда плотную бумажку официального вида. — Вы свидетель, мисс, что я документы доставил. Конечно, вы знаете, что это такое? — обратился он к Джеффри. — Вас привлекают к суду за нарушение брачных обязательств. Наша клиентка, мисс Ивонна Синклер из театра «Регал», подала иск на десять тысяч фунтов. Если хотите знать мое мнение, — сказал он, — то я вам скажу: это детская прогулка, а не дело. Лучшее наше дельце по нарушениям за много лет. — Он снова заговорил в профессиональной манере. — Ваши адвокаты, несомненно, войдут в контакт с нами. Послушайтесь моего совета, —

заключил он, стремительно меняя манеру, — уладьте это как-нибудь без суда, а то, между нами девочками, у вас нет ни малейшего шанса.

Джеффри вскочил, громко пыхтя с видом оскорбленной невинности.

— Что вы несете? — заорал он. — Неужели вы не видите, что ошиблись? Я никакой не Грей. Сказано вам, я — Джеффри Раймонд!

— Тем хуже для вас, — невозмутимо сказал молодой человек, — значит, обманывали нашу клиентку. У нас есть письма и свидетели, целый мешок всяких штучек. А как насчет вот этого фото? — Он снова нырнул в сумку. — Узнаете, мисс?

Мод взглянула на фото. Это был Джеффри, и недавно, ибо портрет являл его во всей красе. Поперек массивных ног шла плавная надпись: «Бэби от ее Пупсика». Мод затряслась и передала фотографию молодому человеку. Джеффри выбросил вперед руку, пытаясь ее схватить. Уиллоуби-младший засунул фото в сумку и повернулся, чтобы уйти.

— На сегодня хватит, — любезно сказал он, опять поклонился в своей светской манере, сдвинул шляпу еще чуточку налево и, поприветствовав одну из страдающих дам вежливым «С вашего позволения, Мэйбл» (чем навлек на себя ее ледяной взгляд, к которому оказался совершенно нечувствителен), вышел вон, оставив по себе напряженное молчание.

Первой заговорила Мод.

— Пойду, пожалуй, — сказала она.

Слова эти вывели ее собеседника из ступора.

— Сейчас я тебе все объясню…

— Объяснять нечего.

— Это было… это мимолетное… это просто так… ничего…

— Пупсик! — прожурчала Мод и пошла к двери. Он кинулся за ней.

— Одумайся! — взывал он. — Мужчины не святые! Это ерунда, чепуха!.. Нельзя же покончить… со всем… только потому, что я потерял голову?

Мод улыбнулась. Ей стало гораздо легче. Темный интерьер «Уголка» уже не нагонял тоску. Она готова была расцеловать эту неведомую Бэби за то, что своими мудрыми действиями она позволила с чистой совестью закрыть прискорбную главу.

— Ты потерял не только голову, Джеффри, — сказала она. — Ты потерял фигуру.

Она быстро вышла. В пылком порыве Джеффри бросился было за ней, но его остановили. Покидая «Уютный уголок», посетитель должен соблюсти некоторые формальности.

— С-с вашего разрешения, — произнес страдающий голос.

Дама, которую мистер Уиллоуби назвал Мэйбл (и ошибся, ее звали Эрнестиной) стояла рядом с листочком бумаги в руке.

— Шесть шиллингов два пенса, — сказала Эрнестина. Эти дикие слова отвлекли несчастного от главной темы.

— Шесть и два пенса за чашку какао и два бисквита? — вскричал он в ужасе. — Это грабеж!

— Шесть и два пенса, пожалуйста, — сказала атаманша с невозмутимым спокойствием. Это они уже проходили. «Уютный уголок» посещало немного посетителей; но с тех, кто посещал, сдирали по-крупному.

— Вот, — Джеффри достал полсоверена. — Некогда мне с вами ругаться.

Страдающая разбойница не проявила благодарности, словно уже совсем отрешилась от земного. Ей хотелось только покоя, да и времени, чтобы размышлять о трупе. Что плоть? Трава, не более. Нынче мы здесь, завтра нас нет. Но там, за дверью гроба, там — покой.

— Получите сдачу, — сказала она.

— К черту сдачу!

— Вы забыли шляпу.

— К черту шляпу!

Джеффри бросился вон, протиснув тело через дверь, и заковылял вниз по лестнице.

На Бонд-стрит машины шли направо, и машины шли налево. Гуляющие гуляли по тротуарам.

Но Мод не было.

В своем номере, в отеле «Карлтон», Джордж Бивен паковал вещи. Вернее сказать, он начал собирать их; последние же двадцать минут сидел на кровати, вглядываясь в будущее, которое представлялось ему чем дальше, тем все безрадостнее. В эти два дня он знавал такие приступы меланхолии, и с каждым разом становилось труднее их развеять. Теперь, перед лицом зияющего саквояжа, готового поглотить полагающееся ему содержимое, он всей душой отдался унынию.

Этот саквояж, со всей сопутствующей ему символикой расставаний и путешествий, как бы подчеркивал то обстоятельство, что он уезжает один в пустой мир. Скоро он окажется на борту лайнера, и каждый новый оборот двигателей будет уносить его все дальше оттуда, где должно бы всегда пребывать его сердце. В иные мгновения эта мысль была настолько мучительна, что перерастала в физическую боль.

Невозможно было даже представить, что каких-нибудь три недели назад он был счастливым человеком. Одиноким, да, может быть, но в каком-то расплывчатом, безличном смысле. Одиноким, но не тем одиночеством, которое терзает его теперь. Что ждет его впереди? Если говорить о триумфах, которые будущее может еще принести, то он, как сказал привратник служебного входа, «забурел». Всякий новый успех повторяет предыдущие, уже достигнутые успехи. Конечно, он будет работать и дальше, но…

Телефонный звонок на другом конце комнаты выдернул его в настоящее. Бормоча проклятия, он поднялся. Кто-то опять звонит — из театра, скорее всего. С тех пор, как он объявил, что уезжает в Америку субботним пароходом, они звонили без конца.

— Алло? — устало сказал он.

— Это Джордж? — спросил голос. Он звучал знакомо, но по телефону все женские голоса одинаковы.

— Да, Джордж, — ответил он. — Кто это?

— Вы меня не узнаете?

— Нет.

— Скоро узнаете. Я люблю поговорить.

— Билли, ты?

— Нет, это не Билли. Я — женского пола, Джордж.

— Билли тоже.

— Ну что ж, придется просмотреть свой список друзей женского пола.

— У меня нет друзей женского пола.

— Ни одного?

— Да.

— Странно…

— Почему?

— Вы сами сказали два дня тому назад, что я — ваш лучший друг.

Джордж сел. Он почувствовал, что у него нет скелета.

— Это… это вы? — он запнулся. — Нет, невозможно… Мод?

— Ах, какой догадливый! Джордж, я хочу спросить вас. Во-первых, вы любите масло?

Джордж поморгал. Нет, это был не сон. Он только что ударился коленом о телефонный столик, и оно еще болело самым убедительным образом. Значит, он бодрствует.

— Масло? — переспросил он. — Это в каком же смысле?

— Ну ладно, раз вы даже не знаете этого слова, то все в порядке. Сколько вы весите, Джордж?

— Фунтов сто восемьдесят. Но я не понимаю…

— Подождите, — на том конце провода помолчали. — Это около тридцати стоунов, — произнес голос Мод. — Посчитала в уме. А сколько вы весили в прошлом году?

— Примерно столько же, я думаю. Я всегда вешу примерно одинаково.

— Это чудесно! Джордж!

— Да?

— Это очень важно. Вы бывали во Флориде?

— Был как-то раз зимой.

— Знаете вы рыбу, которая называется «помпано»?

— Да.

— Расскажите мне о ней.

— Это в каком же смысле? Ну, рыба. Ее едят.

— Я знаю. Подробности, пожалуйста.

— Да нет там никаких подробностей. Едят, и все.

Голос на другом конце провода одобрительно замурлыкал.

— Какая красота! Человек, который рассказывал мне о помпано, прямо ударился в лирику — петрушка, растопленное масло… Так, с этим разобрались. Теперь другое, тоже очень важное… Как насчет обоев?

Джордж прижал свободную руку ко лбу. Разговор был решительно непонятен.

— Не понял.

— Чего именно?

— Ну, я не уловил, что вы сказали. Мне показалось что-то вроде «как насчет обоев»?

— Так и было, как насчет обоев. Почему вы удивляетесь?

— Тут нет никакого смысла, — слабо сказал Джордж.

— Есть, есть! Я хочу сказать: как насчет обоев в вашей каморке?

— Где?

— В каморке. У вас должна быть своя каморка, свой кабинет. Иначе где вы будете работать? Так вот, мне видятся стены приятных, спокойных тонов. Скажем, светло-зеленые. И, конечно, картины и книги. Да, моя фотография. Пойду и специально снимусь. Потом, рояль для работы, два-три уютных кресла. И… и все, пожалуй, как по-вашему?

Джордж сосредоточился.

— Алло? — сказал он.

— Почему вы говорите «алло»?

— Я забыл, что я в Лондоне. Надо было сказать «Вы слушаете»?

— Я слушаю.

— Ну хорошо, тогда скажем так: что все это значит?

— Что именно?

— Все, что вы говорите. Масло, и помпано, и обои, и мой кабинет. Я не понимаю.

— Какой вы бестолковый! Я спрашивала, какие обои будут в вашем кабинете, когда мы поженимся.

Джордж уронил трубку. Она ударилась о край столика. Он слепо пошарил рукой, отыскивая ее.

— Алло! — сказал он.

— Не говорите «алло». Это слишком резко.

— Что вы сказали?

— Я сказала: «Не говорите «алло».

— Нет, перед этим. Перед этим! Вы сказали что-то насчет «поженимся».

— Ну и что? Разве вы не собираетесь жениться? Наша помолвка объявлена в «Морнинг Пост».

— Но… но…

— Джордж! — ее голос дрогнул. — Не говори, что ты собираешься меня бросить! А если собираешься, скажи заранее, я предъявлю иск за нарушение брачных обязательств. Я только что познакомилась с одним очень способным молодым человеком, который все это проделает. Он носит котелок набок и говорит официанткам «Мэйбл». Отвечай, да или нет? Женишься ты на мне?

— Но… но… как насчет… я, то есть, насчет… я имею в виду, как насчет…

— Реши, наконец, что ты имеешь в виду.

— Насчет другого! — выдохнул Джордж. Мелодичный смех донесся до него с того конца.

— А что другой?

— Ну да, что?

— Может же девушка передумать, — сказала Мод. Джордж взвизгнул. Мод закричала.

— Прекрати петь! — сказала она. — Ты меня оглушил.

— Ты передумала?

— Конечно.

— И ты… ты хочешь… Я имею в виду, ты правда хочешь… ты правда думаешь…

— Не бормочи ты!

— Мод!
— Ну?
— Ты выйдешь за меня замуж?
— Непременно.
— Елки-палки!
— Что ты сказал?
— Я сказал: «Елки-палки»! И запомни, когда я говорю: «Елки-палки», я имею в виду «елки-палки». Где ты? Мне надо тебя видеть. Где мы встретимся? Я хочу тебя видеть! Ради всего святого, где ты сейчас находишься? Я хочу тебя видеть! Где ты? Где ты?
— Внизу.
— Где? Здесь, в «Карлтоне»?
— Здесь, в «Карлтоне».
— Одна?
— Совершенно одна.
— Долго одна не пробудешь, — сказал Джордж.

Он повесил трубку и рванулся через всю комнату туда, где на спинке стула висел его пиджак, задев ногой за край саквояжа.

— Ну, ты! — сказал ему Джордж. — Чего бодаешься? Кому ты-то нужен, хотел бы я знать?!

Раз — и готово!

Перевод с английского Н. Трауберг

Глава I

Несмотря на животворный запах кофе, приветствовавший его, когда он открыл дверь, молодой человек с бледными волосами и явственным кадыком был угрюм и мрачен. Входил он в меньшую из столовых Клейнс-холла, тюдоровской усадьбы, которую недавно купила миссис Стиптоу, кофе — любил и охотно бы выпил, но, как ни печально, обручился вчера с бесприданницей и собирался в Лондон, чтобы сообщить об этом опекуну. Опекуна он боялся даже в обычных обстоятельствах; когда же предстояла беседа, в ходе которой эта черепаха в человеческом образе непременно рассердится, горько сетовал, что отец не препоручил его деньги кому-нибудь потише, скажем — Джеку Потрошителю.

Столовая ласкала глаз. Утреннее солнце освещало ее огромные, до полу, окна. Одну стену украшал фламандский гобелен, изображающий мятежных селян, другую — фламандский гобелен, изображающий селян покладистых. Серебряные блюда, подогреваясь на горелках, улыбались с поставца; рядом розовел еще нетронутый окорок. Над камином вы могли увидеть портрет величавой дамы, глядевшей вниз таким взглядом, словно что-то ее удивило и раздосадовало. Писал картину молодой художник, Джослин Уэзерби, позировала — Беатрис, вдова сэра Отиса, который приходился братом здешней хозяйке.

Хозяйка, шустрая маленькая женщина с неумолимо светлыми глазами, сидела во главе стола, инструктируя Салли Фэрмайл. Салли, бедная родственница, редко отдыхала. Предоставляя кров и пищу осиротевшей дочери сколько-то-юродного брата, миссис Стиптоу полагала, что их надо отработать.

— Доброе утро, лорд Холбтон, — рассеянно сказала она.

— Доброе утро, — сказала Салли, наскоро улыбнувшись. С тех пор, как они обручились, она его еще не видела.

— Добрутр, добрутг, — ответил лорд и, прибавив для верности «добрутр», направился к поставцу для укрепления духа.

— Просто не знаю, — сказала хозяйка, — как мы разберемся с машинами. Вы едете в Лондон?

Лорд, положивший себе омлета, невесело кивнул.

— А Беатрис едет в Брайтон, вручать эти призы. Она берет «роллс-ройс», с «паккардом» что-то неладно, остается двухместная. Да, тарахтит, но кое-как движется. Салли отвезет вас. Она едет нанимать лакея. Для

Говарда.

Лорд удивился, хотя знал, что для мужа хозяйка не жалеет ничего. В конце концов именно из-за таких излишеств случилась Французская революция, а Рим падал, падал — и упал.

— Сколько же у него лакеев? — осведомился он.

— Один, — отвечала Салли. — Они все время уходят.

— Они его плохо выносят, — пояснила миссис Стиптоу.

Это лорд Холбтон понял, он сам с трудом выносил хозяина. Собственно, его и пригласили, чтобы, по негласному уговору, он навел на него необходимый лоск, но пришлось оставить эти надежды. Хозяин хамил. Когда его пытались наставить на путь изысков и приличий, он щурил глаз и цедил углом рта такие выражения, которые обескуражили бы саму Эмили Пост.[25]

Хозяйка помешивала кофе, напоминая гремучую змею, если вы можете представить змею, помешивающую кофе.

— Когда сбежал последний, — сказала она, — Говард решил, что их больше не будет. Он ошибся. Пока в Англии есть хоть один лакей, я его найму. Сейчас мы говорили, что нужен человек… ну, покруче, без дураков. Умру, но Говард у меня научится манерам.

Именно тут появился мистер Стиптоу, который однозначно напоминал бы тушу, если бы не перебитый нос и органы слуха в виде ручек греческой амфоры. Говоря строго, он вернулся (жена отсылала его надеть воротничок) и мрачностью своей показывал, что у него болят душа и шея. Неприязненно взглянув на лорда, которого он подозревал в подстрекательстве, страдалец направился к поставцу и взял себе рыбы.

Не хватало только дамы с портрета, и она явилась, напоминая Сару Сиддонс[26] в роли какой-нибудь королевы. Она была создана, чтобы позировать сэру Питеру Лели или сэру Джошуа Рейнольдсу,[27] которые, вероятно, превзошли бы Джоса Уэзерби, что признавал и независтливый Джос.

Все ей обрадовались.

— Доброе утро, Беатрис, — приветливо сказала хозяйка.

— Доброе утро, леди Чевендер, — сказала Салли.

— Здрасьте, здрасьте, здрасьте, — сказал лорд Холбтон.

Хозяин не сказал ни слова, только посмотрел. Человек простой, дитя природы, он не разговаривал, а переваривал. К тому же, он тянулся к маслу, чтобы украсить им тостик.

Лорд Холбтон вскочил (куда там хозяину!) и галантно отпрыгнул к

поставцу. Именно эта галантность, в сочетании с хрупкой прелестью и трепетным тенором, которым он пел у рояля всякие романсы, привлекли к нему Салли.

— Омлету, леди Чевендер? — спросил он. — Рыбы? Ветчины?

Время остановилось. От того, что скажет прекрасная дама, зависела участь всех присутствующих, что там — судьбы Дж. Б. Даффа, возглавлявшего фирму «Дафф & Троттер», Джоса Уэзерби, дворецкого и, наконец, его невесты, Веры Пим, служившей в «Розе и короне».

Ответь леди Чевендер: «Омлету» или «Рыбы» — ничего бы не случилось. Но она сказала:

— Ветчины.

Лорд Холбтон со свойственным ему изяществом отрезал тонкий ломтик. Стояла тишина, только мистер Стиптоу хрустел тостом. Хрустел он всем, чем угодно, даже пюре; тостом всякий захрустит.

Леди Чевендер положила вилку и нож, глядя вниз с тем царственным презрением, с которым Сара Сиддонс взирала бы на гусеницу в салате.

— Какая гадость! — промолвила она.

Хозяйка встрепенулась. Она была богата, но золовка намного ее превосходила. Кроме того, при слабом сердце у леди не было собственных родственников.

— В чем дело, Беатрис?

— Эту ветчину есть нельзя.

— Ее купила Салли.

Виновница не отрекалась, но сказала в свою защиту:

— Самая лучшая фирма!

— Возможно, — признала леди Чевендер, — но ветчина у них плохая. В чем-в чем, а в этом я разбираюсь. Когда-то я думала выйти замуж за ветчинного короля. Впрочем, тогда он был принцем. Он говорил о ветчине с утра до ночи. Словом, пойду и обличу их. Кто эти гады?

— Дафф и Троттер, — ответила Салли. — Самая лучшая фирма. Зачем им обманывать бедных девушек? Никак не пойму.

Тем временем лорд Холбтон вскрикнул и замер; омлет побледнел на его устах.

— Дафф и Троттер?.. — выговорил он.

— Дафф и Троттер?! — вскричала леди Чевендер, и в ее прекрасных глазах мелькнуло торжество, словно у римской матроны, угадавшей колесницу, которая победит на скачках. — Эта мерзость — от Джимми Даффа?

— Вроде бы да.

Леди Чевендер со вкусом вздохнула.

— Душенька, — сказала она, обернувшись к Салли, — это слишком хорошо, даже не верится. Я думала, праведная кара бывает только в детских книжках. Именно за Джимми я и собиралась выйти, это он говорил о ветчине. Невозможно поверить, как я мучилась! Джеймс Бьюкенен Дафф, чтоб его черти съели! Я с ним пятнадцать лет не виделась, но скоро он захочет не видеться еще лет тридцать.

— Что ты сделаешь? — спросила миссис Стиптоу.

— Зайду и скажу все о его мерзкой ветчине.

— Ты же едешь в Брайтон.

— Ничего, заверну и в Лондон.

— Может, лучше написать?

— Написать?! Ты ничего не поняла. Когда он меня коварно покорил, я была молода и романтична, одни чувства. И что же? Где они? Гуляя при луне, он говорил о том, почему у этой проклятой ветчины такой упоительный привкус. Подождет, пока оркестр свое отыграет, и описывает копчение. И после всего этого ты советуешь ему писать! Нет уж. Приду, посмотрю в глаза, шмякну ветчину на стол и увижу, как он корчится. Кликни Чибнела.

Хозяйка позвонила, и явился дворецкий нового типа — величавый, молодой и мускулистый.

— Чибнел, — сказала леди Чевендер, — не могли бы вы положить вот это в коробку и отнести в машину? Пора мне ехать, а то не успею.

— Салли, — сказала хозяйка, — иди к Перкису.

Салли покорно встала. На полпути к гаражу за ее спиной раздалось какое-то блеяние.

— Джордж! — вскричала она, обернувшись, как вспугнутый котенок. Она очень смутилась.

И зря. Лорд Холбтон был слишком взволнован. Глаза у него блуждали, рот кривился, кадык скакал, словно ягнята по весне.

— Салли! Какой ужас!

— А что?

— Эта история с ветчиной!

— Скорее она смешная.

— Смешная? Ха-ха! — воскликнул лорд Холбтон, исполняя танец отчаяния. — Ты послушай! — Он помолчал, справляясь с чувствами. — Отец оставил мне кучу денег.

Салли смутилась. Корыстной она не была, но положение бедной родственницы располагает к тому, чтобы радоваться богатству.

— Ну и слава Богу!
— Все не так просто. Он решил, что деньги мне доверить нельзя.
— Почему?
Собственно говоря, первого барона навело на эту мысль то, что одна девица подала в суд, обвиняя его любимого сына в «нарушении брачных обещаний», но сын предпочел это скрыть.
— Ах, не знаю! В общем, они — не у меня, пятерки не могу взять без спроса. А у кого? У Даффа!
— При чем он тут?
— Они с отцом партнеры. Наша фамилия — Троттер.[28] Отец его очень любил, и вот, пожалуйста. Сегодня я как раз собирался поговорить о нас с тобой.
— Понимаю, — сказала Салли. — Ты думаешь, он будет не в духе.
— Конечно.
— Да, да.
— Эта баба его доведет! Он лелеет свою ветчину, как… что это лелеют?
— Кто?
— Ну вообще. А да! Зеницу ока. С нее он начал, вся остальная еда для него… тьфу! Не в духе! Ты уж скажешь! Ха-ха!
Именно в такие минуты женщина уподобляется ангелу.
— Ничего, — сказала Салли, — ты его успокой.
— Да?
— Конечно.
— Ха-ха! Нет уж, я к нему не поеду.
— Что ты говоришь!
— То. Лучше встретиться с раненой пумой.
— Не такой уж он страшный.
— Такой. Ты его не видела.
— Видела, на обертке. Там всюду его портрет. По-моему, он очень милый.
— Милый?
— Да.
— МИЛЫЙ?! А брови?
— Мне понравились.
— Что ж, дело твое. Ты к нему и поезжай.
— Хорошо, — согласилась Салли, — с удовольствием.
Лорд Холбтон очень удивился, совет его был риторическим, точнее — сатирическим. На секунду ему стало стыдно. Такое хрупкое создание перед

этим зверем из Откровения…[29] Но стыд мгновенно исчез, сменившись радостью. Если уж кому-то суждено переплыть Ниагару, лучше, чтобы это был не он, не лорд Холбтон.

— Ты серьезно?

— Да.

— Прямо так и поедешь?

— Конечно.

— А брови?

— Ну и Боге ними.

— Постарайся ее опередить.

— У нее «роллс-ройс».

— Да, правда. Что ж, будем надеяться.

— Будем.

— Ах, если бы она взяла омлет! Видимо, такова жизнь.

— Вполне возможно, — опять согласилась Салли.

Глава II

Владения людей,[30] при одном только имени которых всякий лондонец, не утративший совести, благоговейно поднимет шляпу, расположены неподалеку от Риджент-стрит. Это целый остров или, вернее, храм. Пройдя вращающуюся дверь, мы попадаем в огромный собор и видим прославленные яства. Вот — пирожные и пирожки; вот — фрукты; вот — супы и соусы; вот — варенье и джемы, икра и мясные консервы. У ветчины, зеницы ока, — свое святилище.

Почти все дела здесь ведут по телефону, и мы не обнаружим той суеты, которая царит в обычных лавках. Когда Джос Уэзерби, придя на службу, стал пробираться между грудами яств ой увидел двух герцогинь, глотающих слюну, и штуки три графов, облизывающих губы.

Длинный и веселый художник служил у Даффа & Троттера в отделе рекламы и нимало этим не тяготился, быть может потому, что вкусно ел, крепко спал, не ведал болезней, чем отличался от хозяина, которого терзал жулудочно-кишечный тракт.

Направляясь в кабинет страдальца, Джос миновал «Фрукты-овощи» и, несмотря на папку под мышкой, ухитрился схватить большую кисть винограда. Последнюю ягоду он доедал, поравнявшись с кабинкой, где обитала Дафна Хезелтайн, секретарь хозяина.

— Привет, недомерок! — учтиво сказал он. — Доброе утро.

— Добрый вечер, — ответила языкастая Дафна. — Вас ждали в десять. Сейчас одиннадцать.

— Что поделаешь, проспал. Повели меня вчера в одно место. Не волнуйтесь, я кое-что выиграл

— Все фрукты хапаете? Говорил вам босс…

— Ничего, он не видел. Это я машинально.

— Идите, идите, он ждет. Сердитый — ужас! Что-то съел.

— Вот бедняга! Меня он ругать не будет. Как-никак, я его спас. Не слышали? Он тонул в Америке. Смотрите в щелку, он просто расцветет.

Однако хозяин не расцвел, ибо его не было. Пришлось постучать по столу массивным пресс-папье и крикнуть: «Э-ге-гей!», чтобы он вернулся с балкона, где безуспешно лечил желудок глубоким дыханием.

— А, вот и вы! — обрадовался Джос. — Привет, привет.

— Явились! — сказал хозяин, не разделяя его радости.

Глава фирмы, в юности — истинный атлет, неплохо метавший молот,

с годами расплылся, но сейчас, судя по взгляду, с удовольствием метнул бы в Джоса пресс-папье. Пресловутые брови грозно сдвинулись; Джос, обладавший нервами мула, это вынес.

— Вы опоздали! — загрохотал хозяин.

— Ну, не особенно.

— Что?!

— Это вам кажется. Понимаете, когда очень ждешь, время замедляется. Страдаешь, считаешь минуты, вслушиваешься в шаги… Легко ли? Судя по слухам, вам опять нездоровится. Сочувствую, Дж. Б., сочувствую.

— На целый час!

— Что поделаешь, проспал. Я только что говорил дивной Дафне, что меня соблазнили. Ввязался в игру, изничтожил противников, как огонь поядающий.[31] Придет время, будете мной гордиться.

— Вы еще и в карты режетесь?

— Бывает, бывает. Ну, к делу. Вот новые рисунки. Не понравятся ли?

— Нет.

— Вы же их не видели!

— Мне и незачем.

Художник взглянул на него. Он любил хозяина, но сейчас склонялся к мысли, что хорошо бы стукнуть его все тем же пресс-папье.

— Знаете, Дж. Б., — сказал он, — когда вас найдут на полу, с богато инкрустированным кинжалом в области подреберья, многих заподозрят. Ох, многих!..

— Знаете, Джос, — отвечал хозяин, — вы все наглее и наглее. Если так пойдет, выгоню.

— Ну что вы! Я вас спас.

— Очень жаль. Да? — обратился он к секретарше.

— К вам пришли, сэр. Какая-то дама.

— Под вуалью, — прибавил Джос, — окутанная тяжким, таинственным запахом. Ходят и ходят…

— Вы не заткнетесь? — спросил хозяин.

— Заткнусь, если нужно.

— Фамилию сказала?

— Да. Леди Чевендер.

— Чевендер… — протянул Джос. — Есть такая леди. Интересно, та это или не та? Пусть идет.

— Ни в коем случае! — заорал хозяин, словно раненый тюлень. — Почему вы распоряжаетесь? Меня нет! Я ушел!

— Хорошо, сэр. Джос опять удивился.

— Не понимаю, — сказал он. — Если это моя леди Чевендер, она вам понравится. Хорошая тетка, что там — из самых лучших. Я ее писал.

Тут вернулась Дафна.

— Ничего не получается, сэр. Идет сюда. Хозяин заметался, крича:

— Ухожу!

— Встретитесь в коридоре, — сказал Джос, невольно испытывая жалость. — Я не совсем вас понимаю, Дж. Б., но на вашем месте предпочел бы балкон. Дверь я закрою, вас отсюда не увидят.

Совет понравился. Джеймс Бьюкенен Дафф выскочил, словно кролик, — и тут же, едва постучавшись, в комнату вплыла дама с коробкой в руках.

— Где Джимми? — сказала она.

— Вышел на минутку.

— А вы кто такой?

— Его лучший друг и строжайший критик. Вижу, вы меня забыли.

Дама извлекла лорнет.

— Черт! А вы меня — писали.

— Вот именно. Где картина?

— У сестры моего покойного мужа. Я там живу. Висит в столовой, где мы завтракаем.

— Возбуждая аппетит. Посмотришь, вдохновишься — и кинешься на яичницу с ветчиной!

— Вы все такой же бойкий. Что до ветчины…

— Странно! Мистер Дафф счел меня наглым. Я бы скорее назвал это милой легкостью манер.

— Вы у него работаете?

— Он бы ответил: «Нет». Работаю, как бобер.

— Видимо, у Джимми нелегкий характер. Женат он?

— Что вы!

— То-то и оно. Жениться надо непременно.

— О, как вы правы!

— Знаете по опыту?

— Пока что нет. Жду. Ничего, появится ОНА — мигом управлюсь. Раз — и готово!

Леди Чевендер окинула его придирчивым взглядом.

— У вас неплохая внешность.

— Это мягко сказано!

— А у Джимми? Когда мы с ним… общались, он был недурен.

— При слабом свете он и сейчас ничего. Могу изобразить. Рисунок на фирменном бланке напоминал карикатуру, но гостье понравился.

— Джимми, вылитый! — сказала она. — После нашей встречи он станет попечальней.

— Простите, не совсем понял.

— Что там, слезами обольется! Вот, смотрите. Джос заглянул в коробку.

— Вроде бы ветчина.

— Да, сходство есть. Я пришла с жалобой.

— С чем? — переспросил Джос. — С ЖАЛОБОЙ? На нашу ветчину?

— Позор для фирмы, обман для публики. Сплошное сало с ниточкой розовой резины.

— Не говорите ему! Он умрет с горя.

— И прекрасно.

— Слава Богу, его нет.

— Надолго он ушел?

— Может — на час, может — на вечность.

— Черт, опоздаю в Брайтон! Раздаю девицам призы, чтобы им всем треснуть. Скажете вы, а потом — позвоните, как он это принял. Луз Чиппингз, 803. А можете написать. Сассекс, Луз Чиппингз, Клейнс-холл. Ну, я пошла. Рада была повидаться. Да, что сказать девицам?

— «Привет, девицы».

— Неплохо, но мало. Надо продержать их полчаса и еще наставить на путь. Ладно, по дороге придумаю.

Проводив ее до лифта, Джос обнаружил, что хозяин вышел из укрытия и сидит за столом, вытирая лоб.

— Ф-фу! — проговорил он. — Еле спасся. Налейте-ка мне шерри.

— Шерри?

— Там, в шкафу.

— Пьете тайком? — заинтересовался художник. — Да, а почему вы сбежали от леди Чевендер?

Хозяин метнул в него кроличий взгляд.

— Мы чуть не поженились. Нет, что ей надо? Зачем она пришла? Оттуда ничего не слышно.

Сердобольный Джос пощадил простодушную бабочку, опрометчиво присевшую на колесо.

— Просто заглянула.

— Мы не виделись пятнадцать лет!

— Вас забыть нелегко. Как жевательная резинка — ее нет, а вкус

остался.

— Она не изменилась.

— Резинка?

— Беатрис.

— Вы рассмотрели?

— Да, в щелочку. Совершенно такая же. Глаза. Улыбка… если это улыбка. Ладно, давайте рисунки.

Джослин открыл папку и вывалил содержимое — штук десять девиц с несомненной улыбкой и непомерными глазами.

— Просто султан в гареме, — заметил он, разложив их полукругом. Хозяин придирчиво вгляделся и произнес:

— Какая гадость!

— Прелесть, вы хотели сказать. Кто их рисовал? Уэзерби? Вот это — художник!

— Опять эти мерзкие девицы, — откликнулся хозяин. — Не могу, тошнит.

— О, как я вас понимаю! — признался Джос, усаживаясь на край стола. — Но я — подневольный человек. Власти и силы не дают мне выразить себя. Не знаю, Приходилось ли вам видеть плененных орлов. Это — я. Власти велят: «Девица с зубами и глазами!» — а я рисую, совершенно не понимая, почему сытая фифа побудит купить ветчину. Что поделаешь, не моя воля!

Пока он говорил, на лице мистера Даффа появилась небесная улыбка. Брови раздвинулись, сам он приосанился, и все это означало, что его посетила новая творческая мысль. Художник прекрасно знал, что в такие минуты хозяин его — Наполеон торгового мира.

— Эй, слушайте!

— Да, Дж. Б.?

— У меня мысль.

— Я замер.

— Публику тоже тошнит от этих девиц. Надо придумать что-то новое.

— Золотые слова!

— Так вот…

— Да, да?

— Знаете, что мы сделаем?

— Назначим меня начальником рекламного отдела.

— Незачем. Работайте.

— С удовольствием.

— Вот как? Ладно, не буду томить. Вместо восторженных кретинок

мы рисуем Беатрис. Смотрит так это. Кривит губы. Надпись: «Уберите немедленно! Где ветчина ПАРАМАУНТ?»

Джос не любил хвалить хозяина, но у него просто вырвалось:

— Здорово!

— Гениально, — поправил мистер Дафф.

— Да, да. Я и сам, знаете, думал, такая дама, вроде леди Чевендер…

— Почему «вроде»? Она сама. Вы ее писали. Портрет хороший?

— И вы спрашиваете?!

— Выражение уловили?

— Еще как!

— Плакат сделать можно?

— В высшей степени. Все англичанки как одна поскачут за нашей ветчиной.

— Вот я и говорю. Значит, печатаем портрет.

Джос посмотрел на него с восторгом. У хозяина бывали идеи, но такой высоты он еще не достигал.

— Вы не шутите?

— Как можно!

— Ничего у нас не выйдет.

— Почему?

— Во-первых, она подаст в суд, сдерет много денег.

— Пускай. Спишем на ваш отдел. Реклама всегда дорого стоит.

— И вообще, как-то неудобно… Хозяин отмахнулся.

— Портрет у нее?

— У ее золовки. Она там живет. Сассекс, Луз Чиппингз, Клейнс-холл. Миссис Стиптоу.

— Пусть Дафна выяснит номер.

— Я и так знаю. Тот же Луз Чиппингз, 803.

— Позвоню из клуба. Сейчас иду к врачу. Может, что-нибудь сделает.

— Правильно. Хвост трубой. Даффы не сдаются. Только…

— Если я нужен, его фамилия — Кланк.

— Не нужны, не нужны. Никто не заметит.

— Наглее и наглее… — вздохнул хозяин.

— Только, Дж. Б., насчет портрета…

— Ничего не буду слушать.

— Я просто хотел сказать…

— Незачем. То-то в вас и плохо, слишком много болтаете. Джос пожал плечами. Он знал, что у хозяина бывают не идеи, а мании. Одержимый Джеймс Бьюкенен, как герой известной поэмы, не слышит

ничего, и вам остается очертить магический круг, приговаривая: «О, берегись! Глаза его блестят, взлетают кудри».[32]

— Что ж, дело ваше, — сказал, художник. — Помните, я вам говорил!

— О чем?

— Да так, о чем-то.

Мистер Дафф на минутку задумался, потом со вкусом крякнул.

— Давайте я вам скажу.

— Давайте.

— Шутка в том, что Беатрис не любила мою ветчину.

— Не любила?

— Да. Потому мы и разошлись. Ну, как сейчас помню! Лето, луна, мы идем по берегу. Кто-то где-то поет под гитару. Я говорю о ветчине, вдруг Беатрис ощерилась, заорала: «К черту!» — и вышла за Отиса. Да, милостив Бог, — благочестиво прибавил он.

Как мы уже знаем, Джос романтику любил. Собственно говоря, он был современным трубадуром, а потому с неприязнью взглянул на хозяина.

— Не хотел бы ранить ваших чувств, — заметил он, — но душа у вас — как у тапира, и не из самых приятных. Вам нравится холостая жизнь?

— Еще как!

— Видимо, вы нездоровы. А вот я, — мечтательно признался Джос, — только и мечтаю о девушке, которая войдет в мою жизнь, словно нежная фея, посмотрит мне в глаза и скажет: «Это — ты!»

— Бр-р-р! — произнес мистер Дафф. — Не надо. Мне станет хуже.

Когда он ушел, художник переместился в кресло, на священный престол хозяина. Немного посидев там, он резко позвонил и был очень рад, когда вбежала Дафна с блокнотом.

— Учебная тревога, недомерок, — объяснил он. — Можете идти.

Снова откинувшись в кресле, он забросил ноги на стол, все лучше понимая, что у «Даффа & Троттера», как говорится, работа непыльная. Сколько они тут пробыли, а дел — никаких. Он давно подозревал, что акулы торговли получают деньги даром.

Когда безделье уже начинало его утомлять, пришла секретарша.

— Я не звонил, — строго сказал он.

— Сама знаю.

— Вот и не шли бы. Идите к себе, я позвоню, тогда входите. Я у вас наведу порядок!

Дафна к себе не пошла, она волновалась.

— Я вам говорила!

— О чем?

— Сыщик вас видел.

— А, чтоб его!

— И настучит боссу, когда тот вернется. Джос пригорюнился.

— Чудовищно! — заметил он. — Любой врач вам скажет, что утром надо есть фрукты. Между первым завтраком и вторым. Увижу хозяина, сообщу. Где мы, в конце концов? Это магазин или лагерь?

Он бы развил свою мысль, но тут зазвенел звонок.

— Взгляните, кто там, — приказал он, проникаясь духом кресла.

— Какая-то дама, — сказала секретарша по возвращении.

— Как, еще одна? Что ж, ведите, — разрешил он, откинувшись на подушки и сложив кончики пальцев. — Могу уделить ей пять минут.

— Доброе утро, — сказала Салли.

Джос вскочил и, трепеща, опустился на прежнее место.

— Доброе утро, — выговорил он, потому что, как ни странно, это была ОНА.

Глава III

Когда ему удалось наладить дыхание и справиться с дрожью, туман немного рассеялся и прошло ощущение, что тебя ударили пресс-папье, он смог рассмотреть гостью. Прежде всего, он удивился, что она такая маленькая. Почему-то раньше он думал, что она — его габаритов, с карими глазами. Бог его знает почему. С карими, и все.

У Салли, как у миссис Стиптоу, глаза были светлые, но наводили на мысль не о плотном стекле, а о бездонном небе. Миссис Стиптоу могла пробуравить взглядом стальные доспехи, не говоря о более мягких субстанциях, скажем — о душе Говарда; у Салли взгляд был кроткий, чарующий. Во всяком случае, Джоса он очаровал.

Разглядеть глаза было легко, ибо они непомерно расширились от страха. Поборов постыдную слабость, Салли припомнила портреты на обертках, где грозный опекун ее жениха даже очень мил, — и сказала:

— Я — к мистеру Даффу. Джос закрыл глаза.

— Повторите, пожалуйста.

— Что?

— «Я к мистеру Даффу».

— Зачем?

— У вас поразительный голос. Я бы его сравнил со щебетом птиц на цветущем лугу.

— Вам это нравится? — спросила Салли, понемногу убеждаясь, что перед ней, скажем так, эксцентрик.

— Очень.

Они помолчали. Джос напоминал любителя музыки в концерте. Присмотревшись, Салли решила, что он очень милый. Сумасшедший, наверное, но — милый.

— Так можно? Джос открыл глаза.

— Что именно?

— Увидеть мистера Даффа.

— Его нет. Я не подойду?

— Нет, спасибо.

— Я — его правая рука.

— Нет, мне нужен он. Понимаете, личное дело.

— От меня у него нет секретов.

— Значит, будут, — сказала Салли, улыбнулась, и Джос закачался,

словно опять дошло до пресс-папье.

— Вы предупреждайте, — попросил он, — трубите в рог, например. Вам правда нужен Дж. Б.?

— Правда, нужен.

— Он сегодня не в духе. Нужно подкрепиться. Рюмочку шерри?

— Спасибо.

— Если мыши не выпили, оно в шкафу.

Он наполнил рюмки и с первого глотка понял, что Дж. Б. в напитках разбирается.

— Ваше здоровье!

— И ваше. А вы хороший хозяин!

— Во всяком случае, не зверь. Разве можно пустить без наркоза к этому чудовищу?

— Неужели он такой страшный?

— Вы читали «Путь паломника»?[33]

— Да, в детстве.

— Аполлиона[34] помните?

— Помню.

— Мистер Дафф. Еще выпьете?

— С удовольствием.

— Пип-пип!

— Пип-пип. Вы меня просто спасли. Очень трудное утро.

— Ходили по магазинам?

— Нанимала слугу.

— Наняли?

— Нет. Придется зайти после часу.

— А что тут трудного? Слуг много.

— Мне нужен особенный. Понимаете, мистера Стиптоу не всякий выдержит.

— Мистера Стиптоу?

— Да. Я у них живу. Мы дальние родственники.

— Не в Клейнс-холле, Луз Чиппингз, Сассекс, номер телефона — 803?

— Да. Откуда вы знаете?

— Видел сейчас леди Чевендер. Мы с ней давно знакомы. Нет, какое совпадение! Это неспроста. Чувствуешь перст судьбы.

Салли занимало другое.

— Она говорила с мистером Даффом?

— Нет.

— Слава Богу!
— Почему? Я не любопытен, конечно…
— Это я заметила.
— Так почему же?
— Как хорошо, что вы не любопытны!
— Да, с детства такой. Еще рюмочку?
— Спасибо.
— Хей-хей!
— Хей-хей.

К дуэту присоединился Джеймс Бьюкенен Дафф, внезапно появившийся в дверях. Походил он не столько на благодетеля, сколько на врага рода человеческого.

Старый верный Кланк немного помог ему, но тело — ничто, когда скорбит душа. Скорбела она, прежде всего, из-за неудачи с портретом — хозяйка холодно сказала, что никогда и ни за что его не продаст, и еще холоднее выразила возмущение. После этого сыщик поведал о краже. Теперь, в довершение бед, он застал в своем кабинете дикие бесчинства. Догадавшись, что пьют, к тому же, его собственное шерри, он закричал: «Эй!» А что тут еще скажешь?

Пирующие встрепенулись. Салли, стоявшая к двери спиной, высоко подпрыгнула, Джос поджался. Догадавшись, что действовать надо побыстрей — они уже говорили с хозяином о греховности краж, — он решительно к нему шагнул, встряхнул за плечи и заорал:

— Эт-то что такое?! Где порядок? Р-распустились у меня! Простите, — кивнул он гостье, — мой служащий. Я сейчас.

И, вытолкав хозяина, вышел сам, плотно прикрыв дверь.

Глава IV

Разговор в коридоре долгим не был. Мистер Дафф временно онемел, Джос спешил к Салли.

— Дж. Б., — осведомился он, — разорвать вас на части? Мистер Дафф никогда не слышал о том, чтобы служащий рвал на части хозяев, но художники — особые люди, что им прецедент!

— Если да, — продолжал Джос, — я скажу, как этого добиться. Зайдите в кабинет и накричите на меня при этой девушке. Не думайте, что я буду кивать и дрожать. Переломаю все кости. Возвращайтесь потом к врачу.

Мистер Дафф обрел речь.

— Эй!

— Да?

— Вы уволены.

— Хорошо.

— Нет, правда уволены!

— Ладно, ладно. Некогда мне с вами болтать. И он вернулся в кабинет.

— Простите, — сказал он там, — абсолютно беспомощны! Чуть что — «Где мистер Уэзерби?», «Спрошу у мистера Уэзерби», «Пойду…» и так далее. Как дети! Я был слишком строг с бедным Уопшотом…

— С Уопшотом?

— Да. Это П. П. Уопшот, начальник паштетов и колбас.

— Как странно!

— Почему?

— Вылитый мистер Дафф.

— Вы же его не видели.

— Видела, на обертке.

— Вот как? Не учел. Да, это мистер Дафф.

— Что же такое было?

— Он меня выгнал. Знаете, я это предчувствовал. Видимо, очень тонкая душа. У меня, не у него.

Салли резонно боялась, что сердитый Дафф не станет сочувствовать юной любви, но сейчас забыла о себе. Этот полоумный симпатичный человек пострадал из-за нее, и она его пожалела.

— Какой ужас!

— Да. Для него.

— Зачем вы это сделали?

— Пришлось. Понимаете, когда я шел сюда, я взял немного винограду. Сейчас он стал бы о нем говорить, а кстати — и о шерри. Язык у него подвешен, но вы бы во мне разочаровались. Когда он вошел, вы как раз думали: «Какой очаровательный человек! В жизни такого не встречала». Две минуты с ним — и вся моя прелесть съежилась бы, как улитка.

— Что же вы будете делать?

— В смысле работы? Поступлю к мистеру Стиптоу.

— Господи!

— Вы же сами сказали, место свободно.

— Ему нужен лакей!

— А чем я плох?

— Ну, вообще.

— Неужели вы мне отказываете? Из-за вас меня выгнали. В конце концов, на свете есть нравственные обязательства. Еще шерри? Воспользуемся напоследок гостеприимством Дж. Б.

Салли покачала головой. Она думала. В бюро ей предлагали каких-то недоразвитых лакеев или уж очень робких, хрупких, с собачьими глазами. Наверное, они прекрасно гладят и чистят брюки, но справиться с Говардом Стиптоу — нет, это не для них. Если она вернется туда после часу, перед ней снова пройдет вереница кроликов.

Кроме того, она легко смеялась и с удовольствием предвкушала реакцию мистера Стиптоу на странности нового лакея.

— Что ж, — сказала она, — если вы не шутите…

— Конечно, не шучу! — вскричал Джос. Чтобы не потерять эту девушку, он бы нанялся судомойкой. Когда приходит любовь, мужчины из рода Уэзерби готовы на все.

— Вы помните, что я говорила про нашего хозяина?

— Помню. А что вы говорили?

— У него тяжелый характер.

— Да?

— Да.

— Понятно. Значит тяжелый. Это ничего. После Дж. Б. всякий характер легок. Отдохну. Не зайти ли нам в кафе?

— Я не могу. Мне надо поговорить с мистером Даффом.

— Да, да, забыл. Сейчас пошлю его к вам.

Мистер Дафф стоял в коридоре и мечтал о том, как хорошо было бы

содрать с Джоса шкуру.

— Эй! — сказал Джос. — Идите сюда.

— Вы не забыли, что уволены? — проверил на всякий случай мистер Дафф.

Глава V

Когда он вошел в кабинет, Салли судорожно глотнула, словно ей пустили за шиворот холодной воды. Примерно так чувствовала себя хрупкая христианка, глядя на льва, ступающего по арене.

Однако чувства эти быстро сменились материнской жалостью. Мистер Дафф явственно страдал. Лицо его странно двигалось.

Лев среди мужчин, он страшно боялся женщин. Обычно он избегал их, а в крайнем случае использовал мудрую тактику гусеницы, из которой, при благоприятных обстоятельствах, родится одна из видных представительниц Lepidoptera:[35] по свидетельству авторитетов, «перед лицом опасности» она «строит устрашающие гримасы». Гримасам способствовали брови. Но Салли казалось, что он страдает, и она его пожалела.

— Налить вам шерри? — спросила она, припомнив, как помог ей этот напиток.

Это уже было чересчур нагло, но он взял себя в руки: если не умеешь брать себя в руки, не станешь королем. К тому же, шерри бодрит.

— Спасибо, — буркнул он.

— Сразу станет легче.

— Почему вы думаете, что мне трудно?

— Вас мистер Уэзерби огорчил.

— Мерзавец.

— Мне он понравился.

— Берите, не держу.

— Такой забавный.

— Ничего забавного не вижу. Вот что, хватит о нем. Собственно, кто вы такая?

— Моя фамилия Фэрмайл. Я к вам по делу.

— Да?

— Да.

— По какому, разрешите узнать?

— Меня просил лорд Холбтон. Мы… Он у нас гостит.

— Давно о нем не слышал. Думал, его уже нет в живых. А где это «у вас»?

Салли стала сдержанней и удивилась, почему этот человек показался ей милым.

— В усадьбе Клейнс-холл, — отвечала она.
— Вот как? Странно. Вы знакомы с леди Чевендер?
— Конечно.
— Портрет видели?
— Еще бы!
— Какой он?
— Хороший.
— Губы она кривит?
— В высшей степени.
Мистер Дафф блаженно вздохнул.
— Кто вам рассказал о портрете? — спросила Салли.
— Уэзерби, кто же еще! Он его писал.
— Значит, он художник?
— Да.
— А я все гадала, кто он.
— Могу сказать. Мерзавец.
— Наверно, он очень умный.
— Поговорим о Джордже Троттере.
— О Джордже Холбтоне?
— Ладно, Холбтоне. Отец всю жизнь был Перси Троттер. Наверное, этот глист послал вас ко мне за деньгами?
— Да.
— Почему он сам не явился? Этого вопроса она не ожидала.
— Он себя плохо чувствует.
— А что такое?
— Э… а… горло.
— Не удивляюсь. Он все поет?
— Да.
— Если это пение. Скорей похоже на утечку газа. «Но только Бог, один лишь Бо-о-ог, способен дерево создать». Тьфу! В приличном обществе за это убивают на месте. Кстати, при чем тут вы?
— Я выхожу за него замуж.
— Вас надо показать психиатру. Салли совсем поджалась.
— Что же это такое?! За Джорджа! Вы что, наследница?
— Нет.
— Тогда ничего не выйдет.
— Мне пора, — сказала Салли.
Мистер Дафф не возражал, но, когда она взялась за ручку, затрясся, как бланманже, и крикнул:

— Эй!

Салли обернулась. Нос у нее был маленький, но она по мере сил воспроизвела выражение лица, свойственное леди Чевендер.

— Я все сказала, — напомнила она.

— А я не все.

— Вы же не даете денег.

— Так — не дам, в обмен — пожалуйста.

— Что вы имеете в виду?

— Присядьте на минутку. Салли присела.

— А теперь слушайте. Я расскажу вам одну историю…

Глава VI

Солнце с раннего утра сияло и над усадьбой, и над всей округой. Птицы щебетали, пчелы жужжали, другие существа издавали другие звуки. Несмотря на все это, Джордж, второй барон Холбтон, радости не чувствовал. Он ждал вестей.

Когда миссис Стиптоу сообщила, что звонил мистер Дафф и предлагал совершенно дикие деньги за портрет леди Чевендер, тревога его не улеглась. Если опекун спятил, все еще хуже. Трудно вытянуть деньги, когда он в своем уме; что же говорить о таких, отягчающих, обстоятельствах?

День шел, тревога росла. Салли задерживалась. Когда он услышал шум колес, состояние у него было отчасти такое, как у известной Марианны,[36] отчасти как у жрецов Ваала,[37] втыкающих в себя ножи.

Услышав упомянутый шум, он повернулся, глаза его заблестели. К воротам подъезжала двухместная машина. Но блеск угас, ибо в ней сидел незнакомый, хотя и приятный человек, который помахал ему рукой и направился к дому.

Подумав немного о том, почему он не слышал о новом госте, лорд Холбтон оставил эти проблемы и снова принялся ходить. Тени уже удлинялись, когда приехала Салли; они — удлинялись, а он был явственно сердит.

— Наконец-то!

— Ты думал, я раньше приеду?

— Естественно.

— Очень много дел.

Тон у нее был веселый, и он оживился. Никакая девушка, думал он, не будет говорить таким тоном, если ей отказали.

— Ну, как?

— Все в порядке.

— Деньги дал?

— Не совсем.

— В каком смысле?

— Ну, в руки не дал.

— Пошлет по почте?

— Нет. Но все в порядке. Я лучше расскажу, что было.

— Расскажи, — сказал лорд Холбтон, сгоравший от любопытства.

Салли огляделась.

— Нас не подслушивают?

— Нет.

— Кто их знает. Сядем в машину, поездим немного.

— Что за тайны?

— Сейчас поймешь.

Они поехали к Чиппингу и остановились у пруда, в чистом поле.

— Знаешь, — сказала Салли, — я встретила очень странного человека.

Лорд Холбтон не интересовался странными людьми.

— Что сказал Дафф?

— Ну, сперва кричал. Он тебя не очень любит.

— Он никого не любит.

— Ты думаешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас узнаешь. Значит, он кричал. Я обиделась, побежала, и тут он говорит: «Эй!» Я остановилась.

— Зачем?

— Стала слушать. Много лет назад он любил девушку. Она вошла в его жизнь, словно нежная фея.

— Это Дафф сказал?

— Да.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Видимо, напился.

— Ничего подобного, хотя мы пили шерри. Его взял из шкафа мистер Уэзерби.

— Это еще кто?

— Странный человек, я тебе говорила. Можешь себе представить, он…

— Ты рассказывай. Как же с деньгами?

— Да, так мистер Дафф любил эту девушку, и они поссорились. Но он ее любит! Пятнадцать лет, ты подумай! Я чуть не плакала. Бедный такой, одинокий. Конечно, ты знаешь, кто это?

— Понятия не имею.

— Знаешь. Она сама говорила. Леди Чевендер.

— Да? — отозвался лорд Холбтон. Это объясняло, зачем ему нужен портрет, но и только.

— А как же с деньгами?

— Я к ним и веду. Портрет висит здесь, а миссис Стиптоу не может

его продать, боится ее обидеть. Мистер Дафф страшно страдает.

— А деньги, деньги как?

— У него голос дрожал.

Голос задрожал и у нее. Если девушку может пленить человек, поющий романсы, она чувствительна, а значит — ее нетрудно растрогать.

— Знаешь, что он сказал?

— Про деньги?

— Про картину. Она должна быть у него. Как угодно, а должна. Я говорю: «Что можно сделать?», а он говорит: «Украсть».

— Украсть?!

— Я сказала: «Какая прекрасная мысль!»

— Ты? Сказала?

— Да. Понимаешь, тогда он даст деньги. Это очень легко. Он же не просит грабить банк. Когда никого нет, вынешь картину из рамы и спрячешь под пальто.

— Вот как? — спросил лорд Холбтон. Он знал, что реплика слабовата, но лучшей не придумал.

— Я отстояла одно, — продолжала Салли. — Он хотел, чтобы ты отвез ее в Лондон, но я сказала, что ты очень тонкий, тебе нельзя волноваться. В общем, решили отнести ее в «Розу и корону». Он там остановится.

— Вот как?

— Значит, все очень легко. Нельзя его обмануть, он так страдает. Когда я сказала: «Прекрасная мысль», он просто ожил.

Лорд Холбтон молчал. Нет, не безнравственность видных торговцев сковала его уста; он думал о том, не сделал ли он ошибки, связав судьбу с девушкой, которой кажется прекрасной такая мысль.

Глава VII

Машина, проехавшая мимо лорда Холбтона, приближалась тем временем к дому, и вскоре Чибнел, печально пивший чай, услышал звонок.

Несмотря на спокойное достоинство, он знал силу страсти, а потому — страдал, и вот по какой причине: заглянув поутру в «Розу», чтобы выпить рюмочку, он увидел, что его невеста поправляет галстук какому-то типу. Не в первый раз замечал он в ней прискорбную склонность к кокетству, но ничего не сказал и удалился, собираясь написать неприятное письмо.

Звонок напомнил ему, что есть и другие проблемы. Чай пил влюбленный; двери пошел отворять человек долга.

— Добрый день, — сказал гость, с виду — очень приятный.

— Добрый день, сэр.

Джосу Уэзерби усадьба понравилась — и старые стены, и яркие клумбы, и зеленые лужайки, и птицы, и пчелы, и все прочее. Чибнела он полюбил как брата. Тот в жизни своей не видел такой лучезарной улыбки.

— Миссис Стиптоу дома? — спросил Джос.

— Да, сэр.

— Какой день хороший!

— Да, сэр.

— Вы часом не знаете, кто это там ходит? Лицо красноватое, волосы кремовые.

— Нет, сэр.

— Жаль. Мне он понравился.

Чибнел тем временем спустился с крыльца и взял из машины багаж. Как и лорд Холбтон, он удивился, что ничего не знает о госте.

— Спасибо, — сказал тот.

— Я отведу машину в гараж, сэр.

— Правда?

В приливе благодарности Джос вынул пятифунтовую купюру и протянул ее Чибнелу.

— Спасибо вам, сэр! — воскликнул дворецкий, думая при этом: «Вот это гость так гость!..» Слишком многие довольствовались пятью шиллингами и улыбкой. — Спасибо большое.

— Не за что, не за что.

— Вот сюда, сэр. Миссис Стиптоу в гостиной. И они пошли туда,

оживленно болтая.

Миссис Стиптоу сидела в гостиной не потому, что решила отдохнуть. Впервые после приезда она давала бал и собиралась проверить список гостей, ибо ее томило чувство, что она может упустить какую-нибудь фею Карабос.[38]

Когда Чибнел негромко сказал: «Мистер Уэзерби», она поняла, что чутье знает свое дело. Среди гостей на «У» такого человека не было, в то время как безукоризненный вид и безупречные манеры свидетельствовали о том, что он есть.

Она была слишком сильной натурой, чтобы задрожать, но голос ее чуть-чуть подрагивал, когда она проговорила:

— О, как я рада! Здравствуйте, мой дорогой.

— Здравствуйте, — откликнулся таинственный Уэзерби.

— Прелестная погода!

— Просто дивная.

— Присаживайтесь. Спасибо, что нашли время.

Гость присел. Хозяйка поняла, что разговор будет нелегким.

— Откуда вы сейчас? — спросила она, предполагая что-нибудь выведать.

— Из Лондона.

— Вот как?

Они помолчали. Джос огляделся, любуясь уютом и роскошью, и подумал: «Да, здесь жить можно», еще не догадавшись, что лакеи в гостиных не живут.

— Жарко в городе, — снова начала хозяйка.

— Не без того.

— Хорошо выбраться за город!

— Куда уж лучше.

— Какие места вы особенно любите?

— Абсолютно все. Это же Коро![39]

— Простите?

— Вот, на стене.

Джос встал. Хозяйка растерянно сказала:

— Да?

— Да. Итальянский период. Какая легкость! Сколько воздуха!

— Да?

— Да. А композиция? Спокойно, сильно, но не броско. Нет, не броско. Цветовая гамма…

— Чаю не хотите? — осведомилась хозяйка.

Голос ее показался Джосу немного напряженным, и он впервые подумал, что допускает какую-то ошибку. Казалось бы, что может быть лучше, чем поболтать о барбизонцах[40] — но нет, что-то барахлит, иначе не скажешь. И тут он понял: да, конечно, здесь — хорошо, но у лакеев есть свои обязанности. Они непременно употребляют одно волшебное слово. Поэтому он сказал:

— Спасибо, мадам.

Миссис Стиптоу заморгала, но взяла себя в руки.

— Муж его почти не пьет, — сообщила она, — а я ни за что не пропущу. Прелестный обычай!

— О, как вы правы, мадам!

— Восстанавливает силы.

— Совершенно верно, мадам. Миссис Стиптоу растерялась.

— Теперь так принято? — спросила она.

— Мадам?

— Совсем как в старинных книгах. Очень мило, не спорю, но как-то странно, будто говоришь с лакеем.

— Я и есть лакей, мадам.

Миссис Стиптоу заподозрила, что этот очаровательный, воспитанный человек немного выпил.

— Боюсь, — сказала она, — что вы сочтете меня туповатой, но я не поняла вашей шутки.

— Я не шучу, мадам. Меня наняли для вашего супруга.

— Что?! Кто?!

— Мисс Фэрмайл, мадам.

Миссис Стиптоу дала бы выход своим чувствам, и весьма красноречивый, если бы не встретилась взглядом с новым слугой. Именно этот взгляд год за годом побеждал мистера Даффа. Победил он и хозяйку. Она умела признавать чужую силу.

При всей своей практичности, она могла помечтать, и с самого возвращения мечтала о железном лакее, который сумел бы скрутить Говарда. По всей видимости, мечта сбылась, лакей явился. Еще мгновение назад она была очень похожа на змею, готовящуюся к атаке; сейчас бы мы сказали, что змея решила подождать до выяснения обстоятельств.

— Да? — проговорила она.

— Да, мадам.

— Почему Чибнел не отвел вас к слугам?

— Не знаю, мадам.

— Ну, раз вы здесь…

— Вот именно, мадам. Я вижу, вы намерены дать мне особые инструкции. — Джос тактично покашлял. — Мисс Фэрмайл намекала, что мистер Стиптоу… сложная натура.

Именно это хозяйка хотела обсудить.

— Он груб с лакеями, — сказала она.

— Да, мадам?

— Да. Груб. Швыряет в них всякие вещи, а они уходят. Только один выдержал две недели, но и он ушел. Понимаете, не понравилось, что мистер Стиптоу ткнул носом в манишку…

Джосу это как раз понравилось, и он спросил:

— Ваш супруг очень гибок?

— Что? Гибок? Нет, вы не поняли. Не своим носом, лакея. Тот положил накрахмаленную манишку, а мистер Стиптоу их не любит. Он и ткнул.

— Вот как, мадам?

— Да. Вы не боитесь?

— Ни в малейшей мере. Я уже служил у сложной натуры.

— И все обошлось?

— Как нельзя лучше, мадам.

Теперь миссис Стиптоу напоминала змею, которая собралась провести вечер в кругу родных и близких. Перед ней был ОН, сверхлакей ее мечты; и она решила перед ним не таиться.

— Я очень рада, — сказала она. — Мне кажется, вы справитесь. Понимаете, иногда бывает… Это строго между нами.

— Конечно, мадам.

— Так вот, у мистера Стиптоу совершенно нет достоинства. Я никак ему не втолкую, что теперь он обязан поддерживать сословную честь. Только вчера я застала его, когда он играл в кости с моим шофером.

— Ай-я-яй, мадам!

— Вот именно. Слышу, кто-то кричит: «Пять-шесть, знайте честь!» — а это он.

— Какой ужас, мадам!

— Не хочет переодеваться к обеду. Воротничок ему натирает! Понимаете, он вырос в другой среде. До нашей свадьбы он видел воротничок только у рефери.

— Мистер Стиптоу занимался боксом?

— Да. Я встретилась с ним в Голливуде. Он как-то не стал чемпионом…

Это Джосу понравилось, все ж вернее.

— …но вы же знаете боксеров. В общем, полагаюсь на вас. Сегодня мы ждем гостей, так, человека два-три, а мистер Стиптоу может выйти в свитере. Я позвоню Чибнелу, он вам покажет вашу комнату. Располагайтесь.

— Спасибо, мадам.

— Да, и ноги, ноги! Он может выйти в шлепанцах.

— Буду следить, мадам. Ничего не упущу.

— Я в этом уверена! Чибнел, вот Уэзерби, новый лакей мистера Стиптоу. Покажите ему его комнату.

Мы уже заметили, как страдает хозяйка, если примет слугу за знатного гостя. Дворецкий страдает вдвойне, ибо не в силах вынести, что назвал подчиненного «сэром». Едва закрыв за собой дверь, Чибнел обернулся к Джосу. Одни лишь фунты, прижившиеся у него в кармане, мешали прибегнуть к насилию.

— Что ж вы раньше не сказали? — прошипел он.

— Да вы не спросили.

— Нет, подъехать к самому входу, будто лорд какой-нибудь!

— Думаете, faux pas?[41] Вероятно, вы правы. Куда мы идем?

— В ваши покои, милорд, — отвечал Чибнел, склонный к сатире, но обычно перегибавший палку. — Вы часом не устали, милорд? Тогда идите за мной, если вам не трудно.

Оставив позади край ковров и кресел, они вступили в безотрадную зону голых лестниц и кухонных запахов. Словно Данте, следующий за Вергилием, Джос ощутил, что дух его слабеет; когда же вожатый открыл дверь в каморку с железной кроватью, неподалеку от которой стояли щербатый таз и надбитый кувшин, он решительно замотал головой.

— Нет, нет и нет, — сказал он. — О, нет!

— Pardon, милорд?

— Это не годится. Получше ничего не найдете?

— Может быть, с ванной?

— Естественно. Две-три неброские гравюры, хорошее кресло… нет, два кресла, вы же будете ко мне заходить. Покурим, поболтаем…

Чибнел чуть не задохнулся, издавая при этом звук, который навел Джоса на здравую мысль.

— Да, кстати, — сказал он, — вы не нумизмат? Некоторые коллекционируют банкноты.

Чибнел-человек довольно долго боролся с Чибнелом-дворецким. Человек победил.

— Спасибо.

— Не за что. Понимаете, миссис Стиптоу просто требует, чтобы мне было здесь хорошо. Зачем ее огорчать? Скажу к слову, что я не всегда был лакеем. До недавних пор я жил в изящной, что там — роскошной обстановке. Вассалы и рабы неслись на мой зов. Имени своего я не открою, вы могли бы вычислить титул моего отца, а я бы этого не хотел, несмотря на то, что он лишил меня крова и средств к пропитанию. Почему, спросите вы? Потому, что я отказался соединить свою судьбу с той, кого он выбрал.

Свет вспыхнул во тьме. В отличие от Веры Пим, Чибнел любил романы из великосветской жизни и знал такие случаи. Именно они описаны в «Гиацинтах», в «Марке Деламере» и в «Отдам весь мир».

— Да, сэр? — выговорил он.

— Да. Поэтому я немного разборчив.

— Естественно, сэр.

— Кто у вас распределяет комнаты?

— Экономка, сэр.

— Она не подыщет чего-нибудь эдакого?

— Подыщет, сэр. Комнаты для гостей почти все пустуют.

— Что ж, ведите меня к ней. Нет, соберите всех слуг, я бы хотел к ним обратиться.

Примерно через полчаса, когда Джос сидел в гостиной для прислуги, играя в бридж с миссис Барлоу (экономкой), миссис Эллис (кухаркой) и Чибнелом, раздался звонок, и такой, словно кто-то изо всех сил давит на кнопку большим пальцем.

— Это хозяин, — объяснил Чибнел.

Джос вздохнул. У них с партнером дела как раз пошли очень хорошо.

— Ах, не вовремя! — посетовал он. — Что ж, покажите мне дорогу.

Когда они достигли цели, дверь была закрыта, а за ней шагал то ли слон, то ли хозяин. Чибнел посмотрел на Джоса с почтительным состраданием. Он видел лакеев, входивших в эту комнату и выходивших из нее неверными шагами, словно они побывали на банкете.

Наскоро пожав руку идущему на смерть, он бесшумно удалился. Джос толкнул дверь и вошел, подозревая, что разговор будет трудным. Мистер Стиптоу не светился радостью. Собственно, он не светился с самого приезда. Как мы заметили еще утром, он скорбел и страдал.

Когда богатая вдова, пленившая его своей прелестью, вырвала Говарда («Балбеса») Стиптоу из привычной среды, он было обрадовался — и тут же понял, что угодил прямо в ад, где кишат лакеи, не говоря уже о воротничках, приемах, местной знати и обществе лорда Холбтона. Именно

это и называют печальным пробуждением.

Сегодня он разводил пары с той минуты, когда узнал о предложении Даффа. Если тебе позарез нужны деньги, а твоя жена отказывается продать за дикую сумму портрет, который ты оценил бы шиллингов в тридцать, ты рассердишься при всей твоей кротости. Мистер Стиптоу кротким не был.

К довершению бедствий, полчаса назад Салли сказала про лакея. Он думал, что их больше не будет; и теперь — ждал.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Джос. — Вы звонили? Пальцем, очень похожим на банан, мистер Стиптоу ткнул в белоснежную рубашку.

— Эй, вы!

— Сэр?

— Видали?

— Да, сэр.

— Рубашка.

— Вот именно, сэр.

— Уберите, а то забью в глотку!

Миг настал. Глядя на хозяина, Джос произнес:

— Стиптоу, вы ее наденете.

Глава VIII

Воцарилась тишина. Громоздкое тело хозяина скрутила судорога. Правда, кулаки он сжал.

— Что? — выдохнул он, сопя перебитым носом. — Чего говоришь?

— Наденете, — повторил Джос, заходя для верности за кресло и прихватывая со стола дорогую, крепкую вазу.

— Р-разорву.

— Ах, какая чушь! На что я вам в разорванном виде? Мистер Стиптоу горько усмехнулся.

— Остришь? — сообразил он. — Какой умный нашелся!

— Так я и знал, что вы это скажете.

— Знал?

— Да. Или «какой смелый». Кстати, у меня расписки, кухарка дала.

— О-ы!

Мистер Стиптоу покачнулся. Примерно неделю назад, в корыстных целях, он стал учить своих слуг игре в кости и, на свою беду, обнаружил у кухарки исключительный талант. Как раз сегодня он уговорил ее взять еще одну расписку, всего же задолжал шесть фунтов восемь шиллингов два цента.

— Страшно подумать, — прибавил Джос, — что скажет о них миссис Стиптоу. Дрожу при одной только мысли.

Задрожал и хозяин. Правление жены, хотя и деспотическое, его не очень тяготило. Он мог тыкать лакеев в манишку, не ожидая ничего более страшного, чем «О, Говард!» Простила она и игру с шофером; но это был предел. Одна мысль о том, что, не получив денег, лучшая кухарка в Сассексе заявит об уходе, разбудила бы в любящей жене уснувшую тигрицу.

— Предвидя, — говорил Джос, — что вы проявите твердость, я их выкупил. Обошлись они мне до смешного дешево. Слуги не верят в вашу платежеспособность. — Он помолчал. — Итак, рубашку вы наденете.

Хозяин рухнул в кресло, сжимая руками голову. Джос его пожалел.

— Ну, ну! — сказал он. — Немного разума, чуть-чуть кротости, и я вас не обижу. Как это вам удалось так проиграться? Видимо, плохо играете. Надо вас подучить.

Мистер Стиптоу поднял голову.

— А вы умеете? — выговорил он. Джос рассмеялся.

— Это интересно! Многие улыбнулись бы вашим словам. Насколько я понимаю, вы — новичок.

— Нет!

— Значит, порочный метод. Скажем, что вы кричите? Человек вы консервативный, что слышали в детстве — то и приняли. Я не удивлюсь, если вы способны крикнуть: «Пять-шесть, почту за честь».

— А что такого?

— Помилуйте! Кости выше этого. А главное, не играйте с кухарками. Практически все до единой — мастера. Ограничьтесь знатью. Я бы подготовился к приему, о котором столько толков.

— То есть как?

— Так. Уведите лордов за конюшню и — к делу!

— А ведь правда!

— Улов обеспечен.

— Мне много надо…

— Почему? Есть особые потребности?

— Ха-ха! — мистер Стиптоу воровато огляделся. — На дорогу в Голливуд.

— Сердце в горах?[42] Говорят, вам не очень везло. Напоретесь опять на превосходящую силу…

— Ха-ха! Да я одной левой…

— Я слышал, было иначе.

— От кого?

— От вашей жены.

— Бабы в этих делах не разбираются. Рефери подкупленные, вот и все. Да я вообще не для бокса еду. Я снимался.

— Да?

— Да. Такая, знаете, картина, все друг друга бьют. Подходит ко мне один тип и говорит: «Эй, ты!», а я ему тоже: «Эй, ты!» — и хрясь по морде. Потом еще один. Ну, много, штук пять, и всем — в рыло.

— Вероятно, Кларк Гейбл[43] был занят?

— И тут — она! Вы подумайте, только я начал сниматься…

— Многие говорят, что искусство и брак несовместимы.

— Все к собакам! Сейчас мой типаж в ходу. Уоллес, понимаете, Бири, Эдвард Робинсон… А Макси Розенблум![44] То-то. Боксер, как я, а теперь — ого-го!

— Макси был чемпионом.

— Интриги. В общем, снимался я вовсю, а тут — Мейбл. На дорогу

денег нету…

— Ничего, два урока — и будут. Графы уедут домой в нижнем белье.

Мистер Стиптоу глядел на Джоса с почтением и любовью.

— Верно! — сказал он.

— Куда уж вернее. А теперь смотрите, какой я хороший, вы таких и не видели. Прошу!

— О-ы! — вскричал хозяин, принимая расписки.

— Прекрасно. Лезьте в рубашку.

— Лезть?

— Да. Будут гости.

— Морды надутые!

— Чем надутей морда, тем белей рубашка. Основной закон общества. Ну, Стиптоу, — р-раз!

— Что ж, если надо…

— Молодец! — Джос взглянул в окно. — Pardon, мне пора. Выйду в сад по одному дельцу.

Глава IX

Салли переоделась пораньше, чтобы еще до обеда погулять в саду. Усадьбу окружал ров, и она хотела отдохнуть у воды после лондонского зноя.

Опершись о низкую ограду и созерцая рыб, сновавших среди водорослей, она почему-то думала о Джосе. В конце концов, она ввела его в общество слуг и отвечала за результаты. Освоился ли он? Не подвела ли излишняя живость? Слуги суровы, они не прощают промахов.

Слава Богу, хозяйке он понравился. Тетя Мейбл с несвойственным ей восторгом говорит о его спокойной силе, уповая, что на балу «у Говарда будет пристойный вид».

Услышав «Пип-пип!», Салли обернулась и увидела предмет своих раздумий. Лакеи не гуляют под вечер в саду, но он этого не знал.

— Вот вы где! — заметил он. — В неверном предзакатном свете я чуть не принял вас за нимфу.

— Вы всегда кричите нимфам «Пип-пип»?

— Практически всегда.

— А вот лакеи не кричат.

— Очень жаль. Надо же начать беседу.

— Миссис Стиптоу лучше кричите «Пип-пип, мадам».

— Или «Пип-пип, хозяйка».

— Да, это патриархальней.

— Спасибо, учту.

Он помолчал, глядя на рыб. Стояла тишина, только где-то позвякивали колокольчики, да за одним из окон хриплый голос пел какую-то песню. Несмотря на рубашку, мистер Стиптоу был доволен, мало того — счастлив.

— А тут красиво, — сказал Джос.

— Не без того.

— Земной рай. Правда, мне понравится и газовый завод, если там вы. Стихи, душистый хлеб, кувшин вина…

Салли цитату опознала и перевела разговор.

— Как вы устроились?

— Лучше некуда. Так вот, кувшин вина и тихий сад, где ты царишь одна…

— Я хотела спросить не про сад, а про гостиную для прислуги.

— Безоговорочный успех.

— Главное — подлизаться к Чибнелу.

— Ест из рук, иначе не скажешь.

— Да?

— Да. Мы — как Макс и Мориц.[45] Духовная дружба. Через полчаса я знал о нем все. Вы слышали, что он женится на барышне из местной гостиницы?

— Нет.

— Видимо, скрывают. Сегодня он застал ее в тот момент, когда она поправляла галстук какому-то посетителю. «О ты, любовь! — подумал он. — Тяжка твоя рука, коварны женщины…», и решил написать, что все кончено.

— Вы за?

— Я против. Если служишь в баре, ты обязан поправлять галстуки. Профессиональный жест. Я знаю людей и смело предположу, что посетитель тут же спросил пива.

— Это верно. Чибнел успокоился? — О да! Завтра ведет меня к ней.

— Мистер Стиптоу тоже успокоился. Это он поет?

— Он. Мои слова взбодрили его, как шерри… Кстати, допили вы бутылку?

— Почти.

— Разговор получился?

— Да, спасибо.

— Забыл, о чем вы говорили?

— Упражняйте память. А как другие слуги?

— Едят из рук.

— Хорошую комнату дала миссис Барлоу?

— Самую лучшую.

— Вам будет удобно?

— Не то слово!

— А как вы справитесь с работой? Гладить умеете?

— Вы коснулись больного места. Нет, не умею. Но не тревожьтесь. Я созвал слуг, и мы все обсудили. Они работают, я — плачу. Техническую сторону берет на себя Томас. Питанием займутся дамы. Моим, разумеется. Люблю выпить чаю в неурочное время, съесть бутербродик. Виски и содовую будет поставлять Чибнел.

Салли невольно подумала, что Джорджу не хватает такой предприимчивости. Может быть, ей показалось, но он как-то замялся, когда речь зашла о портрете леди Чевендер.

— Кем вы были? — спросила она. — Главой крупной фирмы? Нет, помню, художником. Я сперва подумала, что вы партнер какой-нибудь.

— Вас обмануло мое спокойное достоинство. Нет, партнером я не был, я рисовал рекламу. Скажем, ветчины.

— Ой!

— Мне и самому не нравится.

— Мистер Дафф сказал, вы писали этот портрет.

— И не солгал.

— Почему же?..

— Чтобы писать портреты, нужны заказчики. Чтобы пришли заказчики, нужно имя. Чтобы обрести имя, нужны портреты. Порочный круг.

— Да уж, порочный.

— Порочней некуда. Но хватит обо мне. Какое красивое

платье!

— Спасибо.

— Видимо, из тумана и лунного света. Туман, свет — и вы. Поразительно! Когда вы вошли в кабинет, я решил, что венец творения — синий костюм. И ошибся. Где предел, интересно? Нет, дело не в костюмах, дело — в вас. Кстати, вы верите в любовь с первого взгляда?

Салли опять показалось, что тему стоит изменить.

— Вон там, на острове, — сказала она, — утки вьют себе гнезда.

— Их дело. Так верите?

— Во что?

— В любовь с первого взгляда. Чибнел — верит. Появилась какая-то машина и направилась к дому.

— Мне пора, — сказала Салли.

— Нет.

— Да. Гости едут.

— Надутые морды, мне сам хозяин объяснил.

— До свидания.

— Вы уходите?

— Да.

— Что ж, договорим завтра. Кто же это влюбился с первого взгляда? Не Чибнел, кто-то еще. Где вы гуляете по утрам?

— Я не гуляю. Я работаю.

— Работаете?

— Да. Иду к кухарке…

— Не играйте с ней в кости.

— Хорошо, не буду. Ставлю цветы, расчесываю собачку…

— Я вам помогу.

— Нет.

— Почему?

— Придерутся.

— Лакеи не расчесывают собачек?

— Вот именно.

— Ах уж эти социальные различия! Сколько можно терпеть? Помню, сказал я об этом Марксу, а он книгу написал. А, вот, Ромео!

— Простите?

— Влюбился с первого взгляда, как Чибнел или…

— До свидания.

Глава X

Мистер Дафф беседовал с Салли во вторник. Наутро, в среду, он сидел в баре «Розы и короны».

Можно сказать, что мхом он не обрастал. Салли вернулась в половине пятого, а ровно в семь король ветчины прибыл на станцию Луз Чиппингз. Место это он осудил, едва на него взглянув. Ему вообще было плохо.

Небольшие города (в данном случае — 4916 жит.) хороши, если они вам нравятся, но у мистера Даффа были другие вкусы. Да, с его приездом население достигло четырех тысяч девятисот семнадцати, однако это его не утешило. Словно певец, наряженный негром, он стремился домой, ах, домой, то есть — в Лондон.

Утром в баре захолустной гостиницы — смертная тоска, только днем стекаются туда сливки местного общества. Сейчас он мог бы побеседовать лишь с рыжей девицей, которая читала журнал, сидя за стойкой. То была Вера Пим, невеста Чибнела.

Завсегдатай заметил бы, что сегодня она молчалива. Обычно она по-хозяйски развлекала гостей беседой, легко переходя от погоды и политики к спорту и кино; обычно — но не теперь. Она читала, бросая на Дж. Б. нервные, быстрые взгляды.

Завсегдатай бы удивился, но причина — проста: мистер Дафф наклеил усы. Начитавшись детективов, Вера знала, что так делают злодеи. Припомнив Прокаженного и Беспалого, она буквально оцепенела от страха.

Наклеил их мистер Дафф, поскольку как-никак вступил в опасную зону, где можно встретить Беатрис. Усы недешевы, но что деньги, когда ты в таком положении!

Допив свой джин с тоником, он поднялся и сказал:

— Простите…

Вера подскочила, словно треска в брачную пору. Именно так начинал беседу Душегуб-с-автоматом.

— Да? — проговорила она.

— Как пройти к Клейнс-холлу?

— Сперва налево, потом прямо.

— Спасибо, — сказал посетитель, после чего столкнулся в дверях с Джосом и Чибнелом.

— Пардон, — заметил Чибнел.

— Гр-р-р, — заметил Дафф.

Джос посмотрел на него с интересом. Кого-то такого он видел, может быть — в кошмаре. Безуспешно обшарив память, он понял, что Чибнел представляет его своей невесте.

— Мистер Уэзерби, наш новый лакей.

— Здравствуйте, — сказала Вера.

— Здравствуйте, — сказал Джос, определяя сразу, что она — высший сорт, и выразительно дергая бровью.

Поняв этот жест (или гримасу), Чибнел обрадовался, и воцарилась гармония, которую вскоре нарушил новый слуга.

— Кто этот морж? — спросил он. Мисс Пим помрачнела.

— Понятия не имею, — сказала она, вдумчиво протирая бокал.

— Я его где-то видел, — не унимался Джос.

— Он тут остановился, — сообщила Вера. — Если хотите знать, по-моему…

Чибнел засмеялся, и чуткое ухо Джоса уловило перебор в теме «Ах, эти милые дурочки!». Вера Пим тоже его уловила.

— Ладно, — сказала она, — смейся, смейся. По-моему, он жулик.

Чибнел засмеялся снова, все с той же оскорбительной снисходительностью.

— Вечно у тебя жулики, — заметил он. — С чего ты взяла?

— А зачем он тут живет? Не художник, не торговец. Удочек тоже нету…

— Тогда — писатель. Они любят покой.

— А зачем фальшивые усы?

— Откуда ты знаешь, что фальшивые?

— Коту видно.

— Ха!

— Сам хорош, — удачно парировала Вера.

Джосу показалось, что его втянули в любовную ссору. Кроме того, он обещал хозяину начать урок ровно в полдень. Поэтому он допил пиво, извинился и вышел; Чибнел же закурил и продолжил дискуссию.

— Вот что, — сказал он, — начиталась ты этих книжек.

— Все лучше твоих.

— А что в моих плохого?

— Всякая чушь. Такого не бывает.

— Приведи пример.

— Пожалуйста. Ты когда-нибудь слышал, чтоб отец выгнал сына, потому что тот не хочет жениться на какой-нибудь мымре?

Чибнел выпустил кольцо дыма. Он был доволен. При всей своей любви к Вере он понимал, что нынешних женщин нужно время от времени ставить на место.

— Слышал, — раздумчиво сказал он. — Именно это случилось с мистером Уэзерби.

— Он что, сын герцога?

— Не знаю уж, кого, но с титулом.

— Врет.

— Ничего подобного. Я сразу заметил, тут что-то не так. Ты бы видела, как он смотрел на свою комнату! Не привык, говорит, дайте мне что-нибудь получше.

— Ну и ну! Ты ему ответил как следует?

— Что ты! В жизни бы не посмел.

Вера Пим протирала бокал, выражая подчеркнутое недоверие.

— Денег у тебя не брал?

— Дал десять фунтов. Так пойдет, купим кабачок. Можно будет пожениться.

Вера опустила бокал, с ужасом глядя на Чибнела.

— Десять фунтов?

— Десять фунтов.

— Десять ФУНТОВ?

— Да. Что, съела?

— Ничего я не съела. Знаешь, кто он?

— Тоже, наверное, жулик?

— Это конечно. Мало того, он гангстер. Ты что, в кино не ходишь? Сам посуди, если папаша его выгнал, где он деньги берет?

Чибнел нахмурился. Ему не понравилась такая живость мысли.

— Ха! — сказал он.

— Сам хорош. Жизни не знаешь. Во всех журналах, где угодно… Да что там, как об стенку!

— Не надрывайся, посинеешь. — Чибнел взглянул на часы. — Тебе не пойдет. Ну, пока. Чай пить будем?

Вопрос был риторический. По средам, после часу, Вера была свободна и приходила к жениху, чтобы выпить с ним чаю. Как ни странно, она ответила:

— Позвоню.

— То есть как?

— Мало ли что! Дворецкий застыл на месте.

— Ладно, — промолвил он. — Если меня не будет, скажи, что

передать.

Мистер Дафф подходил тем временем к усадьбе. Поскольку мы знаем, как боялся он встретить леди Чевендер, то можем подумать, что спокойная мудрость уступила место безумию. Но это не так. Скрываясь и таясь, он надеялся встретить лорда Холбтона и узнать от него, как идут дела. Ему хотелось уехать поскорее, ибо своеобразная кухня «Розы и короны» уже начала свое пагубное воздействие.

От «Розы» до усадьбы было меньше мили, и он почти одолел это расстояние, когда обнаружил, что в это утро ему особенно везет. Прямо перед ним, у входа в парк, маячил тот самый человек, которого он мечтал увидеть. Ветчинный король не любил излишних движений, но тут — припустил галопом, выкрикивая любимое междометие «Эй!»

Лорд Холбтон вышел погулять, чтобы обдумать будущее. Ему представлялось, что пища для мыслей есть.

Певцы — нервный народ, рулады подмывают душу, и он исключением не был. Только нужда в деньгах давала ему силы вообще смотреть в будущее. Чем больше он смотрел, тем меньше видел. Подходя к воротам, он прикидывал, что будет, если миссис Стиптоу застанет его на месте преступления.

Услышав топот погони именно в такую минуту, он обернулся и понял, что за ним бежит усатое чудище, орущее «Эй!»

Люди по-разному реагируют на орущих и усатых чудищ. Джос Уэзерби и Наполеон стояли бы твердо, обдумывая при этом расположение сил. Вероятно, так поступил бы и Атилла — но не лорд Холбтон. Бросив на преследователя затравленный взгляд, он понесся вперед со скоростью кролика. Что там, какой кролик — гораздо быстрее!

Дж. Б. остановился, тяжело дыша, и несколько слов, недостойных крупного торговца, сорвалось с его уст. Как многие усачи, он недооценивал действия, которое усы оказывают на людей, тем более — тонких; мы же припомним Бирнамский лес, испугавший Макбета. Ветчинный король думал теперь о том, что такое ничтожество, как его быстроногий подопечный, ни за что не справится с серьезной, ответственной задачей. К кому же воззвать?

Он сам не знал, когда некий голос прошептал ему: «Надейся на одного себя». Вот — этой мысли не было, вот — она есть, мало того — она стала исключительно ценной.

Возможно, он бы и дрогнул, если бы мимо не пронесся небольшой автомобиль, в котором сидели давешняя посетительница, китайский мопс и

леди Чевендер. Мопсу (звали его Патрицией) с утра нездоровилось, и Салли возила его к врачу.

Леди Чевендер скользнула по мистеру Даффу равнодушным взглядом, явно принимая его за представителя местной фауны, он же сам — покачнулся и охнул, словно исследователь Африки, увидевший носорога, который, со своей стороны, его не заметил. Счастье Даффов не подвело.

Через десять минут он стоял у огромного окна той столовой, в которой завтракали обитатели усадьбы, и смотрел на портрет. Освежевать Джоса Уэзерби ему все еще хотелось, но он поневоле признавал, что молодой гад хорошо поработал. Портрет был даже лучше, чем он думал, и влек его, словно магнит.

Тихо открыв окно, доходившее до полу, он вошел в комнату и с кошачьей мягкостью направился к камину, когда на его плечо легла тяжелая рука.

Обернувшись, он увидел огромного человека с перебитым носом и ушами, расположенными под прямым углом к голове.

— Вы чего? — спросил незнакомец.

Сердце мистера Даффа, уподобившееся плененному кролику, медленно вернулось на свое место. Усы еще трепетали, как нарциссы под мартовским ветром.

— Да ничего, — сказал он, пытаясь вложить в эти слова все посильное очарование; но тут же увидел, что это ему не удалось.

— Как так ничего? — возразил человек с ушами. — Дом-то мой!

— Вы мистер Стиптоу?

— Ну!

Положение усложнилось, но Дж. Б. не сдался.

— Рад вас видеть, — сказал он.

— Скоро расстанемся, — пообещал хозяин.

— Занятно, что мы так встретились.

— Да уж, смешней некуда! Хо-хо!

— Я могу все объяснить.

— Валяйте.

— Расскажу вам одну историю…

— Это можно.

— Моя фамилия Дафф.

Хозяин просто вылупился. Фамилия явно задела какую-то струну.

— Дафф? Это вы звонили насчет портрета?

История, видимо, не понадобилась. Мистер Стиптоу был туповат, но не настолько.

— Ясное дело. Она вам дала поворот, а вы решили сами стибрить.

— Ну что вы! Я хотел… э… взглянуть.

— Да?

— Да, да, да.

— Ладно. Вы вот что скажите, он вам очень нужен?

— Поймите меня! — дрожа от чувств, сказал мистер Дафф. — Когда человек любит женщину, хотя они давно расстались, он должен смотреть на нее и думать об утраченном счастье.

— А то как же! — охотно согласился хозяин. — Я еще в кино видел — сидит себе, смотрит. Не помню, Адольф Менжу или Лайонел Барримор.[46] Я сразу так и подумал. Ладно. Вы правда отвалите денег?

— Сколько угодно!

— Да?

— Да, да, да, да, — заверил Дж. Б. — В разумных пределах.

— Ладно. Вам — портрет, мне — деньги. Ножик есть?

— Нет.

— И у меня нету. Пойду возьму, — сказал хозяин и столкнулся в дверях с хозяйкой.

Удержав равновесие — ноги всегда его подводили, из-за них он и не стал чемпионом, — он произнес, робко хихикнув:

— Лапочка, это мистер Дафф.

Мистер Дафф перебирал усы. Миссис Стиптоу его оглядывала. Она не была туповатой и без труда догадалась о причинах его визита. Естественно, думала она, пришел просить и молить. Губы ее сжались. Она любила, чтобы ее решения принимали без разговоров.

— Я вам вчера звонил…

— Помню. Мне прибавить нечего. Портрет не продается. Говард, проводи мистера Даффа.

— Хорошо, лапочка.

Если бы Наполеон увидел, как хозяин и гость выходят на лужайку, он бы непременно вспомнил о своих московских невзгодах. Оба молчали, пока не вышли за пределы слышимости. Тогда мистер Стиптоу вынул платок, вытер лоб и сказал:

— Все к черту!

— Что? Как?

— Ничего не выйдет.

— Не хотите?

— Не могу.

— Подумайте, какие деньги!

О деньгах мистер Стиптоу думал и невыразимо страдал. \ Лицо его буквально искривилось.

Вдруг оно просветлело. Мистер Дафф удивился. Маловероятно, чтобы хозяина осенила мысль, но чего не бывает!

— Слушайте! — сказал мистер Стиптоу.

— А?Э?

— Что это такое? Ну, трусишь, и тебе нужно…

— Мужество?

— Нет, раньше. А, моральная поддержка! Вот. Значит, мне нужна поддержка! Есть у меня лакей. Скажем ему.

— Лакею?

— Да. У нас с ним как раз урок. Заждался, надо полагать. Джос действительно заждался и хотел уже уйти, когда с удивлением увидел, что, кроме хозяина, к нему направляется давешнее чудище. Однако теперь, вблизи, он его узнал.

— Дж. Б! — воскликнул он.

— Уэзерби!

— Вот это да! — сказал мистер Стиптоу. — Вы что, знакомы?

— Знакомы ли мы? — откликнулся Джос. — Это мягко сказано! Дж. Б. Дафф мне дороже деда. Кто ребенка утешает, приголубит, приласкает? [47] Не кто иной, как Дж. Б.

— Вот здорово! — восхитился хозяин. — Ну, вы тут потолкуйте, а я пойду выпью.

Ухода его они почти не заметили, воззрившись друг на друга. Наконец мистер Дафф выговорил:

— Какого черта вы здесь делаете?

— Не виляйте, Дж. Б., — сурово сказал Джос. — Что — это — такое? Более мерзкой поросли…

— Неважно. Лучше вы объясните…

— Есть какие-то правила, в конце концов! Или ты человек, или ты морж. Человек не имеет права носить такие…

— Черт с ними. Что вы тут делаете? Джос поднял брови.

— Дорогой мой, неужели вы думали, что я засижусь без работы? При моих-то дарованиях! Меня немедленно подхватили. Я, как бы попроще объяснить, здешний фюрер.

— Стиптоу сказал, лакей.

— Можно назвать и так.

— Странно.

— Да. От вас не скроешься! Честно говоря, я стал лакеем, чтобы

крутиться неподалеку от мисс Фэрмайл. Если помните, я говорил о ней с известной теплотой. Теперь чувства мои еще сильнее. Одним словом, я влюблен.

— Да?

— Да. Перейдем к усам. Объяснитесь.

Мистер Дафф ощутил, что все — к лучшему.

— Хотите ко мне вернуться? — спросил он.

— Смотря зачем.

— Ну, слушайте.

В этот миг появился хозяин.

— Сказали ему? — спросил он.

— Вот, собираюсь. Значит, слушайте.

— Слушайте! — поддержал мистер Стиптоу.

— А, ясно! — заметил Джос. — Вы оба хотите, чтобы я слушал. Что ж раньше не сказали?

Пока мистер Дафф излагал факты, он задумчиво молчал.

— Ну? — спросил мистер Стиптоу по окончании рассказа.

— Да, что?

— Будете?

— Что именно? А, красть портрет! Конечно, конечно. Простите, отвлекся. Я все думаю, как Дж. Б. теперь ест. Просто живая изгородь. А портрет — пожалуйста, со всем моим удовольствием.

Глава XI

Ночь опустилась на усадьбу, сменяя день, весьма занимательный для тех, кто в ней жил. Далеко не все они спали. Лорд Холбтон страдал. Чибнел страдал. Мистер Стиптоу и Джос более или менее радовались. Даже леди Чевендер бодрствовала по разным причинам, хотя обычно спала не меньше восьми часов.

Как и Наполеон, она засыпала, едва коснувшись подушки. Другие считают овец; другие — но не она. Умастит кремом лицо, положит в корзинку мопса, ляжет, выключит свет, и пожалуйста!

Однако сегодня, повторим, она не заснула.

Вернувшись из Брайтона, она вела себя странно, как-то беспокойно. В Клейнс-холле не так уж много веселья, но прекрасная леди его ничуть не умножила. Теперь же, глядя во тьму, она была совсем печальной.

Глубоко вздохнув, она прикинула, не пойти ли ей за книгой, которую она оставила в зале, — может быть, та вгонит ее в сон, — но вдруг легкое поскребывание подсказало ей, что мопс Патриция тоже не спит и тоже хочет выйти.

— Что ж, решено, — сказала леди Чевендер. — Подожди минутку.

Она зажгла свет, встала и спросила, облачаясь в пеньюар:

— На газончик?

Патриция кивнула. Ей нездоровилось, она объелась сыром — потому, собственно, они и ездили к ветеринару.

Легче всего выйти прямо на газон можно было из столовой. Пройдя туда, леди Чевендер раздвинула гардины и открыла окно. Благоуханная прохлада ночи вроде бы прогнала тревогу.

— Прошу, — сказала она. — Я иду за книжкой. Патриция засеменила на газон и принялась со знанием дела обнюхивать влажные травы. Найдя подходящую, она ею занялась и занималась четверть часа. Обретя снова интерес к окружающему, она увидела поразительные вещи: в окне, теперь освещенном, стоял человек. Он задернул гардины. Все это ей не понравилось.

Задернув гардины, лорд Холбтон вынул нож (был он в халате, а нож — в кармане) и направился туда, где висел порт-, рет. Там он постоял, обмениваясь взглядом с изображением леди Чевендер.

Чего-чего, но духа веселых приключений лорд не обрел. Красть ему не хотелось. Конечно, Салли настояла, — но если бы речь шла только об этом,

он бы сейчас мирно спал. Мотивом злодеяний было сребролюбие.

Он уже понял, кто гнался за ним по дороге; понял и то, почему опекун остановился в ближайшем городке. Отсюда вытекало, что красть надо поскорее. Потому он и крался в ночи по затихшему дому; но радости не испытывал.

Оторвав взгляд от портрета, что было не очень легко, он раскрыл ножик. «Если делать, то делать» — видимо, думал он.

Именно в это мгновение дверь распахнулась, и на него, как воинственный дан[48] старой школы, пошел человек с топором. Уронив ножик, лорд Холбтон попытался пройти сквозь стену. Даже тогда, когда он просил у Даффа денег на поездку в Италию, где, как известно, лучше всего ставят голос, даже тогда, повторим, он не стремился вдаль с такой силой.

Однако страх его мгновенно умолк, ибо в дане, сходящем на берег, он опознал Чибнела.

Как и леди Чевендер, дворецкий не обрел ночного покоя. Слова прекрасной Веры смущали его душу. Действительно, думал он, трудно представить, что, выгоняя мятежного сына, старый лорд говорит: «Да, кстати! Как ты будешь жить без меня? Возьми-ка денег на расходы». Если же этого не было, где взял их таинственный лакей?

Словом, сон не шел, и Чибнел направился к окну. Дом располагался углом, дворецкий обитал в короткой его стороне, а потому прекрасно видел, горит ли свет в длинной. Страхи его подтвердились. Минуты через две он входил в столовую, вооруженный топором, который прихватил по дороге.

Увидев лорда Холбтона, он несколько опешил.

— Это вы, милорд? — сказал он.

Лорд Холбтон, хотя и пел романсы, не был полным идиотом.

— Понимаете, — объяснил он, — увидел тут свет и пришел.

— И я увидел, милорд.

— Горит и горит.

— Вот именно, милорд.

— Окно открыто.

— Неужели, милорд?

— Да. Вы его закрывали ночью? А теперь открыто. Это неспроста.

— Неспроста, милорд.

— Я бы сказал, подозрительно.

— Вот именно, милорд.

Когда беседа обещала стать особенно занимательной, они услышали поистине страшный звук. Патриция была невелика, она походила на

комнатный коврик, но лаять — умела. Голос ее, заметим — колоратурное сопрано, мог без труда взять верхнее «до» и пойти дальше, а потому сильные мужчины подпрыгнули, словно агнцы.[49]

Какое-то время она выжидала, но, вбежав в комнату, увидела халат лорда Холбтона. Безусловно, такие яркие, мало того — едкие цвета свидетельствовали о злодействе; и, закинув голову, предельно вытаращив глаза. Патриция залилась колоратурным лаем. Леди Чевендер кинулась к ней из залы, миссис Стиптоу — из спальни.

Первая и прибежала первой, она была ближе. Именно в этот миг Патриция, перейдя от звуков к делу, ловко укусила за ногу лорда Холбтона. Зрелище это разбудило материнские чувства. Леди Чевендер схватила ее и прижала к груди.

— Зачем вы дразните собаку? — сурово спросила она. — Ей и так плохо.

Лорд Холбтон еще не выбрал лучший из шести ответов, когда вбежала миссис Стиптоу, спрашивая на ходу:

— Что тут творится?

— А, и ты здесь! — сказала леди Чевендер. — Спит сегодня хоть кто-нибудь в этом доме?

— Видимо, нет, — сухо отвечала хозяйка. — Разве что глухие.

— Да, немного жутко, — признала леди Чевендер. — Жизнь кипит.

— Я думала, кого-то режут.

— Навряд ли, хотя лорд Холбтон — в крови. Патриция еще не объяснила, почему она в него впилась, но основания есть, это уж точно.

— Ногу прокусила, — вставил лорд. — Заражусь бешенством.

Тем временем миссис Стиптоу обратилась к дворецкому:

— Что тут творится, Чибнел?

— Я увидел свет, мадам, — отвечал он, — и счел своим долгом узнать, в чем дело. Здесь я застал милорда. Он тоже видел свет. Кроме того, когда он вошел, окно было открыто.

— Это я, — сказала леди Чевендер. — Выпускала Патрицию.

— Вот как, миледи? Не знал.

— Ей надо поесть травы.

— Понимаю, миледи.

— У нее что-то с животом.

— Трава очень полезна, миледи.

Трудно сказать, понравилось ли миссис Стиптоу столь мирное решение загадки. Заговорила она резковато, да и вообще не отличалась кротостью.

— Если твоя собака наелась, может быть, мы немного поспим?

Леди Чевендер согласилась, что поспать стоит, а лорд Холбтон прибавил, что сперва промоет ногу и прижжет рану йодом.

— Закройте окно, Чибнел, — сказала хозяйка.

— Сию минуту, мадам.

— Что ж, спокойной ночи, — сказала леди Чевендер. — Нет, Патриция, хватит!

И она вышла, а за ней, прихрамывая, вышел лорд Холбтон. Патриция полаяла для верности. Миссис Стиптоу нетерпеливо щелкала языком. Чибнел стоял у окна, видимо, любуясь прелестью ночи, и не выполнил приказа.

— Чибнел!

— Мадам?

— Закройте окно!

— Прошу прощения, мадам.

— В чем дело?

Дворецкий, закрыв окно, подошел к ней. Вид у него был взволнованный.

— Там люди, мадам.

— Что?

— Люди, мадам. Два смутных силуэта. Идут сюда.

— Откуда у нас на газоне смутные силуэты?!

— Это воры, мадам. Если позволите…

Он выключил свет. Хозяйка рассердилась.

— Дурак! — вскричала она, забыв во гневе, что к дворецким так не обращаются. — Что вы делаете?

— Я выключил свет, мадам, чтобы их не спугнуть. Судя по крику, хозяйка не одобрила такой заботливости.

— Я хотел бы поймать их на месте преступления, мадам. Если они разобьют окно, вина их доказана. Как только они войдут, я включу свет, и мы встретим их лицом к лицу.

— А, понятно!

— Если вы разрешите, мадам, сейчас мы затаимся.

Они затаились и молчали, пока стекло не посыпалось на пол. Щелкнул выключатель. Перед ними, мелко моргая, стоял хозяин.

— Так! — сказала хозяйка.

— И вы здесь, — сказал Джос.

— Уэзерби!

— Да, мадам? А, Чибнел! Привет.

— ЧТО ВЫ ТУТ ДЕЛАЕТЕ?!

На это хозяин ответить мог, но не очень хотел. Джос пришел на помощь.

— Моя вина, мадам, моя вина, — мягко сказал он. — Не в силах уснуть, я услышал соловьиные трели и предложил мистеру Стиптоу выйти в сад. Их нельзя упустить.

— Да?

— Да, мадам. Не видя одуванчиков в траве и расцветающих душистых роз, мы птичку скромную…[50] Разглядели мы птичку, сэр?

— Ы, — сказал хозяин. — Высший сорт, а не птичка!

— Недурна, недурна. И в прекрасной форме. Мы были поистине зачарованы. «Ты не умрешь, волшебный соловей», — заметил мистер Стиптоу. Я с ним согласился. Мы оба восхищаемся соловьиным пением.

— Ы, — подтвердил хозяин.

— Мистер Стиптоу предположил, что именно эта птичка тронула сердце Руфи, когда та, как известно, по дому плакала в чужой земле. Гипотеза эта заслуживает внимания.

— Уэзерби, — спросила хозяйка, — вы напились?

— О да, мадам! Из источника Ипокрены.[51] Интеллектуальный уровень беседы утомил миссис Стиптоу.

— Почему вы окно разбили?

— Мистер Стиптоу так рвался в сад, мадам, что не захватил ключа. Чтобы не перебудить обитателей дома, мы решили неназойливо войти в окно.

— Да? — спросила миссис Стиптоу, поднимая властную руку и указывая на дверь. — Говард, иди в постель!

— Иду, лапочка, — отвечал ее муж. Как и Китс в соответствующей ситуации, он хотел выпить, но не ипокренской воды. У его постели, на столе, стояла фляжка. Вспомнив о ней, он немного успокоился, облизнулся — и ушел.

— Закройте окно, — сказала Джосу хозяйка.

— Сию минуту, мадам.

— Хотя теперь безразлично, — добавила она и вышла. На лестнице, к ее удивлению, поджидал дворецкий.

— В чем дело, Чибнел? — осведомилась она.

— Разрешите, мадам, задержать вас на минутку?

— Хорошо. Говорите быстрее.

— Насчет Уэзерби, мадам.

— Что с ним такое?

— Я в нем не уверен, мадам. Он странно себя ведет. Вы заметили, мадам, что он приехал в собственной машине?

— Да?

— Да, мадам. Потому я и привел его в гостиную. Я принял его за гостя, мадам.

Миссис Стиптоу поджала губы. В Америке, конечно, это не имело бы ни малейшего значения — только самый завалящий лакей обходится там без машины. Но здесь, в Англии…

— Странно, — сказала она.

— Вот именно, мадам. Кроме того, лакеи не дают дворецким денег.

— А он дал?

— Десять фунтов, мадам.

— М-да…

— Один человек, которому я все рассказал, предполагает, что он — гангстер, мадам, скрывающийся тут до времени.

— Чепуха!

— Возможно, мадам. Однако я бы, на всякий случай, предупредил полицию.

— Ни в коем случае, — твердо отвечала хозяйка. И как не ответить, если вчера вечером Говард просто всех поразил своей элегантностью? Рубашка сверкала, словно маяк, сверкали и ботинки. Что же до воротничка и галстука, их можно было бы отправить на выставку мужской моды. Баронеты и те застыли от восхищения.

С другой стороны, ей не хотелось проснуться как-нибудь и обнаружить, что усадьба ограблена. Поэтому она сказала:

— Следите за ним.

— Хорошо, мадам. Если позволите, я лягу в столовой, буду охранять гобелены.

— Вряд ли он за ними охотится.

— Они исключительно ценны, мадам.

— Да, но зачем он привел мистера Стиптоу?

— Не знаю, мадам.

— А спать тут — спите. В конце концов, разбито окно.

— Вот именно, мадам.

Тем временем, в столовой, Джос удивленно смотрел на ножик, видя в нем истинную манну с небес. Чтобы украсть портрет, нужны две вещи: во-первых, удача, во-вторых — нож. И то и другое было.

С ножом в руке он направился к камину, как направлялся и лорд

Холбтон. Там, как тот же лорд, он остановился, глядя на портрет и восхищаясь мастерством художника. Потом взял стул, встал на него и приступил было к работе, когда услышал за спиной:

— Ах!

В дверях стояла леди Чевендер.

Глава XII

Появление леди Чевендер всегда производило фурор, тем более — теперь, когда она держала огромный нож, придававший ей сходство с другой небезызвестной леди.[52]

Воспитанный Джос начал беседу нейтральной фразой:

— Вот мы и встретились снова, леди Чевендер.

— Верно, встретились.

— Вы удивляетесь, почему?

— Нет, не удивляюсь. Салли сказала, что вы здесь. А кроме того… Ш-ш-ш! Кто-то идет.

— Ходят и ходят! Не дом, а вокзал какой-то.

— Я — в библиотеке.

— А она где?

— Дальше по коридору. Нам надо поговорить. В чем дело, Чибнел?

Дворецкий нес подушки, одеяла и простыни.

— Миссис Стиптоу хочет, миледи, чтобы я здесь ночевал.

— Зачем?

— Окно разбито, миледи.

— Да? Что ж, ночуйте. Спокойной вам ночи.

— Спокойной ночи, миледи.

Когда она выплыла в коридор, Чибнел сурово поглядел на Джоса.

— Вы еще тут?

— Сейчас иду. А вот скажите, у вас всегда по ночам такое движение?

— Долго вы окно закрываете!

— Что вы, что вы! Я его мигом закрыл. Меня задержала дама. Собираетесь здесь спать?

— Да.

— Не заснете. Я пытался спать на стульях, это невозможно. Идите к себе, никто не узнает.

— Спасибо. Лучше я выполню свой долг.

— Вот как? Ну, спокойной ночи.

Направляясь в библиотеку, Джос думал о том, что все слишком загадочно. Загадка леди Чевендер скоро разъяснится, загадка Чибнела — вряд ли. Утром, в «Розе и короне», он ел из рук, днем тоже ничего, а сейчас… Нет, непонятно. Что ж, узнаем загадку миледи.

— Вот и вы, — сказала она. — Закройте дверь. Джос закрыл дверь.

— Садитесь. Джос сел.

— На чем мы остановились?

— На «кроме того». Но сперва вы сказали: «Салли». Если не ошибаюсь, это мисс Фэрмайл? Какое имя! Всегда его любил. Удивительно! Красота, голос, а тут еще — имя. Просто как по заказу.

— О чем вы говорите?

— О своей любви. То же самое было с Ромео. И с Чибнелом.

— Да?

— Да. Вы произнесли: «Кроме того», и нас прервал дворецкий. Так я и не знаю, что вы имели в виду.

— Сейчас узнаете. Кроме того, мне известно, что Джимми Дафф поручил вам украсть портрет.

— Какая странная мысль!

— Вы думаете? Что ж, рассудим. Миссис Стиптоу отказалась его продать, вы проникаете в дом…

— Я не проникал! Я подъехал к переднему входу в собственной машине.

— Хорошо, подъезжаете к входу. В общем, все ясно. — Голос ее стал напевным. — Никогда не ждала от Джимми такой глубины! Видимо, я его не понимала. Когда вы сказали, что он холост, надо было догадаться. Потерял меня, хочет созерцать мое изображение… Если уж это не трогательно, я не знаю, что вас тронет.

Джос решил не охлаждать ее грез холодной водой истины.

— Редкая душа, — сказал он. — Напоминает сэра Галахада. Hd меня он не посылал. Скорее, он меня уволил.

— Что вы ему сделали?

— Так, ничего. Выгнал из кабинета.

— Не понимаю! Вы же сейчас собирались выкрасть портрет.

— Верно, собирался.

— Все равно не понимаю.

— Это сложней, чем вам кажется. В тихом омуте усадьбы много подводных рифов. Вы умеете хранить тайну?

— Умею.

— Я работаю не только на Даффа, но и на Стиптоу.

— На Говарда?

— Именно. Это он свел нас с Дж. Б. Ему нужны деньги. Сперва он думал справиться без посторонней помощи, потом — захотел моральной поддержки и, естественно, подумал обо мне.

— Вот что! — загорелась леди Чевендер. — Я вхожу в долю. Когда

Джимми будет платить, пятьсот фунтов мне. Не одному Говарду нужны деньги.

— Неужели и вам?

— Да.

— Я думал, вы миллионерша.

— Была, год назад. Помните, как лопнул банк Батлерсби?

— И вы вместе с ним?

— До последнего гроша. Осталось на Патрицию и на счета от портнихи.

— М-да, — сказал Джос. — Положеньице. Они помолчали.

— Сигареты есть? — спросила леди Чевендер.

— Простите, нету.

— Придется взять свою.

Джос еще не оправился от потрясения.

— Да, тайну хранить вы умеете, — признал он. — Слуги и не подозревают. Миссис Барлоу сказала недавно, что вы — прямо Креозот.[53]

Леди Чевендер затянулась, потом — хихикнула.

— А знаете, почему я храню тайну?

— Нет.

— Вы видели Мейбл?

— То есть Салли.

— То есть Мейбл. Сестру моего покойного мужа.

— Миссис Стиптоу? Очаровательная женщина. Помню, беседовали мы о Коро…

— А о бедных родственниках?

— Нет, не доводилось.

— Посмотрите на Салли, все поймете без беседы.

— Она обижает Салли?!

— Бить не бьет, голодом не морит, но больше сказать нечего. Нет, я несправедлива. Мейбл в своем роде добра к ней, как… как к бесплатной компаньонке.

— Какой ужас!

— То же самое будет со мной, если она узнает. Мейбл — хорошая тетка, я ее люблю, но равенства она не ведает. Или ты ее давишь, или она тебя. Слава Богу, что у меня такой вид. Правда, он бы мне не помог, если бы все открылось. Сейчас Мейбл думает, что у меня больное сердце и куча денег, которые достанутся ей.

— Какое чудовище!

— Ничуть. Когда ты выше ее, все в порядке. Пока что я — выше.

Только… о Господи, где взять пятьсот фунтов?!

— Почему пятьсот?

— Долг чести. Вы когда-нибудь раздавали призы?

— Что-то не помню.

— И не раздавайте. Особенно в женской школе. Сидят, смотрят, ты рассиропишься… Все это было со мной вчера.

— Да, вы говорили, что едете в школу. Придумали, что сказать?

— Еще бы! Целую речь. Они прыгали от восторга.

— Это хорошо.

— Не очень. Меня понесло. И знаете, что случилось?

— Нет, конечно.

— Первой выступала директорша. Она сказала, что надо построить гимнастический зал. Стоит он две тысячи. Ну, попросила родителей внести свою лепту, представила меня. «Вот леди Чевендер, детки, она поведает нам об идеалах и о светлом будущем». Я разгулялась вовсю. Когда восторги утихли, слышу — кто-то обещает дать пятьсот фунтов, если еще трое дадут по столько же. И кто же это был? Я!

— О Господи!

— Вот именно.

— М-да…

— Вообще-то я думала, что никто не согласится. Но нет! Когда девицы оттопали и пыль улеглась, поднялись два субъекта с уголовной внешностью и заорали: «Даем! Даем!» Через минуту-другую поднялся третий. Так я и влипла. Пришлось сказать: «Ах, где моя чековая книжка? Забыла дома». Словом, дорогой Уэзерби, они ждут денег.

— Да, деньги вам нужны, — признал Джос. — Значит, образуем синдикат. Сколько, вы думаете, он заплатит?

— Не меньше тысячи.

— Какие гроши! Настоящий Уэзерби…

— Вам с Говардом хватит половины?

— Обо мне не беспокойтесь. Я работаю не ради денег, а ради славы. Пусть он вернет меня на работу или позволит заведовать рекламой.

— Заведовать лучше.

— Да, конечно. Не во мне дело, фирму жалко.

— Итак, я поеду к нему в Лондон.

— Зачем? Он тут, в гостинице.

— Это еще удобней.

— Тогда — разрабатываем план кампании. Мне что-то не нравится Чибнел.

— Да, пижама жуткая.

— Это верно, но я имел в виду манеру. Очерь сдержан. Не говорит мне «сэр».

— Подозревает?

— Несомненно.

— Значит, надо красть, когда его нет. Завтра он будет в саду…

— Да, отлучиться он не сможет.

— Ни в малейшей степени. И потом, еще одно. Придет вся местная знать. Не усадьба, а разбойничий стан! Заподозрить можно кого угодно.

— Вы все предусмотрели!

Не успев откликнуться на комплимент, леди Чевендер вскочила.

— Это Патриция! Она скучает.

— Ваша овчарка?

— Мой мопсик.

— Салли его расчесывает?

— Среди прочего. Истинный талант! Мягко, нежно, тактично. Иду, иду, дорогая! Кстати, вы любите Салли? Я не ослышалась?

— Нет. Люблю…

— А она мне утром сказала, что выходит за Холбтона. Вы его видели, он тут вечно слоняется. Иду, иду, иду!

Глава XIII

Только поздно утром Салли узнала, что творилось в ночные стражи. Она позавтракала рано, задолго до лорда Холбтона, и он увидел ее, когда она выводила машину, чтобы ехать в Лондон. Про собаку он рассказал с особым пылом, и Салли его жалела, но думала при этом, что можно было бы и не показывать раненую ногу.

Она прекрасно поняла, что портрета не украдешь, когда всюду шныряют дворецкие; и все-таки испытала разочарование. Может быть, этому способствовал вчерашний рассказ о поспешном бегстве. Как бы то ни было, ей впервые показалось, что лорд Холбтон, при всем своем изяществе, не совсем идеален. В голову лезла фраза: «На глиняных ногах». [54]

Ехала она, чтобы поднанять лакеев для приема, опытных и надежных ветеранов, — и нанимала их так долго, что вернулась к половине пятого. Проезжая через городок, она подумала, не заглянуть ли в «Розу», но тут увидела мистера Даффа, который смотрел на памятник Антони Бриггсу, много лет представлявшему эти места в парламенте.

Размышляя о том, как хорошо было бы подложить взрывчатку под статую, а заодно — под дома, король ветчины услышал, что его окликает женский голос, и на секунду испугался, не леди ли это Чевендер.

— А, это вы! — с облегчением воскликнул он.

— Можно с вами поговорить? — спросила Салли.

— Конечно, — отвечал мистер Дафф.

— Чаем не угостите?

— Пожалуйста.

— Тут есть кондитерская «Гардения».

Король это знал, во всяком случае — видел. «Гардения» стояла напротив «Розы и короны», и много раз, как испуганный конь, он шарахался от неаппетитных кексов в окне. Сам по себе он бы ни за что не пошел в это заведение, но сообщника надо умасливать; и он сел в машину.

Как все кафе такого рода в маленьких английских местечках, «Гардения» была герметически закупорена. Воздух в нее не проникал, запахи — не рассеивал, и мистеру Даффу показалось, что его обволокло духом булочек, крема, горячего шоколада. Придя в себя, он обнаружил, что на столике стоит угощение.

— Я заказала пончики, — поведала Салли, обладавшая молодым

аппетитом. — Вы их любите?

— Нет, — отвечал мистер Дафф.

— Простите. Тогда — пирожных.

— Пирожных, — повторила вежливая официантка.

— Я их не ем, — сообщил Дж. Б.

— Ну что вы, что вы! Съешьте хоть одно.

— Если хотите знать, оно меня убьет. Что ж, ради вас. Слабеющей рукой он взял жуткий комок теста, крема и ягод и, взглянув на официантку, стал его есть. Официантка — высокая, строгая, в пенсне — напоминала ему бонну давних дней, которая заставляла съедать все до крошки.

Салли посмотрела на усы, постеснялась спросить о них и, решив, что так надо для дела, перешла к главному.

— Наверное, — сказала она, приветливо улыбаясь, — вам хочется узнать, что случилось?

Мистер Дафф без особого успеха слизывал с усов крем.

— Я и сам знаю, — проговорил он. — Этот ваш гад бежит от меня как кролик.

— Понимаете…

— Нет. Если бы у него было чуть больше ума, я бы назвал его полоумным. Губошлеп собачий!

Салли обиделась.

— Ничего подобного! Он очень тонкий. Испугался ваших усов. А вдруг вы сумасшедший и его убьете?

— Убить его — очень здравая мысль.

Салли молчала. Осторожность подсказывала ей, что беседу лучше оборвать. Поборовшись со своим лучшим «я», она его скрутила.

— Во всяком случае, — сказала она с натужно-милой улыбкой, — без дела он не сидит. Ночью пошел красть картину.

— И не украл.

— Да, но он не виноват. Вошел дворецкий с топором. Сегодня он пойдет опять.

— Не нужно, так и передайте. Я нашел другого.

— Как?!

— Нашел, и все.

— Кого же это?

— Неважно.

Салли слегка подпрыгнула.

— Может быть, мистера Уэзерби?

— Именно его.

Салли закусила губу. За короткое время их знакомства она поняла, что Джос — соперник серьезный.

— А почему? — продолжал мистер Дафф. — Потому, что он дело сделает. Я не говорю, что в нем нет наглости. Есть. Я не говорю, что мы всегда в мире. Далеко не всегда. Сколько раз мне хотелось стукнуть его по голове! Но человек он дельный. Предприимчивый. Как он меня выгнал тогда! А? Из-за вас, между прочим. Выходили бы вы за него, а не за этого глиста.

Салли суховато улыбнулась.

— Он меня не просил.

— Ничего, попросит.

— Мы почти незнакомы.

— А он вас уже любит.

— Я люблю Джорджа.

— Удивительно! Нет, как вам пришло в голову?! Таких идиотов больше нет. Может быть, где-нибудь, — а в Англии нету.

Девушки редко скрипят зубами, но Салли это сделала. Лучшее «я» рванулось было наружу, но она его снова скрутила и запихнула обратно.

— Мистер Дафф, будьте справедливы. Если Джордж украдет портрет…

— Не украдет.

— А я?

— Вы?

— Да. Если я украду, вы дадите Джорджу деньги?

— Конечно. Слово есть слово.

— Тогда ждите до завтра.

— Так быстро?

— Завтра к вечеру.

— Однако скромностью вы не страдаете!

— Видимо, не страдаю.

— Уэзерби работает против вас.

— И пускай. Ну, мне пора. Завтра у нас прием, я нужна дома. Переходя улицу, мистер Дафф был уже повеселее. В «Розе и короне» его ждал Джос, собираясь, как и Салли, отчитаться перед патроном. Глава шайки — это глава шайки, он по долгу службы общается с гангстерами.

— А, вы тут? — довольно вяло произнес король преступного мира. Пирожные начали свою работу, радость таяла, сменяясь мрачностью, тем более что Джос был до отвращения свеж. Вчерашняя новость не сломила его. Как мы уже знаем, он вообще не унывал и, содрогнувшись на миг от

сообщения леди Чевендер, быстро пришел в себя. Непрестанно натыкаясь на лорда Холбтона, он отказывался верить, что такая девушка может любить его. Ерунда, думал он, мы сами над этим посмеемся.

— Последние новости, — сказал он Даффу. — Идемте в бар, там тише. И вид у вас плохой, надо выпить.

У Веры был свободный вечер, за стойкой царил какой-то юнец, и, хотя он не отличался ее учтивостью и блеском, Джос об этом не пожалел. Всему свое время. Изящная беседа — одно, деловая — другое. Себе он заказал эль, сообщнику — двойное бренди с содовой; потом перешел к отчету.

— Словом, — заключил он, — не повезло. Но не горюйте, завтра я снова попытаюсь. Вероятно, вы знаете о нашем приеме. Тогда и настанет мой час. Ни единой души, все в саду, дуют чай, лопают клубнику. Кради — не хочу!

Мистер Дафф, судя по всему, его одобрил, подумав к тому же, что Салли имела в виду именно эти стратегические выгоды.

— И девица завтра крадет, — сообщил он. — Очень в себе уверена.

— Какая еще девица?

— Да ваша. Забыл, как ее зовут. Такая малявка с глазами. Джос поднял брови.

— Вы имеете в виду мисс Фэрмайл?

— Именно.

— Тогда замечу, что она — не малявка.

— Малявка.

— Нет. Я их видел, ни малейшего сходства. Если вы пытаетесь описать в своей неуклюжей манере, как она похожа на танагрскую статуэтку, я с вами согласен. Но малявка… Помилуйте! Этого я не потерплю. Что вам там сказали насчет кражи?

— Я сейчас видел вашу статуэтку. Кстати, она выходит за моего подопечного. Некий Холбтон.

— Знаю. Слышал. Исключительно глупая мысль. Ничего, передумает.

— Она сказала, если я дам ему деньги, картину она украдет.

— А вы ответили, что дело — в более надежных руках?

— Нет, не ответил. Джос был шокирован.

— То есть, вы ее поощрили? Вам не жутко, что такая девушка выйдет за такого типа? Он как будто мячик проглотил.

— Вообще-то я сказал, что это глупо. Посоветовал выйти за вас.

— Да? Ну простите, что назвал вас гадом.

— Не назвали.

— Собирался. Посоветовали выйти за меня? Молодец! Душечка!

— Все лучше, чем за него. Я бы на ее месте ни за кого из вас не вышел.

— Еще одно бренди, — крикнул Джос, — с азиатским ядом! Трудный вы человек, Дж. Б. Может, под грубой шкурой залегло золотое сердце, но это еще надо доказать.

Мистер Дафф с сомнением посмотрел на бренди.

— Не знаю, пить ли. Что-то плохо с животом. Все здешняя кухня, черт бы ее драл. Яичницу зажарить не умеют. Ну, раз уж подали, выпью.

Оставшись один, он посидел еще, прихлебывая свой напиток, и с некоторым запозданием вспомнил, что врач запретил спиртное. Когда Джос подходил к усадьбе, размышляя о его словах, он решил подняться к себе, полежать немного.

Он открыл дверь, за которой располагались номера, но услышал женский голос, сочное контральто, которое не забыл за пятнадцать лет:

— Передайте ему, пожалуйста, что заходила леди Чевен-, дер. Он мне очень нужен.

Сперва он застыл на месте, потом — ожил и кинулся на улицу. Панически оглядывая дома, он наткнулся на окно «Гардении», и даже оно показалось ему приветливым и гостеприимным.

К чести таких кафе, они и впрямь гостеприимны. Это вам не портной: пришел — ушел. Сиди сколько хочешь. Именно в этом нуждался сейчас мистер Дафф — и мгновенно оказался за столиком.

Величавая официантка немного ему удивилась.

— Вы что-то забыли?

— Чаю дайте!

— Чаю?

— И пончиков.

— Хорошо, сэр, — сказала она, уже с почтением. Сразу видно, понимающий человек. Она не помнила ни одного клиента, который бы так скоро вернулся.

Когда она удалилась, тихо трепеща от радости, Дж. Б. услышал за спиной еще один женский голос и сердито обернулся.

— Привет, привет! — сказала девица, сидящая за другим столиком, и он узнал в ней барменшу из «Короны».

Вера Пим пришла в «Гардению» отдохнуть и подумать. Чибнелу она позвонила с досады, по той же причине сказала, что занята, но на самом деле стремилась к одиночеству. Она хотела решить загадку усов.

Когда обладатель их ворвался в кафе, она испугалась, но взяла себя в руки. Британия не зря гордится своими барменшами. Есть в них что-то

такое. Она поняла, что личная встреча очень кстати: усыпив бдительность подозреваемого, можно вызнать его секреты.

Усы при ближайшем рассмотрении были еще страшнее, да и лицо ходило ходуном, словно незнакомец сердился. Мы-то знаем, что в присутствии женщин мистер Дафф просто корчил рожи.

— Вот и хорошо, — сказала Вера с профессиональной приветливостью. — Вы не напоите меня чаем? Можно, я к вам пересяду?

В обычных обстоятельствах Дж. Б. бестрепетно ответил бы: «Нет!», но сейчас растерялся. Уйти он не мог; с первого взгляда в окно было ясно, что это — утопия. Леди Чевендер вышла из «Розы и короны» и стояла на мостовой, поджидая, пока собачка обнюхает банановую шкурку.

— Сейчас мне принесут булочек, — сказала Вера.

— И мне, — сказал мистер Дафф.

— Вот здорово, правда?

— Ы, — откликнулся он, чувствуя именно то, что в его любимом фильме чувствовал герой, которого запер на старой мельнице одноглазый китаец.

Никогда не знаешь, что говорить злодеям, и Вера замялась, но тут принесли заказ, распространявший жуткий, жаркий запах. Разлив чай, прекрасная барменша придвинула чашку к себе. Кто-кто, а она знала, как бросают в чай белые пилюльки.

— Погода хорошая, — сказала она.

— Ы.

— Вы удивились, что я здесь?

— Ы.

— У меня свободный вечер.

— Ы.

— Хорошо уйти из бара. Работа еще ничего, а вот общество там — смешанное. Пролетариат. То ли дело здесь! Чай самый лучший, пончики, все такое изящное. Вкусно, а?

— Вкусно, — отрешенно признал мистер Дафф, прислушиваясь к тому, как у него в животе пирожное борется с бренди. Он взглянул в окно. Собачка нюхала кусочек бумаги.

— Мистер Чибнел их очень любит, — продолжала Вера.

— А кто это?

— Мой жених.

Он только что, по рассеянности, проглотил второй пончик, но все равно ему стало легче; значит, она не опасна.

— Замуж собрались?

— Надо сперва скопить денег. Мы купим кабачок.

— Дорогие они?

— Не дешевые. Ничего, Сидни у меня молодец, копить умеет. А я иногда на бегах играю. Люди заходят, говорят, на кого ставить. Выиграла десять фунтов.

— Так вы миллионершей станете!

Когда лед сломан, робкие люди начинают резвиться. Мистер Дафф успокоился. Леди Чевендер ушла, но он уходить не думал, даже съел еще один пончик с отчаянной удалью.

— Вот, послушайте… — начал он и остановился. Прекрасная барменша пристально смотрела на него.

— Что вы так смотрите?

— Усы у вас красивые.

— Да?

— Теперь редко носят. Трудно растить, а?

— Не особенно.

— Можно я ближе погляжу?

— Валяйте.

Вера наклонилась к нему (сердце у нее прыгало) и провела по усам прелестной ручкой. Именно это увидел Чибнел, подошедший как раз к окну.

Звонок его смутил и расстроил. По бесконечным «Да? Ну-ну» вы бы никогда о том не догадались, но душа его истекала, как пробитый молнией бак. И он поспешил в «Розу и корону».

Надеясь против всякой надежды,[55] что любимая женщина просто пьет чай с женой хозяина, он подошел к упомянутой даме и узнал от нее, что чай Вера пьет, но в кафе. Действительно, она была в «Гардении» и гладила там усы давешнему чудищу, о котором, по своему коварству, отзывалась так плохо.

Повторилась история с галстуком, но в худшем, гораздо худшем варианте. Сейчас и речи быть не могло о профессиональных жестах. Кроме того, усы — не галстук. Словом, творились дикие бесчинства, которых он, собственно, ждал.

Сжав кулаки, Сидни Чибнел встал в дверях мясной лавки, чтобы немного подумать.

Тем временем Вера Пим закончила свои исследования. Как она и предполагала, усы оказались фальшивыми — пальцы явственно ощутили какую-то клейкую марлю. Сделав все, что может сделать слабая женщина, она встала, чтобы немедленно позвонить жениху.

— Очень хорошие усы, — сказала она, немного задыхаясь, словно нашла на чердаке расчлененное тело. — Высший сорт. Ну, мне пора. Спасибо за угощение.

Мистер Дафф немного удивился такому поспешному уходу, но, расплатившись, ушел и сам. На улице с ним случилось точно то же самое, что вчера — кто-то опустил ему на плечо тяжелую руку. Правда, нынешний рукоопускатель был покрасивей вчерашнего; но это не так уж существенно, ибо тонкие черты искажала дикая ярость.

Если бы миссис Стиптоу узнала, что ее дворецкий может быть таким, она была бы глубоко шокирована. Осудила бы она и тембр голоса.

— Эй! — сказал он.

— Ой! — сказал мистер Дафф.

— Минуточку!

— Что вам, собственно…

— Сейчас расквашу морду.

— Кому?

— Вам.

— Зачем?

— Вы не знаете? — Чибнел неприятно лязгнул зубами. — Ха-ха! Он не знает, видите ли!

В те давние дни, когда Джимми Дафф метал молот, он быстро бы разобрался в ситуации. Но годы — это годы, ему не хотелось вульгарной потасовки. Враг был подтянут и мускулист, сам он набрал весу, да еще был набит по горло всякими пончиками.

Официантка почти не удивилась, когда он влетел в «Гардению» с редкостной для его лет прытью. Завсегдатай, можно сказать, едва ли не попечитель, — и она улыбнулась ему.

— Еще чаю?

Мистер Дафф плюхнулся в кресло.

— Пончиков?

— Ык.

Официантка смотрела на него, как смотрит проповедник на раскаявшегося грешника. Если бы на свете было больше таких людей, думала она, свет был бы значительно лучше.

— Этот джентльмен с вами? А, мистер Чибнел! Здравствуйте, мистер Чибнел.

— Здрассь.

— Какая хорошая погода.

— Да уж, лучше некуда.

— Ваша невеста только что ушла.

— Видел.

— Они пили чай с мистером… э…

— Видел.

Ощутив в его ответах некоторую сухость, она пошла за пончиками.

Чибнел, уже присевший к столику, сокрушался о том, что дал врагу нырнуть в святилище. Мистер Дафф, напротив, радовался, что злодей чтит хоть какие-то условности человеческого общежития.

— Жду на улице, — сообщил тот.

Мистер Дафф не ответил. Из замечаний официантки он вывел причину этих странных поступков и понял, что объяснить не сможет ничего. В этом мире судят по действиям; чистота сердца — не видна.

— Ясно?

— Вот и пончики, — сказала официантка с материнской нежностью.

— Так я жду.

Чибнел выскочил на улицу. Официантка ласково поглядела ему вслед.

— Это наш мистер Чибнел, — объяснила она. — Дворецкий из усадьбы.

— Вот как?

— Какой красивый, а? Я всегда думала, что они все толстые, много портвейну пьют, а он у нас — прямо чемпион.

— Да?

— Самый лучший боксер. Всех на лопатки положил, хе-хе-хе. Прямо лев или эта, пантера. Что ж вы пончиков не едите?

— Как-то не хочется…

— Тогда я вам пирожных принесу. Вы любите с кремом, да? Такие розовые.

Когда Чибнел входил в гостиницу, Вера Пим как раз повесила трубку, до него не дозвонившись. Встряхнув медной гривой, она кинулась к нему.

— Вот ты где! А я звоню, звоню, — она огляделась. — Сидни, они фальшивые!

— Как и ты.

— Что?

— То. Я все видел.

— Когда?

— Сейчас. Тебя с этим типом.

Вера Пим широко раскрыла свои прекрасные глаза.

— Ты что, не понял?

— Понял, как не понять! — он глухо засмеялся. — А еще говорила, он

злодей!

— Злодей и есть. Я решила проверить. Вообще-то я там сидела, он вошел, и я воспользовалась случаем.

— Еще как. Гладила его по рылу.

— Что ты! Я усы щупала.

— А какая разница?

— Такая. Сидни, они фальшивые!

— Что?

— То.

— Нет, ты всерьез?

— Еще бы!

— Значит, не гладила?

— Щупала, сказано тебе!

Чибнелу стало легче. Недавно он походил на Артура, беседующего с Гиневерой;[56] теперь — на дворецкого, которому стало легче.

— Вот оно что!

— Да. Сидни, а я что вспомнила! Вчера, ты еще не пришел, он спрашивал, где усадьба.

— Нет, правда?

— Ну! А этот твой Уэзерби говорит: «Лицо знакомое». Прямо, знакомое! Работают вместе, шайка. Уэзерби проник в дом и впустил его, они все вытащат.

— Да-а-а!

— Называется «подсадная утка».

— Вроде верно…

— А то!

— Ночью этот Уэзерби рыскал. Соловья слушал, видите ли! Значит, ты думаешь, это банда? Что ж он усатого сразу не узнал?

— С усами не видел. Ты смотри, еще зарежет в постели! Чибнел обиделся.

— Куда ему! — Он показал бицепс. — Потрогай!

— А у него автомат.

— Нет у него автомата!

— Почем ты знаешь? В общем, смотри в оба.

— Ладно.

— И денег не бери.

— Не брать? — усомнился Чибнел. — Ну, это уж ты слишком!

Тем временем мистер Дафф, сидевший в кафе «Гардения», расстегнул

три последние пуговки на жилете и откинулся в кресле, тяжело дыша. Под бдительным взором официантки он съел пирожные, и она обещала принести еще. Он знал, что придется за них заплатить, и не только деньгами.

Пирожные прибыли. Официантка взглянула на мистера Даффа, как ученый — на морскую свинку.

— Знаете что, — сказала она, вдохновленная свежей мыслью, — скажу кухарке, пусть спечет вам блинчиков. Хорошо?

Мистер Дафф обреченно кивнул. Желудок это заметил и болезненно сжался. Его уже ничто не удивляло, он давно оставил попытки хоть что-нибудь понять.

Глава XIV

Приближался час приема, всколыхнувшего местную знать, а Сидни Чибнел страдал и метался.

Дворецкие думают иногда, что больше им не выдержать, и чаще всего это бывает, когда нервная хозяйка то и дело тебя дергает. Звонок звенел непрестанно. Миссис Стиптоу осведомлялась, как там оркестр, как закуска, как новые слуги и так далее.

Однако все это неизбежно перед большим приемом. Труднее были мысли о таинственном Джосе. Чибнел потому и страдал, потому и метался, что тот обретал возможность грабить дом сколько душе угодно. Если дворецкий — в саду, а грабитель — в доме, дело плохо, хуже некуда.

Выпив рюмочку-другую, Чибнел напряг свой могучий ум и кое-что придумал. Миссис Стиптоу была на террасе, смотрела в небо. Оно ей не нравилось.

— Да, Чибнел?

— Простите, мадам…

— Над теми деревьями — туча.

— Да, мадам.

— О Господи! Сейчас хлынет. Ну что за погода? Кто ее выдумал?

— Я хотел бы поговорить об этом Уэзерби, мадам.

— А что такое?

— Я не уверен, что можно оставить его в доме, пока мы здесь, мадам.

Миссис Стиптоу оторвала взоры от тучи, расползавшейся, словно клякса.

— Вы думаете, он вор?

— Уверен, мадам.

— Что же нам делать?

— Я бы предложил, мадам, вызвать его сюда, как бы на помощь. Тогда я смогу за ним смотреть.

— Умно, — признала хозяйка. — Очень умно. Замечательно! Чего не скажу о погоде. Сейчас хлынет.

— Боюсь, мадам, придется перейти в гостиную.

— Будет толкучка. Да вообще никто не придет, дождя побоятся! Вы бывали в Калифорнии?

— Нет, мадам. Мне не доводилось посетить Соединенные Штаты, но я об этом мечтал.

— Одно слово — рай!

— Так я и думал, мадам, после беседы с одним американцем. Я встретил его в молочном баре. Он очень хвалил свой штат.

— Знаете, как там живут? Никакого дождя. Посылай приглашения хоть за две недели, погода не подведет. А здесь… Идите поговорите с Уэзерби.

Чибнел ушел и вернулся через три минуты.

— Поговорил, мадам.

— Значит, все в порядке?

— Нет, мадам. Он отказался.

— Что?!

— Отказался, мадам. Говорит, не имеете права по законам лакейской гильдии. Такой гильдии нет, мадам.

— Ну, знаете! Идите снова, передайте…

Миссис Стиптоу замолчала. Она уже собралась уволить мятежного Джоса, но на террасу вышло Прекрасное Видение. Как на рекламе «Что носит элегантный мужчина», Говард Стиптоу сверкал от ботинок до шляпы, венчающей тыквенную голову. Птицы и те защебетали, увидев серый костюм, у пчел занялось дыхание от белоснежной рубашки, жуки советовали друг другу взглянуть на цветок в петлице. А миссис Стиптоу, ожидавшая увидеть замусоленного мотоциклиста, изменила свои намерения. Если вор может сделать это, Бог с ним, пускай ворует!

— Что вы сказали, мадам?

— Так, ничего.

В эту минуту хлынул ливень.

Джос решал кроссворд в гостиной для прислуги, думая о том, когда же гости так наедятся сэндвичей и упьются чаем, что можно будет приступить к делу. Тут и вошел Чибнел.

— А, Чибнел! — приветливо сказал Джос. Дворецкий был холоден.

— Вас просит мистер Стиптоу.

— То есть миссис?

— То есть мистер. Он у себя.

— То есть в саду?

— У се-бя. Если вы потрудитесь взглянуть в окно, то увидите, что идет дождь.

Джос посмотрел в окно и дождь увидел.

— Верно! Как же там с приемом?

Чибнел не хотел вдаваться в беседу, но тема уж очень его трогала.

— Все к собакам. Почти никто не пришел. Кто есть, сидят в гостиной. А что с миссис Стиптоу!

— Прекрасно себе представляю. Жаль ее, жаль, ничего не скажешь. Значит, папаша у себя? Сбежал? Нехорошо! Его место — в первых рядах. Пойду пристыжу.

При всем своем доверии к мастерству Томаса и послушанию хозяина, Джос удивленно ахнул, войдя в комнату.

— Ну, Стиптоу! — сказал он. — Да вы просто Аполлон! Мистер Стиптоу отмахнулся от заслуженных комплиментов.

— Вот что…

— Так я и знал, что вы это скажете.

— Вот что, я влип, — мистер Стиптоу нервно вцепился в цветок. — Портрет красть будете?

— Жду подходящего момента.

— Не ждите. Крадите сейчас. Сказано, я влип.

— Это я понял. А что случилось?

Мистер Стиптоу приник к нему и зашептал:

— Вот что…

— Да? — откликнулся Джос, отодвигаясь и вытирая ухо.

— Я все сделал, как вы сказали. Повел их за конюшню, стали мы играть…

— Очень хорошо.

— Хорошо? Они меня обчистили.

— Обчистили?

— Обыграли. Был там такой баронет с прыщами… Ну, это я вам скажу! В общем, обещал им завтра отдать. Вы представляете? Они меня ославят на все ихнее графство! Она узнает! О-ох!

— Что она вам сделает?

— Да что угодно!

— Понимаю. Что ж, надо спешить. Собственно говоря, в ту столовую сейчас никто не пойдет.

— Они пьют чай.

— Значит, сидят в гостиной. Ножнички взять можно?

— Нет у меня никаких ножничек!

— Тогда — бритву.

Вырезая портрет, Джос думал о том, идти ли в «Розу и корону», пока плеск дождя о стекло не подсказал ему ответа. Он вышел в коридор и огляделся. Никого не было. Он поднялся по лестнице — и встретил Салли,

которую хозяйка посылала за часиками.

— О! — сказала Салли.

— А! — сказал Джос.

— Я прямо подскочила.

— Все больная совесть! Вас-то мне и надо, юная Салли. Давно хочу поговорить.

— О чем?

— Да уж есть о чем. Пришло время сесть за стол переговоров. Прошу!

— Это спальня миссис Стиптоу.

— И прекрасно, — сказал Джос. — Где может быть тише и уютней?

Глава XV

Закрыв двери, он спросил:

— Что за чушь я слышу? Вы выходите замуж.

Именно так говорит гувернантка с вороватой воспитанницей; и Салли обиделась.

— Простите? — с холодным достоинством переспросила она.

— Правильно, — одобрил Джос. — Может, и прощу, если это — сплетни. Так выходите или нет?

— Выхожу. Разрешите узнать, какое вам до этого дело?

— В жизни не слышал такого глупого вопроса. На вас женюсь я.

— Да? Не знала.

— Теперь знаете. Мы же созданы друг для друга. Я это понял, как только вы вошли в кабинет. А вы не поняли? Странно. Это коту ясно. Вот — я, вот вы, вот мы с вами. Видимо, вы глупее, чем я предполагал.

— Не надейтесь, смеяться не буду.

— Что, что?

— Ваше остроумие до меня не доходит. Джос удивился.

— Остроумие? Вы думаете, я шучу?

— Конечно. Не всерьез же говорите.

— Именно всерьез.

— Вы заметили, что мы виделись два раза в жизни?

— Три, но и одного хватило бы. Это бывает. Возьмем Ромео. Возьмем, наконец, Чибнела. Зашел в «Розу», думал только о пиве — и увидел рыжую девушку. Глаза их встретились. «Вот!» — подумал он, равно как и я. Я понял, что мы созданы друг для друга в начале времен. Я вас ждал. Я знал, что мы встретимся. Словом, я вас люблю.

Салли немного растерялась. Теперь она верила, что он говорит всерьез, хотя он, подойдя к туалету, отрешенно рисовал на зеркале какие-то рожи. Вероятно, Ромео и Чибнел не рисовали бы, но он ведь странный, особенный — в общем, такой, что поневоле испытаешь материнские чувства.

— Вы бы их лучше стерли, — заботливо сказала она.

— Пожалуйста. — Он стал их стирать. — Словом, ясно. Они помолчали. Обнаружив крем, Джос мазал им кончик носа.

— Мне очень жаль, — сказала Салли.

— Ничего, ничего. О чем, собственно, жалеть? Ведь мы могли бы и не

встретиться. В сущности, это чудо. А вдруг вы не пошли бы к Дж. Б.? А вдруг бы я там не сидел? Да я вообще мог уехать!

— Мне жаль, что вы ко мне так… относитесь.

— Почему?

— Все ж неприятно говорить, что любишь другого.

— Вы что, всерьез?

— У вас крем на носу.

— Бог с ним. Вы что, всерьез его любите?

— А как же иначе?

— Ну, не его же!

— Да?

— Да. Это чушь какая-то. Коту ясно. Его любить нельзя.

— Вы не знаете Джорджа.

— Его зовут Джордж? Нет, знаю. Мне слуги рассказали. Он поет романсы. Не спорьте, это уже не тайна. Чепуха какая! Неужели вас так легко разжалобить? Любить его нельзя.

Было мгновение, когда Салли об этом думала. Романсы он пел и, как многие певцы, выжимал из них последнюю каплю сиропа — в тот памятный вечер он мог бы расплавить и Медузу, даже тетя Мейбл загрустила. А наутро, хотя и недолго, Салли думала о том, не по своей ли сентиментальности приняла его предложение?

Воспоминание мелькнуло и угасло, Салли в нем раскаялась и с особым пылом вскричала:

— А я вот люблю!

Джос напомнил себе, что надо быть очень мягким, очень тактичным, и сказал:

— Да он же полный дурак.

— Ничего подобного.

— Хорошо, — согласился Джос. — Я несправедлив. Конечно, он поет, но больше ничего плохого за ним не числится. Просто мне обидно, что вы его любите. Если он женится на ком-нибудь другом, я его поздравлю. Но на вас! Это чушь, и все. Вы его, кстати, не любите. Я понимаю, почему вам пришла в голову такая дикая мысль.

— Почему?

— Коту ясно. Мамаша Стиптоу гоняла вас туда-сюда: «Сходи на кухню!», «Чеши собаку», «Скажи шоферу»…

— Прямо негр из песни!

— «Старик-река»?![57]

— «Старик-река».

— Вы ее знаете?
— Я ее все время пою.
— И я.
— Вот бы послушать!
— Услышите, — пообещал Джос и, как умелый спорщик, перехватил инициативу. — Пожалуйста, вот и разница. Когда я пою, я п о ю, честно, громко. А он? Стрекочет, хуже барышни.
— Вы говорили про шофера и про собаку.
— Да. Так вот, вас совсем затуркали, и вы решили: «Что угодно, только бы отсюда выбраться!» Явился этот Джордж. Вам показалось, что вы в него влюблены.
Это было так верно, что Салли даже вздрогнула, но долгая тренировка научила ее сдерживать порывы.
— Мне пора идти, — сказала она.
— Куда?
— В гостиную.
— Нет, сперва разберемся. Надо все выяснить. Вы верите в духовное родство?
— Как у нас с Джорджем?
— Не шутите в такую минуту. Какой Джордж?! Мы, слуги, называем его Кадык.
Салли уже поняла, что ей не дается холодное достоинство. Теперь не далась и суровость. Казалось бы, поставь его на место — но нет, не выходит. В конце концов, это верно. Кадык… Точно, кратко, метко.
Она невольно хихикнула.
— Нам не до смеха, — сказал Джос.
— Я вспомнила шерри, — сказала она. Джос улыбнулся.
— Ловко мы с вами, а?
— Ловко.
— А он орет: «Эй!» У меня чуть голова не отвалилась.
— И у меня.
— Духовное родство, в чистом виде. Но мы отвлеклись. А вообще-то нет! Поговорим про Дж. Б. Даффа. Вчера я его видел.
— И я.
— Он мне сказал. И очень меня удивил. По его словам, вы готовы украсть портрет, чтобы получить деньги для Джорджа.
— Да, это правда.
— Слава Богу, я вам помешаю.
— Вы думаете?

— Что тут думать!
— Да?
— Да.
— Мы с вами соперники. Победит тот, кто ловчее.
— Это я.
— Как?
— Я украл картину. Вот она, под жилетом, вроде набрюшника.
— Не верю.
— Поглядите.
— Мистер Уэзерби!!!
— Джос.
— Джос, отдайте ее!
— Чтобы вы за него вышли? Не-е-ет. Это не вы говорите. Это говорит сентиментальная дурочка, да еще и под наркозом. Сами будете благодарить.

Салли кинулась на него, как кидалась Патриция на овчарку миссис Стиптоу. Она вцепилась ему в жилет, он схватил ее за руки — и как-то вышло, что они обнялись. Тут он перестал понимать, что делает. Чибнел ему объяснил бы. Начитанный Чибнел знал, что он прижимает Салли к груди, осыпая поцелуями ее запрокинутое личико.

Сколько это продолжалось, мы не знаем, но продолжалось бы дольше, если бы лорд Холбтон не вошел в комнату. Не дождавшись Салли, миссис Стиптоу послала его разузнать, как там часики.

Глава XVI

Согласитесь, такое зрелище — не для женихов. Дверь он открыл бесшумно, они его не заметили, и какое-то время сохранялся status quo: Джос целовал Салли; Салли (сперва колотившая его кулачками) как раз начинала понимать, что она удивительно счастлива.

Лучшее «я» ее не одобрило, но что поделать? Ей казалось, что именно этого она ждала с тех самых времен, которые провела в кабинете мистера Даффа. Лорд Холбтон покашлял.

— Э, — сказал он.

По-видимому, Отелло выразился бы иначе; но еще спасибо, что самый тон не выдал облегчения. Лорд Холбтон только и думал, как бы выкрутиться, не погрешив против чести, — и вот, пожалуйста. Слово Холбтонов — это слово Холбтонов, но не в таких же случаях!

— Э… а… — сказал он.

Джос выпустил Салли, как и требует вежливость. Если уж этот тип появился, надо с ним поболтать.

— Привет!

— Кто вы такой?

— Уэзерби.

— Лакей Стиптоу!

— Он самый.

— Ну, знаете! Так нельзя, — лорд Холбтон повернулся к Салли, — это нехорошо. Со слугами не целуются. Между нами… э… все кончено. Да, да, да!

И он удалился, забыв о часиках.

Джос, отошедший к туалету и рисовавший себе усы гримировальным карандашом, вдумчиво хмурился. Он думал о том, что его поведение все-таки не очень похвально.

— Простите меня, — сказал он, не оборачиваясь к Салли. Она не ответила. Он взглянул в зеркало, прикинул, нарисовать ли бородку, и решил, что это излишне.

— Не кидались бы ко мне, я бы ничего не делал. Пойти за ним, объяснить?

— Нет, не надо.

Джос быстро обернулся. Салли взвизгнула.

— Посмотрите на себя!

— А что?
— Ничего, ничего. Так даже лучше.
Джос немного растерялся.
— Вы сказали: «Не надо»?
— Сказала.
— Может, объяснить ему?
— Нет, спасибо.
— Я же вас поссорил. Теперь он не женится.
— Очень хорошо.
— Вы говорили, вы его любите.
— Значит, передумала. Джос понимающе кивнул.
— А-га… Вероятно, заметили кадык. Так и скачет, так и скачет. Просто мышь в ловушке. Видите, я был прав.
— Вы всегда правы.
— Не совсем.
— Откуда такая скромность?
— Понимаете… раньше… ну, раньше я думал, что мы с вами поженимся. А теперь, когда я… ну, я…
— Воспользовались беззащитностью невинного создания?
— Именно! Вы заметили? Схватил… прижал…
— Поцеловал.
— Да! Поцеловал, как последняя сволочь. Разве можно иметь дело с этим Дж. П. Уэзерби?
— Почему «П»?
— Мое второе имя — Пармали.
— Вот это да!
— В честь крестного. И зря, ничего не оставил. Так вот, разве можно иметь с ним дело? Нет, ни в коем случае.
— Значит, и вы иногда ошибаетесь.
— Что вы имеете в виду?
— Вы прекрасно поняли.
— Понять-то понял, а принять — боюсь. Салли, ты правда…
— Да, Пармали.
Он снова обнял ее. Великое дело — практика. Через какое-то время они заговорили.
— Это и есть рай, — сказал Джос.
— Да?
— Да. Самый настоящий. — Он помолчал. — Рай. И все-таки…
— Ты жалеешь?

— Чтотычтотычтотычтотычтотычтотычтоты! Я недостоин.
— Странно. Ты очень высокого мнения о Дж. П. Уэзерби.
— Конечно. Прекрасный человек. А тебя — недостоин. Вот я подумал: чем я это заслужил? Не знаю. Просто стыд! Я не смею застегнуть твои туфли.
— Они на завязочках.
— Ну, завязать. Очень может быть, что ты сочла меня немного наглым. Нет. Это не так, я очень тихий. Помнишь свинопаса и принцессу? Мы с тобой. Не пойму, что ты во мне нашла.
— Красоту. Характер. Славу.
— Она меня ждет?
— Еще как! Отдашь Даффу картину, он возьмет тебя обратно…
— Мало того, повысит. Мы, женатые люди, должны думать о будущем. Возглавлю отдел рекламы. Не согласен — не получит портрета.
— Ты уверен?
— В чем?
— Что ему так нужен портрет.
— Не знаешь ты старого Даффа. Истинный мул. Вобьет себе что-нибудь в голову, молотком не выбьешь. Он просто помешался на этом портрете.
Салли молчала.
— О чем ты думаешь?
— Надо мне с ним поговорить.
— Вместо меня?
— Да. Ты не очень деликатен.
— Я? Не деликатен?
— Можешь из комнаты выгнать.
— Ты не понимаешь. Это очень тонкое дело. Тут — не я один, тут целый синдикат. Надо защитить интересы каждого!
— Не понимаю!
— Так я и сказал. Тайну хранить можешь?
— Вряд ли.
— Ну, эту — сохрани. Мистер Дафф даст деньги мне. Я уделю немалую часть Стиптоу, он едет в Голливуд.
— Не знала, что он играл.
— Пока — в эпизодах, но была и роль, целых три реплики. Спроси, он тебе расскажет. А еще… интересно, можешь ты уподобиться могиле?
— Зачем?
— Затем. Чтобы никто ничего не узнал. Это — про леди Чевендер.

— А что с ней такое?
— Ей тоже нужны деньги.
— Ты не спутал? Она очень богатая.
— Нет. Разорилась. Как говорит Дж. Б., вот послушай…
— Он и тебе это говорил?
— Сотни раз.
— Мне тоже сказал, тогда.
— Вот как? Ну слушай.
Что-что, а рассказывать он умел. Салли слушала как зачарованная.
— Ой, бедная! — сказала она.
— Именно, бедная. Если твоя тебя Мейбл узнает, она ее заест.
— Не без того. Острыми зубами. Значит, часть денег — ей. Получим от Даффа.
— Ты его не испугаешься?
— Конечно, нет.
— Хорошо. Вот картина. Засунь под платье, держи крепко. Ты поедешь или пойдешь?
— Поеду. И приеду.
— Буду ждать. Где?
— У ворот.
— Ладно. Хвост пистолетом!:
— Держу. Пип-пип!

Когда дверь затворилась, Джос рухнул в кресло. Через некоторое время он подтянул к нему столик, чтобы положить куда-нибудь ноги, вынул трубку и раскурил. Происшедшие чудеса надо было обдумать как следует, вспомнить каждый миг, высосать его, словно лист артишока.

Дойдя до нежданных объятий, он только начал улыбаться нежной, умиленной улыбкой, как вдруг сзади раздался достаточно мощный взрыв. Он посмотрел туда. Миссис Стиптоу стояла в дверях, подобно мистеру Даффу в другом, тоже историческом случае.

Джос поднялся. Хотя в манере его мы заметили бы лишь старомодную учтивость, сам он немного взволновался, неожиданно припомнив, что, собственно говоря, находится в дамской спальне. Очень может быть, думал он, что хозяйка рассердится.

Чутье его не обмануло. Миссис Стиптоу вообще была не в духе. Дождь погубил ее прием, загнав самых скучных гостей в душную комнату. Баронет с прыщами, резво смеясь, только что рассказал ей об игре в кости. Наконец, посланцы уходили и возвращались без часиков. Недоставало

увидеть лакея, положившего ноги на ее столик.

— Так! — сказала она.

Трудно ответить на это, но Джос попытался, предложив виноватую улыбку. Хозяйка затряслась, словно он ударил ее мешком по голове. Бывают минуты, когда улыбка, сколь угодно виноватая, оказывается последней каплей. Для миссис Стиптоу такая минута пришла.

— Нет, он еще ухмыляется! — проговорила она. — Сидит В Моей Спальне, — голос ее повышался, будто она беседовала с глухим, но понятливым гостем. — Курит Трубку… Ноги На Столе… И Ухмыляется!!!

— Поверьте, мадам…

— У-ХМЫ-ЛЯ-ЕТ-СЯ! — вскричала миссис Стиптоу. — Как полоумная горилла, — прибавила она для точности.

Джосу оставалось обиженно завыть, что он и сделал.

— Тихо, — сказала ему хозяйка. — Говорю я.

Говорила действительно она, и голос ее звенел, а Джос какое-то время слушал, склонив голову. Он не мог бы сказать, когда именно ощутил, что с него хватит; но ощутив, тут же и произнес, благо она остановилась, чтобы набрать воздуху:

— Мадам, я буду счастлив, если вы примете мою отставку. С завтрашнего дня я у вас не служу.

— Нет, что же это такое! — возопила миссис Стиптоу. — Отставку! Да я вас увольняю, с этой минуты!

— Прекрасно, мадам, — сказал Джос. — А я вас оставлю. Мне надо повидаться с одним человеком.

Время быстро пролетело в беседах, он боялся опоздать и, действительно, застал Салли у ворот. Она явно волновалась.

— Как ты долго.

— Прости, заговорился с твоей тетей. Ну как?

— Джос! Что случилось!

— Что?

— Я видела мистера Даффа.

— И что же?

— Ему не нужен портрет!

— Что?!

— Портрет не нужен, — объяснила Салли чуть не плача — и заплакала.

Глава XVII

Не так уж легко оттащить плачущую деву от руля и осушить ее слезы, но Джос это все проделал. Рыдания сменились бульканьем, бульканье — молчанием.

— А теперь, — сказал он, — расскажи мне все по порядку. Салли судорожно глотнула.

— Прости, не сдержалась.

— Ничего, плакать полезно. Что же случилось?

— Я говорила. Он не берет картину.

— Ты что-то спутала.

— Нет. Все очень просто.

— Скорее — сложно.

— Просто. Он женится на леди Чевендер…

— Что?!

— Женится. Она зашла сегодня к нему, и они договорились. Он ее любил столько лет. Ты не знал?

— Понятия не имел.

— Так вот, раз они поженятся, зачем ему портрет? Понимаешь, он хотел на него смотреть и думать о ней. Неужели он даже тебе не сказал?

— Как-то не довелось.

— А ты сам не думал, зачем ему картина?

— Что же тут странного? Ранний Уэзерби! Но мы отвлеклись. Значит, ты пришла в гостиницу…

— Да. Он меня дожидался, ужасно бледный. Видимо, что-то съел.

— А!

— Ночью он чуть не умер. А утром она пришла.

— Так, так, так, так… Понимаю. Он лежит в изнеможении, после бессонной ночи, и тут входит она, принося отраду. Верно?

— Да, да! Ангел.

— Вот именно. Помню, я набросал стишки об этом самом явлении. Когда легко, горда и холодна (писал я), но стоит горю омрачить чело, она, подобно ангелу, и так далее.[58] Словом, мне все понятно. Леди Чевендер влетает в комнату, касается прохладным крылом пылающего лба, и мистер Дафф говорит ей: «Зачем мы расстались? Почему не ценили небесного блаженства? Начнем сначала!» Она соглашается.

— Да, наверное, так.

— Желудок — великая сила! До чего он только не доводит…

— При чем тут желудок? Мистер Дафф ее любил столько лет!

— А, прости, из памяти выпало.

— Трогательно, правда?

— Куда уж трогательней!

— Хотя для нас и плохо.

— Куда уж хуже! Ты говорила обо мне?

— Конечно. Я сказала, что мы поженимся.

— А он что?

— Удивился. Посоветовал сходить к психиатру.

— Какой милый!

— Он говорит, лучше уж за Джорджа. Ночью он много думал и решил, что в Джордже что-то есть.

— Как его скрутило, однако! Не думал, что желудок влияет на мозг.

— Он отдал Джорджу деньги.

— Это хорошо. Я уж беспокоился. А меня обратно не возьмет?

— Нет. Ночью он думал…

— Не вредно ли столько думать?

— … и решил, что ему так плохо из-за тебя.

— Вот гад какой! Я же спас ему жизнь.

— Да, я напомнила, а он сказал, что двух лет за это достаточно. Ты поил его вчера бренди?

— Почему «поил»? Предложил, он и накинулся. А что?

— Нет, ничего. Он считает, что с этого и началось. Все-таки желудок…

— Скорее мозг. Разум его туманен. Что ж, если он меня не берет, придется нам подождать. Конечно, рай — в шалаше, но у нас и на это нет денег. Лично у меня — пятнадцать фунтов. Заработать негде. Кому нужен художник?

— Мне.

— Это хорошо. Ты уверена, что не вернешься к лорду, бла-го. он теперь богат?

— Уверена.

— Господи! — вскричал Джос. — Если бы я не проспал, мы бы не встретились!

— Да?

— Да. Меня ждали к десяти. Но я заигрался в карты, проспал, и ты меня застала в кабинете. Какой урок! Буду опаздывать.

— И на свою свадьбу?

— На свадьбу… Когда она еще будет! Что нам делать, как ты думаешь?

— Не знаю.

— Что-то сделать можно. Люди все время женятся. Не богаты же они! Вот что, дай мне этот портрет, я отнесу его к себе и выйду погуляю. Может, осенит… в общем, жди. Скоро обо мне услышишь.

Когда он вернулся в усадьбу, дождь прошел, светило запоздалое солнце. Оно и выманило на прогулку лорда Холбтона.

И как тут не гулять? Он свободен от опрометчивой помолвки, в кармане — чек на крупную сумму. Если уж это не удачный день, то второй барон просто не знал, где они, эти дни.

Естественно, он пел романс и дошел до самых чувствительных пассажей, когда услышал особенно мрачный пассаж песни «Старик-река», а вскоре и увидел нового лакея.

Если один человек поет романс, а другой — «Реку», кто-то должен уступить. На сей раз уступил лорд Холбтон, немного жалея, что не удалось вывести любимую трель.

— Добрый вечер, — сказал он. — Как поживаете? Обычно он не был так приветлив, но чего не сделаешь на радостях! Тем не менее Джос, как и старик-река, катил свои волны вперед. Оглянулся он не сразу, а тогда мрачно буркнул:

— Здрасьте.

— Знаете, — сказал барон, — Салли мне о вас говорила.

— Да?

— Она говорила, что вы не лакей. Вы просто хотели быть там, где она.

— Да?

— Очень романтично. Они помолчали.

— Вы ведь знаете Даффа?

— Да.

— Служили, хе-хе, под его знаменами?

— Да.

— Странно, что мы с вами не встречались. Вы к нему ходили по службе, я — за деньгами, могли и встретиться.

— Да.

— А вот не довелось.

Джосу показалось, что он не совсем вежлив.

— Вас надо поздравить, — сказал он, чтобы это возместить.

— С чем?

— С деньгами. Я слышал, он их дал наконец.

— А, вот что! Дал, как не дать. После обеда еду в банк, пока не передумал. Мало ли что!

— А что?

— Да он вечно так. Разболеется, умилится — а потом приходит в себя, и все сначала.

Джос вздрогнул.

— Вы серьезно говорите?

— Куда уж серьезней!

— Значит, вы думаете… Ну, возьмем такой случай. Человек болен, к нему пришла дама, он решил, что любит ее…

— Кто, Дафф?

— Неважно. Это пример.

— По-моему, Дафф вообще не…

— Сказано, пример. Может так быть, чтобы он одумался?

— Что, что?

— Ну, пожалел.

— Если это Дафф — вполне.

Джос ощутил что-то такое, приятное. То была надежда.

— Вы мне подали мысль, — сказал он. — . Уже уходите?

— С вашего разрешения. Подумать надо.

— О, подумать! — лорд Холбтон широко повел рукой. — Пожалуйста, не держу. Салли — большой привет.

Джос опять смутился.

— Простите, — сказал он.

— За что?

— Ну, за Салли. Мне так жаль…

— Как, уже?

— Нет, я вас жалею. Нетрудно понять, что вы чувствуете…

— Я? Дорогой мой, не волнуйтесь! Я очень рад, очень рад. Получу деньги — и в Италию. Надо ставить голос. Поверьте, все к лучшему. Да, да, да, она прелесть, но не для меня же! Лично я считаю, что жениться глупо. В жизни своей не женюсь! Только полный осел…

Джос мог бы с этим поспорить; мог бы — но не хотел. Он думал о том, согласен ли с лордом мистер Дафф. Если согласен, все в порядке.

Дойдя до дома, он поспешил к телефону для слуг и застал там Чибнела.

— Да? — говорил тот. — Уэзерби? Как раз пришел. Сейчас попрошу. Это вас.

Джос схватил трубку.

— Алло!
— Уэзерби? Кто-нибудь слышит? Джос огляделся.
— Вроде бы нет.
— Можете сейчас прийти?
— Смотря зачем.
— Несите портрет.
— Он вам нужен?
— Еще бы!
— А вы сказали, не нужен.
— Передумал.
— Да?
— Да. Вы меня поняли?
— Еще бы!
— Тогда — ноги в руки, — закончил мистер Дафф.

Глава XVIII

Джосу показалось, что Чибнел несколько холоден, и он не ошибся. Голос мистера Даффа просто потряс дворецкого. Беседа в «Гардении» была недолгой, но он его сразу узнал и чрезвычайно всполошился. Мыль о том, что злодеи беспардонно сговариваются по телефону своих жертв, очень тяжела.

Чтобы подумать, он пошел к себе, в затвор кельи, оставляя суету гостиной более веселым минутам. Придя, он налил себе портвейну и стал думать.

К раздумьям исподволь примешивалась досада — почему он, дворецкий, должен играть роль бесплатного сыщика? Очень может быть, что ночью эта шайка что-то предпримет. Значит, снова надо там спать. Вспомнив былое, он пожалел, что наделен чувствительной совестью.

Когда, допив портвейн, он прикидывал, налить ли еще, явился мальчик на посылках и позвал его к телефону. Голос в трубке принадлежал божественной Вере.

— Сидни!

— Да?

— Это ты?

— Да.

— Сидни!

— Да?

Вера произнесла 250 слов за время, отведенное слов на пять, и Чибнел ее упрекнул.

— Это ты?

— Да.

— А я думал — трещотка. Телефон сломаешь. Вера упрек приняла.

— Сидни, они тут!

— Где?

— У меня, в баре. Сговариваются.

— Иди слушай. Разве можно их оставлять?

— А ты не кричи.

— Я не кричу.

— Ладно, иду к ним. Вообще-то я уже слушала.

— Что они говорят?

— Ничего особенного.

— А ты сказала, сговариваются.
— Ждали, пока я уйду. При мне говорили, что кто-то женится.
— Женится?
— Да. Тонкий — за, толстый — против. Ой, Сидни!
— Что такое?
— Он без усов. Ну, иду. Спрячусь за этим окошком, из кухни. Все будет слышно.
— Ладно, иди, и звони скорей.
— Иду, иду, иду, иду, иду! — сказала Вера, выдавая волнение. — А я что делаю?

Она повесила трубку и мягким, упругим шагом сыщика побежала к окошку. Приоткрыв его дюйма на два, она услышала такое, что даже свистнула.

Толстый: Где он?

Тонкий: У меня в комнате.

Толстый: Несите сюда!

Тонкий: Нет. Сперва обговорим условия.

Мисс Пим вцепилась в створку, потрясенная этими словами, но мы не последуем ее примеру. Серьезному летописцу важна и первая часть беседы. Когда такие умы обсуждают таинство брака, это вам не кот начхал. Мало сказать «тонкий — за, толстый — против», необходимо привести подлинные слова.

Когда Джос вбежал в вестибюль, он обнаружил там мистера Даффа, скрючившегося в кресле, словно скульптура Эпштейна.[59] Однако еще больше его поразило отсутствие усов.

— Слава Богу! — воскликнул Джос.
— Э?
— Вы их сняли.
— Она заставила.
— Кто?
— Беатрис, — мрачно отвечал Дафф. Усы он не так уж любил, но гордый дух возмущался. Воспользовавшись этим ответом, Джос прямо перешел к делу.
— Вы что, на ней женитесь?
— Э?
— Ну, на леди Чевендер.
— Хоть бы мне кто сказал! Я и сам не знаю.
— Не знаете?
— Нет.

— Очень странно. А почему?
— Не могу вспомнить, что я говорил.
— Ну, ну! Предложение делали?
— Что вы!
— Тогда в чем дело?
— Вот, послушайте…
Он помолчал и подождал, словно робкий посетитель французского ресторана, которому впервые в жизни подали буйябес. Прошлое пугало его.
— Послушайте, — сказал он наконец. — Лежу я, значит, в постели, всю ночь промучился…
— К утру полегчало?
— Нет. Правда, боль прошла…
— Но ее сменила слабость. Вы мелко дрожали, словно коляска от мотоцикла. Хорошо, молчу!
— А вы не лезьте.
— Я жду любовного мотива. Входит она…
— Именно. Я чуть не умер.
— И вслед затем…
— Она говорит: «Джимми, вид у тебя поганый». А я говорю: «Мне худо». А она говорит: «Что-нибудь съел». А я говорю: «Ха-ха!» А она говорит: «Бедный ты, бедный! Красив, ничего не скажешь, но брюхо — хуже некуда».
— Первые слова, которыми вы обменялись за пятнадцать лет?
— Да. А что?
— Я часто думал, что говорят в таких случаях. Теперь — знаю.
— Кто говорит? При чем тут мы? Что я ей, жених?
— А разве нет?
— Сказано вам, не знаю.
— Подушку поправила?
— Нет. Пошла в аптеку и принесла что-то вроде дуста. Легче мне стало, ничего не скажу, гораздо легче, но во рту — до сих пор конюшня.
— Так. Дальше что?
— Мы поболтали.
— О чем?
— О том, о сем.
— Ах, вон что!
— Ну, о прошлом. «Ты помнишь?», «А ты помнишь?», «Как там этот?», «Как тот?». Сами знаете. Потом она спросила, как я дошел до

жизни такой.

— А как вы дошли?

— Долго рассказывать.

— Ну, не надо. У нас будет время в этом разобраться, когда вы пригласите к ужину своего любимого сподвижника, возглавившего отдел рекламы.

— Рекламы?

— Именно.

— Вы так думаете? Джос не стал настаивать.

— Если это все, — сказал он, — вы вышли из положения с честью.

— Это не все!

— Так я и знал. Что же случилось?

— Она положила руку мне на лоб…

— Вот оно!

— … и сказала, что за мной нужно присматривать. Лучше всего в таких случаях жена. Кажется, я кивнул.

— Ну, что же это?!

— Думаете, влип?

— Конечно.

— Я ничего не имел в виду. Это — обобщение.

— Хватит, Дж. Б. Заказывайте свадебный пирог.

— О Господи!

— И покупайте билеты в Париж. Снимите мерку для брюк. Подыщите священника, распорядитесь насчет лакеев. О чем вы думали? Сами распустили слухи, что любите ее пятнадцать лет…

— До нее дошло?

— Конечно. Все только об этом и говорят. Вас ставят в пример другим мужчинам. И после этого вам кажется, что можно вот так кивать? Вы удивляете меня, Дж. Б. Считайте, что вы женаты.

— Идемте в бар, — сказал мистер Дафф. — Мне надо выпить.

Когда они делали заказ, Джосу показалось, что Вера немного взволнована. Ее прекрасные глаза были круглее, чем обычно, и она как-то слабо хихикала. Но сейчас ни ему, ни его спутнику было не до нее. Отойдя с полными кружками в самый угол, они оказались под тем окошком.

Разговор начал Джос, уже повеселее.

— Не понимаю, — сказал он, — что вы мечетесь? Другой бы плясал, венчая себя цветами. Вам же очень повезло! Она чудесная женщина. Красива. Умна. Чувство юмора — самый высший сорт. Чего вам еще надо? Вот привалило человеку! Только начнете жить, до сих пор вы прозябали.

Мистер Дафф мрачно помолчал, еще больше напоминая скульптуру, которую изваял Эпштейн после новогодней попойки.

— Понимаете, — сказал он, — я вообще боюсь брака. Я и тогда удивился, зачем я женюсь. Когда она меня бросила, я пел, как птичка.

Джос просто дернулся, и не только потому, что неприятно представить мистера Даффа в виде птички.

— Боитесь брака! — вскричал он. — Да лучше него нет ничего на свете! Только полный кретин может в этом сомневаться. Вот скажите, мисс Пим…

— Да? — встрепенулась Вера.

— Правда, брак — лучше всего?

— Ой! — отвечала Вера, расплескивая пиво.

— Истинный рай, верно?

— У-ой! Простите.

Она поспешила отойти. Джос обернулся к собеседнику.

— Слышали? — спросил он. — Кричит от восторга. Устами барменши глаголет истина. Сходите в чистку, Дж. Б., пусть вам почистят душу. И отгладят.

Насмешка тронула мистера Даффа не больше, чем уговоры.

— Послушайте, — сказал он. — Когда вы женитесь, что бывает? Я вам объясню. Гибнет свобода. Раньше был сам себе хозяин, а теперь — раб. Возьмем эти усы. Хорошо, фальшивые, не в этом дело. Они мне вообще не нужны, но это она решила, не я. И так все время. Я люблю на сон грядущий выкурить сигару. За обедом я читаю. А шлепанцы? Придешь с работы, только хочешь их обуть, а она тут как тут: «Джимми, одевайся, мы же едем к Уилберфигам». Брак. Хо-хо!

Джос покачал головой.

— Мрачная картина, Дж. Б. Я описал бы все иначе. Мне наливает кофе, улыбается прелестнейшая из женщин. Я ухожу на работу, думая о том, что тружусь ради нее. Может быть, мы встречаемся в кафе. Я работаю дальше, вспоминая ее веселый голос. Вечером мы обсуждаем все, что было за день, слушаем радио…

— У меня мысль, — прервал его мистер Дафф.

— Не перебивайте. Я забыл, на чем остановился.

— Вот, смотрите…

— Раньше вы говорили: «Вот, послушайте». Выберите что-нибудь одно.

— Смотрите. Она меня бросила, потому что я говорил о ветчине. Представляете, что будет, если она узнает правду?

— Про рекламу?
— Да.
— Ну, я вам не завидую. Когда вы ей скажете…
— Зачем? Я просто выпущу плакаты, а она их увидит, по всему городу. Естественно, кинется мне звонить. Я подниму брови…
— По телефону?
— Да. И скажу: «Что за тон? Если мне нужен такой плакат, я его выпускаю. Тебе это не нравится?…» ну и так далее.
— Все по телефону?
— Да. В общем, она меня бросит. Портрет у вас?
— Нет.
— Я же сказал, принесите! Никакой дисциплины! Могли его взять у своей малявки…
— Если вы еще раз…
— … и принести мне. Почему вы не взяли?
— Я взял.
— Где же он?
— У меня в комнате.
— Несите сюда!
— Нет, Дж. Б. Сперва обговорим условия. По дороге в усадьбу.
Сидни ждал у телефона. Наконец звонок зазвонил.
— Алло.
— Сидни?
— Да.
— Это ты?
— Кто ж еще?
— Ты тут?
— А где, в Африке?
— Не груби.
— Я не грублю.
— Нет, грубишь.
— Ладно, прости, — сказал Чибнел, умевший обуздывать себя. — Очень уж хочется узнать поскорей. Новости есть?
— О-о-о!
— Так есть или нету?
— О Сид-ни! Какой ужас!
— Ты что-то слышала?
— О-о-о!
— Сговаривались?

— Еще как! Сидни, у этого Уэзерби что-то в комнате. Толстому оно нужно. Они идут в усадьбу.

— Что?!

— Да, да, идут. А по дороге обсуждают условия. Что ты будешь делать?

Чибнел задвигал челюстями.

— Пойду к нему в комнату, обыщу. Подожду их.

— О-о, Сид-ни!

— Да?

— Они тебя убьют.

— Я их первый убью. Надо захватить винтовку.

— О-о-о-о-о!

— Спрячусь за гардиной.

— А-ах! Ты поосторожней.

— Хорошо.

— А то позвонит миссис Эллис, что ты плаваешь в крови… Чибнел засмеялся. Ах, уж эти девичьи страхи! Что ж, нежность или тонкость души он одобрял.

— Ладно, не буду плавать.

— Пожалуйста! — взмолилась Вера.

Глава XIX

После обеда, в половине десятого, усадьба наслаждалась тем мирным вечером, который недавно хотел описать Джос. Гардины задернуты, лампы горят, по радио льется органная музыка, миссис Стиптоу сидит с овчаркой, леди Чевендер — с мопсом, мистер Стиптоу — с кошкой, которой он очень нравился. Странный вкус, но кошки — этот кошки.

Кроме того, миссис Стиптоу шелестит газетой, которую за весь день не успела просмотреть. Овчарка неприязненно смотрит на кошку. Кошка презрительно шипит на овчарку. Леди Чевендер читает книгу, почесывая мопсу животик. Мистер Стиптоу, еще не пришедший в себя после беседы с женой, полулежит в кресле, думая об искусстве.

Салли гуляет в саду. Лорд Холбтон, как он и предупреждал, уехал в Лондон, чтобы явиться в банк к открытию.

После прекраснейшего обеда с изысканными винами миссис Стиптоу стало полегче. Ненависть к людям, вдохновлявшая ее чуть раньше, сосредоточилась на Джосе. Его простить она не могла, да и не пыталась.

Прочитав заметку, что некий Алберт Филбрик, 39 лет, упал в раскоп на Кингз-роуд, где сломал ребро и ободрал череп, она размечталась — в конце концов, последний лакей ее мужа уехал в Лондон! Мечты ее прервало появление Чибнела.

Предположив, что он собирается убрать чашки, она удивилась, ибо вместо этого он пошел прямо к ней и учтиво покашлял.

— Разрешите сказать, мадам…

— А, что?

Если бы миссис Стиптоу лучше знала греческую драму, она бы припомнила Вестника; но она не припомнила.

— Этот Уэзерби, мадам…

— Он еще здесь?

— Да, мадам.

— Прогоните немедленно, — сказала она, обращаясь в гремучую змею. — Нет, что это такое! Я его уволила…

Мистер Стиптоу очнулся.

— Ты уволила Уэзерби, лапочка?

— Да. Если я кого-то увольняю, он уходит, а не слоняется по…

— Он не слоняется, мадам, он сидит в погребе.

— Что?!

— Я подстерег их с сообщником, мадам, и счел уместным запереть.

Чибнел знал, что это — сенсация, и с удовольствием увидел, как у всех, кроме мопса, кошки и овчарки, отвалилась челюсть. Мистер Стиптоу сумел еще и вскрикнуть.

— Они грабили дом? — спросила миссис Стиптоу.

— Да, мадам.

— Почему вы раньше не сказали?

— Не хотел огорчать вас за обедом, мадам.

Признав, что это разумно и милосердно, миссис Стиптоу перешла от упреков к вопросам.

— Украли что-нибудь?

— Да, мадам. Портрет леди Чевендер, мадам.

— Портрет?

— Да, мадам. Я получил сведения о том, что Уэзерби прячет что-то ценное. Обыскав его жилище, я обнаружил упомянутый портрет и отнес к себе. Затем я спрятался у него, за гардиной, держа наготове винтовку. Когда явились они с сообщником, я препроводил их в погреб.

Он скромно помолчал, как умелый оратор, а миссис Стиптоу сказала:

— Очень хорошо.

— Спасибо, мадам.

— В полицию позвонили?

— Еще нет, мадам. Ждал ваших распоряжений.

— Идите звоните.

— Иду, мадам. Привести Уэзерби сюда?

— Зачем?

— Он хочет что-то сказать.

— Хорошо. Ведите.

— Сию минуту, мадам.

Пока он ходил за преступником, миссис Стиптоу говорила, словно сыщик в последней главе, разъясняющий остатки тайны. Было время, призналась она, когда махинации этого субъекта оставались для нее загадкой. Да, она понимала, что он что-то замыслил, но не могла понять, что именно. Теперь все ясно. Его нанял Дафф. Отправив Уэзерби в тюрьму, надо заняться им — любой адвокат скажет, как именно, — и предъявить иск на миллионы. Пусть знает.

Ни муж ее, ни леди Чевендер не прерывали этой речи. Прекрасная Беатрис задумчиво чесала мопсу животик, прекрасный Говард шагал по комнате. Он страдал. Мало того, что он проиграл в кости, — теперь придет Уэзерби и все выдаст.

Уэзерби и пришел, под конвоем Чибнела. Вид у него был средний, погреб не красит, но держался он браво.

— Добрый вечер, — сказал он. — Простите, не успел помыться. Мой друг меня очень торопил.

— Помоетесь в тюрьме, — обещала миссис Стиптоу.

— Ну, до тюрьмы не дойдет!

— Вы думаете?

— Конечно.

— Делайте заявление! — сказал Чибнел, соединявший до сих пор сухость полисмена с учтивостью дворецкого. Теперь, на одно мгновенье, он учтивость утратил.

— Что, что?

— Вы сказали, что хотите сделать заявление.

— Да, хочу, — весело сказал Джос. — Во-первых, мой товарищ по узилищу ни в чем не виновен. Он просто ко мне зашел. Отпустите его, я вам советую.

— Мадам…

— Да?

— Это неверно. Человек, сообщивший мне сведения, слышал их разговор, не оставлявший сомнений в том, что они — одна банда. Сообщники, — поправил он свою оплошность.

— Оставим пока сообщника, — предложила миссис Стиптоу. — Что вы хотели сказать?

— Да, портрет украл я. Но почему?

— Я объясню вам.

— Нет, это я вам объясню. Я его писал. Вы знаете, что для художника его шедевр. С той минуты, как я с ним расстался, я не ведаю покоя. Осуждайте меня, если хотите.

— Хочу.

— Странно! Вы, с вашей любовью к Коро, могли быть помилостивей.

— Ерунда!

— Я не удивлюсь, если сам Коро делал то же самое. Художник — это художник.

— А я — это я. Когда я ловлю вора, я его сажаю в тюрьму. Тем более что вам я не верю.

— Такая хорошая история! — возмутился Джос.

— Звоните в полицию, Чибнел.

Говард Стиптоу остановился у стола, кошка прыгнула ему на голову. Благородство Уэзерби всколыхнуло его благородство. Он понял, что

должен открыть все. Нет, не хотел — но понял. И тут заговорила леди Чевендер.

— Подождите, Мейбл!

— Да, Беатрис?

— Мистер Уэзерби действительно его писал.

— Разве это причина, чтобы красть?

— Нет, это не причина. Крал он для меня.

— Не слушайте! — вскрикнул Джос. — Леди Чевендер не в себе!

Миссис Стиптоу широко открыла ярко-голубые глаза.

— Для тебя? В каком смысле?

— Мне срочно нужны деньги. Я не все говорила тебе, Мейбл. Дело в том, что я разорилась.

— Леди Беатрис бредит, — сказал Джос. — Не обращайте внимания.

— Ты, — сказала миссис Стиптоу, — разорилась? Это шутка?

— Не для меня.

Миссис Стиптоу медленно покрывалась багрянцем.

— Так, — сказала она.

— В конце концов, — сказал Джос, — что такое деньги?

— Так…

— Суета сует.

— Так!

— Не в деньгах счастье.

— Та-ак!!! Ну, знаешь ли…

Она вскочила. Овчарка обиделась, кошка — тихо улыбнулась.

— Не ждала от тебя, Беатрис, — произнесла миссис Стиптоу. — Это многое меняет. Конечно, ради бедного Отиса, я тебя не выгоню, можешь тут жить…

— Я знала твое доброе сердце.

— … но…

— Я буду жить у мужа.

— Какого мужа?!

— У Джимми.

— У мистера Даффа? — проговорила миссис Стиптоу.

— Кстати, — заметил Джос, — его годовой доход — двести тысяч. Конечно, если он вернет меня, будет больше.

Миссис Стиптоу на него посмотрела. Все-таки у нее была возможность хоть немного утешиться.

— Ему придется подождать, пока вы отсидите срок, — сказала она. — Чибнел, звоните в полицию.

— Не надо, Мейбл.
— Почему?
— Ну, все-таки…
Мы не знаем, чем хотела леди Чевендер тронуть свою золовку, ибо попытку ее пресекли собачий вой и кошачье шипение.
С той поры, как миссис Стиптоу, вскочив, наступила ей на лапу, овчарка обдумывала, кто в этом виноват, и вывела, что вина лежит на кошке. Она вообще кошку не любила. Она считала, что ей место в библиотеке. Пока та вела себя пристойно, она терпела; но гипнотизировать женщин, чтобы они наступали на лапы, — это уж Бог знает что! Пришло время действий.
Когда овчарка до этого додумалась, кошка все еще сидела на голове у мистера Стиптоу; и он удивился, когда внезапно заметил, что мерзкая тварь на него кидается, нет, больше — царапает ему лицо. Конечно, испортить такое лицо невозможно, но дело в принципе. Приятно ли сознавать, что ты — подставка, по которой карабкаются к цели?
Природа подарила Говарду Стиптоу одно несомненное достоинство — правый апперкот. В былые дни кое-кому удавалось от него увернуться, но теперь противник просто нарывался, предоставляя ему возможность выразить себя. Раздался глухой звук, и овчарка, пролетев по воздуху, опустилась на уставленный фарфором столик. Собравшись с силами, она уселась среди осколков, словно Марий в Карфагене,[60] и принялась зализывать раны. Для нее битва окончилась.
— Го-вард! — сказала миссис Стиптоу.
Совсем недавно звук этого имени, произнесенного этой женщиной и этим тоном, мгновенно превращал его владельца в дрожащую протоплазму. Недавно — но не теперь. Мистер Стиптоу напоминал статую Добра, победившего Зло. Так стоял он перед женой, почесывая кошку. Подкаблучник становится героем, если даст собаке в зубы.
— Чего ты порешь? — осведомился он.
— Я говорю о том, — отвечала миссис Стиптоу, — что отправлю Уэзерби в тюрьму.
— Да? — удивился ее муж, несколько багровея и расширяясь в груди. — Интересно! Ладно, слушай. Никуда ты его не отправишь. Я его люблю.
— И я, — сказала леди Чевендер.
— Собственно, и я, — сказал Джос.
Такое единодушие вдохновляет; вдохновило оно и хозяина.
— Чей это портрет, твой? — заметил он. — Нет, мой. Кого он ограбил,

тебя? Нет, меня. Кто его может посадить, ты? Нет, я. Я-а-а-а, — пояснил мистер Стиптоу, хорошо произносивший односложные слова. — А я не посажу. Знаете, что я сделаю? Пошлю эту штуку Даффу.

— Зачем посылать? — сказал Джос. — Он в погребе.

— Что?! — сказал мистер Стиптоу.

— Что?! — сказала и леди Чевендер.

Она поднялась с мопсом на руках, исключительно походя на Сару Сиддонс в роли леди Макбет. Мало кому случалось видеть, как смущается дворецкий, — но это произошло.

— Что? — продолжала она. — Вы заперли в свой поганый погреб моего Джимми?

До сих пор Чибнел стоял в сторонке, предвкушая беседу с Верой. Ему и в голову не приходило, что сам он может стать участником битвы, и потому мгновенно пал духом.

— Э-а… да-а-а, миледи, — проблеял он.

Одну секунду казалось, что прекрасная Беатрис ударит его мопсом; но она сдержала гнев.

— Ведите меня к нему!

— Сию минуту, миледи. Вот сюда, миледи. Дверь закрылась. В беседу вступил Говард Стиптоу.

— Вот что…

— Так, так, — подбодрил его Джос.

— Вот что. Получу от Даффа шиши, только вы меня и видели. Еду в Голливуд. Если совсем на опупела, поедешь со мной. На фиг тебе эта чертова усадьба? Одни лорды. А погодка? Приличный бал дать нельзя. Чего тут торчать? Хочешь дождичка, стань в Голливуде под душ.

— Это я понимаю, — прокомментировал Джос. — Это разговор.

Миссис Стиптоу сидела тихо, подперев лицо кулаками. Как и Джос, она была потрясена силой слов. Если бы Говард дни и ночи отшлифовывал доводы, он не добился бы таких успехов.

— Вот что, — продолжал он, перейдя в другую тональность, — вспомни, как мы там жили. Какое солнце, а? Пальмы, кактусы всякие…

— Старая добрая Каталина…[61] — подсказал Джос.

— Вот, Каталина. Вы что, были там?

— Был, три года назад.

— Здорово, а?

— Неплохо.

— Чего ж вы уехали?

— Домой потянуло.

— Сбесились, надо полагать.

— Нет, выказал прозорливость. Здесь я нашел е е. Кстати, вы не знаете, где Салли?

— Вроде вышла погулять.

— Тогда я вас оставлю. Держитесь, — тихо добавил он. — Победа близка.

Когда дверь закрылась, миссис Стиптоу еще посидела в задумчивости. Мистер Стиптоу тревожно смотрел на нее. Она подняла взор.

— Знаешь что, Говард…

— Нет, лапочка.

— А вообще, ты прав.

— Значит… поедешь?

— Видимо, да.

— Ну, дает! — вскричал он. — Ну, молоток! Вот это я понимаю.

И, прижав ее к груди, осыпал поцелуями ее запрокинутое личико.

Глава XX

Гуляя, Салли дошла до рва, и Джос нашел ее у ограды, где она думала о том, как неуместны английские сумерки. Ее настроению подошли бы плачущие небеса. Вечно погода что-то крутит. Когда прием в саду — идет дождь, когда царит печаль — не идет.

Обернувшись на звук шагов, она немного приободрилась. Недельное знакомство научило ее полагаться на ум и предприимчивость Джоса П. Уэзерби.

— Ну, что? — спросила она. Он встал рядом с ней.

— А ты — на моем любимом месте. Как тогда! Помнишь?

— Помню.

— Еще больше похожа на нимфу. Удивительно!

— Что?

— То, как плохо разбираются люди в разных вещах. Дж. Б., например, полагает, что ты малявка. Когда будет получше с деньгами, куплю креветок и покажу ему. Вот они — малявки. Они, а не ты. Сейчас он снова употребил это чудовищное сравнение.

— Ты его видел?

Джос отвечал на сразу, догадавшись, что она ничего не знает о последних событиях. Он думал о том, как непомерна его задача. Так бывает, если встретишь человека, не слыхавшего о мировой войне.

— Ах ты, Господи! — сказал он. Салли встрепенулась.

— Что, плохо?

— Да.

— Расскажи, пожалуйста.

Он рассказал, ничего не упуская. Когда он кончил, она чуть не лязгнула зубами.

— Значит, полный провал?

— Да, вероятно.

— Ты думаешь, тетя Мейбл поедет в Америку?

— Вроде бы, да.

— Тогда и мне придется ехать.

— Господи, я и не подумал! Подзуживал ее мужа. Убить меня мало!

— Ты уверен, что мистер Дафф не возьмет тебя обратно?

— Уверен. В погребе он сердился. Все валит на меня. Салли опять помолчала.

— А может, махнем рукой и поженимся?

— Как мы будем жить на пятнадцать фунтов? Работы у меня нет.

— Найдешь.

— Конечно! — воскликнул Джос, который и так слишком долго пробыл в унынии.

— Нет, правда, есть сотни мест.

— Миллионы! Знаешь, в чем мы ошиблись? Мы думали, что художник — это просто художник, и забыли о многогранности его ремесла. Да я могу делать что угодно!

— А что ты хотел бы делать?

— Перелистаем справочник.

— По справочнику я нашла только паяльщиков.

— Замечательно! Золотое дно. Точнее, цинковое. Представляешь, сижу я в шалаше. Ты сбиваешь коктейль и говоришь мне: «У тебя усталый вид, мой ангел». А я говорю: «Есть немного. Паял, как последний пес. Цинк уже не тот…»

— О Господи!

— Да?

— Сейчас я брошусь в ров.

— Собственно, я тоже. Надеюсь, я не слишком разрезвился? Когда выпадает дно, я не знаю, прыгать в дырку или держаться за воздух. А вообще-то, почему мне не устроиться? Я молод, силен, неприхотлив. Да, совсем забыл: вдвоем тратишь не больше, даже меньше.

— А кроме того, не в деньгах счастье.

— Именно. С другой стороны, не в счастье деньги. Другими словами, счастье денег не дает. Тут есть о чем подумать.

— Да…

— А все-таки, посмотришь на богатых! Возьми Дж. Б. Даф-фа. В деньгах купается, и что же? Ветчиной торговать умеет, может быть, — бессознательно, но в остальном полный идиот.

— Эй!

Они уже не могли бы разглядеть, кто кричит, но сразу это поняли.

— А, Дж. Б.! — приветливо сказал Джос. — Вырвались из объятий?

Мистер Дафф приветливым не был.

— Что вы такое говорите?

— Рассказываю о вашем богатстве.

— И называете идиотом.

— А кто же вы еще? — сурово заметил Джос. — Уволить такого работника! Если бы я у вас служил…

Мистер Дафф вздохнул, и очень тяжело.
— Что там «служил»! Дело хуже. Она говорит…
— Кто?
— Беатрис, кто же еще! Так вот, она говорит, чтобы я дал вам рекламу.
— Ик! — сказала Салли, словно мышь, которая испугалась, когда ела сырную корку.
— Не надо! — взмолился мистер Дафф. — Я и так весь дрожу. Джос, схватившийся было за перильца, перенес руку на его плечо.
— Дж. Б., — произнес он, — вы меня не разыгрываете? Это правда?
— Так сказала она. Видите, начинается…
— Отдел рекламы? Мне?
— Так сказала она.
— Ты слышала, Салли?
— Слышала, Джос.
— Глава отдела. Какая власть! Какой оклад!
— Не такой уж большой, — вставил Дж. Б.
— Ладно, позже обсудим. Смотрите-ка, вы совершенствуетесь. Глядишь, станете образцовым вождем, который ничего не жалеет для родной фирмы. Очень может быть, что это — поворотный момент в ее судьбе.
— Она сказала, чтобы я вам позировал.
— Замечательно!
— И дал этому типу побольше денег.
— Ясно. А то он все разболтает. «Король ветчины среди угля», «Унижение Джеймса Даффа»… Нет, нельзя! Можете гордиться, Дж. Б., вы осчастливили две пары. Мы с Салли, Чибнел с Верой… Что называется, ангел.
— Ы… — тихо откликнулся Дафф.
— Точнее, херувим. Такой купидон с луврской картины, летает над влюбленными. Крылья, рог изобилия — и не отличишь.
Мистер Дафф снова вздохнул.
— Все наглее и наглее!.. Ну, мне пора, она ждет. Хочет пойти со мной в гостиницу.
Он нырнул в сумерки. Джос сказал:
— Салли! Салли сказала:
— Джос!
— Моя дорогая! Моя золотая! Мой синеглазый кролик!
— А? — обернулся мистер Дафф.

— Я не вам.

— О?..

Дойдя до входа в дом, он услышал сочное контральто:

— Это ты, Джимми?

— Да, я.

— Ты его видел?

— Видел.

— Тогда идем, — она посвистела Патриции. — Какой вечер прекрасный!

Так оно и было, но его, как недавно — Салли, это не радовало. Он шел по дорожке вдоль газона, дышал благоуханием ночных цветов — и все зря. Ему было плохо.

Ей, напротив, было хорошо, и она благодарно втягивала воздух.

— О!

— Что такое?

— Ах…

— Ах?

— Левкои. Как пахнут!

— Ничего, — согласился он. Небольшой отрезок пути они прошли молча.

— Знаешь, — сказала она, — ты стал гораздо тоньше. Какой-то такой… поэтичный. Раньше ты сравнил бы этот запах с какой-нибудь фазой копчения.

Он вздохнул. Они опять помолчали.

— Кстати, я хотела сказать…

— Да?

Она взяла его под руку.

— Понимаешь, я много думала о прошлом. Тебе было трудно со мной. Что говорить, глупая девчонка! Помнишь, я выругала ветчину и бросила кольцо?

Он снова вздохнул, печально ощущая, что таких минут не вернешь.

— Теперь я умней. Хорошая жена живет интересами мужа.

На секунду он приободрился, но все-таки — «жена», «муж»…

— Так вот, я хотела сказать о портрете, — продолжала она.

— Ты хорошо его разглядел?

— Вообще-то, да.

— Тебя ничто в нем не поразило?

— Вроде бы нет…

— Слушай, — сказала она, — мне пришла удивительная мысль.

Понимаешь, люди устали от этих конфетных мордочек. Не пора ли дать другую рекламу? Ты не думай, я не сошла с ума, но я бы предложила портрет.

Джеймс Дафф остановился, мало того — покачнулся, словно его стукнули по голове, и он не знает, в какую сторону падать. Слова звучали откуда-то издалека.

— Как бы тебе объяснить? Уэзерби схватил одно выражение, такое… ну… властное, требовательное. И вот, я подумала, возьмем портрет, как он есть, и напишем что-нибудь вроде: «Какая гадость! Что вы мне подсовываете? Где ветчина «Парамаунт»?»

Лицо его засветилось, словно фонарь. Он думал о том, что говорят о родственных душах. Да, конечно, в большинстве случаев брак — большая глупость. Обычно считают, что он — хуже смерти, видимо — упуская из виду такие, особенные случаи. Главное — найти, как нашел он, со свойственной ему прозорливостью. Перед ним примерно девять тысяч двести двадцать пять завтраков, когда по ту сторону стола сияет это лицо. А может, больше? Если очень следить за здоровьем…

— Слушай, — хрипло выговорил он.

— Да?

— Можно тебя попросить?

— Конечно! А что именно?

— Да так, ничего.

Он собирался попросить, чтобы она глубоко заглянула ему в глаза и прошептала: «Любимый», но это все-таки слишком. Может быть, попозже…

— Слушай, — снова начал он, прижимая к боку ее локоть, — я расскажу тебе о ветчине. Все эти тяжелые годы, когда самые лучшие сорта просто выли от горя, старый добрый «Парамаунт»…

И ночь окутала их.

Что-то не так

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

1

10 сентября 1929 года в нью-йоркской резиденции Дж. Дж. Бэньяна собрались одиннадцать гостей; почти все толстые и все, за исключением Мортимера Байлисса, — миллионеры. В дооктябрьские дни этого, 1929 года в Нью-Йорке от них прохода не было — куда ни плюнь, обязательно попадешь в миллионера. Может статься, в понедельник он как раз не при деньгах, но уж к пятнице-то вернет с прибылью и на этом не остановится. Каждый из гостей Дж. Дж. Бэньяна час-два назад увеличил свой капитал тысчонок так на сто; можно не сомневаться, что Кеггс, английский дворецкий Бэньяна, а также остальная прислуга в доме на Парк-авеню заметно пополнили карман, равно как и два шофера, десять садовников, пять конюхов и повар в Мидоухэмптоне, Лонг-Айленд, куда мистер Бэньян выезжал на лето.

Потому что акции росли, как на дрожжах, барабанный бой, звон фанфар и гудение труб возвестили начало золотого века. В те счастливые дни у людей осталась одна забота: куда девать легкие деньги, которые милостивое Провидение щедро сыплет из бездонного Рога Изобилия.

Этот-то вопрос и обсуждали гости. (Обед закончился, Кеггс величаво удалился, оставив их потягивать сигары и кофе.) Обсуждение было в самом разгаре, когда вмешался Мортимер Байлисс, который до того сидел нахохлясь и молча кривил губы.

Мортимер Байлисс был хранителем всемирно известного Бэньяновского собрания живописи. Мистер Бэньян любил приглашать его вместе с приятелями-финансистами, отчасти — чтоб внести интеллектуальную струю, но, главное, чтоб потешить свое немудреное чувство юмора: Мортимер Байлисс был необыкновенно остер на язык и поминутно говорил гадости всем, кроме хозяина, а того это страшно веселило. Мистер Байлисс был высок, худ, желчен и походил на Мефистофеля-язвенника; коллеги не жаловали его за крайнее высокомерие. Гостей мистера Бэньяна он считал невеждами и филистерами, их глупая болтовня оскорбляла его слух.

— Яхты! — передразнил он. — Дворцы на Ривьере! О, Господи, о, Монреаль! Неужели ваши куриные мозги совсем ни на что не годятся? Что бы вам не получить от неправедного богатства хоть каплю удовольствия?

— В каком смысле удовольствия? — переспросил самый тучный миллионер.

— В том смысле, чтобы у вас появился какой-то интерес в жизни. — Мортимер Байлисс сверкнул черным моноклем и остановил взгляд на безобидном коротышке, удивительно схожем с перепуганным кроликом. — Вот вы! — сказал он. — Брустер, или как вас там. Вы когда-нибудь слышали о Тонти?

— Конечно. Он написал песню «Прощай».

— Ее написал Тости, недоумок. Тонти был итальянский банкир, который процветал в семнадцатом веке и, когда не говорил людям, что в данных обстоятельствах не видит возможности продлить им кредит, изобрел тонтину. Если вы спросите, что такое тонтина…

— Я знаю, — вмешался Дж. Дж. Бэньян. — Это когда компашка сбрасывается, создает фонд, а деньги копятся, пока все не перемрут, кроме одного — он и забирает кругленькую сумму. Верно?

— Правильно до последней мелочи, Дж. Дж. Мы с вами люди образованные.

— Кто-то написал рассказ про тонтину.

— Роберт Луис Стивенсон.

— Точно. Помню, зачитывался в детстве.

— У вас прекрасный вкус. Кто-нибудь из вас, недоучек, читал Стивенсона? Нет? Так я и думал. Разумеется, вы читаете только «Биржевой вестник» и сборники анекдотов. Полуграмотные дебилы, — сказал Мортимер Байлисс и налил еще бокал коньяка, на который врачи запретили ему даже смотреть.

— К чему вы вспомнили про Тонти, Морт? — сказал Дж. Дж. Бэньян. — Предлагаете нам устроить тонтину?

— Да. а что? Разве это не забавно?

— М-м.

Человек, которого назвали Брустером, наморщил лоб. Он вообще туго соображал во всем, кроме цифр.

— Я что-то не понял, Дж. Дж. Что должно произойти? Положим, мы сбросимся по тысяче долларов…

— По тысяче? — фыркнул Мортимер Байлисс. — Пятьдесят тысяч, не меньше. Вы же хотите, чтоб было интересно?

— Ладно, по пятьдесят. И что?

— Вы умираете — с этим в силах справиться даже вы. Умираете один за другим, а последний забирает банк. Дж. Дж. минуту назад объяснил все со свойственной ему четкостью, но, похоже, он говорил бетонной стене. Чем плохи дешевые муляжные головы? Они не работают.

До миллионера-гипертоника постепенно начало доходить. Он сказал, что, по его мнению, это все равно как дожидаться смерти богатого родственника, и Мортимер Байлисс заверил, что в точности так.

— Мне это не по душе.

— Тонти считал иначе.

— По-моему, просто какая-то жуть. И еще. Выигравший получит свое лет так в девяносто, на что ему будут деньги? Дурость какая-то.

Шесть миллионеров согласились, что это дурость.

— Большинство против вас, Морт, — сказал Дж. Дж. Бэньян. — Придумайте что-нибудь получше.

— Как насчет ваших сыновей?

— Простите?

— У всех у вас есть сыновья, по большей части — редкие поганцы. Устройте тонтину для них. Нет, погодите… — Мортимер Байлисс поднес палец колбу. — Меня посетила и впрямь гениальная мысль. Без сомнения, это от бренди. Устройте тонтину для своих оболтусов, но договоритесь, что деньги достанутся тому, кто последним женится. Женитьба, смерть — в сущности, одно и то же.

(Мортимер Байлисс сорок три года прожил холостяком и собирался таковым умереть.)

На этот раз ему удалось заинтересовать слушателей. Миллионеры загудели. Сообразительный миллионер тут же принялся растолковывать миллионерам-тугодумам:

— Если каждый из вас вложит по пятьдесят тысяч, исходный капитал составит более полмиллиона, а…

— С капитализацией процентов… — промурлыкал Дж. Дж. Бэньян, смакуя слова, словно марочный портвейн.

— В точности так. Все эти годы будут идти проценты. Ко времени выплаты набежит миллион. Достойный выигрыш, а теряете вы, самое большее, первоначальную ставку, которую вы так и так потеряете, когда грянет кризис. Как сказал кто-то из современников Тиберия: «Этот мыльный пузырь (Рим, то есть) раздулся настолько, что лопнет от первой же встряски». То же будет и здесь, мои дорогие, грядет кризис, да такой, что у вас коронки послетают с зубов и мозжечок уйдет в пятки.

Загудели возмущенные голоса. Конечно, Мортимер Байлисс —

записной шут, но всему есть предел. Даже Дж. Дж. Бэньян прикусил губу.

— Ну знаете, Морт!

— Ладно. Мое дело предупредить. Прострелите мою старую седую голову, но теперешнее безобразие — ненадолго. Гадаю по спитой чайной заварке. Мое скромное состояние надежно вложено в государственные облигации, что и вам советую. Когда цена любой грошовой акции взвинчена в десятки раз, рано или поздно случится обвал. Вот я и предлагаю устроить тонтину для сыновей, чтобы хоть одному бедолаге не побираться на вокзале. Разумеется, я не знаю, насколько плутократы доверяют друг другу — вероятно, ни на йоту, и правильно, — но мне доводилось слышать, что джентльменское соглашение вы соблюдаете. Так это, Дж. Дж.?

— Конечно, так. Джентльменское соглашение! Это святое.

— Думаю, вы понимаете, что нужно держать язык за зубами. Только намекните, чего лишат священные узы, и вы получите одиннадцать закоренелых холостяков. Генрих XVIII и Брайен Янг остались бы безбрачными, узнай они, что зов сердца обойдется им в миллион зеленых. Ну вот, мое дело — предложить.

Мортимер Байлисс обвел собравшихся ненавидяще-презрительным взглядом, сверкнул моноклем, подлил себе коньяка и откинулся в кресле — ни дать ни взять Мефистофель, только что предложивший перспективному клиенту интересную сделку.

В наступившем молчании можно было бы услышать, как упала акция. Нарушил его Дж. Дж. Бэньян.

— А что, — сказал он, — по-моему, наш друг Морт советует дело.

2

Прекрасным летним утром солнышко не жалело сил на лондонское предместье Вэли-Филдз, милостиво озаряя обсаженные деревьями улочки, ухоженные садики, старинные ворота и вознесшиеся ввысь телевизионные антенны.

И правильно делало: в Англии вряд ли сыщется более приятный пригород. Здешний житель, майор Флуд-Смит, назвал его как-то в письме «благоуханным оазисом». Майор писал в «Южно-Лондонский Аргус» о зверствах местного Департамента по налогам и тарифам, письмо отдал кухарке, та забыла отправить, нашла через три недели в комоде и сожгла в печи", а издатель все равно бы не напечатал, поскольку оно шло в разрез с

линией, которую «Аргус» неуклонно отстаивал; однако — подчеркиваем — в словах о «благоуханном оазисе» майор был совершенно прав. Он попал в точку, угадал самую суть и подметил исключительно верно.

Другие предместья гордятся шикарными магазинами, площадками для катания на роликах, кинотеатрами; Вэли-Филдз специализируется на цветах и траве. Каждую весну здесь сеют больше семян, вытаскивают больше газонокосилок, берут напрокат больше садовых катков и покупают больше патентованной смеси от зеленой тли, чем в любом другом населенном пункте по южную сторону Темзы. Отсюда то сельское очарование, из-за которого — воспользуемся еще раз выражением майора Флуд-Смита — сдохни, не поверишь, что до Пиккадилли-серкус всего семь миль (а по воздуху и вообще пять). Когда выходишь из пряничного вокзала, кажется, что эти-то края и навели Теннисона на мысль об острове-долине Авалон, где не падет ни дождь, ни снег, ни град, где даже ветр, и тот неслышно веет.

Из всех прелестных уголков Вэли-Филдз (а их так много, что и не перечислишь), старожилы с особой гордостью показывают «Тутовую Рощу» — тупичок сразу за Розендейл-род, утопающий в сирени, миндале, боярышнике, рябине и золотом дожде. Его-то солнце и озаряло сегодня с особенной любовью. В дом, который романтик-строитель назвал «Лесным Замком», лучи попадали сквозь уютный садик и, вспыхнув на стеклянной двери, освещали, среди других занимательных вещей, «дружную семейку» в горшке, ходики с кукушкой, пленную канарейку, аквариум с рыбками, фотографию замечательно красивой девушки в серебряной рамке, подписанную «С любовью, Элейн», и другую фотографию, в парной рамке, запечатлевшую пожилого господина с длинной верхней губой и нависшими бровями, автора строки «Искренно ваш, Аффенхем». После долгого пути солнечный луч отдыхал на дородной фигуре Огастеса Кеггса, отставного дворецкого, устроившегося в кресле почитать «Таймс». На газете стояло «20 июня 1955».

Двадцать пять лет и девять месяцев, прошедшие с обеда у Дж. Дж. Бэньяна, унесли и хозяина, и почти всех его гостей, но едва коснулись Кеггса. Ученые, возможно, знают, почему дворецкие не старятся, как мы, во всяком случае — внешне. Кеггс, примостивший ноги на скамеечку и посасывающий легкую сигару, выглядел почти в точности, как четверть века назад.

Тогда он походил на римского императора, который злоупотребляет мучным, сейчас — на чуть более тучного императора, который отчаялся считать калории и всему на свете предпочитает добрую порцию вареной

картошки с хорошим куском масла.

Он так основательно просел в подушку, что, казалось, его поднимет только землетрясение, однако это было не так. Как только открылась дверь и вошла невысокая белокурая девушка, Кеггс, правда, не вскочил, но медленно приподнялся, словно учтивый гиппопотам, выползающий из речного ила. Девушка звалась Джейн Бенедик и доводилась племянницей лорду Аффенхему, у которого Кеггс, вернувшись из Америки в начале тридцатых, служил дворецким вплоть до окончательного ухода от дел.

— Доброе утро, мистер Кеггс.

— Доброе утро, мисс.

Джейн была вполне миловидна — голубые глаза, маленький носик, ладная фигурка — и ничем бы особенно не выделялась, если б не удивительный, редкой красоты голос. В минуты поэтического настроя лорд Аффенхем сравнивал его со звяканьем льда в бокале виски.

— Я бы не стала вас беспокоить, — сказала Джейн, — но они требуют свой завтрак, а я не могу отыскать «Тайме». Это не вы утащили?

Кеггс слегка смутился.

— Я, мисс. Извините. Я проглядывал объявления о бракосочетаниях.

— Вычитали что-нибудь интересненькое?

— Да, мисс, для меня — да. Я узнал, что мистер Джеймс Брустер вчера женился.

— Это ваш друг?

— Сын джентльмена, который много лет назад, в Нью-Йорке, был дружен с моим тогдашним хозяином.

— Понятно. В ранний, или американский, период вашей жизни.

— У меня появилось что-то вроде хобби — слежу, как складывается семейная жизнь у сыновей тогдашних знакомых Дж. Дж. Бэньяна. По старой памяти, полагаю.

— Такая привязчивость делает вам честь. Бэньяна? Он имеет какое-нибудь отношение к Роско Бэньяну, который поселился в Шипли?

— Это его отец, мисс. Богатейший человек. Как остальные, он много потерял на биржевом крахе 1929-го года, но, по моим прикидкам, после уплаты налога на наследство молодой мистер Бэньян получил миллионов двадцать.

— Ух ты! А дядя Джордж говорит, он торговался, как на восточном базаре. Он ведь не женат?

— Не женат, мисс.

— Ну, подарочек кому-то достанется!

— Думаю, вы правы, мисс, если он не сильно изменился с тех пор, как

я служил у его отца. Отвратительнейший был мальчишка.

— Вот уж точно! Про Роско Бэньяна я такого могу нарассказать!

— Вы, мисс? Когда вы успели с ним познакомиться?

— В ранний, или американский, период моей жизни. А вы не знали, что в начале войны меня с кучей других детей эвакуировали в Америку?

— Не знал, мисс. Я отошел отдел и, когда начались военные действия, уже не служил у его милости.

— Так вот, меня эвакуировали. Дядя Джордж отправил, добрые люди приняли. Лето добрые люди проводили в Мидоухэмптоне. У Бэньянов там дом. В ваше время он уже был?

— Да, мисс. Мы каждое лето выезжали туда в середине июня и оставались до Дня Труда. Очаровательнейшее место.

— Мне бы оно больше понравилось, если б не Роско. Этот гад отравил мне всю тамошнюю жизнь. Завел подлую привычку — там все купались в пруду, а он подплывает ко мне и топит. Как-то продержал под водой столько, что я раздулась, словно газометр, успела всю жизнь вспомнить, но один божественный мальчик сказал — не отпустишь, башку сверну. Отпустил, конечно, а я все равно вижу его в страшных снах. И вот, он объявляется здесь и выгоняет меня из родного дома! В странном мире мы живем, мистер Кеггс.

— Золотые слова!

— Ладно, теперь ничего не поделаешь, — сказала Джейн. — Ой, а это кто?

— Мисс?

Джейн стояла перед столиком.

— Вот: «С любовью, Элейн». Она ведь сегодня появилась?

— Точнее, мисс, я получил ее вчера.

— Кто это?

— Моя племянница Эмма, мисс.

— Тут написано Элейн.

— Ее сценический псевдоним — Элейн Донн.

— Она актриса? Неудивительно, с таким-то лицом. Красавица!

— Да, многие восхищаются.

— Эмма Кеггс?

— Билсон, мисс. Ее мать, моя сестра Флосси, замужем за Уилберфорсом Билсоном.

Джейн притихла, ошеломленная вестью, что у сверхчеловека есть сестра по имени Флосси. Интересно, как же она его называет — неужели Гас? В это время снаружи послышались тяжелые шаги.

— Дядя Джордж изволили выйти, — сказала Джейн. — Надо пойти, приготовить ему завтрак.

Пухлое лицо Кеггса омрачила тень. Бывший дворецкий поневоле смирился, что обедневший лорд Аффенхем из экономии живет в пригороде, но душа его содрогалась, когда племянница его милости пачкала руки стряпней. Огастес Кеггс хоть и провел значительную часть жизни в Америке, сохранил глубокое почтение к родной аристократии.

— Мне очень неприятно, что вам приходится стряпать, мисс.

— Должен же кто-то, раз ваша миссис Браун больна. И не говорите, что у меня плохо получается.

— Вы стряпаете прекрасно, мисс.

— Дома набила руку. У нас вечно не было кухарки. Кеггс ностальгически вздохнул.

— Когда я был дворецким в Шипли-холл, у его милости насчитывалось десять человек прислуги.

— А взгляните на него сейчас! Трудные времена настали. Година испытаний.

— Золотые слова.

— А все-таки мы уютно здесь устроились. Вот уж повезло, прибиться в такую тихую гавань! После Шипли это — лучшее место на свете. Здесь почти как в деревне. Только бы денег чуть побольше…

— Подождите, мисс, его милость продаст картины…

— А, вы уже слышали?

— Милорд сообщил мне вчера вечером, когда мы шли из «Зеленого Льва». Он надеется таким способом восстановить семейный достаток.

— Надеяться не вредно, — сказала Джейн и пошла жарить яичницу.

После ее ухода Кеггс некоторое время пребывал в глубокой задумчивости, потом подошел к столу, вынул из ящика кожаный блокнот, раскрыл на списке имен и поставил возле одного галочку. То был Джеймс Барр Брустер (единственный сын покойного Джона Уолдо Брустера), который вчера сочетался браком с Сибил, дочерью полковника и миссис Р. Г. Фоншо-Чодвик из Падубов, Челтнем.

Только два имени в списке остались без галочки.

Кеггс подошел к телефону. Ему не нужно было звонить в справочную и узнавать номер, навсегда запечатлевшийся в его памяти.

— Шипли-холл, — сказал сочный мужской голос. — Резиденция мистера Роско Бэньяна.

— Доброе утро. Могу я поговорить с мистером Бэньяном? Это мистер Кеггс, бывший дворецкий его отца.

Голос из Шипли потеплел. Бездна говорила с бездной, дворецкий — с дворецким.

— Мистер Бэньян сейчас в Лондоне. Уехал вчера в гости. Хотите поговорить с мистером Байлиссом?

— Нет, спасибо, я по личному вопросу. Вы о мистере Мортимере Байлиссе?

— Да.

— Он в Англии?

— Уже с неделю. Вредный старикан, скажу я вам.

Кеггс не стал обсуждать хозяйского гостя. У него были свои правила.

— Что ж, — сказал он не без холодной вежливости, — когда мистер Бэньян вернется?

— Обещал утром.

— Если я заеду часов в одиннадцать?

— Думаю, застанете.

— Спасибо, мистер…

— Скидмор.

— Спасибо, мистер Скидмор, — сказал Кеггс и повесил трубку.

3

В тени раскидистого садового дерева лорд Аффенхем, умытый, побритый и облаченный в утренний наряд, сидел за столиком и ждал, когда вороны прилетят его напитать. Рядом с ним на траве лежал красавец бульдог и дремал, готовый пробудиться при первых признаках завтрака. Когда лорд Аффенхем кушал на свежем воздухе, псу обыкновенно перепадал жирный кусок.

Природа не поскупилась на Джорджа, шестого виконта Аффенхемского. Похоже, она собиралась слепить двух виконтов, потом заторопилась и решила пустить весь материал на одного. Формой он напоминал грушу — узкий в плечах, он постепенно расширялся к паре непомерных ботинок, больше похожих на скрипичные футляры. Над просторами обширного тела высилась большая яйцевидная голова, голая маковка выступала из чахлой седой поросли, наводя на мысль о скалистой горной вершине. Верхняя губа была прямая и длинная, подбородок — острый. Два немигающих голубых глаза со странной сосредоточенностью смотрели из-под нависших бровей. Казалось, их владелец постоянно размышляет, и догадка эта не обманывала. Подобно Белому Рыцарю, он

частенько не слышал обращенных к нему слов, ибо раздумывал, как же питаться манной кашей, чтоб ежемесячно полнеть и становиться краше.

— Вот, — сказала Джейн, подходя с полным подносом. — Горячая яичница, кофе, тосты, масло, мармелад, «Тайме» и сухарики для зверя. О чем задумался, милый?

— Эхм?

— Я слышала скрежет и догадалась, что это работают твои мозги. Надеюсь, я не прервала ход космических мыслей?

— Эхм?

Джейн вздохнула. Разговоры с главой семьи частенько выводили близких из себя из-за его раздражающей привычки впадать в транс. Он так погружался в предмет, что, казалось, извлечь его можно лишь с помощью спиритического сеанса. Однако Джейн нашлась: взяла кофейную чашку и крепко прижала к его руке. Созерцатель сразу очнулся и возмущенно завопил:

— Эй! Ты что?! Лопни кочерыжка, да этот кофе горячее плиты!

— Я пыталась тебя разбудить. О чем ты размышлял?

— Эхм? Размышлял? А, ты спрашиваешь, о чем я размышлял! Если хочешь знать, я размышлял о Кеггсе и пришел к выводу, что Кеггс — загадочная, темная личность.

— В каком смысле?

— Хитрая. Коварная. Из Макиавелли. Пока он жил у меня, я ничего не подозревал, дворецкие носят маску, но теперь я опасливо гляжу в его сторону и гадаю, чего ждать следующим. Возьми хоть случай в пивной.

— А что такое?

— Или взгляни на Тутовую Рощу. Три дома — Лесной Замок, Мирная Гавань и Уютный Уголок — каждый с беседкой и птичьей купальней! Все принадлежат Кеггсу. Беседки и птичьи купальни сами собой не появляются. Откуда он их взял?

— Купил на свои сбережения.

— А сбережения откуда?

— До тебя он служил в Америке у мистера Бэньяна, отца того гада, что поселился в Шипли. Наверное, по выходным наезжала туча гостей, а американские гости меньше тысячи долларов на чай не дают.

Лорд Аффенхем задумался.

— Так, так. М-да, возможно… И все же, после случая в пивной я уверен, здесь что-то не так. Мошенник он, отпетый мошенник.

— Что случилось в пивной? Ты не говорил.

— Говорил.

— Не говорил.

— Не говорил? Значит, собирался, да запамятовал. Это было в «Зеленом Льве» на Розендейл-род. Мы с Кеггсом зашли вчера вечером пропустить по кружечке, и не успели сдуть пену, как он выманил у аборигенов их кровные посредством… как это называется?

— Что именно?

— То, что я пытаюсь вспомнить. Манипуляции? Нет…

— Махинации?

— Верно. Махинации. Ты когда-нибудь была в пивной?

— Нет.

— Так вот, там сидят, потягивают пиво и беседуют, о чем придется. Очень скоро Кеггс свернул разговор на бокс, у него сестра замужем за боксером Билсоном. По-моему, его называли Боевой Билсон. Сейчас на пенсии, держит где-то пивную. Многие бывшие боксеры заводят пивные. На чем я остановился?

— Сидят и потягивают пиво.

— Вот-вот. И тут Кеггс затеял разговор, прискорбный разговор, учитывая его печальные последствия. Он заявил, что нынешние боксеры в подметки не годятся прежним. «Ах, — сказал этот шельмец, — разве есть у нас в полусреднем весе такие спортсмены, как Джек Демпси?»

— А разве Джек Демпси выступал не в тяжелом весе?

— Конечно, в тяжелом, и десятки голосов сразу поправили Кеггса. Но тот настаивал, что вес Джека Демпси — всего десять стоунов четыре,[62] и остальные, уверенные в своей правоте, вытащили по шиллингу, передали хозяину — дескать, рассуди. «Мне жаль, мистер Кеггс, — сказал тот, — но, боюсь, решение не в вашу пользу. Джек Демпси весил больше тринадцати стоунов, когда выиграл у Джесса Уилларда чемпионат в тяжелом весе». Думаешь, Кеггс опешил? Ничуть. Устыдился? Раскаялся? Да ни капли. «А, этот Джек Демпси? — сказал он с легкой, снисходительной улыбкой. — Я не о нем. Разумеется, я имел в виду первого Демпси, Несравненного». Он вытащил книжку (да, она лежала у него в кармане!) и прочел, как удивительно, что боевой вес Несравненного составлял всего сто сорок четыре фунта. Все, конечно, возмутились, потребовали денежки назад, но хозяин присудил выигрыш Кеггу, и тот загреб аж пятнадцать шиллингов. По дороге домой продувная бестия заявляет мне, что вот уже тридцать лет имеет стабильный доход от этой махинации. Так что теперь ты, наверное, согласишься, что он — темная личность, за которой нужен глаз да глаз.

— По-моему, он душка.

— Душка, разумеется, но коварная, которой палец в рот не клади. Я

бы его к себе не подпустил… Скорее уж… — лорд Аффенхем огляделся, ища материал для сравнения, — скорее бы я взял эту паскудную статую.

Упомянутая статуя высилась на лужайке Мирной Гавани, как назывался соседний дом. Исполинскую ню изваял Стенхоуп Твайн, начинающий скульптор и здешний житель. Джейн — вероятно, потому что была помолвлена с Твайном — статуей восхищалась; лорд Аффенхем — напротив. Он ненавидел статую и терпеть не мог Стенхоупа Твайна. Верховное Существо не создало бы того без некой цели, но что это за цель — тут лорд Аффенхем совершенно терялся. Доведется же делить планету с не пойми чьим сыном, который укладывает волосы, носит желтые вельветовые штаны и, завидев старших, произносит: «А, это вы, Аффенхем!» мерзким покровительственным тоном. Джейн всегда хотелось погладить Стенхоупа Твайна по голове. Лорд Аффенхем предпочел бы ударить его тяпкой. Он укоризненно взглянул на бульдога Джорджа, своего тезку. Замечательный пес, но уже не раз выказывал намерение подружиться со Стенхоупом Твайном. Увы, это общая беда бульдогов — они любят всех, от достойнейших до недостойных.

Джейн смотрела на статую.

— Стэнхоуп считает, это лучшее его творение.

— Стенхоуп!

— Не смей так говорить!

— Я сказал: «Стенхоуп».

— Да, но гадким, плаксивым голосом, как будто тебе противно выговаривать это имя.

Лорду Аффенхему и впрямь это было противно, однако ему не хватило духу сказать правду. Мужественный человек, отличившийся в молодости на войне, страшился женского гнева. Джейн, если разбудить спящую в ней тигрицу, имела неприятное обыкновение сообщать, что испортилась плита и обедать придется бутербродами. Лорд Аффенхем деликатно переменил тему.

— Послушай!

— Да, милорд?

— Ты ходила в галерею насчет моих картин?

— Ходила и видела самого мистера Гиша. Кажется, он заинтригован.

— Хорошо.

— Я обещала позвонить ему и узнать, как идут дела.

— Отлично. Поторопи его, мошенника. Если я продам картины, мы сможем снова переехать в Шипли.

— А я — выйти за Стенхоупа.

— У-у!
— Что ты сказал?
— Да так…
— Ты сказал: «У-у!»
— Ничего подобного.
— Мне послышалось: «У-у!»
— Возможно. Чего только не послышится. А теперь — не приставай ко мне. Я решаю головоломку, она сегодня какая-то безумная. Сбегай и спроси Кеггса, что бы такое могло значить: «Конь мчался по степи, напрягая могучие лыжи». Передай, что это срочно. И принеси еще кофе.
— Ты пьешь слишком много кофе.
— Кофе много не бывает. Он взбадривает. Подстегивает мыслительный процесс.
— Ладно, принесу. Ну и хлопот же от тебя! Джейн вернулась с кофе.
— Я сварила ровно чашку, — сказала она. — Ты отравляешь нервную систему. Что до лыж, то мистер Кеггс говорит, это нарочно, надо — жилы. Запиши.
— Запишу. Жилы, да? Потрясающе. Теперь поди и спроси его, что, черт возьми, такое: «Под грохот аплодисментов на сцену поднялся знаменитый катер».
— Его нет.
— Ерунда. Конечно, он здесь. Он тут живет.
— Живет. Но сейчас он мчится куда-то, напрягая могучие лыжи. Я поймала его у калитки. «Прощай!» — взмахнул он лилейного рукой и устремился в бескрайние просторы. Что ж, дожидайся его возвращения, — и Джейн ушла хлопотать по хозяйству, а лорд Аффенхем задумался, до чего же надо дойти, чтоб подсунуть бедным читателям этот катер. Тут он заметил, что из Мирной Гавани выходит Стенхоуп Твайн с явным намерением полюбоваться на свой шедевр.

Виконт демонстративно встал и пошел в дом. Он был не в настроении услышать «А, это вы, Аффенхем».

4

Примерно в то время, когда лорд Аффенхем нес ко рту первую вилку яичницы, а бульдог Джордж ловил первый сухарик, ненавистный Роско Бэньян стоял перед своим «ягуаром» у квартиры друга в Сент-Джонс-вуд и собирался ехать домой. Вечеринка была из тех богемных сборищ, которые

длятся до первых почтальонов и заканчиваются поутру все той же яичницей.

Роско Бэньяна было довольно много. Еще пухлым мальчиком он любил между едой перехватить булку с сосиской или, скажем, конфету, а достигнув совершеннолетия, не записался в поклонники диет. Большинство его знакомых предпочли бы, чтоб его было поменьше, однако он продолжал настойчиво раздаваться во все стороны. Лицо у него было красное, шея вываливалась из воротника, а недавно в свет вышло второе издание его подбородка. Неудивительно, что прохожие ценители изящного быстро переводили взгляд на стоящую рядом девушку.

На Элейн Донн безусловно стоило посмотреть. Никто не заподозрил бы в ней дочь шордичского кабатчика, бывшего боксера-тяжеловеса. Часто бывает, что отцы, неспособные попасть в первую тройку на пляжном конкурсе красоты, производят дочерей, на которых народ оглядывается. Так вышло и с отцом Элейн, Боевым Билсоном. Он сам, частично — от природы, частично — от превратностей профессии, напоминал побывавшую в автокатастрофе гориллу, зато дочь выросла сногсшибательной брюнеткой во вкусе Марка Антония. Глядя на нее, Роско понимал, что побудило его две недели назад, под конец подобной же вечеринки, внезапно сделать предложение. Элейн вскружила бы голову самому рассудительному человеку.

О помолвке объявлять не стали. Роско в минуту откровенности проболтался Мортимеру Байлиссу, Элейн же мудро хранила молчание. Дочь таких родителей предпочтет, чтобы папа и мама не виделись с будущим зятем, пока тому не поздно осознать, с кем он собрался породниться. Эмма Билсон любила и почитала родителей, но, как девушка умная, понимала, что Роско не придет от них в восторг. Успеют познакомиться потом, после свадебного путешествия.

— Ну, — сказал счастливый жених, зевая во весь рот, — поеду, завалюсь. Домой доберешься?

Мисс Донн жила в Пини-уэй — это несколько миль от Сент-Джонс-вуда, причем в направлении, противоположном Шипли-холлу. Роско не предложил подвезти ее домой, что свидетельствует о большой смекалке. Он был практичен, как и его возлюбленная.

— Такси, что ли, возьми, — посоветовал он, сел в машину и укатил.

От Лондона до Шипли-холла примерно час с четвертью, но Роско Бэньян с юности гонял так, что полицейские любопытствовали, где горит. Он проделал путь за сорок шесть минут, вылез из машины и сонно поплелся в спальню, но его перехватил Скидмор.

— Извините, сэр, — сказал Скидмор. — Пришел мистер Кеггс.

Роско нахмурился.

— Кеггс? Не знаю никакого Кеггса.

— Он сказал, что был когда-то дворецким вашего отца.

— А, этот? — Из глубины небытия перед мысленным взором возникли брюшко, оксфордский выговор и полный лунный лик. — Чего ему надо?

— Он не объясняет, сэр, только говорит, что это важно.

— Где он?

— У меня в буфетной.

Роско задумался. Важно? Кому важно? Ладно, лучше уж принять этого Кеггса, чтобы сразу отвязаться.

— Проводи его в курительную.

Появился Кеггс, с котелком, без которого дворецкие, хотя бы и бывшие, на людях не появляются.

— Доброе утро, — сказал он. — Надеюсь, вы меня помните, сэр? Много лет назад я имел честь служить у покойного мистера Бэньяна-старшего в должности дворецкого. — Он обвел комнату крыжовенными глазами и сентиментально засопел. — Как странно снова оказаться в этой комнате! — с чувством произнес он. — По возвращении из Америки я некоторое время служил здесь у лорда Аффенхема. При виде этих стен я чуть не плачу.

Слезы Кеггса не волновали Роско Бэньяна; ему хотелось спать.

— Выкладывайте, чего нужно, — сказал он.

Кеггс с минуту молчал, словно выстраивая мысли и решая, с какой начать. Он взглянул на котелок, и, видимо, почерпнул оттуда вдохновение.

— Вы — богатый человек, мистер Бэньян, — начал он. Роско вздрогнул, словно увидел местное привидение. Слабая, снисходительная усмешка тронула губы Кеггса.

Он все понимал.

— Нет, сэр, — продолжал он, — я не прошу у вас денег. Я хотел сказать, что, будучи человеком богатым, вы, вероятно, не откажетесь разбогатеть еще больше. Переходя без дальнейших предисловий к тому, что назвал бы сутью, скажу, сэр, что знаю, как вам получить миллион долларов.

— Что?!

— Конечно, я назвал приблизительную сумму, но, думаю, она довольно близка к истинной.

Знакомые Роско Бэньяна частенько говорили, что, даже нагруженный

деньгами выше ватерлинии, он не поленится пройти десять миль в тесных ботинках, чтобы подобрать оброненный кем-то медяк. Когда отставные дворецкие говорят ему, что знают, как получить миллион, они затрагивают самые глубины его существа. Роско Бэньян смотрел на Санта-Клауса в котелке, как некогда мужественный Кортес (а скорее — мужественный Бальбоа) смотрел на Тихий океан. Подозрение, что мужественный Кеггс перебрал, он отбросил с порога. Посетитель так и излучал трезвость.

Внезапно его осенила неприятная мысль. Что, если ему предлагают куда-то вложить деньги? Может, гость изобрел патентованный штопор или, не дай Бог, владеет пожелтевшей картой, на которой крестиком отмечены сокровища капитана Кидда? Роско слегка засопел, полагая, что такие прожекты надо душить в зародыше.

Кеггс разбирался в сопении не хуже, чем в тайном смысле вздрагиваний. Он отечески воздел руку, словно верховный жрец, упрекающий младшего жреца в отступлении от кастовых стандартов.

— Кажется, я понимаю, что вы подумали, сэр. Вы сочли, что я прошу вас профинансировать некое коммерческое начинание.

— А разве не так?

— Отнюдь, сэр. Я пришел продать вам информацию.

— Продать? — Это слово поистине резало слух.

— Естественно, я хотел бы получить вознаграждение за предоставленные сведения.

Роско с сомнением пожевал губу. Он не любил вознаграждать. Деньги в его кошельке предназначались исключительно на нужды Р. Бэньяна. Однако, если это правда про миллион долларов…

— Ладно. Валяйте.

— Хорошо, сэр, — важно произнес Кеггс. — Я вынужден начать с вопроса. Знакома ли вам фамилия Тонти?

— Никогда не слышал. А кто это?

— Правильнее спросить, кто это был. Тонти уже с нами нет, — сказал Кеггс таким тоном, каким говорят, что всякая плоть — трава. — Это был итальянский банкир, который процветал в семнадцатом веке и придумал тонтину. В чем она состоит, я сейчас объясню. А теперь, — заключил он свое объяснение, — если вам интересно, сэр, я расскажу короткую историю.

Он еще раз сверился с котелком, потом начал:

— Десятого сентября 1929 года, сэр, ваш покойный батюшка принимал за обедом в резиденции на Парк-Авеню одиннадцать гостей. Все они, за исключением мистера Мортимера Байлисса, были, как и он,

известные финансисты. Не надо вам напоминать, что это происходило за несколько недель до сокрушительного биржевого краха. Игра на повышение, сгубившая рынок, была в самом разгаре. Все присутствующие нажили огромные состояния, и под конец обеда разговор коснулся того, как распорядиться деньгами, которые в эпоху безудержных спекуляций сами плыли в руки.

Здесь Кеггс замолк, чтобы перевести дыхание, которое с годами сделалось у него несколько затрудненным, и Роско, воспользовавшись паузой, полюбопытствовал, нельзя ли, чтоб вас так, покороче. Не может ли Кеггс, спросил Роско, подложить под себя хотя бы брусок динамита, чтобы перейти к сути.

— Я к ней и перехожу, — спокойно отвечал Кеггс. — Итак, джентльмены, повторяю, обсуждали, как бы потратить деньги, и мистер Мортимер Байлисс со свойственной ему изобретательностью предложил устроить тонтину, однако — не такую, о какой я только что рассказал. Идея самого Тонти — ждать, пока смерть устранит одного претендента за другим, — не вызвала сочувствия у тех, кто страдал повышенным давлением, и тогда мистер Байлисс выдвинул альтернативное предложение. Он посоветовал, чтобы мистер Бэньян и его гости внесли по пятьдесят тысяч и вся сумма со сложными процентами досталась тому из их сыновей, который женится последним. Вы что-то сказали, сэр?

Роско не сказал, он засопел. Сопение было уже не то, что прошлый раз. Тогда оно отличалось холодной настороженностью, стремилось же подавить в зародыше всякие финансовые новации. Сейчас он встрепенулся, загорелся, преисполнился энтузиазма — и выразил свои чувства.

— Кто последний женится?

— Да, сэр.

— Я не женат.

— Не женаты, сэр.

Взорам Роско Бэньяна предстало радужное видение.

— Вы уверены, что мой отец участвовал?

— Уверен, сэр.

— Он никогда мне не говорил.

— Это условие тонтины.

— И все произошло в 1929-м?

— Да, сэр.

— Значит…

— Именно так, сэр. За прошедшие годы игроков на поле, если прибегнуть к футбольному сравнению, значительно поубавилось. Часть

молодых джентльменов погибла в борьбе с японским и немецким милитаризмом, другие женились. Если верить газете «Тайме», вчера сочетался браком мистер Джеймс Брустер, сын покойного Джона Брустера. Уцелели, если позволено так выразиться, только вы и еще один джентльмен.

— Вы хотите сказать, нас всего двое?

— В точности так, сэр, вы и другой кандидат. Он, — тут Кеггс сделал многозначительную паузу, — помолвлен.

— Ну!

— А также, — Кеггс снова помедлил, — стеснен в средствах. Радость, охватившая было Роско Бэньяна, снова померкла.

— Тогда он не женится, — горько сказал он. — Черт, он не женится много лет!

Кеггс кашлянул.

— Если кто-то, более состоятельный, не окажет ему скромную финансовую поддержку, подтолкнув таким образом к браку. Это можете сделать вы.

— Э?

— Если вы ему поможете, сэр, вы, скорее всего, переломите ход событий. Он осмелеет и решится, оставив вам то, что я, простите за выражение, назвал бы жирным куском.

Роско погрузил голову в двойной подбородок и углубился во внутренний спор. Пока он, как многие люди его возраста, маялся на распутье, вошел Мортимер Байлисс.

Годы, которые так мягко обошлись с Огастесом Кеггсом, были к нему куда суровее — он усох и напоминал теперь нечто, извлеченное из гробницы ранних Птолемеев. При виде гостя он остановился и нацелил черный монокль, который стойко пронес сквозь все мировые катаклизмы.

— Кеггс! — удивленно вскричал Мортимер Байлисс.

— Доброе утро, мистер Байлисс.

— Вы еще живы? Вот уж не думал вас встретить! А вы все толстеете, мой дорогой. И дурнеете. Каким ветром вас принесло?

— Я к мистеру Бэньяну по делу, сэр.

— А, у вас дела? Тогда ухожу.

— Никуда вы не уходите! — очнулся Роско Бэньян. — Вас-то мне и надо. Это правда, что Кеггс мне говорил?

— Мистер Бэньян имеет в виду то, что случилось за обедом у его отца десятого сентября 1929-го года, мистер Байлисс. Если помните, вы предложили брачную тонтину.

Мортимера Байлисса не так легко было ошеломить, но при этих словах монокль выпал из его глаза.

— Вы об этом знаете? Боже правый! Где вы были? Сидели под столом? Притворились кадкой для пальмы?

— Нет, сэр, телесно я не присутствовал. Однако я завел обыкновение, с тех пор, как акции пошли вверх, прятать диктофон за портретом Джорджа Вашингтона, на каминной полке. Я подумал, что это поможет мне распорядиться моими сбережениями.

— Вы записывали каждое слово? Должно быть, получили много ценных советов.

— Да, сэр. Однако самый ценный был ваш — продать акции, а деньги вложить в государственные бумаги.

— Вам хватило ума это сделать?

— На следующий же день, сэр. Я бесконечно благодарен вам, и считаю, что вы заложили основы моего благосостояния.

Роско, который с растущим нетерпением слушал дружескую беседу, грубо вмешался.

— Ну, хватит! Благосостояние, видите ли! Это правда про тонтину, Байлисс?

— Истинная правда. Моя самая блестящая мысль.

— Деньги и впрямь получит тот, кто последним женится?

— Да. Они ждут.

— Около миллиона?

— Наверное. Первоначальный капитал составлял полмиллиона. Один из одиннадцати…

— Двенадцати.

— Одиннадцати! Я — бездетный холостяк. Дж. Дж. и десять гостей — всего одиннадцать. Когда вы меня перебили, я собирался сказать, что один из одиннадцати утром, на свежую голову вышел из игры. Так что десять человек внесли по пятьдесят тысяч с носа.

— Кеггс говорит, остались двое.

— Вот как? Я не следил. Кто второй?

— Еще не знаю.

— А когда узнаете?

— Устраню его.

— В каком смысле?

— Кеггс говорит, он хочет жениться, но не может, денег нет. Я подброшу ему самую малость…

— …и подтолкнете в пропасть. Вижу, к чему вы клоните. Опоить

чужую лошадь. Подленькая мысль. Кто ее предложил?

— Кеггс.

— Вот как? Возможно, вы этого не видите, Кеггс, но я за вас краснею. Между нами, вы превращаете чисто спортивное состязание в надувательство самого мерзкого свойства. А как насчет мзды? Полагаю, Кеггс ждет от своей проделки каких-то выгод. Сколько вы ему дадите?

Роско задумался.

— Пятьдесят фунтов.

Кеггс, гладивший котелок, вздрогнул так, будто тот его укусил.

— Пятьдесят, сэр?

— А что?

— Я ждал гораздо больше, сэр.

— Но не дождетесь, — сказал Роско.

Они помолчали. Было видно, что Кеггс ранен в самое сердце. Дворецкие не проявляют чувств, но экс-дворецкий проявил их. Однако буря вскоре улеглась, и полное лицо успокоилось:

— Очень хорошо, сэр, — сказал он, доказывая, что он из тех, кто способен, по слову мистера Киплинга, быть твердым и в удаче и в несчастье, которым, в сущности, цена одна.

— Ладно, — сказал Мортимер Байлисс. — Значит, можно продолжать. Кто этот загадочный незнакомец?

— Некий Твайн, сэр.

— Твайн? — Роско обернулся к Байлиссу. — Я не помню, чтоб у отца был такой друг. А вы?

Мортимер Байлисс пожал плечами.

— Мне что, нечего больше помнить? Вы считаете, что мерзкие знакомцы покойного Дж. Дж. — драгоценные перлы, и я каждый день любовно перебираю их в памяти? Расскажите нам про Твайна, Кеггс.

— Он скульптор, сэр. Живет рядом со мной, в соседнем доме.

— Странное совпадение.

— Да, сэр. Я часто говорю, что мир тесен.

— С кем же он помолвлен?

— С мисс Бенедик, племянницей лорда Аффенхема, которому я одно время служил. Молодая леди и его милость проживают в Лесном Замке.

— Э?

— В моем доме, сэр. Лесной Замок, Тутовая Роща, Вэли-Филдз. Мистер Твайн живет в Мирной Гавани.

— И там же ваяет?

— Да, сэр.

— Но без особого успеха?

— Да, сэр. Я бы сказал, что мистер Твайн находится в финансовой яме. Это и препятствует ему соединиться с молодой леди.

— Бедность — банановая кожура на дороге любви.

— Именно так, сэр.

— И вы предлагаете, чтобы мистер Бэньян исправил это положение?

— Да, сэр. Если мистер Бэньян даст мистеру Твайну двадцать тысяч фунтов, тот женится немедленно.

Роско сотрясся от носа до кормы, глаза его просто вылезли.

— Вы что, рехнулись? — выговорил он. — Двадцать тысяч фунтов?

— Насадишь мелкую рыбешку — вытащишь кита, — сказал Мортимер Байлисс. — Не жмитесь по мелочам, другими словами — кто не вложит, тот не получит.

Роско лихорадочно провел рукой по волосам. Он понимал, что избитые истины верны, но не хотел с ними мириться.

— Не могу ж я прийти и сунуть ему деньги!

— Да, верно. Что вы посоветуете, Кеггс?

— Думаю, это просто, сэр. В саду Мирной Гавани стоит статуя мистера Твайна. Можно предположить, что день или два назад мистер Бэньян, зайдя к дворецкому своего покойного батюшки, случайно взглянул за ограду…

— Увидел шедевр и поразился? Конечно. Вы правы. Поняли, Роско? «Боже! — вскричали вы. — Неведомый гений!» И — к нему, с чековой книжкой.

— Чтобы отвалить двадцать тысяч фунтов? Он подумает, что я рехнулся.

— Как вы справитесь с этим, Кеггс?

— Легко, сэр. Недавно я читал автобиографию известного драматурга, который вспоминает, как к нему, в начале творческого пути, обратился финансист и предложил выплачивать ежегодно твердую сумму в обмен на треть будущих доходов.

— Он согласился?

— Нет, сэр, но я уверен, что мистер Твайн примет аналогичное предложение.

— Конечно, примет! Двадцать тысяч наличными! Вы не прогадаете, Роско. Он пошлет за портным снимать мерку для свадебных брюк через пять минут после того, как получит деньги по чеку. Знаете что? Я возьму все на себя. Оставайтесь на заднем плане этаким таинственным благодетелем. Как его номер, Кеггс? Пойду, позвоню.

Мортимер Байлисс отправился звонить. Несколько минут Роско тупо глядел в пространство, а Кеггс поглаживал котелок. Его пробная ремарка об удивительной погоде отклика не нашла. Роско не был расположен к обмену мнениями.

— Я с ним поговорил, — сказал Мортимер Байлисс. — Надо сказать, мне было приятно, как он воспринял мое имя. «Неужели тот самый?» — выговорил он. «Собственной персоной», — отвечал я, мило краснея. Потом я сообщил, что вы видели статую и просите меня дать профессиональный отзыв о других работах. Вероятно, дурны несказанно, а, Кеггс?

— Мне они не по вкусу, сэр.

— В довершение всего он пригласил меня сегодня поужинать в Приветном Шалаше. Или это Беседка Отдохновения?

— Мирная Гавань, сэр.

— Так же плохо, если не хуже. Думаю, подадут обычную пакость.

— Отнюдь, сэр. У мистера Твайна превосходная кухарка.

— Вот как? И на том спасибо. Поможет скоротать отвратительный вечер. Что ненавижу, то ненавижу — бюсты. Дж. Дж. всегда хотел, чтоб я их покупал, просто страсть какая-то. Ладно, сегодня ужинаем у Твайна. Завтра дам ему потомиться, а послезавтра приглашу в свой клуб и ошеломлю. Чек надо будет иметь с собой, чтоб помахать у него перед глазами. Благодарите Кеггса за мудрую мысль.

Роско сглотнул. Он страдал, как страдает бережливый мультимиллионер, которому предстоит расстаться с двадцатью тысячами. Да, он понимал, что вложение разумно: насадишь мелкую рыбешку, вытащишь кита, и все же еле выговорил:

— Спасибо, Кеггс.

— Не за что, сэр. На здоровье, сэр. До свиданья, мистер Байлисс.

— Вы нас покидаете?

— Мне пора домой.

— Торопитесь на поезд?

— Нет, я на машине.

— Я провожу вас, — сказал Мортимер Байлисс, прикрывая за собой дверь. Монокль сверкнул, мумифицированное лицо приняло то выражение, с которым участковый судья начинает перекрестный допрос отпетого преступника. — Ну-ка, отвечайте, мой хитрый мажордом, что за этим кроется?

— Сэр?

— Бросьте корчить святошу! Я спрашиваю, что за этим кроется, и требую прямого ответа. Признавайтесь, увенчанный котелком мошенник.

Вы не хуже моего знаете, что у Дж. Дж. Бэньяна не было друга по фамилии Твайн.

Мы не скажем, что Кеггс хихикнул — дворецкие, даже отставные, не хихикают, — однако он только что не хихикнул.

— Я и сам подумывал, не удивило ли вас это, сэр.

— Удивило.

— Я даже боялся, как бы вы не раскрыли мой маленький обман.

Мортимер Байлисс заломил бровь.

— Мой дорогой! Когда я вижу, что Роско Бэньян вот-вот выложит двадцать тысяч ни за что ни про что, я не порчу удовольствия, раскрывая маленькие обманы. Господь свидетель, в наше время редко выпадает достойный случай повеселиться.

— Верно, сэр.

— Милостивое Провидение много лет готовило Роско что-то подобное. Слишком он любит деньги, это вредно для души. Отнимать у него хоть что-то — долг милосердия. Вы это почувствовали?

— Еще как!

— Представляю, каково вам было, когда он предложил вам пятьдесят фунтов.

— Признаюсь, в данных обстоятельствах вознаграждение показалось мне не вполне адекватным.

— И вы, как говорится, в отместку направили его не туда?

— Мной руководило также искреннее желание помочь мисс Бенедик, сэр. Очаровательная молодая леди. Не скажу, чтобы я считал мистера Твайна идеальной партией, но, поскольку она стремится к этому союзу, буду только рад способствовать его осуществлению.

— Блеск!

— Сэр?

— Восхищаюсь, как вы говорите. Вас никогда не называли Златоустом Вэли-Филдз?

— Не слышал, сэр.

— Потомки назовут. А теперь, дорогой Кеггс, скажите мне, если сумеете — кратко: кто же таинственный узник?

— Сэр?

— Ну, претендент, кандидат. Соперник Роско.

— Ах, извините, сэр. Вы меня немного смутили. Его фамилия Холлистер.

— Как?! — Мортимер Байлисс удивился. — Сын Джо Холлистера?

— Если я не ошибаюсь, мистера Холлистера-старшего звали Джозеф.

— Кому вы рассказываете! Он был моим лучшим, правильнее сказать — единственным другом. Как ни странно, меня по большей части не жаловали. Что же поделывает юный Билл? Последний раз, когда я о нем слышал, он собирался учиться живописи… да, в Париже.

— Мистер Холлистер-младший работает помощником в знаменитой Галерее Гиша на Бонд-стрит.

— Воровской притон! И собирается жениться?

— На мисс Анжеле Мерфи, сэр, молодой особе, которая учится играть на скрипке в Королевском Музыкальном Колледже.

— Как же вы все это узнали?

— Через сыскное агентство, сэр, к услугам которого обратился.

— Боже! Устроили за ним слежку?

— Это простейший способ оставаться в курсе его дел.

— Кеггс, вам бы стать начальником Московской разведки.

— Не думаю, сэр, чтоб мне хотелось переехать в Россию. Климат не тот. Хотите узнать еще что-нибудь?

— Нет. Я, кажется, исчерпал повестку дня. Всего вам хорошего, Кеггс, всяческих благ и процветания.

Мортимер Байлисс вернулся к Роско. Тот заметно повеселел, обдумав все и смирившись с утратой мелкой рыбешки.

— Ушел? — спросил он.

— Да, уехал. По-моему, разобижен. Пятьдесят фунтов, Роско! Маловато, а? Не раскаиваетесь?

— Ничуть.

— Еще раскаетесь.

— В каком смысле?

— Да так… Знаете, у этой истории есть одна сторона, которую вы упустили из виду.

— Чего-чего?

— Как насчет вашей свадьбы? Помнится, вы говорили, что помолвлены.

— А, это! Разорву помолвку.

— Ясно. Разорвете. А как насчет иска о нарушении брачных обязательств? Вы писали ей письма?

— Что-то писал.

— Упоминали о свадьбе?

— Упоминал.

— Тогда вам есть о чем беспокоиться.

— Вот еще! Все в порядке.

— Почему? Объясните, я дитя в этих вопросах.

— Я знаю такого Пилбема, он держит сыскное бюро «Аргус». Вернет мне письма. С год назад я к нему обращался, и он управился в два счета. Конечно, я подожду рвать, пока письма не верну.

Мистер Байлисс запрокинул голову, и комнату огласили раскаты хриплого хохота, который двадцать шесть лет назад частенько досаждал гостям Дж. Дж. Бэньяна.

— Последний романтик! Золотая душа! Право, Роско, вы напоминаете мне сэра Галахада.

5

Солнце высоко стояло над лондонским Вест-эндом, и все добрые люди давно трудились по лавкам и мастерским, когда молодой человек, мучимый головной болью, свернул с Пиккадилли на Бонд-стрит — плечистый молодой человек с квадратным подбородком, похожий больше на боксера, который готовился к чемпионату в среднем весе, но временно забросил тренировки, чем на служащего художественной галереи. Звали его Билл Холлистер, а головой он мучился по той причине, что, как и Роско Бэньян, кутил всю ночь в Сент-Джонс-Вуд.

Однако, хотя невидимая рука время от времени вгоняла в виски раскаленные гвозди, сердце его ликовало, а губы то и дело складывались в трубочку, чтобы засвистеть веселый мотивчик. По примеру небезызвестной Пиппы он полагал, что Господь на небе и все-то мире ладно. Случись сейчас рядом Пиппа, Билл похлопал бы ее по плечу и сказал, что согласен с ней на все сто. Многие (в том числе и лорд Аффенхем, который на заре туманной юности частенько давал слово не той девушке, а потом долго терзался) заметили, что нет большего счастья, чем внезапно получить отставку из уст невесты, к которой посватался в странном помрачении рассудка. Именно это и произошло с Биллом. После нескольких месяцев неудачной помолвки с мисс Анжелой Мерфи, о которой говорил Кеггс, он, вернувшись утром из гостей, нашел письмо, формально разрывающее их отношения.

Письмо это не было полной неожиданностью. Мисс Мерфи уже как-то намекала, что сомневается в правильности своего выбора. Она принадлежала к тому типу девиц, которые, не смущаясь, указывают любимым на их недостатки. «Почему ты не причесываешься? — спрашивала она. — Ты похож на шотландскую овчарку». Или: «Почему ты

носишь этот жуткий пиджак и полосатые брюки? Ты похож на похоронного агента». Бесполезно было говорить, что волосы — его крест, поскольку встают дыбом, стоит отнять расческу. Бесполезно было и оправдываться, что визитка и такие брюки — цеховой мундир; приди он на работу в штатском, мистер Гиш нечаянно его подстрелит. Оставалось молча страдать. Словом, из помолвки с мисс Мерфи Билл вынес немногое: он узнал, что похож на кудлатую собаку, которая стережет овец и в свободное время распоряжается на похоронах; а он ждал от союза любящих сердец чего-то большего. Мысль, что отныне мисс Мерфи пойдет верхом, а он — низом, и на милом берегу Лох-Ломонда и вообще нигде им не встретиться, исключительно бодрила. Помощник в Галерее Гиша должен быть на посту в девять тридцать, и хотя стрелка подбиралась к двенадцати, а за порталом вполне мог притаиться Леонард Гиш, чтобы прыгнуть из-за спины и перекусить горло, Билл решил, что не позволит обстоятельствам испортить себе настроение. Прибыв на место, он улыбнулся девушке за конторским столиком, мисс Элфинстоун, и воскликнул так, словно после долгих поисков обрел старинного друга:

— Доброе утро, Элфинстоун, доброе утро, доброе утро, доброе утро. Все присмотрено?

Во взгляде ее не было ответного жара, скорее укоризна и холод осуждения. Билла частенько подмывало заметить: «Выньте изо рта лимон и улыбнитесь хоть на минуту! Мир так прекрасен, что всем нам пристало как королям ликовать».

— Ха! — сказала секретарша.

— И вам того же, — вежливо отвечал Билл.

— Знала бы, что вы придете, испекла бы пирог, — продолжала она. — Это надо же, явились на работу!

Билл немного нахмурился.

— Не произносите при мне слова «работа». Сегодня утром оно режет мне слух.

— Хорошенькое утро — двенадцать часов.

— А, теперь понял. Вы считаете, что я припозднился? Да, возможно, вы правы. Вчера я был в гостях, вернулся с утренним молоком. Упал в кресло, задремал, проснулся — и с изумлением обнаружил, что уже двенадцатый час. Вот что, — сказал Билл, пристально вглядываясь в секретаршу, — мне не нравится ваша желтая пудра. И почему вы трясете ресницами? Это выводит из равновесия.

— Сами затрясетесь, когда увидите мистера Гиша. Он прыгал, как кошка на сковородке.

— Вы, вероятно, имели в виду рыбу в том же неприятном положении. Немного недоволен, да? Что ж, досадно, сегодня я хотел бы видеть вокруг только счастливые лица. Вы лицезреете меня, о Элфинстоун, когда сижу на вершине мира с радугой в руке и в шляпе набекрень. Не зная обстоятельств, вам не понять, в чем дело, но я чувствую себя жаворонком, которому отворили клетку и позволили взмыть в эмпиреи с песней на устах. Встреть меня сейчас Шелли, он бы сказал «Здравствуй, дух веселый», и был бы прав. Я чувствую… но что-то в вашем взгляде мне подсказывает, что вам плевать на мои чувства, а поскольку папа Гиш, несомненно, горит желанием со мной побеседовать, я, так и быть, уделю ему минуту-другую.

— Он ушел.

— Как? До обеда?

— Он уехал за город на распродажу мебели.

— Ясно. — Лицо у Билла разгладилось. — Я испугался было, что он сидит, вперя взор в циферблат, а добрая старая галерея пребывает в забвении. Ладно, если бы вы сказали раньше, вы бы сберегли мне немало нервов. Я-то воображал, что он ждет в засаде. Не передавал ли чего-нибудь милый старичок?

— Передавал. Если вы возьмете в руки по фунту свинца и прыгнете в реку, он будет только рад.

— Это говорит не настоящий Гиш. Он пожалеет о своих словах, как только найдет время поразмыслить. Есть еще указания? Помните, мой девиз: «Служить».

— Да, что-то насчет картин в Кенте. Адрес на столе. После обеда надо съездить.

— Нет, — отвечал Билл, чувствуя, что настало время проявить твердость. — Я готов делать все в разумных пределах, но сегодня никуда не поеду. Завтра.

— Как угодно. Шею не мне намылят.

— Что за вульгарные у вас выражения! Порой мне кажется, я понапрасну трачу время и силы, пытаясь вас просветить. Просто руки опускаются. И перестаньте моргать, я уже говорил. Еще что-нибудь?

— Да, он сказал… подождите минутку. Все записано. Вот, если придет миссис Уэстон-Смидт, показать ей «Подражание Эль-Греко», затем «Натюрморт с цветами» в стиле Диаса, потом — в духе мастера Священного Кельнского братства — и, наконец, Бернардо Дадди.

— Мое сердце принадлежит Дадди.

— «Ни в коем случае не перепутать порядок!» Вам это что-нибудь

говорит?

— Просто, как всякий обман. Это называется «обработать клиента». Представьте, что вы рассказываете историю с неожиданным концом и нарочно тянете резину, чтобы громче прозвучал финал. Мы хотим продать Дадди и мостим путь подражателями, последователями и натюрмортами. Всю эту страсть господню мы показываем для затравки. Наша цель — смирить миссис Уэстон-Смидт, внушив, что такова кара за принадлежность к человеческому роду. И вот, пока она барахтается в пучине отчаяния, не надеясь из нее выбраться, мы подсовываем ей Дадди. Несчастной кажется, что она всю жизнь мечтала о такой картине. Сделка совершается. Психология.

Мисс Элфинстоун с новым уважением взглянула на Билла.

— Умно. Я и не знала, что вы такой дока. Думала, вы просто…

— Кудлатая овчарка? Нет, нет. Всех вводит в заблуждение моя скромность. Еще что-нибудь?

— Ах, да. Вам только что звонил какой-то Цвайн.

— Не Цвайн. Твайн. Клубный знакомый и, между нами, порядочный зануда. Чего ему надо?

— Он мне не докладывал.

— Ладно, я рад, что не пришлось с ним говорить. Поразительно, как я чувствую себя сегодня утром! Духом я с херувимами и серафимами, вот-вот запою Осанну, а телом — в упадке. Башка трещит, разум на пороге забытья, как будто пью настой болиголова, как будто в Лету погружаюсь я. Китс знал, что пишет. Вы начинаете жизнь, и я дам вам полезный совет. Не кутите ночи напролет с художниками, а если этого не избежать, пейте ячменную воду. Тогда вы не узнаете, каково вернуться домой в серых утренних сумерках, если голова раздута насосом втрое против положенного.

Спустя несколько минут, когда Билл прислонил упомянутую голову к телефону в надежде немного ее остудить, тот вывел его из оцепенения. Устало подняв трубку, Билл услышал резкий мужской голос.

— Алло, это вы?

— Нет, — отвечал Билл. — Не я.

— Это вы, Холлистер? Твайн звонит. Послушайте, вы, кажется, знакомы с Мортимером Байлиссом?

— Был знаком в детстве. Он ходил к отцу играть в шахматы и ругался, что я заглядываю через плечо. А что?

— Сегодня он придет ко мне ужинать.

— Тогда советую расстараться. Он исключительно привередлив, не

угодите — заколет вилкой. Мортимер Байлисс тот еще крокодил. Как вас угораздило с ним познакомиться?

— История фантастическая. Знаете в клубе такого Бэньяна?

— Роско Бэньяна? Знаю с тех пор, как мы с ним под стол пешком ходили. А он тут при чем?

— Он увидел мои работы, они ему понравились, и он попросил Байлисса высказать свое мнение. Ну, я его пригласил. Не приедете ли вы?

— Поддержать вас морально?

— Да. Он вас знает, и вы кого угодно заболтаете.

— Я предпочел бы, чтоб это называли красноречием.

— Поговорите с ним за ужином, а потом исчезните, чтоб я мог показать работы.

— Ясно.

— Приедете?

В голосе слышалась мольба, и мягкосердечный Билл дрогнул. Он не любил Стенхоупа Твайна, они были мало знакомы, только встречались в клубе, но Билл понимал, какие возможности открываются перед несчастным, и чувствовал, что отказать — подло. В нем всегда было что-то бойскаутское.

К тому же ему хотелось взглянуть на Мортимера Байлисса. Он сказал Твайну, что это крокодил, и, если годы не смягчили его, превратив в добродушного старичка, крокодилом и остался. Однако Билл знал: под грубой шкурой бьется золотое сердце. Отец рассказывал, как разорился после биржевого краха и как Мортимер его спас. Он ругался на чем свет стоит, но пришел с чековой книжкой и предложил выписать чек на любую сумму.

— Ладно, — сказал Билл. — Я собирался идти домой и тихо предаться сну, но — приеду.

— Отлично. Адрес такой: Вэли-Филдз, Тутовая Роща, Мирная Гавань. Вы знаете, как доехать до Вэли-Филдз?

— Мой туземный проводник Мбонго отыщет путь. Очень толковый малый.

— Часов в семь.

— Хорошо.

Билл положил трубку, взглянул на часы. Да, так он и думал, время поесть. Он отыскал шляпу, дружески похлопал мисс Элфинстоун по спине и отправился проверить, не отыщет ли в себе сил проглотить кусочек-другой.

6

Приготовления к ужину начались, едва Мортимер Байлисс повесил телефонную трубку; вся Тутовая Роща пришла в движение. Стэнхоуп Твайн через забор сообщил новость невесте, та, не теряя времени, побежала предупредить дядю, что сегодня он ужинает на стороне. Она застала его в кабинете, где он ломал голову над фразой «На груди у дамы поблескивал изящный клоун», и какое-то время сочувственно выслушивала соображения о недоумках, которых в прежние времена на выстрел не подпустили бы к сочинению головоломок. Лорд Аффенхем был воспитан в классическом духе, на солнечном боге Ра и большой австралийской птице эму, и не принимал новшеств вроде катеров и клоунов. Он резко их осудил, Джейн с ним согласилась.

— А теперь насчет ужина. Как бы тебе понравилось: на закуску икра, потом бульон, жареная курица под хлебным соусом, два овощных гарнира, омлет с вареньем, груши?

— Великолепно.

— Так вот, ты этого не получишь, — сообщила жестокая Джейн. — Сегодня у Стэнхоупа большой прием, мне надо там готовить. Мы намерены поразить Мортимера Байлисса.

— Э?

— Мортимера Байлисса. Очень знаменитый старичок, и не его вина, что я сегодня впервые о нем услышала. Видимо, большая шишка в мире искусства. Приедет взглянуть на бюсты и вообще. Надеюсь, Стэнхоуп ему понравится.

— Ты сказала «Стэнхоуп понравится»?

— Сказала.

— Ясно. А то я думал, ослышался… Впрочем, — продолжил лорд Аффенхем, искусно обходя опасную тему, — суть не в этом. Суть в том, что меня сегодня не кормят. Ладно, пойду в забегаловку, съем отбивную. И Кеггса с собой прихвачу.

— Не прихватишь. Он пообещал тряхнуть стариной и выйти в роли дворецкого. Сказано, у нас все будет по высшему разряду. Мы решили убить Байлисса.

Вот так и получилось, что в семь часов вечера, когда перед Биллом распахнулась парадная дверь Мирной Гавани, его взорам предстал Огастес Кеггс, словно вышедший из салонной комедии времен короля Эдуарда. Билл чуть не упал. Кого он не думал встретить в глухом предместье, так

это марочного дворецкого явно многолетней выдержки.

— А где мистер Твайн? — спросил он, приходя в себя.

— Вышел купить сигарет, сэр. Скоро вернется. Садитесь, пожалуйста.

Билл сел, но краса уходящего дня выманила его в садик. С этой стороны, как и в Уголке, и в Лесном Замке, садик был маленький и достопримечательности его скоро исчерпались. Полюбовавшись беседкой и птичьей купальней, Билл наткнулся глазами на статую, зажмурился, отвел взгляд и стал смотреть вправо, за ограду, в надежде увидеть что-нибудь более отрадное. Он был вознагражден зрелищем грушевидного джентльмена в преклонных летах. Джентльмен копал грядку.

Копать вообще тяжело, а если вы еще и вышли из нежного возраста, у вас вскоре заноет спина. Лорд Аффенхем выпрямился, увидел Билла и зашагал к нему. Он всегда радовался случаю обменяться мыслями с ближним.

— Прекрасный вечер, — сказал он.

— Не без того, — согласился Билл.

— Когда-нибудь решали головоломки?

— Случалось.

— Не знаете часом, как разгадывается: «На груди у дамы поблескивал изящный клоун»?

— Боюсь, что нет.

— Так я думал. Знаете что? Эти головоломки — пустая трата времени. Думать о них противно.

— Прекрасно сказано.

— Жизнь слишком коротка.

— Да, слишком, — снова согласился Билл.

Лорд Аффенхем снял с выступающего подбородка комочек земли и приготовился сменить тему. Сегодня за чаем его глубоко потрясла заметка в вечерней газете. Газеты постоянно открывали ему глаза.

— М-м-м, — сказал он.

— Да? — сказал Билл.

— Вот я вас сейчас удивлю, — продолжал лорд Аффенхем. — Знаете, сколько людей рождается каждый год?

— Где, здесь?

— Нет, везде. В Англии, Америке, Китае, Японии, Африке — повсюду. Тридцать шесть миллионов.

— Неужели?

— Факт. Каждый год в мире прибавляется тридцать шесть миллионов людей. Задумаешься.

— И впрямь.

— Тридцать шесть миллионов! И, поди, половина скульпторы. Как будто мало скульпторов уже коптит небо.

— Вы их не любите?

— Последние люди.

— Все-таки Божьи твари.

— В каком-то смысле, да. Однако они не имеют права на… на такое.

Билл окинул взглядом «Обнаженную».

— Конечно, место можно было бы использовать с большим толком, — признал он. — Но ему нравится!

— Он — ваш друг?

— Мы принадлежим к одному клубу.

— Клуб, однако… Принимают кого ни попадя. Который, по-вашему, час?

— Двадцать минут восьмого.

— Уже? Пора отправляться за отбивной.

— За отбивной?

— Ну, в забегаловку.

— Желаю приятного аппетита.

— Э? А, конечно, конечно. Верно подмечено. До свидания, — лорд Аффенхем враскачку заковылял прочь, а Билл, чувствуя естественный подъем после беседы с одним из лучших умов Вэли-Филдз, повернул к дому, откуда только что вышел Мортимер Байлисс.

— Здравствуйте, мистер Байлисс, — сказал Билл. — Вы, вероятно, меня не помните. Билл Холлистер.

Говоря это, он думал, до чего же невероятно старым тот выглядит. Однако при внешности человека, чья сто четвертая весна миновала давным-давно, хранитель Бэньяновской коллекции сохранил душевный огонь, по причине которого его в прежние годы редко приглашали дважды в одно место.

— Билл Холлистер? Конечно, помню. Мерзкий маленький тип, который дышал в затылок, когда я играл в шахматы с вашим отцом. Рыжий обормот с отвратительной улыбкой и, насколько я мог оценить, без каких-либо достоинств. Знаете ли вы, что при вашем рождении мне пришлось стоять насмерть, чтоб не сделаться вашим крестным? Пфу! Еле уберегся!

Билл задохнулся от нежности к Мортимеру Байлиссу.

— Вы много потеряли, — сказал он. — Вам бы еще все завидовали. Незнакомые люди подходят ко мне на улице и говорят: «Вот бы вы были моим крестником!» С той далекой поры я стал много лучше.

— Чепуха. Если вы менялись, так только в худшую сторону. Поразительно, что хоть какая-то девушка на вас взглянула. И тем не менее мне сказали, что вы помолвлены.

— Кто сказал?

— Не вашего ума дело. У меня есть свои источники. Так вы помолвлены?

— Уже нет.

— Хватило ума унести ноги? Это хорошо. А еще я слышал, что вы работаете у старого Гиша.

— Да. Если вы его спросите, он, возможно, ответит иначе, но лично я — работаю.

— А писать бросили?

— Так получилось.

— Чернь не приняла вашего творчества?

— Так я и сказал про себя.

— И внезапно вспомнили, что вам надо есть?

— Вот именно. А благодаря Гишу жить можно. Очень скромно, конечно, никаких излишеств. Откуда вы знаете, что я хотел быть художником?

— Когда я в последний раз видел вашего отца, за год или за два до его смерти, он говорил, что вы едете учиться в Париж, — сказал Мортимер Байлисс, не добавляя, что деньги на это дал он сам. — Я тоже когда-то грезил о живописи, но вовремя очнулся. Много проще объяснять другим, как им писать. — Он направил монокль на тощую фигуру, которая появилась из дома и сейчас спешила к ним.

— А это вышел кто из-под земли? — осведомился он.

— Наш хозяин.

— Выглядит болваном.

— Такой и есть. Привет, Стэнхоуп.

От волнения голос у Твайна стал еще пронзительнее.

— Привет, Холлистер. Я ужасно, ужасно извиняюсь, что не встретил вас, мистер Байлисс. Ходил купить вам сигарет.

— В жизни не курил эту гадость, — радушно отвечал Мортимер Байлисс. — Если вы собираетесь предложить мне коктейль, то знайте, что я к ним не притрагиваюсь.

— А херес вы пьете?

— Я ничего не пью уже много лет.

— Но вы хоть едите? — встревоженно спросил Билл. — Мы хотим произвести на вас впечатление.

Мортимер Байлисс взглянул на него холодно.

— Это вы шутите?

— Стараюсь.

— Безуспешно.

— Кушать подано, — произнес Кеггс, сгущаясь из воздуха, как и положено хорошему дворецкому. Вроде бы их нет — и вот, пожалуйста!

7

В половине десятого, вскоре после того, как Кеггс подал кофе, Билл, послушный указаниям, покинул общество, вышел в сад, и, опустившись в шезлонг, стал смотреть на звезды.

Вечер получился неожиданно приятным. Мортимер Байлисс излучал благодушие, какого не заподозрили бы в нем ближайшие друзья (ежели бы таковые сыскались). Подобрев от превосходного ужина, превосходно поданного дворецким, умевшим в свое время угодить Дж. Дж. Бэньяну, он настолько смягчился, что дитя могло бы играть с ним, мало того — случись рядом это дитя, он погладил бы его по головке и одарил шестипенсовиком. Его застольная речь — поток историй про подпольных миллионеров и еще более подпольных румынских торговцев картинами — была весела и искрометна. Билл с удовольствием послушал бы еще, однако понимал, что теперь, когда лед сломан, Стэнхоуп Твайн хочет получить размякшего эксперта в свое распоряжение, и удалился, как было условлено.

Сад, прекрасный в половине восьмого, окутался бархатной тишиной летнего вечера и стал еще прекраснее. Впрочем, тишина — понятие относительное. Со своего покойного шезлонга Билл слышал пианиста из Уголка, который, видимо, пребывал в нежном возрасте и учился по переписке играть что-то вроде «Звонких песенок для милых крошек». Через дорогу, в «Балморале», разговаривал телевизор, а в соседнем «Чатсворте» кто-то, чей голос не мешало бы обработать напильником, исполнял отрывки из пьес Гилберта и Салливана.

Однако, хотя Биллу и хотелось, чтоб в «Балморале» выключили телевизор, а виртуоз из Уголка оставил неравную борьбу и ушел спать, он нашел летнюю ночь в Вэли-Филдз крайне умиротворяющей и вскоре отдался ее мягкому очарованию. Подобно майору Флуд-Смиту, он с трудом верил, что лишь несколько миль отделяют его от суетливого гама столицы, и, вероятно, вскоре забылся бы сном, если б его не привлекло

странное, даже подозрительное явление. На лужайке, всего в нескольких ярдах, мелькал огонек. Какое-то ночное существо проникло в Мирную Гавань с электрическим фонариком.

Помимо хозяйского долга существует и долг гостя. Даже если вы не питаете особой приязни к позвавшему вас человеку, вы не позволите хищникам рыскать в его саду. Вы ели его хлеб и соль, это накладывает обязательства. Повинуясь неписаному закону, Билл встал и крадучись двинулся к пришельцу, подобно тем индейцам у Фенимора Купера, у которых сучок не хрустнет под ногой. Оказавшись позади неизвестного, он не придумал ничего лучше, чем позаимствовать словечко из арсенала мисс Элфинстоун, поэтому сказал:

— Ха!

Лорд Аффенхем — а это был он — развернулся и громко фыркнул.

Трудно установить миг, когда рождается вдохновение — никогда не знаешь, как долго гениальная догадка дремала в полубытии. Вполне возможно, что мысль взять пузырек с черной краской, перелезть через забор и пририсовать «Обнаженной» вальяжную эспаньолку зрела неделями. Но только на пути из «Зеленого Льва», после скудного ужина, злосчастный виконт осознал, что голой исполинше недоставало именно бородки клинышком и что другого случая не представится. Племянница на кухне у Стэнхоупа Твайна, Огастес Кеггс поглощен обязанностями дворецкого, сам Стэнхоуп и его гости сидят дома. Короче, все сошлось, как по заказу.

Так размышлял лорд Аффенхем и потому неприятно изумился раздавшемуся из темноты окрику, означающему, что кто-то еще гуляет в ночи. К завтрашнему строгому допросу он был внутренне готов. Человек, задавшийся высокой целью, стерпит мелкие неприятности. Но он не договаривался, что в саду будут и другие. Их присутствие стесняло его, в особенности же — внезапные окрики. А теперь, в довершение всего, цепкие пальцы ухватили его за нос, да еще и крутанули, явно показывая, что не намерены шутить. Боль была ужасная, и вырвавшееся у страдальца «Э?» едва не заглушило вопли балморалского телевизора.

Всякий, кто хоть раз слышал, как лорд Аффенхем произносит «Э?», запоминает его навсегда, а Биллу, как мы помним, такое удовольствие выпало. Он понял, что перед ним — недавний знакомец, так глубоко рассуждавший о скульпторах.

— А, это вы, — сказал он и выпустил нос. Воцарилось короткое молчание. Потом изувеченный заговорил дрожащим от обиды голосом.

— Никогда так больше не делайте, — сказал он. — Я думал, оторвете.

— Мне очень жаль.

— Теперь поздно жалеть.

— Я принял вас за полуночного грабителя.

— Как это «полуночного»? Сейчас часов десять.

— Ну, за десятичасового. Меня удивило, что вы рыщете по саду с фонариком.

Лорд Аффенхем уже оправился от испуга. Он снова стал честным пожилым джентльменом, который нередко глядел в глаза племяннице и твердо (а часто — и успешно) отметал любые подозрения.

— Лопни кочерыжка! — сказал он. — Вы знакомы с жизнью в предместье?

— Не очень. Я скорее горожанин.

— Ну так вот, мы здесь — одна большая семья. Я захожу в ваш сад, вы — в мой. Я беру вашу косилку, вы — мою.

— Ты мне — я тебе.

— Вот именно. Завтра я выгляну из окна и увижу на своей лужайке Стэнхоупа Твайна. «А, это вы!» — скажу я, и он ответит: «Доброе утро, доброе утро». Все очень мило, по-соседски. Но все-таки вы лучше ему не говорите. Он не любит, когда заходят к нему в сад, боится за свою статую. Соседские детишки иногда пуляют в нее из рогатки, он совсем издергался. Так что забудьте о нашей встрече.

— Забуду.

— Спасибо. Я знал, что вы поймете. Это ведь с вами я говорил перед ужином?

— Да. Как отбивная?

— Какая отбивная?

— В забегаловке.

— А, эта! Не было там отбивной. Пришлось взять печенку.

— Какой ужас!

— Ничего, я справился. Вы были там, у Твайна?

— Да.

— Как же вам удалось выбраться? — спросил лорд Аффенхем тоном старинного парижанина, встретившего знакомца, который только что сидел в Бастилии.

— Меня выставили на мороз. Твайн хотел остаться с другим гостем. Тот заинтересовался его работами.

— Заинтересовался? Чудак, наверное. Ладно. — лорд Аффенхем внезапно понял, что время бежит и племянница вот-вот засобирается домой, — приятно с вами беседовать, но нельзя же стоять тут всю ночь.

Если вы подсадите меня на забор, я перелезу к себе.

Все лучше, чтобы Джейн по возвращении застала его за книжечкой, в уютном кресле, которое он, ясное дело, не покидал несколько часов.

На следующий день Джордж, шестой виконт Аффенхемский, посеявший ночью ветер, пожинал бурю. Он тщетно бился над фразой «При дурном правлении беднеет наказ», когда в кабинет вошла племянница. Опытный лорд с ходу определил, что она кипит от гнева и, если хотите, зла, как мокрая курица.

— Дядя Джордж, — сказала она, и ее мелодичный голос ему не понравился, — это ты нарисовал усы «Обнаженной»?

Она весьма удачно сформулировала вопрос. Теперь лорд Аффенхем мог ответить с чистой совестью. Мы помним, что усов он не рисовал, только бородку.

— Конечно нет, — произнес он с достоинством, которое так ему шло. — Даже и не думал.

— Кроме тебя, некому.

— Смешно!

— Кто еще мог?

— Э?

— Не притворяйся, что впал в транс. Ты слышал, что я сказала.

— Да, слышал и глубоко потрясен. Давай разберемся. Ты говоришь, кто-то пририсовал усы «Женскому Дню в Турецкой Бане». Прекрасно и замечательно. Именно их и не хватало. Но если ты думаешь, что это я…

— Думаю.

— Тогда задай себе один вопрос.

— Какой?

— Сейчас скажу. Спроси себя, может ли человек, разрывающийся между сотнями дел, бегать по округе и рисовать всякие усы… Лопни кочерыжка, ты еще скажешь… Не знаю, что ты скажешь… — лорд Аффенхем беспомощно развел руками. — Вот, лучше ответь: у меня тут написано «При дурном правлении беднеет наказ». Что бы это могло значить?

— Я не предлагала сменить тему.

— Ладно, продолжай, хотя я и сомневаюсь, что мы куда-нибудь придем. По мне, только время потеряем. Как Твайн? Огорчился?

— В бешенстве, — сказала Джейн и устыдилась легкого недовольства, которое возникло при воспоминании, как истошно тот вопил. Стэнхоуп Твайн в горькую минуту — зрелище не из приятных.

— Понятно, но незачем валить все на меня. Это, наверное,

детишки, — сказал лорд Аффенхем тоном доктора Ватсона, говорящего: «Холмс, это совершил ребенок!» — Их там трое. Каждый способен нарисовать сотню усов. Пусть Твайн поищет улики. Не найдет, конечно. Дело совершенно темное. Как можно обвинять меня?!

Именно этот вопрос и повергал Джейн в растерянность и досаду. Она чувствовала себя сыщиком, твердо знающим, что именно профессор Мориарти подсыпал мышьяк в суп руританскому послу, но не способным убедить в этом присяжных. В подобных случаях сыщик морщит лоб и кусает губы; и Джейн наморщила лоб, прикусила губу. Мгновенное желание огреть дядю кофейником накатило и прошло. В таких-то случаях и сказывается воспитание.

Однако у нее было в запасе другое оружие.

— Я тебе не говорила, что плита испортилась? — небрежно спросила она.

— Не говорила.

— Завтракать будешь сардинами.

Лорд Аффенхем воинственно фыркнул. Сознание моральной победы придало ему сил.

— Провалиться мне со всеми потрохами! Какие сардины?! Знаешь, что я с тобой сделаю? Возьму в Лондон и до отвала накормлю у Баррибо. Гульнем! А потом можешь закатиться на Бонд-стрит, потыкаться носом в витрины ювелиров.

Он не мог бы вернее успокоить разгневанную племянницу. Джейн редко выпадала такая радость, как завтрак у Баррибо, в этой Мекке техасских миллионеров и заезжих махарадж. Больше же всего на свете она любила глазеть на витрины. Она сразу перестала быть гувернанткой, распекающей малолетнего преступника, и поцеловала лорда Аффенхема в лысую макушку.

— Замечательно. Только я вернусь пораньше. Дора Уимпол пригласила меня в гости. Ладно, сочтем, что усы пририсовала международная мафия.

— Да, она такая. От нее жди.

Довольный счастливым завершением эпизода, который грозил вылиться в серьезные неприятности, лорд Аффенхем вернулся к «Тайме», но, обнаружив, что по горизонтали стоит «Над неоконченным храмом строители воздвигли полку», а по вертикали «В амбаре на мельнице содержится резон», что не по зубам даже Кеггсу, выбросил все это из головы и приготовился беседовать дальше.

— Что ж теперь Твайн?

— Трет ее скипидаром.

— Думаешь, ототрет?

— Он надеется, что да.

— Ототрет, конечно… Бедные детишки! Столько стараний, и все зазря.

— Мы, кажется, договорились, что это мафия.

— Ну да, бедная мафия. Старалась, старалась — и все зря. Значит, он вопит? Кажется, я слышал. Думал, поросенка режут. Поистине, все его неисчислимые недостатки меркнут в сравнении с голосом. Не понимаю, как ты его выносишь, а тем более — хочешь за него замуж.

Обыкновенно, если разговор доходил до этого вопроса, Джейн отвечала со свойственной ей прямотой, но перспектива позавтракать у Баррибо заметно ее смягчила, и она кротко заметила, что не стоит возвращаться к теме, которую обсуждали сто раз.

Лорд Аффенхем не сдался. Он считал себя чем-то вроде родителя и заботился о ее счастье.

— Очень даже стоит. Хочу тебя спасти. Да и себя. Меня тошнит от одной его физиономии! Ладно, выходи замуж, но хоть за человека, с которым можно выкурить трубочку. Вроде молодого Миллера. Нашла же твоя сестра! Я то и дело к ним захаживал, до сих пор горюю, что они свалили в Америку. Недостает мне Уолтера.

— Джефа.

— Его зовут Джеф?

— По крайней мере, так он представился.

— Да, конечно, Джефа. Вечно я путаю. Помню, в двенадцатом году некая Китти дала мне от ворот поворот, потому что я начал письмо словами: «Дорогая моя Мейбл». Но я говорил… Что я говорил?

— Чтобы я вышла за хорошего человека.

— Вот-вот. Казалось бы, немного. И что же? Ты прибегаешь," кладешь мне на коврик этого каменотеса и радостно кричишь: «Эй, все сюда!». Могла бы и о других подумать.

— Не для того выходят замуж, чтобы угодить дяде. Думать надо о себе.

— Вот как? Да и вообще, возьми меня. Разве я думал о себе? Нет! Я сказал себе: «Она не понравится твоей племяннице. Выбрось ее из головы, Аффенхем, выбрось из головы».

— Дядя Джордж!

— Э?

— О ком ты говоришь?

— О моей невесте.

— О ком, о ком?

— Лопни кочерыжка, ты знаешь, что такое невеста. Ты сама невеста, прости Господи. Теперь, когда все позади, я могу тебе рассказать. Недавно я обручился с билетершей из «Риволи», ну, на Эрн-хилл. Ее зовут Мадлен. Потом я понял, что вы не поладите, и разорвал помолвку.

Здесь лорд Аффенхем позволил себе маленькую вольность. Помолвку разорвала невеста, которая (надо сказать — к радости престарелого пэра) встретила разъездного торговца, видом, платьем и общей бойкостью дававшего ему сто очков вперед.

Впрочем, пэр совсем не считал себя престарелым. Если забыть редкие приступы ревматизма, настигавшие его суровым английским летом, он чувствовал себя тем же веселым молодым повесой, что и в 1912. Смутили его не прошедшие сорок лет, а чересчур роскошные замашки избранницы. Когда живешь на скромную годовую ренту, трудно являться через день с флакончиком духов или коробкой шоколада. В таких обстоятельствах слушаешь голос бережливости и вдумчиво киваешь.

— Мда, — подытожил он, — вот так. Тебе бы она не показалась, и я принес себя в жертву.

Джейн стояла с открытым ртом.

— Ну и ну! — произнесла она наконец.

— Истинная правда, — сказал лорд Аффенхем тоном Сидни Картона. — Пришлось перешагнуть через себя. Noblesse oblige.[63]

— Вот что бывает, если на минуту оставить тебя без присмотра! Придется водить на поводке. В твои годы…

— Что значит «в мои годы»?

— …шляться невесть где…

— Мне не нравится слово «шляться».

— … и делать предложения билетершам.

— Все лучше, чем принимать предложения от скульпторов.

— Как тебя угораздило отмочить такую глупость? Вообще-то на предложение руки и сердца его толкнула давняя привычка свататься, едва разговор поугаснет и надо заполнить паузу. Это и прежде доводило его до беды, особенно в 1912, 1913, 1920 и 1921 гг., и сейчас он понял, как сильно ошибался. Однако он не стал говорить этого Джейн, поскольку увидел возможность ответить веско и к месту.

— Я тебе объясню, как меня угораздило. Это — первая миловидная особа, которую я встретил с тех пор, как мы сюда переехали. Вот она меня и сразила. Как говорится, колос под ее серпом. В точности то же

произошло с тобой. Ты бы на этого Тваина второй раз не поглядела, не окажись ты в Лондонском предместье.

— Чепуха, — отвечала Джейн, но отвечала неуверенно. Лорд Аффенхем, как опытный военачальник, продолжал наступление. Нотка неуверенности не ускользнула от его внимания.

— Я тебе докажу на жизненном примере. Помнишь свою двоюродную бабку Анну? Нет, она умерла за три года до твоего рождения, так что вряд ли вы вообще встречались. Она жила в глухой деревне на границе Уэллса и Шропшира, папенька отправил меня к ней на лето. Сказал — погляди, может, чего выгорит. Ничего не выгорело, она все завещала Распространению Евангелия в Заморских Странах, но я вот к чему: не прошло и недели, я обручился со свояченицей некой миссис Постлвайт, она еще разводила сиамских кошек. Просто от скуки, чтобы как-то убить время. С тобой приключилось ровно то же самое, и мой долг тебя предупредить. Не вздумай выходить от скуки за этого не разбери поймешь! Горько разочаруешься, — и, завершив лекцию, лорд Аффенхем вернулся к тайне слов «Купец разложил на прилавке конус»; а Джейн, видя, что до него теперь не достучаться, пошла к себе выбирать платье, которое не уронило бы честь семьи.

Вид у нее был такой, словно она получила пищу для размышлений.

9

Примерно об эту же пору Билл Холлистер входил в галерею Гиша.

— Заметьте, тик в тик, — сказал он мисс Элфинстоун, — если вы извините это несколько жаргонное выражение. Вчера я вернулся рано и проспал полных восемь часов. Отсюда блеск в глазах, румянец и упругая походка, и отсюда же, без сомнения, то, что вы смотрите на меня с обычной приветливостью, а не как вчера, желтушным китайцем. Я пришел к выводу, о, Элфинстоун, что оба мы, и вы, и я, — дураки. Мы не знаем своей пользы. Где вы живете?

— У тетки, в Кэмден-тауне.

— Если это можно назвать жизнью. А я прозябаю в Челси, на Кингс-род. Вот почему я сказал, что мы дураки. Жить надо в Вэли-Филдз. В этом благословенном месте можно устроиться по первому разряду, по-царски, лучше не придумаешь и так далее. Я знаю, что говорю. Я там ужинал.

— Вы часто бываете в гостях!

— Да, я всеобщий баловень. Вероятно, дело в моей обходительности.

Ужинал я у клубного знакомого, Твайна, или Цвайна, как вы предпочитаете его называть. Человека, простите, чертовски бедного, но не успел я переступить порог, как из каждой щели полезли роты дворецких. Вы бы не ошиблись, сказав, что Твайн обитает в мраморных хоромах, где ему прислуживают вассалы и челядинцы. Мало того, его кухарка — настоящая cordon bleu.

— Чего-чего?

— Так я и думал, не проходили. Я хотел сказать, бесподобная повариха. Готовит — пальчики оближешь. Жуткая несправедливость! Твайн — последняя спица в колесе мироздания, а его кухарка трудится не покладая рук, я же занимаю важный пост в прославленной картинной галерее, на меня смотрит вся Бонд-стрит — и что же? Я питаюсь объедками и бутербродами.

— Сегодня вам не придется есть бутерброды. Мистер Гиш сказал, чтобы вы кого-то угостили.

— Кого?

— Не знаю. Покупателя.

— Клиента, моя милая, клиента. Ладно, — сказал Билл, нимало не удивляясь, ибо мистер Гиш, чье пищеварение испортилось еще в 1947, частенько отправлял его кормить потенциальную жертву. — Отлично. Замечательно. Надеюсь, есть будем у Баррибо. Я не был там с тех пор, как папа Гиш продал Матисса в шесть раз дороже настоящей цены и так ошалел на радостях, что пригласил меня спрыснуть. Как вы думаете, клиент достаточно важный, чтоб его там кормить?

— Спросите мистера Гиша. Он хотел вас видеть.

— Меня все хотят видеть. Ладно, уделю ему пять минут. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что какое-то время вам придется обойтись без меня. Ну же, ну, не рыдайте! Я вернусь, когда в полях забелеют ромашки.

В самой галерее мистер Гиш, видом и характером напоминающий саламандру, стоял перед статуэткой голой дамы, которая, судя по всему, разучивала чечетку, и метелочкой стряхивал с нее пыль. Билл галантно приподнял шляпу.

— Мадам, он вам часом не досаждает? — спросил он учтиво. Звук знакомого голоса подействовал на владельца галереи как укус крокодила. Он повернулся вокруг своей оси, блеснул очками в роговой оправе и, подобно мисс Элфинстоун в похожем случае, сказал: «Ха!»

— Соизволили явиться?

— И, как вы можете заметить, в положенный час.

— Где вас вчера черти носили? Билл поднял руку.

— Забудьте про вчера. Как сказал поэт: «Каждым утром — свежее начало, каждый день миры творятся вновь». Сегодня — это сегодня, и я перед вами, бодрый, расторопный, готовый узнать, что вы затеяли.

При разговоре с молодым помощником мистер Гиш разрывался между двумя противоречивыми чувствами — желанием сейчас же указать ему на дверь и неприятными угрызениями. Двадцать шесть лет назад, в щедром 1929 году, отец Билла, не знавший, куда девать деньги, предоставил мистеру Гишу начальный капитал, а человек совестливый не забывает таких обязательств. К тому же Билл — хороший помощник, если научиться терпеть его обходительность, много лучше кретинов с деревянными лицами, работавших здесь до него. Когда даешь ему поручение, он не разевает рот, словно слабоумная рыба, а идет и исполняет, мало того — не путает все на ходу. Он прекрасно рассказывает о картинах и нравится клиентам. Что-то в его честном, открытом лице, даже в искореженном ухе (память о боксе) внушает доверие.

Взвесив все это, мистер Гиш решил не выкладывать, что у него на сердце, и Билл продолжал.

— Я слышал, вы хотели, чтоб я накормил кого-то из местных прокаженных. Кого на этот раз?

— Большой человек! Производство лаков и красок. Фамилия — Маккол. Я продал ему Будена и надеюсь, что он купит Дега.

— Купит, если поддастся очарованию застольной беседы. Думаю, меньше чем Баррибо тут не обойтись.

— Да, отвезите его к Баррибо. Попросите мисс Элфинстоун заказать столик.

— Всенепременно. Кстати, об этой мисс. Она сказала, мне надо было взглянуть на какие-то картины.

— Да. Есть что-нибудь стоящее?

— Я еще не смотрел. Мистер Гиш вздрогнул.

— Как не смотрели? Вы не ездили?

— Не смог. Здоровье не позволило. Кажется, я в последнее время переработал. Расскажите мне о них.

На мгновение показалось, что кормчий галереи Гиша забудет об обязательствах перед Холлистером-старшим, но лучшие стороны его натуры взяли верх, и он усилием воли сдержал беспощадные слова.

— Они принадлежат лорду Аффенхему. Вчера заходила девушка…

— Так и летят, так и летят! Трепетные мотыльки.

— Мисс Бенедик. Его племянница. Она сказала, что он просит меня их

продать. Они в его поместье Шипли-холл, возле Тонбриджа.

— Рад служить, но вы ошибаетесь. Шипли-холл — вотчина моего старого приятеля, Роско Бэньяна. Он совсем недавно говорил об этом в клубе. Вы не знакомы? Он напоминает карикатуру на Капитал. Видимо, дело в деревенском масле. Лопает его фунтами. Где, спросите вы? В Шипли-холле, который, как я сказал, принадлежит ему, а не вашему лорду Аффенхему.

— Лорд Аффенхем сдал ему Шипли-холл.

— Понятно. Тогда другое дело.

— Угостите Маккола и езжайте посмотреть на эти картины.

— Почему не вы?

— Я должен быть в Брайтоне.

— Вечно вы где-то гуляете. Ах, так всегда! Все работают, кроме папочки.

Мистер Гиш медленно сосчитал до десяти. Вновь лучшие стороны его натуры чуть не дали слабину.

— На распродаже, — холодно сказал он.

— На распродаже?

— На распродаже.

— Хороший предлог, — признал Билл. — Ладно, пока вы кутите, я распрощаюсь с Макколом и поеду в Шипли-холл, о котором столько наслышан. Где вас найти?

— С четырех часов я буду в отеле «Метрополь».

— Ясно. В баре, конечно.

— В зале. Я пью чай с клиентом.

— С клиенткой, надо понимать. В чем, часто думаю я, секрет этой привлекательности? Как вы мне, однако, доверяете!

— Никак я вам не доверяю. Мнение, видите ли! Попросите Мортимера Байлисса, чтоб *он о них* высказался.

— Мортимера Байлисса? Он в Шипли-холле? Я его вчера встретил.

— Значит, встретите еще и сегодня. Узнайте, как они ему. Самый лучший эксперт на свете.

— И на каком! — подхватил Билл. — Вот, пожалуйста. Оглянешься вокруг…

Однако мистер Гиш, не способный долго задерживаться на одном месте, особенно — беседуя с обходительным помощником, уже исчез.

Утро прошло, как всякое утро. Миссис Уэстон-Смидт увидела, в перечисленном порядке, «Подражание Эль-Греко», «Натюрморт», «В духе мастера…» и, когда окончательно пала духом, — самого Бернардо Дадди,

которого и купила. В час Билл взял шляпу, прошелся щеткой по визитке и приготовился отбыть к Баррибо, вдохновленный перспективой угоститься за счет фирмы.

В предбаннике мисс Элфинстоун говорила по телефону.

— Ой, минуточку, — сказала она, завидев Билла, потом, прикрыв ладонью трубку: — Какая-то девушка.

— Несчастное созданье!

— Вы знаете что-нибудь о каких-то картинах?

— Я знаю о картинах все.

— Это мисс Бенедик. Насчет картин. Она говорит, заходила к мистеру Гишу позавчера. Ну, ее дяди, лорда Баффенхема.

— Боже, что за синтаксис! Я полагаю, вы хотели сказать, что мисс Бенедик звонит в связи с вопросом о неких полотнах, принадлежащих ее дяде, лорду Аффенхему — отнюдь не Баффенхему, — о продаже которых она беседовала третьего дня с моим нанимателем. Да, я в курсе. Кстати, дайте, я сам разберусь. Алло! Мисс Бенедик?

— Доброе утро. Я звоню по поручению своего дяди, лорда Аффенхема, — сказал голос, и Билл чуть не выронил трубку.

Голос был единственный на миллион — тот самый, который завораживает слух, проникает в сердце и бередит его десятифутовым шестом. Билл в жизни не слышал подобного; и странный трепет пробежал по его спине.

— Это насчет картин? — с трудом выдавил он.

— Да.

— В Шипли-холле?

— Да.

— Вы заходили к нам на днях?

— Да.

Биллу захотелось, чтоб она отвечала не так односложно. Он мечтал о длинных, восхитительных фразах.

— Сейчас я еду в Шипли-холл на них поглядеть.

— Прекрасно. Кто вы?

— Я работаю у Леонарда Гиша. Да замолчите вы!

— Простите?

— Виноват. Я обращаюсь к безмозглой секретарше, которая сидит тут рядом. Она утверждает, что я не произнесу «работаю у Леонарда Гиша» десять раз кряду.

— А вы произнесете?

— Не уверен.

— Ладно, попробуйте. И спасибо вам большое. Я передам дяде.

Билл ошалело повесил трубку. Он чувствовал себя так, будто испытал сильнейшее потрясение — как, впрочем, оно и было, — и дивился, что мисс Элфинстоун, которой тоже посчастливилось слышать волшебный голос, сидит спокойно и невозмутимо, хуже того, продолжает жевать резинку.

У Билла Холлистера был необыкновенный слух на голоса. Он предпочитал реже видеться со Стэнхоупом Твайном отчасти и потому, что тот, увлекшись, имел обыкновение вопить, словно римские привидения перед убийством Юлия Цезаря. И еще Биллу казалось, что он легче перенес бы сравнение с лохматой собакой, распоряжающейся выносом тела, если бы голос мисс Мерфи меньше напоминал о павлине.

Голос, который он только что услышал и который по-прежнему отдавался в коридорах его души, был волшебный, округлый, тягучий. Такой голос растрогал бы дорожного полисмена и усмирил налогового инспектора. Биллу чудилось, что он вступил в телефонный контакт с ангелом, вероятно — солистом небесного хора, и перед его глазами возникла дивная картина: церковь, он сам в визитке и полосатых брюках идет по проходу рука об руку с обладательницей серебряного голоса, орган играет «О, Совершенная Любовь!», а публика на скамьях перешептывается: «Какая очаровательная пара!». Епископ и причетники отстрелялись, все нужные «да» произнесены, и она с ним… с ним… с ним… в беде и в радости, в болезни и в здравии, покуда смерть их не разлучит…

Тут он вспомнил, что не знаком с ней и вряд ли когда-нибудь познакомится. Вечно эти препятствия! В мрачном расположении духа Билл вышел на Бонд-стрит, направил стопы на восток и вскоре сидел с мистером Макколом за столиком в сияющем зале Баррибо.

Обед не задался, хотя у Баррибо, как всегда, не пожалели усилий. Билл не имел возможности проверить, насколько общительны крупные производители лаков и красок, но час в обществе мистера Маккола убедил его, что тот, вероятнее всего, не дотягивает до статистического уровня. Он молчаливо поглощал пищу, что же до пиршества ума и общения душ — лишь изредка сопел, припоминая, видимо, последнюю партию краски или вчерашние поставки лаков. Словом, Биллу пришлось потрудиться сильнее, чем он желал, особенно в такие минуты, когда сердце опечалено, а голова занята невеселыми мыслями. Когда гость наконец встал, Билл с радостью проводил его к вращающимся дверям и препоручил заботам руританского маршала, который подает такси посетителям Баррибо.

Когда он вернулся в зал, сердце его было по-прежнему опечалено, хотя с мистером Макколом он распростился навеки. Общепризнано, что самый горький удел олицетворяет человек, одетый на выход, которому некуда пойти; и мало найдется столь черствых душ, чтобы, рассуждая о таком человеке, они не вздохнули и не уронили слезинки. Но хотя этот несчастный безусловно влип и, вероятно, лупит себя в грудь, как брачный гость при звуках фагота, страдания его меркнут перед муками того, кто рвется сложить богатства своей души к ногам возлюбленной, но, к сожалению, не знает, где она живет и как выглядит.

На Билла нашло неодолимое желание закурить. Он полез в карман и не обнаружил там портсигара. Решив, что забыл его на столике, он рванул в ресторан — забрать портсигар, пока тот не приглянулся какому-нибудь махарадже.

Путь его лежал мимо невысокой беленькой девушки. Билл скользнул по ней взглядом и отметил про себя: «Симпатичная», когда она заговорила, обращаясь к мальчику с тележкой.

— Пожалуйста, позовите метрдотеля, — сказала она, и Билл вздрогнул, как будто служители Баррибо всадили ему в ногу раскаленный вертел, и застыл, словно лорд Аффенхем в минуты очередного транса. Ему на мгновение померещилось, что упомянутые служители, как ни мало это на них похоже, огрели его по голове полным носком сырого песка.

10

Многие скажут, что в самой фразе «Позовите, пожалуйста, метрдотеля» нет ничего, что бы поразило чувства и вызвало столбняк. Такие пустые реплики произносит второстепенный персонаж в начале третьего акта (сцена ужина), чтобы заглушить шум, пока зрители по ногам возвращаются после антракта. Словом, фраза эта и близко не подходит к аристотелеву идеалу жалости и страха.

Билла повергла в прострацию не она сама, а голос, который ее произнес. Он не верил, что в маленьком Лондоне может быть два таких волшебных голоса. Вылупившись на беленькую симпатичную девушку, он видел, что ее очарование усилил самый что ни на есть прелестный румянец. Многие девушки, даже в наше изощренное время, краснеют, когда слизняки в человеческом обличье замирают перед их столиком и пялят вылезшие на шесть дюймов глаза. Взглянув на слизняка, как брезгливая принцесса — на гусеницу в салате, Джейн отвела взгляд и стала

смотреть в сторону, когда слизняк заговорил.

— Мисс Бенедик? — спросил он низким, хриплым голосом, заинтересовавшим бы специалиста по болезням горла, и Джейн встрепенулась, как вспугнутый котенок. Румянец ее от смущения сделался еще гуще. Впервые за последние четверть часа она порадовалась, что с ней нет дяди Джорджа. Дядя Джордж сурово осуждал подобную забывчивость. «Адские трубы! — говаривал дядя Джордж, сводя кустистые брови. — Людей надо помнить, а то от тебя будет радости, как от муравья на пикнике. Терпеть не могу, когда девушка при второй встрече запамятует, что ты — ее лучший знакомый».

Сейчас она глядела прямо на молодого человека, видела его отчетливо и смутно припоминала, что где-то их пути пересекались: на каком-нибудь давнем балу, или в гостях, или в иной жизни. Она где-то видела эти рыжие волосы, которые, скорее всего, не расчесывали с позапрошлой среды, эти, как она теперь понимала, очень приятные глаза. Она рылась в памяти, пытаясь нашарить имя, а память, как всегда в таких случаях, пожимала плечами и отказывалась помочь; но тут он заговорил.

— Мы беседовали сегодня по телефону. О картинах лорда Аффенхема. Я из галереи Гиша.

У Джейн отлегло от сердца. Никто не обязан помнить телефонных собеседников. Она не подвела великого хранителя этикета, своего дядю Джорджа, и на радостях так оживилась, что сердце и утробу у ее собеседника еще раз перевернуло десятифутовым шестом. Неужели он мог подумать: «Симпатичная»? Так кто-то, впервые увидев Тадж-Махал, сообщил бы родственникам в письме: «Ничего, вполне пристойная могилка».

— Конечно! — сказала Джейн. — Вы работаете у Леонарда Гиша. Садитесь, пожалуйста,

Билл сел, радуясь этому, потому что голова у него немного кружилась. Улыбка, которой Джейн сопроводила свои слова, произвела сокрушительное действие. Единственной его связной мыслью было то, что жизнь, прожитая в ожидании этой улыбки, не пропала даром.

Джейн недоуменно спросила:

— Как же вы поняли, что это я?

— Узнал ваш голос.

— Узнали голос? — удивилась Джейн. — После пяти слов по телефону?

— Достало бы и одного, — сказал Билл. Он уже переборол первое смущение, и к нему вернулась всегдашняя обходительность. — Это

чудный, удивительный голос, единственный в своем роде, незабываемый, журчащий, как лесной ручей, полный музыки сфер. Когда вы попросили этого мальчика прислать вам метрдотеля, мне послышались серебряные колокольчики над морем сумрачным в стране забвенной.

— Простите, где?

— В стране забвенной. Это не я. Китс.

— Вот как. Здорово, правда?

— Да уж куда лучше.

Джейн внезапно оробела. Обычно она держала пылких юнцов на безопасном расстоянии и забеспокоилась, не пора ли прибегнуть к этой тактике. Многие молодые люди говорили ей комплименты, но никогда — с такой лихорадочной страстностью. Вроде бы, этот человек говорит прямо от сердца. И какой начитанный! Китс все-таки. Но тут ей вспомнилось другое словцо дяди Джорджа. «Когда тебе начинают читать стихи, — предупреждал он, — держи ухо востро».

Смутило ее то, что ей совсем не хотелось как бы то ни было держать ухо. Ее тянуло к человеку, так внезапно ворвавшемуся в ее жизнь и уже несколько минут смотревшему на нее с нескрываемым восторгом мальчишки, перед которым поставили полную миску мороженого. Ей нравились его глаза, на удивление дружеские и честные. Ей нравилось в нем все… и гораздо сильнее, упрекала совесть, чем приличествует невесте. Невестам, напоминала совесть, положено так замирать лишь в присутствии жениха. То, что этот рыжий человек, которого она видом не видывала пять минут назад, вызывает у нее такое чувство, будто она парит в розовом облаке, решительно никуда не годится, замечала совесть в своем неприятном духе.

Сознавая, что совесть права, эмоциональный накал разговора следует остудить, Джейн обратилась к более безопасной теме.

— Вы едете сегодня в Шипли-холл смотреть дядины картины? — сказала она. — Завидую вам. Там очень хорошо, особенно весной. Я так по нему скучаю.

— Вы давно там не были?

— Много лет.

— Вы бывали там в детстве?

— Да, я там жила.

Билл восторженно зажмурился.

— Как чудесно будет увидеть комнаты и уголки, по которым вы бродили! — произнес он. — Я буду чувствовать себя на святой земле.

Джейн поняла, что эта тема не такая уж безопасная, и решила

испробовать другую.

— Что-то метрдотель не идет, — сказала она.

Билл собирался говорить много и долго. Он сморгнул, как будто выскочил на улицу и с разгону впечатался в фонарный столб. Нет, какие метрдотели?! Но что поделаешь… Значит, так тому и быть.

— Ах да, вы хотите его видеть!

— Ни капельки, но, к сожалению, должна.

— Что случилось?

— Я не могу заплатить по счету.

— Потеряли кошелек?

— Кошелек при мне, но в нем ничего нет. Хотите выслушать мою скорбную повесть?

— Я весь внимание.

— Мой дядя пригласил меня выпить кофе…

— У Нэнси Митфорд говорят «кофею», но продолжайте.

— Мы договорились, что он заглянет в клуб, а в час мы встретимся у ресторана и вместе выпьем кофею за его счет. Когда в половине второго он не появился, я не выдержала. Зашла и сама заказала.

— Не обращая внимания на цены в правом столбце?

— Решительно. Я думала, все уладится, когда он придет, а он так и не пришел. Я знаю, что случилось. Он заговорился с ребятами, как он их называет, и забыл про меня.

— Рассеянный?

— Не то чтобы рассеянный, скорее увлекающийся. Вероятно, обсуждает сейчас апостольское преемство в абиссинской церкви. А может, рассказывает, почему борзые называются борзыми. Прочел вчера в газете и очень взволновался.

— А почему?

— Потому что они очень борзо бегают. И знаете, за кем? За барсуками.

— Я думал, они бегают за электрическим зайцем.

— Когда не могут раздобыть барсука. Ладно, как бы они ни проводили время, факт остается фактом. У меня нет ни пенни. Вернее, ни двух фунтов пяти.

— Думаете, вы настолько наели?

— Примерно. Я немножко дала себе волю…

— И правильно сделали. Жалок, кто не веселился, а молодость дается лишь однажды, частенько говорю я. Тогда все замечательно. Два фунта пять шиллингов у меня найдутся.

— У вас? Но вы же не можете заплатить за мой кофе.

— Конечно я могу заплатить за ваш кофий. Кто мне помешает?

— Только не я. Вы спасли мне жизнь.

Перед ними материализовалась дородная фигура метрдотеля. Билл взглянул на него свысока.

— L'addition,[64] — сказал он величественно. Джейн почтительно выдохнула.

— Еще и по-французски! — сказала она.

— Как-то само вышло.

— Вы говорите свободно?

— Очень, оба слова, которые знаю. Это «L'addition» и, разумеется, «O-1a-1a!»

— Я и столько не помню, а ведь у меня была гувернантка-француженка. Где вы учили язык?

— В Париже, когда изучал живопись.

— А, вот почему вы не причесываетесь.

— Виноват?

— Я хотела сказать, потому что вы художник.

— Я не художник. Моя душа принадлежит папаше Гишу.

— Какая жалость!

— Ну, это совсем не так плохо. Гиш мне нравится. Что он обо мне думает, не скажу. Иногда я угадываю в его манере легкое раздражение.

— Как вышло, что вы этим занялись?

— Долгая история, но, думаю, ее можно рассказать коротко. Солдатом во время войны я довольно долго был в Лондоне, полюбил его, потом вернулся в Америку, работал, скопил немного денег и отправился сюда, в этакое сентиментальное путешествие. Деньги кончились раньше, чем я ожидал, пришлось искать место, а выбор мест в чужой стране, когда у тебя нет права на работу, довольно ограничен.

— Представляю.

— Когда я встретил старого отцовского друга и тот предложил мне убежище в своем воровском притоне, я ухватился обеими руками.

— Как же вы его встретили?

— Я носил свои картины по всем галереям. Его была сорок седьмой. Он меня взял, и с тех пор я работаю.

— Но предпочли бы писать.

— Будь у меня деньги, я бы ничего другого не делал. А что бы вы делали, будь у вас деньги?

Джейн задумалась.

— Ну, сначала я вернула бы дядю Джорджа в Шипли. Ему так обидно жить в другом месте. А потом… наверное, каждый день пила бы кофий у Баррибо.

— Я тоже. Здесь здорово.

— Да.

— Прекрасно готовят.

— Замечательно. А каких интересных людей встретишь. Ой!

— Что такое?

— К вам крадется официант с подносиком. Боюсь, несет дурные вести.

— Или поцелуй смерти, как я это называю.

— Вы уверены, что сможете заплатить?

— Сегодня — да. Обычно — нет. О-1а-1а! Тень миновала.

— А с моей души свалился камень. Не знаю, как вас благодарить. Мой спаситель! Как по-вашему, что было бы со мной, если б вы не прискакали на белом коне? Что бы со мной сделали?

— Трудно сказать. Не знаю, как решают такие вопросы у Баррибо. Со мной это произошло в куда более жалкой кафешке, много лет назад. Я от души подзаправился хот-догами и мороженым, а потом с детской непосредственностью сообщил официанту, что не могу выполнить своих финансовых обязательств. Тогда вышел дядька в рубахе, напоминающий Роки Марчано, схватил меня за шкирку и пнул четырнадцать раз. Потом меня отправили мыть посуду.

— Как ужасно!

— Зато поучительно. Закаленный в горниле, я вышел из кухни печальней и мудрей.

— Где это было?

— Во «Вкусных обедах у Арчи», недалеко от Мидоухемптона.

— Что?! Вы сказали, Мидоухемптон?

— Да. Это на Лонг-Айленде.

— Потрясающе!

— Почему?

— Я там жила.

Билл очень удивился.

— Вы правда его знаете? Я думал, никто за пределами Америки о нем не слышал. Когда вы там были?

— Давным-давно. Меня отправили в Америку, когда началась война.

— Понятно.

— Я помню его во всех подробностях. Газетный киоск, ресторан «Испанский дворик», аптеку, библиотеку, киношку, клуб «Рыба-меч»…

Мне нравился Мидоухемптон. Странно, что он преследует меня и в Англии.

— По-вашему, это преследование?

— Я не про вас. Человек, который приехал оттуда, занял Шипли.

— Роско Бэньян.

— Правильно. Вы его знаете? Жаль, я хотела наговорить о нем гадостей. Но если он — ваш друг…

— Не то чтобы друг. Мы ходим в один клуб, иногда перебрасываемся парой слов, но мы принадлежим к разным слоям. Он — богач, я — никто. Впрочем, он неплохой малый. Мне нравится.

— Вам, наверное, все нравятся.

Билл задумался. Мысль была новая, но верная.

— Кажется, да.

— Еще один Джордж.

— Кто?

— Наш бульдог.

— Ко всем ластится?

— Еще как! Если к нам заберется вор, Джордж сразу покажет ему, чтоб не стеснялся. Образцовый хозяин дома. Нет, не может быть, чтоб вам нравился Роско Бэньян!

— Терпеть могу. Хотя в детстве не мог.

— Немудрено. Мерзкий мальчишка!

— Вы тоже заметили? Весь в отца. Я его чуть не побил.

— Здорово! А за что? Он украл ваш долгоиграющий леденец?

— Мы разошлись во взглядах. Тем летом в Мидоухемптоне отдыхала одна занюханная крыска, и он решил, что самое оно — подержать ее под водой, пока глаза не вылезут. Я придерживался иного мнения и сурово сказал, что если он…

Ресторан «У Баррибо» выстроен прочно, однако Джейн показалось, что стены плывут. Подошедший метрдотель явственно танцевал шимми.

— Не может быть! — вскричала она. — Не верю! Неужели это вы?!

Билл ничего не понимал. Джейн подалась вперед, глаза ее сияли.

— Только не говорите мне, что вы — Билл Холлистер!

— Я — Билл Холлистер, но…

— А я — крыска, — сказала Джейн.

Билл заморгал.
— Крыска?
— Занюханная.
— Вы?
— Да.
— То есть вы — та девочка?
— Та самая. Которая целую вечность пускала пузыри… пока Роско Бэньян держал ее под водой.
Билл уставился через стол. С минуту он пристально смотрел на Джейн, потом покачал головой.
— Нет, — сказал он, — не сходится. Крыска, о которой вы говорите… как ее звали?
— Джейн.
— Верно. От ее физиономии останавливались часы.
— Я останавливала их десятками, хотя и не знала своей силы.
— У нее был полный рот каких-то железяк.
— Я носила такие пластинки.
— У нее были толстенные очки.
— До двенадцати я ходила в очках, чтобы исправить легкое косоглазие.
— А почему я не помню вашего дивного голоса?
— Потому что он не был дивным. Скорее визгливым. Билл не унялся.
— Это, — сказал он, — очень странно.
— Еще бы!
— Вы не против, если я закажу рюмочку бренди?
— На здоровье.
— А вам?
— Нет, спасибо.
Билл поймал взгляд метрдотеля и сделал заказ.
— Я поражен, — сказал он. — Мне по-прежнему кажется, что вы шутите.
— Нет, все — чистая правда. Клянусь.
— Вы и впрямь…
— Впрямь.
Билл глубоко вдохнул.
— Невероятно. В голове не укладывается. Только поглядеть на вас. Вы…
— Да?
— Вы — прекрасное… обворожительное… дивное… неземное…

лучезарное видение. Та Джейн могла бы зарабатывать хорошие деньги, распугивая ворон на полях Миннесоты, а вы… вы начинаете там, где кончается Елена Троянская.

— Никаких чудес. Ловкость рук.

Официант принес бренди, Билл залпом осушил рюмку.

— Надо было пить по глоточку, — сказала Джейн материнским тоном.

— По глоточку! Когда вся моя нервная система отплясывает чечетку?! Человек более слабый хлопнул бы бочонок.

— Боюсь, я вас огорчила.

— Я не назвал бы это огорчением. Скорее… Нет, не знаю, как выразить.

— Все почернело?

— Совсем наоборот. Как будто солнце засияло сквозь потолок, официанты с уборщиками запели стройными голосами. Я не могу поверить, что вы помнили меня все эти годы.

— Как же можно забыть? Я вами грезила. Я обожала вас со страстью, которую не надеюсь выразить словами.

— Вы?!

— Я вас боготворила. Я ходила за вами по пятам и дивилась, что возможно такое совершенство. Когда вы ныряли с вышки, я смотрела с мелкого берега и шептала: «Мой герой!» Я умерла бы за одну розу из ваших волос.

Билл снова шумно вдохнул.

— Могли бы сказать.

— Я стеснялась. Я решила молчать о своей любви, но тайна эта, словно червь в бутоне, румянец на моих щеках точила. Это не я. Шекспир. А потом, что толку? Вы бы на меня не взглянули. Или взглянули, но с содроганием.

Билл по-прежнему не мог раздышаться, а если хотите — испытывал сильную кислородную недостаточность. Когда он наконец заговорил, то выяснилось, что он осип. Специалист по болезням горла, случись он рядом, сразу бы узнал своего пациента.

— Вот, значит, что вы ко мне чувствовали. И мы снова встретились. Правда, судьба?

— Ну, такой случай.

— Нет, это судьба, а судьбу не обманешь. Вы ведь не замужем? Конечно, нет! Вы сказали, мисс Бенедик? Прекрасно! Чудесно! Замечательно!

— Почему вы так обрадовались?

— Потому что… потому что… Вам это покажется несколько внезапным, так что помните, все предрешено от начала времен, и не нам вставлять палки в колеса рока. Джейн, — сказал Билл, подаваясь вперед и кладя руку на ее ладонь. — Джейн…

— Привет, привет, вот вы где, — сказал голос. Перед столиком выросло что-то огромное, грушевидное, с кустистыми бровями и пристыженным выражением лица. — Запоздал, да? — произнесло оно, избегая, впрочем, смотреть племяннице в глаза. — Заговорился с ребятами.

Будь это пикником, а лорд Аффенхем — муравьем, о котором он так образно говорил в приведенном ранее тексте, его вторжение вряд ли больше раздосадовало бы Билла, чью красочную речь оно прервало на полуслове. Тот обернулся, страшно оскалился, да так и замер. Прилагательные, описывающие внешность лорда Аффенхема, вполне определенны и мгновенно приходят на язык; Билл без труда узнал вчерашнего приятеля. Мысль, что, поговори он тогда сердечнее, лорд Аффенхем пригласил бы его выпить, и знакомство с Джейн состоялось бы несколькими часами раньше, настолько потрясла его, что он потерял дар речи. Каждый час без Джейн, думал он, это час, выброшенный на свалку.

Джейн, как ни хотелось бы ее дяде, дара речи не лишилась.

— Дядя-Джордж… — начала она.

— Про новую кроличью болезнь… — продолжал лорд Аффенхем, все так же пряча глаза, — мико-как-ее-там. Поразительно! Знаете ли вы, что лисы, узнав о нехватке кроликов, перешли на лягушек? Гоняют их стаями по всей округе. Ребята в клубе клянутся, что это факт.

Джейн не позволила сбить себя на разговор о трудностях лисьей жизни. Ну хорошо, нет кроликов — пусть едят пирожные.

— Дядя Джордж, — сказала она ледяным тоном, — сознаете ли вы, что, если бы не Билл Холлистер, администрация «Баррибо» схватила бы меня за шкирку, пнула четырнадцать раз и отправила мыть посуду?

— Лопни кочерыжка! А зачем?

— Так исстари поступают с теми, кто ест за обе щеки, а потом отказывается платить. К счастью, в последнюю секунду спустился с облака Билл и спас меня от участи, которая хуже смерти. Ты должен ему два фунта десять шиллингов. Раскошеливайся.

Лорд Аффенхем раскошелился.

— Спасибо, — сказал он величаво, — Очень любезно с вашей стороны…

Голос его осекся. Он тоже узнал вчерашнего гостя. При мысли, что от того, способен ли тот хранить тайны, зависит теперь его судьба, сердце

лорда Аффенхема ушло в могучие пятки. Он опасался вопросов вроде «Что вы делали такого-то июня?», сгубивших немало его братьев-преступников. Достаточно этому молодому человеку хотя бы обмолвиться о беседе в саду тем самым вечером, когда у статуи появилась бородка, и его имя вываляно в грязи. Он посмотрел на Билла, вложив всю душу в один умоляющий взгляд.

Билл удивился, но не подвел.

— Ах, что там! — сказал он. — Рад был помочь. Очень приятно встретить вас, лорд Аффенхем..

— …впервые, — быстро добавил представитель криминального мира.

— Впервые, — сказал Билл, — потому что как раз меня мистер Гиш отправил смотреть ваши картины.

— Вас? Лопни кочерыжка!

— Билл работает у Леонарда Гиша, — сказала Джейн, — работает у Леонарда Гиша… лаботает у Реонар… Я знала, что это невозможно. Расскажи ему про картины.

— Да, я хотел бы про них послушать, — сказал Билл.

Лорд Аффенхем задумался. Сердце его вернулось на положенное место и разрывалось от благодарности к человеку, который своей сообразительностью вытащил его из готовой затянуться петли. Никто ему так не нравился. Он не предполагал, что таких людей еще делают.

— Ну, это… — лорд Аффенхем замолк, подыскивая точное слово, — сами понимаете, картины. Когда вы собираетесь их смотреть?

— Прямо сейчас и еду.

— Я с вами.

— Замечательно. Вы тоже?

— Нет, к сожалению, — сказала Джейн. — Я обещала школьной подруге выпить с ней чаю. Не могу ее обмануть.

— Почему?

— Очень старая подруга. Почти дряхлая.

— А мы девиц и не приглашали, — галантно заметил лорд Аффенхем. — Дайте мне минутку на перекус, и я еду с вами.

— Тогда я пойду подгоню машину.

— Валяйте. Буду ждать вас на улице. Вы меня не пропустите. Мда, — сказал лорд Аффенхем, — факт. Лисы, лишившись насущных кроликов, едят лягушек. Словно, — добавил он для ясности, — словно французы какие-нибудь.

12

Как было условлено, лорд Аффенхем ждал Билла на улице. Он увлеченно беседовал с руританским фельдмаршалом у дверей. Клубный приятель, просветивший его насчет кроликов, затронул и угрей; лорд Аффенхем, считавший, что знаниями надо делиться, знакомил теперь фельдмаршала с животрепещущим вопросом о засилье угрей на юге Англии.

— Мда, — говорил он, — этот тип — Париртер его фамилия, хоть и сомневаюсь, чтоб вы его знали, — утверждает, что они там кишмя кишат. Вода — не вода, а студень.

— Гу! — сказал фельдмаршал.

— Трехдюймовые, с белым брюшком.

— Гы, — сказал фельдмаршал.

— Не бывали в Вест-Индии? Фельдмаршал сознался, что не бывал.

— Ну, там они вылупляются, а как подрастут, переплывают в Англию. Хотя ума не приложу, на кой черт им эта Англия, где, неровен час, придут к власти лейбористы.

К несчастью, эти слова внесли раздор в гармоничное течение беседы. Фельдмаршал распрямился на все свои шесть футов одиннадцать дюймов и сообщил лорду Аффенхему, что неизменно голосует за лейбористов, чтобы, как он объяснил, спасти любимую страну от поганых фашистов, а лорд Аффенхем посоветовал как можно скорее проверить голову, потому что всякий, кроме больного водянкой младенца, понимает, что эти лейбористы — просто паршивые большевики. Последовала дискуссия, причем виконт утверждал, что фельдмаршал — на жаловании у Москвы, а фельдмаршал напомнил, что мистер Эньюрин Бивен назвал таких, гм, персон, мягко выражаясь, хуже чем паразитами. Спор грозил сделаться жарким, но тут загудел клаксон подъехавшей машины.

Рассерженный пэр протиснулся в дверцу и опустился на сиденье. Билла за рулем подбросило на несколько дюймов. Шестой виконт имел обыкновение, прежде чем сесть, зависать на секунду, а затем, обмякнув, рушиться, как лавина.

Ехали сперва молча: Билл думал о Джейн, лорд Аффенхем — о тех правильных вещах, о которых сказал бы фельдмаршалу, если бы додумался сразу. После мили тягостных раздумий о невозвратном он вдруг вспомнил, что не поблагодарил юного друга, столь умно промолчавшего об их недавней встрече, и поспешил исправить упущение.

— Ловко это вы сообразили, — сказал он. — Так прямо и видите меня в первый раз! Я аж замер.

Билл порадовался, что тревожившая его неясность наконец разрешится.

— А я удивился. Прочел просьбу в ваших глазах, но не понял, в чем дело. Почему вы отвергли любовь и дружбу прежних дней?

— Сейчас объясню. Вернитесь мысленно надень. Помните скульптуру? Голую бабу?

— Явственно.

— Мы согласились, что это мерзопакость?

— Согласились.

— Ну так вот, когда мы вчера встретились, я только что пририсовал ей бородку.

— Бородку?

— Маленькую бородку клинышком. Черную.

— А, ясно. Очень здраво.

— Вы одобряете?

— Всем сердцем.

— Я так и думал. Вы мыслите широко. А вот моя племянница Джейн — нет. Если б она узнала, что я был в саду, то свела бы одно с другим, и мне бы не поздоровилось. Вообще она — хорошая девушка…

— Ангел.

Лорд Аффенхем задумался.

— Мда, с некоторой натяжкой ее можно назвать ангелом, но она женщина, и лучше ее не злить. Женщины — они хуже слонов. Ничего не забывают. Мать ее была такая. Моя сестра Беатрис. Помню, вытащит событие пятнадцатилетней давности, из нашего общего детства. «На твоем месте я бы не стала есть больше салату, Джордж, — пропищал лорд Аффенхем. — У тебя такой слабый желудок. Помнишь, как плохо тебе было в 1901, на Рождестве у Монтгомери?». В таком вот роде. Я стараюсь не давать Джейн поводов.

— Рад, что помог вам. Мы, мужчины, должны держаться вместе.

— Мда. Спина к спине. Иначе никак, — сказал лорд Аффенхем и погрузился в транс. Казалось, он расседлал свой разум и пустил попастись на воле, однако слова, которые он произнес через несколько миль, опровергали это ложное впечатление. Развернувшись на широком основании и вперив в Билла голубой взор, он промолвил:

— Ангел, вы сказали?

— Виноват?

— Джейн. Вы вроде сказали, что она — ангел.
— А, Джейн? Определенно ангел. Без всяких сомнений.
— Давно ее знаете?
— Встречались детьми в Америке.
— В 1939?
— Да.
— Часто с тех пор виделись?
— Сегодня впервые.
— Вы увидели ее первый раз за пятнадцать лет и говорите, что она — ангел?
— Говорю.
— Быстро же вы решили.
— Довольно одного взгляда. Такое прекрасное лицо!
— Хорошенькая она, да…
— Не то слово! Ума не приложу, как за несколько лет она превратилась из кикиморы в светящуюся, прекрасную девушку. Чудо, да и только. Вот что делают правильный настрой и воля к победе.

Лорд Аффенхем вздрогнул, глаза его зажглись интересом. Если он не ошибался, то слышал голос любви, а это дело хорошее, это надо поощрять. Лорд Аффенхем частенько грезил о Прекрасном Принце, который выскочит, как чертик из коробочки, и при должной поддержке, пока не поздно, отвлечет Джейн от Стэнхоупа Твайна. Видимо, такой человек сидел рядом с ним. Лорд Аффенхем уже приготовился задать наводящий вопрос, чтоб выяснить истинные чувства своего собеседника, но тут за деревьями показался Шипли-холл, и мысли его мгновенно приняли новое, сентиментальное направление.

Шипли-холл возвышался на плоском лесистом холме — большой белый дом в окружении лужаек и клумб. Когда машина въехала в чугунные ворота на аллею, у лорда Аффенхема забулькало в горле, как у бульдога Джорджа при виде хорошей косточки, и чуткий Билл все понял. В девятнадцатом веке поэт Томас Мур трогательно описал чувства изгнанной из рая пери; британский землевладелец, посещающий дом, который нужда вынудила сдать богатому американцу, испытывает примерно то же.

Словно нарочно, чтобы усугубить страдания изгнанника, у дверей стоял «Ягуар» нового обитателя. Лорд Аффенхем взглянул на него косо, но тут же переборол минутную слабость, и длинная верхняя губа вновь обрела твердость.

— Бэньян здесь, — брезгливо сказал он.
— Да, это его машина.

— Если мы войдем, он захочет водить нас по дому, словно хозяин.

Билл не стал поворачивать нож в ране, напоминая, что Бэньян действительно здесь хозяин, и заметил просто:

— Войти надо, иначе как я посмотрю картины?

— Успеется. Я хочу вас сам поводить. Видите дерево? В десять лет я спрятался за этим деревом и попал из лука прямо садовнику в зад. И вопил же он! Видите розарий?

Билл видел розарий.

— Здесь был прудик. Моя племянница как-то в него сверзилась — маленькая еще была — и шла, третий раз шла ко дну, когда ее вытащили, всю в пиявках.

У Билла остановилось сердце. Конечно, это случилось давным-давно, она, наверное, оправилась, и все равно он содрогнулся при мысли о Джейн, тонущей в черном иле. Видимо, женщина, которую он любит, почти все годы своего становления провела под водой.

— Господи! — выговорил он.

— Насосались ее крови, как не знаю что. Помню, я тогда сказал: «Лопни кочерыжка, Энн…»

— Джейн.

— Нет, это была не Джейн. Энн, ее сестра.

Билл мгновенно потерял интерес. Он не возражал, чтоб пиявки сосали кровь — на то они и пиявки, — лишь бы не из Джейн.

— Мне правда надо посмотреть картины, — сказал он. — В конце концов, за этим я и приехал.

Лорд Аффенхем подумал и нашел это разумным.

— Да, наверное. Ладно, пошли. Надеюсь, — сказал он, когда они проходили в исторические ворота мимо легендарных кустов, — что они потянут на приличную сумму, так что я смогу вернуться в Шипли и выставить этого Бэньяна. Обидно, когда тебя выкидывают из родного дома. Аффенхемы жили в Шипли не знаю с каких веков. Картины ведь дорого продаются?

— Еще как! У папы Гиша есть Ренуар, которого он рассчитывает продать за сто тысяч долларов.

— Сто тысяч долларов, — сознался лорд Аффенхем, — пришлись бы очень кстати. Ну, вот мы и у цели. Проскользнем в боковую дверь, чтоб не беспокоить всяких дворецких.

Картинная галерея располагалась на втором этаже, к ней надо было подниматься по крутой дубовой лестнице. («Ох и полетел же я с нее в пятнадцать лет! Бежал от дяди Грегори, а он гнался за мной с охотничьим

хлыстом, не помню уж, почему»). В данный момент она была не пуста, Мортимер Байлисс созерцал картины; во взгляде, которым он наградил непрошенных посетителей, сквозила холодная неприязнь.

— Здравствуйте, мистер Байлисс, — сказал Билл. — Хороший денек, а?

— Вас только не хватало! — с обычной своей сердечностью воскликнул тот. — Кой черт вы притащились?

— Исполняю долг, порученный мне мистером Гишем: взглянуть на картины лорда Аффенхема.

— Нда? А это что за рожа? — спросил мистер Байлисс, указуя на шестого виконта, который при виде родимых стен впал в очередной транс.

— Сам лорд Аффенхем. Решил прокатиться. Лорд Аффенхем!

— Э?

— Это мистер Мортимер Байлисс. Умирает от желания познакомиться. Мистер Мортимер Байлисс — искусствовед.

— Что значит искусствовед? — возмущенно произнес Мортимер Байлисс.

— Извините. Я должен был сказать Искусствовед. С большой буквы.

— То-то же! — Мистер Байлисс обратил монокль на лорда Аффенхема и какое-то время созерцал его, как показалось Биллу — с жалостью. — Так значит, вам принадлежит эта жуткая мазня?

Билл вздрогнул.

— Мазня?

— Ну, я погорячился. Есть вполне добротные вещи. Вы, надеюсь, понимаете, что это — подделки?

— Что?!

— Типичная румынская галерея. Кто-то спросил однажды: «Будь я подделкой, где бы я оказался?» — и ему ответили: «В румынской галерее». Да, это подделки, все до одной.

Лорд Аффенхем медленно вышел из комы — как раз вовремя, чтобы поймать последние слова. Он пробормотал:

— Что вы сказали? Подделки?

— Вот именно. Если хотите, могу назвать художников. Это, — продолжал мистер Байлисс, указывая на Гейнсборо, перед которым стоял, — без сомнения Уилфред Робинсон. Он писал прекрасных Гейнсборо. Констебль — Сидни Биффен. Думаю, его средний период. Насчет Вермеера я не так уверен. Это может быть Пол Мюллер, а может быть и Ян Диркс. У них довольно сходная манера, что неудивительно, поскольку оба учились у Ван Меегрена. Ах, — с жаром воскликнул мистер

Байлисс, — вот это был человек! Начинал скромно, с Де Хооха, потом дорос до Вермеера и ниже не опускался. Впрочем, и Мюллер, и Диркс тоже ничего. Вполне ничего, — снисходительно заключил он.

Лорд Аффенхем походил на человека, которого неожиданно ударило молнией. Слабое «лопни кочерыжка» сорвалось с его губ.

— Вы хотите сказать, эта дрянь ничего не стоит?

— Ну, на несколько сотен потянет, если найти любителя.

— Мортимер Байлисс взглянул на часы. — Надо же, как поздно! В это время я ложусь отдохнуть перед ужином. Что ж, рад был помочь, — и с этими словами он вышел.

Билл чувствовал себя так, будто его оглушили чем-то твердым и тяжелым. Он успел привязаться к лорду Аффенхему и горячо сочувствовал потрясенному пэру. Поникший было под ударом, тот вновь распрямился и теперь походил на статую самого себя, воздвигнутую вскладчину друзьями и почитателями. У Билла сердце обливалось кровью.

И не только из-за лорда Аффенхема. Мистер Гиш наверняка рассчитывал на хорошие комиссионные. Теперь придется рассказывать ему об Уилфреде Робинсоне, Сидни Биффене, о Поле Мюллере и Яне Дирксе. Сочувственно взглянув на лорда Аффенхема, по-прежнему высившегося, словно мраморный истукан, он выбежал из галереи, и проходящая горничная направила его к телефону.

13

Лорд Аффенхем был человек стойкий. Он порой клонился под ударами молний, но всегда оправлялся и вновь становился самим собой. Через две минуты после того, как ушел Билл, он уже улыбался. Он осознал, что нет худа без добра, грозовой тучи — без радужной каемки. Может, все как раз и к лучшему.

Что говорить, приятно загнать фамильную галерею за хорошие деньги, но посмотрим и с другой стороны. Когда ваша племянница бездумно обручилась со скульптором и, только подтолкни, выскочит за него замуж, хорошие деньги опасны. Стань он человеком состоятельным, рассуждал лорд, способным раздавать деньги горстями, он не смог бы отказать бедной заблудшей девочке в ее доле, и что тогда? Не успеешь оглянуться, какой-нибудь священник скажет: «Хочешь ли ты, Джейн, выйти за этого Стэнхоупа?», и Джейн ответит: «Да, лопни кочерыжка! Иначе зачем я, по-вашему, купила свадебное платье?», и все, придется ей коротать век с этим

жутким типом. Разумеется, деятельность Робинсона, Биффена, Диркса и Мюллера заслуживает некоторого порицания, но, черт возьми, все могло обернуться куда хуже.

Соответственно, вернувшись через десять минут, Билл застал в галерее вполне ожившего лорда. Однако, поскольку суровое лицо редко выражало какие-либо чувства (обнаруживая явное сходство с заспиртованной лягушкой), то Билл первым делом поспешил выразить соболезнования — словесную замену молчаливого рукопожатия или сочувственного похлопывания по спине.

— Мне страшно жаль, — произнес он тоном, каким говорят с безнадежно больным.

— Э?

— Насчет картин.

— А, насчет них! Плюньте и разотрите, — весело сказал лорд Аффенхем. — Ошарашил он меня, да, но мужчина должен стойко переносить удары. Легко досталось, легко ушло, я так считаю. Надо, конечно, представлять, как это случилось. Я ведь далеко не первый виконт. Шестой. Значит, пять виконтов до меня, все нуждались в наличности, а картины только и ждут, чтоб их обратили в деньги. Ну и обратили. Что ж, молодцы. Думаю, дядя Грегори, который оставил их мне, хорошенько погрел руки. Вечно сидел без гроша. Был у него пунктик — ставить на лошадь, которая приходит десятой. В день расчетов все букмекеры за ним гонялись. Помню, мой старикан говорил: «Жаль, не получаю хоть фунта всякий раз, как братец Грегори улепетывает по Пиккадилли». Форму, конечно, это поддерживает, да.

Билл вздохнул с облегчением. Он не ожидал услышать столь бодрых слов, особенно после телефонного разговора с мистером Гишем. Мистер Гиш, услышав дурную весть, впал в безутешное горе.

— Ну, я рад, что вы приняли это по-философски.

— Э?

— Боялся, вы расстроитесь.

— А чего расстраиваться? Ну, потерял день. Вот только Джейн, та огорчится. Думала, картины помогут вернуть семейный достаток. Пойду, позвоню ей.

— И я пойду. Мне надо с ней поговорить.

— Выразить сочувствие?

— Нет, сделать предложение.

— Лопни кочерыжка! Так я был прав. Втюрились?

— Не без того.

— Быстро.

— Мы, Холлистеры, такие. Видим, влюбляемся, действуем. Voila!

— Простите?

— Французское выражение. Означает «вот вам, пожалуйста». Надо сказать Джейн. Она думает, я знаю по-французски только «L'addition» и «О-1а-1а!»

Стоя возле телефона, пока его спутник громогласно пересказывал новость, Билл слушал, и его нетерпение росло. Он торопился излить свою душу, каждая потерянная минута казалась годом.

— Ну, — сказал лорд Аффенхем, — вот, пожалуйста. Voila! Э? Я сказал: «Вуаля!» Не дури, конечно расслышала. Вермишель, Устрицы, Антрекот…

Билл не выдержал.

— Дайте мне.

— Да, забыл. Джейн, не отключайся. Тут с тобой хотят поговорить.

Билл выхватил трубку, и лорд Аффенхем сказал ему:

— Выбирайте слова, мой мальчик, не огорошьте ее.

— Не огорошу. Джейн? Это Билл. Послушайте, Джейн, это важно. Согласны вы стать моей женой?

— Вот этого я и боялся, — сказал лорд Аффенхем, неодобрительно качая головой. — Помню, старикан читал мне в детстве стихи. Про такого Альфонсо и такую, знаете, Эмилию. Как там? Ведь наизусть помнил. Ах, да: «Альфонсо, что был горд и тверд, и тот еще нахал, восстал и этой та-ра-ра Эмилии сказал…»

Билл положил трубку. Вид у него был оторопелый.

— Моею будешь и привет, скажи одно лишь слово. — О, да, — Эмилия в ответ, — готова, как корова. — Он пристально вгляделся в Биллово лицо. — По вашему выражению я заключаю, что Джейн ответила иначе?

— Ничего она не ответила. Поперхнулась и повесила трубку.

Лорд Аффенхем мудро кивнул. В его молодости девушки частенько, поперхнувшись, вешали трубку, и это ничего хорошего не сулило.

— Я говорил, не огорошьте. Видите, что получилось? Она решила, что вы ее разыгрываете.

— Разыгрываю?

— Подкалываете. Поднимаете на смех. А что бы вы подумали, будь вы девушка, и тип, которого вы еле знаете, высунул бы голову и крикнул: «Ты! Давай поженимся!»? Никакого такта, никаких предисловий, раз-два, словно на чай с бутербродами пригласил.

Насколько осмотрительней, подумал лорд Аффенхем, ведет себя в подобных обстоятельствах самец большой индийской дрофы! Как сообщают «Чудеса пернатого мира», почувствовав к самке этой дрофы нечто большее, чем простая дружба, он не орет по телефону, но распушает хвостовые перья, раздувает грудь и прячет в нее усы, выказывая тем самым и такт, и здравомыслие. Лорд Аффенхем уже собирался пересказать это Биллу, когда тот заговорил сам.

— Думаете, я поторопился?

— Мне так показалось. Билл задумался.

— Да, наверное. А мне и в голову не пришло.

— Вообще, не делайте предложения по телефону. Помню, в 1920 влюбился я в одну девушку, Дорис ее звали. Звоню ей и говорю: «Я тебя люблю, люблю, люблю. Пойдешь за меня замуж?», а она отвечает: «А то как же. Конечно, пойду».

— Значит, все хорошо?

— Куда там! Я перепутал номера и позвонил не Дорис, а Констанс, которую на дух не переносил. Еле выкрутился.

— Мне тоже надо выкручиваться. Садитесь в машину, едем к вам. Я все ей объясню.

— Ее не будет дома. Она собралась к подруге, а вы знаете, что бывает, когда встречаются девушки старой школы. Вернется не раньше полуночи.

— Мне надо ее увидеть.

— Приезжайте завтра. К семи. Смокинг можете не надевать. Билл одобрительно взглянул на виконта. Возможно, он и чудаковат, но его посещают на удивление удачные мысли.

— Приеду. Спасибо огромное.

— Обещаю вам прекрасный ужин. Джейн стряпает — пальчики оближешь.

— Она еще и стряпает?

— Должны бы знать. Она готовила ужин Твайну, ну, когда вы приезжали. Ведь вкусно было?

— Еще бы! Я только сегодня утром кому-то говорил. А почему ее вдруг понесло готовить Твайну?

— Она с ним помолвлена.

— Помолвлена? Что вы хотите сказать?

— В каком смысле?

— Она собирается за него замуж?

— Говорит, что да.

В ранней юности, занимаясь боксом, Биллу несколько раз случалось

угодить челюстью в то самое место, куда противник угодил кулаком, и возникало странное впечатление, будто верхняя часть черепа резко отделилась от нижней. Сейчас он испытывал нечто сходное. Он зашатался и упал бы, если бы во что-то не вцепился. Это оказался локоть лорда Аффенхема, который (лорд, а не локоть) издал тот же звук, что недавно, в саду Мирной Гавани.

Билл еще не очухался.

— Ой, извините, — сказал он. — Я вас придавил?

— Как тонна кирпичей. Зверская боль. Что стряслось? Голова кружится?

— Нет, все в порядке. Я просто немного опешил.

— Еще бы! Я тоже опешил, когда она мне сказала. Сижу я утречком, решаю загадку, тут она врывается и спокойненько так, словно камбала на льду, объявляет, что выйдет за Стэнхоупа Твайна. Я прямо ошалел. «Что? — говорю. — За это кошмарище? Ты шутишь». Но нет. Уперлась, и ни в какую.

Билл стоял, погруженный в свои мысли, и лорд Аффенхем вздохнул.

— Не скрою, у меня чуть сердце не лопнуло ко всем чертям. Нет, вы послушайте: Твайн!

— Я вас понимаю.

— Он укладывает волосы!

— Да.

— Носит желтые штаны!

— Да.

— Вот уж кого не хотелось бы пустить в дом!

— Совершенно согласен. Мы не можем это так оставить. Положим этому конец.

— А как?

— Я поговорю с Джейн и открою ей глаза.

— Не огорошите?

— Конечно, нет. Я буду спокоен, тактичен и убедителен. Самый верный тон.

— Неужели сумеете ее увести?

— Думаю, сумею.

— Что ж, удачи. Если вы справитесь, я первый взмахну шляпой и крикну «ура!» Однако не скрою, что до сих пор эта дурища оставалась глуха к голосу разума. Лопни кочерыжка! — Лорд Аффенхем снова вздохнул. — Когда я думаю, что Джейн собирается за Твайна, и вспоминаю, как на ее сестру нашла блажь повенчаться с художником по

интерьеру, то у меня возникает мысль, нет ли в нашей семье какой-то странности.

14

В тех редких случаях, когда позволяла погода, Роско Бэньян имел обыкновение выпивать послеобеденный коктейль на открытой веранде Шипли-холла, откуда прекрасно видны холмистые лужайки и дальний лес. Здесь он и обретался вечером того дня, когда Билл с лордом Аффенхемом посетили Шипли, сильно напоминая молодого отца в приемной родильного дома: он садился, вскакивал, ходил взад-вперед и вообще обнаруживал ту взвинченную непоседливость, которая обычно ассоциируется с рыбой на сковородке или кошкой на горячих кирпичах. Мортимер Байлисс уехал в клуб, чтобы предложить Стэнхоупу Твайну двадцать тысяч; в любую минуту он мог вернуться с вестью об успехе или провале.

Может показаться странным, что Роско, так не хотевший поначалу расстаться с весьма значительной суммой, теперь разволновался, что сделка сорвется. Однако после беседы с Кеггсом утекло порядочно времени, деловое чутье, доставшееся Роско от покойного отца, успело поработать и сказало ему, что, как ни больно расстаться с двадцатью тысячами долларов, если они принесут миллион, он останется в большом барыше. А барыш был для Роско и едой, и питьем.

Вошел Скидмор с коктейлями. Роско успел заглотить один и уже спокойнее приняться за другой, прежде чем появился Мортимер Байлисс, похожий на египетскую мумию, которая ищет, чего бы выпить.

— Наконец-то! — вскричал Роско Бэньян.

Мортимер Байлисс целенаправленно двинулся к столику, но взял лишь томатный сок. Много лет назад врачи запретили ему даже смотреть на что-нибудь менее сообразующееся с современным просвещенным духом. Подобно Джамшиду, он пил когда-то до дна, но эти славные дни давно миновали.

— А вы ждали меня раньше? — сказал он, прихлебывая адскую смесь и желая, как бывало частенько, чтоб она меньше напоминала разбавленные калоши. — После клуба я заглянул к Гишу. Меня всегда изумляет, что Леонард Гиш еще на свободе. Ему давно пора отбывать срок в какой-нибудь тюрьме. Явный недосмотр.

Роско был не в настроении обсуждать владельца галереи.

— Как дела? — спросил он, трепеща всем телом.

— Пытался вытащить из меня двести тысяч долларов за Ренуара, которому сто — красная цена. Вот вам нравы галерейщиков.

Роско продолжал изображать камертон.

— В клубе, черт возьми! С Твайном!

— Ах, тогда? Все прошло как по маслу. Я дал ему чек, и он умчался в банк, не дожидаясь кофе.

Роско с облегченным сопением упал в кресло.

— Я боялся, он откажется.

— Исключено. На мгновение мне показалось, что он меня расцелует. Порой, — Мортимер Байлисс с отвращением поглядел на томатный сок, — порой мне хочется сказать врачам, куда им засунуть свои предписания, и вернуться к счастливым годам, когда меня звали Байлисс-шесть-мартини. Тогда я напоминаю себе, что несправедливо лишать мир его лучшего искусствоведа. Да, как и следовало ожидать, Твайн ухватился двумя руками.

— Блеск!

Мортимер Байлисс вынул монокль, тщательно протер, вставил обратно и воззрился на Роско Бэньяна с выражением, в котором более чуткий наблюдатель усмотрел бы нечто загадочное.

— Блеск? — переспросил он раздумчиво. — Интересно…

— Чего-чего?

— Я не совсем убежден, что ваши восторги оправданны. У Роско закралась тревожная мысль.

— Вы что, хотите сказать, он не помолвлен?

— Помолвлен, помолвлен.

— Что ж тогда?

Мортимер Байлисс допил томатный сок, поставил стакан на стол, поежился и сказал, что Борджиа могли бы многому научиться в нынешние дни.

— Да, он сказал, что помолвлен, но дальше произнес нечто странное, и я усомнился, так ли радужно обстоят ваши дела. Твайн затронул тему внутрисемейного непонимания. Отец не хотел, чтобы он становился скульптором. Торговцы сеном, зерном и кормами обычно хотят, чтобы сыновья продолжали их дело.

Роско не понял.

— Что, что?

— Отец Твайна — преуспевающий ливерпульский торговец сеном, зерном и кормами. Кажется, фирма называется «Твайн и Бессемер».

Роско удивился еще сильнее.

— Но он же американец!

— Твайн? Англичанин. Чистой воды. Никакого отношения к Америке.

— Кеггс сказал…

Лицо Мортимера Байлисса сохраняло невозмутимость умершего и похороненного на берегах Нила пять тысяч лет назад, однако в сердце его клокотало веселье. Мортимер Байлисс не любил Роско Бэньянов мира сего.

— Это мне напомнило, что я собирался мягко вам сообщить. То, что сказал Кеггс, когда принес вам миллион долларов на блюдечке и получил в благодарность пятьдесят фунтов, — не доказательство. Его гордость была уязвлена, и он сказал, что ваш соперник — Твайн, отлично зная, что двадцать тысяч пойдут псу под хвост. Насколько я знаю Кеггса, а я в свое время внимательно его изучил, такой розыгрыш вполне в духе его своеобразного юмора. Не хочу показаться назойливым, но мне часто кажется, что скупость когда-нибудь доведет вас до беды. Холмистые лужайки и дальние леса запрыгали перед Роско Бэньяном, как в старом немом кино. Он встал. Лицо у него было багровое, глаза сверкали.

— Я ему шею сломаю!

— Ну, если это необходимо, ломайте. Но против этого есть закон.

— Прямо сейчас и Сломаю.

— А как насчет обеда?

— Я не хочу обедать.

— А я хочу, — сказал Мортимер Байлисс. — Я безумно голоден, но не могу пропустить, как вы будете ломать Kerrey шею. Еду с вами. Я один из тех подростков, о которых пишут в газетах — охотник до острых ощущений.

15

Лорд Аффенхем нечасто принимал гостей в Вэли-Филдз, предпочитая выказывать радушие в клубе, но когда принимал, Огастес Кеггс любезно облачался в старый доспех, как памятным вечером у Стэнхоупа Твайна, и спешил в бой. Огастес Кеггс, пенсионер и капиталист, по-прежнему жил феодальным духом, и если уж прислуживал, так не щадя живота, как в Шипли-холл.

Соответственно, он и распахнул парадную дверь Лесного Замка перед приехавшим Биллом. Билл, переживший за последние дни значительные нервные потрясения, в первую минуту подумал было, что тронулся под их влиянием и видит галлюцинации. Затем в голову пришло более

приемлемое объяснение. Кеггс, рассудил он, за соответствующую мзду нанимается на вечер к тем жителям Вэли-Филдз, которым пришла фантазия устроить вечеринку. И он сердечно приветствовал старого знакомого.

— Привет, — сказал он. — Мы частенько видимся в последнее время?

— Да, сэр, — согласился Кеггс, снисходительно улыбаясь.

— А вы, похоже, прыгаете с места на место, как альпийская серна. Кажется, я прошлый раз не сказал вам, как меня зовут? Ладно, какие могут быть тайны между старыми друзьями. Я — Холлистер.

В выпуклых глазах Кеггса блеснул почтительный интерес.

— Вот как, сэр? Не сочтите за вольность, но могу ли я спросить, не сын ли вы мистера Джозефа Холлистера из Нью-Йорка?

— Верно, моего отца звали Джозеф. Вы его знали?

— Я служил у покойного Дж. Дж. Бэньяна, а мистер Холлистер-старший частенько обедал за нашим столом. Вы поразительно на него похожи. Прошу сюда, сэр. Его милость у себя в кабинете.

Кабинет был большой, просторный, уютно обставленный в сельском стиле — изгнанный из рая лорд Аффенхем не поленился прихватить с собой все милые сердцу кресла, ковры, картины, книги и мелкие вещицы. По стенам висели его фотографии на разных этапах становления: школьник, студент, гвардеец, бульвардье, воин на полях Лооса и Соммы… Билл с интересом бы их рассмотрел, дабы узнать, всегда ли его хозяин обладал такой странной формой. Однако ему не дали — лорд Аффенхем, мрачный, словно только что получил тревожные вести, усадил его в кресло, сунул ему в руку бокал и тут же заговорил.

— Холлоуэй, — сказал он.

Билл заметил, что его зовут Холлистер. Лорд Аффенхем удивился, но сказал, что это неважно, потому что теперь они близкие друзья и он будет называть его просто Огастес.

— Почему? — с интересом спросил Билл.

— Это ваше имя.

— Мое имя — не Огастес.

— Не Огастес?

— Нет, не Огастес.

Лорд Аффенхем прищелкнул языком.

— А, я вижу, почему ошибся. Это Кеггса зовут Огастес. Я, бывает, путаю имена. Моя племянница Энн, сестра Джейн…

— Это которую вытащили из пруда?

— Да, всю в пиявках. Она выскочила за такого Джефа Миллера, и

лишь много позже я избавился от убеждения, что его зовут Уолтер Уиллард.

— По-моему, разница не большая.

— Не большая, но хочется быть точным. Джейн вечно ругает меня за эту забывчивость.

— А где Джейн?

— В кухне.

— Можно с ней поговорить?

— Не советую. Женщины не любят, когда им мешают готовить, особенно если они уже на взводе. Мда, Фред, не хочется говорить, но она на взводе. Ходит, как во сне, смотрит, как умирающая утка, и не отвечает, когда с ней заговариваешь. У нее нервное потрясение.

— Да нет, не может быть.

— Потрясение, — твердо повторил лорд Аффенхем. — А чего вы хотите? Вы же ее и огорошили. Помню, в двенадцатом году у одной девицы случилось нервное потрясение, когда мне не понравилась ее новая шляпка. Чтобы вылечить, пришлось купить ей бриллиантовое солнышко. Вы потрясли Джейн до глубины души, будь она неладна. Если хотите обскакать этого чертова Твайна, придется вам рыть землю и есть сапожный крем. Обстоятельства сложились крайне неблагоприятные. Знаете, что она сказала перед тем, как сунуть курицу в духовку? Твайн огреб жуткую кучу денег.

Билл вздрогнул.

— Твайн? Сколько?

— Двадцать тысяч, чтоб ему пусто было.

— Что?!

— Факт. Ей сказал Кеггс, а он, похоже, присутствовал при разговоре Бэньяна и того, искусствоведа.

— Байлисса?

— Я бы сказал, Бanстеда.

— При чем тут они с Бэньяном?

— Я и рассказываю. Похоже, этот Бэньян с этим Банстедом говорили про этого Твайна, и этот Банстед сказал, что этот Твайн гений или что-то такое, и этот Бэньян дал этому Твайну двадцать тысяч долларов в обмен на процент от его будущих заработков. С пьяных глаз, наверное. Выходит, у Твайна, чтоб ему провалиться, теперь двадцать тысяч в заднем кармане. Значит, исчезло последнее препятствие, которое нас спасало. Он мог бы жениться на пятидесяти Джейн. Если бы, — добавил лорд Аффенхем, обдумав последнюю фразу, — он был мормон. Мда, — заключил он, — это

мурло заполучило денежки, и, если вы намерены чего-нибудь добиться, Фред, берите ноги в руки.

Его мрачность передалась Биллу. До сих пор тот был склонен недооценивать противника; но Стэнхоуп Твайн, чей вельветовый карман оттопыривает бэньяновское золото, — противник опасный. Без сомнения, надо брать ноги в руки, рыть землю и есть ваксу, не говоря уже о том, чтобы засучить рукава и разбиться в лепешку.

— Вы уверены?

— Говорю вам, Кеггс там был.

— Где?

— В Шипли, при разговоре.

— Что он там делал?

— Поехал к Бэньяну, что-то ему понадобилось.

— Странно, что они говорили при Кеггсе.

— Он, наверное, подслушивал в замочную скважину.

— И еще. Не понимаю, как Роско решился поставить двадцать тысяч долларов невесть на кого. Решительно не в его духе.

Лорд Аффенхем понял, что его молодой друг запутался, и отнесся к этому терпеливо. Он и сам иногда запутывался.

— Это не Роско, а Бэньян.

— Его зовут Роско.

— Нет, нет. Бэньян.

— Роско — имя, Бэньян — фамилия.

На лорда Аффенхема снизошло просветление. Он тоже умел схватывать на лету.

— Ах, имя? Так, так, так. Теперь я разобрался.

— В это совершенно невозможно поверить. Роско никогда не расстается с деньгами. Все знают, что у него в карманах одностороннее движение.

Лорд Аффенхем не любил споров.

— А вот отдал!

— Если это правда.

— Конечно, правда. Зачем Кеггсу выдумывать? Вы уклонились от сути, Фред. Нельзя терять драгоценное время, спрашивая себя, зачем этот Рональд совершил опрометчивый поступок. Мы должны объединить усилия и выработать план совместных действий. Еще коктейль?

— Спасибо. Да, он мне нужен.

— Перед нами стоят две проблемы, — сказал лорд Аффенхем, когда вновь наполнил бокалы. — а) как помирить вас с Джейн, и б) как сделать,

чтоб она не помчалась в регистратуру и не окрутилась с этим паршивцем. Первая проблема — самая сложная. Решив ее, вы сами разберетесь со второй. Вот уж не поверю, что вам слабо утереть ему нос! Вы будете рады услышать, что первое затруднение я готов устранить.

— Готовы?

— Да. Можно приступать. Вы стихи читаете?

— Часто. А что?

— Я вот подумал: бывает, кто-нибудь из поэтов набредает на что-то дельное. Помните, один сказал, что женщины — сущие стервы, когда с вами все хорошо, но просто ангелы, когда вы мучаетесь похмельем…

— Когда легко, горда и холодна…

— Вот, вот. Мой старикан читал это всякий раз, как напьется. Все так и есть. Возьмите Джейн. Она злится, но стоит горю омрачить ваше чело, уверен, бросится вас облизывать. В точности, как ее сестра..

— Это которая вышла за Уилларда? Лорд Аффенхем прищелкнул языком.

— Старайтесь запоминать имена, Фред, — сказал он укоризненно. — Я вам говорил, его зовут Миллер, Джеф Миллер. Вы плохо слушаете. Мда, Джеф Миллер, отличный малый, которого я считал своим сыном, втюрился в мою племянницу и стал за ней ухлестывать, а она, дурища, не желала слушать, потому что вообразила, будто любит эту клейстерную душу, Лайонела Грина. Когда Джеф к ней подкатывался, ее перекашивало, как от флюса. Не желала с ним говорить. Завела привычку: останутся с глазу на глаз — пулей вылетает из комнаты. Это затрудняло ухаживания.

— Осложняло, можно сказать.

— Еще как. Бедняга совсем скис. А было это в Шипли, на моих собственных глазах. У меня сердце кровью обливалось смотреть, как Энн отшивает Джефа и каждая минута приближает день, когда она станет женой этого киселя. Я готовился, скрепя сердце, принять в семью художника по интерьеру, но тут, однажды вечером, очаровательная особа, некая миссис Моллой, которая тогда гостила в Шипли, огрела Джефа по голове моей табакеркой.

Биллу подумалось, что в семейной жизни его хозяина было чем заинтересовать Шерлока Холмса.

— Огрела?

— Прямо по затылочной кости. Они с мужем были мошенники. Джеф поймал их, когда они пытались обчистить дом. Он потребовал, чтобы мистер Моллой вернул украденное, и миссис Моллой, естественно, оглоушила его табакеркой. Разумеется, после этого между ним и Энн все

уладилось.

— Уладилось? — Билл испытывал чувство, которое всех нас когда-нибудь да посещало — ему казалось, что он не выдерживает интеллектуального накала беседы. — Почему?

— Э?

— Почему это привело к счастливой развязке?

— Потому что у Энн открылись глаза. Она заглянула в свое сердце и прочла, что там написано. Когда Джеф лежал, откинув лапки и, по всему, отдав концы, она поняла, что любит его, бросилась на простертое тело, целовала и приговаривала: «О, Джеф! О, о, Джеф!» Про Лайонела Грина и думать забыла. Занятно, а? Проливает свет на женскую психологию.

— Основательная была табакерка.

— Еще какая! Я купил ее, когда поступил в Кембридж. Всякий первокурсник первым делом покупает такую банку для табака с гербом колледжа. Сейчас покажу. — Лорд Аффенхем враскачку перешел комнату и вскоре вернулся. — Стоящая вещица, — сказал он, любовно разглядывая банку. — Сорок лет служит, и хоть бы что. Джефова голова даже выщербинки не оставила. Лопни кочерыжка, прямо вижу эту сцену, как сейчас вижу. Джеф покатил бочку на Моллоя — неприятный был тип, лысоватый, — а Долли, это миссис Моллой, очаровательная особа, хотя, разумеется, со своими недостатками, — подняла банку и чпок! Вот так, — проговорил лорд Аффенхем и враскачку пошел к двери. — Джейн, — позвал он. — Дже-ейн!

— Да?

— Поди-ка сюда. Тут с молодым Холлоуэем… Показывал ему табакерку, и у меня рука дрогнула…

16

Некоторое время спустя Билл очнулся от беспорядочного кошмара, в котором с ним творилось нечто странное, и постепенно понял, что кто-то стоит рядом, протягивая ему бокал с брэнди.

— Глотните, мой мальчик, — сказал лорд Аффенхем. Лицо человеколюбивого пэра лучилось самодовольством, словно у генерала, только что одержавшего славную победу. Наверное, так выглядел Веллингтон после Ватерлоо.

Билл глотнул, и в голове у него немного прояснилось. Он устремил на хозяина расстерянно-сердитый взгляд.

— Это вы меня? — спросил он.

— Э?

— Это вы ударили меня табакеркой? Самодовольное лицо расцвело скромной ухмылкой, отчего стало еще хуже. Шестой виконт словно говорил: «Не стоит благодарности, всякий на моем месте сделал бы то же самое».

— Да, конечно, — признал он. — Молодым надо помогать. Как я и предвидел, это сработало. Я подошел к двери, крикнул: «Джейн! Джеэйн!», она отозвалась: «Что там у вас?» — видать, закрутилась с ужином, не хотела отвлекаться. «Поди-ка сюда, — сказал я. — Что-то с молодым Холлуэеем». Она вошла, увидела ваше простертое тело, бросилась на него — ну, все, как обычно. Целует, причитает…

Билл и не думал, что в человеческих силах унять пульсирующую боль в затылке, на который упало с седьмого этажа нечто вроде «Обнаженной», однако при этих словах биение прекратилось и боль как рукой сняло. Ее сменил кипучий восторг, какого Билл не испытывал и читая письмо Анжелы, освобождавшее его от слова чести. Он чувствовал себя тем типом из поэмы, который воскормлен медом и млеком рая напоен, так что не очень удивился бы, если б лорд Аффенхем, заметив: «О, берегись! Блестят его глаза, взлетают кудри!», обошел его хороводом.

Билл с шумом втянул воздух, что за последние дни вошло у него в привычку.

— Она меня поцеловала? — трепетно переспросил он.

— А что поделаешь? Крича при этом: «Билл, милый! Скажи хоть слово, Билл, милый! Лопни кочерыжка, ты не умер, Билл, милый?» Странно, почему Билл, когда вы — Фред? Но это — дело десятое. Главное, она назвала вас «милый» и поцеловала.

Билл встал и заходил по комнате. Если мы вспомним, как стремительно, можно даже сказать — яростно он ухаживал, нас удивит, что сейчас главным его чувством (помимо восторженного желания похлопать по плечу весь мир, начиная с лорда Аффенхема) было глубочайшее смирение. Он мучительно ощущал свое недостоинство, подобно свинопасу из сказки, которого полюбила принцесса.

Надо сказать, он вовсе не походил на киноактера или греческого бога. Над камином у лорда Аффенхема висело зеркало, и он на мгновение задержался перед своим отражением. Все, как он и предполагал. Лицо честное — и, собственно, все. Видимо, Джейн — та редкая девушка, которая не останавливается на внешней оболочке, но роет глубже, пока не доберется до души.

Впрочем, и это не выдерживало критики. Душу свою Билл знал хорошо — как-никак, прожил с ней целую жизнь. Приличная душа, но ничего особенного. В небесных книгах, должно быть, записано: «Душа мужская обычная одна». Несмотря на все это, Джейн бросилась на его простертое тело и целовала, приговаривая: «Билл, милый! Скажи хоть слово, Билл, милый! Лопни кочерыжка», и так далее. Все это было очень загадочно. Не исходи рассказ из надежного источника, от непосредственного очевидца, Билл вряд ли бы ему поверил. Его охватило жгучее желание увидеть Джейн.

— Где она? — вскричал он.

— Пошла за холодной водой, губкой, и… — Лорд Аффенхем заметно вздрогнул. — Слышу, она возвращается. Кажется, мне пора уходить.

Вошла Джейн с миской. Увидев главу семьи, она сверкнула глазами.

— Дядя Джордж… — процедила она сквозь зубы.

— Тихо. Тихо. У меня — срочное дело. До скорого, — сказал шестой виконт и пропал, словно нырнувшая утка.

Джейн поставила миску. Огонь в ее глазах потух, они были влажны.

— О, Билл! — сказала она.

Билл говорить не мог. Дар речи ему изменил. Он мог лишь молча смотреть, заново дивясь, что эта золотая принцесса унизилась до него, свинопаса, да и то не ахти какого.

Как она хороша, думал Билл, не подозревая, сколь далек сейчас от реальности. Нельзя простоять у плиты теплым июньским вечером, готовя курицу и два гарнира, не говоря уже о бульоне, и остаться в полном блеске. Лицо у Джейн раскраснелось, волосы выбились, на одной щеке чернело пятно — видимо, от сажи. Тем не менее Биллу она казалась совершенством. Такой, говорил он себе, я запомню ее на всю жизнь — чумазой и в фартуке.

— Джейн! — прошептал он. — Джейн!

— Твоей голове, — сказала она через несколько секунд, — это скорее вредно.

— Полезно, полезно, — заверил Билл. — Я только-только понял, что я не просто сплю. Или сплю?

— Нет.

— Ты действительно…

— Конечно.

И вновь Билл почувствовал то же респираторное затруднение. Он пожал плечами, отказываясь что-нибудь понимать, однако душа его пела, равно как и сердце.

— Нет, очень странно, все-таки! Кто ты и кто — я? Я спрашиваю: «Чем ты заслужил это, Уильям Куокенбуш Холлистер?»…

— Уильям что Холлистер?

— Вина не моя, а крестного. Думай просто «К». Так я спрашиваю: «Чем заслужил?» и отвечаю: «Ни черта не заслужил». Однако, раз ты говоришь… Что ты делаешь с этой губкой?

— Собираюсь обмыть тебе голову.

— Господи, сейчас не время мыть голову! Я хочу сказать, если найду слова, что я о тебе думаю. Ты — замечательная.

— Ну, что ты! Я самая заурядная.

— Вот уж нет. Ты прекрасна.

— Раньше ты так не думал.

— Чего ты хочешь от мальчишки, не способного отличить правую руку от левой? Расскажи мне, кстати, о своей красоте. Когда ты начала ее ощущать?

— Думаю, я стала походить на человека лет в четырнадцать. Когда сняли железяки.

— И очки?

— И очки. Астигматизм исправился.

Билл подавил вздох при мысли о том, как много он потерял. Они сидели в кресле лорда Аффенхема, довольно просторном, словно нарочно сделанном для тех, кто не прочь устроиться рядышком. Со стены на них благодушно смотрела фотография лорда Аффенхема в какой-то странной форме, словно говоря: «Благослови вас Бог, дети мои».

— Когда тебе было четырнадцать, я шагал по Нормандии к Парижу с армией освободителей.

— Крича «О-1а-1а»?

— Да, и еще «L'addition». Все говорили, это очень помогает. Не ерзай.

— Я не ерзаю. Я встаю. Сейчас я вымою тебе голову.

— Я не хочу мыть голову.

— У тебя огромная шишка.

— Пустяки. До свадьбы заживет. Впрочем, я рад, что это не случилось раньше, когда милорд Аффенхем был моложе и сильней.

Лицо Джейн вновь обрело холодную суровость.

— Не упоминай при мне этого человека. Его место в психушке.

— Чепуха. Не желаю слышать ничего дурного о дяде Джордже. Пути его неисповедимы, дела его чудны, но плоды они приносят.

— Все равно, его надо освежевать тупым ножом и окунуть в кипящее масло. Чтоб запомнил. Почему всякого, кто желает с нами породниться,

обязательно надо бить табакеркой?

— Ты не уважаешь традиции? Впрочем, я понимаю. Когда-нибудь попадется тонкокостный ухажер, и старый филантроп предстанет перед судом за убийство.

— Не будет больше ухажеров, сестры Бенедик иссякли. Как кролики. Их больше нет.

— Ладно. Я получил ту сестру, которую хотел.

— Видел бы ты первую!

— Что?

— Ну, первую, Энн.

— А, некрасивую!

— Вот уж нет. Она — редкая красавица. Билл не сдался.

— Любая твоя сестра, будь она Клеопатра, Лилиан Гиш и Мэрилин Монро в одном лице, для меня — некрасива. И вообще, сомневаюсь, чтобы Энн мне понравилась. Вся в пиявках! Кстати, разреши спор, она — миссис Джеф Миллер или миссис Уолтер Уиллард?

— Джеф Миллер.

— Долго он был с ней знаком?

— Нет.

— Значит, у меня преимущество. Я женюсь на своей детской любви. Куда романтичнее.

— На детской любви?! В Мидоухемптоне ты на меня и не смотрел.

— Мы уже с этим разобрались. Ты была кикиморой.

— Значит, все дело в моей внешности?

— Еще чего! Давай проясним это раз и навсегда. Я женюсь на тебе за твою стряпню и буду строго следить, чтоб она оставалась на высоте. Кстати, раз уж мы решили похоронить прошлое, как насчет Твайна? А, то-то же, прячешь глаза и шаркаешь ногами! Стоило отвернуться на полминуты…

— На пятнадцать лет.

— Я отвернулся на какие-то пятнадцать лет, и что? Ты бросаешь меня ради типа, который носит желтые штаны. Кстати, это возвращает нас к важному пункту. Что с ним делать? Негуманно держать его в неведении, пока дело не дойдет до свадебного пирога. Что мы предпримем?

— Ой, Билл!

— Господи, ты плачешь?

— Нет, смеюсь.

— Что тут смешного?

— Ты сказал, предпримем шаги. Не надо. Он сам все предпринял.

Билл вытаращил глаза.

— Ты хочешь сказать, он дал тебе отставку?

— Он выразился иначе — свободу.

— Расскажи!

— Рассказывать, собственно, нечего. Сегодня утром я сообщила ему, что за картины ничего не выручить. Он держал себя как-то странно, а вечером, перед твоим приходом, прислал записку. Очень красивую. Он не вправе…

— Не говори. Можно, я угадаю? Отнимать лучшие годы твоей жизни..?

— Да. Нечестно требовать от меня верности слову, когда у него нет и малейшей надежды скопить денег на женитьбу, поэтому он посчитал справедливым дать мне свободу. Очень трогательно.

— Двадцати тысяч недостаточно?

— Он не знал, что я про них знаю.

— Уж наверное.

— Я угадываю ход его мыслей. Слышали про человека, который в первую мировую записался не в кавалерию, а в пехоту, и сказал…

— «Когда я побегу, не придется тащить лошадь». Да, Мортимер Байлисс рассказал мне в одном из редких приступов благодушия. К чему это?

— Ну, Стэнхоуп всегда говорил, что ему надо попутешествовать по Италии, по Франции, расширить кругозор, усовершенствоваться в мастерстве. Теперь такая возможность представилась, и он не хочет тащить жену. Тем более нищую. Он всегда блюдет свои интересы.

— Что же ты в нем нашла, бедное заблудшее создание?

— Думаю, дядя Джордж прав, только не говори ему, не подрывай дисциплину. «Ты бы и не посмотрела в его сторону, — сказал он, — если бы не оказалась в пригороде, где и взгляд-то остановить не на ком». Наверное, так и есть. Привыкаешь говорить через забор, а дальше все выходит само собой.

— Вероятно, тебя ослепили его брюки. Ладно, на первый раз простим, но чтобы больше такого не повторялось. — Билл замолчал, прислушался. — Вы держите дома слона?

— Насколько я знаю — нет. Хотя дядя Джордж часто поговаривает, что надо бы купить страуса. Хочет посмотреть, как страус зарывает голову в песок. Почему ты спросил?

— Мне показалось, что он поднимается по лестнице. Это оказался не слон, а шестой виконт Аффенхемский.

Он ворвался в комнату, выглядя — насколько это для него возможно — оживленным.

— Эй! — сказал он. — Что там в кухне, будь она неладна? Дым. валит клубами, смердит до небес.

У Джейн вырвался сдавленный крик.

— О, Господи, ужин! Наверное, сгорел дотла.

Она стремглав выбежала из комнаты, лорд Аффенхем проводил ее снисходительным взглядом.

— Женщины! — произнес он с довольным смешком. — Ну, как дела, Фред?

— Отлично, дядя Джордж. Вы теряете племянницу, но обретаете племянника.

— Превосходно. Лучше быть не может.

— Вообще-то могло быть много лучше. Дело в том, что при моей бедности нечего и мечтать о женитьбе. Все, что у меня есть — жалование от Гиша.

— И больше ничего?

— Ни цента.

— Жалко, что с картинами получился облом.

— Да, но взгляните с другой стороны. Если б не они, я бы не встретил Джейн.

— Тоже верно. Ладно, что-нибудь да подвернется. Да, Кеггс? В комнату вплыл опечаленный Кеггс.

— Мисс Бенедик просила меня подняться и сообщить вашей милости, что, к своему величайшему сожалению, не сможет сегодня подать ужин, — произнес он.

— Отбросил копыта, да? Нам-то что! Кеггс, я попрошу вас наполнить бокал и выпить за здоровье молодых.

— Милорд?

— Вот этого Фреда Холлоуэя и моей племянницы Джейн. Они собрались пожениться.

— Вот как, милорд? Желаю вам всяческого счастья, сэр. Вошла Джейн. Она была грязная и расстроенная.

— Еды не будет, — сказала она. — Одни угольки остались. Придется нам идти в пивную, куда вы с мистером Кеггсом ускользаете по вечерам.

Лорд Аффенхем брезгливо скривился.

— Что? Тащиться в местную забегаловку, когда ты прозрела, дала отставку Твайну и подцепила отличного малого? Да не за кувшин пива! Мы едем к Баррибо, а тебе стоит умыться. У тебя все лицо черное. Можно

подумать, ты намазалась сажей, чтобы петь под банджо с лодки.

17

Открытие, что волк в шкуре дворецкого ловко нагрел вас на двадцать тысяч долларов, обыкновенно сказывается на мастерстве водителя, особенно если тот ценит деньги. Не успев толком отъехать от Шипли-холла, Роско, чьи мысли блуждали в другом месте, въехал в телеграфный столб. Внутренний ущерб, причиненный машине, оказался столь велик, что пришлось пешком возвращаться за лимузином. Соответственно, был уже довольно поздний час, когда они с Мортимером Байлиссом прибыли в Лесной Замок.

Огастес Кеггс не удивился посетителям. Ему и раньше приходило в голову, что сын бывшего хозяина скоро заявится в Вэли-Филдз. Кеггс восхищался Мортимером Байлиссом, но знал того за человека, неспособного приберечь при себе хорошую шутку. Таким образом, депутация из Шипли-холла застала его во всеоружии. Кеггс был радушен и полон старосветской учтивости — в полную противоположность Роско, который напоминал вулкан, готовый извергнуть горячую лаву вослед бегущим сонмам. Кеггс проводил визитеров в крохотную гостиную и накрыл зеленой бязью клетку с канарейкой, словно желая оградить деловую встречу от неуместных трелей. Никто не мог бы быть любезнее. Даже когда Роско обрел дар речи и обозвал его шестью оскорбительным именами, самое мягкое из которых — «жирный мошенник», Кеггс продолжал лучиться кротостью, словно особо благообразный епископ.

— Я ожидал некоторых выражений неудовольствия с вашей стороны, сэр, — сказал он спокойно, — однако уверен, мистер Байлисс меня поддержит, что взаимными упреками ничего не достичь.

Мортимер Байлисс был не в духе. Его утащили от обеда, о котором он мечтал несколько часов. Он кисло глядел на Роско, в тысячный раз думая, каким выродженцем оказался сын старого Дж. Дж., которого он, несмотря на многочисленные недостатки, по-своему любил. Дж. Дж. Бэньян был старый пират, его деловая этика многих удивляла, но была в нем и щедрость, напоминающая о просоленных буканьерах Карибского моря. В Роско Бэньяне щедрости не было. Мортимер Байлисс всегда считал его жмотом и прощелыгой.

— Верно, — сказал он. — Это — деловая встреча. Роско задрожал всеми своими подбородками.

— Мне что же, говорить вежливо с этим склизким старым бандитом?

— Не вам винить мистера Кеггса за эту маленькую месть. Я сказал, что вы пожалеете о своей скупости. Пятьдесят фунтов? Вы ранили его чувства.

— Еще как, сэр, — сказал Кеггс, глядя на Роско с укоризненной добротой епископа, узнавшего, что любимый священник курит марихуану. — Пятьдесят фунтов! Меня это глубоко задело.

— Ну, а теперь вы глубоко задели Роско, значит, все квиты и можно начинать с начала, — сказал Мортимер Байлисс. — И, ради Бога, перейдем к делу, потому что я хочу обедать. Я так понял, теперь вы готовы открыть истинное имя загадочного долгожителя?

Здесь мистер Байлисс посчитал нужным устремить на Огастеса Кеггса долгий, прямой взгляд, который недвусмысленнее шепота на ухо предупреждал: «Только выдайте меня, и я задушу вас голыми руками». Ему нравилось дразнить Роско, но разум советовал не переходить черту, за которой прощение невозможно, а этого не миновать, если прижимистый юноша узнает: одно его, Мортимера Байлисса, слово спасло бы ему двадцать тысяч долларов и слово это сказано не было. Роско, при всех своих изъянах, — владелец Бэньяновской коллекции, и может отказаться от услуг хранителя.

Кеггс, уже представленный в нашей хронике опытным диагностом сопений и вздрагиваний, прекрасно разбирался и в долгих прямых взглядах. Он без труда прочел послание черного рогового монокля. Будь он не столь величав, о быстром движении его левого века можно было бы сказать «подмигнул».

— Конечно, сэр, — сказал он, — на приемлемых условиях.

— Что вы называете приемлемыми условиями?

— Сто тысяч долларов, сэр.

Казалось бы, Роско пил из чаши горечи столько, что мог бы, не поморщась, проглотить и эту каплю; тем не менее он вылетел из кресла, как (воспользуемся метким сравнением) пуля из ружья. Сейчас он походил на раздражительного кита, которому охотники всадили гарпун в любимую мозоль.

— Что? Да вы…

— Прошу вас, сэр! — сказал Кеггс.

— Прошу вас, Роско! — сказал Мортимер Байлисс. — Если вы будете перебивать, мы ни к чему не придем. Сто тысяч долларов? Сейчас и наличными?

— Нет, сэр. Я имел в виду пять тысяч долларов задатка, остальное —

когда мистер Роско получит причитающуюся ему сумму. Я считаю, что заслужил небольшую компенсацию за предоставленные сведения.

Дрожь пробежала по телу Роско — такого рода дрожь предвещает землетрясение.

— Небольшое? НЕБОЛЬШОЕ?! Сто тысяч долларов!

— Десять процентов — обычная плата посреднику.

— Вы…

— Прошу вас, сэр!

— Прошу вас, Роско! — сказал Мортимер Байлисс. — Да, я считаю это разумным. Я потребовал бы половину. Вы же видите, вы у него на крючке. Без финансовой помощи тот другой может вообще не жениться. Кто знает, вдруг он образумится и поймет, что единственно стоящая жизнь — холостая? А помочь ему финансово вы не можете, пока Кеггс не назовет вам фамилию. Знаю, чековая книжка при вас, вы без нее не выходите. Дайте ему пять тысяч.

— Чтоб он снова назвал мне неправильное имя? — Роско горько рассмеялся. — Ищите дурака!

Мортимер Байлисс кивнул.

— А ведь верно. Поняли, Кеггс? Если вы назовете фамилию прежде, чем получите чек, Роско вас перехитрит и ничего не заплатит, а пока вы не скажете фамилию, не выпишет чека. По-моему, это тупик.

— Если позволите, я знаю, как из него выйти. Имя вам знакомо, и вы сможете подтвердить его подлинность. Если бы я доверительно сообщил вам его на ухо…

— Прекрасная мысль. Все устраивается. Вперед, Кеггс. Шепните, и я услышу… Ну же! — Видный искусствовед с преувеличенным интересом достал батистовый носовой платок и прочистил ухо. — Ну, ну, ну! Все правильно, Роско, это хорошо.

Пока Роско, подобно сэру Бедиверу, печальным предавался размышленьям, не зная, который путь избрать, Кеггс подошел к письменному столу, достал лист бумаги, положил на поднос (так неискоренимы старые дворецкие привычки) и подал Мортимеру Байлиссу.

— В надежде, что мистер Бэньян одобрит мое предложение, я заготовил контракт, который с его подписью обретет законную силу. Соблаговолите взглянуть?

Мортимер Байлисс взял документ и поправил монокль.

— Вы увидите, что условия и обстоятельства оговорены очень четко.

— И впрямь. Это составил юрист?

— Нет, сэр, я воспользовался книгой «Сам себе адвокат».

— Прекрасно. Давайте, Роско. Вынимайте чековую книжку. Нет, погодите. Я вижу то же препятствие, что и в прошлый раз. Как вручить мистеру Иксу деньги?

— Очень просто, сэр. Мистер Бэньян — владелец Бэньяновского собрания, вы — его хранитель. Молодой человек занимается картинами.

— И?

— Будет вполне естественно, если мистер Бэньян предложит ему место вашего помощника с солидным жалованьем, а, возможно, и с оговоркой, что предпочтет взять человека женатого. Он мог бы намекнуть, что молодой джентльмен довольно скоро сменит вас на месте хранителя, так как вы уже стары и не справляетесь с работой.

— Но-но!

— Простая уловка, сэр.

— Зовите это уловкой, если хотите, а я называю это кощунством. Да, я понял. Правда, несколько жестоко. Тот бедолага бросит работу, женится, а Роско тут же его и выставит.

— Нет, сэр. Очевидно, между ними будет заключено письменное соглашение, гарантирующее молодому человеку работу в течение определенного срока.

— Это вам тоже «Сам себе адвокат» присоветовал?

— В точности так, сэр. Иначе молодой человек не будет ощущать достаточной уверенности, чтобы принять на себя налагаемую браком ответственность.

— Иными словами, побоится, что не прокормит жену?

— Вот именно, сэр.

— Вы все продумали?

— Старался, сэр.

Мортимер Байлисс махнул рукой со щедростью человека, который распоряжается чужими деньгами.

— Давайте же, Роско. Скоренько. Подпишите здесь.

— Чего-чего?

— Подпишите эту бумагу. Узнайте, кто ваш соперник. Тогда, может быть, я смогу уйти и раздобыть что-нибудь съестное.

18

В прославленном гриль-баре «Баррибо» все чудесно провели время. Лорд Аффенхем превзошел себя. От первого кусочка копченой лососины

до последней чашечки кофе он был душой общества и очаровывал слушателей воспоминаниями о громких происшествиях на суше и на море, когда лишь счастливая случайность выручала его со стариной Джеком, Джо или Джимом из опасного переплета. Впрочем, не всегда выручала, поскольку в лучшей истории рассказывалось, как ночью лодочной гонки 1911 года дерзкий враг взял их со стариной Сэмми в полон, доставил в участок и утром оштрафовал на сорок шиллингов.

Уже темнело, когда веселое трио Аффенхем-Холлистер-Бенедик подкатило на Билловой машине к воротам Лесного Замка. Они поспели как раз к завершению деловой встречи. Когда они вылезали, Кеггс, убравший чек и контракт в ящик письменного стола, провожал гостей к лимузину.

Сытый вид погулявшей у Баррибо троицы как ножом резанул изголодавшегося Байлисса. На ум пришли бифштексы, отбивные и сочные антрекоты. Он резким шепотом принялся убеждать Роско, обменивавшегося любезностями с лордом Аффенхемом, ради всего святого закругляться и ехать. Однако Роско считал иначе.

— Можно с вами поговорить, Холлистер? — сказал он и отвел Билла в сторону.

Джейн и лорд Аффенхем вошли в дом, Мортимер Байлисс скрючился в лимузине, мечтая о венгерском гуляше, а Роско темпераментно заговорил с Биллом. Когда недолгое время спустя лорд Аффенхем, устроившийся в кресле с «Чудесами птичьего мира», вновь увидел будущего племянника, лицо у того лучилось необычным светом.

— Как вы были правы! — сказал Билл.

Лорд Аффенхем знал, что всегда и во всем прав, однако заинтересовался, о каком именно случае его прозорливости говорит молодой друг.

— В чем на этот раз? — спросил он.

— Когда сказали: «Что-нибудь да подвернется». Видели, как Роско Бэньян только что держал меня за пуговицу?

— Мда, видел. Жирная рожа, этот Бэньян.

— Не называйте его так.

— Жирная рожа и есть.

— Знаю, но не говорите так о человеке, которого я люблю.

— Он — фесвитянин. Билл всегда был разумен.

— Согласен, он похож на фесвитянина, — согласился он, — но за фесвитянской внешностью таится золотое сердце. Он только что предложил мне шикарную работу.

На лорда Аффенхема это произвело впечатление.

— Вот как? Значит, в стервеце все-таки что-то есть. Беру назад фесвитянина. — Он задумчиво помолчал. — Но не жирную рожу, — добавил он. — В каком смысле работу? Какую работу?

— Самую лучшую. Давайте я перескажу все по порядку. Сначала он спросил, не думаю ли я уйти от Гиша.

— И вы ответили?

— Что думаю, но боюсь остаться без трехразового питания, столь необходимого человеку, желающему сохранить румянец. Тогда он сорвал накладные усы и предстал в подлинном обличий моего ангела-хранителя. Мортимер Байлисс, поведал он, выжил из ума и не справляется с работой. Как бы мне понравилось стать его помощником, а вскорости и хранителем Беньяновского собрания?

— Э?

— Отец Роско, покойный Дж. Дж. Бэньян, собрал, а Роско унаследовал одну из лучших в мире живописных коллекций. Но это еще не все. Он назвал жалованье — для начала, учтите, только для начала, — и у меня захватило дух. Я — богат!

— Лопни кочерыжка!

— Во всяком случае, настолько, чтобы содержать жену, которая умеет готовить. Впрочем, мне надо торопиться. Через несколько дней я отплываю в Америку.

— С Джейн?

— Конечно. Боже правый, неужели вы думаете, что я оставлю ее здесь?! Как быстро можно пожениться?

— Думаю, в два счета, если раздобыть специальное разрешение.

— Я на всякий случай раздобуду два.

— Правильно, запас не повредит. — Лорд Аффенхем помолчал с минуту. — Знаете ли вы, — сказал он наконец, — что серебристая чайка, когда ухаживает, надувает шею, раскрывает клюв и отрыгивает значительное количество непереваренной пищи?

— Вот как? Однако в свадебный обряд англиканской церкви это не входит?

— Вроде бы нет. Впрочем, — заметил лорд Аффенхем, — мысль интересная. Поневоле задумаешься, как разнообразен мир.

Тем временем Роско Бэньян и Мортимер Байлисс, отъехав на машине, остановились у «Зеленого Льва» на Розендейл-род и вошли туда, чтобы съесть холодного окорока. Мортимер Байлисс предпочел бы caviar frais, consomme aux pommes d'amour, supreme de foie gras au champagne, timbale de ris de veau Toulousiane и diabolitins,[65] но, подобно лорду Аффенхему,

умел справляться с суровостями жизни. Мы не скажем, что остаток пути до Шипли-холла он сиял, как солнечный луч, однако настроение его явно улучшилось. У него было время припомнить, что Роско Бэньян только-только расстался еще с пятью тысячами долларов и письменно обязался выплатить сто. Еще немного, думал он, и наследник бэньяновских миллионов настолько проникнется духовностью, что общаться с ним станет чистым удовольствием.

Когда они входили в дверь, появился Скидмор.

— Извините, сэр, — сказал он. — Вы желаете поговорить с мистером Пилбемом?

— Пилбемом? — Роско вздрогнул. — Он здесь?

— Нет, сэр. Он позвонил по телефону в ваше отсутствие и оставил свой номер.

— Соедините меня с ним, — пылко потребовал Роско. — Я буду говорить из курительной.

— Иду, сэр.

— И принесите мне сырного омлета, много кофе, горку тостов и пирог с яблоками, который мы вчера не доели, — сказал Мортимер Байлисс.

Он сидел в утренней гостиной, ожидая, пока доставят провиант, когда вошел Роско. Глаза его горели, манера была возбужденной.

— Пилбем их раздобыл, — объявил он.

— А? — Мортимер Байлисс не без труда оторвал мысли от приближающейся трапезы. — Кто такой Пилбем и что он раздобыл?

— Я рассказывал. Он руководит сыскным агентством «Аргус». Я нанял его, чтобы вернуть письма.

— Ах, да. От вашей невесты Элали Дин или как ее.

— Элейн Донн.

— Это ее настоящее имя?

— Думаю, да.

— А я не думаю. Готов поспорить, ее зовут Марта Стаббз или что-нибудь в том же роде. Так значит, раздобыл? И теперь, как я понимаю, вы известите бедную девушку, что все кончено?

— Разумеется.

Мортимер Байлисс хохотнул.

— О, юные мечты любви! — сказал он. — Нам, старым холостякам этого не понять. Вы, современные Ромео, умеете включать и выключать свои чувства простым поворотом крантика. Только неделю назад вы взахлеб рассказывали о ней. Что за черт, почему бы вам на ней не жениться?

— И потерять миллион?

— Зачем вам еще миллион? Он вам не нужен.

— Не говорите глупостей, — сказал Роско.

Мортимер Байлисс не стал доказывать свою правоту. Дверь открылась, прибыл сырный омлет.

19

Сыскное агентство «Аргус», чья контора находится в юго-западном почтовом округе, возникло за несколько лет до описываемых событий в итоге давно назревшей нужды — нужды Перси Пилбема, ее основателя, в дополнительных средствах. Он начинал редактором прославленного еженедельника «Светские сплетни», но устал выведывать постыдные тайны за жалованье и пришел к выводу, что при его способностях куда выгоднее выведывать их для себя. Он взял кредит, уволился и теперь процветал. «Аргус» хвастался, что никогда не спит, и все, знавшие его, не удивлялись. Допуская, что у этого агентства есть совесть, с такими мыслями действительно не заснешь.

Нанимая частного сыщика, человек практичный гонится не за внешней красотой, а за ловкостью, и тут руководящему духу «Аргуса» повезло. Возможно, в Лондоне есть шпики безобразнее Перси Пилбема, но искать их придется долго. Это был худосочный прыщавый человек с близко посаженными глазами, его фланелевые костюмы напоминали мороженое-ассорти, а верхнюю губу уродовали жидкие усики. Короче, зрелище, которое предстало Роско, вошедшему в контору «Аргуса» на следующий день, заставило бы человека чувствительного отвести глаза, однако Роско их не отвел, так радовало его возвращение роковых бумаг. Он бодро схватил конверт.

— Блеск! — вскричал он. — Как вам удалось их раздобыть? Перси Пилбем беспечно почесал ручкой в набриллиантиненных волосах.

— Запросто. Она каждый вечер в театре. Я дождался, пока она уйдет, вошел, порылся, отыскал письма и вышел. Все очень легко. Впрочем, когда я говорю легко, — Пилбем запоздало вспомнил о счете, который намеревался выставить, — это не следует понимать буквально. Я шел на огромный риск. И не забывайте про нервное напряжение.

— Ну, вам это все нипочем, — сказал Роско, тоже думая о гонораре. — При вашем-то опыте!

— И все же… Простите?

— А?

— Вы что-то сказали?

Здесь Перси Пилбем допустил неточность. Роско не сказал. Он заурчал, и заурчал оттого, что мысль, подобно зрелой розе, явилась на его челе. Он не часто испытывал такие озарения, мозги его ворочались туго, но сейчас озарение пришло и потрясло его до подошв.

Даже самым земным натурам не заказано помечтать. С самого визита в Лесной Замок перед Роско маячило видение: вот он раздобывает контракт и рвет в клочки, лишая коварного Кеггса губительной силы. И сейчас он придумал, как это осуществить, причем сразу во всех подробностях. Правда, план требовал мужества, а мужества ему недоставало. Тут нужен союзник, и он вдруг понял, что обретает союзника в лице Пилбема.

— Послушайте, — сказал он, — я хочу предложить вам еще работу.

— В каком духе?

— В таком же.

— Вы написали еще письма?!

Голос Пилбема звучал изумлением и даже благоговейным восторгом. Это будет уже третья стопка компрометирующих писем от одного клиента — рекорд непревзойденный. Даже известные своей распущенностью баронеты ограничивались двумя.

Бэньян поспешно развеял заблуждение.

— Нет, нет. На этот раз не письма. Это бумага, документ.

— «Военно-морское соглашение»? — спросил не лишенный остроумия Пилбем.

— Своего рода договор. Пилбем начал понимать.

— Вы что-то подписали?

— Да.

— И хотите заполучить?

— Верно. А единственный способ…

— Стащить? Все понятно. Хотите поручить это мне?

— Да.

— Хм.

— Это будет проще простого, — убедительно сказал Роско. — Бумага у такого Кеггса. Он много лет назад был дворецким у моего отца, сейчас на покое и живет в Вэли-Филдз. Там у него недвижимость. Зайдете, скажете, что от меня, ищете дом, нет ли у него подходящего. Он наверняка будет прыгать до потолка — я случайно знаю, один из его жильцов разбогател, скоро съедет. Он вас впустит, а когда пойдет за напитками — он обязательно захочет вас угостить, — подлейте ему убойного пойла и

готово. Проще, чем с бревна свалиться, — подбодрил Роско, и с мукой взглянул на Пилбема. — Почему, — спросил он, — вы говорите «хм»? Пилбем без запинки это объяснил.

— Если все так просто, почему вы не стащите сами?

Роско замялся. Ему не хотелось открывать истинную причину перед человеком, которого он хотел бы отправить взамен себя. Во время деловой беседы, завершившейся подписанием контракта, в дверь заглянул злобного вида бульдог, угрожающе кашлянул и вышел, предварительно бросив на Роско столь же угрожающий взгляд. Роско собак боялся и ни за что не согласился бы на новую встречу. (На самом деле Джордж кашлянул, чтобы привлечь внимание — вдруг у кого есть лишнее печенье; однако шестое чувство подсказало ему, что здесь печенья не дождешься, и он ушел искать щедрую Джейн.)

— Кеггс меня будет опасаться, — вдохновенно соврал он. — Мне и до первой фазы не дойти. Другое дело вы.

Это было приемлемое объяснение, и Пилбем с ним согласился, хотя и помотал головой. Намеченный план не оскорблял совесть, которой у него не было, однако представлялся слишком рискованным. Он навсегда запомнил то мгновение в доме прекрасной Элейн, когда внезапно раздался дверной звонок. У него чуть сердце не выскочило, а сейчас — останавливалось при одной мысли, что такое может повториться.

Он сообщил об этом Роско. Тот отмахнулся.

— Господи, тут все будет по-другому! Вам не придется никуда проникать! Вы просто войдете…

Пилбем продолжал качать головой.

— Очень жаль, — начал он, но Роско его перебил.

— Я готов больше заплатить.

Пилбем перестал качать головой. Он дрогнул. Как и Роско, он любил, чтобы денег было побольше.

— Что за соглашение? — спросил он, воздерживаясь пока от окончательного ответа.

— Да так, знаете, — сказал Роско. Природная осторожность подсказывала ему: частный сыщик, узнавший, что спасает клиенту сто тысяч, — это частный сыщик, который заломит цену.

— Как оно выглядит?

— Обычный лист бумаги. Кеггс убрал его в конверт, надписал «соглашение» или «контракт», или там «касательно Р. Бэньяна». Потом запер в письменном столе.

Пилбем задумался. Его упорство слабело.

— Значит, долго искать не придется?

— Да вы заполучите его в два счета. Всего и делов, ящик взломать.

— Если меня поймают за взломом ящиков, посадят в тюрьму.

— Говорят, в тюрьмах теперь очень даже неплохо.

— Кто говорит?

— Ну так, вообще. В кино, на концертах, там-сям. И потом, кто вас поймает?

— А кто еще там живет?

— Лорд Аффенхем и его племянница.

— Ну вот мы и приехали.

Роско не пожелал с этим согласиться.

— От них мы избавимся, раз начхать. Договоримся на субботу, я пошлю старичку два билета в театр. Дневной спектакль. От даровых билетов еще никто не отказывался.

С минуту Пилбем разглаживал встрепанные усики, потом задал вопрос, которого его собеседник надеялся не услышать.

— Как насчет собак?

Роско замялся, но понял, что надо отвечать начистоту. Все пойдет прахом, если сыщик без предупреждения наткнется на жуткого бульдога. Бесчестный миллионер судил других по себе: ройся он в ящике в чужом доме и окажись рядом бульдог, бросил бы все и умчался, как кролик. Скрывать бесполезно. Придется говорить.

— Собака есть, — признался он.

— Какая?

— Бульдог.

— М-м.

— Бульдоги дружелюбны.

— Да? Один мой знакомый напоролся на бульдога. Всего семь швов.

Второй раз за утро на Роско снизошло вдохновение.

— Я вот что сделаю, — объявил он. — Если вы в субботу отправитесь к Кеггсу, я побываю там в пятницу и скормлю собаке мяса с порошком.

Пилбем нахмурился. Как ни отрицали бы это все, его знающие, но и у него были принципы. Что-то человеческое в нем теплилось.

— Я не хочу травить собаку, — сказал он.

— Зачем же сразу травить? Скормлю что-нибудь такое, чтоб она продрыхла весь следующий день. Спрошу у ветеринара, сколько сыпать.

— Как вы к ней подберетесь?

— Очень просто. Погода отличная, она наверняка будет в саду. По соседству живет мой приятель. Зайду к нему, брошу мясо через забор. —

Роско замолчал и умоляюще взглянул на собеседника. — Так вы беретесь?

Пилбем сидел в задумчивости. Роско почти его убедил. Затея с собакой ему понравилась. Без сомнения, это расчистит дорогу, а заказчик — миллионер, может раскошелиться на свои капризы.

— За тысячу фунтов наличными — берусь, — сказал он, и Роско скрутила резкая боль вроде ревматической.

— За тысячу?

— Я невнятно произнес? — холодно сказал Пилбем. Его нежной натуре претил всякий торг.

Роско оставалось снова испить горькую чашу. Надо было соглашаться. Опять пересчитывал он мелких рыбешек, которыми придется пожертвовать, чтобы вытащишь кита, и количество их его ужасало.

— А за сотню не возьметесь? — спросил он с надеждой. Пилбем отвечал, что нет.

— Тысяча фунтов — большие деньги.

— Верно, — сказал Пилбем, энергично потирая третий слева прыщ на правой щеке. — Это мне в ней и нравится.

20

Сказав, что никто не откажется от даровых билетов, Роско обнаружил глубокое знание человеческой природы. Билеты на дневной спектакль прибыли по почте в пятницу и вызвали бурное ликование.

Лорд Аффенхем, хоть и не отступал от своего мнения, что даритель — жирная рожа, тем не менее сердечно одобрил широкий жест, и даже племянница его признала, что со времени их совместных купаний в Мидоухемптоне Роско Бэньян изменился к лучшему. Короче, в пятницу радость царила безраздельно.

Однако субботним утром солнце закрыли тучи, ибо дом настигла беда. Лорд Аффенхем, подойдя к собачьей корзинке, чтобы вывести Джорджа на утренний променад, нашел того вялым и безжизненным. Собачий нос потеплел, обрубок хвоста даже не дернулся. Слепой понял бы, что бессловесный друг чувствует себя неважнецки. Виконт без промедления созвал консилиум.

— Дже-эйн!

— А?

— Кеггс!

— Милорд?

— Подите сюда. Что-то с Джорджем.

Все трое мрачно склонились над ложем больного, кусая губы и качая головами. «Ах, Джордж, бедненький мой, славный!» — вскричала Джейн, «В высшей степени необычно», — заметил Кеггс, поскольку до сего дня болящий отличался исключительно крепким здоровьем. О нем шла слава пса, который жрет гвозди по десять пенсов, и хоть бы хны.

Лорд Аффенхем одобрил их озабоченность, но, считая ее недостаточной, взял практический тон.

— Кеггс!

— Милорд?

— Где ближайший ветеринар?

— Сразу не отвечу, милорд, но могу справиться в телефонной книге.

— Так справьтесь, дражайший.

— И поскорее, — добавила Джейн. — Само собой, — продолжала она, когда Кеггс отбыл с миссией милосердия, — театр отменяется.

— Э? Почему?

— Не можем же мы оставить бедного Джорджа в одиночестве!

— Ерунда. Нельзя, чтоб пропадали билеты. Ты поедешь, я останусь. Звякни Фреду Холлоуэю…

— Холлистеру.

— Холлистер, Холлоуэй, сейчас неважно. Позвони ему и скажи, что ведешь его в треклятый театр.

— Это так эгоистично! Бросать тебя одного. Ты хотел развеяться.

— Да ничуть. Куда охотнее посижу с книжечкой.

— А Кеггс не может присмотреть за Джорджем?

— Не справится. Джорджу нужен отцовский глаз. Его надо развлекать, а я сомневаюсь, что Кеггс сумеет. Делай, что я тебе говорю.

— Ладно, раз ты так велишь.

— Тебе будет приятно провести день с этим Фредом.

— Еще как, — убежденно сказала Джейн.

Прошло утро. Побывал ветеринарный врач, определил недомогание как желудочное, предположил, что" Джордж съел на улице какую-нибудь гадость, и ушел, заверив, что отдых, легкая диета и микстура каждые три часа со временем принесут исцеление. Подъехал на машине Билл, забрал невесту. Лорд Аффенхем и Джордж устроились коротать день, первый в кресле с «Чудесами птичьего мира», второй — в корзине под теплым шерстяным одеялом. Все было тихо вокруг Лесного Замка, пока без двадцати пять перед входом не остановился молодой человек в костюме цвета мороженого-ассорти и синих замшевых ботинках. Это был Перси

Пилбем собственной персоной.

Человек правильный, безусловно, осудит Перси Пилбема, чей моральный кодекс оставляет желать лучшего, однако более мягкое сердце обольется кровью, если обладатель его увидит, как несчастный сыщик беспечно вступает в обитель бедствий, ошибочно полагая, что встретит там одного Огастеса Кеггса. Вот он стоит на пороге, ожидая, когда откроется дверь, поглаживает усики и ни сном, не духом не ведает о притаившемся неподалеку шестипудовом виконте.

Пойди все в соответствии с его планами, никаких шестипудовых виконтов поблизости бы не было, однако, как мы знаем, все пошло наперекосяк. Так и хочется сказать вслед за Бернсом: «Малютка, ты не одинок, и нас обманывает рок». Да, поразительная мудрость заключена в этих словах, и случай с Пилбемом — новое им подтверждение, если, конечно, их еще надо подтверждать.

Дверь открылась.

— Мистер Кеггс? — осведомился Пилбем.

— Да, сэр.

— Добрый день. Я от мистера Беньяна. Он сказал, вы — его старинный знакомый. Я хотел бы снять домик неподалеку, и, по его словам, вы можете предложить как раз то, что мне нужно.

— Да, сэр, все правильно, — сказал Кеггс, узнавший утром от Стэнхоупа Твайна, что тот освобождает Мирную Гавань. — Заходите, пожалуйста.

— Как у вас замечательно! Жаль, что я не поселился в Вэли-Филдз давным-давно.

— А нам-то как жаль, — учтиво ответствовал Кеггс.

Лорд Аффенхем провел день не без приятности. Он дочитал «Чудеса птичьего мира», поболтал с Джорджем, выкурил легкую сигару и подремал с полчасика. В пять Джордж забылся целительным сном и, похоже, мог некоторое время обойтись без отцовского глаза, поэтому лорд Аффенхем вышел в сад подышать.

Почти сразу он увидел красавицу-улитку и стал смотреть на нее, не мигая, но деятельно думая, как они, совсем без ножек, передвигаются с вполне приличной скоростью. Вот и эта, хоть и не могла бы тягаться с рекордсменами в беге, тем не менее явно куда-то направлялась, и лорд Аффенхем тщетно искал объяснения этому проворству. Он все еще бился над разгадкой, когда подошел Мортимер Байлисс.

Великий знаток искусств, обычно резкий с ближними, оказался не таким толстокожим. Сразу почувствовав симпатию к шестому виконту,

напомнившему ему слона в нью-йоркском зоопарке, на котором часто катался маленький Мортимер, он желал ему добра и сокрушался, что пришлось сказать горькую правду о картинах. Невесело узнать, что полотна, которыми ты владеешь и за которые собирался выручить деньги, принадлежат не Гейнсборо и Констеблю, а Уилларду Робинсону и Сидни Биффену. Когда же при более детальном рассмотрении ему удалось обнаружить несколько вполне приличных творений, нечаянно пропущенных предыдущими пятью виконтами, он с чувством бойскаута, совершающего ежедневный добрый поступок, сел в «Ягуар», вполне оправившийся от недавнего потрясения, и вестником счастья помчался в Лесной Замок.

— А, вот вы где, — сказал он, входя в сад. — Я звоню, звоню, и никакого ответа. Перемерли все, что ли, в этой богадельне?

— Э? — сказал лорд Аффенхем, выходя из транса. — Здравствуйте, Банстед. Звонили, говорите? Кеггс не слышал. Заснул, небось. Он днем укладывается полежать. Я смотрел на улитку.

— Всегда смотрите на улитку, — одобрил его Мортимер Байлисс. — Вот он, секрет счастливой и здоровой жизни. Там, куда заглядывает улитка, не нужен врач.

— Вы о них думаете?

— Да как-то не очень.

— Я все гадал, как они устраиваются. Вот хоть эта. Несется вскачь. У нее же нету ног!

— Видимо, сила воли. Хорошую улитку не остановишь. Вы, наверное, удивляетесь, зачем я здесь, хотя, безусловно, счастливы меня видеть. Я приехал сообщить, что все не так плохо, как я думал. Картины, то есть. Я установил, что некоторые — подлинные.

— Они стоят денег?

— Порядочных.

— Ну, замечательно. Прекрасно. Все определенно выправляется. У меня началась счастливая полоса. Замечали, как все улаживается, стоит войти в счастливую полосу? Вы ведь видели вчера мою племянницу?

— Мельком. Очаровательная девушка.

— Да, ничего. Так вот, до вчерашнего дня она была помолвлена с никчемнейшим типом во всем Вэли-Филдз. А теперь все. Прозрела, собирается замуж за вашего Холлоуэя.

— Холлистера.

— Все так говорят. Неужели я спутал фамилию? Помнится, он ваш приятель.

— Я знаю его с рождения.

— Замечательный малый.

— Один из лучших. Я ругаю его для его же блага, но люблю, как дядя. Жаль, что ему туго приходится.

— Уже нет. Я как раз собирался рассказать. Этот Бэньян предложил ему отличную работу.

— Вот как? Ну, ну, ну! Большой альтруист, Роско Бэньян. Все-то ищет, кого бы облагодетельствовать. — Мортимер Байлисс издал короткий смешок. — Значит, предложил работу?

— Да. Что-то связанное с картинами.

— Помощник хранителя?

— Это пока. Обещал взять хранителем, как только избавится от нынешнего. Старичок совсем никуда.

— Вот как?

— Из ума выжил, ничего не соображает. Что ж, все мы не молодеем.

— И то спасибо.

— Э?

— Это же не дай Бог молодеть. Вспомните, в молодости все время рискуешь, что тебя окрутят.

— Верно, — согласился лорд Аффенхем, которые в свои двадцать подвергался постоянной опасности.

— Никто из молодых не застрахован. Я, по милости Провидения, сумел остаться холостым, но раз или два оказывался на краю пропасти. Прекрасно помню жуткий, неотвязный страх: одно неосторожное слово — и все, ты в отеле «Ниагара» с ног до головы в рисе. Конечно, речь идет о тех днях, когда у меня еще были волосы и зубы. Я звался Красавчик Байлисс и одним движением мизинца разбивал сердца. Да, уберегся, но не всем так повезло. Будь моя воля, браки запретил бы законом.

— А человеческий род не вымер бы?

— Вымер бы, конечно, и с каким бы облегчением все вздохнули. Представьте себе мир без Бэньянов.

— Не любите Бэньяна?

— Не люблю.

— Я тоже. Истинный флюс, иначе не скажешь. Был тут вчера вечером. Болтал с Джорджем через забор.

— Кто такой Джордж?

— Наш бульдог. Приболел сегодня.

— Кто не заболеет после разговора с Роско Бэньяном? Я общаюсь с ним две недели и состарился на двенадцать лет. Вам, наверное, грустно,

что пришлось уехать из Шипли?

— Да. Неприятно лишиться родного дома. Хотя и тут довольно уютно.

— Странно, что вы живете вместе с моим приятелем Кеггсом.

— Да не так и странно. Он был у меня дворецким.

— А, ясно. Конечно, это сближает. Как вы поделили дом?

— Он живет на первом этаже, мы с Джейн — на втором. Получается, как две отдельные квартиры. Пойдемте к нему. Он с удовольствием вам все покажет. Он гордится своим домом, и я его не виню. Здорово тут обжился.

Они обошли дом. Мортимер Байлисс остановился сорвать цветок. Лорд Аффенхем подошел к стеклянной двери из сада, застыл, вытаращил глаза. Слабое «лопни кочерыжка» сорвалось с его губ. Затем он цыпочках вернулся к спутнику, вставлявшему цветок в петлицу.

— Эх-х-м! — прошептал он.

— Горло простыло? — поинтересовался Мортимер Байлисс.

— Нет.

— Тогда почему вы сипите, словно дырявая канистра? Лорд Аффенхем предостерегающе поднял палец к губам.

— Я вам объясню, почему сиплю, как канистра, — произнес он заговорщицким шепотом. — Там взломщик!

21

Мортимера Байлисса было не просто испугать. Монокль в его глазу даже не дрогнул.

— Взломщик, говорите? — произнес он так, словно заказал взломщика со склада и теперь рад слышать, что товар доставлен в целости и сохранности.

— Да. Кеггс лежит на полу без движения, а жуткий тип роется в его письменном столе. Я не знал, что воры теперь вламываются среди бела дня, — неодобрительно сказал виконт, воспитанный в строгих правилах. — Всегда считал, что они выходят на дело с наступлением темноты.

— Вы, наверное, путаете их с театральными критиками. Какого рода этот взломщик?

Лорд Аффенхем взглянул озадаченно, как всякий, кого попросили набросать словесный портрет злодея.

— Что значит «какого рода»?

— Большой? Комнатный?

— Нет, маленький.

— Тогда вперед, — с жаром сказал Мортимер Байлисс. Из клумбы, которую лорд Аффенхем, умерщвляя фигуру, вчера немного вскапывал, торчала лопата. — Чего вы ждете? Идемте!

Вот так и случилось, что у Перси Пилбема, убиравшего в карман конверт с надписью «Касательно Р. Бэньяна», вновь чуть не выскочило сердце. Он полагал, что рядом нет никого, кроме Кеггса, которого можно не брать в расчет, как вдруг внезапный голос, показавшийся его напряженному слуху гласом совести, разорвал дневную тишину громогласным «Э!». Именно так могла бы заговорить Совесть.

Он повернулся вокруг своей оси и торопливо сглотнул подкативший к горлу ком. За стеклянной дверью вырисовывался огромный человек — Пилбем таких в жизни не видел, а рядом угадывался его друг и доброжелатель с увесистой лопатой в руках. День был теплый, но по коже частного сыщика пробежал холодок. Все в этих двоих дышало рукоприкладством, а Пилбем не принадлежал к числу Марлоу и Хаммеров, рукоприкладства он боялся и не любил. В надежде разрядить обстановку, он выдавил чарующую улыбку и сказал: «А, здравствуйте».

Получилось еще хуже.

— Здравствуйте, здравствуйте, — коротко ответил лорд Аффенхем и обернулся в Мортимеру Байлиссу, явно рассчитывая на поддержку. — Ухмыляется, — произнес он с дрожью в голосе. — Мы ловим его на ограблении, как говорят, с поличным, а он ухмыляется. Он говорит «здравствуйте» и УХМЫЛЯЕТСЯ. Как чеширский кот, будь он неладен. Держите лопату наготове, Банстед.

Перси Пилбем облизал губы, как перед объективом фотоаппарата. На лбу у него выступил предательский пот.

— Я не грабил, — проблеял он.

Лорд Аффенхем прищелкнул языком. Он понимал, что люди порют чушь, но не до такой же степени.

— Не валяйте дурака. Забрался в чужую гостиную, уложил хозяина тяжелым предметом, роется в его столе! Есть еще люди, у которых мозги на месте, и они называют это грабежом. Крепче держите лопату, Банстед, она может понадобиться.

Мортимер Байлисс через его плечо опытным взглядом обозревал комнату. В свои, как он выражался, молодые, горячие годы, он частенько видел в питейных заведениях таких лежачих посетителей и знал, чем достигается подобный результат.

— Не предметом, — сказал он. — У меня такое впечатление, что

нашему старому другу подлили убойного пойла.

— Э?

— Видимо, в Англии это не принято, но в Америке, особенно в Нью-Йорке, преимущественно — на восьмой и девятой авеню и особенно в субботний вечер, случается на каждом шагу. Ты подлил ему убойного пойла, рыло?

— Отвечай! — прогремел лорд Аффенхем, поскольку рыло стыдливо мялось. — Да или нет?

— Д-да…

Лорд Аффенхем фыркнул.

— Вот видите! Сознался. Что мы с ним сделаем? Искрошим в капусту? Или мне слетать в ближайший участок, привести констебля?

Мортимер Байлисс некоторое время молчал, взвешивая возможности. Когда он заговорил, слова его показались Перси Пилбему музыкой.

— Думаю, стоит его отпустить.

Лорд Аффенхем вздрогнул, потом недоверчиво вытаращился, словно тигр, которому предложили расстаться с обеденным кроликом.

— Отпустить?!

— После некоторой предварительной операции. Помню, я читал рассказ, — Мортимер Байлисс поправил монокль. — Про воришку, который забрался в дом. Хозяин поймал его, под дулом пистолета велел раздеться, а потом вежливо проводил до дверей. Мне показалась, что это замечательная мысль.

— Превосходная, — с жаром согласился лорд Аффенхем, устыдившись, что на мгновение дурно подумал об этом прекрасном человеке. — Лучше не бывает.

— Забавно будет?

— А то! Как вы назвали сейчас этого прохвоста?

— Рыло?

— Очень метко. Раздевайся, рыло.

Перси Пилбем затрепетал, как осиновый лист. Ему вспомнился Роско Бэньян, уверяющий, что дом окажется пуст, и в душе его прокатилась волна антироскианских чувств. Редко человек с прыщами сильнее ненавидел обладателя двух подбородков.

— Но… — начал он.

— Мне показалось, я слышал «но»? — осведомился лорд Аффенхем.

— Никаких «но», — вставил Мортимер Байлисс. — Мы ждем добровольного и деятельного сотрудничества. Думаю, сперва брюки.

Лорд Аффенхем приложил палец к щеке и задумался.

— У меня мысль, Банстед. Почему бы не выкрасить его в черный цвет?

— У вас есть черная краска?

— Залейся.

— Получится очень мило, — раздумчиво произнес Мортимер Байлисс. — Да, я прекрасно вижу его в черном.

— Можно мне выпить? — спросил Перси Пилбем.

Говорил он умоляюще, и лорд Аффенхем, даже в теперешнем настроении, посчитал, что чуточка милосердия правосудию не повредит. Он хозяйским жестом указал на стол, где стояли сифон и графин. Пилбем подошел и налил стакан до края.

— Или в зеленый? — произнес лорд Аффенхем и уже хотел сказать другу, что зеленая краска у него тоже есть, и не лучше ли — щеголеватее, веселее, вообще приятнее — будет зеленый Пилбем, но не успел, потому что в глаза ему ударило виски с содовой. На мгновение ему показалось, что он на винном заводе, где произошел взрыв.

Набрасывая портрет Перси Пилбема, мы подчеркнули, что он не красив и не отважен, но, надеюсь, сумели показать и другое — его сообразительность и умение быстро мыслить в минуту опасности. Выплеснуть стакан в лицо лорду Аффенхему и выскочить в стеклянную дверь было делом мгновенного озарения. Он с шумом вырвался наружу и ураганом умчался прочь.

Преклонные лета и хроническая несгибаемость суставов помешали лорду Аффенхему и Мортимеру Байлиссу повторить его подвиг. Они тоже выскочили на улицу, но, увы, их продвижение нельзя было сравнить даже с легким ветерком. Они бежали медленно, натужно, словно одышливые буйволы, и неудивительно, что у ворот не обнаружили никакого сыщика. Вместо него они увидели Билла и Джейн, которые только что вылезли из машины и с любопытством глядели на дорогу.

— За кем погоня? — спросил Билл.

— Мимо нас промчался кто-то полосатый, — добавила Джейн.

— В прыщах и красном галстуке, — сказал Билл. — По недомыслию, полагаю. Одно или другое, вместе их носить нельзя.

Внезапно Джейн встревоженно вскрикнула.

— Дядя Джордж! Ты мокрый.

— Знаю, — сурово отвечал лорд Аффенхем. — Будешь мокрый, когда воры поливают тебя виски с содовой. Пойду переоденусь. Так и простыть недолго.

Он мрачно удалился в дом, а Джейн повернулась к Мортимеру

Байлиссу.

— Воры? — переспросила она. — У вас тут вор?

— Был. Я взял лопату, чтобы его сокрушить. Теперь, когда сокрушать некого, положу ее на место. — И Мортимер Байлисс отправился это исполнять.

— Воры! — сказала Джейн. — Только подумать!

— Веселенькие дела творятся в Вэли-Филдз.

— Ты должен был вскричать: «Ко мне, крошка!», заключить меня в объятия и сказать, чтобы я не боялась, ведь ты здесь.

— Отличная мысль, — сказал Билл.

Сзади кто-то кашлянул. В нескольких шагах от них стоял Кеггс с перекошенным лицом. У него раскалывалась голова, легкое покашливание еще усилило муки.

— А, здравствуйте, мистер Кеггс, — сказал Билл. — Мы… э… обсуждали подготовку к свадьбе.

— Я бы не советовал жениться немедленно, сэр, — произнес Кеггс замогильным голосом.

22

Когда Огастес Кеггс, подобно Абу бен Адему, очнулся от мирного сна, он обнаружил, что заработал чудовищную головную боль и лишился конверта с надписью «Касательно Р. Бэньяна». Поначалу, естественно, в его мозгу царил полнейший разброд; затем из бурления противоречивых чувств выкристаллизовались две связные мысли. Первая — надо пойти к аптекарю на Розендейл-род (если хватит сил дотуда добраться) и взять самого сильного средства от головы, какое там сыщется; вторая — надо отомстить Роско Бэньяну за поступок, столь мерзостный, что даже международная банда посовестилась бы на него пойти.

В том, что за головной болью и кражей кроется Роско Бэньян, Кеггс не усомнился и на мгновение. Когда некто в усиках и прыщах заходит к отставному дворецкому, сообщает, что послан Роско Бэньяном, подливает что-то в бокал и похищает контракт, в котором Роско Бэньян обязался уплатить сто тысяч долларов, то дворецкий, если он не совсем туп, может сделать собственные выводы. Он видит, куда указывают улики и знает, кого внести в список подозреваемых.

Вот почему Кеггс, думавший направиться прямиком к аптекарю на Розендейл-род за средством от головы, при виде Билла остановился и

сказал:

— Я бы не советовал жениться немедленно, сэр.

И, пока Билл смотрел на него, сощурясь, как мы обычно делаем, если предполагаем, что наш собеседник слегка перебрал, добавил:

— Соблаговолите выслушать меня, мистер Холлистер., Шекспир (Вильям) и Поп (Александр), оба подчеркивали, как скучна дважды пересказанная повесть, а трижды пересказанная еще хуже. В двух местах этой хроники читателям предлагалась история брачной тонтины Мортимера Байлисса, и они, при своей сообразительности, надо думать, уже примерно поняли, что к чему. Соответственно, нет надобности приводить речь Кеггса дословно. Довольно сказать, что, несмотря на боль, которая начиналась в ступнях и усиливалась с каждый следующим дюймом, он изложил факты перед Биллом и Джейн не менее ясно, чем несколько дней назад перед Роско Бэньяном, и слушали его с неменьшим вниманием. Билл вытаращил глаза. Джейн тоже. Потом они вытаращились друг на друга.

— Вы хотите сказать, — произнес Билл, переводя глаза на Кеггса, — что я потеряю миллион долларов, если женюсь?

— Да, если ко времени вашего вступления в брак мистер Роско будет оставаться еще холост.

— А он, насколько я знаю, даже не помолвлен.

— Не помолвлен, сэр.

Вот уже несколько дней, как Биллу не случалось шумно втягивать воздух, но сейчас это произошло. Человек, перед которым разверзлась пучина бэньяновской подлости, поневоле вздохнет.

— Так вот почему он предложил мне работу! Чтобы убрать меня с дороги.

— В точности так, сэр. Это уловка.

— Вот сволочь!

— Да, сэр.

— Подлец!

— Да, сэр.

— Скользкий ползучий гад!

— В точности так, сэр, — искренне согласился Кеггс. Он тоже считал, что Роско Бэньян низким коварством и общей непривлекательностью напоминает упомянутую рептилию. — Мистер Роско не остановится ни перед чем. С детства таким был. Мои друзья, оставшиеся на службе у покойного мистера Бэньяна, писали, что уже тогда его поведение отличалось полной беспринципностью. В пятнадцать лет его выгнали из

школы, потому что он ссужал одноклассникам деньги под грабительский процент. Кто есть дитя, сэр? Отец мужчины.

— Таких детей надо сразу топить в ведре, — сурово заметил Билл. — Чтобы не стали мужчинами. Но кто сейчас прибегает к этим простым домашним средствам? Видите ли, они устарели! Что же мы получаем? Роско Бэньяна. А?

— Я просто сказал «ох!», сэр. У меня страшно болит голова. Как раз собирался к аптекарю в надежде купить какое-нибудь средство.

— Тогда мы не будем вас задерживать. Я знаю, что такое головная боль. Конечно, идите в аптеку.

— Спасибо вам большое, сэр, — сказал Кеггс, и, приложив руку к раскалывающемуся челу, побрел в Розендейл-род за средством.

Он оставил за собой растерянное молчание. Первым заговорил Билл.

— Ладно, — сказал он. — Нет, все-таки жаль. Я бы обрадовался миллиону долларов.

Джейн взглянула на него широко распахнутыми глазами.

— Билл! Ты хочешь сказать?

— Ну, конечно.

— Ты ведь не женишься на мне сейчас?

— Естественно, женюсь. Придется принять работу у Роско. Я позавчера уволился от Гиша. В среду мне надо отплыть в Америку.

— Нам не обязательно жениться до этого. Билл вытаращил глаза.

— Ты предлагаешь остаться в Англии?

— Просто придется немного подождать.

— *Немного!* — рявкнул Билл. — Ты не знаешь Роско Бэньяна. Раз женитьба лишит его миллиона долларов, он, если потребуется, будет ждать до семидесяти с лишним. Хороши мы будем: ты здесь, я в Америке. Обмениваемся открытками и с надеждой ожидаем, когда Роско вденет в петлицу гардению и направится к алтарю.

— Вспомни, что мы придумали тогда у Баррибо. Ну, что бы мы делали, если б у нас оказались деньги. Ты бы вернулся к живописи, я бы водворила дядю Джорджа обратно в Шипли.

— Помню. Ну, придется мне обойтись без живописи, а дяде Джорджу — без Шипли. Да ты знаешь, что будет со мной, если я уеду в Америку один? Я же рехнусь. Я все время буду думать о холостяках, которые вьются вокруг тебя.

— Господи, я ни на кого и смотреть не стану!

— Почему? Кто я такой? Просто один из свинопасов, причем далеко не лучший.

— Из кого?

— Такая сказка, ты читала в детстве. Одна принцесса полюбила свинопаса. Я к тому, что тебя будут окружать принцы, стараясь отвратить от свинопасов, и со временем ты непременно задумаешься, стоит ли дальше ждать Уильяма Холлистера?

— Ты про Уильяма *Куокенбуша!*

— Про него самого.

— Ни о чем я таком не задумаюсь. Я буду ждать тебя хоть целую вечность. Билл, дурачок, ты это знаешь!

— Это сейчас, но что ты скажешь через пять лет, когда Роско по-прежнему будет сидеть накрепко, отвергая все предложения руки и сердца? Я вижу, как ты слабеешь. Я вижу, как ты говоришь себе: «Да кто он такой, этот Холлистер? Где он мотается, почему считает себя вправе…»

— «…отнимать лучшие годы моей жизни?»

— Вот-вот! Нет уж, сударыня! Вы едете со мной в среду, и к черту все тонтины.

Глаза у Джейн сверкали.

— Ой, Билл! Я правда стою для тебя миллиона долларов?

— Больше. Гораздо больше. Всякий, кто получил такую девушку всего за миллион долларов, может сказать, что ему привалила огромная удача.

— Ой, Билл! — повторила Джейн. Когда через несколько минут Кеггс вернулся из своих странствий, ему снова пришлось кашлянуть.

23

Однако на этот раз кашель не причинил ему боли. С удовольствием сообщаем, что Кеггс не напрасно верил в розендейл-родского аптекаря. Тот знал, что помогает от головы. Он налил немного из того флакончика, чуть-чуть из этого, добавил динамита, красного перца и вручил эту смесь страдальцу. Правда, тому сперва показалось, что сейчас у него в животе взорвется водородная бомба, но когда этого не произошло, он смог вернуться в свою уютную гостиную почти как новенький.

Здесь он обнаружил лорда Аффенхема. Совершенно сухой виконт в свитере и фланелевых брюках, которые мог бы сшить на заказ Омар Делатель Палаток, размышлял над аквариумом с золотыми рыбками.

— Муравьиные яйца, — бормотал он, когда вошел Кеггс. — Почему муравьиные яйца?

— Милорд?

— Я вот думаю, с чего бы рыбкам любить муравьиные яйца.

— Они с удовольствием ими кормятся, милорд.

— Знаю. Вот я и спрашиваю: как они сумели их полюбить? Не могу представить, чтобы они в природе общались с муравьями. Лопни кочерыжка, вы же не скажете, что предки этих рыбок выходили на берег, шастали по округе, находили муравейники и подкреплялись яйцами? Да, тут вся и суть, — философски сказал лорд Аффенхем и обратился к другому аспекту муравьиной жизни. — Вы знаете, что они быстрее бегают в теплую погоду?

— Милорд?

— Муравьи. Когда теплеет, они бегают быстрей.

— Вот как, милорд?

— Так я где-то прочел. За летние месяцы они наверстывают потерянное и носятся галопом. Зимой у них сон. Кстати. Вам только что звонили по телефону. Миссис Билсон. Вам это имя что-нибудь говорит?

— Это моя сестра, милорд.

— А, сестра? Я забыл, что у вас есть сестра. У меня как-то было целых три, — произнес лорд Аффенхем со скромной гордостью. — Так вот, она просила перезвонить.

Покуда Кеггс довольно долго разговаривал по телефону, лорд Аффенхем по-прежнему размышлял, сперва о золотых рыбках, потом о канарейке. Канарейка ела льняное семя, чего шестой виконт не стал бы делать даже на пари, и, погруженный в мысли о причудах птичьего вкуса, он не слышал, что происходит в другом конце комнаты. Будь у него время обратить внимание на разговор, он заключил бы, что абонент в Вэли-Филдз получил неприятные известия. Лицо Кеггса побагровело, рука с трубкой дрожала.

Тем временем лорд Аффенхем, исчерпав тему канарейки (и немудрено, потому что ничего захватывающего в ней не было), снова переключился на рыбок. Он как раз думал, что одна из них — вылитая Шропширская тетка, к которой его некогда отправил отец, когда резкое восклицание вывело его из задумчивости. Он в удивлении обернулся. То, что произнес перед этим Кеггс, никак не вязалось с достоинством бывшего дворецкого.

— Что вы сказали? — спросил лорд Аффенхем, моргая.

— Я сказал, чтоб ему провалиться, скотине, милорд, — почтительно отвечал Кеггс.

— Э? Кому?

— Мистеру Бэньяну, милорд.

— А, ему? Что он натворил?

Кеггс некоторое время боролся с чувствами. Наконец выдержка взяла верх. Дворецкий, закаленный годами службы, когда хозяин из вечера в вечер рассказывает за столом один и тот же анекдот, научается владеть собой.

— Для меня это оказалось полной неожиданностью, милорд, но, похоже, мистер Бэньян обручился с моей племянницей Эммой. — Тут чувства снова возобладали, и у Кеггса вырвалось. — Черт его побери! Тайная помолвка, милорд. Ее мать узнала только сегодня утром.

Лорд Аффенхем удивился. Он не мог взять в толк, чем новость так возмутила дядюшку. У Роско Бэньяна в чулке — двадцать миллионов долларов. Многие из тех, у кого есть племянницы, охотно поменялись бы с Кеггсом его заботами.

— Обручился с вашей племянницей? Хорошо, что с ней, а не со мной, но, на мой взгляд, это отличная партия. Он, конечно, жирная рожа, но при средствах. Вы же знаете, что денег у него куры не клюют?

— Разумеется, милорд. Мистер Бэньян один из самых богатых холостяков.

— Так чего вы кипятитесь? — в полном недоумении спросил лорд Аффенхем.

И вновь чувства едва не оказались сильнее Огастеса Кеггса. Человек его комплекции не может затрепетать, как одуванчик в мае, однако он, безусловно, немного заколыхался. Крыжовенные глаза блеснули опасным блеском, и заговорил он с глухим урчанием, как бульдог Джордж, когда тому в горло попадет кость.

— Моя племянница Эмма позвонила матери, милорд, и сообщила, что мистер Бэньян разорвал помолвку.

Теперь лорд Аффенхем понял. Его больше не удивляло, что бывший дворецкий шипит, словно откупоренная бутылка пива. На его месте он бы и сам зашипел. В нем сразу пробудилось сочувствие.

— Скотина. Дал вашей Эмме от ворот поворот? Сделал ей ручкой? Странно, а я и не знал, что у вас есть племянница Эмма.

— Думаю, что я, если и упоминал ее при вашей милости, то только под сценическим псевдонимом Элейн Донн.

— А, ясно. Она играет в театре?

— Именно так, милорд, и, взвесив за и против, она посчитала, что имя Эмма Билсон может стать помехой в карьере. Хотелось выбрать что-нибудь более звучное.

— Мда, может и так. Хотя была же Лотти Коллинз.

— Да, милорд.

— И Флорри Форд… и Дейзи Вуд. Простые имена.

— Да, милорд, но упомянутые вами особы пели в мюзик-холлах. Эмма занимается более серьезным искусством. Она — то, что в театральных журналах называется драматическая актриса. Когда мистер Бэньян с ней познакомился, она играла маленькую роль в переводной русской пьесе.

— О, Господи! Меня как-то водила на такую тетка. Толпа жутких личностей обсуждает, как все плохо, и не повесится ли Иван в амбаре. Не говорите мне, что Роско Бэньян по собственной воле ходит на русские пьесы.

— Нет, милорд. Он не видел Эмму на сцене. Они познакомились на вечеринке.

— А, это уже правдоподобнее. Я знаю, что бывает на вечеринках. Он сделал ей предложение?

— Да, милорд.

— Писал ли он ей письма по этому поводу?

— Несколько, милорд.

— Чего ей тогда тревожиться? Лопни кочерыжка, ее дело в шляпе. Она может подать в суд за нарушение брачного обещания и отхватить миллион.

— Нет, милорд. — Кеггса передернуло. «Слова печальнейшие на земле», словно говорил он, «так могло случиться». — Сегодня она подошла к столу, где держала письма от мистера Бэньяна, и обнаружила, что их нет.

— То есть, их не было на месте?

— Именно так, милорд. Очевидно, эмиссар мистера Бэньяна преступным образом проник в занимаемое ею помещение и завладел искомой корреспонденцией.

Лорду Аффенхему потребовалось несколько мгновений, чтоб распутать фразу и перевести с дворецкого языка на человеческий. Кеггс хотел сказать, что какой-то купленный Бэньяном подонок забрался к девушке в дом и стибрил чертовы письма. Вся благородная натура лорда Аффенхема возмутилась.

— Мерзавец!

— Да, милорд.

— Фесвитянин!

— Да, милорд.

— Она не должна это так оставлять.

— Трудно представить, как бедной девушке теперь получить возмещение.

— Она может набить ему морду.

— Вряд ли это компенсирует ей обиду.

— Ну кто-то же должен набить ему морду. Погодите! — вскричал лорд Аффенхем, поднимая могучую, как окорок, руку. — Вот оно, уже близко. Дайте подумать. — Он заходил по комнате. Очевидно, его мощный мозг работал. — Эй! — сказал он, останавливаясь на полушаге.

— Милорд?

— Вы, кажется, говорили, что ваш брат был профессиональным боксером?

— Да, милорд. Он носил прозвище Боевой Билсон.

— Хороший был боксер? Крепкий?

— Очень, милорд. У меня есть его фотография, если вашей милости угодно взглянуть.

Он подошел к комоду под окном и вернулся с большим альбомом. Перелистав страницы с карточками — его самого, запечатленного юным лакеем, полной дамы, туго обтянутой купальным костюмом конца прошлого века с подписью «кузина Эми в Ландудно», — он наконец нашел, что искал.

Это явно была свадебная фотография. Возле стула, в пышном белом наряде, стояла полногрудая девица со взбитыми волосами — казалось, на ней написано «буфетчица». В левой руке она держала букет нарциссов, правую нежно положила на плечо мужчине, который сидел на стуле.

При первом взгляде в нем поражал размер. Лорд Аффенхем и сам был не карлик, но показался бы им рядом с женихом. Тот высился на стуле, словно исполин. Затем изумленный взгляд замирал на лице, еще более впечатляющем. У него был сломанный нос, а нижняя челюсть — как у актера из низкопробного вестерна, призванного воплощать Решимость. Под свадебным фраком отчетливо угадывались могучие мускулы. Он сидел, уложив на колени сжатые кулаки и слегка подавшись вперед, будто хотел лучше рассмотреть соперника. Ни дать, ни взять боксер в ожидании сигнала, а тренер — в данном случае, женщина — настраивает его на победу. На лорда Аффенхема это произвело самое глубокое впечатление.

— Это он, да? Отец?

— Да, милорд.

— Тогда я вижу свет, — сказал лорд Аффенхем. — Я вижу, с какой стороны нам подступиться.

24

Утро после визита Пилбема в Лесной Замок застало Роско Бэньяна в самом радужном настроении. Когда он завтракал, позвонил частный сыщик и сообщил, что все прошло по плану. Сердце Роско Бэньяна пело, когда он выжимал сцепление, направляясь в Лондон.

Он назвался приятного вида мальчику в приемной, и тот незамедлительно проводил его в святая святых. Владелец сыскного агентства «Аргус» сидел за столом и просматривал бумаги частного свойства. Когда Роско вошел, он поднял глаза, но в них не было того счастливого блеска, что у посетителя. Перси Пилбем был холоден и суров.

— А, это вы? — спросил он рассеянно.

— Да, я, — сказал Роско, дивясь, что прыщавый сыщик не скачет от радости в такое дивное утро.

— Ну и удружили вы мне вчера, — сказал Пилбем, содрогаясь при одном воспоминании. — Вы сказали, что дома никого не будет.

— И что?

— Вы меня обманули. Сейчас я расскажу.

Не каждому дается дар рассказчика, но Перси Пилбема фея-крестная наделила им сполна. Трудно было бы четче и драматичнее изложить субботнее происшествие в доме ужасов (Лесной Замок, Тутовая Роща, Вэли-Филдз). Казалось, ожили самые сильные страницы Эдгара Алана По. Пусть лорд Аффенхем и Мортимер Байлисс нашли бы некоторое преувеличение в описании своих действий и внешности, даже им пришлось бы признать, что картина нарисована впечатляющая.

Когда Пилбем завершил рассказ, Роско согласился, что все прошло не так гладко, как намечалось, и Пилбем эти слова подтвердил. Он сказал, что трижды просыпался в эту ночь, трясясь, как студень — ему снилось, что испытание продолжается.

— Зато, — сказал Роско, указывая на хорошую сторону, — вы раздобыли бумагу.

— Раздобыл, — сказал Пилбем. — И прочел. Роско вздрогнул.

— Вы хотите сказать, что распечатали конверт?

— Да.

— Вы не имели права.

Перси Пилбем положил ручку, на которую перед этим накручивал восточный кончик усов.

— Пожалуйтесь в суд, — сказал он коротко.

На мгновение повисла тяжелая тишина. Однако Роско был слишком рад, чтобы долго переживать из-за нарушений профессиональной этики.

— Ладно, пустяки, — сказал он, вспомнив, что счет уже оплачен. — Где он?

— В сейфе.

— Давайте.

— Разумеется, — сказал Пилбем. — Как только вы дадите мне чек на две тысячи фунтов.

Роско зашатался.

— Что?!

— Купите слуховой аппарат. Я сказал, две тысячи фунтов.

— Но я вам заплатил.

— А теперь заплатите снова.

— Но вы обещали все сделать за тысячу.

— А вы обещали, — холодно сказал Пилбем, — что там будут только Кеггс и больной бульдог. Больной бульдог, нет, вы подумайте! Дом кишмя кишел человекоподобными гиппопотамами и людьми с лопатами, все они хотели раздеть меня и вымазать черной краской. Естественно, наше первоначальное соглашение, предусматривавшее, что дом будет пуст, утратило силу. Две тысячи долларов — возмещение за моральный и интеллектуальный ущерб. Я их получу.

— Вы так считаете?

— Я в этом уверен.

— Ах, уверены?

— Да, уверен.

— Я не дам ни цента, — сказал Роско.

Пилбем, который на время разговора перестал накручивать усы, снова взял ручку и задумчиво принялся завивать в колечко их западную оконечность. Он глядел на Роско укоризненно, как человек, чья вера в изначальную доброту человеческой природы поколеблена.

— Значит, теперь, когда я избавил вас от необходимости платить Кеггсу сто тысяч долларов, — сказал он, — вы отказываете мне в жалких двух тысячах фунтов?

— Верно, — сказал Роско.

Пилбем вздохнул, окончательно разочарованный в людях.

— Ну, это как вам угодно, — сказал он твердо. — Уверен, Кеггс не сочтет эту сумму чрезмерной.

Комната поплыла перед глазами Роско. Ему казалось, что он смотрит сквозь мерцающую дымку, скрадывающую очертания собеседника и

делающую его почти невидимым. И хотя всякий сказал бы ему, что такой способ созерцать Перси Пилбема — самый приятный, его это не утешало.

— Вы не сделаете этого!

— Кто вам сказал?

— Отдадите конверт Кеггсу?

— *Продам,* — поправил Пилбем. — Я уверен, мы с ним столкуемся. Он показался мне человеком рассудительным.

— Это шантаж!

— Знаю. Уголовное преступление. Вот телефон, если хотите позвонить в полицию.

— Кеггс так и сделает. Он отправит вас в тюрьму.

— И лишится ста тысяч фунтов? Никуда он меня не отправит. Он расстелит передо мной красную дорожку.

Роско нечего было ответить. Он понял, что столкнулся с мощным интеллектом, перед которым бессилен, как новорожденный ребенок. Похоже, ничего не оставалось, как достойно принять поражение.

Внезапно его осенила целительная мысль. Чек можно приостановить.

— Ладно, — сказал он, — ваша взяла. — Он вытащил свою постоянную спутницу — чековую книжку. — Можно воспользоваться вашей ручкой?

Пилбем вынул ручку из шевелюры, куда запустил ее минуту назад.

— Вот. А теперь, — сказал он, получая чек, — я попрошу вас дойти со мною до банка, где мне дадут по нему деньги. Две тысячи фунтов без вашего одобрения не выложат. Когда мы вернемся, я отдам вам конверт, и все будут довольны.

Преувеличением будет сказать, что назад Роско ехал в приподнятом состоянии духа, однако к тому времени, как он повернул руль у ворот Шипли-холла, горькая чаша, ставшая столь привычной для его губ, показалась не такой и горькой. Разумеется, утрата двух тысяч фунтов никого порадовать не может, зато как-никак соглашение Бэньян-Кеггс стало кучкой пепла в мусорной корзине Перси Пилбема. Счет несомненно в его пользу. Он предпочел бы не тратиться так сильно на мелкую рыбешку, но одно было очевидно: он вытащил кита.

Роско остановил ягуар у парадной двери и вошел в дом. Его ждал Скидмор.

— К вам мистер и миссис Билсон, — сказал дворецкий.

С самого своего пробуждения этим утром Мортимер Байлисс чувствовал себя подавленным и раздраженным. Вчера, воткнув лопату на место, он несколько раз копнул клумбу, а сегодня у него разломило поясницу, отчего жизнь мгновенно сделалась не мила. Вновь ему напомнили, что он не так молод, как бывало, а ему хотелось по-прежнему видеть себя ладным юношей.

Когда он стоял в галерее, смотрел на творение зрелого Сидни Биффена, в голове его внезапно всплыли печальные строки Уолтера Севиджа Лэндора:

У жизни грелся, как у очага;
Он угасает — я готов к уходу.

И вдруг он понял, что не вынесет еще дня в обществе Роско Бэньяна.

Дела, связанные с Бэньяновским собранием живописи, привели Мортимера Байлисса в Шипли, теперь дела закончены и ничто не заставляет его делить кров с человеком, которого он недолюбливал мальчиком и еще сильнее не любит теперь, когда излишне терпимый мир позволил ему дожить до тридцати одного. Все в Роско оскорбляло престарелого хранителя: его лицо, его двойной подбородок, его речь и манера разделываться с невестами и экс-дворецкими при помощи частных сыщиков.

Потому что теперь, когда нашлось время подумать, Мортимеру Байлиссу стало ясно: за вчерашним вторжением в Лесной Замок кроется Роско Бэньян. Сперва его озадачило, зачем усатому мародеру рыться в гостиной у Кеггса, если, конечно, он не любитель аквариумных рыбок и «дружной семейки». Однако все встает на свои места, стоит предположить, что он подослан Роско Бэньяном с целью похитить контракт.

Роско, чувствовал Мортимер, человек, в чьем присутствии порядочному искусствоведу невозможно больше дышать, поэтому он взялся за звонок, намереваясь позвать Скидмора и немедленно приступить к сборам, но тот как раз появился сам.

— Простите, сэр, — сказал Скидмор. — Вы примете мистера Кеггса?

Сморщенное лицо Мортимера Байлисса на мгновение зажглось интересом. Огастес Кеггс — один из тех немногих, чье общество он был способен сейчас выносить. Им много что следовало обсудить.

— Он здесь?

— Он приехал на своей машине час назад, сэр, с леди и джентльменом.

— Тогда пришлите его сюда. И уложите вещи.
— Сэр?
— Мои вещи, дубина.
— Вы уезжаете из Шипли-холла, сэр?
— Да. Он ужасает, я готов к уходу.
Вошел Кеггс с котелком в руках, и вид его физиономии сразил Мортимера Байлисса наповал. Страдание любит общество; он уже предвкушал беседу с недужным другом и взаимные жалобы. Кеггс разочаровал его совершенно — он так и лучился здоровьем, можно сказать, цвел.
— Похоже, вы оправились после вчерашнего, — сказал Мортимер Байлисс. — Я-то думал, у вас будет болеть голова.
— О нет, сэр.
— Неужели не болит?
— Не болит, сэр, спасибо. Я прекрасно себя чувствую.
— Жалко. Ух!
— Вам нездоровится, сэр?
— Спину разломило. Радикулит.
— Неприятно.
— Еще как. Но не обращайте внимания. Кому какое дело до бедного старого Мортимера Байлисса. Если бы горилла-убийца медленно отрывала мне руки-ноги и двое моих знакомых случились рядом, один сказал бы: «Знаешь, горилла отрывает Мортимеру Байлиссу руки-ноги», а тот бы ответил: «Ты совершенно прав», и оба пошли обедать. Так что вас привело, Кеггс? Вчерашние события?
— Да, мое посещение связано с ними, сэр.
— Полагаю, вы очнулись от обморока, обнаружили пропажу конверта и поняли, что красавчик свистнул его по поручению Роско Бэньяна?
— Мгновенно, сэр.
— И теперь пришли воззвать к его совести, чтобы он уделил вам хоть немного от своих щедрот? Безнадежно, Кеггс, безнадежно. Совесть на заставит Роско расстаться и с никелем.
— Я это предвидел, сэр. В мои намерения не входило взывать к лучшим чувствам мистера Бэньяна. Я сопровождал сестру и ее мужа, они сейчас с мистером Бэньяном в курительной. Лорд Аффенхем посоветовал привезти их сюда. Они — родители молодой женщины, с которой мистер Бэньян был до недавнего времени помолвлен. Моей племянницы Эммы.
— И что они, по-вашему, сделают?
— Его милость уверен, что визит возымеет желаемое действие.

Глаз за черным роговым моноклем принял доброе, почти нежное выражение. Мортимер Байлисс тихо жалел человека, явно утратившего всякую связь с реальностью.

— Кеггс, — произнес он с той просительной ноткой, которая появляется в голосе, когда мы урезониваем дурачка, — подонок, который выкрал у вас контракт, выкрал и письма, в которых Роско обещал жениться. Ни вам, ни девушке ничего сделать не удастся.

Кеггс покачал головой. Сделай он это до визита к розендейл-родскому кудеснику, она бы раскололась надвое и выстрелила в потолок.

— Его милость думает иначе. Он считает, что Уилберфорс…

— Кто?

— Мой шурин, сэр. Его милость считает, что Уилберфорс доходчиво объяснит мистеру Бэньяну, что его долг — загладить свою вину перед Эммой. И он не ошибся. Когда я уходил минуту назад, мистер Бэньян склонялся к мысли о немедленном бракосочетании.

Читатель уже знает, как непросто поколебать монокль в глазу Мортимера Байлисса, но при этих словах стеклышко вылетело и закачалось на веревочке, словно разыгравшийся по весне ягненок.

— Склонялся к мысли о немедленном бракосочетании? Он женится?

— По специальному разрешению.

— Хотя и получил назад письма?

— Все так, сэр.

Мортимер Байлисс подтянул веревочку и вставил монокль на место. Сделал он это почти рефлекторно, поскольку был ошарашен.

— Похоже, ваш шурин очень красноречив, — сказал он. Кеггс улыбнулся.

— Я бы так не сказал, сэр. Он почти не открывает рта. За обоих говорит моя сестра Флосси. Просто Уилберфорс был когда-то профессиональным боксером-тяжеловесом.

Тьму, окружавшую Мортимера Байлисса, прорезал луч понимания.

— На ринге он выступал под именем Боевой Билсон. Сейчас он немного постарел, но крепости не утратил. Он держит пивную в Шордиче; ближе к закрытию его посетители, как это свойственно представителям ист-эндского рабочего класса, начинают буянить. Сестра говорит, Уилберфорсу ничего не стоит кулаками утихомирить пяток, а то и больше торговцев рыбой или матросов, и не было случая, чтобы он с ними не справился. Насколько я понял, левый хук у него все тот же, что в молодости. Уверен, на мистера Бэньяна подействовал один его вид.

— Здоровенный, да?

— Еще какой, сэр. Если вы простите мне такое выражение, у него внешность громилы.

На Мортимера Байлисса снизошла тихая радость. Много лет, говорил он себе, Роско Бэньян напрашивался на что-то подобное, и вот, наконец, получил.

— Так свадебные колокола зазвонят?

— Да, сэр.

— Когда?

— Немедленно, сэр.

— Что ж, замечательно. Поздравляю.

— Спасибо, сэр. Сам я никогда не любил мистера Бэньяна, но приятно знать, что будущее моей племянницы обеспечено.

— Сколько, по-вашему, у Роско? Миллионов двадцать?

— Думаю, около того, сэр.

— Хорошие деньги.

— Очень хорошие, сэр. Эмме приятно будет ими распоряжаться. И еще одно.

— Что же?

— Я составил новый контракт вместо похищенного из моей квартиры. Когда я выходил из комнаты, Флосси как раз собиралась обсудить его с мистером Бэньяном и к настоящему времени, уверен, сумела преодолеть его нежелание. Быть, может, вы соблаговолите пройти в курительную и засвидетельствовать, как в первый раз? Возможно, — добавил Кеггс, упреждая очевидный вопрос, — вы думаете, что контракт теряет смысл, поскольку мистер Бэньян женится и автоматически выходит из тонтины. Однако у меня есть предложение, которое, надеюсь, удовлетворит обе заинтересованные стороны.

— Вот как?

— Да, сэр. Почему бы мистеру Бэньяну и мистеру Холлистеру не поделить выигрыш в тонтине пополам, независимо от того, кто женится первым?

Мортимер Байлисс повел себя, как звездочет, на чьем небосводе внезапно явилась новая планета. Он вздрогнул и еще минуту просидел в молчании, смакуя услышанное.

— Мне такое в голову не пришло, — сказал он.

— Насколько я понимаю, мистер Бэньян вынужден будет согласиться. Как бы ни стремился мистер Холлистер к скорейшему браку, он едва ли откажется повременить несколько дней до свадьбы мистера Бэньяна. На это можно указать мистеру Роско.

— Я сам и укажу.

— Оба джентльмена могут без труда заключить контракт.

— Запросто.

— И оба найдут его одинаково выгодным. Такой план представляется мне безупречным, сэр. Похоже, он разрешает все затруднения.

— Конечно! Вы сказали, ваши близкие в гостиной?

— Да, сэр.

— Так идемте к ним! Мне не терпится увидеть вашего шурина, который одним своим видом загипнотизировал нашего мистера Бэньяна. Господи!

— Сэр?

— Я только что подумал. Раз он женится на вашей племяннице, ему придется всю жизнь называть вас дядя Джо или как там?

— Дядя Гасси, сэр.

Мортимер Байлисс восторженно вскинул руки. От резкого движения что-то хрустнуло в пояснице, но он не обратил внимания.

— Всех-то дней, — воскликнул он, — этот день веселее! Я верю в фей! Верю!

26

Есть в Лондоне клубы, где разговор трещит, словно хворост под котелком, где принято швырять кусками сахара в друзей, и другие, более спокойные, где царит тишина, где посетители устраиваются в креслах, закрывают глаза и предоставляют остальное Природе. К числу таких принадлежал и клуб лорда Аффенхема. Тем вечером в его курительной присутствовали помимо его милости и Мортимера Байлисса с десяток живых трупов: все они ровно дышали, смежив веки, и не обращали внимания на окружающий мир. Заезжему путешественнику они бы непременно напомнили дремлющих на скалах тюленей или угревшихся крокодилов в теплом тропическом болоте.

У лорда Аффенхема и его гостя глаза были еще открыты, но немного слипались, и оба они чувствовали потребность в отдыхе. Пожилым джентльменам утомительно присутствовать на свадьбе, целовать невесту и стоя махать машине, которая увозит молодых в путешествие. Оба заметно сникли, как и гардении в их петлицах.

У лорда Аффенхема к усталости телесной прибавлялось полное смятение ума. Нынешнее счастье совершенно ошеломило его и сбило с

толку. Он примерно понимал, что на молодого Фреда Холлоуэя, подцепившего его племянницу Джейн, свалились полмиллиона долларов, и это, разумеется, хорошо: Джейн заверила, что ему, лорду Аффенхему, достанется своя доля упавших с небес пенни; но как именно эти приятные вещи случились, он уразуметь не мог. Весь день он ломал голову, пытаясь вникнуть в объяснения Джейн, Билла, Кеггса и Мортимера Байлисса, так что к этому часу окончательно осоловел.

Поэтому он вполуха слушал замечания своего спутника, который был по обыкновению говорлив, хотя тоже испытывал некоторую усталость.

— Свадьбы, — говорил Мортимер Байлисс, задумчиво потягивая сигару, — всегда повышают мне настроение. Почему бы это, Байлисс? Сейчас объясню. Они дарят мне тихую радость, сродни той, которую путешественник в джунглях испытывает, видя, как боа-констриктор глотает не его, а другого. Взгляну на жениха, скажу себе: «Ну вот, попался, а ведь ты цел, старина», и сразу сердце займется, как будто я заметил радугу на небе. Вы не спите?

— М-м-м, — сказал лорд Аффенхем.

— Учтите, я прекрасно знаю, что есть чудаки, которым женитьба по душе. Тот же Холлистер, похоже, ничуть не испугался, когда за ним захлопнулась ловушка. Он упивался своим несчастьем. Однако я уже говорил вам, что смотрю на священные узы самым мрачным образом. В молодости мне иногда снилось, что я женюсь, и я просыпался в холодном поту. Но с каждым годом опасность убывает, и сейчас душа моя почти спокойна. Я гляжу на себя в зеркало и говорю: «Мужайся! С таким лицом тебе ничего не грозит, Мортимер». На редкость успокоительная мысль. Вы еще не спите?

Лорд Аффенхем не ответил. Он ровно дышал.

— Дело в том, что, если вы не спите, я бы попросил вас рассудить мой мысленный спор. Билл Холлистер. Согласны ли вы, что это достойный молодой человек с высокими моральными принципами, а не… короче, не такой, чтобы, как почти любой из нас, намертво вцепиться в чужие деньги?

Лорд Аффенхем дышал ровно.

— На меня он всегда производил именно такое впечатление, вот почему я счел нецелесообразным посвящать его в истинное положение дел с моей брачной тонтиной — а именно, что его отец в ней не участвовал. Вы изумили меня, Байлисс, продолжайте. Я это и делаю. Как я говорил Роско в самом начале, один из гостей Дж. Дж. Бэньяна на следующее утро передумал. Это был отец Билла. Он сказал, что все это — чушь, и делать ему больше нечего, как отдавать пятьдесят тысяч долларов на какую-то

дурость. Другими словами, чтобы стало ясно даже последнему тупице — я о вас, мой дорогой Аффенхем, — Роско выплатил полмиллиона за здорово живешь, не считая ста тысяч Кеггсу, двадцати тысяч Стэнхоупу Твайну и еще, полагаю, кругленькой суммы прыщавому воришке. Лучшего, разумеется, трудно и желать, ибо, как я на днях говорил, это сделает его духовнее, а вот кому лишняя духовность не помешает. Однако, боюсь, Билл Холлистер, если я правильно его понимаю, рассудил бы иначе. Я почти уверен, что он, узнав правду, ринулся бы возвращать деньги, из чего заключаю, что говорить ему не следует. Нет, пусть остается в неведении. Я закончил. Что вы сказали?

Лорд Аффенхем ничего не говорил. Он тихо похрапывал и не слышал ни слова из блестящей речи.

Вот и хорошо, подумал Мортимер Байлисс, вот и хорошо. Такую великую тайну следует по возможности хранить в одной груди. Виконты иногда пробалтываются, особенно когда подопьют. Мортимер Байлисс ни разу не видел лорда Аффенхема навеселе, но такое может случиться и тогда прощай, тайна.

Замкнутые губы, подумал Мортимер Байлисс, замкнутые губы. Нет ничего надежнее замкнутых губ.

Он отложил сигару, откинулся в кресле и закрыл глаза. Вскоре его ровное дыхание слилось с ровным дыханием лорда Аффенхема и других угревшихся на солнце аллигаторов в курительной клуба «Мавзолей».

Он заснул — добрый человек, отдыхающий после трудного дня.

Примечания

Здесь собраны романы разных лет, с 1917 по 1957-й. Обычно считается, что Вудхауз (1881–1975) стал Вудхаузом в 1915-16 годах, когда появились первый Дживс и первый Эмсворт. Действительно, именно тогда он стал явственно отличаться от милых и неразличимых юмористов своего времени. Публика (видимо, в ней есть какая-то чуткость) это заметила. Перелом в его литературной судьбе произошел тогда, когда журнал «Сатэрди Ивнинг Пост» стал печатать его роман «Что-нибудь этакое» (1916). Следующим шел роман «Неудобные деньги», а за ним «Джиме Пиккадилли» (1917). В своих воспоминаниях, названных «Дрессированная блоха», Вудхауз пишет, что именно тогда «все внезапно изменилось и началось тысячелетнее царство […] так что я мог иногда позволить мясное блюдо — не только себе, но и жене, и котенку, и бульдогу».

Четвертой, в том же «Сатэрди Ивнинг Пост», шла «Дева в беде» и ее приняли «на ура». Среди ранних его романов — много очень хороших («Неудобные деньги», «Неуемная Джил», «Стремительный Сэм», «Билл Завоеватель»), но «Дева в беде» имела самый большой успех. Вскоре Джордж Гершвин (1898–1937) написал по ней мюзикл. В 1937 г. поставили фильм, Джорджа играл Фред Астер. Здесь в конце 20-х годов вышел сокращенный и слабый русский перевод под названием «Капризы мисс Мод».

Роман о ветчине написан перед самым началом бед — войны, плена, травли. Но не думайте, что следующие книги хоть чем-то печальнее; в немецком лагере и в Париже, под домашним арестом, Вудхауз писал «Полную луну» и «Дядю Динамита».

Заметим, что в этом романе есть персонаж, который, начиная с конца 30-х, часто у него появляется — веселая, добрая женщина лет сорока. То это блестящая леди, то неуклюжая американка — но остается главное, они похожи особым духом удали и уюта.

Кроме того, роман связан с его школьными годами, которые он, в отличие от многих писателей, вспоминал очень хорошо. Учился он в старинной Далиджской школе, там и жил, и часто ходил в Далиджскую картинную галерею, где есть портрет Сары Сиддонс.

Роман о широкозадом виконте написан в Америке. Раньше, еще во Франции, Вудхауз решил изобразить своего приятеля по лагерю — его фигуру, характер, любимую поговорку — и написал роман «Деньги в

банке» (1947). Он — хуже этого, там — другая племянница, а об этой нет и речи. Однако мы собираемся перевести его и опубликовать. Заметим, что заглавие — истинный подарок переводчику: «банк» и «берег» — по-английски, «банк» и «банка» — по-русски.

---

notes

Примечания

1

Элмер Форд, Неста, Огден — герои романа «Сокровище ты наше!» (1913), где Огдена похищают из английской школы.

2

«Чеширский сыр» — речь идет о кабачке «Старый чеширский сыр», расположенном на Флит-стрит, где бывали д-р Джонсон (1709–1784), Г. К. Честертон (1874–1936) и многие другие писатели. Кресло д-ра Джонсона и сейчас стоит там на особой подставке.

3

Шуми ярость — слова из монолога Макбета (действие V).

4

Саймон Легри — жестокий плантатор из романа Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома» (1852).

5

Дева в беде — традиционный образ рыцарского романа.

6

Неистовый Роланд — герой одноименной поэмы Лодовико Ариосто (1474–1553).

7

Святой Грааль — священная чаша, играющая большую роль в романах так называемого Бретонского цикла. По преданию, именно ею пользовался Христос на Тайной вечере, а позже Иосиф Аримафейский собрал в нее Его кровь.

8

«И побрел старый Перси…» — перифраза строки из стихотворения Томаса Гуда (1799–1845) «Сны Юджина Арама». В оригинале, конечно, не «старый Перси», а «Юджин Арам» — реальный человек, учитель провинциальной школы, который в 1745 г. убил своего друга. Четырнадцать лет ему удавалось скрывать преступление, потом он был казнен.

9

«Перед дружиной Бен-Адем…» — строки из поэмы Ли Ханта (1784–1859).

10

«Но стены из камня — еще не тюрьма» — строки из стихотворения Ричарда Лавлейса (1618–1658) «К Алтее».

11

Моисей на горе Нево. — См.: Втор. 32, 49.

12

Сэр Питер Лели (1718–1780) — английский портретист, по рождению голландец (настоящая фамилия — ван дер Файс).

13

«Мод», как и «Марианна», — поэмы Альфреда Теннисона (1809–1892).

14

Ирод. — См. Мтф. 2, 16.

15

Макиавелли Николо (1469–1527) — итальянский мыслитель и политический деятель, рекомендовавший правителям не ограничивать себя в выборе каких бы то ни было средств.

16

Все, все вместе (букв. — «весь ансамбль», *франц.)*.

17

Давид к Ионафану… — См.: 1 Цар. 18, 1–4.

18

Война Алой и Белой розы. — война между Ланкастерами и Йорками, потомками Эдуарда **III** (правил 1327–1372), претендовавшими на английский престол. Длилась с 1455 по 1485 г.

19

Та-ра-ра-бум-би-я. — Именно так звучат эти строки и по-английски (ta-ra-ra-boom-de-ya), хотя тем, кто слышал что-то похожее по-русски, кажется, что это, скорее всего, одесская песенка,

20

«Бог на небе…» — строки из поэмы Роберта Браунинга (1812–1886) «Проходит Пиппа» (1841).

21

Миллард Филмор (1800–1874) — президент США с 1850 по 1853 г.

22

Карнеги Эндрью (1835–1919) — американский «стальной король».

23

Седрах, Мисах и Авденаго. — См.: Дан. 3, 12–30.

24

Дуглас Фэрбенкс (1883–1939) — американский киноактер.

25

Эмили Пост (1892–1960) — американская писательница, автор книги «Этикет» (1922).

26

Сара Сиддонс (1775–1831) — английская актриса.

27

Джошуа Рейнольдс (1723–1792) — английский художник.

28

Наша фамилия — Троттер. — Напомним, что «Холбтон» — не фамилия, а титул, имя рода (в данном случае — баронского).

29

Откровение — речь идет об «Откровении Иоанна Богослова», то есть Апокалипсисе.

30

Владения людей… — Вудхауз изображает знаменитый магазин «Фортнем & Мэйсон».

31

Огонь поядающий. — См. Библия, Евр., 12:29, и соответствующие места Ветхого Завета.

32

О, берегись! Глаза его блестят… — Строка из поэмы английского поэта-романтика Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772–1834) «Кубла хан, или Видение во сне».

33

«Путь паломника» — аллегория английского писателя Джона Беньяна (1628–1688).

34

Аполлион. — См. Библия, Откр., 9:11. Здесь имеется в виду персонаж «Пути паломника».

35

Чешуекрылых

36

Марианна. — См. одноименную поэму английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892). Образ Марианны, томящейся на мызе, окруженной рвом, восходит к IV действию шекспировской «Меры за меру».

37

…жрецов Ваала, втыкающих в себя ножи. — Библия, 3 Цар., 18:28.

38

Фея Карабос — злая фея из сказки Шарля Перро (1628–1703) «Спящая красавица».

39

Коро, Жан-Батист Камил (1796–1875) — французский художник.

40

Барбизонцы — группа французских живописцев-пейзажистов, работавших в д. Барбизон близ Парижа в 30-60-е годы XIX века.

41

Промах *(франц.)*.

42

Сердце в горах. — Слова из стихотворения Роберта Берн-са (1759–1796) «В горах мое сердце».

43

Кларк Гейбл (1901–1960), *Уоллес Бири* (1885–1949), *Эдвард Робинсон* (1893–1973) — американские киноактеры.

44

Макси Розенблум (1903–1976) — второстепенный комедийный актер, бывший в начале 30-х годов чемпионом по боксу в легком весе.

45

Макс и Мориц — герои коммиксов Вильгельма Буша (1832–1908), вышедших в 1865 году.

46

Адольф Менжу (1890–1963), *Лайонел Барримор* (1878–1954) — американские киноактеры.

47

Кто ребенка утешает, приголубит, приласкает? Все она, родная, мама дорогая… — строки из стихов английской поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824).

48

Дан— историки называют так датчан, занимавших часть Англии в IX веке.

49

…*подпрыгнули, словно агнцы.* — «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы». (Библия, Па, 63:4).

50

Не видя одуванчиков… — Джос вплетает во фразы кусочки «Оды соловью» Джона Китса (1795–1821).

51

Источник Ипокрены — священный ручей на вершине Геликона, из которого музы черпали вдохновение.

52

…с *другой небезызвестной леди.* — Вероятно, Вудхауз имеет в виду леди Макбет, хотя у той никакого ножа не было.

53

Креозот — она хотела сказать Крез.

54

На глиняных ногах — Библия, Дан., 2:33 (там — «ноги его частью железные, частью глиняные», но все запомнили только «глиняные»).

55

Надеясь против всякой надежды… — См. Библия, Рим., 4:18. (В синодальном переводе: «Он, сверх надежды, поверил с надеждою…»)

56

…на Артура, беседующего с Гиневерой… — речь идет о том эпизоде из легенд о короле Артуре, когда он застал свою жену с рыцарем Ланселотом. Несомненно, Вудхауз имеет в виду то, как это рассказано в поэме А. Теннисона «Королевские идиллии».

57

«Старик-река» — ария из мюзикла Оскара Хаммерштей-на (1895–1960) «Плавучий театр» по одноименному роману Эдны Фербер (1887–1968).

58

Предваряя комментарий, сообщим для русского читателя, что это хрестоматийные стихи Вальтера Скотта.

59

Джейкоб Эпштейн (Эпстайн) (1880–1959) — англоамериканский скульптор.

60

…Марий в Карфагене… — Точнее было бы «на развалинах Карфагена». Речь идет о римском консуле и полководце Гае Марии (ок. 157—86 г. до н. э.).

61

Каталина (Санта-Каталина, то есть Святая Екатерина) — остров у берегов Калифорнии.

62

Стоун — четырнадцать английских фунтов (453,6 г), то есть около 7 кг.

63

Положение обязывает *(фр.)*.

64

Счет *(фр.)*.

65

Икра, консоме (очень крепкий бульон) с помидорами, паштет из гусиной печени в шампанском, сладкое мясо по-тулузски, запеченное в тесте и дья-болитен (вид шоколадных конфет).